
Ассоциация японоведов

Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России

Институт востоковедения РАН

История Японии

*Под редакцией
профессора Д. В. Стрельцова*

2-е издание, исправленное и дополненное

*Рекомендовано Федеральным учебно-методическим объединением
по укрупненной группе направлений подготовки 41.00.00
«Политические науки и регионоведение» в качестве учебника
для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по направлениям подготовки (специальностям)
«Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение»*

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва

2018

УДК 327
ББК 66.4
И86

Издание подготовлено при финансовой поддержке

**Японского фонда
и Международного фонда Шодиева**

Рецензенты

д-р полит. наук, проф. *А. Н. Панов*,

д-р ист. наук, проф. *В. Г. Дацышен*

Авторский коллектив

канд. ист. наук *Н. Ф. Лещенко* — гл. 3, хронологические таблицы
(эпоха Токугава);

д-р ист. наук, проф. *А. Н. Мещеряков* — введение (совместно
с Д. В. Стрельцовым), гл. 1 (совместно с С. А. Родиным), гл. 4;

канд. ист. наук *С. А. Полхов* — гл. 2, хронологические таблицы
(кроме периодов Хэйан и Токугава);

канд. ист. наук *С. А. Родин* — гл. 1 (совместно с А. Н. Мещеряковым),
хронологические таблицы (эпоха Хэйан);

д-р ист. наук, проф. *Д. В. Стрельцов* — гл. 6, введение
(совместно с А. Н. Мещеряковым);

канд. ист. наук *Я. А. Шулатов* — гл. 5

Рекомендуемые ресурсы сети Интернет и дополнительная
литература к курсу — *С. А. Полхов, Я. А. Шулатов*

История Японии: Учебник для студентов вузов / Под ред. Д. В. Стрель-
цова. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. —
592 с.

ISBN 978–5–7567–0932–2

Авторами даны наиболее значимые характеристики основных этапов
исторического развития Японии, начиная с древности и завершая перио-
дом середины 2010-х годов, выделены основные события и показана роль
отдельных исторических деятелей на каждом из этих этапов.

Первое издание учебника вышло в свет в 2015 г.

Для студентов бакалавриата и магистратуры по специальностям
«Зарубежное регионоведение», «Востоковедение» и «Международные
отношения», аспирантов.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978–5–7567–0932–2

© Коллектив авторов, 2018
© Ассоциация японоведов, 2018
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2018

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	8
Глава 1. ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ	13
1. Доисторическая Япония	13
1.1. Палеолит	14
1.2. Дзёмон (японский неолит)	15
1.3. Яёй (бронзово-железный век)	17
1.4. Роль переселенцев в формировании культуры Яёй	20
2. Формирование японской государственности	22
2.1. Курганный период (Кофун)	23
2.2. Государство Ямато	24
2.3. Период Асука	27
3. Периоды Нара и Хэйан. От «государства, основанного на законах» к «придворному государству»	32
3.1. Государственное устройство в период Нара	33
3.2. Социальное устройство в период Нара	37
3.3. Политическая история периода Нара	42
3.4. Краткая характеристика периода Хэйан (794–1185)	48
3.5. Государственное устройство в период Хэйан	50
3.6. Особенности социальной структуры в период Хэйан	52
3.7. Политическая история периода Хэйан	61
3.8. Государственная политика в начале периода Хэйан	62
3.9. Военные кампании XI века	74
3.10. Период «правления из молельни»	78
3.11. Приход к власти военных домов	82
Глава 2. ЯПОНИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	91
1. Период сёгуната Камакура (1185–1333)	91
1.1. Война Тайра и Минамото	92
1.2. Политическая система эпохи Камакура	93
1.3. Система вассалитета	96
1.4. Административная структура Камакурского сёгуната ...	99
1.5. Борьба за власть после смерти Минамото-но Ёритомо	101
1.6. Монгольские нашествия	105
1.7. Падение Камакурского сёгуната	108
1.8. Социально-экономические отношения в эпоху Камакура	110
1.9. Религиозная жизнь	114
1.10. Культура периода Камакура	116

2. Эпоха Муромати (1333–1467)	117
2.1. «Реставрация» Годайго	118
2.2. Южный и Северный дворы: основные этапы противостояния	121
2.3. Военно-политическая структура бакуфу	122
2.4. Правление Асикага Ёсимицу (1367–1408)	127
2.5. Международные связи Японии в XIV–XV вв.	129
2.6. От Асикага Ёсимоти к Асикага Ёсимаса	131
2.7. Восстания токусэй икки	134
2.8. Социально-экономическое развитие Японии в период Муромати	136
2.9. Культура эпохи Муромати	140
3. Эпоха «воюющих провинций» (1467–1573)	142
3.1. Смута годов Онин-Буммэй	143
3.2. Бакуфу в период «воюющих провинций»	145
3.3. Возвышение сэнгоку даймё	147
3.4. Икко-икки	149
3.5. Восточная Япония в период «воюющих провинций»	150
3.6. Дом Мори: путь к господству в Западной Японии	153
3.7. Кюсю и Сикоку в период «воюющих провинций»	155
3.8. Вассальные связи в уделах сэнгоку даймё	157
3.9. Сэнгоку даймё как «государь» удела	162
3.10. Развитие экономики. Рост городов	166
3.11. Крестьянские общины периода Сэнгоку	170
3.12. Связи с внешним миром	172
3.13. Культура периода Сэнгоку	174
4. Эпоха Адзуты-Момояма (1573–1603)	176
4.1. Начало объединения Японии: первые победы Ода Нобунага	176
4.2. Внутренняя политика Ода Нобунага	178
4.3. Крах нового враждебного Нобунага союза. Мятеж Акэти Мицухидэ	181
4.4. Завершение объединения Японии Тоётоми Хидэёси	182
4.5. Мероприятия по учету земель Японии (тайко кэнти)	186
4.6. «Отделение крестьян от воинов»	188
4.7. Ужесточение контроля над военным дворянством	190
4.8. Экономическое развитие Японии при Хидэёси	192
4.9. Поход в Корею и смерть Хидэёси	193
4.10. Культура эпохи Адзуты-Момояма	196
Глава 3. ЯПОНИЯ В ЭПОХУ ТОКУГАВА (1603–1867)	200
1. XVII век в истории Японии	201
1.1. Токугава Иэасу	201
1.2. Война как политика	202

1.3.	Образование третьего сёгуната	204
1.4.	Формирование системы власти Токугава	207
1.5.	Последние годы жизни Иэясу	211
2.	Политико-административная система сёгуната.	
	Формирование системы власти	214
2.1.	Порядок наследования титула сёгуна	214
2.2.	Социально-политическая система	218
2.3.	Структура бакуфу	221
3.	XVIII век. Время перемен	225
3.1.	Развитие городов	226
3.2.	Купечество эпохи Токугава	230
3.3.	Восьмой сёгун Ёсимунэ — сёгун-реформатор	234
4.	Система образования и воспитания	238
4.1.	Появление правительственных и княжеских школ	238
4.2.	Прихрамовые школы тэракоя	242
5.	Япония и внешний мир	245
5.1.	Переход к политике изоляции	245
5.2.	Европейцы в токугавской Японии	251
5.3.	Голландцы — первые информаторы европейских научных знаний	253
5.4.	На пути к «открытию» Японии	260
6.	Закат эпохи Токугава	270
Глава 4.	ЯПОНИЯ В ПЕРИОД МЭЙДЗИ (1868–1905):	
	ОТ НАЧАЛА РЕФОРМ ДО РУССКО-ЯПОНСКОЙ	
	ВОЙНЫ	286
1.	Переход власти от сёгуна к императору	288
1.1.	Гражданская война	288
1.2.	Национальные символы и образ императора Мэйдзи	297
2.	Становление новой власти	302
2.1.	Реформа социальной структуры	302
2.2.	Создание аппарата управления	306
2.3.	Определение границ Японии	308
3.	Основные реформы	312
3.1.	Стратегические и тактические цели реформ	312
3.2.	Образовательная реформа	316
3.3.	Военная реформа	319
3.4.	Реформа внешности и поведения	320
3.5.	Недовольство реформами и самурайские восстания	323
3.6.	Принятие конституции и создание парламента	328
3.7.	Экономические реформы	334

4. Идеология	341
4.1. Воспитание японского духа	341
4.2. Поиски национальной идентичности	350
5. Японо-китайская и японо-русская войны	354
5.1. Японо-китайская война	354
5.2. Война между Японией и Россией	360
Глава 5. ЯПОНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (1905–1945)	368
1. Япония во второй половине 1900-х — 1920-е годы	368
1.1. Внешняя политика «великой державы» (1905–1918)	368
1.2. Особенности внутриполитического развития (1905–1918)	377
1.3. Экономическое развитие Японии (2-я половина 1900-х — 1920-е годы)	384
1.4. Япония в системе международных отношений после Первой мировой войны	391
1.5. «Демократия Тайсё»: «партийные» и «надпартийные» кабинеты (1918–1932)	405
1.6. Японское общество (2-я половина 1900-х — 1920-е годы)	412
1.7. Великая депрессия и ее последствия для Японии	425
2. Япония в 1930-е годы: от военных авантур к большой войне	429
2.1. «Маньчжурский инцидент» и его последствия	429
2.2. Кабинеты «национального единства»	432
2.3. Обострение фракционной борьбы в армии и путч 1936 г.	434
2.4. Усиление влияния армии и подготовка к «военному времени»	436
2.5. «Китайский инцидент» — незапланированная большая война	437
2.6. Экономика: от восстановления к военной мобилизации	440
3. Япония накануне и в годы Второй мировой войны	442
3.1. На дипломатическом перекрестке (1939–1941)	442
3.2. Война на Тихом океане и крах империи (1941–1945)	451
3.3. Общество и власть периода «чрезвычайного времени» и «тотальной войны»	463
4. Выводы	468
Глава 6. ЯПОНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	472
1. Период американской военной оккупации (1945–1951)	472
1.1. Экономические и социальные последствия войны	472
1.2. Политическая система и демократические реформы периода оккупации	474

1.3.	«Обратный курс» и его последствия	483
1.4.	Сан-Францисская мирная конференция	485
2.	Период послевоенного восстановления (1951–1960)	487
2.1.	Экономические и политические события	487
2.2.	Внешняя политика	494
3.	Период высоких темпов экономического роста (1960–1973)	499
3.1.	Экономические и социальные процессы	499
3.2.	Политическое развитие	504
3.3.	Внешняя политика	508
4.	Период умеренных темпов экономического роста (1974–1990)	513
4.1.	Экономическое и социальное развитие	513
4.2.	Особенности политических процессов	517
4.3.	Внешняя политика	521
5.	Постбиполярный период (1991 — настоящее время)	525
5.1.	Экономическое развитие	525
5.2.	Перемены в политической жизни	529
5.3.	Внешняя политика Японии после холодной войны	536
Хронология		548
Хронологические таблицы		558
Рекомендуемые ресурсы сети Интернет		579
Дополнительная литература к курсу		581
Сведения об авторах		592

Введение

Вниманию читателя предлагается учебник истории Японии, охватывающий обширный исторический пласт — от глубокой древности до наших дней.

Исторический путь, который прошла Япония, — это длительный, постепенный и достаточно противоречивый процесс, протекавший не в линейной форме, а в виде сложной траектории, с множеством откатов назад и даже возвращений на исходные позиции. Вместе с тем исторический опыт Японии продемонстрировал высокую степень адаптивности страны к изменяющимся внешним и внутренним кризисным ситуациям, ее способность к проведению реформ, в том числе сопряженным с существенным самопожертвованием.

На многих этапах исторического развития ключевыми факторами, определявшими базовый вектор исторического развития, для Японии были внутренние потребности в экономической и социально-политической сфере. Однако на исторических перевалах особое значение приобретал фактор внешнего давления — угрозы иностранного порабощения и даже, как это случилось в XX в., иностранной военной оккупации. Важную роль играл и субъективный фактор, выразившийся в способности политического руководства страны реализовать институциональные политические реформы. Япония нередко приводится как пример успешной модели модернизации, в противовес многим другим странам афро-азиатского мира, где процесс исторической эволюции в направлении модернизации буксовал или приводил к явному типуку в общественном развитии.

В японской и мировой исторической науке существует множество подходов к периодизации истории Японии. В настоящем учебнике на вооружение взят принцип деления на крупные временные эпохи, каждая из которых охватывает по несколько временных периодов: эпоха древности, эпоха Средневековья, эпоха Токугава, эпоха Мэйдзи (период незаконченной буржуазной революции), период олигархического капитализма первой половины XX в. и период демократического развития после Второй мировой войны, завершающийся серединой 2010-х годов.

Эпоха древности (40 тыс. лет назад — 1185 г. н.э.) включает в себя следующие периоды. (Надо иметь в виду, что наряду с ними существу-

ют и более дробные и альтернативные классификации для некоторых периодов.)

1. Палеолит, или древний каменный век (40 тыс. — 13 тыс. лет назад).

2. Период Дзёмон (приблизительно соответствует неолиту). Датруется: 13 тыс. лет до н.э. — III в. до н.э. Назван так по типу керамики с веревочным орнаментом (*дзёмон*). Культура Дзёмон была распространена на всей территории архипелага (от Хоккайдо до Рюкю).

3. Период Яёй (бронзово-железный век). Назван по специфическому типу керамики, впервые обнаруженному в Яёй (район Токио). Основной ареал распространения: север Кюсю, Западная и Центральная Япония. Время появления прапонцев и прапонской культуры.

4. Период Кофун (курганный) — IV—VI вв. Назван по многочисленным погребальным сооружениям курганного типа. В связи со становлением родоплеменного государства Ямато вторая половина этого периода может носить название «период Ямато». В этот период началось распространение письменности и буддизма, сыгравшего в дальнейшем роль общегосударственной идеологии.

5. Период Асука (592—710). Назван по местонахождению резиденций царей Ямато в районе Асука (поблизости от нынешних городов Нара и Киото). Окончательное становление японской государственности. В 646 г. начался длительный период «реформ Тайка», ставивших своей целью превращение Ямато в «цивилизованное» (на китайский манер) государство. Провозглашение государственной собственности на землю, становление надельной системы землепользования.

6. Период Нара (710—794). Назван по местонахождению первой постоянной столицы Японии в Нара. Название страны было изменено на «Японию» («Нихон» — «там, откуда восходит солнце»). Активное строительство государства централизованного типа в соответствии с законодательными сводами, в связи с чем этот период (и начало следующего) часто именуется «*рицурё кокка*» («государство, основанное на законах»). Появление письменных памятников — мифологическо-лепописных сводов «Кодзики» и «Нихон сёки».

7. Период Хэйан (794—1185). Назван по местонахождению новой столицы — Хэйан (букв. «столица мира и спокойствия», совр. Киото; формально оставался столицей, т.е. императорской резиденцией, до 1868 г.). Отмечен тенденциями упадка государственной власти, связанного с утерей государственной монополии на землю, крахом надельной системы и образованием *сёэн* — усадеб, находившихся в частном владении. Возникновение блестящей аристократической культуры,

создание многочисленных прозаических и поэтических произведений. Политическое доминирование рода Фудзивара (поэтому конец этого периода иногда называют «периодом Фудзивара»).

Эпоха Средневековья (1185–1603) охватывает следующие периоды.

1. Период Камакура (1185–1333; Камакурский сёгунат). Назван по расположению ставки военного правителя (сёгуна), первым из которых был Минамото-но Ёритомо. Учреждение нового центра политической власти — *бакуфу* (военного правительства) в рамках политической системы, осью которой оставался императорский двор. Дальнейшее социальное возвышение воинов, развитие вассальных связей в их среде; начало упадка вотчинной системы (*сёэн*). Отражение монгольских нашествий под руководством дома Ходзё, поставившего сёгунов под свой контроль. Возникновение новых буддийских школ.

2. Период Муромати (1333–1573; сёгунат Асикага). Назван по расположению ставки сёгунов из рода Асикага в Муромати (район Киото). Часто в его рамках выделяются два подпериода: Южного и Северного императорских дворов (*Намбокутё*, 1336–1392), соперничавших между собой, и «подпериод воюющих провинций» (*Сэнгоку дзидай*, 1467–1573). Присвоение большей части полномочий императорского двора сёгунатом. Распад системы *сёэн*. После смуты Онин (1467–1477) — политическая децентрализация и междоусобные войны. Создание независимых от сёгуната уделов князей (*сэнгоку даймё*), стремившихся к укреплению вассальных связей и экспансии. Становление самоуправляющихся крестьянских общин. Рост городов и развитие городской светской культуры. Первые контакты с европейцами.

3. Период Адзуты-Момояма (1573–1603), название которому дали замок Ода Нобунага в провинции Оми и место расположения замка Хидэёси в Киото (Момояма). Политическое объединение страны, осуществленное полководцами Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иёясу. Реформы Хидэёси, во многом заложившие фундамент социально-политической системы следующего периода. Провал завоевательных планов Хидэёси.

Эпоха Токугава (1603–1867; сёгунат Токугава), иногда ее называют еще **эпохой Эдо** (современный город Токио) по расположению ставки сёгунов из рода Токугава. Хронологически соответствует периоду Нового времени в мировой истории, но по своему содержанию несколько отличается от принятого в европейской исторической науке классического понимания Нового времени, сочетая в себе феодальную социально-политическую систему и ростки капиталистического уклада в социально-экономической сфере.

Основатель этого сёгуната — Токугава Иэясу — вывел страну из перманентного состояния гражданской войны и объединил ее под своим началом. Изгнание европейцев и запрещение христианства сопровождалось добровольным «закрытием» страны, когда все контакты с внешним миром были сведены к минимуму. Бурный рост городов, развитие городской культуры, экономики, резкое увеличение населения. Тотальная регламентация жизни всех слоев населения окончательно сформировала тип менталитета, который мы называем «японским».

Эпоха Мэйдзи (1868–1905) в учебнике доведена до окончания русско-японской войны и подписания Портсмутского мира в 1905 г., хотя временные рамки периода Мэйдзи — с 1868 по 1911 г. Эпоха Мэйдзи названа так по девизу правления императора Муцухито — «светлое правление». Не в силах противостоять нараставшему военно-политическому давлению западных держав, Япония была вынуждена провести широкомасштабные реформы, имевшие целью создание современного индустриального государства. Реформы, носившие революционный характер, были облечены в идеологическую оболочку возврата к традиционным ценностям, к правопорядку древности, т.е. «реставрации» власти императора, отодвинутого на второй план при сёгунах. Бурное промышленное развитие, широкое заимствование достижений западной цивилизации, при котором, однако, удалось сохранить национальную идентичность. Начало внешней экспансии.

Эпоха олигархического капитализма (1905–1945; Япония в первой половине XX в.). Эта эпоха в принятой в японской историографии системе *нэнго* (см. далее) включает последние годы периода Мэйдзи (с 1905 по 1911 г.), весь период Тайсё (1912–1925), а также часть периода Сёва вплоть до поражения страны во Второй мировой войне в 1945 г. В эту эпоху наблюдается активное развитие капитализма в стране; по итогам версальско-вашингтонской системы Япония закрепляется в качестве одной из ведущих держав на мировой арене и усиливает экспансионистскую компоненту в своей внешней политике. После непродолжительного этапа партийной политики, когда в политической сфере начинают проявлять себя ростки демократии (так называемой демократии Тайсё), страна вступает в период милитаристского правления. Происходит несколько попыток военных переворотов, организованных праворадикальными силами. На внешней арене Япония вступает на путь агрессии в Восточной Азии. Завершается этот этап вступлением страны во Вторую мировую войну и ее сокрушительным поражением в 1945 г. от стран антигитлеровской коалиции.

Эпоха послевоенного демократического развития (1945 — н.в.; Япония после Второй мировой войны) приходится на значительную часть периода Сёва (1925—1988) и период Хэйсэй (1989 — н.в.). В этот период Япония проводит в условиях иностранной военной оккупации радикальные демократические реформы, в результате которых страна осуществляет мощный экономический скачок и превращается во вторую по мощи экономику мира. После окончания холодной войны и перехода на этап умеренных темпов экономического роста страна, исчерпав потенциальные резервы модели догоняющего развития, вступает в сложный этап поиска новой идентичности и адаптации к вызовам постиндустриального развития.

В учебнике используется европейская система летосчисления, официально принятая в стране 1 января 1873 г., когда лунный календарь был официально заменен григорианским. Однако наряду с ней сохранилась и система *нэнго* — летосчисление по девизам правления императоров. В 1979 г. парламент принял закон об обязательном употреблении *нэнго* в официальных документах. Например, 2015 г. пришелся на 27-й год эпохи Хэйсэй («достижение мира»), представляющей собой девиз правления здравствующего императора Акихито.

Традиционная датировка *нэнго* (часто с переводом на европейскую систему летосчисления) широко используется в профессиональной исторической литературе. Следует, однако, иметь в виду, что наступление лунного нового года каждый раз выпадает на разные дни. Кроме того, указ о провозглашении нового девиза правления может приходиться на любой день года, и, таким образом, перевод летосчисления из *нэнго* в григорианский календарь не носит механического характера. Отсюда возникает довольно часто встречающийся разнобой в датировках того или иного события: для правильного перевода в европейскую систему летосчисления следует абсолютно точно знать, в какой день был провозглашен соответствующий указ. Например, первый год Сёва был провозглашен 25 декабря 1926 г. и поэтому длился всего неделю. Время же до этого дня относится к правлению предыдущего императора Тайсё.

Авторы учебника придерживались устоявшихся в отечественном японоведении правил написания японских фамилий и географических названий. Японские имена и фамилии не склоняются и пишутся в соответствии с правилами в японском языке — сначала фамилия, затем имя. Японоязычные термины и названия, если они встречаются в тексте, транскрибируются в соответствии с правилами поливановской системы и обозначены курсивом.

Глава 1

Древняя Япония

1. Доисторическая Япония

Хронология доисторических периодов зачастую является предметом дискуссии. Вот краткие историко-культурные характеристики этих периодов:

1. Палеолит, или древний каменный век (40 тыс. — 13 тыс. лет назад). Иногда его называют «периодом Ивадзюку» (по месторасположению первой открытой палеолитической стоянки). Памятники палеолита, открытые только в послевоенное время, не слишком многочисленны, а их атрибуция вызывает много вопросов. Хозяйственными занятиями населения, **антропологический состав которого неясен**, были охота и собирательство.

2. Период Дзёмон (приблизительно соответствует неолиту, или новому каменному веку). Датируется 13 тыс. лет до н.э. — III в. до н.э. Назван так по типу керамики с веревочным орнаментом *дзёмон*). Хозяйственные занятия: **собирательство, охота, рыболовство** (речное и морское). Культура Дзёмон была распространена на всей территории архипелага (от Хоккайдо до Рюкю).

3. Период Яёй (бронзово-железный век, III в. до н.э. — III в. н.э.). Назван по специфическому типу керамики, впервые обнаруженному в Яёй (район Токио). Под непосредственным влиянием крупных миграций с материка (в основном через Корейский полуостров) тунгусских племен алтайской языковой группы, принесших на архипелаг культуру заливного рисоводства, технологию производства металлов (бронзы и железа), шелкоткачество и др., произошел **переход к производящему типу хозяйства**. Процесс смешения с местным населением (видимо, аустронезийского происхождения) привел к появлению протояпонцев и протояпонской культуры. Основной ареал распространения: север острова Кюсю, Западная и Центральная Япония.

4. Период Кофун (курганный) — IV—VI вв. Назван так по многочисленным масштабным погребальным сооружениям курганного типа, свидетельствующим о **значительной социальной дифференциации**. В свя-

зи со становлением родоплеменного государства Ямато вторая половина этого периода может носить название «период Ямато».

Что касается соответствия японской системы периодизации принятой на Западе шестичленной модели исторического процесса (первобытность — древность — Средневековье — Новое время — Новейшее время — современность), то палеолит, Дзёмон и Яёй можно соотнести с первобытностью, а Кофун (Ямато) — с древностью.

Можно заметить, что среди приведенных периодов нет соответствия мезолиту (т.е. переходной эпохе от палеолита к неолиту) и энеолиту (каменно-бронзовому веку). Это связано с тем, что уже в самые ранние эпохи население Японского архипелага заимствовало с материка передовые по тому времени технологии, благодаря чему развитие общества там шло ускоренными темпами, как бы перепрыгивая через определенные стадии. Это касалось и возникновения характерного для неолита гончарного производства, и начала использования металла, в том числе железа.

1.1. Палеолит

Первые следы деятельности палеолитического человека были открыты в 1949 г. в Ивадзюку (префектура Гумма). В последующие годы по всей стране обнаружено по крайней мере еще около 5 тыс. палеолитических стоянок (из них около 4,5 тыс. относятся к позднему палеолиту, т.е. к периоду начиная с 30 тыс. лет до нашего времени). Согласно оценкам японских археологов, для добытого на них археологического материала (в основном каменных орудий) характерен значительный хронологический разброс (300—13 тыс. лет назад). Таким образом, если говорить о геологических соответствиях, то японский палеолит охватывает плейстоцен и ледниковый период.

Японские исследователи встречаются в своей работе с принципиальными сложностями, связанными со слабой сохранностью исходного антропологического материала. Кислые почвы Японии плохо сохраняют костные останки человека, животных, любую органику. Наилучшей сохранностью обладают костяки (несколько тысяч находок), относящиеся к неолитическому периоду Дзёмон, когда бытовал обычай захоронений в пещерах, а также в «раковинных кучах», где в результате реакции между содержавшейся в раковинах известью и водой происходило удержание кальция в костных останках. Всего несколько сотен находок относятся к последующим историческим периодам (Яёй, Кофун, Камакура, Муромати, Эдо). Для периодов Нара и Хэйан антропологический материал практически отсутству-

ет. Это объясняется как вышеуказанными особенностями японских почв (для захоронений в земле), так и распространением буддийской практики кремации. Находки, относящиеся к палеолиту, исчисляются единицами.

Поэтому японский палеолит (еще в большей степени, чем в других регионах) исследуется почти исключительно с точки зрения типологии каменных орудий. Вместе с тем благодаря тому, что стоянки человека каменного века в Японии очень часто обнаруживаются в геологических слоях, изолированных друг от друга застывшей лавой, выплеснувшейся во время вулканических извержений (пещерных стоянок найдено чрезвычайно мало), задачи по стратификации и созданию эволюционной типологии каменных орудий решаются довольно успешно.

Все же носителей палеолитической (или «докерамической») культуры на территории Японии никак **нельзя признать за предков современных японцев**. Это утверждение вряд ли можно оспорить как с фактической, так и с теоретической точки зрения: палеолитические памятники вообще демонстрируют скорее общность и единство человеческой культуры, чем ее диверсификацию — последняя характерна лишь для неолита и энеолита. До этого же мы имеем дело не с историей народа (этноса или протоэтноса), а с историей определенной территории и сопутствующего ей населения.

1.2. Дзёмон (японский неолит)

В отличие от всех культур более поздних периодов культура Дзёмон была распространена практически на всей территории современной Японии — от Хоккайдо (и даже от Курильских островов) до островов Рюкю. Свое название она получила от специфического вида керамики, характеризующегося веревочным орнаментом.

Сам термин «веревочная керамика» (*cord-marked pottery*; японский термин «Дзёмон» является его калькой) впервые был употреблен Э. Морсом в 1879 г. Однако полное признание он получил в 1937 г., когда японский археолог Яmanoути Сугао выделил пять характерных для этого периода хронологически последовательных типов керамики. Начиная с этого времени вся хронология периода Дзёмон стала строиться на типологии керамики, которая к настоящему времени разработана чрезвычайно подробно (выделяется около пятидесяти только основных ее типов).

Если следовать наиболее общей схеме эволюции керамики Дзёмон, то в начале периода на сосуд наносился вертикальный узор

путем наложения на сырую глину отдельных нитей растительного волокна; затем волокна стали сплетаться, узор наносился горизонтальными полосами в виде «елочки». Средний Дзёмон характеризуется диагональным узором, в позднем — превалирует геометрический узор с разнонаправленным расположением веревочных отпечатков. Обжиг осуществлялся в ямах, на дне которых разводился костер. Температура обжига — всего 600–800°, в связи с чем сосуды страдали повышенной хрупкостью.

В датировках периода Дзёмон существует определенный разнобой, связанный со спорами об абсолютном возрасте первых образцов керамики. Так, согласно результатам радиоуглеродного анализа, наиболее ранние образцы фрагментов японской керамики имеют возраст 13 тыс. лет, что делает **японскую керамику самой древней в мире** (в Китае — 10 тыс. лет). Это, однако, весьма маловероятно. Видимо, дело просто в лучшей по сравнению с другими ареалами изученности этого периода в Японии. В то время имелись весьма тесные контакты с материком, что делало возможным заимствование отсюда передовых технологий. Во всяком случае, распространение керамики на Японских островах началось с северо-западного Кюсю, т.е. с территории, наиболее подверженной континентальному влиянию.

В последние годы акцент в исследованиях, касающихся периода Дзёмон, стал смещаться с разработки типологии керамики на вопросы ее использования, а также на изучение роли керамики и каменных орудий в антропогенной организации среды обитания в общем контексте культуры.

Изучая период Дзёмон на основе этноархеологического подхода (т.е. интерпретации археологического материала с помощью сравнительного этнографического анализа), японский исследователь Ватанабэ Хитоси пришел к важным выводам общего характера:

1. Среди охотников, рыболовов и собирателей *большей оседлостью обладали те группы, которые были заняты интенсивным производством керамики.* Обилие и разнообразие обнаруженной керамики позволяет с большой долей вероятности предполагать значительную степень оседлости (время, необходимое для ее изготовления, а также невозможность возить с собой большое количество утвари).
2. Сравнительный этнографический анализ показывает, что *сообщества, обладающие низкой степенью оседлости, используют орудия небольшие по размеру и весу, применение которых имеет многофункциональный характер* (например, шести эскимосов, применяемые ими при строительстве переносных жилищ, для опоры при ходьбе, для колки льда,

в качестве остроги). Некоторые каменные предметы и орудия носителей культуры Дзёмон не подпадают под эти требования. К ним относятся *сэ-кибо* (каменные жезлы неизвестного назначения, длина которых варьируется от 30 см до 2 м) и каменные ступки (*исидзара*), не поддающиеся транспортировке. Тщательная отделка ступок, не свойственная кочевникам, также указывает на сравнительно большую степень оседлости их изготовителей.

3. *Наличие массовых захоронений служит надежным индикатором высокой степени оседлости* (полной или сезонной), поскольку кочевые собиратели не имеют обычно специально выделенных мест для захоронений — погребение производится непосредственно возле места смерти. Захоронения периода Дзёмон часто располагаются в непосредственной близости от стоянок (обычно — недалеко от «раковинных куч»). Некоторые из этих захоронений концентрируются в одном месте, что свидетельствует об определенной стабильности поселений.

4. Следы перестроек и увеличения площади землянок, обнаруженные в результате тщательного изучения жилищ периода Дзёмон, также говорят в пользу предположения о сравнительно долговременном обитании их владельцев в одном месте.

Эти выводы позволяют усомниться в том, что **носители культуры Дзёмон были кочевыми охотниками и собирателями**, и свидетельствуют в пользу весьма высокой степени их оседлости, что явилось одной из ключевых предпосылок быстрого перехода к земледельческому обществу в период Яёй.

1.3. Яёй (бронзово-железный век)

В 1884 г. в районе Токио под названием Яёй-мати был найден сосуд, позже идентифицированный как принадлежащий эпохе, пришедшей на смену Дзёмон. Приблизительно с 1896 г. понятие «керамика типа Яёй» прочно вошло в научный оборот. Несколько позже было высказано ставшее впоследствии общепризнанным предположение, что носителями культуры Яёй были переселенцы с Корейского полуострова.

Несмотря на то что период Яёй получил название по одному из районов Токио, центр этой культуры первоначально находился на северном Кюсю, откуда она и распространилась в дальнейшем в северо-восточном направлении. Наиболее полное развитие культура Яёй получила в районе современных городов Нара—Киото—Осака, т.е. в том месте, которое через несколько веков стало центром формирования раннеяпонской государственности.

Период Яёй датируется III в. до н.э. — III в. н.э. и подразделяется на многие подпериоды. Так же как и для Дзёмон, существующие периодизации основаны прежде всего на типологии керамики и не имеют абсолютных хронологических привязок.

Сосудов, строго специфичных для периода Яёй, выявлено не так много. Самые общие отличия керамики Яёй от керамики Дзёмон сводятся к следующему. Керамика Яёй стала более унифицированной. Ее типология проще, проще и орнаментальное украшение сосудов (покрытых «веревочным орнаментом», отпечатками раковин, «царапинами»). Многие типы керамики вообще не имеют орнаментального украшения. Цвет керамики Яёй обычно имеет красноватый оттенок, обжиг осуществлялся несколько более равномерно. Большинство типов сосудов имеют ясно выраженный утилитарный характер.

Технология изготовления керамики — отсутствие гончарного круга, низкотемпературный обжиг — осталась прежней. Характерно, что даже у специалистов по керамике нередко возникают проблемы, связанные с соотнесением конкретных находок с периодами Дзёмон или Яёй. Поэтому употребление термина «период Яёй» следует признать совершенно условным с культурно-исторической точки зрения, ибо «лицо» эпохи определяют не столько новые типы керамики, сколько принципиальные хозяйственные и социальные изменения.

В период Яёй на Японском архипелаге утвердилась новая для его обитателей культура, хозяйственную основу которой составляло рисоводство, особенно заливное. Всего же, как считается на сегодняшний день, в то время возделывалось 37 видов культурных растений.

Косвенным доказательством падения значения охоты в жизни людей служит резкое уменьшение числа находок наконечников стрел в археологических слоях, относящихся уже к началу периода Яёй. Кроме того, важным свидетельством происходивших изменений могут служить данные палеоботаники. Распространение сосны и других хвойных пород началось в Юго-Западной Японии 2 тыс. лет назад, в Центральной Японии — 1500 лет назад и в Северо-Восточной Японии — 800–700 лет назад. Это соответствует последовательности распространения интенсивного земледелия и сопутствовавшего ему производства металла и керамики с высокотемпературным обжигом, что привело к вырубанию широколиственных вечнозеленых лесов с последующим вытеснением их хвойными породами. Таким образом, типично японский пейзаж с обилием хвойных пород, столь богато представленный в искусстве и литературе этой страны, представляет собой реалию сравнительно недавнего времени.

Серьезное археологическое изучение культуры рисоводства началось в 1947–1950 гг., когда были осуществлены раскопки древних заливных рисовых полей в Торо (префектура Сидзуока). Было обнаружено более 50 полей общей площадью 75 тыс. м² (размер полей варьировался от 2396 до 375 м²). После этого подобные поля были открыты в самых разных частях страны (в настоящее время обнаружено более 230 мест возделывания риса, относящихся к периодам Яёй и Кофун).

Может быть, самой впечатляющей находкой стало обнаружение в начале 1980-х годов заливных полей в местечке Тарэянаги (префектура Аомори), что резко отодвинуло на север границу ареала распространения древнего рисоводства. Обнаруженные там участки расположены у подножия горы и обнаруживают чрезвычайно высокую степень привязанности к рельефу, с чем, вероятно, связаны их миниатюрные размеры (700 участков занимают площадь всего около 4 тыс. м²).

Заливное рисоводство имеет ряд принципиальных отличий от богарного (суходольного) земледелия. Его технология весьма сложна и трудоемка: она требует создания ирригационных (оросительных и дренажных) систем и зачастую предварительного выращивания рассады. Однако эти «недостатки» при правильном соблюдении технологического цикла оборачиваются значительными достоинствами. Заливное рисовое поле, большую часть года покрытое слоем воды, не нуждается в прополке и глубоком ежегодном перепахивании, а проточная вода на рисовых полях сама во многом компенсирует естественную потерю плодородия почвы за счет приносимого ею мелкозема. Участок, предназначенный для выращивания рассады, легче защитить от холодов, сорняков, насекомых и птиц, его перекопка не требует особых усилий, а для удобрения не нужно большого количества органических веществ. Несмотря на очевидную трудоемкость высадки рассады (*тауэ*), этот процесс может быть растянут во времени и производиться при благоприятных погодных условиях. В результате уменьшается риск гибели посевов и создается возможность сбора двух полноценных урожаев в год.

Распространение культуры Яёй на острове Хонсю не было равномерным. И если на юго-западе (за исключением юга Кюсю) и в Центральной Японии рисоводство укоренилось очень быстро, то на северо-востоке этот процесс протекал намного медленнее, хотя рисоводство уже в начальный период своего распространения проникло далеко на север. Но это проникновение носило «точечный» ха-

ракти и не привело к далеко идущим хозяйственным и социальным последствиям.

С укоренением рисоводства центр хозяйственной жизни архипелага сместился к югу, на север Кюсю и в Центральную Японию, где стала стремительно расти плотность населения, численность которого к концу периода Яёй стала выше, чем в северо-восточной части страны. В целом к концу Яёй Японский архипелаг населяло, видимо, около 3 млн человек. Разумеется, это могло произойти только на основе производства значительного прибавочного продукта в производящем секторе экономики (относительная энергетическая ценность различных источников питания, которые можно получить с единицы площади, такова: олень — 1; рыба — 24—414, желуди — 342, рис — 1012). Увеличение продуктивности нашло зримое выражение в появлении деревянных хранилищ свайного типа, которые постепенно вытеснили ямные кладовые периода Дзёмон.

Важной особенностью периода Яёй стало начало применения железных и бронзовых изделий. Их введение в обиход было напрямую связано с переселенцами с континента, владевшими обеими технологиями. Именно поэтому в Японии археологические эры бронзы и железа не разведены во времени и накладываются друг на друга. Более того, применение железа началось даже несколько раньше применения бронзы. Поэтому ряд исследователей считают, что термин «бронзовый век» неприменим по отношению к Японии. В их периодизации железный век следует непосредственно за каменным.

В применении металлических изделий прослеживается следующая закономерность: железные предметы относятся, как правило, к орудиям хозяйственной и военной деятельности (мечи, наконечники копий и стрел, топоры, резцы, ножи, деревянные лопаты с металлической окантовкой, серпы, рыболовные крючки и т.д.), а бронзовые — к культовым принадлежностям и символам власти: культовые мечи, копья, колокола (*дотаку*), зеркала (встречаются в погребениях). Это объясняется как лучшими функциональными свойствами железа (удобство обработки, лучшие режущие качества), так и влиянием континентальной традиции использовать изделия из бронзы в качестве культовых и престижных.

1.4. Роль переселенцев в формировании культуры Яёй

В отличие от культуры Дзёмон, прослеживающейся практически на всей территории Японского архипелага, культура Яёй не распространилась на Окинаву, юг Кюсю, север Хонсю и Хоккайдо, где основу

хозяйственной деятельности продолжали составлять собирательство, охота и рыболовство.

Объяснение отсутствия культуры Яёй на Хоккайдо и севере Хонсю, видимо, следует искать в том, что климат этих мест не благоприятен для рисоводства, а рыбные ресурсы (особенно лососевых) были настолько богаты, что не стимулировали перехода к интенсивным и производительным способам хозяйствования. Кроме того, заселенность этой части архипелага в период Дзёмон была выше, поэтому весь культурный комплекс Яёй и его носители неизбежно должны были столкнуться там с большим сопротивлением и с более мощной культурной инерцией, чем в районах, расположенных южнее.

Что касается Окинавы и южного Кюсю, то этот вопрос остается в исторической науке открытым. Можно предположить, что быстрый переход к производящему хозяйству, наблюдавшийся на основной территории Японии, был возможен только в условиях значительного притока переселенцев. Обретя землю на севере Кюсю, на Хонсю и на Сикоку, они лишились стимула к дальнейшему движению (юг Кюсю из-за горного рельефа неудобен для возделывания риса). Без воздействия со стороны переселенцев Япония, возможно, еще в течение длительного времени была бы землей рыболовов, охотников и собирателей — пример населения севера и юга архипелага свидетельствует в пользу такого предположения. Так, земледельческий уклад начал формироваться на Рюкю лишь в XII в., а айны, обитавшие на севере Хонсю и вытесненные затем на Хоккайдо, продолжили традиции каменного века практически до начала XX столетия. Можно сказать, что становление культуры Яёй было непосредственно связано с мощным потоком переселенцев с юга Корейского полуострова, которые оседали прежде всего на севере Кюсю.

Причины, приведшие их в движение, остаются не вполне ясными. В настоящее время наибольшее распространение получила точка зрения, связывающая переселение с двумя факторами: природным и социальным. Наступившее похолодание климата привело в движение население северных районов Азии, начавших перемещаться к югу. Это, в свою очередь, вызвало политическую нестабильность в Китае, а затем и на Корейском полуострове. В результате вплоть до начала IV в. н.э. там продолжалась череда войн и беспорядков, приводивших к бегству населения. Среди этих переселенцев были представители племен тунгусского происхождения, принадлежавших к алтайской языковой семье (их язык был близким родственником корейского), которые и проникли на территорию Японского архипелага.

Несмотря на то что многие вопросы, касающиеся как антропологического состава населения Японского архипелага периода Яёй, так и особенностей хозяйственной и общественной жизни, не могут считаться вполне выясненными, в культуре Яёй просматривается ряд признаков, ставших впоследствии основополагающими для японской культуры.

Преемственность будущей японской культурно-исторической традиции по отношению к периоду Яёй прослеживается по меньшей мере по следующим параметрам:

1. Формирование хозяйственного комплекса, основанного на сочетании трех основных укладов: заливного рисоводства (равнины); рыболовства (побережье); охоты, собирательства, богарного земледелия, лесного промысла (горы).
2. Возникновение трех главных хозяйственно-культурных зон по оси север—юг (Хоккайдо, Хонсю и север Кюсю, юг Кюсю и Окинава).
3. Возникновение четырех главных центров культуры: северный Кюсю, центр Хонсю (Кинки), равнина Канто, Идзумо.
4. Формирование некоторых общих принципов религиозной практики (сокрытие сакральных предметов), определение части предметов как священных (зеркало, меч).
5. Утверждение Китая и Кореи в роли культурных доноров.

Поэтому культура Яёй может считаться одним из элементов, из которых в дальнейшем сложилась японская культура, и в пределах этих параметров вполне может быть определена как праяпонская.

2. Формирование японской государственности

Наши знания о конкретных процессах, сопровождавших становление государственности, весьма ограничены ввиду почти полного отсутствия письменных свидетельств. Поэтому о ранних этапах формирования государственности приходится судить прежде всего по археологическим данным, далеко не всегда поддающимся однозначной интерпретации.

Если оценивать в самом общем виде экономические предпосылки формирования государственности, то оно стало возможным на основе стремительного роста прибавочного продукта благодаря более широкому применению усовершенствованных железных орудий и на этой основе — лучшей обработке земли и организации масштабных ирригационных работ.

2.1. Курганный период (Кофун)

Период Кофун в общепалеологической типологии соответствует железному веку. Он получил свое название от **масштабных погребальных сооружений** (курганов-кофун), в большом количестве строившихся в Японии в III—VII вв. В них хоронили государей Ямато (самоназвание раннеяпонского государства), которых в силу исторической традиции часто именуют «императорами», местных правителей и родовую знать.

В отличие от периодов Дзёмон и Яёй, исследование которых началось сравнительно недавно, первые попытки изучения таких заметных объектов, как курганы, были сделаны еще в конце XVII в. К настоящему времени открыто более 10 тыс. курганов, однако раскопаны далеко не все из них. Это объясняется, *во-первых*, их большим количеством и, *во-вторых*, нежеланием императорского дома открыть ученым доступ к считающимся захоронениями правящего рода самым большим курганам в районе равнины Нара из-за боязни «потревожить» души предков. На самом деле соотнесение определенного кургана с конкретным правителем было закреплено по политическим соображениям в период Мэйдзи, во второй половине XIX в., и в подавляющем большинстве случаев имеет гипотетический характер.

Первые сооружения курганного типа появились в III в. на севере Кюсю. Обычно они возводились на холме или возвышенности, имели квадратную форму и были окружены рвом. В ранних курганах захоронения осуществлялись в деревянных гробах при почти полном отсутствии погребального инвентаря. Поэтому, если исходить не из чисто археологических, а из социальных критериев, то началом периода Кофун правильнее считать не III, а IV в., когда стали строиться огромные «царские» курганы на равнине Нара.

Хотя строительство курганов продолжалось и в VII в., их размеры тогда резко уменьшились и уже не они одни определяли «лицо» эпохи. Поэтому верхнюю границу периода логичнее отнести к рубежу VI—VII вв., а для удобства принять за нее 592 г., когда в долине реки Асука (центр Хонсю) начали возводиться дворцы правителей Ямато.

Сооружение курганов свидетельствует о развитии культа предков, типичном для этой стадии развития общества. Хотя идея строительства погребальных сооружений курганного типа была, возможно, заимствована из Китая (об этом свидетельствуют ориентация ранних курганов по оси север—юг, сооружение насыпи с тремя ступенями-платформами, употребление в погребальной камере специфических красителей)

или Кореи, японские курганы имели характерные черты, отражавшие особенности местной культуры.

Термин «кофун» обозначает не просто «курган», а целую систему погребения, которая эволюционировала во времени. Имеются «круглые» и «квадратные» курганы, а также различные их модификации, но наиболее специфическим, «японским» типом кургана считается «квадратно-круглый» (*дзэмпо коэн фун*) или — как его вариант — «квадратно-квадратный» (*дзэмпо кохо фун*) (обобщенное название в англоязычной терминологии — «курган в виде замочной скважины»). Все наиболее масштабные курганы имеют именно такую форму, что, возможно, свидетельствует о ее престижности.

В среднем Кофун, т.е. начиная приблизительно с V в., курганы начали строить уже на равнинах. Часто их окружали рвом (иногда двумя или тремя) с водой. В наиболее богатых захоронениях устраивали дополнительные курганы, предназначенные для помещения туда погребального инвентаря.

В то время на территории Центральной Японии утвердился культ оружия. Бронзовые и железные мечи, доспехи, боевые кони стали одним из наиболее часто встречающихся компонентов погребального инвентаря, что было связано с частыми военными конфликтами между отдельными территориальными образованиями, всегда сопровождающими процесс становления государственности.

В позднем Кофун, т.е. в VI–VII вв., курганы уменьшились в размерах, но их количество возросло, поскольку они стали использоваться более широким кругом правящей элиты. Появились целые курганные «кладбища» — некоторые холмы были буквально покрыты «круглыми курганами» коридорного типа, имеющими в диаметре около 15 м. Присутствие в крупных скоплениях погребений курганов разных форм и размеров, отличавшихся по составу погребального инвентаря, свидетельствует о далеко зашедшем процессе социальной и имущественной дифференциации.

2.2. Государство Ямато

К сожалению, надежные письменные данные относительно формирования японской государственности в V в. практически отсутствуют. Данные китайских и корейских хроник не полны и не точны; свидетельства японских мифологическо-летописных сводов также заслуживают доверия далеко не всегда и потому могут считаться скорее источником по реконструкции картины мира и менталитета японцев VIII в., чем по восстановлению реальных исторических событий. Тем

большой интерес представляют немногочисленные имеющиеся в нашем распоряжении эпиграфические источники.

Данные эпиграфики курганного периода — надписи на бронзовых мечах и зеркалах — проливают свет на традиции и структуру управления в Ямато. В надписи на мече из Инарияма (471 или 531 гг.) упомянут правитель Вакатакэру, в котором исследователи видят правителя Юряку (456—479). Вакатакэру назван *оками* («великий ван»). Данным титулом именовались управители земель, подчиненные китайскому императору. Однако выводы о характере отношений между Китаем и Ямато из этих данных делать затруднительно — надпись изобилует кореизмами. Главным «героем» текста предстает некий Вовакэ-но Оми, чья семья многие поколения служила главой меченосцев. Сам же Вовакэ «помогал управлять Поднебесной (*тэнка*)» Вакатакэру, когда тот находился во дворце Сики. Примечательно использование китайского термина «Поднебесная» применительно к Ямато, что указывает на ориентированность протояпонской культуры на усвоение материковой культуры. Поименное указание нескольких поколений родственников Вовакэ говорит о **развитом культе предков**, важности прецедента и традиции, направленной не на нововведение, но на воспроизведение. Также видно, что властные полномочия передавались от отца к сыну, а исполнение определенных обязанностей (в данном случае — военных) возлагалось на определенный род. Меч, скорее всего, служил в качестве инвеституры, жаловавшейся правителем своим высокопоставленным подчиненным и обозначающей особые привилегии. Таким образом, мы можем говорить и о значимости ритуала в сфере управления.

Кровнородственные образования, подобные меченосцам Вовакэ, служили основной организационной единицей управления Ямато почти вплоть до переименования государства в Японию, Нихон (*Ниппон*) в начале VIII в. (посольство, одной из целей которого было сообщить Китаю о переименовании страны, было направлено туда в 701 г.). Эти образования назывались *удзи*. Главам *удзи* присваивались наследственные титулы знатности *кабанэ*, ретранслировавшиеся ими на весь род и маркировавшие его положение в политическом пространстве Ямато и указывавшие на близость к роду государя. Система титулов, возможно, получает распространение с правления государя Юряку (456—479 гг.). Так, в тексте меча из Инарияма Вовакэ имеется *кабанэ оми*, а титул предков не указывается. Стройная система, упорядочивающая *кабанэ* и выстраивающая их иерархию, появляется лишь в 684 г. по указу государя Тэмму, ограничившего их восемью титулами (*якуса-но кабанэ*). До этого периода наиболее важными были *кабанэ ооми*

(«великий *оми*») и *оомурадзи* («великий *мурадзи*»). Эти титулы имели много общего с должностями и подлежали утверждению при восхождении на престол очередного государя. Анализ данных хроники «Нихон сёки» (720 г.) показывает, что титулами *ооми* и *оомурадзи* жаловались представители очень немногих родов (в особенности Оотомо и Мононобэ), выполнявшие военные функции при дворе. С середины V в. обе «должности» на сто лет становятся монопольным владением рода Сога (возможно, корейского происхождения).

Существовали также социальные группы *бэ*, образованные исходя из рода занятий, часто требовавших особых умений. Первые *бэ* — *томо-но бэ* — появляются к V в. В число обязанностей *томо-но бэ* входят охрана и снабжение дворца. Подобные группы создаются и на периферии, их главам присваивается наследственный титул *томо-но мияцуюко*. *Бэ* часто занимались квалифицированным трудом и достигали высокого положения. Ярчайший пример здесь — род Мононобэ. Создавались и специальные группы *бэ* — *насиро* и *косиро* — для обслуживания супруги государя и наследника. Часто в группы *бэ* объединяли выходцев с материка, обладавших особыми навыками (например, гончарным делом).

Еще одним значимым моментом, содержащимся в тексте меча из Инарияма, является указание местоположения дворца правителя Ямато. У этого государственного образования не было постоянной столицы. Каждый новый правитель сооружал себе собственный дворец (до введения в конце VII в. девизов правления *нэнго* государей именовали по дворцу, из которого они правили). Данная процедура могла быть обусловлена несколькими причинами: смена места являлась частью церемонии интронизации, символизировавшей обновление Поднебесной; смерть предыдущего государя «оскверняла» дворец, делала его ритуально нечистым (концепция ритуальной нечистоты — *кэгарэ* — одна из ключевых в синтоизме).

Находки надписей на мечах указывают на значительные масштабы государственного образования, простиравшегося от равнины Канто на северо-востоке до Кюсю на юго-западе.

Конечно же, влияние Ямато в разных регионах не было равновеликим, и власти Ямато встречали временами довольно сильное сопротивление. Так, в 527 г. произошел «мятеж Иваи», во время которого правитель северной части Кюсю предотвратил отправку войск Ямато на материк.

Внешнеполитические амбиции Ямато того времени отражены как в японских, так и в китайских хрониках. В китайской хронике «Сун-шу» содержатся данные о союзе Ямато с древнекорейским государством Пэкче против другого — Когурё. Сообщается также об отправке дани в Китай (Южная Сун). Есть сведения о функционировании института заложничества, при котором члены правящей верхушки Пэкче, в том числе престолонаследники, отправлялись в Ямато в качестве заложников (эти данные подтверждаются и корейскими источниками, в частности летописью «Самгук саги»). Хроника также повествует о просьбе правителя Ямато (скорее всего, Юряку), обращенной к сунскому императору Шунь-ди (477—479), назначить его правителем Пэкче, в чем ему было отказано. Однако «Нихон сёки» и «Кодзики» (712 г.) расценивают Пэкче как данника Ямато, называют Пэкче «заморским владением» Ямато, а довольно мощное государство Силла, сумевшее впоследствии составить военную конкуренцию самому Китаю, именуется в «Кодзики» «конюшной» Ямато. Так или иначе, имеющиеся данные свидетельствуют о значительной роли Ямато в положении дел на материке и об определенных амбициях в отношении расширения сферы влияния на корейские государства.

2.3. Период Асука

Период с 592 г. (начало правления Суйко) по 710 г. (переезд двора в столицу Нара) принято именовать Асука — по названию реки, в долине которой строились государевы дворцы. В это время государственное образование становится более похожим на материковые образцы (Китай, Корея). Среди погребального инвентаря данного периода обнаруживается меньше оружия, что может быть показателем постепенного перехода к «мирным» методам управления и ведения политической борьбы.

Распространение централизованной власти находит выражение в учреждении *миякэ* — земель с зависимыми крестьянами, подконтрольными Ямато. Управляли ими *куни-но мияуко* — в тот период они не назначались из центра, но представляли собой местную знать, чьи полномочия подтверждались двором. Двор Ямато выступал арбитром в спорных вопросах, когда имелось несколько претендентов на эту должность.

Внешнеполитические амбиции не оставляли правителей Ямато, однако все большее внимание уделяется политике внутренней, преодолению разобщенности, достижению управленческой гомогенности. Местные культы синтоизма не были унифицированы и закрепляли

различия между родственными и территориальными объединениями. Большими склеивающими потенциями обладал буддизм, получивший распространение в VI в. благодаря поддержке двора Ямато. Это было выгодно и выходцам с материка, которые не могли бы претендовать на высокие места в социальной иерархии при господстве синтоизма, ставившего во главу угла древность рода и «божественность» его происхождения. Однако полного «огосударствления» буддизма не происходит, правители предпочитают сочетать его с местными традициями, да и сам Будда был во многом воспринят как разновидность синтоистского божества (*ками*). Согласно «Нихон сёки» против поклонения Будде выступают Накатоми и Мононобэ, возводившие родословную к синтоистским божествам. Род Сога (чьим предком считался военачальник Такэути-но Сукунэ), принявший считать Будду, в структуру официального синтоизма не вписывался. Эти знатные роды оказывали прямое влияние на порядок наследования престола. В 587 г. произошло вооруженное столкновение между Сога, желавшими видеть на троне принца Оэ, и Мононобэ, выступавшими за кандидатуру Анахобэ. Победил род Сога. До середины VII в. он контролировал государев род — Сога служили «поставщиками» жен для государей, а дети от этих союзов возводились на трон. Главной функцией самого государя при этом было отправление ритуалов и продолжение рода.

Подобная система будет функционировать на протяжении всего периода, именуемого «традиционной Японией». Фактическое управление в ней осуществляет род, поставляющий невест (Сога, затем Фудзивара), государь же отвечает за ритуально-символическое управление и поддержку универсума и в должной степени удален от принятия политических решений. При этом попыток занять положение государя членами других родов не наблюдается. Единственным исключением станет монах Докё в VIII в.

Род Сога, доминировавший в политической жизни Ямато до середины VII в., устранял любые угрозы своему положению. Так, негодный Сога-но Умако (ум. 626) правитель Сусюн (587–592) был убит и вопреки всем традициям похоронен уже на следующий день после смерти, а на престол взошла ставленница Умако — Суйко (592–628), первая государыня на престоле (полулегендарная правительница Дзингу не прошла ритуала интронизации). Вместе с ее племянником, наследным принцем Сётоку (574–622), Умако осуществил многочисленные реформы, направленные на преодоление кровнородственных

«рудиментов» политической системы и создания государства по китайской модели. В 603 г. была введена первая система чиновничьих рангов, маркировавших положение чиновника (а не рода в целом) в государственной структуре. Она включала 12 степеней и была призвана заменить систему *удзи-кабанэ*, однако титулы знатности так и не были отменены.

За VII в. система рангов менялась четырежды: в 603, 647, 649 и 664 гг. Первоначально ранги жаловались далеко не всем чиновникам, а главным образом тем, кто имел непосредственное отношение к внешнеполитической деятельности государства. Окончательный вид ранговая система приобретает только после введения в действие законодательного свода «Тайхо рицурё» в начале VIII в.

Государство оказывает значительную поддержку буддизму и монахам, являвшимся носителями одной из основных ценностей формировавшегося государства — письменного слова. Принцу Сётоку приписывается также составление в 604 г. «Уложения в 17 пунктах», носившего рекомендательный характер и формализующего отношения внутри социальной верхушки (государь и чиновники) и между «верхами» и «низами» («народом»). Несмотря на то что подлинность документа подвергается сомнению (например, встречаются цитаты из китайских произведений, написанных после 604 г.), не подлежит сомнению влияние конфуцианства и буддизма, пронизывающих буквально каждое положение документа, на политическую идеологию того времени. Подтверждением тому может служить, в частности, политическая номенклатура. Высшие ранги в шкале 603 г. именовались «большая и малая добродетель» (*дайтоку* и *сётоку*). Току (кит. *дэ*) — важнейший компонент политической философии конфуцианства. Обладание благой силой *дэ* являлось основным обоснованием легитимности правления той или иной династии в Китае, а ее утрата — поводом к смене династии. Остальные десять рангов получили названия в соответствии с пятью конфуцианскими добродетелями (гуманность, церемониальность, вера, справедливость, мудрость) и также имели «большую» и «малую» степени.

В 645 г. гегемонии Сога был положен конец — их влиянию противились как представители государева рода и придворной знати, так и ответвления самого рода Сога. Итогом борьбы стало объединение сил влиятельного рода Накатоми и принца Нака-но Оэ (впоследствии государь Тэнти (668–671)), который убил Сога-но Ирука, внука Сога-но Умако на глазах у государыни Когёку (642–645; повторно взошла на трон под именем Саймэй). Род Накатоми сменил Сога у власти.

Согласно «Нихон сёки» в 645 г. от имени государя Котоку был введен первый в истории Ямато девиз правления *нэнго* — «Тайка», «Вели-

кие перемены». Присвоение девизов правлению государей — китайская традиция и китайская же прерогатива — во всех странах, которые Китай считал своими данниками, обязаны были действовать девизы правления, имевшие в тот момент хождение в Китае. Ямато же выбрало собственный. Данные эпиграфики (деревянные таблички — *моккан*) не подтверждают введения девизов правления вплоть до начала VIII в., но стремление уже в середине VII в. преобразовать систему управления на китайский лад не вызывает сомнений. Быстрому темпу реформ способствовали несколько факторов: осознание неконкурентоспособности Ямато на международной арене — поражение войска Ямато в 663 г. в Корее (битва в устье реки Пэккан) от объединенных сил Силла и Китая, опасение вторжения со стороны материковых государств (Китая и Силла); признание эффективности китайской системы управления.

Реформы предполагали введение структуры столичного и провинциального чиновничества, выработку административно-территориального деления, закрепление различий между разными слоями населения. Институт *миякэ* (жалованных земель) упразднился. Земли делились на провинции (*куни*), которыми управляли чиновники из центра (*кокусси*). «Манифест Тайка» также упоминает об уездах и деревнях.

Вводится система наделного землепользования для чиновников и крестьян, проводится составление подворных реестров (646, 652, 670 и 689 гг.), что приводит к сглаживанию территориальных различий, унификации системы мер и весов. Объединяющую функцию имело и развитие инфраструктуры — создание системы почтовых станций, строительство дорог. Разрабатывается система налогов и повинностей, получившая название *со-ё-тё* (рисовый налог, трудовая повинность, налог местным продуктом — солью, рыбой, тканью). Эта система функционировала с переменным успехом до X в. Земли знати отныне жалует только государь — за особые заслуги, чиновникам были также положены ранговые земли, освобождавшиеся от налогов.

В 645 г. совершается движение в сторону создания единого центрального аппарата управления. Так, вводятся должности трех министров: Левого (*садайзин*), Правого (*удайзин*) и Внутреннего (*найдайзин*), а в 671 г. вводится должность главного министра (*дайдзё дайдзин*). Собственно же министерства создаются позже. Для осуществления реформ государство приступило к созданию местной администрации и преуспело в этом — прежде всего в пристольном районе Кинай. Однако на местах, начиная с «уездов», органы управления находились в руках местной знати. Институт *куни-но мияцукэ* формально

утрачивает свое название и наследственные полномочия, но на деле управление на периферии остается в руках местной знати, чьи полномочия подтверждались двором. Вырабатываются и критерии отбора на должность: вначале превалируют тенденции меритократического отбора — личные качества и способности провозглашаются важнее знатности, однако уже в указах 682 и 690 гг. отмечается обратная тенденция — рекомендовать кандидата на должность следует при наличии у его рода должных заслуг.

Эпоха реформ ознаменована социальной напряженностью и мятежами. Самый известный — *дзинсин-но ран*, «смута года дзинсин» (672 г.). После смерти государя Тэнти престол занимает его сын, государь Кобун, однако его свергает принц Оама, младший брат Тэнти, правивший как государь Тэмму. До правления Конин (770—781) престол будут занимать исключительно потомки Тэмму. С его именем связаны значительные социально-политические преобразования. Он вводит новые титулы *кабанэ*, высшие из которых были пожалованы главам родов, его поддержавших, что открывало им доступ в «среднее звено» государственного аппарата. Высшие же должности уже к началу VIII в. вновь монополизируют представители «старых» родов. До Тэмму государи именовались «оокими», теперь же начинает последовательно применяться бином *тэнно*. Первое упоминание термина *тэнно* в мокканах датировано 677 г. В Китае этим термином (кит. *тяньхуан*) обозначали небесного императора или Полярную звезду, располагавшуюся на севере небосвода. Согласно идеям конфуцианства осуществлять управление следует, уподобившись Полярной звезде, замершей на одном месте, чтобы остальные звезды вращались вокруг нее. *Тяньхуан* — небесный император, верховное божество даосского пантеона, пребывает в небесном дворце, откуда он управляет даосскими мудрецами *чжэнь-жэнь* (яп. *махито*). В новой системе титулов знатности *якуса-но кабанэ*, введенной Тэмму в 684 г., наибольшим престижем как раз обладал титул *махито* (остальные титулы, в порядке убывания престижности: *асоми*, *сукунэ*, *имики*, *мити-но си*, *оми*, *мурадзи*, *инаги*).

Тэмму продолжил управленческие преобразования своего предшественника. В 675 г. создается Военное министерство, а в 689 г. вводится воинская повинность, под которую подпадал каждый четвертый мужчина в крестьянской семье. Стремление к созданию государства по модели танского Китая стимулировало и регламентацию придворной одежды и причесок. **При Тэмму также ведется усиленная работа по разработке идеологических основ государства** — издается указ о составлении государственных хроник и «Законов Киёмихара» (текст не сохранился).

Особое внимание, уделяемое Тэмму разработке идеологической составляющей власти, может быть обусловлено недостаточной легитимностью самого правителя. Хотя формально не было выработано правил передачи трона, восшествие на престол брата, а не сына государя Тэнти в исторической перспективе воспринималось негативно. Так, в 781 г. при решении вопроса о престолонаследии были приложены все усилия, чтобы не допустить на трон потомка Тэмму, принца Осабэ, уже объявленного наследным принцем. Вместо него на трон был посажен принц Сиракабэ, потомок Тэнти, хотя его мать даже не принадлежала к верховной японской аристократии, а происходила из рода Такано, потомков королевской семьи Пэкче.

Китайской модели также придерживались при постройке Фудзивара, города, которому предназначалось стать первой долговременной столицей Японии. Как и в Китае, при выборе места постройки в ход шли доводы геомантии, да и внутренняя структура столицы соответствует китайским представлениям о разметке пространства. Создание столицы — необходимость политическая. Для управления страной требуется концентрация властных структур и информации для быстрого принятия решений и лучшего контроля за их выполнением. Постройка столицы «собирала» аристократию, ответственную за принятие решений, в одном месте. Все эти меры явились базой для создания «государства, основанного на законах» — *рицурё кокка*.

3. Периоды Нара и Хэйан. От «государства, основанного на законах» к «придворному государству»

Термин *рицурё кокка*, «государство, основанное на законах», применяется обычно для обозначения периода с конца VII по конец X в., что не совпадает с формальными хронологическими рамками периодов Нара и Хэйан. В иероглифическом биноме *рицурё рию* имеет значение «уголовный кодекс», *рё* — «гражданско-административный кодекс». Хотя первый японский свод законов, названный «Тайхо рицурё», появился в 701–702 гг., применение данного термина к более раннему периоду отражает общую ориентацию политических мер на реформирование государства в соответствии с китайскими образцами: создание мощного центра во главе с «императором», строго иерархичным обществом и разветвленным бюрократическим аппаратом. К концу X в. институты власти, закрепленные сводом, в значительной степени те-

ряют свою эффективность, их функции переходят к новым ведомствам и службам. Придворная аристократия выказывает открытое пренебрежение и полное отсутствие интереса к положению дел в провинции, ограничивая сферу деятельности (часто и сферу передвижения) столицей Хэйан, в лучшем случае — центральным районом Кинай, что приводит к потере государством должной степени централизации и соподчиненности периферии центру. Этот период (конец X—XII в.), качественно отличающийся от Нара и раннего Хэйан, в историографии часто называют периодом Отё кокка («придворное государство»).

3.1. Государственное устройство в период Нара

Кодекс «Тайхо рицурё», в соответствии с которым выстраивалась деятельность японского государства, в большинстве положений опирался на китайское законодательство эпохи Тан, однако существовали и свои особенности. Японское законодательство делало упор на «гражданский» кодекс, в Китае — картина обратная. В Японии чиновники из менее знатных родов имели меньшие возможности для вертикальной мобильности и основные привилегии закреплялись за «старой» аристократией. Так, система экзаменов на занятие должностей, идея которых была заимствована из Китая, на практике получила лишь ограниченное развитие. Значительными были и привилегии, предоставляемые системой теневых рангов (*онъи*), которыми жаловали детей аристократии. По достижении ими 21 года теневые ранги конвертировались в обычные.

С введением «Тайхо рицурё» окончательный вид приобретает система чиновничьих рангов (*канъи*), формально существовавшая на протяжении всей истории традиционной Японии. Вводится система из девяти основных рангов, подразделенных на 30 ранговых степеней. Все ранги с первого по девятый делились на младшие и старшие, ранги с четвертого по девятый («начальный» ранг), в свою очередь, делились еще на ступени: верхнюю и нижнюю. Каждой ранговой категории, согласно законодательству, соответствовала определенная должность. Так, чиновник младшего начального ранга нижней ступени мог претендовать на должность писца при чиновнике третьего ранга, а для чиновников старшего первого ранга должность вообще не была предусмотрена, хотя его обладателю полагались все причитающиеся привилегии — внушительных размеров земельные наделы и жалованье. Данная система распространялась уже на всех государственных чиновников, и даже члены государева рода имели свою особую шкалу из четырех рангов, что, с одной стороны, вписывало их в общую управ-

ленческую структуру государства, с другой — подчеркивало особое положение правящего рода.

Согласно законодательным сводам («Тайхо рицурё» и его поздней редакции «Ёро рицурё», составлен в 718 г., введен в действие в 757 г.) во главе государства стоял император, который обладал верховными правами в области административного управления, назначения и продвижения чиновников, ведения внешних сношений и управления войском. В реальности он этими правами практически никогда не пользовался. Непосредственно императору подчинялись три высших государственных учреждения — Палата большого государственного совета (*Дадзёкан*), Палата небесных и земных божеств (*Дзингикан*) и Ведомство инспекций цензоров (*Дандзётэй*), основной функцией которых было проведение в жизнь указов *тэнно*.

Главным административным органом был *Дадзёкан*. Он ограничивал формальные полномочия правящего рода. Его возглавлял главный министр (*дадзё дайдзин*), считавшийся наставником *тэнно* в делах управления; ему полагалось, согласно кодексу, «...обеспечивать в стране следование путем морали и приводить в гармонию темные и светлые силы *инь* и *ян*». Часто эта должность оставалась вакантной, тогда все полномочия распределялись между левым и правым министрами (*садайдзин* и *удайдзин*). Левый министр стоял выше правого министра в придворной иерархии. В их подчинении находился штат советников (*нагон*).

Внутри *Дадзёкан* существовал Высший политический совет (*Гисэйкан*), куда входили только представители старых аристократических родов района Кинай. На совещаниях *Гисэйкан* обсуждались все важные государственные вопросы, затем о них докладывали *тэнно*, после чего решения начинали проводиться в жизнь. Именно *Гисэйкан* осуществлял выработку политического курса и контроль над всеми государственными учреждениями.

Состав *Гисэйкан* менялся в соответствии с расстановкой политических сил. Существовало несколько наиболее влиятельных родов, которые покровительствовали менее могущественным, создавали политические группировки и коалиции. К числу таких наиболее влиятельных родов можно отнести всего пять: Фудзивара, представители которого в VIII в. 29 раз входили в состав *Гисэйкан* (преимущественно во второй половине VIII в.), Тадзихи, Ки, Оотомо и Абэ.

Помимо заседаний *Гисэйкан*, многие политические решения, особенно это справедливо для эпохи Хэйан, принимались во время *найэн*, пиров во дворце или в усадьбах аристократов. Так, на пиру во второй

день первой луны 886 г. был решен вопрос о разграничении обязанностей *сэсэ* и *кампаку* (регент и канцлер; об этих должностях речь пойдет позднее), обсуждались кандидатуры на важнейшие государственные посты. В общей сложности за время этого пира обсуждалось 27 вопросов государственной значимости, и большинство из них — по причине окончательной разрешенности — вступили в силу без обсуждения на заседании *Гисэйкан*.

Особое положение среди высших государственных учреждений занимало *Дзингикан*. Согласно сводам, оно имело равный с *Дадзёкан* статус, но его формальным главой мог быть чиновник младшего 4-го ранга, тогда как *Дадзёкан* возглавляли чиновники, обладавшие рангами с первого по третий. Фактически же его возглавлял сам *тэнно*, являвшийся первосвященником синтоизма. Основные функции *Дзингикан* — проведение храмовых (синтоистских) служб, религиозных празднеств и церемоний общегосударственного масштаба.

Основной функцией *Дандзётэй* был контроль над осуществлением законодательных норм в столице и на местах. Ведомство проводило проверки провинциальных и уездных управ, расследовало нарушения закона. Его глава имел формальное право прямого доклада *тэнно*, минуя *Дадзёкан*.

В ведении *Дадзёкан* находилось восемь министерств (*сё*).

Тюмусё — Министерство центра — занималось составлением хроник и подворных реестров, поправкой указов и документации.

Сикибусё — Министерство кадров (распространенный, но неверный перевод — Министерство церемоний) — назначало инспекторов в провинции, отвечало за проведение аттестаций чиновников, ведало ранговым продвижением чиновников, вело списки должностных лиц.

Дзибусё — Министерство управления — занималось вопросами пожалования наследственных титулов кабанэ и составлением родословных, разбирало различные тяжбы, имеющие отношение к вопросам наследования и брака, отвечало за прием иностранных послов, проведение похорон.

Мимбусё — Министерство народных дел — занималось вопросами, связанными с несением трудовой повинности и сбором налогов, а также развитием инфраструктуры.

Хёбусё — Военное министерство — ведало аттестацией и продвижением по службе столичного и провинциального старшего военного чиновничества, крепостями, заставами, укреплениями, сторожевыми и сигнальными постами, а также военной амуницией и конюшнями, занималось обучением воинов, формированием военных отрядов.

Гёбусё — Министерство наказаний — ведало расследованием уголовных дел и наказаниями, пересмотром приговоров, арестом и тюремным заключением.

Оокурасё — Министерство казны — наблюдало за приходом и расходом материальных ценностей, следило за мерами веса, длины и объема, устанавливало продажные и закупочные цены на различные товары.

Кунайсё — Министерство двора — ведало различными службами, связанными с внутренней жизнью императорского дворца.

Министерствам подчинялись следующие структуры: управления (*сики*), отделы *рё* и бюро *си* (отделы и бюро также могли именоваться *цукаса*). Относительной статусной самостоятельностью обладали управы по охране дворца *фу*.

Все чиновники в соответствии с занимаемой должностью были причислены к одному из четырех разрядов: *тёкан* (*ками*), *дзикан* (*сукэ*), *ханкан* (*дзё*) и *сютэн* (*сакан*). Разряд *тёкан* («старший чин») включал в себя всех чиновников, которые занимали высшие посты в соответствующих учреждениях. К разряду *дзикан* («следующие чины») относились заместители руководителей соответствующих департаментов. К разряду *ханкан* причислялись все остальные помощники глав ведомств, к разряду *сютэн* — мелкие ведомственные чиновники (например, писцы).

Должности, выходящие за пределы штатного расписания, определенного законодательными сводами, получили название *рёгайкан*. Введение таких должностей началось сразу же после обнародования кодекса «Тайхорё» в 702 г. Тогда была учреждена должность политического советника двора *санги*. В 703 г. появилась должность «сведущего в делах Палаты большого государственного совета» *тидадзё-кандзи* (упразднена в 745 г.). В 705 г. учредили должность среднего советника Палаты большого государственного совета (*тюнагон*). Все *рёгайкан* можно подразделить на постоянные и временные. К первой группе относятся должности *санги*, *тюнагон*, *ансэтииси* (инспектора провинций, часто наделенного военными функциями), ко второй группе — должности ответственных за строительство крупных буддийских храмов, строительство столицы в Нара и другие должности, вводившиеся для осуществления определенных единовременных замыслов.

Помимо номенклатуры должностей и государственных учреждений, кодекс регулирует размер жалования чиновников в соответствии с величиной ранга и значимостью занимаемой должности, устанавливает систему наследования привилегий от отца к старшему сыну или

внуку, регулирует размер земельных наделов. Особое внимание уделяется буддизму — в танском законодательстве ничего, подобного Сонирё, «Закону о буддийских монахах», не существовало, хотя и имелись отдельные законы, в своды не входившие. В Китае буддизм никогда не играл столь значительной роли в политической жизни, которая была уготована ему на Японском архипелаге.

«Закон о небесных и земных божествах» содержит перечень основных синтоистских ритуалов годового цикла и устанавливает порядок проведения синтоистских богослужений по особым случаям — синтоизму придавалось первостепенное значение в связи с его функцией ритуальной опоры государева рода. Естественно, что в китайском законодательстве такого учреждения не предусмотрено.

Законодательно закреплялось и административно-территориальное деление: провинции делились по размерам и степени удаленности от политического центра. Управитель провинции (*кокуси*) обладал обширным списком полномочий, в том числе сбором налогов. Провинции делились на уезды, управители которых должны были назначаться из центра, чего в реальности не происходило. На низовом уровне основной структурной (и налогооблагаемой) единицей признавался крестьянский двор (*ко*), 50 дворов объединялись в село (*сато*), возглавляемое деревенским старостой, осуществлявшим «поощрение земледелия и шелководства» и функции контроля. Для улучшения фискальной функции села были разделены на пятидворки.

В отдельных документах фигурирует термин *до* «округ» (дословно: дорога, границы между округами проходили по основным государственным дорогам), объединявший несколько провинций. Всего насчитывалось семь округов. Особый статус закреплялся за Главным управлением по делам округа *Сайкайдо* (север Кюсю) *Дадзайфу* в связи со значимостью региона в международных отношениях.

3.2. Социальное устройство в период Нара

Социальная дифференциация в Японии получила законодательное оформление в кодексах «Тайхорё» и «Ёрорё». Положения правовых сводов VIII в. закрепляли статусные, правовые и политические различия для разных слоев населения, они были одинаково действенными как для периода Нара, так и для Хэйан. Их выработка явилась фиксацией длительной традиции отношений между социальными группами, основанной как на религиозно-этических представлениях (в основном синтоизм и конфуцианство), так и на конкретно-исторических реалиях. Все более 5 млн человек, населявшие Японию в Нара, а затем

и 7 млн «японцев» к концу периода Хэйан принадлежали к одной из двух категорий: *рёмин*, «добрый люд», или *сэммин*, «подлый люд». «Добрым людом» называли чиновников, свободных членов крестьянских общин *бьякутё*, зависимых от двора ремесленников *синабэ* и *дзакко*. «Подлым людом» именовали охранников могил, преступников и зависимое население различных категорий, включая частных и государственных рабов.

Группа чиновников, работавших на государство, имела тенденцию к увеличению. Согласно подсчетам, их число в Нара составляло более 6 тыс. (6398 человек, без учета тех, кто занимал должности, не предусмотренные законодательством, и многочисленной группы провинциальных чиновников). В Хэйан можно уже говорить о 10-тысячном аппарате. Каждый чиновник в идеале обладал рангом и должностью, однако должностей на всех не хватало, хотя распространенной при этом была практика совместительства. Часто должность можно было купить, как и придворный ранг. Борьба с этим явлением начинают уже в Нара. В Хэйан повсюду слышны жалобы представителей знатных родов, традиционно монополизировавших важнейшие должности и занимавших высокие ранги, по поводу приобретения положения чиновника людьми «низкого» происхождения. Можно было получить ранг за деньги или рис либо оказав услуги государю или верховному чиновнику. Продаже, однако, подлежали в основном провинциальные и низшие столичные должности, а цена на них была огромной.

Пrestиж столичной аристократии многократно превосходил положение чиновников провинциальных. Провинциальные чиновники (*гэкан*) имели собственную шкалу из 20 «внешних» рангов. Возможность вертикальной мобильности *гэкан* была ограниченной, однако им была дана привилегия отправлять в столицу своих дочерей в качестве дворцовых прислужниц *унэмэ*, что в перспективе давало шанс сродниться со столичной аристократией и тем самым повысить собственное положение в социальной иерархии.

Внутри столичной аристократии также выстраивалась иерархия: чиновники с 1-го по 3-й ранг именовались *кидзоку*, «благородные». Занять эту позицию могли только представители верхушки японской аристократии. 4-й ранг давал право претендовать на одну из высших государственных должностей и входить в состав *Гисэйкан*. Чиновники 5-го ранга могли занимать придворные должности, но на высшие посты не претендовали. Служители 6–8-го рангов составляли низшее звено бюрократии, а 9-й «начальный» ранг вообще не гарантировал обладателю чиновничьей карьеры. Присвоение высших рангов обычно

проводилось в первой луне, назначение на провинциальные должности — весной, на столичные — осенью. Распространенной была практика назначения выходца из столичной аристократии управителем той или иной провинции (*кокуси*), и чем дальше от Нара, а затем от Хэйан находилось место службы, тем менее престижным оно было.

Статусные различия существовали также между гражданскими и военными чиновниками. Опираясь на культурные установки конфуцианства и идею о ритуальной нечистоте смерти и крови, выстраивалась система, при которой престиж военных должностей в Нара и Хэйан (исключая конец XII в.) был гораздо меньшим, нежели должностей гражданских. Традиционная Япония не может похвастаться громкими военными победами на материке — после поражения 663 г. государство на долгое время теряет интерес к проведению завоевательной внешней политики; войска Ямато, а затем и Японии не смогли (не захотели?) справиться с «варварами» *эмиси* в дальних провинциях Муцу и Дэва (последняя успешная кампания датируется 801 г.). Характер жизненного уклада и ценностных установок придворной аристократии способствовал поощрению и развитию «мирных» искусств: стихосложения, составления ароматов, разработке эстетических категорий, что позволяет говорить об «изяществе» столичной культуры.

Стихосложение было неременной обязанностью чиновников как в Китае, так и в Японии. Стихотворные произведения, наполненные скрытыми цитатами и символами, могут показаться современному читателю материей сугубо эстетического свойства, однако в такой форме могла осуществляться и острая политическая полемика. С другой стороны, мир хэйанской аристократии видится полным обрядовых запретов, руководивших их действиями.

«Герметичность» придворного мира была обусловлена традиционно сложившимся положением, при котором одни дома считались более знатными ввиду лучшей генеалогии, что дополнялось культурной установкой не на изменение, но на преемственность и воспроизведение, ритуализованность политической жизни. По этой причине принцип распределения должностей на основании личных качеств чиновника, подтверждаемых конкурсными экзаменами, распространения не получил. На официальном уровне разделение родов по принципу знатности происхождения подкреплялось мифом о божественном происхождении государева рода от богини солнца Аматэрасу и возведением генеалогий знатных родов к тем или иным божествам синтоистского пантеона.

Государев род занимал особое положение в системе социальных отношений. Для принцев существовала собственная шкала рангов, сам же правитель был фактически выведен за пределы действия законов и социальной иерархии. Главный акцент в японской императорской идеологии делался на несменяемости и непрерывности правящего рода, поэтому одной из важнейших задач, ставившихся перед самим *тэнно*, было произведение на свет наследника, а род—поставщик невест обеспечивал бесконфликтность передачи власти. «Хризантемовое табу» — термин, выработанный в XX в. и указывающий на запрет критики государя и его рода, — может быть применен и к Японии традиционной. Исключения составляют описания хрониками государей, например государя Бурэцу (499–506), не справившихся с задачей произведения потомства.

В Китае, служившем образцом построения государственности для многих стран дальневосточного ареала, смена правящей династии была частым явлением. Идеологическим обоснованием этому служила концепция благой силы *дэ* (яп. *току*), которой Небо — источник легитимности — наделяет совершенномудрого правителя, даруя ему «мандат Неба» *тянь мин* (яп. *тэммэй*). Сила эта не бесконечна и угасает от правителя к правителю одной династии. Об утрате *дэ* говорят небесные знамения и земные неурядицы вроде засухи, землетрясений и пожаров. Когда династия утрачивает *дэ*, ее должна сменить другая, дабы осуществить веление Неба и восстановить порядок и гармонию.

В Японии концепт «мандата Неба» в подобных масштабах задействован не был, однако и отказ от его использования представляется процессом, а не единовременным решением. «Открытие» *тэммэй* приписывается императору Тэнти, что находит отражение в его посмертном имени Микото Хиракасу Вакэ («Муж, который впервые получил мандат Неба»), а указы об интронизации государей, начиная с Камму (770–781), настойчиво повторяют правопреемственность *тэнно* по отношению к Тэнти, игнорируя деятельность Тэмму, «мандатом Неба» не наделяемого. Благая сила *дэ* упоминается довольно часто и в основном приписывается государям. В Японии *дэ* правителей не угасало при передаче власти наследнику — наоборот, каждый новый *тэнно* представлялся обладателем полного запаса добродетели. В политической терминологии, несмотря на несменяемость правящего рода в Японии, правители выглядят менее зависимыми друг от друга, нежели в Китае, где существовали представления о «едином теле» династии. Это находило отражение в терминологии наследования

власти: китайский термин *цзи ти* («унаследовать престол») буквально значит «продолжить тело»; наследник императора именуется *чжэн ти*, «прямая плоть», и *ди ти*, «плоть властителя». В Японии представления о государстве и роде как о едином теле вырабатываются значительно позже.

Еще одной причиной, по которой концепт «мандата Неба» не мог в полной мере укорениться в Японии, было то, что источником легитимности правящего рода выступало не само Небо, а богиня Аматаэрасу. Особое положение государя, осуществлявшего функцию медиатора и защитника посредством обращения к небесным богам и являвшего собой столп гармонии мироздания, никогда в истории Японии сомнению не подвергается. Хотя синтоистский компонент всегда будет оказывать решающее влияние на формирование образа тэнно, в зависимости от конкретных исторических обстоятельств он будет дополняться различными коннотациями.

Народу в политической теории традиционной Японии отводилась чрезвычайно важная роль. В период Нара он провозглашается «основой» государства, а если основа прочна, то вся страна пребывает в спокойствии. Чрезмерно волновать «основу» не следовало. Частым обвинением чиновников друг против друга являлось увлечение строительством крупных сооружений, храмов и монастырей, что требовало огромных ресурсов, истощало казну и приводило к стихийным волнениям вследствие стремления ее наполнить, возлагая на крестьянство дополнительное бремя. Основным занятием «народа» мыслились земледелие и шелководство, т.е. обеспечение Поднебесной едой и одеждой. Таким образом, под «народом» имелись в виду крестьяне. Рыболовы интересовали государственную идеологию в меньшей степени, поэтому находились в более свободном положении.

Ремесленники *синабэ* и *дзакко* составляли незначительную долю населения. Основанием для разделения их на две группы была сфера профессиональной деятельности. *Синабэ* в основном были заняты в сфере «мирных» ремесел, например гончарного дела, а *дзакко* имели непосредственное отношение к производству военного снаряжения. *Синабэ* и *дзакко* входили в персонал государственных учреждений. Формально ремесленники относились к категории «доброго люда» (*рёмин*), но фактически были полусвободными и образовывали промежуточную категорию.

В соответствии с надельной системой *синабэ* и *дзакко* получали землю — главный источник своего существования. Как государственные служащие, они освобождались от налогов, податей и трудовой

повинности, а в качестве государственной повинности должны были участвовать в работах (в основном это было производство ремесленных изделий), предписанных соответствующим хозяйственным управлением. *Синабэ* были официально упразднены в 759 г., а ремесленники, входившие в эту социальную группу, обрели статус податного населения и формально примыкают к крестьянам.

Социальная группа, прозванная «подлым людом» (*сэммин*), включала в себя рабов различных категорий. Браки между «подлым» и «добрым» людом запрещались законодательно. Более того, *сэммин* разрешалось заключать брак только внутри той категории, к которой они принадлежали. Поскольку категории *сэммин*, помимо отношений зависимости, базировались и на принципе выполнения ими определенных видов труда, вроде выделки кожи или сооружения усыпальниц, это привело к наследственному закреплению обязанностей и формированию наследственных профессиональных групп. В категорию *сэммин* переводили и представителей «добротного люда», совершивших различные преступления. Предусматривалась и теоретическая возможность обратного перехода, однако она распространялась на самого человека (а не на весь род), достигшего возраста 76 лет, что лишало его возможности закрепить достигнутый статус, вступив в брак и производя потомка статуса *рёмин*.

3.3. Политическая история периода Нара

В самом верхнем эшелоне власти в VIII в. происходили постоянные попытки передела властных полномочий. Борьба шла не столько непосредственно за материальные ресурсы (главными из которых в то время были земли с приданными крестьянами и налоговые поступления), сколько за место в политической иерархии, обеспечивавшее к ним доступ. Из-за отсутствия определенного законом порядка престолонаследия (что, разумеется, не было простой случайностью) попытки утвердить свое влияние обычно принимали форму борьбы за то, чтобы утвердить на престоле своего ставленника.

При реально существовавшей полигамии круг претендентов на трон был весьма широк. Согласно законодательству VIII в. в него попадало несколько десятков человек с формально одинаковыми правами, что создавало неограниченные возможности для возникновения конфликтных ситуаций. К тому же после оттеснения Сога с политической арены и ликвидации их монополии на «поставку» невест для правящего дома на эту роль стали претендовать сразу несколько родов. Наконец, реформы Тэмму, направленные на укрепление центральной

власти, временно разбалансировали привычные социальные механизмы, что проявилось и в борьбе за японский трон. Может быть, наиболее курьезным примером было занятие трона Гэммэй после смерти ее сына Момму, что было вопиющим нарушением любых прецедентов престолонаследия.

В начале VIII в. складывается система политического доминирования рода Фудзивара, который постепенно стал в решающей степени определять динамику придворной политической жизни. Представители этого рода почти постоянно играли ведущую роль и в практических делах управления, и при составлении важнейших документов «программного» свойства (законодательные своды, хроника «Сёку нихонги»).

Социальные механизмы контроля Фудзивара над государственным аппаратом и действиями императора не вполне понятны. Похоже, однако, что в своей основе они были теми же, что и при Сога во второй половине VI — первой половине VII в.: этот род стал новым «поставщиком» невест для правящего дома, т.е. привел в действие традиционную систему родства, при которой дядя по материнской линии обладал значительным влиянием на своего внука.

Сам род Фудзивара был далеко не един: внутри него самого также существовали группировки, каждая из которых отстаивала свои интересы. Фамилия Фудзивара была пожалована Накатоми-но Каматари в 669 г. императором Тэнти, вместе с которым (в то время — принц Нака-но Оэ) ранее он осуществил переворот, направленный на устранение рода Сога из политической жизни. Сын Каматари — Фухито, Правый министр, участвовал в составлении обоих законодательных сводов и выдал замуж за императоров Момму и Сёму двух своих дочерей. Четверо сыновей Фухито также заняли высокие должности при дворе (все они обладали рангами выше четвертого), разрушив таким образом сложившийся там баланс сил. Сыновья Фухито основали четыре главных дома рода Фудзивара: южный, северный, церемониальный (*сикикэ*) и столичный, что в дальнейшем стало основой для внутриродовой конкуренции.

Вначале потомки Фухито действовали согласно: они обвинили в подготовке заговора принца Нагая (сына Момму и дочери Фухито), занимавшего пост Левого министра, и вынудили его и всю его семью совершить самоубийство (в 729 г.), избавившись таким образом от его детей в качестве конкурентов в борьбе за престол. Но в 737 г. все четверо братьев (все они были членами высшего государственного совета — *Дадзёкан*) умерли во время эпидемии оспы, и тогда ведущее

положение при дворе занял представитель другого рода — Татибана Мороэ (при нем членом *Дадзёкан* был только один представитель рода Фудзивара).

В результате придворных интриг, предпринятых Татибана Мороэ, Киби Макиби и монахом Гэмбо, внук Фухито по имени Хироцугу в 738 г. был отправлен служить на Кюсю, где в 740 г. поднял мятеж. Через два месяца Хироцугу был разбит мобилизованной со всех провинций 17-тысячной армией, попал в плен и был казнен. После этого возглавлявшийся им один из домов Фудзивара (*сикикэ*) пришел в упадок, и на некоторое время позиции рода Фудзивара при дворе ослабли.

Затем на первый план выдвинулся южный дом (*нанкэ*). Его представитель, Фудзивара Накамаро, внук Фухито, приобрел определенное влияние в последние годы правления Сёму, но особенно усилился в правление Кокэн (которую фактически контролировали ее мать и его тетка Коке, супруга Сёму) и при Дзюннин (зять Накамаро). После раскрытия направленного непосредственно против него заговора 757 г., возглавляемого Татибана-но Нарамаро (сыном Мороэ и дочери Фудзивара Фухито) и его ближайшими сподвижниками принцем Фунадо и Отомо Комаро, Накамаро фактически стал диктатором, чеканил собственную монету, собирал налоги от собственного имени, занял обычно остававшийся вакантным пост Главного министра (*Дайдзё дайджин*). Однако затем он вошел в конфликт с монахом Докё.

Инцидент Докё

Будучи выходцем из захудалого провинциального рода Югэ, Докё прошел путь от простого монаха до всемогущего властителя страны. Выдвижение Докё было тем более удивительным, что социальная структура японского общества VIII в. жестко детерминировала судьбу человека. При присвоении придворных рангов и распределении государственных должностей принадлежность к тому или иному роду имела определяющее значение. Докё оказался исключением. Свою роль в этом сыграли как его личные качества (согласно утверждениям современных графологов Докё обладал «сильным и самоуверенным характером»), так и то, что он избрал для себя путь монаха. Буддийское духовенство представляло собой, пожалуй, единственную социальную группу, дававшую в Японии того времени простор для вертикальной социальной мобильности.

Докё появился в штате придворных монахов в начале 750-х годов, когда престол занимал император Дзюннин — ставленник Фудзивара

Накамаро. Монахи того времени не только обучались китайской грамоте, что было необходимо для чтения священных буддийских текстов, переведенных в Китае с санскрита, но и владели многими другими полезными навыками, в частности врачеванием. За Докё утвердился слава умелого целителя. Видимо, поэтому его направили в 761 г. к захворавшей экс-императрице Кокэн.

Ныне уже трудно судить, чем именно Докё завоевал расположение императрицы. Может быть, она выбрала его своим духовным пастырем? Или, как утверждает сборник буддийских легенд «Нихон рёики», «Докё из рода Югэ делил с императрицей одну подушку и управлял Поднебесной»? Так или иначе, после встречи с Докё намерения Кокэн резко изменились. «Сёку нихонги» лапидарно отмечает, что «между экс-императрицей Кокэн и императором Дзюннин обнаружились разногласия, после чего Кокэн удалилась в храм Хокодзи». Спустя какое-то время она публично объявила, что принимает монашество, оставляя малые дела управления Дзюннин, а крупными отныне станет заниматься сама. Политическая борьба, продолжавшаяся в течение двух лет, окончилась сражением, победу в котором одержали войска Кокэн. Накамаро был убит, а Дзюннин сослан и вскоре скончался при таинственных обстоятельствах.

После этого Кокэн вторично взшла на трон (на сей раз под именем Сётоку). Императрица-монахиня пожелала иметь министра-монаха и даровала Докё не предусмотренные никакими законами титулы *Дайдзё дайджин-дзэндзи* («великий министр-монах») и *Хоо* («повелитель дхармы»).

В правление Сётоку—Докё было проведено множество мероприятий, направленных на дальнейшее распространение буддизма в стране. Назовем лишь одно из них, наиболее впечатляющее по своему размаху. Для ритуального очищения от скверны, вызванной мятежом Фудзивара Накамаро, был вырезан 1 млн (!) деревянных моделей пагод.

А в 766 г. произошло чудо: в храме Сумидэра были обнаружены мощи Будды. Сётоку признала это за знак одобрения деятельности Докё и пожаловала ему новый титул — «император Закона Будды». Однако тщеславие Докё все еще не было удовлетворено — он посчитал, что должен стать настоящим императором. Для этого им была использована глубоко укоренившаяся вера в предсказания. В 769 г. в столице Нара стало известно, что синтоистский бог Хатиман из храма Уса на Кюсю пожелал, чтобы Докё стал императором, обещая стране в этом случае мир и спокойствие. Единственный раз за все правление Сётоку чары Докё оказались бессильны, ибо императрице было явлено «встречное» видение: она должна отправить некоего Вакэ-но Киёмаро на Кюсю, чтобы он узнал истинную волю бога. Киёмаро вернулся от оракула с таким ответом: «Со времени начала нашего государства и до дней наших определено, кому быть государем, а кому — подданным. И не случалось еще, чтобы подданный стал государем. Трон солнца небесного должен наследоваться императорским домом. Неправедный же да будет изгнан». За такой ответ Докё сослал Киёмаро, однако уже не возобновлял своих претензий на престол.

Влияние Докё на императрицу было столь прочным, что и после случившегося он сохранил свои позиции. Однако после смерти Кокэн, следовавшей в 770 г., новый император Конин изгнал Докё из столицы в храм Симоцукэ, где он и скончался два года спустя. Возмущение, вызванное Докё, было столь велико, что Конин счел за благо изменить прежний девиз правления, не дожидаясь конца года, что считалось совершенно недопустимым с точки зрения «нормальной» императорской этики.

Действия Докё навлекли гонения не только на него самого и его партию — при дворе вообще усилились антибуддийские (а вместе с ними и антииностранные) настроения. Прекратилась государственная помощь буддийским храмам, был ужесточен контроль над пострижением в монахи. Так потерпела крах попытка построения буддийской теократии. Правящая элита Японии осознала, что наилучшим гарантом ее наследственных привилегий был синтоизм с его развитым культом предков, из которого логически проистекало подчеркнуто уважительное отношение к истории и традиции вообще. Что касается рода Фудзивара, то даже смерть Накамаро уже не могла остановить их все возрастающее влияние.

Последние годы периода Нара. Император Камму

Последние годы периода Нара и начало Хэйан падают на правление Камму (781–806), старшего сына императора Конин и Такано-но Нигаса, происходившей из корейского иммигрантского рода потомков королевской семьи Пэкче. Вероятно, если бы не поддержка его тестя Фудзивара Момокава и удачно сложившиеся обстоятельства, Камму вряд ли стал бы наследным принцем и императором.

Камму был деятельным правителем, осуществившим целый ряд преобразований, направленных на укрепление императорской власти. В отличие от предшествующих государей ему удалось достичь определенной независимости в проводимой им политике. Посты Главного и Левого министров он оставил вакантными и пытался по возможности самостоятельно решать стоящие перед страной (двором) проблемы.

Деятельность Камму затронула все сферы государственной жизни и была посвящена корректировке системы «государства рицурё» в надежде остановить ее эрозию.

Во-первых, он провел реформу провинциальной администрации. Была введена должность *кагэюси* — специальных провинциальных инспекторов, которые должны были наладить сбор и обеспечить сохранность натурального налога и его доставку в столицу. Это было непростой задачей, поскольку в то время связи между центром и провинциями были уже заметно ослаблены.

Во-вторых, срок перераспределения земельных наделов был увеличен до 12 лет. Согласно закону «Тайхорё» это следовало делать каждые шесть лет, но в реальной жизни осуществлять это было сложно. Кроме того, Камму реформировал военную организацию, введя систему *кондэй*, упразднившую рекрутский набор. Теперь армия стала формироваться избирательно из сыновей знатных домов (такой порядок службы в армии просуществовал до 1873 г.). При введении новой системы в 792 г. каждая провинция могла представить не более 60 *кондэй*; таким образом, вся армия государства составляла, видимо, около 3 тыс. человек.

В сфере религии Камму предпринял меры для отделения буддийской церкви от государственной политики, поддерживал формирование новых буддийских направлений в противовес *нанто рокусю* («шести буддийским школам Нара»), покровительствовал религиозным деятелям Сайтё и Кукай.

Среди дел Камму наиболее известны перенос столицы (сначала в Нагаока, потом — в Хэйан) и походы против *эмиси*. Перенос столицы из Нара был, вероятно, вызван осознанием общего кризиса всего государства, обострившегося в последние годы. Это и развал наделной системы землепользования, и непрерывные придворные интриги, и чрезмерное вмешательство буддийских монастырей и монахов в светские дела. Кроме того, все японские правители в эпоху Нара были прямыми потомками Тэмму и Дзито. Камму же был по отцовской линии потомком Тэнти, сын которого потерпел поражение во время «смуты года *дзинсин*» (672 г.). Поэтому, возможно, здесь сработала китайская политико-историческая логика, согласно которой новая династия (хотя в строгом смысле слова говорить о «новой» династии было бы неправомерным) непременно перебиралась в новую столицу.

Перенос дворца в Нагаока (к северо-западу от Нара) был осуществлен в 784 г., однако из-за убийства в следующем году Фудзивара Танэцугу и неожиданной смерти сосланного из-за причастности к этому заговору принца Савара полномасштабные строительные работы были приостановлены. В 794 г. двор был перенесен в провинцию Ямасиро, где и началось строительство новой столицы — Хэйанкё («столица мира и спокойствия»). Одной из центральных фигур, осуществлявших этот проект, был Вакэ Киёмаро, сыгравший выдающуюся роль в устранении монаха Докё из придворно-политической жизни. Хэйан (позднее переименованный в Киото) оставался официальной резиденцией японских императоров вплоть до 1868 г., когда двор переехал в Токио.

Таким образом, период «кочевого двора» был окончательно завершен: новое строительство для разбухавших государственных структур требовало слишком много времени и средств.

3.4. Краткая характеристика периода Хэйан (794–1185)

Период японской истории, получивший название *Хэйан дзидай*, период Хэйан (794–1185), окружен стереотипами. Именно с героями этого времени связаны представления об утонченности, чувственности, элегантности, эстетике недосказанности. Одним словом, некоторой женственности японской культуры. И эти представления не лишены оснований — именно на Хэйан приходится расцвет литературы женского потока: создают свои произведения Мурасаки Сикибу, Идзumi Сикибу, Сэй Сёнагон. Именно в этот период появляется японская слоговая азбука и общепризнанной поэтической формой становятся *вака*, стихотворения на японском языке. Если в первой четверти IX в. создавались государственные антологии *тёкусэнсю* китайских стихов *канси*, то начиная с X в. государство будет заинтересовано только в собраниях *вака*.

Нередко период Хэйан называют **золотым веком японской культуры**, когда вырабатываются собственно японские культурные формы, идеологемы, в отличие от периода Нара, когда Япония находилась под сильнейшим культурным влиянием материкового Китая. Так, появление первого из собственно «японских» архитектурных стилей, *синдэн дзукури*, связывают с прекращением отправки посольств в империю Тан и, как следствие, необходимостью переосмысления накопленного опыта в условиях относительной культурной замкнутости. Да и наименование, которым обозначают данный период по названию тогдашней японской столицы Хэйанкё (совр. Киото), может быть переведено как «Период мира и спокойствия», что также добавляет светлые краски в идеализированный и несколько идиллический образ этого времени.

Не стоит, однако, забывать и о том, что в период Хэйан не прекращается политическая борьба, вылившаяся в различные вооруженные восстания, происходит становление и укрепление позиций самурайского сословия, которое станет определять динамику политической жизни на последнем этапе периода. Появление таких институтов власти, как *инсэй*, **развитие частного землевладения** (система *сёэн*) и укрепление позиций местной администрации также затрудняют бесперебойную деятельность центрального правительства и провоцируют кризисы власти. Таким образом, уместно говорить о периоде Хэйан как о време-

ни «мира и спокойствия» и — одновременно с этим — как об эпохе беспрерывных смут и мятежей. Дихотомия «хризантемы» и «меча», женского и мужского начал японской культуры, выявленная Рут Бенедикт, наблюдается здесь в полной мере.

Противоречивость этого времени во многом обусловлена наследием нарской эпохи, когда японская элита была увлечена построением государственности по китайскому образцу. Если в период Нара можно говорить о высокой степени централизации государства и постепенном расширении сферы его влияния на северо-восточные регионы Хонсю, что совмещается с попытками ассимиляции местного населения, то в Хэйан все отчетливее прослеживается **тенденция к герметизации политической активности элиты** в пределах столицы и дезинтеграции периферии. Не способствует успешному управлению и **кризис системы *рицурё***, заметный уже с конца периода Нара. Законодательная база, на которую опиралось государство, в недостаточной степени соответствовала японским реалиям, что затрудняло правоприменительную практику. Распространение системы частных поместий *сёэн*, наделенных налоговым иммунитетом, вкупе с возросшей значимостью местного чиновничества при перераспределении ресурсов и отправке налогов в столицу подрывало экономическую базу существования государства с сильным центром.

Неспособность центра оказывать существенное влияние на периферию, невозможность и незаинтересованность в проведении крупномасштабных общегосударственных проектов, кризис системы *инсэй*, многочисленные конфликты внутри императорского рода и рода Фудзивара привели к ситуации, при которой фактические управленческие полномочия уже во второй половине XII в. оказываются в руках сильных военных домов. Придворные аристократы стали заложниками той силы, которую они призвали для урегулирования межклановых и внутренних конфликтов, в результате чего утратили власть.

Эпоха «мира и спокойствия» продемонстрировала недееспособность «государства, основанного на законах» (*рицурё кокка*). Новая модель управления и урегулирования взаимоотношений между государством и подданными, получившая в историографии название «**придворное государство**» (*отё кокка*, X–XII вв.), сосредоточенная исключительно на положении дел в столице Хэйан и столичном регионе Кинай, оказалась недейственной в сложившейся обстановке. Кризис данной системы приводит к усилению позиций военного рода Минамото и **учреждению первого из трех сёгунов** в японской истории.

3.5. Государственное устройство в период Хэйан

В период Хэйан сохраняются институты власти, оформившиеся в предыдущую эпоху, однако многие из них теряют свою эффективность, что связано как с общим кризисом системы *рицурё*, так и с изменением политического климата в стране. Старые органы верховной власти не упраздняются, однако многие их функции переходят к новым ведомствам и службам. Ведомства и должности, созданные специально для осуществления контроля и надзора за провинцией, довольно быстро приобретают независимость и подчиняются центру лишь формально. Государство оказывается неспособным поддерживать систему управления, выработанную в период Нара, что вызвано и общими тенденциями по герметизации придворной элиты, сфера интересов которой (нередко и область передвижения) ограничивалась столицей. По этой причине период с X по XII в. получил в историографии название «*отёкокка*», «придворное государство», в противоположность «*рицурё кокка*», «государству, основанному на законах».

Учреждение новых ведомств и должностей не только связано с изменением структуры отношений между центром и периферией, но и обусловлено механизмами политической борьбы, эволюцией системы землевладения, а ближе к концу периода — возросшей политической активностью военных домов.

Во главе государства находился император, однако, как и в период Нара, мало кто из правящих государей проводил самостоятельную политику и принимал решения. Функция императора часто заключалась в отправлении ритуалов, тогда как решением политических вопросов занимались представители аристократических элит, приближенных к правителю. Общая тенденция, заключавшаяся в отстранении императоров (а позже и сёгунов) от непосредственного принятия решений, не позволяет, однако, трактовать занимаемое ими положение как номинальную власть церемониальной фигуры. Эта дистанция выводит правителя за пределы возможной критики в случае применения непопулярных мер, делает его неприкосновенным, а также является дополнительным фактором его сакрализации. Главная функция государя заключалась в произведении на свет потомства и продолжении священной династии, а также распространении «священной культурности» (*сэйка*), посредством которой смягчаются нравы и улучшаются обычаи его подданных. Император, являясь источником *сэйка*, пребывал в сакральном центре государства — столице Хэйан. Правители периодов Нара и Хэйан покидали ее пределы крайне редко. Чиновники же, возвращавшиеся из провин-

ции на место службы, расценивались как «вернувшиеся к культурности», а потомки иммигрантских родов, подавая прошения на высочайшее имя, нередко указывали, что их также затронула «священная культурность» императора.

Однако несколько императоров периода Хэйан отличаются повышенной политической активностью и самостоятельностью. Время их правления получило в историографии название «идеальной государственности». К числу «идеальных» императоров относят Уда (887–897), Дайго (897–930) и Мураками (946–967), предпринимавших действия по дистанцированию правящего рода от рода Фудзивара, определявшего политическую динамику при дворе и влиявшего на действия императоров посредством системы брачных отношений, а также благодаря введению должностей регента *сэссё* и канцлера *кампаку*, позволявших контролировать правителя с малолетства. Иногда к числу «идеальных» императоров относят также Камму (781–806) и его сына, государя Сага (809–823), чья активная политика расценивается как попытка преодоления кризиса системы *рицурё*. Одним из способов, к которому прибегали императоры для обретения политических полномочий, был механизм отречения от престола, что позволяло правителю в случае передачи власти лояльному его престолонаследнику осуществлять управление, не будучи скованным ритуальными обязательствами. В 1087 г. император Сиракава (1073–1087) отрекается от престола в пользу своего восьмилетнего сына Хорикава (1087–1107), затем принимает постриг, однако продолжает управлять делами двора, уже будучи экс-императором. До самой смерти, настигшей его в 1129 г., Сиракава будет диктовать свою волю как правящим императорам, так и регентам и канцлерам из рода Фудзивара. Данный тип управления государством, осуществляемого отрекшимися императорами, получил название *инсэй*, «правление из молельни». Новые политические реалии требовали создания органов власти, институционально закреплявших изменения в политическом балансе сил между императорским родом и придворными элитами.

В период Хэйан происходит увеличение численности бюрократического аппарата, при этом эффективность работы государственных органов существенно снижается. Такие органы власти, как Большой государственный совет *Дадзёкан* и Палата цензоров *Дандзётэй*, созданные в период Нара, на время утрачивают свою значимость, однако сохраняются как институты власти. Их функции перенимают новые ведомства, отчасти дублирующие их, но при этом изменяющие вектор воздействия в сторону фигуры императора. Важную роль в системе властных отношений играют

чиновники, занимающие те должности, которые позволяют им находиться в непосредственной близости к правителю. Значительные усилия государства были затрачены на попытку установления контроля над перераспределением частных землевладений и упорядочиванием отношений между центральной властью и периферией, что не принесло значительных результатов. Противостояние отдельных представителей государева рода и рода Фудзивара приводило к появлению новых политических институтов и **замещению одного властного центра другим**. В ответ на самостоятельную политику императоров вводятся должности *сэссё* и *кампаку*. Система *инсэй* значительно снизила влияние регентов и канцлеров, однако должности упразднены не были. Функции *сэссё* и *кампаку* были сведены к церемониальным. Отдельный интерес представляет организация различных надзорных инспекторских и полицейских ведомств и личных гвардий экс-императоров, сменившая упраздненную императором Камму регулярную армию, формировавшуюся по принципу рекрутского набора. Развитие системы частных военных отрядов и полицейских ведомств с широким кругом полномочий приводит к возвышению сильных военных домов и — в исторической перспективе — к утрате аристократами властных полномочий.

3.6. Особенности социальной структуры в период Хэйан

Согласно некоторым подсчетам, основанным на данных об увеличении посевных площадей и, как следствие, получении продукта, способного прокормить большее количество человек, за первую половину периода Хэйан численность населения Японии возросла с 6 до 7 млн человек. Как и в период Нара, все население относилось к одной из двух категорий — «добрый люд» *рёмин* и «подлый люд» *сэммин*. Внешний каркас остается прежним — изменения происходят в основном внутри социальных групп. К важным сдвигам в системе социальных отношений стоит отнести изменение положения «духовенства» и военных домов. Заметную роль начинает играть монашество, в период Хэйан обладавшее как экономическими, так и военными ресурсами, позволявшими общине воздействовать на родовую аристократию, да и сам институт буддийской «церкви» становится востребованным как среди знати, так и среди простых людей.

Во вторую половину периода происходит возвышение военных домов, что не всегда приводит к увеличению их социального престижа и признанию со стороны знати, однако способствует обретению политических возможностей, превосходящих аристократию. По-прежнему сохраняется разница в положении столичных аристократов и провин-

циальной знати. Однако с изменением системы землевладения, с реформой налоговой системы, учреждением провинциальных полицейских ведомств, ослаблением механизмов контроля над периферией динамика отношений между ними начинает меняться.

Придворная аристократия и чиновники

Аристократическое сообщество представляется довольно замкнутым. «Герметичность» придворного мира была обусловлена традиционно сложившимся положением, при котором одни дома считались более знатными ввиду лучшей генеалогии, что дополнялось культурной установкой не на изменение, но на преемственность и воспроизведение, ритуализованность политической жизни. По этой причине принцип распределения должностей на основании личных качеств чиновника, подтверждаемых конкурсными экзаменами, распространения не получил. На официальном уровне разделение родов по принципу знатности происхождения подкреплялось мифом о божественном происхождении государева рода от богини солнца Аматэрасу и возведением генеалогий знатных родов к тем или иным божествам синтоистского пантеона. В 815 г. государю Сага был представлен свод «Синсэн сёдзироку» («Вновь составленные списки родов»), в котором были перечислены генеалогии 1182 родов (*удзи*), проживавших в Кинай (остальная Япония составителей не интересовала). Основной целью памятника было восстановить «истинное» происхождение влиятельных родов и отделить потомков переселенцев от японской аристократии. При Фудзивара-но Накамаро (706—764), во многом опиравшегося на выходцев из Кореи и Китая, проводилась политика интеграции «пришлых» родов во внутривнутриполитическую орбиту двора. Японскую родовую знать это не устраивало. Все *удзи* делились на три категории: *кобэцу* — потомки государей, *синбэцу* — потомки божеств (подразделялись на потомков небесных божеств, потомков детей и внуков небесных божеств, потомков земных божеств), *сёбан* (дословно «варвары») — потомки переселенцев с материка.

Официальная идеология делала упор на знатность и **препятствовала «варваризации» двора**. Представители некоторых знатных родов составляли тексты, обращенные к императору, в которых на основании генеалогических данных доказывали свою компетентность в исполнении определенных государственных функций. В 789 г. род Такахаси подает обращение Камму, названное «Такахаси удзи буми», в котором обосновываются притязания рода на обслуживание государева стола. В 807 г. жреческий род Имибэ составляет текст «Когосюи»

с целью упрочить свое положение в качестве отправителей обрядов. Практически монопольное право того или иного рода на определенный тип деятельности было распространено в Японии и раньше. В период Хэйан, например, высшую государственную школу возглавляли представители домов Сугавара и Оэ, секретарями *Дадзёкан* были члены родов Киёхара и Накахара, знатоками темного и светлого начал — Абэ и Камо, регентами, канцлерами и главными министрами — Фудзивара и т.д.

Число аристократических родов пополнялось за счет потомков императоров, которым присваивался статус знати. В период Нара случаи пожалования отдельным принцам родового имени и титула *кабанэ* не были редкостью, однако первый случай массового перевода родственников императоров в разряд придворной аристократии зафиксирован в правление Камму. В 805 г. он принимает решение отделить от императорского рода более 100 принцев и принцесс. Данная мера имела экономическую подоплеку — расходы на содержание принцев и принцесс были тяжелым бременем для японской казны, и без того истощенной строительством Хэйан и военными кампаниями на северо-востоке. Сага продолжает политику своего отца по сокращению численности императорского рода и присваивает родовые имена и титулы знатности даже собственным детям. Исключение составили лишь те, кто был рожден от старших жен. Подобная политика последовательно проводится до правления Ёдзэй, последний же случай присвоения родственникам императоров статуса аристократов зафиксирован в правление Мураками. Такие известные дома, как Тайра, Минамото и Татибана, вели свое происхождение от императоров. После X в. численность государственного рода регулируется посредством института монашества.

Положение придворной аристократии определялось не только близостью к императорскому роду и титулом знатности, но и величиной придворного ранга. Как и в период Нара, чиновники 1–3-го рангов именовались *ки* («благородные»). Число аристократических родов, чьи представители удостоивались столь высоких рангов, не превышало 20. Обладатели 4–5-го рангов назывались *цуки*. Круг родов, которым были жалованы данные ранги, был несколько шире — около 150–200. К X в. четкая граница между ранговыми категориями несколько размывается, и наличие ранга еще не гарантирует его обладателю привилегий, полагавшихся по законодательству. Эрозии ранговой системы способствовала и распространенная в Хэйан практика продажи рангов. Существовало два основных способа приобретения как ранга, так и должности — прямая, за деньги или рис, и опосредованная («*дзёго*» или «*эйсяку*»), в обмен на предоставление услуг или рабочей силы для

государственных проектов. Продажа и покупка рангов и должностей осуждалась аристократическим сообществом, порицавшим обращение к деньгам. Некоторые аристократы усматривали в продаже рангов признаки наступления *манпо*, «века конца закона», когда государство находится в упадке. Однако продаже подлежали в основном провинциальные ранги и должности, а также некоторые низшие столичные посты, при этом их покупка стоила огромных средств. Зафиксированы лишь единичные случаи продажи 5-го ранга, дававшего обладателю право посещать дворец и занимать относительно высокие должности, и цена сделки была огромной.

Всю высшую придворную аристократию к концу периода Хэйан можно отнести к одной из трех категорий. Перечислим их в порядке убывания престижности и политического могущества: *госэக்கэ* — «пять регентских домов» северной ветви рода Фудзивара; *сэйка* — занимали министерские должности; *урин, мэй* — занимали должности советников *дайнагон* и *тюнагон*. Число чиновников, одновременно обладавших высшими придворными рангами, для периода Нара составлявшее пять-шесть человек, увеличивается вдвое. К середине периода к данной группе аристократов будут принадлежать исключительно представители Фудзивара и — в меньшей степени — Минамото, нередко связанные между собой родственными отношениями.

Чиновники 4-го и 5-го рангов составляли многочисленную группу государевых подданных, чьи обязанности были тесно связаны с претворением в жизнь решений, принятых на высшем уровне. Они стояли во главе большинства министерств и ведомств, были ответственны за прием посольств, организацию синтоистских обрядов, поддержание порядка в столице, проведение похорон императоров. Наибольшую часть чиновничьего аппарата — около 95% от общей численности — составляли чиновники 6-го ранга и ниже, а также служащие, не имевшие ранга, но занимавшие определенные должности. Далеко не все из них были благородного происхождения. В их обязанности входил контроль над работой рынков и тюрем, а также обеспечение повседневных нужд столицы. Многие из них занимались высококвалифицированным трудом. Они также занимали низшие должности в столичных министерствах и ведомствах. К середине периода их численность значительно снижается.

Провинциальная знать

Представители провинциальной знати в условиях упадка системы *рицурё* обретают значительную власть на местах. Если управителем провинции обычно назначался столичный чиновник, то на уровне уездов

управителей выбирали из местной знати. Их интеграция в общегосударственную систему происходит за счет присвоения «внешних» рангов. Должности *гундзи*, уездных управителей, фактически передавались по наследству и были пожизненными. *Гундзи* нередко создавали проблемы государству, организуя петиционные движения, вступая в вооруженное противостояние с управителями провинций или поддерживая восстания. Отдельные представители местной знати имели в своем распоряжении значительные военные силы. Так, в 856 г. разгорелся конфликт между управителем провинции Овари и управителями уездов Кагами и Ацуми соседней провинции Мино, Кагами Ёсио и Кагами Ёсимунэ. Местная знать, недовольная тем, что управитель Овари собрался восстановить изменившееся течение реки Хориногава, затопившей его земли, отправила вооруженный отряд численностью 700 человек, чтобы помешать проведению работ. В результате протестанты добились желаемого результата, а управители обеих провинций, и Мино, и Овари, были переведены на другие места службы.

Несмотря на значительную ресурсную базу и военную мощь, социальный престиж провинциальных чиновников и местной знати оставался крайне низким по сравнению со столичной аристократией. Заветным желанием многих *гидзоку*, членов провинциальных знатных родов, было получение придворного ранга.

Буддийские монахи

В историографии *дзикэ*, «храмовые дома», наряду с аристократическими (*кугэ*) и военными (*букэ*) домами, расцениваются в качестве доминирующей власти японского Средневековья. Важно отметить, что религиозные учреждения являются самостоятельной властной структурой, а не инструментом поддержания доминирующего положения той или иной политической группы.

Решение о переносе столицы из Нара в Нагаока, а затем в Хэйан было во многом определено стремлением ограничить вмешательство буддийской общины в дела управления государством. Первоначально в «столице мира и спокойствия» было учреждено лишь два буддийских храмовых комплекса, чьей главной задачей определялась «защита государства». Император Камму издает несколько указов, направленных на снижение полномочий общины. В 784 г. было запрещено строительство родовых храмов, независимых от государственной сети земельных храмов *кокубундзи*. В 801 г. были определены правила для желавших принять монашество. С 803 г. набирать монахов имели право только школы Санрон и Хоссо, причем количество новых

монахов ограничивалось десятью ежегодно. Осторожное отношение к буддийской церкви в самом начале периода Хэйан не исключало ни приверженности аристократов и императоров буддийскому вероучению, ни симпатии правителей к отдельным монахам. Особенным покровительством государей пользовались монахи Сайтё, основатель школы Тэндай, и Кукай, первый глава школы Сингон. К середине IX в. происходит сближение сангхи и столичной аристократии. Наставником школы Тэндай становится Хэндзё, чье мирское имя было Ёсиминэ Мунэсада. Он приходился внуком императору Камму и был сыном сановника Ёсиминэ Ясуо.

Отдельный ряд мер был направлен на снижение экономического могущества буддийских монастырей, с периода Нара являвшихся крупными землевладельцами. Так, указ 795 г. запрещал храмам приобретать земли у крестьян, указы 796 и 798 гг. предписывали тщательно проверять доходы монастырей. Данные меры нельзя назвать эффективными, поскольку впоследствии не только старые монастыри, такие как Тодайдзи и Кофукудзи, но и новые, например Энрякудзи и Ондзёдзи (Миидэра), многократно расширяют собственные владения и приобретают значительное количество частных земель *сёэн*, не облагавшихся налогами. Для обработки земель использовался труд крестьян и буддийских послушников. Для охраны владений начиная с X в. формировались вооруженные отряды монахов, известных как *сохэй*, «монахи-воины». Они не уступали ни в численности, ни в мастерстве ведения боя местным военачальникам и вооруженным формированиям, находившимся под контролем государства, и доставляли немало проблем центральному правительству. Монастыри разрешали *сохэй* убийство противника, ношение мирской одежды, доспехов и оружия, несмотря на существование государственных запретов на этот счет. Монахи-воины привлекались с целью оказания давления на мирян.

Во время акций, получивших название *госо*, «прошения силой», вооруженные отряды монахов осаждали усадьбы чиновников до тех пор, пока их требования не выполнялись. В случае отказа монахи могли как прибегнуть к военным действиям, так и совершить обряд проклятия аристократов. Значительную роль *сохэй* играли также в конфликтах между отдельными храмовыми комплексами. Наибольшую известность получило противостояние двух храмов школы Тэндай, Энрякудзи и Ондзёдзи, в 993 г. вылившееся в вооруженное противостояние, в результате которого в 1042 г. Ондзёдзи был сожжен. С помощью оружия решались также споры между храмами из-за земельных владений.

Крестьяне

Крестьяне были самой многочисленной группой населения (более 90% общего числа, причем цифра остается таковой вплоть до середины XIX в.). Реформы Тайка жаловали им землю Поднебесной в обмен на обязанность обрабатывать ее и нести налоговое бремя и воинскую повинность. Также крестьяне привлекались для отработки трудовой повинности — строительства дорог, дамб, мостов, храмов и всего остального. Продолжительность трудовой повинности (*буяку*) составляла порядка 60 дней в году. В период Хэйан правительство часто выражает недовольство тем, как происходит сбор налогов и отработка повинностей. От местных властей требуется вести учет количества крестьян, задействованных на работах. На основании отчетов составляются списки, ограничивающие максимально дозволенное количество человек для привлечения к выполнению работ населения тем или иным провинциальным чиновником. Согласно хронике «Сандай дзицуроку» в 864 г. трудовая повинность была ограничена 20 днями в году, а использовать труд крестьян дозволялось для сравнительно небольшого числа работ: проведения ирригационных мероприятий, доставки сообщений в управы и починки правительственных зданий.

Крестьянские домохозяйства в сельской местности располагались на значительном расстоянии друг от друга и функционировали относительно независимо. Большой размер крестьянской семьи — около 10 человек — позволял обходиться без существенной помощи «общины». На размер семьи, возможно, повлияла система дуолокального брака, при которой муж и жена продолжали жить в собственных домах, а дети воспитывались в доме супруги. Неолокальный брак, при котором муж и жена после вступления в брак начинают жить отдельно от своих семей, что уменьшает численность домохозяйства, распространения не получает. Для осуществления тяжелой работы привлекались наемные работники, в качестве которых выступали соседи. Необходимость в коллективной взаимопомощи возникала в условиях отсутствия орудий труда или тяглового скота либо наличия лишь одного плуга и животного на все поселение.

Коллективный труд, однако, не приводит к выработке у крестьян в период Хэйан общинных ценностей, что подтверждают в том числе археологические раскопки — наиболее ранние поселения, в которых крестьянские хозяйства располагаются в непосредственной близости друг к другу, датируются лишь XIV в. Физическая дистанция выступает маркером социальных отношений.

Развитие системы частных земельных владений

В 743 г. был издан закон, провозглашавший переход освоенной целинной земли в личное владение рода (*кондэн эйнэн сидзай хо*). Он имел целью расширить площадь обрабатываемой земли и увеличить налоговые поступления, однако на деле послужил личному обогащению отдельных родов и монастырей и явился провозвестником феномена личных поместий *сёэн*, получившего повсеместное распространение в период Хэйан. Первые владения *сёэн* обладали простой структурой и минимальным аппаратом управления, однако с ослаблением централизации и герметизацией двора в пределах столицы их структура и размеры усложнялись, стали появляться ведомства Мандокоро отдельных поместий и их объединений, а управляющие, отвечавшие за делопроизводство, приобретали реальную власть.

Ранние сёэн. Государство с периода Нара жаловало буддийским храмам и синтоистским святилищам участки земли, которые не облагались налогом и предназначались для обеспечения нужд религиозных учреждений. Со временем владения храмов расширяются за счет прилегающих земель, а для их обработки используется наемный труд. Другими категориями земель, сформировавших основу *сёки сёэн*, ранних *сёэн*, были владения аристократических родов и освоенная крестьянами целинная земля, переходившая в их собственность. В отличие от храмовых землевладений аристократы и крестьяне не получали налогового иммунитета. К X в. количество *сёэн*, образованных на освоенной нови, значительно сокращается. Крестьяне, обрабатывавшие землю ранних *сёэн*, не проживали на территории владений и нанимались чиновниками и храмами. Иными словами, объектом владения и администрирования хозяев *сёки сёэн* выступает не рабочая сила, а собственно земля. Одним из крупнейших землевладельцев к концу VIII в. был храм Тодайдзи, имевший *сёэн* в 23 провинциях. Для управления храм мог направлять своих представителей, но наиболее распространенным способом было установление контактов с местными влиятельными крестьянами и уездными управителями. Оба варианта не являлись в полной мере надежными. Известны случаи, когда храмовые служащие не довозили собранную с земель ренту до места назначения. Так, в 842 г. храм Тодайдзи отправил ответственного за сбор ренты служащего в *сёэн* Такаба-но сё (провинция Тамба). Служащий собрал ренту, однако назад не вернулся, предпочтя присвоить полученное и затеряться на просторах соседней провинции. Проблемы управления ранними *сёэн*, вкупе с изменениями в налоговой политике государства, стали причиной их упадка.

Коммендация. На смену *сёки сёэн* приходят *кисин тикэй сёэн*, земельные владения, сформированные по типу коммендации. Местные землевладельцы, чтобы снизить налоговую нагрузку, «коммендировали» земли столичным аристократам или буддийским храмам, что обеспечивало их владениям налоговый иммунитет. К тому же данная мера позволяла богатым крестьянам обрести независимость от провинциальной администрации, которым теперь приходилось иметь дело не с крестьянами, а с их высокими покровителями в случае возникновения конфликтных ситуаций. Через своих патронов землевладельцы добивались не только налогового иммунитета, но также запрета доступа на территорию *сёэн* для государственных чиновников. Такая система получила название *фую фуно*, где первый термин относится к праву не платить налог, второй — не пускать на свою территорию чиновников. Ответственными за сбор податей были *фумё*, в чьи обязанности входил объезд всех налогооблагаемых земель и доставка налога в провинциальную управу.

Структура «зрелого» *сёэн* достаточно сложна. Несколько поместий объединялись под патронажем «главного хозяйства» *хондзё* (часто им выступает крупный буддийский храм) или *хонкэ* (крупный провинциальный или столичный род), обеспечивавшего (с помощью оказания военной и экономической поддержки) властные полномочия *рёсю*, «администратора» группы поместий на территории нескольких провинций, который, в свою очередь, контролирует деятельность *адзука-ридокуро*, ведомства *сёэн* на территории отдельной провинции.

В XII в. земли крупных поместий дробятся на более мелкие единицы (*мё*) — участки, которым присваивается собственное название, для управления ими назначается администратор (*мёсю*), ответственный за сбор налогов с этих полей и подчиняющийся владельцу *рёсю*. Государственные земельные участки также делились на несколько *мё*.

Аристократы, владевшие *сёэн*, предпочитали жить в столице, они редко посещали свои поместья, что позволяло управляющим присваивать значительную часть доходов. Рост населения и увеличение урожайности позволяли наместникам и знатым провинциальным родам присваивать значительное количество прибавочного продукта, при этом величина налога, выплачиваемого центру, оставалась на невысоком уровне, а налоговые сборы далеко не всегда доходили до столицы. Крупным буддийским монастырям также принадлежало большое количество поместий, обеспеченных налоговыми льготами. При таком положении баланс влияния между центром и периферией сдвигался в сторону последней.

Государство пыталось бороться с лавинообразным распространением *сёэн*, однако попытки не увенчались успехом — в 1069 г. государь Госандзё (1068–1072) создает *Кироку сёэн кэнкэйдзё* (Ведомство инспекции *сёэн*), призванное установить правомочность владения тем или иным поместьем. Все *сёэн*, основанные после 1045 г., а также те, чьи владельцы не могли подтвердить права собственности на землю, были конфискованы в пользу императорского рода. Ведомство, функционировавшее всего 4 года, было упразднено после смерти Госандзё в 1073 г. Оно возобновило свою работу лишь в 1156 г. при государе Го-сиракава (1155–1158). Расширение числа частных владений обеспечило экономическую базу функционирования системы *инсэй*.

Государственные земли на территории провинций, обрабатывавшиеся государственными крестьянами и облагавшиеся налогом, носили название *корё*. Формально ответственными за их состояние были управители провинций *кокуси*, на деле же сбором податей ведали их заместители *дзурё*, превратившие эту обязанность в инструмент для личного обогащения. Сложившаяся система сосуществования частных поместий и государственных земель оформилась к началу XII в. и получила в японской историографии название *сёэн корё сэй*.

3.7. Политическая история периода Хэйан

С 794 по 1185 г. во главе Японии находились 33 императора, более половины из их числа отреклись от престола. Такой механизм передачи власти был одной из форм политической борьбы, сосредоточенной вокруг проблемы престолонаследия и имевшей целью установление контроля как над императором, так и над доступом к его персоне придворной аристократии. Наибольших успехов в этом удалось достичь северной ветви дома Фудзивара, однако их доминирование очевидно не на всем протяжении периода Хэйан. Правление отдельных императоров сопровождалось всплеском политической активности представителей императорского рода и временным ослаблением позиций Фудзивара.

Ближе к концу периода накопившиеся противоречия между императорами, «правителями из молельни» *инсэй*, ослабленным северным домом Фудзивара и новыми политическими силами в лице соперничающих военных домов Тайра и Минамото выливаются в череду военных столкновений. Особенное значение в усилении военных домов имела возможность применять силу, располагая на то санкциями или прямыми указаниями императора. Далее мы последовательно рассмотрим череду политических событий в Японии, начиная с правления Камму,

при котором проводится ряд реформ, направленных на поддержание системы *рицурё*, и заканчивая установлением первого *сёгуната* во главе с Минамото Ёритомо.

3.8. Государственная политика в начале периода Хэйан

В 794 г. двор переезжает в новую столицу — город Хэйанкё. Переезд был инициирован императором Камму. Камму, согласно традиционному отсчету, был пятидесятым правителем Японии. Он правил с 781 по 806 г. Его матерью была Такано Ниигаса (720—790), происходившая из королевского рода Пэкче. Хроника «Сёку нихонги» характеризует государыню мать следующим образом: «Государыня облик имела утонченный, добродетель ее была обильной, и вскоре о ней разнеслась восторженная слава. Когда император Амэмуэтакацугу (Конин, отец Камму. — С. Р.) был еще сокрытым драконом, он взял ее в жены и призвал во дворец». То, что мать Камму не принадлежала к японской аристократии, затрудняло вероятность унаследования им престола, однако благодаря усилиям Фудзивара Момокава, не желавшего видеть на троне очередного представителя династической линии Тэмму, в 772 г. Камму был провозглашен наследным принцем. До интронизации он некоторое время возглавлял столичную школу чиновников. Деятельный правитель был практически последним императором периода Хэйан, которому удалось осуществить несколько крупномасштабных общегосударственных проектов — перенос столицы из Нара в Нагаока, затем в Хэйанкё, военные экспедиции против *эмиси* на северо-востоке Хонсю. Этому способствовали несколько факторов. На момент интронизации Камму был уже состоявшимся самостоятельным политиком, что не позволяло придворной аристократии оказывать на его действия существенного влияния. На протяжении большей части его правления высшие придворные должности оставались вакантными. Так, последнее назначение на должность Левого министра происходит в 783 г. Фудзивара Тамаро был Левым министром меньше года, после чего должность оставалась незанятой до 825 г. Позиции рода Фудзивара в правление Камму также достаточно ослаблены. С 796 по 806 г. никто из представителей этого рода не поднимался выше должности среднего государственного советника *тюнагон*.

Военные экспедиции японской армии против *эмиси* не имели особого успеха. С правления Камму по начало правления Сага можно отметить несколько периодов военных действий: неудачные для Японии кампании 780—781 гг., 788—789 гг., 794 г.; относительно успешные дей-

ствия отрядов под руководством Саканоуэ Тамурамаро (758–811), позволившие устранить лидера *эмиси* Атэруи и на время занять его укрепление в Исава; кратковременная экспедиция под руководством Фунья Ватамаро (765–823) в 811 г., после которой войска демобилизуются. Военное подчинение *эмиси* не только требовало огромных средств на содержание экспедиционного корпуса, но и отрывало значительную часть населения, мобилизованную для сражений, от производства, что истощало экономику страны. В 805 г. Камму, по настоянию Фудзивара Оцугу, не только временно прекращает войну против *эмиси*, но также замораживает расходы на постройку столицы, чтобы не допустить полного истощения бюджета и волнений среди подданных. Сражения с *эмиси* имели и долгосрочный эффект — они стимулировали развитие частных военных формирований на северо-востоке страны, а в отдельных случаях, когда представители японской знати вступали в брачные отношения с лидерами *эмиси*, это приводило к появлению могущественных ответвлений аристократических родов, фактически контролировавших территорию.

После смерти Камму в 806 г. в правительстве происходят серьезные изменения, результатом которых было усиление авторитета аристократических родов, в частности рода Фудзивара, и возрастание их влияния на решения императоров. Однако трем сыновьям Камму, правившим с 806 по 833 г., несмотря на то, что их матерями были Фудзивара, удавалось сохранять высокую степень самостоятельности в делах управления. Возможно, причиной этого была непрекращающаяся борьба внутри самого рода Фудзивара.

Инцидент Кусуко

Внутри императорского рода конфликты также не были редкостью, и первое серьезное столкновение, известное как «инцидент Кусуко», произошло уже в 810 г. Предыстория конфликта между экс-императором Хэйдзэй и его братом, императором Сага, такова. Еще до интронизации Хэйдзэй между ним и матерью одной из его супруг, Фудзивара Кусуко, завязались любовные отношения, которые осуждались придворными. Хроника «Нихон коки» сообщает, что Кусуко и ее брат Наканари фактически руководили действиями Хэйдзэй во время его правления. Им приписываются обвинения в адрес принца Иё и его матери, принадлежавшей к южной ветви дома Фудзивара, соперничавшей за власть с кадровым домом Фудзивара, Сиккэ, к которому принадлежала Кусуко. Принц Иё с матерью были обвинены в планировании мятежа, заключены под стражу и покончили жизнь

самоубийством. Это привело к ослаблению позиций южного дома, которому выказывал расположение император Камму, и временному усилению Сиккэ. В 809 г., сославшись на болезнь, Хэйдзэй отрекается в пользу Сага, покидает Хэйан и отправляется в Нара. Фактическим главой правительства в это время был Фудзивара Утимаро (756–812), происходивший не из Сиккэ, а из северной ветви Фудзивара. Кусуко и Наканари, опасаясь потерять власть, побуждают Хэйдзэй вновь занять престол. В 810 г. экс-император снова начинает издавать указы от своего имени и, в частности, велит вернуть столицу Японии обратно в Нара. Император Сага отказывается мириться с подобным положением и приказывает лишить рангов Кусуко, а Наканари выслать из столицы, назначив на незначительную должность в провинции. Хэйдзэй вместе с Кусуко пытаются бежать в северо-восточные провинции, чтобы собрать войско против Сага, однако правительственные войска задерживают их. Кусуко совершает самоубийство, Наканари был обезглавлен, а экс-император был вынужден вернуться в Нара и принять постриг. Вместо одного из его сыновей наследным принцем был провозглашен будущий император Дзюнна, единокровный брат Сага и Хэйдзэй.

После этого наступает период относительного спокойствия среди высшей придворной знати, продлившийся около 30 лет. Сага и его преемник Дзюнна сохраняли дистанцию в отношениях с Фудзивара и поддерживали баланс между придворной знатью, контролируя назначения в *Дадзёкан*, что не позволяло монополизировать главные государственные должности представителям одного рода. Так, в 841 г., за год до смерти экс-императора Сага, из 13 высших сановников лишь четверо были выходцами из Фудзивара — двое принадлежали к Сиккэ, двое — к северной ветви, Хоккэ. Еще четверо были потомками императоров и принадлежали, в частности, к такому ответвлению государева рода, как Минамото. Остальные сановники представляли не столь знатные семьи, возвышенные Сага благодаря их китайской образованности и государственным талантам.

При Сага происходит также улучшение материального положения императорского рода за счет пожалования земель для обеспечения нужд ближайших родственников и помощников правителя. Земли, отдававшиеся в пользование экс-императорам, именовались *гоин*. Позже, в последней четверти XI в., *гоин*, вкуче с *сёэн*, конфискованными Госандзё, составят экономическую базу восстановления политического влияния императорского рода.

Усиление северного дома Фудзивара

После смерти экс-императора Сага в 842 г., чье влияние на императоров Дзюнна и Ниммё было весьма существенным — нередко он выступал их главным политическим советником, — баланс сил среди правящей аристократии нарушается в пользу усиления северного дома Фудзивара. При дворе сложились две противоборствующие группировки, соперничавшие в деле назначения престолонаследника, который займет трон после императора Ниммё. Одна группа аристократов поддерживала провозглашение сына Ниммё наследным принцем, другая выступала за кандидатуру принца Цунэсада (825—884), сына Дзюнна. На стороне Ниммё были Татибана Катико (786—850), его мать, будущий император Монтоку, его сын, а также дядя Монтоку, глава северного дома Фудзивара, Фудзивара Ёсифуса (804—872). Принца Цунэсада поддерживали его подданные, среди которых особым авторитетом и влиянием обладали Томо Коваминэ и Татибана Хаянари. Уже на следующий день после смерти Сага, также поддерживавшего кандидатуру Цунэсада, Томо и Татибана были обвинены в попытке государственного переворота с целью сместить императора Ниммё и посадить на трон Цунэсада. Томо и Татибана, вместе с 60 придворными чиновниками, близкими к ним, как и сам Цунэсада, были смещены со всех должностей и высланы за пределы столицы, а наследным принцем был провозглашен племянник Фудзивара Ёсифуса. Эти события, получившие название «**смута годов Дзёва**» (*Дзёва-но хэн*), установили прочную связь между императорским родом и северным домом Фудзивара, что в перспективе привело к фактической монополизации власти последним.

Вступление на престол императора Монтоку стало чрезвычайно важным событием для Хоккэ. Ёсифуса удалось не только сделать императором своего племянника, но и добиться **назначения на должность регента сэссё**, которую до него занимали исключительно представители императорского рода. При нем начинается **вытеснение других аристократических родов из правительства**. Так, в 850 г. из 19 высших сановников *кугё* четыре принадлежали к роду Фудзивара. На момент смерти Ёсифуса в 872 г. этот род представляли семь *кугё* из 18. Столетием позже их было уже 11 из 19. При Фудзивара Митинага из 24 *кугё* 21 человек принадлежал к роду Фудзивара, еще трое происходили из рода Минamoto и имели близкие родственные связи с первыми.

Успеху северного дома Фудзивара и возвышению Ёсифуса немало способствовала близость его отца, Фуюцугу, к императору Сага. Фуюцугу прислуживал Сага, когда тот был еще престолонаследником, позже он возглавил, вместе с Косэ Нотари, *Куроодо-докоро* и выдал свою

дочь за императора Ниммё. Ёсифуса удалось удачно воспользоваться политическим авторитетом, накопленным его отцом, и многократно его преумножить.

Ёсифуса контролировал действия Монтоку с самых первых дней его правления. Еще до восшествия на престол Монтоку взял в жены дочь Ёсифуса, Мэйси, которая родила ему сына в 850 г., через месяц после смерти Ниммё. На тот момент у Монтоку уже был ребенок, шестилетний принц Корэтака, чья мать принадлежала к роду Ки, однако под давлением Фудзивара именно сын Мэйси провозглашается престолонаследником.

Введение должностей сэссё и кампаку

В 857 г. Ёсифуса был назначен на остававшийся очень долгое время вакантным пост Главного министра (*дайдзё дайджин*), что служило очередным подтверждением его огромного влияния на императора и придворную политику. Последним, кто занимал эту должность до Ёсифуса, был монах Докё. В 866 г. в результате придворных интриг также удалось добиться устранения политических конкурентов Фудзивара — Ки и Томо. События, получившие название «**беспорядков у ворот Отэммон**» (*Отэммон-но хэн*), разворачивались следующим образом. Ворота Отэммон, являвшиеся частью дворцового комплекса, загорелись при странных обстоятельствах. Старший государственный советник Томо Ёсио (809—868), который стал первым за 130 лет, после Отомо Табито, *дайнагон* из рода Отомо, обвинил в поджоге Левого министра Минамото Макото, родственника Ёсифуса, и потребовал от Правого министра Фудзивара Ёсими (813—867), брата Ёсифуса, санкционировать арест Макото. После того как в дело вмешался сам Ёсифуса, преследование его родственников прекратили. Вместо этого обнаружили свидетели, на основании показаний которых обвинение в поджоге было выдвинуто против самого Томо Ёсио, инициировавшего расследование, а также членов рода Ки, якобы являвшихся соучастниками преступления. Ёсио, его сын, а также несколько других чиновников, принадлежавших к Томо и Ки, были лишены должностей и рангов и высланы за пределы столицы. Пока шло расследование, Ёсифуса получил историческое назначение на должность регента *сэссё* при своем внуке, императоре Сэйва. Возможно, его целью было не допустить вмешательства императора в процесс расследования и избежать наказания для Минамото Макото, поскольку изначально Сэйва был солидарен с обвинениями, выдвинутыми Томо.

Ёсифуса обладал практически беспрецедентным для аристократа влиянием при дворе, однако у него не было сына, которому он мог передать свои полномочия. Проблему решило усыновление им Мото-

цунэ (836—891), сына его брата Фудзивара Нагара (802—856). В 876 г. Мотоцунэ становится *сэссё* при императоре Ёдзэй, а в 887 г. впервые получает титул канцлера *кампаку* при императоре Уда. Императоры Сэйва и Ёдзэй, находившиеся «под присмотром» рода Фудзивара, взошли на престол соответственно в восьми- и семилетнем возрасте и стали **первыми императорами, занявшими трон, будучи детьми**. В дальнейшем практика отречения в пользу малолетнего правителя получит значительное распространение, поскольку это позволяло контролировать действия императора и править от его имени сначала регентам и канцлерам Фудзивара, затем «правителям из кельи» *инсэй*. Те же правители, которым на момент интронизации исполнилось 20 лет и более, составляли самую большую конкуренцию роду Фудзивара — Уда и Мураками, ставшие императорами в 20 лет, и Сандзё, взошедший на престол в 35-летнем возрасте.

Однако некоторые малолетние императоры создавали множество проблем как регентам, так и всему придворному сообществу. Император Ёдзэй, чьим регентом был Мотоцунэ, вошел в историю как очень жестокий император, чье поведение было недостойно того, чтобы быть императором. Источники сообщают о его странных привычках, среди которых были любовь к одиночеству, скормливание живых лягушек змеям, натравливание собак на обезьян, возможно, даже личное участие в казни преступников. Когда ему было 15 лет, он, забавы ради, приказал одним подчиненным залезть на дерево, а другим велел протыкать тех копьями, пока они не упадут замертво. Мотоцунэ не сразу удалось справиться с жестоким и, возможно, душевнобольным императором. Чиновник даже отказывался появляться во дворце, что замораживало деятельность правительства. Последней каплей, переполнившей чашу терпения придворных, стало убийство одного из подданных, собственноручно осуществленное Ёдзэй. Убийство навлекало на императора ритуальную нечистоту *кэгарэ*, смерть и кровь загрязняли императорский дворец и считались чрезвычайно опасными для государства в целом.

В итоге было принято решение отстранить Ёдзэй от дел, а императором назначить сына Ниммё, правившего под именем Коко. Несмотря на зрелость Коко, которому на момент восшествия на престол исполнилось 54 года, а также **отсутствие близкой родственной связи с домом Фудзивара**, император не предпринимал действий по устранению Фудзивара с политического олимпа. Ситуацию еще больше упростило решение Коко лишить всех своих 29 сыновей статуса членов императорского рода и присвоить им родовое имя Минамото, что исключало их из числа претендентов на престол.

Фудзивара и Сугавара

В 887 г. Коко умирает. Ему наследует его седьмой сын, усыновленный сестрой Мотоцунэ и правивший под именем государя Уда. Он не являлся близким родственником Фудзивара, к тому же был уже совершеннолетним на момент интронизации, что осложняло положение северного дома. Противостояние Уда авторитету Мотоцунэ иллюстрирует случай, получивший название «**инцидент ако**». В 887 г. Уда при содействии советника Татибана Хироми (838–890) составляет указ о назначении Мотоцунэ канцлером *кампаку*. По установленному обычаю Мотоцунэ должен был дважды отказаться от должности и принять ее лишь на третий раз. Текст первого указа содержал номенклатурный термин *кампаку*, однако на второй раз Мотоцунэ была предложена должность «советника» *ако*, аналоги которой имелись в Китае. *Ако*, в отличие от *кампаку*, не обладал никакими политическими полномочиями, и его присуждение являлось лишь символическим признанием заслуг чиновника. Мотоцунэ отказывается стать *ако* и в знак протеста отстраняется от дел, что в очередной раз парализует работу правительства. «Забастовка» Главного министра продолжалась около шести месяцев и завершилась лишь тогда, когда император Уда принес ему извинения и назначил *кампаку*. Все это время при дворе между образованными чиновниками, знатоками законов и китайской словесности шли ожесточенные **дискуссии относительно государственной номенклатуры**. Одним из тех, кто поддерживал Татибана Хироми, был ученый муж и литератор Сугавара Митидзанэ, приближенный к императору Уда и представлявший, по мнению Мотоцунэ, угрозу доминирующему положению рода Фудзивара. Уже после того, как «инцидент ако» был исчерпан, Митидзанэ направляет Мотоцунэ письмо, в котором превозносит заслуги Хироми и упрекает Главного министра в неподобающем поведении по отношению к ученому мужу и внуку двоих детей императора, чьи заслуги перед государством многократно превосходят достижения Фудзивара.

После смерти Мотоцунэ в 891 г. позиции рода Фудзивара временно ослабевают. Его старшему сыну, Фудзивара Токихира (871–909), на тот момент было всего 20 лет, что не позволяло поставить его во главе министров. Фактическим главой Дадзёкан в это время становится сын императора Монтоку, носивший родовое имя Минамото. Ослабление Фудзивара позволяет Уда проводить более самостоятельную политику, в том числе в области кадровых перестановок. Он расширяет штат *Куродо-докоро* за счет привлечения среднеранговой аристократии, усиливает Кэбииситё, чтобы обеспечить военное пре-

восходство императорского рода, увеличивает землевладения *гоин*, а также назначает на ответственные должности представителей родов, не имевших близких связей с Фудзивара. Так, всего через месяц после смерти Мотоцунэ главой *Куродо-докоро* был назначен Сугавара Митидзанэ. Карьера Митидзанэ была стремительной, и уже к 897 г. он достиг старшего третьего ранга и занимал несколько важных должностей. В том же году Уда отрекается в пользу своего сына, правившего под именем императора Дайго. Известно, что Уда обсуждал кандидатуру престолонаследника с Митидзанэ, которому как императорскому советнику принадлежало авторство нескольких важных решений. Так, в 894 г. именно **Митидзанэ советует не отправлять намеченное посольство в Тан, после чего официальные отношения между Японией и Китаем надолго прекращаются**. Выбор Дайго в качестве престолонаследника был обусловлен отсутствием прямых родственных связей между ним и Фудзивара Токихира, унаследовавшим положение главы северного дома Фудзивара. Это позволило не назначать Фудзивара регентом при новом правителе, и вплоть до 930 г. должности *сэссэ* и *кампаку* остаются вакантными.

Митидзанэ при Дайго продолжает получать должности, лишь немногим уступающие тем, что присуждаются Токихира. В 899 г. в один и тот же день Токихира был назначен Левым министром, а Митидзанэ — Правым. Его возвышение явилось не только демонстрацией временного ослабления позиций Фудзивара, но также отражало нужду государства в квалифицированных администраторах, разбиравшихся в делах управления. Митидзанэ с 886 по 891 г. служил управителем провинции Сануки и обладал опытом и умениями, которые были полезны центру по установлению эффективного контроля над периферией. Большинство столичных чиновников подобного опыта не имели.

Токихира выказывал явное недовольство возвышением Митидзанэ. В 901 г. ему удалось добиться ссылки Сугавара на Кюсю по ложному обвинению в попытке низвержения правящего императора. По версии Токихира, изложенной им императору Дайго, Митидзанэ состоял в сговоре с экс-императором Уда и замыслил вынудить Дайго отречься от престола в пользу принца Токиё (886–927), сына Уда и зятя Митидзанэ. Устранение Митидзанэ привело также к ослаблению влияния экс-императора Уда на политику двора, что позволило Токихира обрести полноту политической власти до самой смерти в 909 г. Через два года после удаления из столицы в 903 г. Митидзанэ умирает в ссылке, однако на этом его отношения с родом Фудзива-

ра не заканчиваются. Родственников Токихира начинают преследовать неудачи и хвори, в столице происходят неприятности, а в 930 г. молния попадает в императорский дворец, что приводит к гибели нескольких высокоранговых аристократов. Эти события были расценены как месть гневного духа Митидзанэ, и, чтобы успокоить его, Дайго восстанавливает покойного в рангах и должностях. С 940-х годов складывается культ почитания Сугавара Митидзанэ в святилище Китано. К 980 г. он почитался под именем Тэмман тэндзин и считался покровителем ученых и образования (и почитается в этом качестве по настоящее время).

В 909 г. главой Фудзивара становится младший брат Токихира, по имени Тадахира (880—949). Считается, что он уступал своему старшему брату в управленческих качествах, однако ему удается добиться назначения своего племянника наследным принцем, который занял престол в 930 г. и правил как император Судзаку. Тадахира был регентом, а затем канцлером при Судзаку и сменившем его на троне императоре Мураками, но об окончательной стабилизации системы *сэкан* говорить еще не приходится. Во время нахождения Тадахира на вершине бюрократического аппарата проводится ряд экономических реформ, фактически подтверждавших недееспособность законодательства в рамках системы *рицурё* обеспечить налоговые поступления в казну без признания квазисамостоятельности провинциальной знати. Признаются также и частные земельные владения *сёэн* и принимаются меры по ограничению предоставления им налогового иммунитета.

В этот период происходит окончательный упадок системы *рицурё кокка*. Новый тип отношений между центром и периферией получил в историографии наименование *Отё кокка*, «придворное государство». Данный термин подчеркивает замкнутость политической элиты пределами столичного града и относительную автономность провинций в сложившейся ситуации.

Усиление военных домов. Мятеж Тайра Масакадо

Неспособность правительства обеспечить контроль над провинциями проявлялась не только в затруднении осуществления налоговых сборов, но и в форме военных конфликтов с целью провозглашения автономной системы управления. В 935 г. между членами рода Камму Хэйси, или Тайра, восходивших к императору Камму и владевших землями в провинциях Хитати, Кадзуса и Симоса, возникает спор по поводу границ владений, переросший в вооруженный конфликт. Победителем выходит Тайра Масакадо (ум. 940). Он сохраняет

жизнь своим противникам, и те обращаются за содействием в Хэйан, где спор особого интереса не вызывает и, согласно тексту «Сёмонки» («Записи о Масакадо», Х в.), не только не приносит пользы подавшим жалобу, но и способствует прославлению Масакадо как непревзойденного воина.

Масакадо, амнистированный в 937 г., возвращается к исполнению своих обязанностей в качестве местного военного начальника и арбитра в спорах между провинциальной знатью. В 939 г. он вступает за Фудзивара Харуаки, не желавшего платить налог управителю провинции Хитати, и во главе военного отряда захватывает здание провинциального управления. Этот акт был расценен как преступление против государства, подлежащее строгому наказанию. Масакадо, решивший, что отступать уже некуда, разворачивает полномасштабную войну на северо-востоке и подчиняет восемь провинций: Сагами, Мусаси, Ава, Кадзуса, Симоса, Хитати, Кодзукэ и Симоцукэ. После военного успеха он провозглашает себя *синно*, «новым императором», руководствуясь волей божества Хатиман, а также своим родством с императором Камму. «Новый император» начинает проводить назначения на должности в сформированном им по образцу центра правительстве, выбирает новой столицей местность Иваи, некогда служившую оплотом *эмиси*, и даже переименовывает близлежащую территорию, копируя топонимы столичных окрестностей. Масакадо направляет послание Фудзивара Тадахира, в котором сообщает, что сфера его интересов ограничивается регионом Канто и столице он угрозы не представляет. В Хэйан в это время готовится масштабная карательная экспедиция. Подготовка включала **проведение молитв и буддийских служб**, назначение *цуйбуси* в восточные провинции, отправку императорского войска во главе с полководцем Фудзивара Тадафуми, а также **обещание награды провинциальным воинам**, которые помогут устранить Масакадо. Именно последняя мера оказалась наиболее эффективной. Тадафуми еще был в пути, когда Тайра Садамори, двоюродный брат Масакадо, и *орёси* Фудзивара Хидэсато, объединив силы, внезапно атаковали мятежника и разбили его войско в 940 г.

Не только полевые командиры, но и морские пираты доставляли государству множество проблем. Практически одновременно с мятежом Масакадо поступили известия о том, что глава пиратского отряда Фудзивара Сумитомо схватил управителя провинции Сэтцу, отрезал ему уши и нос, убил его сына и взял в заложники его жену. Двор находился в крайне затруднительном положении, поскольку угроза столице исхо-

дила как с востока, так и с запада, как с моря, так и с суши. Наибольшие опасения вызывала возможная коалиция Масакадо и Сумитомо. Сумитомо был дальним родственником занимавшего в то время пост регента Фудзивара Тадахира. Ранее Сумитомо занимал незначительный пост в управлении провинции Иё на Сикоку, однако к 936 г. ему удалось стать во главе пиратской банды, грабившей суда во Внутреннем Японском море. В 939 г. он разворачивает активную деятельность вдоль побережья Сикоку и Хонсю, которая сопровождалась захватом местных административных зданий, разбоем и грабежами. Правительство оказалось неспособным оказать ему серьезное сопротивление до устранения Масакадо. В 940 г. правительственным войскам удается взять укрепления Сумитомо в Иё, и он бежит на Кюсю, где захватывает Дадзайфу и продолжает разбой до тех пор, пока не терпит поражение в бухте Хаката в 941 г. Оба восстания известны под названием «смуты годов Дзёхэй-Тэнгё».

Несмотря на то что Масакадо и Сумитомо были устранены, борьба против них продемонстрировала неэффективность императорского войска и могущество местных военных домов, таких как Тайра, Осю-Фудзивара и Минамото, которые к концу периода будут определять политическую динамику в государстве. В подавлении мятежей участвовал и основатель рода Сэйва-Гэндзи, Минамото Цунэмото, чьими потомками были Минамото Ёсичунэ и глава первого в японской истории *бакуфу* Минамото Ёритомо.

Стабилизация системы сэккан сэйдзи

В 944 г. император Судзаку по настоянию своей матери, Фудзивара Онси, назначает престолонаследником своего младшего брата, занявшего престол в 946 г. и правившего как император Мураками. Он пытался улучшить финансовое положение государства, что не привело к значительным результатам. При нем также происходит попытка создания государственной хроники, которая также не увенчалась успехом, что свидетельствует о полном крахе «государства, основанного на законах». Должность регента после смерти Тадахира в 949 г. остается вакантной, однако это не свидетельствует об ослаблении северной ветви Фудзивара. Сыновья Тадахира, Санэёри, Моросукэ и Моротада, сделали своих дочерей супругами императора, и дочь Моросукэ, по имени Анси, родила Мураками трех сыновей, двое из которых станут императорами Рэйдзэй и Энью. Рэйдзэй был провозглашен наследным принцем, будучи двух месяцев от роду, вместо принца Мотоката, чья мать принадлежала к южному дому Фудзивара. Внук Моросукэ взшел на престол в 967 г. после смерти Мура-

ками. Должности Левого и Правого министров в то время занимали Фудзивара Санэёри и сын Токихира — Фудзивара Акигада. Регентом при Рэйдзэй был назначен Санэёри, однако он являлся номинальной фигурой в правительстве, и все решения вместо него принимал его младший брат Моротада. Несмотря на это, 967 год в историографии называют началом «эпохи регентов и канцлеров», *сэккан дзидай*, которая продлится до становления системы *инсэй* во второй половине XI в. В это время назначения *сэссё* и *кампаку* происходят в правление каждого следующего императора, и лишь представители северного дома Фудзивара получают эти должности.

Неоспоримое доминирование Хоккэ на политической арене продлится более ста лет. Конкуренты устранялись довольно умело. Так, в 968 г. должность Левого министра достается Минамото Такаакира, вероятно, не представлявшего угрозы для Фудзивара, тем не менее удаленного из столицы после череды придворных интриг 969 г., известных как «инцидент годов Анна». В столицу приезжают Минамото Мицунака, чей отец сражался против Сумитомо, и Фудзивара Хидэсада, участвовавший в устранении Масакадо. Они сообщают, что близкий родственник Такаакира, Минамото Цурану, замыслил государственный переворот. Насколько эта информация была достоверной, неизвестно, однако и Цурану, и Такаакира были отправлены в ссылку. Такаакира провел в ссылке на Кюсю три года, после чего ему было позволено вернуться в столицу, однако к государственной службе он более отношения не имел. Как и в случае с Сугавара Митиданэ или с более ранним инцидентом у ворот Отэммон, излюбленным инструментом политической борьбы, которым пользовались члены рода Фудзивара, было обвинение политических конкурентов в деятельности, угрожавшей императору. Однако «инцидент годов Анна» демонстрирует и некоторые сдвиги в политической системе — впервые для решения подобных вопросов привлекаются провинциальные военные дома, что свидетельствует об их возрастающей роли в политической жизни столицы. Другим последствием этого события стало сближение северного дома Фудзивара и Сэйва-Гэндзи, или Минамото, восходивших к императору Сэйва, чьим представителем был Минамото Мицунака.

В дальнейшем, почти до начала *инсэй*, основная политическая борьба будет проходить уже внутри северного дома Фудзивара за должности *сэссё* и *кампаку*. Апогей его могущества приходится на период деятельности Фудзивара Митинага (966—1028) и его сына Ёримити (992—1074). Митинага формально не состоял в должности *кампаку*, он был Правым министром и заместителем канцлера (*найран*), хотя его

дневник и называется «Мидо кампаку ки» — «Записки канцлера Мидо» (где *мидо* — «великая келья» — указание на принятие монашества). Его власть часто характеризуется как неограниченная. Два государя были его племянниками, трое — внуками. В 1017 г. Митинага передает должность *сэсё* при государе Гоитидзё (1016–1036) своему сыну Ёримити, сам же принимает постриг, осуществляя фактическое управление страной до самой смерти, не имея официальных должностей. Ёримити удавалось успешно контролировать наследование престола вплоть до 1068 г., однако ни одна из его дочерей не смогла произвести на свет сына императора. И тогда трон занимает Госандзё, не связанный кровными узами с Фудзивара. Ёримити же передает пост канцлера младшему брату, а сам удаляется в свою усадьбу в Удзи, перестроенную им в 1052 г. в буддийский храм Бёдоин, и принимает постриг.

3.9. Военные кампании XI века

Мятеж Тайра Тадацунэ. Специфика ранних вассальных отношений

Спустя несколько месяцев после смерти Митинага в 1028 г. в провинции Симоса поднимается восстание, предводителем которого стал Тайра Тадацунэ (967–1031), дальний родственник Масакадо. Он был обвинен в причастности к похищению налогов, собранных в провинциях Кадзуса и Симоса. Тадацунэ владел значительными по размерам участками земли, налог на которую он отказывался платить провинциальным управителям, а с его военными отрядами местные чиновники соперничать были не в состоянии. В ходе восстания Тадацунэ удалось захватить провинцию Кадзуса, сжечь правительственные постройки в Ава и убить местного управителя. Чиновники были настолько напуганы силой Тадацунэ, что новый управитель провинции сбежал со службы. Это позволило мятежнику завладеть имевшимися в распоряжении управы запасами продовольствия и вооружения. Правительство снаряжает карательный отряд для устранения Тадацунэ. Во главе отряда был поставлен *кэбииси* Тайра Наоката, соперник восточных Тайра. Отправка войска была отложена на два месяца по настоянию Правого министра Фудзивара Санэсукэ, посчитавшего, что необходимо дождаться благоприятного дня. Из столицы на подавление мятежа выступило 200 воинов. Основная часть отряда была рекрутирована в северо-восточных провинциях. Более двух лет Наоката не удавалось справиться с мятежником. Тогда было решено прибегнуть к кадровым перестановкам и поставить во главе войска Минамото Ёринобу (968–1048), в то время занимавшего должность управителя провинции Каи. Он выезжает из столицы спустя несколько месяцев

после назначения. Весной 1031 г. Ёринобу прибывает в Каи и начинает подготовку к сражению с мятежником, однако Тадацунэ сам просит о встрече с военачальником. Он сообщает, что принял монашество и вместе с двумя сыновьями сдастся без боя. Возможной причиной капитуляции стало полное разорение провинций Ава, Каи и Симоса, длительное время служивших полем битвы. К тому же добровольная капитуляция военачальника позволяла его родственникам избежать смерти, став вассалами Ёринобу. В XII в. потомки сыновей Тадацунэ, получившие родовое имя Тиба, поспособствовали возвышению Минамото Ёритомо. Сам Тадацунэ заболел и скончался до того, как его успели доставить в столицу.

Отношения вассалитета между военными домами сильно отличаются как по структуре объединений, так и по ценностным ориентирам от аристократических и монашеских кланов. Исторический успех потомков Ёринобу был обусловлен несколькими факторами, повлиявшими на увеличение числа преданных Минамото вассалов и установление между ними особого типа отношений, основанных на личной преданности в обмен на покровительство. Под началом могущественных военных домов находились **группы воинов *цувамоно*, к XI в. представлявшие собой сформировавшийся класс потомственных профессиональных военных, обладавших земельными участками.** Они стремились получить налоговый иммунитет, который им могли предоставить покровители, имевшие связи среди столичной аристократии. Ёринобу, как и его отец Мицунака, был благородного происхождения, служил при регентах, нередко получал назначения на должности управителей провинций, совмещавшиеся с широкими полномочиями по использованию военной силы от имени центральной власти, что делало патронаж с их стороны особенно привлекательным в глазах *цувамоно*.

Подобная система объединения военных домов под покровительством одного могущественного дома именовалась *икуса* или *бусидан*, «военная группировка». Отношения вассалитета существовали также между *цувамоно* и их подчиненными, которых называли «парнями» (*рото*). Процедура установления вассальных отношений включала передачу патрону именной бирки *мёбу* с указанием ранга и должности вассала. После передачи *мёбу* вассалы именовались «людьми дома» сюзерена (*кэнин*).

Ранняя девятилетняя война (Дзэнкунэн-но эки) 1051–1063 гг.

В 1051 г. еще одним очагом военного конфликта становится провинция Муцу. Местный знатный род землевладельцев Абэ, возможно, происходивший из *эмиси*, подчинившихся японскому правительству,

перестает выполнять приказы управителя провинции. Конфликты интересов между родом Абэ, под чьим началом находилось управление «шестью дальними уездами» (совр. префектура Иватэ) и военный контроль над *эмиси*, и провинциальными чиновниками редкостью не были. На этот раз отказ Абэ платить налоги и отправлять людей для отбывания трудовой повинности был расценен как прямой акт неподчинения. Управитель провинции Муцу отправляет войско для усмирения Абэ, но терпит поражение и обращается за помощью в Хэйан. При дворе решают назначить Минамото Ёриёси, старшего сына прославленного полководца Ёринобу, управителем и усмирителем Муцу. На стороне Ёриёси сражались как его вассалы, так и воины, рекрутированные по приказу правительства на северо-востоке страны. Глава рода Абэ, Ёритоки, не решается вступить в противоборство с Минамото и пользуется предоставленным правом амнистии в случае добровольного подчинения новому управителю. Относительно мирный период в Муцу продолжился до 1056 г., пока Ёриёси руководил провинцией.

Новый этап конфликта, возможно, был спровоцирован самим Ёриёси, вновь получившим приказ вступить в должность управителя и устранить Абэ. В 1057 г. вассалы Минамото убивают Абэ Ёритоки, и борьбу продолжает его сын Садато, которому двумя месяцами позднее удастся выиграть крупное сражение против превосходящих сил Ёриёси. Столкновения продолжаются до 1062 г., когда Минамото удается привлечь в качестве союзников военный дом Киёхара. Летом 1062 г. Киёхара Такэнори прибывает в Муцу во главе «десяти тысячного войска» (данные, имеющиеся в историко-литературном повествовании «Муцу ваки», «Сказание о земле Муцу», могут быть завышенными). Войско Киёхара было разделено на семь отрядов, каждым из которых руководил член семьи Киёхара. Объединенные силы Минамото и Киёхара к осени того же года захватывают укрепление Абэ в Куриягава и убивают Садато, положив конец Ранней девятилетней войне. Правительство присваивает Минамото Ёриёси 4-й ранг, а его сын Ёсииэ получает 5-й ранг и должность управителя провинции Дэва. Киёхара Такэнори был военным инспектором «шести дальних уездов» вместо Абэ, что фактически позволяет Киёхара контролировать и Дэва, и Муцу. Что касается оставшихся в живых Абэ, то к ним были предприняты меры, практиковавшиеся правительством с периода Нара, когда покоренных *эмиси* переселяли на новые территории. Абэ были переселены на Кюсю и Сикоку, и многие их потомки прославились в качестве местных литераторов и буддийских подвижников.

Поздняя трехлетняя война (Госаннэн-но эки) 1083–1087 гг.

Новые волнения на северо-востоке Японии начинаются с конфликта внутри рода Киёхара. В 1083 г. Санэхира, внук Такэнори, выступает против старейшины рода, Кимико Хидэтаке, противившегося превращению клана в иерархизированное образование, на вершине которого находится представитель главной ветви Киёхара. Санэхира отправляется в Дэва с целью оказания военного воздействия на старейшину, но в то же самое время его владения в Муцу были атакованы его братьями, Иэхира и Киехира. Киехира был сыном Фудзивара Цунэкиё, казненного в девятилетней войне. Позднее он был усыновлен родом Киёхара. От него происходит влиятельный род Осю Фудзивара.

Оказавшись в затруднительном положении, Санэхира решает обратиться за содействием к Минамото Ёсиизэ, сыну Минамото Ёриёси, который просит правительственного разрешения мобилизовать войска для того, чтобы атаковать Иэхира в Муцу. При дворе сочли, что данный конфликт является внутренней проблемой клана Киёхара, формально не нарушавшего законов, и отправка карательного отряда санкционирована не была. Санэхира, заручившись поддержкой Минамото, все же решает начать операцию, однако заболевает и умирает, перед смертью разделив полномочия главы клана между двумя братьями, с которыми он враждовал. Шесть дальних уездов были разделены поровну между Иэхира и Киехира Киёхара, каждый из которых претендовал на право зваться единоличным главой клана и хозяином всех шести уездов. После того как войско Иэхира расправляется с детьми и женой Киехира Киёхара, последний обращается за помощью к Минамото Ёсиизэ. В 1086 г. Ёсиизэ и прибывший ему на выручку из столицы младший брат, Минамото Ёсимицу, осаждают гарнизоны Иэхира. В 1087 г. Иэхира был убит, что положило конец главной ветви дома Киёхара. Правительство отказалось вознаградить Минамото за успешную военную операцию, поскольку она являлась вмешательством во внутренние дела Киёхара, и Ёсиизэ пришлось расплачиваться со своими вассалами собственными средствами, а также используя ресурсы провинции Муцу. Кроме того, срок службы Ёсиизэ в качестве управителя Муцу истек в 1088 г., и его полномочия не были пролонгированы. Теперь он был вынужден не только оставить должность, но и вернуть в казну все налоговые сборы, которыми он расплачивался с вассалами за военные действия. Однако у Поздней трехлетней войны были и другие последствия — победа над Киёхара поднимала авторитет Минамото среди восточных военных домов и стала демонстрацией их силы и самостоятельности. Если Ёриёси, действовавший с санкции правительства, имел право рекрутировать

воинов, то Ёрииз уже целиком пришлось обходиться силами вассалов и наемников.

Наибольшую выгоду от войны извлек Киехира, получивший власть над провинциями Муцу и Дэва. Он вернул себе родовое имя Фудзивара и обосновался в Хираидзуми. Данная местность под контролем рода Осю Фудзивара («Фудзивара из Муцу») стала важным культурным и религиозным центром Северо-Восточной Японии.

3.10. Период «правления из молельни»

Предпосылки формирования системы инсэй

Несмотря на то что Ёримити, сын Фудзивара Митинага, занимал должность *кампаку* в правление трех императоров и несколько его дочерей были государевыми супругами, ни одна из них не смогла произвести на свет потомка, который мог бы претендовать на престол. Род Фудзивара поддерживал свою власть, заключая браки с императорами и получая назначения на должности *кампаку*, контролируя государя, используя родство с ним по материнской линии. По отцовской линии сильнейшее влияние на *тэнно* могли оказывать экс-императоры, после отречения становившиеся заметными политическими фигурами. Такие императоры, как Сага, Уда и Энью, став *дайджэ тэнно* («экс-императором»), проявляли большую активность, чем во время непосредственного правления. Со времен Сага экс-императорам полагались обширные земельные участки, становившиеся их частной собственностью и передаваемые по наследству. У *дайджэ тэнно* имелся собственный штат сотрудников, в который входили чиновники, вызывавшие его особое доверие. На момент отречения Энью (984 г.) уже существовало специальное управление, обслуживавшее нужды экс-императора, которое называлось *Ин-но тё*. Его служащие отвечали также за контроль над частными земельными владениями членов императорского рода. Чтобы избежать конкуренции со стороны *дайджэ тэнно*, регенты и канцлеры старались не допускать раннего отречения императора от престола.

В период расцвета *сэккан сэйдзи*, «политики регентов и канцлеров», большинство правителей находились на престоле до самой смерти (Итидзё, Гоитидзё, Горэйдзэй) или отрекались, будучи при смерти (Сандзё и Госудзаку). Одновременно с новым императором также провозглашался и наследный принц. В 1044 г. Госудзаку, будучи серьезно болен, принимает решение отречься в пользу своего брата, императора Горэйдзэй, а наследным принцем провозглашает принца Такахито, будущего императора Госандзё, чья мать не при-

надлежала к роду Фудзивара. Канцлер Ёримити выступил против решения Госудзаку, однако не посмел нарушить волю умирающего правителя. К тому же Сэкканкэ, «дом регентов и канцлеров», как стали именовать главное ответвление северного дома Фудзивара, не имел своего кандидата на эту должность. Ёримити выдал двух дочерей за императора Горэйдзэй, однако они не родили наследника, и в 1068 г., после смерти правителя трон переходит Госандзё, первому за 180 лет, со времен интронизации Уда, императору, не имевшему близкого родства с Фудзивара. Вдобавок на момент интронизации ему было 33 года, и традиционные механизмы по установлению контроля над императорами со стороны регентов и канцлеров в данном случае оказались совершенно неэффективными.

Период прямого правления Госандзё составил чуть менее пяти лет. Император принимает активное участие в решении кадровых вопросов. Он опирается на провинциальных чиновников, приближает среднеранговых аристократов, способствует возвышению до статуса *кугё* представителей рода Минамото и прилагает усилия по снижению авторитета Сэкканкэ. В это время из порядка 30 аристократов, обладавших третьим придворным рангом и выше, 10 происходили из Минамото. Наставником Госандзё и его сына, будущего императора Сиракава, был конфуцианский ученый Фудзивара Санэмаса, не принадлежавший к дому регентов и канцлеров. Ближайшими советниками императора, служившими в *Куродо-докоро*, а после его отречения занимавшими посты в *Ин-но тё*, были Фудзивара Тамэфуса, Фудзивара Корэфуса и ученый литератор Оэ Масафуса. Ни один из них не происходил из Сэкканкэ.

Все эти факторы способствовали установлению прямого императорского правления при Госандзё, что отразилось на государственной политике. Император проводит ряд реформ, направленных на улучшение экономического положения в стране, — регулирует ценовую политику (1072 г.), проводит стандартизацию мер объема сыпучих тел *масу*, являвшихся основной единицей измерения налоговых поступлений (1072 г.), устанавливает контроль над качеством производства шелка и конопляной ткани (1070 г.). Наиболее известной мерой Госандзё является создание ведомства по инспекции *сёэн*, *Кироку сёэн кэнкэйдзё*, в 1069 г. Возможно, идея его создания принадлежит Оэ Масафуса. Ведомству поручалось ликвидировать все *сёэн*, образовавшиеся после 1045 г., а также проверить права собственности на землю владельцев более ранних поместий. Новые *сёэн*, как и те, чьи владельцы не могли подтвердить своих прав на них, были

возвращены государству и переведены в категорию налогооблагаемых. Многие *сёэн* были конфискованы в пользу императорского рода, что многократно увеличило его благосостояние и стало экономической базой «правления из молельни».

Правление Сиракава. Установление системы инсэй

В 1073 г. Госандзё отрекается в пользу своего сына, императора Сиракава, чтобы не дать Фудзивара возможности повлиять на назначение удобного им правителя. Вскоре Госандзё умирает от болезни, а его сын, занимавший трон 14 лет, продолжает политику, начатую отцом. При нем представительство Минамото в правительстве становится еще более значительным — в 1083 г. должности Правого и Левого министров принадлежали им. Основной заботой Сиракава была передача престола собственному наследнику, а не братьям, как того требовало завешание Госандзё. В конце 1086 г., после череды придворных интриг, дождавшись удачного стечения обстоятельств, Сиракава назначает своего сына, будущего императора Хорикава, наследным принцем и на следующий же день отрекается в его пользу. Экс-император переезжает в огромный дворец, построенный для него к югу от Хэйан. Эскорт, сопровождавший Сиракава по пути к новому дворцу, был столь внушительным, что сбитые с толку современники сочли это переносом столицы. Другая резиденция экс-императора располагалась к востоку от Хэйан. Последующие 20 лет Сиракава проведет в основном за пределами столицы, не принимая активного участия в политической жизни страны, и вернется к государственным делам лишь после смерти Хорикава в 1107 г., будучи обеспокоенным вопросом престолонаследия. Унаследовавшему трон императору Тоба было в то время всего 4 года, и он не мог иметь прямого потомка, которого можно было провозгласить наследным принцем. На это место претендовали, таким образом, принцы Сукэхито и Арихито, принадлежавшие по материнской линии к Мураками Гэндзи, Минамото, восходившим к императору Мураками. Сиракава настаивает, чтобы наследный принц не назначался вовсе.

Возвышение Минамото при дворе, сподвижников Госандзё и Сиракава, происходит в правление Хорикава. После Трехлетней войны 1083—1087 гг. авторитет главы Минамото, Ёсиизэ, был настолько велик, что провинциальные землевладельцы, желая его покровительства, коммендируют ему множество *сёэн*, что вызывает опасения Фудзивара. В 1091 г. регент Фудзивара Мородзанэ запрещает коммендировать земли в пользу Ёсиизэ. Также ему и его воинам был запрещен доступ

в столицу во избежание ее захвата. Среди Мураками Гэндзи было также немало влиятельных чиновников и принцев, и теперь они представляли угрозу не только для Сэкканкэ, но и для Сиракава, опиравшегося на их поддержку. Однако через некоторое время отношения между экс-императором и родом Минамото проявились. В 1113 г. был раскрыт заговор по свержению императора Тоба. Заговорщиками оказались монахи Сёкаку и Нинкан, принадлежавшие к Мураками Гэндзи. Событие ударило по престижу рода Минамото, но привело к тому, что Сиракава принимает решение усыновить оставшихся без покровителей принцев Сукэхито и Арихито, оставляя за последним теоретические шансы на занятие престола. В 1119 г., когда у Тоба рождается сын, провозглашенный наследным принцем, Сиракава присваивает Арихито родовое имя Минамото и осыпает почестями.

Влияние экс-императора на придворную политику становится неоспоримым с ослаблением *Сэкканкэ*. В 1101 г. главой дома регентов и канцлеров становится Фудзивара Тададзанэ, которому в то время было всего 22 года. В 1106 г. он становится *кампаку*, однако из-за возраста не имеет возможности влиять на придворных аристократов из других родов. Слабость Фудзивара и лояльность Минамото делают Сиракава главной политической фигурой в стране. В военном эпосе «Хэйкэ моногатари» («Повесть о доме Тайра») говорится, что лишь три вещи были неподвластны могущественному экс-императору — воды реки Камо, игральные кости и монахи горы Хиэй. Придворные аристократы в своих дневниках высказываются о Сиракава похожим образом, утверждая, что он не считается ни с кем, назначая и увольняя людей по своему усмотрению и во всем затмевая правящего государя. Образ своенравного и вспыльчивого правителя дополняется многочисленными легендами и преданиями. В собрании преданий жанра *сэцува* «Кодзидан», составленном Минамото Акиканэ между 1212 и 1215 гг., приводится рассказ о том, как Сиракава, разгневанный тем, что из-за дождя на несколько дней пришлось отложить буддийскую церемонию в его частном храме Хоссёдзи, повелел собрать дождевые капли в сосуды и поместить их в тюрьму.

Управление *Ин-но тё* при Сиракава имело сложную структуру и отличалось от аналогичных ведомств при предыдущих *дайджё тэнно* наличием подразделения *ин-но хокумэн* («северная часть молельни»), личной гвардии экс-императора, численность которой была сопоставима с крупным военным отрядом. Ее создание объясняется необходимостью противостоять *сохэй*, монахам-воинам, доставлявшим множество неприятностей аристократам.

В 1118 г. для отражения наступления монахов из монастыря Энрякүдзи Сиракава мобилизовал более 1000 воинов из числа *хокумэн-но буси*, личной гвардии, и своих «вассалов» *кинсин*. Под началом экс-императора служил Минамото Ёсииз, что сблизило его с императорским родом. Благодаря службе Тайра Масамори в качестве *хокумэн-но буси* возвышается род Исэ Хэйси, Тайра из Исэ. Несколько десятилетий спустя внук Масамори, Тайра Киёмори, добьется положения самого влиятельного человека в стране.

3.11. Приход к власти военных домов

Экс-император Тоба. Возвышение рода Тайра

Внук Сиракава, император Тоба, занимал престол с 1107 по 1123 г. Пока был жив экс-император, Тоба не удавалось проявить себя в качестве самостоятельного политика. Непростые отношения между дедом и внуком ухудшились после рождения наследного принца Акихито, будущего императора Сутоку, в 1119 г. Его матерью была Фудзивара Сёси, приемная дочь Сиракава. При дворе ходили слухи, что настоящим отцом принца был не Тоба, а экс-император. Сохранились даже сведения о том, что Тоба называл принца не сыном, а дядей. Не вызывало вопросов отцовство остальных двоих дочерей и четырех сыновей, рожденных Сёси от Тоба. Именно одного из этих детей император желал видеть наследником, что противоречило воле Сиракава. В 1123 г. он вынуждает Тоба отречься в пользу Сутоку. В течение последующих шести лет в Японии одновременно находились *тэнно* и два экс-императора, однако лишь Сиракава имел власть. После его смерти в 1129 г. Тоба предпринимает ряд мер, чтобы занять положение своего деда в качестве *инсэй*. Первым делом он обретает контроль над многочисленными складами и зернохранилищами, служившими ресурсной базой правления Сиракава. Он отстраняет преданных Сиракава чиновников, назначая на их места людей, преданных лично ему. На первом этапе правления в качестве экс-императора Тоба принимает несколько решений, явившихся контрмерами по отношению к политике его деда. Он налаживает отношения с *Сэкканкэ*, восстанавливая при дворе Фудзивара Тададзанэ, уволенного с должности *кампаку* экс-императором Сиракава, что положило начало новому типу отношений между Фудзивара и императорским родом, напоминавшим отношения вассалитета. Возвращение Тададзанэ в политику и сближение Тоба с *Сэкканкэ* имели и другие последствия.

Во время опалы Тададзанэ главой рода стал его сын Тадамити. По возвращении отца ему пришлось уступить Тададзанэ фактическое

управление *Сэкканкэ*. Кроме того, в 1132 г. Тоба назначает Тададзанэ на должность *найран*, заместителя канцлера, уступавшую *кампаку* в престижности, но превышавшую ее в плане реальных политических полномочий. Вдобавок Тададзанэ не желал, чтобы главой *Сэкканкэ* после него стал Тадамити, отдавая предпочтение младшему сыну, Ёринага. Это привело к затяжному противостоянию внутри рода Фудзивара. Позже обостряются противоречия внутри императорского рода, обернувшиеся противостоянием Тоба и Сутоку. Эти факторы послужат причиной событий 1156 г., известных как «смута годов Хогэн», *Хогэн-но ран*.

Особого расположения Тоба добились представители рода Тайра. Тайра Тадамори (1096—1153), сын Масамори, служившего Сиракава, становится одним из ближайших сподвижников экс-императора. Несмотря на открытое пренебрежение со стороны придворных аристократов, вызванное его происхождением из провинциального рода Исэ Хэйси, военные заслуги Масамори и его личная преданность Тоба способствовали стремительному возвышению. Наибольших военных успехов он добился в борьбе с пиратами в юго-западной части Японии. В 1135 г. правительство отправляет Масамори во главе отряда для борьбы с пиратами на Кюсю. На это место претендовал также Минамото Тамэёси, но Тоба настоял на кандидатуре Тайра. Вскоре Масамори возвращается с победой, пригоняет около 70 человек пленных и демонстрирует голову убитого лидера пиратов, Хидака Дзэндзи. При дворе ходили слухи, что «пираты» на самом деле были местными воинами, отказавшимися принять вассальный статус по отношению к Тайра. За достигнутый успех Масамори был щедро вознагражден, его сын Киёмори — повышен в ранге. Другим важным последствием этой операции была консолидация военных домов на северо-западе Японии под началом Масамори в качестве их «сюзерена» *торё*. Военная мощь, сконцентрированная Тайра, была опорой правления Тоба.

Авторитет экс-императора признавали как столичные аристократы, так и главы военных домов, что позволило ему практически беспрепятственно вынудить императора Сутоку отречься в пользу двухлетнего принца Нарихито, ставшего императором Коноэ. Он был сыном Тоба от Фудзивара Нарико, более известной под именем Бифукумонин. Экс-император Сутоку не оставлял надежды возвести на престол собственного наследника, принца Сигэхито, что привело к обострению отношений между ним и Тоба. Внутренняя борьба не обошла стороной также военные дома. Тамэёси и его сын Ёситомо соперничали за право называться главой Сэйва Гэндзи. Эти конфликты переходят

в фазу вооруженного противостояния после скоропостижной кончины Коноэ в 1155 г. и резкого ухудшения состояния здоровья и последовавшей за этим смерти Тоба.

Смуты годов Хогэн и Хэйдзи

В 1155 г. на престол восходит император Госиракава. Его кандидатура вызывала сильные сомнения экс-императора Тоба, считавшего, что он не обладает качествами, необходимыми правителю, но обстоятельства сложились иначе. Император Коноэ обладал слабым здоровьем, и была велика опасность того, что он не оставит после себя наследника. Тогда супруга Тоба, Бифукумон-ин, усыновляет ребенка Госиракава, принца Морихито, в надежде сделать его преемником Коноэ. В 1155 г. Коноэ умирает, и между экс-императором Тоба, Бифукумон-ин и Фудзивара Тадамити, пятью годами ранее лишившимся главенства над *Сэкканкэ* по воле своего отца, происходит обсуждение возможного назначения Морихито императором. Несмотря на явное стремление возвести на престол именно его, было решено, что сначала императором должен стать его отец, Госиракава. Морихито же был провозглашен наследным принцем.

Восхождение Госиракава усиливало позиции Фудзивара Тадамити в его противостоянии с отцом, Тададзанэ, и младшим братом и номинальным главой *Сэкканкэ*, Ёринага. К этому времени экс-император Тоба отдалил их от себя, и одной из причин его недовольства были слухи о том, что Ёринага и Тададзанэ проклинали императора Коноэ, из-за чего тот скончался. Также правление Госиракава и назначение Морихито наследным принцем лишало экс-императора Сутоку надежды возвести своего сына на престол. Вскоре после смерти Тоба в 1156 г. Сутоку, объединивший силы с главой *Сэкканкэ* и его отцом, а также примкнувший к ним Минамото Тамэёси двинул войска на столицу, однако потерпят сокрушительное поражение от сторонников Госиракава. Подробные описания хода сражений содержатся в военно-историческом повествовании «Хогэн моногари» («Повесть о смуте годов Хогэн»). Экс-император Сутоку был сослан в провинцию Сануки, Фудзивара Ёринага скончался от ранения, полученного в бою, а Минамото Тамэёси и его сторонники и родные были казнены. Местом казни послужила столица, чего не случалось уже более 300 лет. Императора Госиракава поддерживали Фудзивара Тадамити, Минамото Ёситомо и Тайра Киёмори, а также Фудзивара Митинори, известный под монашеским именем Синдзэй. Он был близок с экс-императором Тоба, а его супруга была кормилицей Госиракава. После «смуты годов Хогэн» он играл заметную роль

при дворе императора, прославился как умелый политик и интриган. Одним из главных последствий смуты в исторической перспективе стало нарастание неприязни между Минамото Ёситомо и Тайра Киёмори. Минамото посчитал, что его ратные подвиги заслуживали большего вознаграждения, однако император особенно отметил Киёмори, к неудовольствию главы Сэйва Гэндзи.

В 1158 г. Госиракава отрекается в пользу принца Морихито, правившего как император Нидзё. Основной причиной отречения было стремление расширить управленческие полномочия и осуществлять реальное политическое руководство страной в качестве экс-императора. Госиракава оставался *хонъин*, главным экс-императором, на протяжении 35 лет, вплоть до окончания периода Хэйан.

Политические амбиции Госиракава встречают активное сопротивление со стороны императора Нидзё. Придворные элиты снова разделились на две фракции — тех, кто поддерживал императора, и тех, кто выступал на стороне экс-императора Госиракава. Противостояние в конце 1159 г. переросло в вооруженное столкновение, получившее название «смута годов Хэйдзи». Против Госиракава и его советника Синдзэй сражался Минамото Ёситомо. За экс-императора воевали Тайра во главе с Киёмори. В ходе столкновения Синдзэй был убит, однако сторонники императора Нидзё потерпели поражение. Ёситомо настигла смерть, однако Киёмори пощадил его сына Ёритомо, заменив казнь ссылкой в провинцию Идзу.

Тайра Киёмори

Госиракава не удалось обрести властных полномочий по итогам «смуты годов Хэйдзи», поскольку его сторонники переметнулись на сторону Нидзё. Противостояние между отцом и сыном продолжалось путем придворных интриг. Действия императора были более успешными. Ему удалось выдворить из столицы многих сторонников Госиракава, но ни одна из сторон не имела решающего перевеса. Больше всех выигрывал от противоречий внутри императорской семьи глава дома Тайра Киёмори, использовавший сложившуюся ситуацию в собственных целях. Даже после смерти императора Нидзё в 1165 г. и возведения на престол малолетнего императора Рокудзё Госиракава не смог обрести тех полномочий, которыми обладали экс-императоры Сиракава и Тоба, будучи *хонъин*. Этому препятствовал укрепивший свои позиции при дворе Киёмори.

После победы над Минамото Ёситомо Киёмори стал *кугё*, что открывало ему доступ к высшим государственным постам и возможности влиять на политику. Военная мощь Тайра служила опорой

императора в урегулировании дел как в провинции, так и в столице. Несмотря на то что уже в 1160 г. Киёмори располагал как высоким рангом, так и военным авторитетом, как статусом, так и силой, достаточными для обретения полного контроля над придворным сообществом, это происходит не сразу. Став *кугё*, Киёмори предпочел укреплять влияние не за счет консолидации сил различных военных домов под собственным началом, а с помощью метода, помогавшего так долго удерживаться на политическом олимпе роду Фудзивара, — заключения брачных союзов с членами императорского рода. Он двигался в этом направлении постепенно. В 1167 г., после череды повышений, он получает первый придворный ранг и становится Главным министром, *дайдзё дайджин*. Для того чтобы занять высшую должность в государственном аппарате, ему потребовалось всего семь лет. Во многом его продвижению способствовала поддержка со стороны экс-императора Госиракава, к этому периоду контролировавшего императорский род. Госиракава, в свою очередь, был обязан своим положением самому Киёмори. Связь между экс-императором и главой дома Тайра укрепились еще сильнее, когда невестка Киёмори, по имени Сигэко, родила от Госиракава принца Норихито, провозглашенного наследником престола. В 1168 г. императора Рокудзё заставят отречься в его пользу, и принц Норихито станет императором Такакура.

С 1168 по 1175 г. между Киёмори и Госиракава идет соперничество за влияние на императора. С одной стороны, Госиракава имел преимущество, будучи отцом Такакура и продолжателем системы *инсэй*. С другой стороны, он не располагал военной мощью и экономической независимостью, сопоставимой с той, что была у Киёмори. К тому же экс-императору приходилось полагаться на воинов Тайра для защиты от нападений монахов-воинов *сохэй*, часто оказывавших давление на правительство. Госиракава идет на дальнейшее сближение с Тайра, усыновив дочь Киёмори и сделав ее супругой императора Такакура. В случае рождения наследника от этого брака Киёмори становился в равное положение с регентами из дома Фудзивара и обретал источник практически неограниченной власти — императора, приходившегося ему племянником. Родственные связи не уберегают Тайра от открытой конфронтации с Госиракава. В 1177 г. был раскрыт заговор придворных, близких к экс-императору, целью которого было устранение Киёмори. Одних заговорщиков казнили, других отправили в ссылку, однако действий в отношении Госиракава не последовало.

В 1179 г. экс-император присваивает себе владения, оставшиеся после смерти сына и дочери Киёмори, чем вызывает гнев Тайра. Киёмори удаляется из правительства 39 влиятельных сановников, большинство из которых были лояльны экс-императору, учиняет проверку его владений, а самого Госиракава помещает под арест во дворец Тоба-доно к югу от Хэйан. Годом позже император Такакура будет вынужден отречься в пользу внука Киёмори, правившего под именем императора Антоку. На этом политическая карьера Киёмори достигает пика, за которым последует резкое падение, окончившееся крахом дома Тайра.

Война Тайра и Минамото. Конец периода Хэйан

Политика Киёмори вызывала недовольство многих, в том числе представителей провинциальных военных домов. К 1180 г. Тайра владели землями во множестве провинций и держали под постоянным наблюдением столицу, однако их стремление к преумножению власти не могло не привести к конфликту интересов, из-за которого они лишились части своих союзников. Помимо военных домов, наиболее серьезным в военном отношении противником были крупные храмы, благодаря действиям Госиракава настроенные враждебно по отношению к Киёмори. Против Тайра объединились в совместном выступлении даже такие непримиримые некогда противники, как монастыри Миидэра и Энрякудзи, предпринявшие неудавшуюся попытку освобождения Госиракава и Такакура.

Весной 1180 г. третий сын Госиракава, принц Мотихито, в очередной раз лишившийся возможности стать императором, вместе с единственным оставшимся в правительстве представителем рода Минамото, Минамото Ёримаса, обращается за помощью к воинам Минамото, а также другим военным домам и монастырям с целью свергнуть Киёмори. Тайра пытаются арестовать Мотихито, однако он вместе с Ёримаса успевает бежать в храм Миидэра (Ондзёдзи). Через несколько дней состоялось первое сражение между воинами Минамото и Тайра в Удзи. Минамото потерпели поражение, а принц Мотихито был убит. Киёмори решает перенести столицу в свои родовые владения в Фукухара (совр. Кобэ), однако новости, полученные им от поверженного в бою с Минамото Ёритомо полководца Тайра Корэмори о большой концентрации войск противника на северо-востоке страны, готовых выдвинуться в столицу, вынуждают его вернуться в Киото.

В 1181 г. Киёмори умирает, после чего наступает временное затишье, связанное также с обрушившимся на страну голодом. В 1183 г. бои

возобновляются. Ёсинака и Юкииз, полководцы из рода Минамото, не встречая на своем пути серьезного сопротивления, приближаются к столице и вынуждают Тайра бежать. Тайра Мунэмори, возглавивший род после смерти Киёмори, вместе с малолетним императором Антоку, захватив императорские регалии, бежит в западную часть Хонсю, откуда перебирается на Сикоку. В это время Госиракава возвращается в Киото и провозглашает новым правителем своего внука, императора Готоба. Экс-императору удастся не только возвести на престол нового императора, из-за чего в стране около двух лет будет два номинальных правителя, но и примирить между собой вступивших в конфликт военачальников из рода Минамото.

В 1184 г. войско Минамото развернуло наступление на укрепления Тайра на юго-западе страны. Ёсицунэ, брату Ёритомо, выдающемуся полководцу и герою множества легенд и сказаний, удастся взять штурмом главный бастион Тайра на Хонсю — Итинотани, после чего оставшиеся в живых Тайра бегут на Сикоку. Около полугода ушло на подготовку войска Минамото для дальнейших сражений.

В 1185 г. пала крепость Ясима. Уцелевшим Тайра удастся спасти императора Антоку и регалии и бежать. Через месяц после этого состоялось сражение, определившее исход войны. В морском сражении при Данноура победу одержало войско Минамото. Этому способствовал как их численный перевес и погодные условия, так и предательство Тагути Сигэёси, одного из военачальников Тайра, рассказавшего, на каком корабле прятался император Антоку и где находились императорские регалии. Это позволило флоту Минамото, которым руководил Ёсицунэ, сконцентрировать атаку на одном корабле, и вскоре битва была выиграна, а война окончена. Вдова Киёмори, Тайра Токико, с внуком Антоку на руках бросилась в пучину.

С уничтожением рода Тайра уже Минамото начинают диктовать свои условия императору. Талантливый администратор и безжалостный политик, Минамото Ёритомо последовательно избавляется от возможных конкурентов в борьбе за положение единоличного лидера военных домов. Основную конкуренцию ему могли составить члены его собственного рода, прославившиеся в ходе войны против Тайра. В 1186 г. Ёритомо расправляется с Юкииз; в 1189 г. покончил жизнь самоубийством, возможно, самый талантливый военный среди Минамото, Ёсицунэ. После смерти экс-императора Госиракава в 1192 г., незадолго до этого присвоившего Ёритомо титул *сэйи тайсёгун*, «великого полководца-усмирителя варваров» и расправы над Минамото Нориери в 1193 г. уже ничто не стоит на его пути по установлению правления военных домов, которые

будут определять политический климат Японии вплоть до реставрации Мэйдзи в 1867–1868 гг.

Контрольные вопросы

1. Особенности периодизации доисторической Японии.
2. Формирование японской государственности.
3. Статус правителя в древней Японии. Титулатура.
4. Социальная структура в период Нара.
5. Основные политические конфликты периода Нара.
6. Государственное устройство в период Нара.
7. Причины переноса столицы в Хэйан.
8. Реформы императора Камму.
9. Борьба за власть между императорами Сага и Хэйдзэй. Формирование *Куродо-докоро*.
10. Механизмы политической борьбы в первой половине IX в.
11. Возникновение системы *сэккан сэйдзи*.
12. Взаимоотношения императорского рода и рода Фудзивара.
13. «Идеальная государственность». Правление Уда, Дайго и Мураками.
14. Основные военные конфликты X в.
15. Возвышение рода Минамото.
16. Идеалы военного сословия и придворной аристократии.
17. Структура частных земельных владений *сёэн*.
18. Формирование системы *инсэй*.
19. История рода Тайра.
20. Специфика отношений между императорами и экс-императорами.
21. Обстоятельства прихода к власти военного сословия. Война Тайра и Минамото.

Рекомендуемая литература

- Грачев М. В.* Образ чиновника в раннесредневековой Японии: идеал и действительность // История и культура традиционной Японии. М., 2014. С. 104–124.
- Грачев М. В.* Регламентация служебной деятельности японского раннесредневекового чиновничества (на примере должностных переаттестаций в эпоху Хэйан) // История и культура традиционной Японии. М., 2014. С. 73–89.
- Игнатович А. Н.* Буддизм в Японии. Очерк ранней истории. М., 1987.
- История японской культуры. М., 2009.
- Мещеряков А. Н.* Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М., 2014.
- Мещеряков А. Н., Грачев М. В.* История древней Японии. СПб., 2002.
- Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм (проблема синкретизма). М., 1987.
- Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: культура и текст. СПб., 2006.
- Мещеряков А. Н.* Изображение человека в раннеяпонской литературе // Человек в японской культуре. М., 1985. С. 26–47.

Глава 1

Пасков С. С. Япония в раннее Средневековье. VII—XII века. М., 1987.

Родин С. А. Небесный мудрец и Небесный воитель. Государи Тэнти и Тэмму в японских письменных памятниках VIII в. // Вестник РГГУ. М., 2012. № 20 (100). С. 272—289.

Трубникова Н. Н., Бачурин А. С. История религий Японии IX—XII вв. М., 2009.

Япония в эпоху Хэйан (794—1185): Хрестоматия / Сост., введ., пер. и коммент. М. В. Грачева // *Orientalia et Classica XXIV*. М., 2009.

Farris W. W. Sacred Texts and Buried Treasures: Issues in the Historical Archaeology of Ancient Japan. Honolulu, 1998.

Heian Japan. Centres and Peripheries. Honolulu, 2007.

Ooms Herman. Imperial Politics and Symbolics in Ancient Japan: the Tenmu Dynasty, 650—800. Honolulu, 2009.

The Cambridge History of Japan. Vol. 1 Ancient Japan. Cambridge, 2006.

The Cambridge History of Japan. Vol. 2. Heian Japan. Cambridge, 1999.

Глава 2

Япония в эпоху Средневековья

1. Период сёгуната Камакура (1185–1333)

Термин «Средние века» (*тюдэй*) фигурирует как в японской, так и в западной историографии, однако его смысловое наполнение и хронологические рамки определяются диаметрально противоположным образом разными учеными. В данном разделе «Средневековье» соответствует эпохам Камакура, Муромати и Адзуты-Момояма. Этот термин используется для удобства (с оглядкой на существующую историографическую традицию), японские «Средние века» не отождествляются с европейским «Средневековьем».

Длительное преобладание военно-служилого слоя в социально-политической сфере с эпохи Камакура до эпохи Токугава включительно — одна из особенностей японской истории в отличие от опыта Китая и Кореи, где гражданские чиновники стояли выше воинов, которым, как правило, удавалось обойти их (да и то не всегда) лишь во времена смут и междоусобиц.

Относительно основания первого сёгуната и начала нового периода в истории Японии среди ученых нет единого мнения. В частности, его относят к 1180 г., когда **Минамото-но Ёритомо** (1147–1199) учредил свою ставку в Камакура, к 1192 г., когда Ёритомо стал сёгуном, и т.д. Безусловно, формирование новой политической системы не было одномоментным, поэтому принятая в данном разделе дата начала эпохи Камакура — 1185 г. — носит условный характер. Ранее на основании признаваемого сейчас неточным или недостоверным сообщения хроники «Адзума кагами» («Восточное зеркало») 1185 годом датировали получение Ёритомо права назначения военных наместников (*сюго*) в провинции и *дзито* в вотчины-сёэн.

В период Хэйан самураями (от *сабурау* — «ожидать приказа / прислуживать при знатной особе») именовали служилых людей императорского двора и аристократических кланов, которые занимали 5–6-й ранги. Часть воинов (*буси*) также относилась к самураям. В эпоху Камакура самураи стали отождествляться с представителями военно-служилого слоя.

Предпосылками становления класса профессиональных потомственных воинов считают постепенный отказ от рекрутской военной системы государства *рицурё* в начале эпохи Хэйан, а также войны с *эмиси* на северо-востоке. Важнейшим фактором в этой связи была борьба в конце IX–X в. с многочисленными шайками разбойников, представлявшими серьезную угрозу для населения и провинциальных властей. Отряды воинов привлекались провинциальными управами для усмирения разбойников и мятежников, функционируя в качестве составной части «придворного государства». Высший слой *буси* составляли отпрыски боковых ветвей императорской фамилии (Сэйва Гэндзи, Камму Хэйкэ) и аристократических родов. Они получали посты провинциальных управителей, чиновников *кэбииситё*, ведомств охраны императорского дворца, поступали на службу к столичным аристократам и владели обширными землями в *сёэн*. С ними выстраивали отношения личной зависимости-покровительства провинциальные воины, нередко занимавшие должности в провинциальных управах и обладавшие постами в *сёэн* и на государственных землях.

1.1. Война Тайра и Минамото

Установлению первого в истории Японии сёгуната предшествовала череда внутривластных конфликтов. Особенно продолжительной и ожесточенной была смута годов Дзисё-Дзюэй (1180–1185), охватившая всю страну. Восстания против дома Тайра вспыхнули в разных землях Японии. В Идзу поднял мятеж Минамото-но Ёритомо, сын казнённого после смуты годов Хэйдзи Минамото-но Ёситомо (1123–1160). Ёритомо поддержал один из чиновников провинциальной управы провинции Идзу, Ходзё Токимаса (1138–1215). Оправившись от первоначальных поражений, Ёритомо стал одним из вождей Минамото, к которому стекались воины восточных областей. В том же 1180 г. Ёритомо учредил свою ставку (*бакуфу*) в Камакура (провинция Сагами), где Минамото имели крепкие связи с местными воинами. Экс-император Госиракава (1127–1192) в своем указе 1183 г. фактически признал доминирование Ёритомо в восточных провинциях; началось инкорпорирование власти Ёритомо в существующую политическую систему.

Войска Ёритомо во главе с его братьями Минамото-но Ёсицунэ (1159–1189) и Минамото-но Нориёри (?–1193) в нескольких крупных сражениях разгромили силы Тайра.

После падения дома Тайра в 1185 г. начались раздоры между Ёритомо и Ёсицунэ, чем пытался в своих интересах воспользоваться Госиракава. В конце концов объявленный мятежником Ёсицунэ бежал

под защиту Осю Фудзивара (дословно: «Фудзивара края Муцу»), чьи владения находились на севере Японии в провинциях Муцу и Дэва. Но в 1189 г. четвертый глава этого клана Ясухира (1155–1189) под давлением Ёритомо вынудил Ёсицунэ покончить с собой. Затем войско сёгуна уничтожило власть Осю Фудзивара на севере Японии. В 1190 г. Минамото-но Ёритомо был назначен *уконоэ-но дайсё* (*удайсё*) — главой правой внутренней дворцовой стражи, но вскоре покинул этот пост.

1.2. Политическая система эпохи Камакура

Сёгун и бакуфу

Изначально титул *сэйи тайсёгун* («великий полководец, покоритель варваров») присваивался в VIII в. императорским двором военачальникам, назначавшимся для борьбы с *эмиси* на севере Японии. Минамото-но Ёритомо получил эту должность от императорского двора в 1192 г.

Таким образом, с момента основания своей ставки в 1180 г. в Камакура и до 1192 г. Ёритомо не носил титул *сэйи тайсёгун*, а в 1194 г. отказался от него. Ёритомо и последующих сёгунов также именовали *Камакура доно* («Камакурский господин»). С одной стороны, глава бакуфу в эпохи Камакура и Муромати не всегда получал звание сёгуна немедленно после смерти своего предшественника, а с другой стороны, мог оставить это звание, сохранив верховную власть в сёгунате. Сын Ёритомо Минамото-но Ёриизэ (1182–1204) был назначен на пост *сэйи тайсёгун* лишь через три года после смерти отца. Так или иначе, носитель этого титула стал отождествляться с вождем воинов, с главой военного правительства (*бакуфу*). Изначальный смысл полисемантического бинама *бакуфу* — ставка полководца (*баку* — занавес, палатка без верха, *фу* — ставка, резиденция, управление).

Политические двоецентрие

Система военного правления, установленная Ёритомо, не предполагала разрушения государственной структуры конца периода Хэйан и была в нее встроена, хотя процесс такой интеграции не был безболезненным. Власть *бакуфу* не в одинаковой степени охватывала территорию и население страны. **Вторым политическим центром был императорский двор, который легитимировал существование *бакуфу*.** Титул сёгуна глава *бакуфу* получал из Киото. В столице функционировал бюрократический механизм, сложившийся в период Хэйан, сохранялась система придворных рангов и должностей, которых домогались не только столичные аристократы, но и воины. Двор отрешенного государя и императора располагал существенными законодательными,

судебными и административно-полицейскими полномочиями в Киото, Центральной и Юго-Западной Японии. Столичные аристократы, крупные храмы и святилища в своих вотчинах (*сёэн*) обладали широкой внутренней автономией, налоговым и административно-полицейским иммунитетом.

Провинциями управляли гражданские губернаторы (*кокуси*), утверждавшиеся из Киото, а функции по поддержанию порядка и подавлению мятежей в провинциях исполняли военные наместники (*сюго*), назначавшиеся *бакуфу*. Сёгунат не контролировал всех воинов, многие из которых не были прямыми вассалами сёгуна (*гокэнин*).

Императорский двор разбирал тяжбы между владельцами *сёэн*. *Бакуфу* первоначально рассматривало только те судебные дела, одной из сторон или обеими сторонами которых были вассалы сёгуна. При этом сфера действия права военного сословия и юрисдикции судов сёгуната неуклонно расширялась, что сужало компетенцию императорского двора. Конфликты между крупными святилищами и храмами постепенно перешли в ведение *бакуфу*. Тем не менее на протяжении всего периода Камакура суд при императорском дворе в Киото сохранял свое значение, опираясь при этом на собственное законодательство. В Киото по-прежнему функционировали ведомства периода Хэйан, в частности судебно-полицейский орган *кэбииситё*.

Камакура *бакуфу* и могущественным аристократическим домам конца периода Хэйан был присущ ряд сходных черт. Так, многие ведомства военного правительства были созданы по подобию аналогичных структур аристократических придворных кланов. Однако вассальная система, возглавляемая сёгуном, распространилась на всю страну. **Гокэнин назначались на посты *сюго* и *дзито* по всей Японии, исполняя военно-полицейские функции и представляя *бакуфу* на местах.** Тем самым власть *бакуфу* носила публично-государственный характер не только в восточных областях, но и во всей Японии. Но сёгунат не был единственным носителем такой власти, поскольку сохранялся императорский двор. В политической системе сосуществовали два центра, одновременно взаимодействовавших и соперничавших между собой. При этом важной тенденцией периода Камакура было постепенное присвоение прерогатив и функций императорского двора *бакуфу*, которое усилилось после победы над Киото в смуте годов Дзёкю (1221 г.).

Бакуфу стало оказывать решающее влияние на выбор государя, наследного принца и действительного главы императорской фамилии и двора, ко-

торыми в период Камакура нередко были отрeksiеся государи, но могли быть и императоры (например, государь Годайго, ставший в 1321 г. одновременно главой императорского дома). Таких действительных носителей высшей власти в императорском доме именовали *титэн-но кими* (дословно: «правлящий Поднебесной государь»). Во время монгольских вторжений сёгунат привлекал к участию в военной кампании не только *гокэнин*, но и воинов из *сёэн*, не являвшихся вассалами сёгуна, что повлекло за собой дальнейшее расширение его юрисдикции.

Дом Ходзё

Эпоха Камакура, за исключением времени правления Минамото-но Ёритомо и непродолжительного периода последующей политической борьбы, — время господства дома Ходзё в *бакуфу*, при котором сёгуны превратились лишь в номинальных правителей. Происхождение рода Ходзё неясно. По одной из версий, Ходзё были боковой ветвью дома Тайра. В 1180 г. Ходзё Токимаса, чья дочь Масако (1157–1225) стала женой Минамото-но Ёритомо, занимал должность чиновника провинциального управления Идзу. Масако стала матерью двух сыновей Ёритомо, сёгунов Ёриизэ (1182–1204) и Санэтомо (1203–1219). Родственные связи с первым сёгуном позволили Ходзё победить соперников после его смерти.

Наивысшей властью в *бакуфу* обладал глава дома Ходзё (*токусю*), который мог занимать должность *сиккэна* (дословно: «держатель власти»). Первым *сиккэном* стал Ходзё Токимаса в 1203 г. Его пост предполагал исполнение функций помощника и советника при главе военного правительства. Однако *сиккэны* стали действительными властителями при сёгунах. Такую роль играл в 1203–1205 гг. Ходзё Токимаса при малолетнем сёгуне Санэтомо. После Токимаса пост *сиккэна* передавался по наследству в клане Ходзё. Первоначально *сиккэном* был глава главной линии рода Ходзё (*токусю*), но Ходзё Токиёри (1227–1263) отступил от этого принципа. Приняв монашеский постриг в 1256 г., он уступил пост *сиккэна* одному из своих родственников, оставаясь верховным властителем в качестве главы Ходзё вплоть до своей кончины в 1263 г. Таким образом, должность *сиккэна* не была главным атрибутом верховенства в политической структуре *бакуфу* на протяжении всего периода после смерти Минамото-но Ёритомо.

Вспомогательную роль при *сиккэне*, подписывая вместе с ним указы и распоряжения *бакуфу*, играл *рэнсё* («совместно подписывающий [документы]»). Этот пост, который занимали отпрыски рода Ходзё, был создан Ходзё Ясутоки в 1225 г.

1.3. Система вассалитета

Бакуфу и гокэнин

Гокэнин в период Камакура — воины (*буси*), являвшиеся прямыми вассалами сёгуна. В эпоху Хэйан слуг аристократических и военных домов именовали *кэнин* («человек дома»), иногда присоединяя к этому биному гонорифическую частицу *го*. Отношения сёгуна и *гокэнин* были основаны на принципах взаимности: за верную службу (*хоко*) вассала его сюзерен (сёгун) одаривал покровительством, милостями и благодеяниями (*гоон*).

Гокэнин составляли основу военной и экономической мощи сёгуната. Они получали от сёгуна посты *сюго* и *дзито*. Сёгун утверждал их права на родовые владения и жаловал новые земли, рекомендовал императорскому двору для присвоения ранга или должности. Воины не-*гокэнин* не располагали такими привилегиями. После того как сёгуны утратили реальную власть, их отношения с *гокэнин* становились все более формальными. Действительным распорядителем наград и благодеяний стал глава дома Ходзё. Для того чтобы стать *гокэнин*, воины восточных районов Японии должны были представать перед сёгуном. Самураи западных областей признавались *гокэнин* после того, как списки их имен подавали *бакуфу* военные наместники, или по факту исполнения повинности по охране императорского дворца.

В эпоху Камакура самураи были, прежде всего, конными лучниками, а их военное искусство именовалось тогда *кюба-но мити* («путь лука и коня») или *юмия-но мити* («путь лука и стрел»). Свое мастерство они оттачивали на охоте, а также во время церемониальной стрельбы из лука на скаку по мишеням — *касагакэ* и *ябусамэ*. *Касагакэ* и *ябусамэ*, возникшие еще в эпоху Хэйан и проводившиеся на земле синтоистских святилищ, носили характер одновременно религиозного ритуала и спортивного состязания. Во время *инуоумоно*, зародившегося в эпоху Камакура, всадники соревновались в стрельбе тупыми стрелами по собакам, бежавшим внутри огороженного круга. Ценилось военное мастерство. Обучение владению разными видами оружия начиналось в раннем возрасте.

Среди главных принципов поведения воинов были: преданность господину, доходящая до готовности совершить самоубийство вслед за ним, бесстрашие и доблесть на поле битвы и др. Честь рода была в числе важнейших ценностей. Самурай мог совершить ритуальное самоубийство (вспарывание живота — *сэппуку*) перед лицом неминуемого поражения или с целью смыть позор. *Сэппуку* заставляли совершать побежденных врагов, а в некоторых случаях вассалов, повинных в заговоре против господина или поднявших мятеж. Основополагающей целью для воина

было обеспечение процветания своего клана (*иэ*), неразрывно связанное с сохранением родовых земель. Родовые владения (*хонрё*) были неотъемлемой частью клана, там находились усадьба самурая, почитались синтоистские божества — покровители его рода, покоились его предки. От вотчин или деревень, где находились земли военных домов, происходили многие известные фамилии: Асикага — от Асикага-но сё (провинция Симоцукэ), Имагава — от Имагава-но сё, Симадзу — от Симадзу-но сё и т.д. Многие идеалы воинов, испытывавшие глубокое влияние конфуцианства, выражены в военных повестях (*гунки*), а также семейных наставлениях, например поучениях Ходзё Сигэтоки (середина XIII в.), Имагава Рёсюн (начало XV в.). От самурая требовались не только владение воинским искусством, но и образованность.

Особым слоем вассалов сёгуната были **миутибито**, служилые люди дома Ходзё (кланы Нагасаки, Сува, Андо, Бито и др.). **Миутибито** занимали посты в ведомствах *бакуфу*. Им доставались в управление земли Ходзё, должности помощников *сюго* (*сюгодай*) в провинциях, *сюго* которых были представители дома Ходзё. **Миутибито** занимали пост распорядителя делами (*ути-канрёй*) главной линии рода Ходзё и должности в управе *кумондзё*, ведавшей землями Ходзё (учреждены при Ходзё Ясутоки, 1183—1242). Впоследствии в усадьбе главы дома Ходзё собирался совет (*ёриай*) из его родичей и **миутибито**, обсуждавший важнейшие государственные дела.

Гокэнин обязаны были во время войны исправно нести ратную повинность, участвовать в подавлении мятежей. **Гокэнин** были главами провинциальных военных домов и сохраняли значительную самостоятельность, обладая постами *дзито* или же должностями управляющих в *сёэн*. Им принадлежали не только пожалованные *бакуфу* доходы и привилегии, но и унаследованные от предков земли и имущество. Во внутренние дела вассальных кланов сёгунат по своей инициативе почти не вмешивался. Такие кланы формировались из старшей и младших линий, слуг и зависимых людей, служивших *бакуфу* под началом главы клана.

Вассалы сёгуна с 1192 г. обязаны были нести **Киото обанъяку**, охранную службу у ворот императорского дворца, резиденции отрекшегося государя, а также сопровождать императора во время его выездов. Исполнение этой повинности, генетически восходившей к предшествующей эпохе, продолжалось от трех до шести месяцев. Она налагалась на отдельные провинции с интервалом в 10—20 лет. Еще одна служба — **Камакура обанъяку**, — заключающаяся в охране усадьбы сёгуна и учреждений *бакуфу* в Камакура, посменно исполнялась **гокэнин** со времени правления Минамото-но Ёритомо.

В 1271–1333 гг. *гокэнин* несли *икоку кэйго банъяку* — посменную сторожевую службу в провинциях Тикудзэн, Нагато и других стратегически важных юго-западных районах для обороны от монгольских нашествий. В первую очередь ее исполняли вассалы сёгуна, владевшие землей на Кюсю. Однако сёгунат обязывал ее нести и воинов не-*гокэнин*, администраторов *сёэн* и управляющих землями провинциальных управ. Одним из ее элементов было сооружение каменных и земляных укреплений вдоль побережья залива Хаката (см. ниже). *Гокэнин*, занятых на этой службе, освобождали от иных повинностей.

Регулярных налогов и податей в масштабе всей страны Камакурский сёгунат не вводил. *Бакуфу* налагало на *гокэнин* *Канто микудзи* — нерегулярные, невоенные, «хозяйственные» повинности. В их число входили расходы на содержание усадьбы сёгуна в Камакура, на строительство и ремонт императорского дворца, храмов, святилищ и др.

Из-за стягивания *гокэнин* в товарно-денежные отношения между ними росло имущественное неравенство, все больше вассалов теряло свои земли. Слой *гокэнин* был неоднороден, хотя формально все его представители обладали одним и тем же статусом. Меры, призванные предотвратить обезземеливание *гокэнин*, *бакуфу* предпринимало, в частности, в 1240, 1267, 1273, 1284 гг. Вводились всевозможные ограничения распоряжения *гокэнин* землями, неоднократно объявлялся возврат утраченных ими земель на разных условиях, но подобная политика не приносила должного результата.

В 1297 г. (5-й год девиза правления Эйнин) глава дома Ходзё Ходзё Садатоки (1271–1311) утвердил указ о «добродетельном правлении» (*токусэйрэй*), который предусматривал среди прочего запрет заклада и продажи владений *гокэнин*. Проданные или заложенные ранее земли предписывалось возвращать их прежним владельцам (*гокэнин*) безвозмездно. Если срок давности владения превышал 20 лет, земля не подлежала возврату. Однако получившие земли вассалов простолюдины (*бонгэ*) и не-*гокэнин* обязаны были независимо от срока владения вернуть земли вассалам сёгуна.

Закон был призван помочь опутанным долгами *гокэнин*, остановить их оскудение. Другой его целью было урегулирование участвовавших со времени монгольского нашествия споров по поводу владения движимым и недвижимым имуществом. После принятия указа *гокэнин* стали добиваться возврата утраченных владений, что привело к конфликтам с новыми владельцами, не спешившими его исполнять. С другой стороны, указ стеснял право *гокэнин* распоряжаться своей землей. Уже в сле-

дующем году из-за их недовольства он был отменен, за исключением положения о возврате владений. Впоследствии воины не-*гокэнин* и простолюдины также усмотрели в этом законе основание для требования утраченных земель.

1.4. Административная структура Камакурского сёгуната

Центральные ведомства

Бакуфу в первоначальный период своего существования в ряде аспектов подражало системе управления столичного аристократического дома. При этом многие столичные чиновники переехали в Камакура, чтобы служить Минамото-но Ёритомо. По примеру высшей знати Минамото-но Ёритомо учредил еще в 1180 г. *самурай докоро*, орган надзора за *гокэнин*, где их судили за тяжкие преступления. После 1213 г. руководящие посты этого важного ведомства были монополизированы Ходзё и их вассалами. Это ведомство также занималось уголовными правонарушениями в Камакура.

В 1184 г. появилось *кумондзё*, преобразованное в 1185 г. в *мандокоро*. В эпоху Хэйан *мандокоро* именовался орган управления делами в аристократических домах. В начале периода Камакура *мандокоро* отвечало за широкий круг административных вопросов, Камакура разбирало тяжбы не-*гокэнин* и простолюдинов, а также решало вопросы непосредственно управления в Камакура. Со временем этот орган утратил многие полномочия. *Монтюдзё* было образовано в 1184 г. В период, когда главную роль в решении судебных дел играл сам Минамото Ёритомо, оно исполняло вспомогательные функции. После его смерти *монтюдзё* стало важным судебным органом, ведавшим тяжбами *гокэнин*, а также воинов-не-*гокэнин* и простолюдинов вне Камакура. Компетенция *монтюдзё* была урезана после учреждения в 1249 г. *хикицукэ ката*. В последней трети XIII в. *монтюдзё* превратилось в орган, занимавшийся в Восточной Японии делами, связанными с куплей-продажей земли, тяжбами из-за движимого имущества, выплаты долга.

В 1225 г. *сиккэн* Ходзё Ясутоки инициировал учреждение Совета, в который вошли *сиккэн*, *рэнсё*, а также 11 виднейших вассалов (Миура, Адати, Тиба), чиновников (Миёси, Никайдо, Оэ и др.) и представители рода Ходзё. Членов Совета именовали *хёдзёсю* (*советники*). Совет стал высшим совещательным административно-судебным органом *бакуфу*, в частности утвердившим кодекс «Госэйбай сикимоку». Совет из *хёдзёсю* был орудием власти главы дома Ходзё. Судебные решения, вы-

несенные советниками, оформлялись грамотами, подписывавшимися исключительно представителями дома Ходзё.

В 1249 г. был образован новый орган *хикицукэ ката*, главным образом занимавшийся земельными тяжбами. Во главе него стоял представитель рода Ходзё. Советники *хикицукэсю* были одновременно членами Совета *хёдзёсю*. В нем разбирались земельные тяжбы с участием *гокэнин*, а впоследствии и не-*гокэнин*. В дальнейшем этот орган несколько раз упразднялся и восстанавливался.

Система управления областями и провинциями

После победы над силами экс-императора Готоба (1180–1239) в Киото в 1221 г. вместо *сюго* в Киото, должность которого была введена при первом сёгуне, была учреждена ставка *Рокухара тандай* (название ведомства и его руководителей), возглавленная представителями рода Ходзё. Они должны были неустанно следить за императорским двором. Управа *Рокухара тандай* творила суд, управляла центральными и западными районами Японии.

На Кюсю с 1185 г. до середины 1190-х годов интересы *бакуфу* представлял *тиндзэй бугё* Аmano Тоокагэ, вассал сёгуна из Идзу. Относительно существования такого поста после смещения Аmano Тоокагэ среди ученых нет единого мнения. Для исполнения судебных функций в 1286 г. было создано ведомство *тиндзэй дангидзё*, которое просуществовало некоторое время, а потом было заменено органом с более широкими полномочиями *тиндзэй тандай* (название органа и его руководителей) в 1293 г. Его возглавили представители клана Ходзё. Располагавшийся в Хаката *тиндзэй тандай* осуществлял надзор за воинами Кюсю и разбирал тяжбы между ними. После падения Осю Фудзивара в провинциях Муцу и Дэва власть *бакуфу* представляли *Осю собугё*.

Сюго и дзито

Прототипом института *сюго* (военный наместник сёгуна) были чиновники *цуйбуси* и *орёси* периода Хэйан, исполнявшие военно-полицейские функции на уровне провинций. Примерно с начала 1190-х годов *сюго* назначались в каждую провинцию из вассалов сёгуна. Они созывали *гокэнин* для несения военной службы — охраны дворца сёгуна и императора, опираясь на старый административный механизм — провинциальные управы (*кокуга*). В полномочия *сюго* также входило преследование и арест убийц, грабителей, пиратов. При этом прямые вассалы сёгуна не подпадали под его уголовную юрисдикцию. Военные наместники оказались со временем вовлечены в процесс реали-

зации судебных функций *бакуфу*: опрашивали местных свидетелей, проводили расследования, претворяли в жизнь судебные предписания. *Сюго* могли быть смещены *бакуфу*, их должности рассматривались как ненаследственные, а власть во многом основывалась на поддержке Камакура. Накануне крушения Камакурского сёгуната едва ли не половина всех должностей *сюго* попала в руки представителей рода Ходзё.

На должности *дзито* (управляющих) в вотчинах-сёэн и на землях провинциальных управ (*корё*) *бакуфу* назначало вассалов сёгуна. *Дзито* могли принадлежать земельные участки в сёэн: он, как правило, собирал платежи в пользу владельца, часть которых шла ему. *Дзито* контролировал земельный фонд, поощрял обработку земли, содействовал сельскохозяйственным работам, поднятию нови. Кроме того, ему принадлежали полицейские и судебные функции по незначительным правонарушениям. Пост *дзито* передавался по наследству, сместить с него воина могло только *бакуфу*. Чтобы остановить превысившего свои prerогативы *дзито*, патрон или владелец сёэн должен был апеллировать к сёгунату.

1.5. Борьба за власть после смерти Минамото-но Ёритомо

Политическое развитие сёгуната после смерти Ёритомо и до смуты годов Дзёкю (1221 г.) характеризовалось следующими важными моментами: 1) ограничением власти сёгунов, их превращением в номинальных правителей; 2) устранением родом Ходзё соперников — могущественных и родовитых вассалов Минамото из восточных провинций, близких к Камакура; 3) борьбой за первенство внутри дома Ходзё.

Уже власть Минамото-но Ёриэ, сына первого сёгуна, была ограничена Советом из 13 могущественных вассалов и сановников *бакуфу*, в который входил и дед сёгуна Ходзё Токимаса, а также тесть сёгуна Хики Ёсикадзу (?–1203). Ёриэ опирался на Ёсикадзу в противостоянии с Токимаса. Однако последний, во время болезни сёгуна, уничтожил Хики Ёсикадзу и его родичей (1203 г.). В том же году Токимаса стал *сиккэн*ом и возглавил *мандокоро*. Ёриэ был отстранен от власти и пострижен в монахи, а в 1204 г. убит, по одной из версий, по приказу Ходзё. Сёгуном стал Минамото-но Санэтомо, брат Ёриэ. Однако Ходзё Токимаса захотел поставить на его место своего зятя Хирага Томомаса (?–1205), также отпрыска рода Сэйва Гэндзи. Замыслом Токимаса воспротивились его дочь Масако и сын Ёситоки (1163–1224), в 1205 г. лишив его власти и сослав в Идзу. После этого Ходзё Масако, которую

считают настоящей властительницей сёгуната (современники называли ее «монахиней-сёгуном») и ее брат Ёситоки продолжили укреплять свое положение, избавляясь от неудобных и опасных соперников. В 1213 г. был уничтожен сподвижник Ёритомо, глава *самурай докоро* Вада Ёсимори (1147–1213). Вслед за этим Ёситоки стал *сиккэнном*, главой ведомств *мандокоро* и *самурай докоро*.

В 1218 г. Ходзё Масако договорилась, что отпрыск отрекшегося государя Готоба в будущем станет преемником Санэтомо, у которого не было наследников. В 1219 г. сёгун Санэтомо пал от руки своего племянника Кугё (1200–1219), сына Ёрииэ и настоятеля храма Цуругаока Хатимангу. Вслед за этим Кугё был убит могущественным вассалом *бакуфу* Миура Ёсимура (?–1239). По одной из версий, за убийством Санэтомо стоял Ходзё Ёситоки. В результате прямая линия потомков Минамото-но Ёритомо пресеклась.

Между тем экс-император Готоба, поддерживавший ранее хорошие отношения с Минамото-но Санэтомо, неожиданно отказался посылать своего сына в Камакура. Новым сёгуном стал Ёрицунэ (1218–1256), сын регента (а затем канцлера) Кудзё Митииэ (1193–1252), находившегося в отдаленном родстве с Минамото-но Ёритомо. Тем самым было положено начало династии сёгунов из одного из домов регентов и канцлеров, ответвления рода Фудзивара, сохранявшей пост сёгуна до 1252 г. К домам регентов и канцлеров (*сэкканкэ*) в период Камакура относились пять ветвей дома Фудзивара, представители которых могли быть назначены на должности *сэссё* (регента) и *кампаку* (канцлера): Коноэ, Кудзё, Нидзё, Итидзё, Такацукаса.

Дом Ходзё до конца периода Камакура так и не упразднил сёгунов, которые обеспечивали легитимность их правления. С 1252 г. во главе *бакуфу* после изгнания сёгуна Фудзивара Ёрицугу (1239–1256) был поставлен сын отрекшегося императора Госага (1220–1272) принц Мунэтака (1242–1274). Началось правление династии «принцев-сёгунов», продолжавшееся до конца эпохи Камакура. Сёгун оставался сюзереном прямых вассалов (*гокзэнин*) и теоретически представлял угрозу господству Ходзё. Поэтому Ходзё отстраняли сёгунов от власти по достижении ими зрелого возраста: в 1246 г. так поступили с Ёрицунэ, в 1266 г. — с Мунэтака, в 1289 г. — с Корэясу (1264–1326), в 1308 г. — с Хисаакيرا (1276–1328).

Смута годов Дзёкю

В 1198 г. Готоба начал правление в качестве отрекшегося государя. Готовясь к борьбе с Ходзё, Готоба привлекал на свою сторону воинов преимущественно из западных и центральных провинций, среди ко-

торых были как не-*гокэнин*, так и *гокэнин*. Но его силам недоставало внутренней сплоченности. Одни столичные аристократы, владевшие *сёэн*, поддержали Готоба, другие сохранили нейтралитет. В своем указе 1221 г., который был равносителен объявлению войны Ходзё, Готоба назвал врагом Ходзё Ёситоки, похвалив Минамото за верную службу. При этом отрекшийся государь не призывал к уничтожению *бакуфу*. Решительные действия Ходзё Масако, выступившей за немедленное наступление на Киото, привели к поражению Готоба.

Экс-императоры Готоба, Дзюнтoku (1197–1242), Цутимикадо (1195–1231) были отправлены в ссылку в отдаленные от столицы области Японии. Взошедший на престол непосредственно перед началом смуты Дзёкю 4-й сын Дзюнтoku Тьюкё (1218–1234) был смещен. Нарушив политические традиции двора, *бакуфу* сделало главой императорского дома Готакакура (1179–1223), старшего брата Готоба, который не занимал трона. Сын Готакакура взошел на трон (император Гохорикава, 1212–1234).

После победы над Готоба в 1221 г. *бакуфу* стало играть решающую роль при определении *тэнно*, наследного принца и главы императорского дома, учитывая при этом позицию различных придворных фракций. Сёгунат конфликтовал множество владений сторонников Готоба, которые, однако, впоследствии были возвращены императорскому дому. В большинство этих *сёэн* в центральных и западных районах Японии были назначены *дзито*, ранее там отсутствовавшие. Такими вновь назначенными *дзито* стали вассалы сёгуна из восточных провинций.

Правление Ходзё Ясутоки

В 1224 г. умер Ходзё Ёситоки, в 1225 г. — Ходзё Масако. Во главе *бакуфу* встал сын прежнего *сиккэна* Ходзё Ясутоки (1224–1242) — высокообразованный государственный деятель, который остался в памяти потомков как идеальный правитель. При нем в *бакуфу* были учреждены новые политические должности и органы (*рэнсё*, *хёдзёсю*), и в 1232 г. создан основополагающий свод законов сёгуната «Госэйбай сикимоку». Копии этого кодекса были разосланы *сюго*, а также всем прямым вассалам сёгуна. «Госэйбай сикимоку» оказал влияние и на последующее развитие права военных домов — вплоть до периода Токугава. Устанавливая новый свод, Камакура *бакуфу* утверждало себя в качестве верховной публичной власти в области Канто, а также претендовало на некоторые «государственные» функции в Японии в целом. Однако сёгунат не посягал на компетенцию императорского двора в Киото и обычаи *сёэн*.

В 1242 г. Ходзё Ясутоки умер. По причине ранней кончины двух его сыновей ему наследовал внук, 19-летний Цунэтоки (1224–1246). Недовольные усилением господства Ходзё объединились вокруг сёгуна Ёрицунэ. В 1244 г. по настоянию *сиккэна* Цунэтоки Ёрицунэ оставил свою должность. Новым сёгуном стал его 6-летний сын Ёрицугу. Ёрицунэ остался в Камакура, сохранив политическое влияние. Он сблизился с Нагёз Мицүтоки, представителем клана Нагёз, боковой ветви Ходзё, который планировал стать *сиккэном*. В 1246 г. Ходзё Цунэтоки слег из-за тяжелого недуга. На тайном совете в его личной усадьбе было решено, что *сиккэном* станет его младший брат Токиёри.

После смерти Цунэтоки репрессии обрушились на Ёрицунэ, а также Кудзё Митииз. Нагёз Мицүтоки был сослан в Идзу. Ёрицунэ вынуждены уехать в Киото. Главная линия Ходзё и вассальные кланы Адати и Миура поддерживали молодого *сиккэна* Токиёри. В 1247 г. клан Адати, породнившийся с Ходзё с помощью брачных связей, инспирировал уничтожение влиятельного вассала сёгуна Миура Ясумура и его клана.

Разделение императорского дома на две линии

В 1242 г. сын отрекшегося государя Цутимикадо стал императором (государь Госага). В 1246 г. после отречения Госага новым императором стал его 4-летний сын Гофукакуса (1246–1259). Госага продолжал играть ведущую роль в придворной политике как отрекшийся государь. В 1259 г. Гофукакуса на троне сменил Камэяма (1259–1274), его младший брат.

В 1274 г. Камэяма отрекся от престола и стал монашествующим государем, уступив трон сыну Гоуда к неудовольствию своего старшего брата Гофукакуса. Чтобы примирить братьев, *бакуфу* в 1275 г. повелело Камэяма усыновить и сделать наследным принцем сына Гофукакуса, который в 1287 г. вззошел на трон (государь Фусими). Тем самым было положено начало разделению императорского дома на две ветви — Дзимёин, родоначальником которой стал Гофукакуса, и Дайкакудзи, происходившей от Камэяма. Представители этих ветвей впоследствии сменяли друг друга на престоле. Сёгунат поддерживал принцип поочередного правления двух линий императорской фамилии, которые ожесточенно соперничали за трон и вотчины. *Бакуфу*, которому были выгодны эти раздоры, выступало в роли арбитра.

До конца периода Камакура три императора из ветви Дайкакудзи — Гоуда (1274–1287), Гонидзё (1301–1308), Годайго (1318–1339) и четыре из ветви Дзимёин — Фусими (1287–1298), Гофусими (1298–1301),

Ханадзоно (1308–1318), Когон (1331–1333) — правили Японией поочередно. Отцы и старшие братья новых *тэнно* становились главами императорского дома, располагавшими реальной распорядительной властью. В 1318 г. *бакуфу* вынудило отречься императора Ханадзоно. Принц Такахару, сын экс-императора Гоуда, взошел на престол (государь Годайго). После того как Гоуда в 1321 г. отошел от дел и передал бразды правления Годайго, последний стал одновременно правящим императором и главой императорской фамилии.

«Смута морозного месяца»

В 1284 г. умер Ходзё Токимунэ (1251–1284). Его сыну Садатоки, унаследовавшему пост *сиккэна*, исполнилось 14 лет. Дочь Адати Ясумори (1231–1285), который вместе с Ходзё Токимунэ руководил обороной Японии от нападения монголов, была женой Токимунэ и матерью Ходзё Садатоки.

В 17-й день 11-го месяца («морозного месяца» по лунному календарю) 1285 г. Адати Ясумори был атакован силами *ути-канрэй* («распорядителя делами дома») главной линии Ходзё Тайра-но Ёрицуна (?–1293) и погиб. Поводом для сокрушения клана Адати были объявлены притязания Мунэкагэ, сына Адати Ясумори, который якобы желал стать сёгуном, утверждая, что один из его предков был отпрыском Минамото-но Ёритомо. Помимо Адати, удар был нанесен по многим *гокэнин* в провинциях Канто, а отзвуки этого политического потрясения докатились до Кюсю.

После 1285 г. *ути-канрэй* Тайра-но Ёрицуна сосредоточил в своих руках полноту власти при молодом *сиккэне*. Но в 1293 г. Ёрицуна и его сын Сукэмуно по приказу *сиккэна* Садатоки были убиты. Поводом стал донос Мунэцуна, старшего сына Ёрицуна, о том, что отец якобы замыслил сделать Сукэмуно сёгуном. После этого наказание для бывших сторонников Адати Ясумори было отменено, единовластным владыкой *бакуфу* стал Ходзё Садатоки. В целом к концу XIII в. господство главной линии клана Ходзё, опиравшейся на *миутибито*, вызывало все большее недовольство вассалов сёгуна.

1.6. Связи с внешним миром. Монгольские нашествия

Япония, не имея официальных дипломатических связей ни с Китаем при династии Южная Сун (1127–1279), ни с Кореей в правление династии Корё (918–1391), поддерживала с ними культурные и экономические контакты. Некоторые китайские торговцы поступали на службу крупным храмам и святилищам Японии, поставляя необходи-

мые им товары в обмен на участки земли и различные привилегии. Такие отношения, например, существовали между храмом, подчиненным святилищу Ивасимидзу Хатимангу на Кюсю, и купцами из Южного Китая, которые вели операции в Хаката. Империя Южная Сун неоднократно пыталась остановить утечку медной монеты, вывозившейся японскими и корейскими купцами. После периода Нара в Японии не чеканилась своя монета, а с ростом торгово-денежных отношений потребность в ней росла.

К эпохе Камакура относятся и нападения японских пиратов (*вако*) на берега Кореи и Китая. Одно из наиболее ранних упоминаний о таком вторжении *вако* на побережье государства Корё в корейских источниках относится к 1223 г. В 1226 г. атака *вако* повторилась, причем большая часть морских разбойников оказалась жителями острова Цусима. Корейские власти направили в Дадзайфу жалобу, а также в отместку сожгли два японских корабля, использовавшихся для путешествий в Китай. В ответ на новые протесты корейской стороны в 1227 г. Муто Сукэёри, занимавший в Дадзайфу пост Дадзай сёни, приказал обезглавить 90 разбойников в присутствии корейского посла. Кроме того, Сукэёри тайно отправил в Корею ответ с извинениями, вызвав неудовольствие двора в Киото, где посчитали, что он нарушил этикет. Тем не менее атаки *вако* продолжались, хотя их размах в XIII в. все же был меньше, чем в XIV в.

Между тем завоевательные походы монголов в первой половине XIII в. перекроили политическую карту Евразии.

В 1260 г. великим ханом Монгольской державы стал Хубилай (1215–1294). В 1267 г. монголы приступили к завоеванию Южного Китая. Нападение на Японию было частью более широкого плана, предусматривавшего покорение Юго-Восточной Азии. Великий хан в 1266 г. отправил первое посольство в Японию. В его послании, доставленном на Кюсю в 1268 г., содержалось завуалированное требование о признании вассальной зависимости от империи Юань. Однако Хубилаю так и не было дано никакого ответа. Посольства монголов в 1269 и 1271 гг. доставили новые послания своего повелителя, на которые императорский двор подготовил ответ. Однако в обоих случаях *бакуфу* не позволило его отправить.

Осенью 1274 г. отряды империи Юань и находившейся в вассальной зависимости от нее Кореи, насчитывавшие более 30 тыс. человек, опустошив острова Цусима и Ики, на кораблях вошли в залив Хаката и высадились на Кюсю. Уступавшие монголам в численности и потрясенные их незнакомой тактикой и вооружением, японцы от-

ступили к Дадзайфу. Ночью армия вторжения вернулась на корабли. Вскоре налетел сильный шторм, нанесший невосполнимый урон флоту интервентов, первая попытка монголов завоевать Японию потерпела крах.

Между тем *бакуфу*, еще не получив весть о победе, приказало *сюго* западных провинций призвать на военную службу для защиты от нашествия и управляющих из *сёэн*, не являвшихся вассалами сёгуна. По всей стране в храмах и святилищах совершались молебны о победе над врагами. Прибывшие в 1275 и 1279 гг. посланцы империи Юань были казнены. *Бакуфу*, готовясь к новому вторжению, заменило *сюго* некоторых юго-западных провинций, назначив на их должности представителей дома Ходзё. На побережье залива Хаката в 1276 г. началось сооружение системы береговых укреплений из земляных валов и каменных стен (*исицуйдзи*), длина которых достигала 20 км. В 1276 г. сёгунат намеревался нанести упреждающий удар и послать в Корею военную экспедицию, но вскоре отказался от этих планов.

Второе нашествие армии империи Юань на Японию в 1281 г. было более масштабным, чем первое. В нем приняли участие и воины окончательно покоренной в 1279 г. империи Сун. Силы вторжения разделились на две части: 40-тысячная армия, состоявшая преимущественно из монголов и корейцев, отплыла на кораблях из Кореи, а 100-тысячное войско из Южного Китая (в основном сформированное из китайцев) должно было позднее присоединиться к ней. Отплывшие в 5-м месяце 1281 г. корабли, разорив по пути острова Ики и Цусима, в следующем месяце прибыли к берегам Кюсю (залив Хаката). Военные действия, которые велись на суше и на море, продолжались почти неделю. Армия завоевателей встретила твердый отпор и отступила на кораблях к острову Ики, ожидая соединения со второй армией, которая прибыла с опозданием на две недели в конце 6-го месяца. Огромная армада, насчитывавшая, по оценкам современных историков, 4400 судов, на борту которых находилось около 140 тыс. человек, перебазировалась к побережью провинции Хидзэн около острова Хирадо. Планировавшаяся высадка на Кюсю объединенных сил не состоялась: мощный тайфун разметал суда империи Юань. Остатки дезорганизованных сил вторжения уничтожались японцами. Завоевательные планы Хубилая снова провалились.

Политические неурядицы внутри империи Юань, а также сопротивление народов Юго-Восточной Азии и восстания на юге Китая помешали Хубилаю отправить новую завоевательную экспедицию в Японию. Только в 1292 г. Хубилай всерьез приступил к подготовке нового похода, о чем

стало известно в Японии. Однако в 1294 г. он умер. Монгольские нашествия показали, что сёгунат руководил внешней политикой страны, сыграв главную роль в организации обороны Японии.

1.7. Падение Камакурского сёгуната

Активность *акуто* (дословно: «злодейские шайки») считается важным фактором, который способствовал падению Камакурского сёгуната. Военное правительство направляло на борьбу с ними немалые ресурсы. В одном из законов *бакуфу* 1258 г. говорится, что в провинциях *акуто* совершают ночные нападения, занимаются грабежами, разбоем в горах, пиратством. В данном случае они отождествлялись с асоциальными элементами: разбойниками, уголовными преступниками. Вместе с тем появление *акуто* было вызвано накопившимися противоречиями внутри системы *сёэн* и Камакурского сёгуната.

Социальный облик *акуто* был неоднородным, в их число входили как *гокэнин* и должностные лица *сёэн*, так и зависимые от храмов люди и крестьяне. *Акуто* могли поддерживать связи с вассалами Ходзё, крупными храмами и святилищами и даже с придворной аристократией в Киото, прячась в их владениях. Масштаб деятельности *акуто* охватывал не отдельные деревни, *сёэн* или уезды, но более обширные области и даже целые провинции. Они разоряли *сёэн*, незаконно собирая урожай. *Акуто* в первую очередь были стихийной силой; сталкиваясь с отрядами *бакуфу*, они не стремились сознательно к уничтожению его институтов. При этом бесчинства «злодейских шаяк», независимо от их намерений, ослабляли сёгунат. Часть *акуто* впоследствии поддержала Годайго в борьбе с домом Ходзё. Страдавшие от их набегов патроны и владельцы *сёэн* все чаще обращались к *бакуфу* за помощью. Попытки Камакура искоренить *акуто*, прибегавших к партизанской тактике, потерпели неудачу.

В 1311 г. после смерти Ходзё Садатоки главой дома Ходзё стал Ходзё Такатоки (1303–1333). Согласно сообщениям некоторых источников, Такатоки вел неподобающий для властителя сёгуната образ жизни, увлекаясь представлениями *дэнгаку* и собачьими боями. Наибольшим политическим влиянием при нем обладали *ути-канрэй* Нагасаки Такацуна (?–1333) и его сын Такасукэ, сменивший отца на этом посту. В 1331 г. Такатоки попытался уничтожить Нагасаки Такасукэ, но потерпел неудачу. Таким образом, власть последнего главы дома Ходзё оказалась ограниченной его вассалами (*миутибито*).

Вместе с тем **обострились противоречия между *гокэнин* и *миутибито***, которые находились в привилегированном положении, занимая клю-

чевые позиции в ведомствах *бакуфу* и тех провинциях, *сюго* которых были представители рода Ходзё. Внутри кланов *гокэнин* происходили частые конфликты между основной линией во главе с *сорё* и младшими ветвями, стремившимися к самостоятельности. Не прекращалось обеднение *гокэнин* из-за втягивания их в товарно-денежные отношения и тягот войны против монголов.

Недовольство господством Ходзё проявлялось и при императорском дворе. *Бакуфу* стремилось играть роль арбитра в конфликтах между разными ветвями императорского дома, поочередно допуская к трону то линию Дзимёин, то линию Дайкаудзи. Однако такое вмешательство вызвало раздражение многих членов императорской фамилии и придворных. В 1321 г. император **Годайго** (1288–1339) из ветви Дайкаудзи стал главой императорского дома. Он показал себя энергичным и самостоятельным правителем. В 1324 и 1331 гг. были раскрыты два заговора Годайго против сёгуната. В 1331 г. *бакуфу* сделало новым императором представителя линии Дзимёин (император Когон, 1313–1364). Некоторые соратники Годайго были казнены, сам он в 1332 г. сослан на остров Оки. В это же время сын Годайго принц Мориеси (1308–1335) разослал по провинциям воззвание, предписывавшее свергнуть *бакуфу*. На его призыв откликнулись некоторые вассалы сёгуната, *акүто* Центральной Японии, с которыми поддерживал связи Годайго, крупные храмы и святилища.

В 1332–1333 гг. в Центральной Японии (область Кинай) с ослабевающим упорством партизанскую войну против *бакуфу* вели принц Мориёси, воины Кусуноки Масасигэ (?–1336) и Акамацу Норимура (1277–1350). Император Годайго бежал с острова Оки. Расстановку сил решительным образом изменил переход в 4-м месяце 1333 г. на сторону Годайго военачальника сёгуната, посланного на усмирение мятежа, Асикага Такаудзи (1305–1358), представителя влиятельного военного дома, родственного линии Сэйва Гэндзи, из которой происходил первый сёгун. В 5-м месяце Такаудзи вместе с Акамацу Норимура уничтожил наместничество *бакуфу* в Киото (*Рокухара тандай*). Вслед за этим представитель еще одного родственного Минамото рода, Нитта Ёсисада (1301–1338), атаковал Камакура. В 1333 г. (22-й день 5-го месяца) Ходзё Такатоки и несколько сотен его родичей и слуг совершили самоубийство в храме Тосёдзи в Камакура. Через несколько дней войска могущественных военных домов Кюсю (Мүто, Отомо, Симадзу) напали на *тиндзэй тандай*, глава которого Ходзё Хидэтоки (?–1333) покончил с собой. Власть дома Ходзё и Камакурский сёгунат пали.

1.8. Социально-экономические отношения в эпоху Камакура

В 1280 г. население Японии составляло около 5,7–6,2 млн человек. Демографический рост в период между 1150 и 1280 гг. замедлялся частыми неурожаями, голодом и болезнями. Преобладающая часть населения жила в сельской местности. Лишь около 4% жителей Японии (примерно 250 тыс. человек) населяли города, из которых крупнейшими были Киото (100 тыс. жителей), Камакура (60 тыс.). Совершенствование сельскохозяйственных технологий вело к росту производительности труда в сельском хозяйстве. Увеличивалось число хозяйств, где собирались два урожая в год. Во второй половине XIII в. товарно-денежные отношения проникают в экономику, оброк и повинности все чаще выплачиваются монетой. Появлялись ярмарки в центрах *сёэн* и на пересечении торговых путей. В этой связи важной задачей стала транспортировка товаров и грузов, в том числе продуктов ренты, вносившейся владельцам *сёэн*, которой стали заниматься возчики-*тоимару*. Наблюдался рост торговли с империей Сун и Кореей. Из Китая ввозилось большое количество медной монеты, поступавшей в денежное обращение, собственной монеты Япония не чеканила.

К господствующим социальным группам относились помимо столичной аристократии воины, которые делились на вассалов *сёгуна* (*гокэнин*) и не-*гокэнин*. *Гокэнин* нередко занимали не только должности *дзито*, но и посты управляющих в вотчинах и на землях провинциальных управ (*корё*). Воины не-*гокэнин* также назначались на посты управляющих в *сёэн* и на землях провинциальных управ (кроме должности *дзито*). От воинов зависели потомственные слуги *родо* (*родзю*), по статусу находившиеся ниже самураев, но выше простолюдинов. Они могли нести военную службу в отрядах своих господ и получать от них земли во владение.

В законах *сёгуна* самураи противопоставляются простолюдином. В отличие от последних самураи обладали фамилией (*мёдзи*), могли иметь придворный ранг и должность. Простолюдином за преступление выжигали клеймо на лице, им запрещалось разъезжать на лошади или носить меч в Камакура. Самураи были избавлены от позорящих телесных наказаний, применявшихся к простому народу. Страшнейшим наказанием для *буси* была не только конфискация родовых владений, но и уничтожение имени рода, упоминающееся в законах эпох Камакура и Муромати.

За исправное исполнение военной и других повинностей перед *бакуфу* отвечал глава военного дома — *сорё*, которому подчинялись главы

боковых линий. Он распределял обязанности между родичами. В связи с этим происходили многочисленные конфликты между главой клана и представителями младших ветвей. С течением времени младшие линии вассального дома обособлялись от старшей, закрепляя за собой часть родовых земель. Земли военных домов дробились, что приводило к неспособности вассалов исполнять ратную службу. В конце периода Камакура в военных домах все очевиднее становилась тенденция к установлению преимущественных прав одного наследника на владения клана, права женщин по наследованию имущества все больше ограничивались.

К простолюдинам (*хякусё*, *бонгэ*) относились крестьяне, а также ремесленники, торговцы, рыбаки и др. По законам *бакуфу* крестьяне при условии уплаты годового оброка (*нэнгу*) и отсутствия долгов могли покидать своего землевладельца. В наследственной зависимости от своих господ находились рабы и полусвободные (*нухи*, *дзонин*, *гэнин*) — потомки рабов эпохи Нара, а также преступники, должники, попавшие в кабалу, продавшие себя в рабство во время голода и т.п. Внизу социальной лестницы располагались отверженные — нищие, прокаженные, забойщики скота, кожевники, бывшие преступники и т.п.

Центральное место в социально-экономической структуре периода Камакура занимала **система сёэн—корё** («частных вотчин — земель провинциальных управ»), сложившаяся к концу предшествующей эпохи. Патронами и владельцами частных вотчин были члены императорской фамилии, столичные аристократы и крупные храмы, тогда как *корё* были в ведении губернаторов (*кокуси*), назначаемых двором, и чиновников провинциальных управ. На деле многие процессы, происходившие в *сёэн* и *корё*, были сходными. Провинции нередко передавались в кормление так называемым *тигё кокусю*, которыми с эпохи Хэйан могли быть члены императорской фамилии, высокоранговые сановники, крупные храмы. *Тигё кокусю* получали часть дохода с владений *корё*. Со своей стороны чиновники провинциальных управ постепенно превращали земли *корё* в свои наследственные владения.

В период Камакура в каждой провинции по приказу *сюго* либо гражданских губернаторов составлялись земельные описи (*отабуми*), в которых учитывались как *сёэн*, так и земли провинциальных управ. На основании данных этих кадастров сёгунат определял тяжесть службы *дзито*.

Сёгун и представители дома Ходзё также владели *сёэн*. Туда в качестве управляющих они назначали своих вассалов. Особый ста-

тус имел удел *Канто гобункоку* — от трех до девяти провинций в области Канто, — в которых сёгун обладал правами *тигё кокусю*: мог рекомендовать двору своих кандидатов на посты губернаторов, а также получать доходы с земель провинциальных управ. Со временем Ходзё монополизировали в этом уделе должности губернаторов. Земли Мусаси и Суруга были уделом глав основной линии Ходзё (при Ходзё Ясатоки, Токиёри и Токимунэ), которым также принадлежали там посты *сюго*.

В эпоху Камакура между *дзито*, назначавшимися из *гокэнин* и подотчетными *бакуфу*, с одной стороны, и патронами и должностными лицами *сёэн* (*адзукари докоро*, *кумон* и др.), а также провинциальными губернаторами, с другой стороны, часто случались споры и конфликты, разбиравшиеся в суде *бакуфу*. *Дзито* стремились расширить свои владения и юрисдикцию, задерживали передачу положенного вотчинникам годового оброка. Патроны и владельцы *сёэн*, а также губернаторы провинций вынуждены были заключать компромиссные соглашения с *дзито*. Конфликт мог быть улажен с помощью договора (*укэсё*), по которому *дзито* получал полные права по управлению *сёэн* или владению землей провинциальных управ (*го*, *хо*). Взамен *дзито* ежегодно уплачивал фиксированную ренту вотчиннику или *кокуси*. Помимо того, *сёэн* или владение из *корё* могли быть разделены между вотчинником и *дзито* (процедура *ситадзи тюбун*). В подобном случае *дзито* становился собственником своей части владения, но терял административные и иные полномочия на остальных землях, переходивших под полный контроль вотчинника. Такая практика в конечном счете способствовала дальнейшему распаду системы *сёэн—корё*.

Структурной единицей *сёэн* и *корё* были земельные участки *мёдэн* («именные поля»), находившиеся под контролем *мёсю*, отвечавших за уплату годового оброка (*нэнгу*), исполнение отработочной повинности перед землевладельцем. *Мёсю* могли быть как богатые крестьяне, так и администраторы вотчин. В вотчинах острова Кюсю и Северо-Восточной Японии базовой единицей были крестьянские дворы (*дзайкэ*). Часть земель *мёдэн* обрабатывалась холопами и зависимыми людьми *мёсю*, остальные участки — лично свободными крестьянами (*сакунин*).

Типичным примером *сёэн* эпохи Камакура является Тара-но сё (провинция Вакаса) — сравнительно небольшая вотчина, принадлежавшая храму Тодзи. Ее история хорошо исследована Нагахара Кэйдзи и другими учеными. Она располагалась неподалеку от портового поселения Обама и дороги в Киото. Тара-но сё делилась на шесть *мёдэн* — именных полей,

которые были распределены между шестью богатыми и влиятельными крестьянами, отвечавшими за уплату годового оброка и других поборов, исполнение отработок. Помимо них в *сёэн* насчитывалось примерно 40 крестьян (*кобьякусё*), имевших собственные держания на землях *мёдэн*. Крестьяне жили в небольших домах на территории усадеб *мёсю* или обладали своими усадьбами. Некоторые из них были родственниками *мёсю*, но все так или иначе от них зависели. Еще одна категория жителей *сёэн* — *мото*, пришлые земледельцы, получавшие небольшие участки заброшенных земель, иногда дома беглых крестьян. *Мото* часто переходили из одной вотчины в другую, находясь по статусу гораздо ниже крестьян. Среди жителей вотчины было и небольшое количество ремесленников — плотников, кузнецов, красильщиков и т.д. Они имели свои наделы и освобожденные от повинностей поля, исполняя заказы вотчинника и крестьян.

Интересы владельца *сёэн* (*рёкэ*), т.е. храма Тодзи, представлял управляющий (*адзукаридокоро*), которым был один из монахов Тодзи. Он опирался на вотчинную управу (*мандокоро*), где служили зависимые от него люди, а также владел участком, получая с него доходы. Важной фигурой в Тара-но сё был *дзито*, которым с начала эпохи Камакура стал Вакаса Тадасуэ, сын кормилицы первого сёгуна. *Дзито* причитался доход с части вотчины, но Тадакиё, сын Тадасуэ, посягал на доходы и prerogatives *адзукаридокоро*.

Дзито поработал крестьян, помыкая ими как зависимыми холопами. Широкий слой населения вотчин составляли *гэнин* и *сёдзю*, которых одни историки считают рабами, а другие — крепостными. Очевидно, что этот слой был неоднороден, и некоторые *гэнин* имели и свои семьи и собственные жилища. *Гэнин* могли стать не исполнившие повинности, а также похищенные и обращенные в холопство простолудины, указывает Нагахара. В завещаниях *дзито* XIII в. холопы фигурируют наряду со скотом, а также движимым и недвижимым имуществом, что подчеркивает их неполноправный статус. *Гэнин* могли владеть не только управляющие вотчиной и *дзито*, но и богатые крестьяне.

Как показал Нагахара, частые конфликты между *дзито* и представителями вотчинника были обычным делом. Тяжбы между ними рассматривались судом *бакуфу*. В 1238 г. управляющий Сасакибэ-но сё (провинция Тамба), которым владело святилище Мацуо-ся, подал в суд *Рокухара тандай* в Киото жалобу на *дзито*, выдвинув обвинения по нескольким пунктам: крестьяне были согнаны на незаконные строительные работы, после чего многие из них ударились в бег; *дзито* приводил с собой крестьян в Киото и подолгу там их удерживал; он не вносил положенных платежей со своего участка вотчиннику на протяжении 17 лет и др. Суд вынес решение в пользу представителя вотчинника. Помимо споров вокруг эксплуатации ресурсов *сёэн* вотчинник и *дзито* боролись за доходы от судебных штрафов и за конфискованные земли преступников.

Согласование интересов вотчинника и *дзито* было непростым делом. В Ояма-но сё (провинция Тамба), принадлежавшей храму Тодзи, не пре-

крашались конфликты между доверенными лицами вотчинника и *дзито*. Наконец, после 1241 г. храм Тодзи передал управление *сёэн дзито*, который обязался уплачивать взамен оговоренный объем *нэнгу* (договор *укэсё*). Примерно через 30–40 лет *дзито* начал задерживать внесение годового оброка. По настоянию Тодзи в 1295 г. было заключено новое соглашение: земли вотчины делились, каждая из сторон должна была управлять своей частью *сёэн* и не вмешиваться в дела другой. *Дзито* досталась треть Оямано сё. Очевидно, что выигрывали от таких договоренностей именно *дзито*, которые все больше превращались в землевладельцев, не зависевших от патронов и собственников *сёэн*.

1.9. Религиозная жизнь

В период Камакура появились новые направления в буддизме, объединенные ориентацией на поиск спасения в эпоху «конца Дхармы» («конца закона» — яп. *манпо*), время стихийных бедствий и распрей, всеобщего упадка, в которую будто бы вступил мир. Большинство новых школ сближали: 1) общий отказ от сложных ритуальных практик, которые, как верили их адепты, не способствуют спасению; 2) почитание лишь одной сутры из множества буддийских священных текстов. Школы периода Хэйан Тэндай и Сингон были ориентированы преимущественно на императорский дом, высшую знать, а также проводили магиико-ритуальные действия для обеспечения благополучия всей страны.

Около 1175 г. монах школы Тэндай Хонэн (1133–1212) основал *Дзёдосю* (школу «Чистой земли»). Хонэн отверг сложные ритуальные процедуры, превыше всего ставя искреннюю веру в спасительную силу будды Амида. Он верил, что только возгласение имени Амида (так называемое *нэмбуцу* — «памятование о Будде») обеспечит любому возрождение после смерти в Чистой земле Будды Амида. Его учение снискало популярность во всех социальных слоях, хотя при жизни Хонэн неоднократно подвергался гонениям. Из традиции Тэндай вышел основатель еще одного направления в буддизме Синран (1173–1262), ученик Хонэн, назвавший свое учение *Дзёдо синсю* («Истинная школа Чистой земли»). Он настаивал, что для возрождения в Чистой земле достаточно лишь одного «памятования о Будде», возгласенного с искренней верой в Амида. Добрым людям необходимо спасение даже в большей мере, чем великим грешникам и злодеям, поскольку, совершая благие дела, они в большей мере уповают на собственные усилия, а не на силу Будды, полагал он. К амидаистским направлениям с оговорками относят и буддийского проповедника Иппэн (1239–1289), основателя школы Дзисю. Возгласение

имени Амида безотносительно веры в него или собственных усилий человека само по себе предопределяет возрождение в раю Будды Амида, думал он.

В XII в. начинается широкое распространение учения Чань (яп. **Дзэн**) в Японии. Проповедниками Дзэн были поначалу приверженцы школ эзотерического буддизма Тэндай и Сингон, побывавшие в Китае. Японский дзэн-буддизм испытал на себе влияние этих школ, разделившись на несколько направлений. Монах Эйсай (1141–1215) был родоначальником школы Риндзай, а Догэн (1200–1253) — Сото. Последователи Дзэн стремились к достижению особого состояния сознания — внезапному «просветлению», освобождению от привязанности ко всему посюстороннему, непосредственному и целостному восприятию мира. Для такой цели были пригодны разные пути: «сидячее созерцание» (*дзадзэн*), занятие живописью, совместные чаепития, повседневная деятельность любого человека. Вероучители *дзэн* также подчеркивали, что их учение должно передаваться не через многочисленные тексты канона, а непосредственно от учителя к ученику. *Дзэн*, который обрел популярность среди самураев, оказывал покровительство дом Ходзё. В конце периода Камакура начинает складываться система *годзан* («пяти монастырей») по китайскому образцу.

Распространение обычая пить чай связано с деятельностью дзэнских монахов, хотя чай был известен в Японии еще в период Нара. Наставник Эйсай в конце XII в. привозил из Китая не только буддийские трактаты, но и семена чайного куста. Он способствовал росту популярности чаепития среди японской элиты и преподнес сёгуну Минамото Санэтомо сочинение, восхваляющее терапевтические качества чая. Если верить «Адзума кагами», в 1214 г. Эйсай посоветовал Санэтомо, заболевшему после чрезмерных возлияний на пирах, пить для исцеления чай. Считая, что чай продлевает жизнь, монах рассматривал чаепитие как важное средство для спасения человека в век «конца буддийского закона».

В середине XIII в. было положено начало еще одному направлению в японском буддизме — «школе Лотоса» (**Хоккэсю**), основанной монахом **Нитирэн** (1222–1282). Нитирэн особо выделял «Лотосовую сутру» («Сутра о цветке лотоса чудесной дхармы»), как он считал, вобравшую в себя все учение Будды и единственное средство в эпоху «конца закона» обрести спасение. С помощью фразы *Наму мёхо рэнгэ кё* («Слава Сутре о цветке лотоса чудесной дхармы») верующий, как был уверен Нитирэн, выявляет в себе «мир Будды». По мысли проповедника, Япония должна была стать центром буддизма, который из нее распространится по всему миру. Нитирэн отличался нетерпимостью по отно-

шению к другим буддийским школам, из-за которых, по его мнению, Будда отвернулся от страны. По этой причине Японию поразили тайфуны, наводнения, засухи и иные беды.

Синто в эпоху Камакура развивалось в тесном взаимодействии с буддизмом. В результате монгольских нашествий новую интерпретацию получает представление о Японии как о *синкоку* («стране богов»), земле, находящейся под особым покровительством синтоистских божеств (*ками*). Стали верить, что посланный ими «божественный ветер» (*камикадзе*) спас Японию, дважды разметав монгольский флот. Складывается традиция Ватараи синто (Исэ синто), в рамках которой обосновывался тезис о равноценности будд, бодхисаттв и *ками*.

Самурайские кланы объединялись почитанием синтоистских божеств, в этой связи главную роль в отправлении важнейших церемоний играл *сорё*, глава клана. Хатиман был родовым божеством Минамото. В 1191 г. после проведения надлежащих обрядов был основан храм Цуругаока Хатимангу в Камакура. В ритуалах и церемониях в этом святилище нередко принимали участие сёгун и *гокэнин*. Особенно важным был обряд *ходзёэ* — отпускания на волю живых существ в середине восьмого месяца по лунному календарю. На этой церемонии присутствовали *гокэнин* Восточной Японии.

1.10. Культура периода Камакура

Важнейшими центрами образованности и культуры в эту эпоху были буддийские монастыри. В восточных областях Японии благодаря усилиям военных домов появляются новые очаги просвещения. Высокопоставленный деятель сёгуната Ходзё Санэтоки (1224–1276), внук *сиккэна* Ходзё Ёситоки, основал книгохранилище Канадзава бунко в провинции Мусаси, где было собрано множество рукописей на китайском и японском языках.

В эпоху Камакура слепые исполнители *бива-хоси* («монахи с лютней») рассказывали о войнах и мятежах конца XII в., выступая в буддийских храмах и за их пределами. Именно на основе их рассказов в конце XII–XIII в. возникли «военные повествования» (*гунки моногатари*), к ярким образцам которых относятся «Хогэн моногатари» («Сказание о годах Хогэн»), «Хэйдзи моногатари» («Сказание о годах Хэйдзи»), а также «Хэйкэ моногатари» («Повесть о доме Тайра»).

Около 1220 г. появился историко-философский трактат «Гукансё», написанный Дзиэном (1155–1225), настоятелем Энрякудзи, шестым сыном канцлера Фудзивара-но Тадамити. Дзиэн также был известным

поэтом. Проза буддийских и мирских легенд и рассказов *эцува* представлена сборником «Беседы о делах древности» («Кодзидан») из шести свитков, в которые вошли 462 произведения. Между 1210 и 1220 гг. был составлен еще один изборник *эцува* — «Повествования, собранные в Удзи» («Удзи сюи моногатари»). Дневниково-мемуарная литература представлена «Идзаёи никки» («Дневник полнолуния») кисти монахини Абуцу (80-е годы XIII в.).

В эссеистическом жанре *дзуйхицу* («вслед за кистью») написаны «Записки из кельи» («Ходзёки», 1212 г.) Камо-но Тёмэй (1155?–1216) и «Записки от скуки» («Цурэдзурэгуса») Урабэ Канэёси (1283–1352). В 1210 г. было завершено создание знаменитой поэтической антологии XIII в. Синкокинсю («Новое Кокинсю»), составленной по воле отрекшегося государя Готоба. Талантливый поэт **Фудзивара-но Садаё** (Тэйка, 1162–1241) по распоряжению экс-императора Гохорикава в 1235 г. подготовил новый изборник поэзии «Син тёкусэн вакасю» («Новое императорское собрание японских песен»). Тэйка также оставил дневник «Мэйгэцу-ки» («Записки при полной луне») на камбуне, который вел с 1180 по 1235 г.

В храмовой архитектуре продолжают традиции эпохи Хэйан. В то же время архитектурный стиль дзэнских монастырей отличался простотой и аскетизмом. В 1252 г. в Камакура в храме Котокуин, принадлежавшем к школе «Чистой земли», была отлита колоссальная бронзовая статуя «большого будды» Амида-Нёрай. К замечательным памятникам деревянной скульптуры относятся статуи настоятелей монастырей и проповедников. Среди скульпторов того времени по своему дарованию выделялись Ункэй (?–1223) и Кайкэй (годы жизни неизвестны).

Портретная живопись представлена изображениями высших государственных деятелей, сановников императорского двора и *бакуфу*. На живописных свитках из бумаги или шелка, развертывающихся по горизонтали (*эмакимоно*), были запечатлены буддийские притчи, сцены литературных произведений, сражений. Особую роль играли *эмакимоно*, хранившиеся в храмах и святилищах, рассказывавшие об их чудесном основании и ревностно оберегавшиеся.

2. Эпоха Муромати (1333–1467)

Эпоха Муромати хронологически охватывает период с 1333 г., когда после падения Камакурского сёгуната пришел к власти император Годайго (1288–1339), до 1573 г., когда Ода Нобунага изгнал

последнего сёгуна династии Асикага. В то же время в ее рамках выделяют два периода: 1) период *Намбокутё* (1336–1392), характеризующийся расколом в императорском доме и противостоянием Южного и Северного дворов после основания в 1336 г. сёгуната Асикага (Муромати бакуфу); 2) период *Сэнгоку* («воюющих провинций»; 1467–1573). В данной главе будет рассмотрен начальный период эпохи Муромати (1333–1467).

2.1. «Реставрация» Годайго

После падения Камакурского сёгуната император Годайго начал создание новой политической системы, в рамках которой он стремился к единоличной власти над императорским двором и военными домами. Он пытался сделать свои указы *риндзи* — выражающие волю императора документы, издаваемые по его приказу приближенными, главным источником законодательства и административных распоряжений. Вскоре после возвращения Годайго в столицу в 1333 г. канцлер (*кампаку*) покинул свой пост, а его преемника император так и не назначил.

Идеальным образцом для Годайго было время правления императоров Дайго и Мураками (первая половина X в.), не стесненных структурами *инсэй* или *бакуфу*. Однако правление Годайго не было в чистом виде возвращением к политической системе середины X в. и в некоторых аспектах обладало преемственностью по отношению к эпохе Камакура.

При Годайго сохранялся центральный административный аппарат, сформировавшийся в эпохи Нара и Хэйан. Одновременно действовали подчиненные императору ведомства *кирокусё*, *дзассо кэцудансё*, *онсёката*, *муся докоро* и ряд других. Их штат набирался не только из придворных, но и из воинов и чиновников, ранее служивших *бакуфу*. *Кирокусё* занималось тяжбами, в первую очередь между столичными аристократами, храмами, а также административными вопросами. *Дзассо кэцудансё* превратился в главный орган, разбиравший судебные дела относительно землевладельческих прав как воинов, так и владельцев *сёэн*. Однако Годайго мог пересмотреть его решения. В *онсёката* решались вопросы о пожаловании земли в награду за службу. *Муся докоро* осуществляло военно-полицейские функции в Киото и центральных провинциях. Оно следило за исполнением самураями (как бывшими вассалами *бакуфу*, так и не-*гокэнин*) повинности по охране императорского дворца в Киото. Мобилизовали воинов для исполнения этой службы по-прежнему *сюго*.

В каждой провинции делами управления ведали губернаторы (*кокуси*) и военные наместники (*сюго*). Годайго не упразднил должность *сюго*, которые уже были прочно интегрированы в систему провинциального управления. Ликвидация этого поста могла привести к мятежам провинциальных военных домов. Среди *кокуси* были придворные аристократы, низкоранговые чиновники, воины. Именно *кокуси* были уполномочены в соответствии с указами Годайго или судебными решениями подтверждать или пересматривать права на земельные владения. Почти все *сюго* были воинами. Некоторые воины, например Асикага Такаудзи и Кусуноки Масасигэ, совмещали посты *сюго* и губернатора в доверенных их попечению провинциях. Юрисдикция *сюго* по сравнению с периодом Камакура почти не изменилась.

В 1333 г. была оформлена система управления северными и восточными областями Японии, тяготевшими к самостоятельности. Годайго отправил сына Нориёси (1328–1368), которому едва исполнилось шесть лет, в сопровождении Китабатакэ Тикафуса (1293–1354) и Китабатакэ Акииэ (1318–1338) в Муцу, чтобы представлять на севере власть императора. Другой сын Годайго, восьмилетний Нарийёси (1326–1344), был направлен в Камакура, в помощь ему был придан Асикага Тадаёси, брат Такаудзи. Из Камакура должно было осуществляться управление областью Канто.

Император принимал меры для экономического развития страны, хотя и не успел осуществить их полностью. В 1333 г. был издан указ об отмене пошлин на таможенных заставах и в портах, который, однако, имел ограниченное применение. В 1334 г. Годайго обнародовал указ *токусэйрэй*, действовавший на территории всей страны. Закон облегчал положение должников и в некоторых случаях возвращал прежним собственникам проданные или утраченные из-за долгов земли.

Между тем не прекращались раздоры в окружении Годайго. Его сын Мориёси (1308–1335) именовал себя сёгуном и домогался официального назначения на эту должность, требуя покарать Асикага Такаудзи, который пользовался большим влиянием среди воинов Канто как глава одной из линий клана Минамото. Другим соперником Такаудзи был губернатор провинции Этиго Нитта Ёсисада (1301–1338), представитель боковой линии Сэйва Гэндзи, не обладавший, в отличие от Такаудзи, большим влиянием в Канто. В 1334 г. был схвачен принц Мориёси, которого Асикага Такаудзи обвинил в заговоре против Годайго. Мориёси был выслан в Камакура и отдан под надзор Асикага Тадаёси, приказавшего убить его в следующем году во время мятежа сторонников Ходзё.

В 1335 г. против Годайго взбунтовался Ходзё Токиюки (?–1353), сын последнего главы дома Ходзё. Разбив в сражении Асикага Тадаёси, Токиюки вступил в Камакура. Узнав об этом, Асикага Такаудзи просил Годайго о присвоении звания *сэйи тайсёгун* и разрешении выступить для подавления мятежа. Однако Годайго ему отказал. Такаудзи, не повинаясь воле государя, отправился вместе с войском на восток. Силами дома Асикага мятеж был подавлен. Мощное восстание против Киото свидетельствовало о росте недовольства не только бывших вассалов Ходзё, но и широких слоев военного дворянства.

Вслед за этим Годайго приказал Такаудзи незамедлительно явиться в Киото. Но Асикага Такаудзи остался в Камакура, раздавая награды своим воинам. Тогда Годайго для усмирения Такаудзи направил на восток Нитта Ёсисада, который потерпел поражение. Асикага Такаудзи и Тадаёси заняли Киото в начале 1336 г., однако вскоре бежали оттуда на Кюсю, поскольку на столицу напало войско Китабатакэ Акииэ из провинции Муцу, к которому присоединились и другие сторонники Годайго. Братьям Асикага удалось нанести поражение приверженцам императора на Кюсю. Привлекая на свою сторону воинов юго-западных областей, Такаудзи вновь двинул войско на столицу. Такаудзи и Тадаёси смогли использовать в противостоянии с Годайго отрекшегося государя Когон (1313–1364) из линии Дзимёин. Тем самым они перестали быть мятежниками, восставшими против *тэнно*, и придали ореол законности своим действиям.

В конце 5-го месяца 1336 г. в провинции Сэтцу в **битве при Минатогавы** Асикага разгромили войско Годайго, верный сподвижник которого Кусуноки Масасигэ погиб. В 8-м месяце при поддержке Такаудзи на императорский трон был возведен новый император Комё (1321–1380) из линии Дзимёин. Годайго передал ему три священные регалии императорской власти и заключил соглашение с Асикага Такаудзи, по которому предусматривалось попеременное правление линий Дзимёин и Дайкакудзи. Сын Годайго Нариеёси был утвержден наследным принцем, который в будущем должен был сменить императора Комё. Однако договор утратил силу после бегства Годайго в область Ёсино в провинции Ямато, где расположился его двор (Южный двор). Началось противостояние Северного и Южного дворов, продолжавшееся до 1392 г.

Между тем в конце 1336 г. было принято уложение сёгуната «Кэмму сикимоку» («Уложение годов Кэмму») из 17 статей. Это событие нередко считают датой основания Муромати *бакуфу*. В 1338 г. Асикага Такаудзи был объявлен сёгуном (*сэйи тайсёгун*).

2.2. Южный и Северный дворы: основные этапы противостояния

Война между сторонниками Южного и Северного дворов охватила всю страну. В 1338 г. Годайго направил своего десятилетнего сына **Канэеси** (?–1383) в окружении немногочисленной свиты в западные области, присвоив ему титул «великого полководца — усмирителя запада» (*сэйсэй тайсёгун*). В 1342 г. Канэеси прибыл на Кюсю. В 1338 г. пали в сражениях видные полководцы Южного двора Нитта Ёсисада и Китабатакэ Акиё. В 1339 г. Годайго умер, ему наследовал сын Нориеси, ставший императором Южного двора Гомураками (годы правления 1339–1368). Первоначально приверженцы Южного двора противостояли сёгунату Асикага во многих регионах страны. Постепенно соотношение сил изменилось в пользу Северного двора и сёгуна Асикага, хотя сторонникам Южного двора периодически удавалось наносить *бакуфу* чувствительные удары, временно захватывать Киото и Камакура.

В 1348 г. отряды **Ко-но Моронао** (?–1351), наследственного вассала Асикага, напали на Ёсино и сожгли временную резиденцию Южного двора. Гомураками бежал в глубь гор на запад края Ёсино. Положение Южного двора стремительно ухудшалось, но он продолжал существовать в немалой степени благодаря непрекращавшимся раздорам в *бакуфу*. Вскоре стало очевидным противостояние двух ключевых политических деятелей сёгуна — Тадаёси, фактического соправителя Такаудзи, и Ко-но Моронао, занимавшего должность *сицудзи* (*канрёй*) при сёгуне.

В 1349 г. Тадаёси потерпел в этой борьбе неудачу и лишился прежнего влияния. Вскоре он бежал из Киото и в 1350 г. в Кавати открыто взбунтовался против брата. В борьбу Такаудзи и Тадаёси, которая шла с переменным успехом, оказались вовлечены воины разных областей страны. Ко-но Моронао и его брат Ко-но Мороясу (?–1351) были убиты. В начале 1352 г. Тадаёси был схвачен, а через некоторое время умер (возможно, отравлен).

Решив примириться с Южным двором для борьбы с Тадаёси, сёгун принудил к отречению от власти императора Северного двора Суко (1348–1351); *бакуфу* признало государем императора Южного двора Гомураками, тем самым на короткое время единство императорского дома было восстановлено.

Между тем в 1352 г. обострились разногласия между Южным двором и Асикага Ёсиакира, сыном Такаудзи, представлявшим его власть в Киото. Отряды Южного двора ворвались в Киото, после чего Ёсиа-

кира бежал в провинцию Оми. Отрекшиеся государи Северного двора (Когон, Комё, Суко) и принц Наохито (1335–1398) были схвачены и брошены в заточение. Южный двор снова переместился в Ёсино. Однако сёгунат столкнулся с кризисом легитимности, поскольку сёгуна назначал *тэнно*. В отсутствие последнего правомерность существования *бакуфу* оказалась под вопросом. Тогда *бакуфу* возвело на престол сына отрекшегося государя Когон, который должен был принять монашеский постриг (государь Гокогон, 1338–1374). Таким образом, возобновился раскол императорского дома. Вскоре Ёсиакира удалось вернуть контроль над Киото.

В 1353 и 1355 гг. войскам Южного двора удалось ненадолго захватить Киото, но вассалы *бакуфу* в обоих случаях возвращали контроль над столицей. В 1358 г. Асикага Такаудзи умер от болезни и сёгуном стал Ёсиакира. Между тем в 1361 г. принц Канэёси овладел Дадзайфу на Кюсю, где разместились его ставка. Канэёси и клан Кикүти, являвшийся его основной опорой, формально были на стороне Южного двора, но в реальности превратились в самостоятельную местную власть.

В 1367 г. после смерти Ёсиакира сёгуном стал малолетний Асикага Ёсимицу (1367–1408), но в начале его правления *бакуфу* руководил его фактический опекун, *канрэй* Хосокава Ёриюки (1329–1392). В 1370 г. Хосокава Ёриюки назначил Имагава Садаё (1326–?) на пост *Кюсю тандай*, приказав военным домам Кюсю и юго-запада Хонсю оказывать ему помощь. В 1372 г. Садаё захватил Дадзайфу, административный центр Кюсю, в 1383 г. умер принц Канэёси. Приверженцев Южного двора становилось все меньше, а оставшихся теснили войска сёгуната. В 1391 г. сёгун Асикага Ёсимицу обратился к Южному двору с предложением о примирении. По условиям соглашения с Южным двором предусматривалось поочередное правление представителей линий Дзимёин (Северный двор) и Дайкакудзи (Южный двор).

Император Гокамэяма (?–1424) в 10-м месяце 1392 г. вернулся в Киото и передал три «священных сокровища» государю Северного двора Гокомацу (1382–1412). Тем самым окончился период Намбокутё и был положен конец расколу императорского дома. Однако *бакуфу* не выполнило условия договора: на престол стали вступать лишь государи Северного двора, что в XV в. привело к неоднократным мятежам сторонников Южного двора.

2.3. Военно-политическая структура *бакуфу*

Стоявший во главе Муромати *бакуфу* сёгун опирался на центральный бюрократический аппарат и гвардию из своих прямых вассалов,

располагал собственным земельным доменом. Вместе с тем сёгун зависел от назначавшихся им военных наместников *сюго*, которые в XV в. усилили свою власть над провинциями. Политический процесс в *бакуфу* определялся отношениями между сёгуном и различными кликами *сюго* и в немалой степени персональными качествами сёгуна.

В эпоху Муромати исчезло двоевластие в административно-политической системе, характерное для периода Камакура. Почти все административно-политические и судебные прерогативы императорского двора были присвоены *бакуфу*, хотя сёгуны по-прежнему формально получали власть от императоров.

Сёгун обладал высшей военной, административной, судебной, законодательной властью, утверждал законность владения землей. При этом сёгуны Асикага не были выразителями интересов лишь военного дворянства. Они учитывали интересы придворной аристократии, пытались оберегать ее *сёэн* от посягательств *сюго* и провинциальных воинов.

Первоначальное устройство Муромати *бакуфу* во многом повторяло политическую организацию Камакурского сёгуната. В начале периода Муромати политику *бакуфу* определяли Асикага Такаудзи и Тадаёси. Такаудзи отвечал преимущественно за военно-политические аспекты управления, тогда как его брат — в основном за административные и судебные вопросы.

Мандокоро по-прежнему заведовало финансами *бакуфу*, доменом сёгуна, а также имело отношение к управлению Киото. Это ведомство отвечало за обложение ростовщических контор *сакая* и *досо* податями в пользу *бакуфу*, разбирало тяжбы, касавшиеся процентных ставок по ссудам, заклада и купли-продажи земли. До конца XIV в. *мандокоро* возглавляли представители клана Никайдо, которых затем сменили наследственные вассалы Асикага из рода Исэ.

Уже в 1335 г. Асикага Такаудзи учредил **самурай докоро**, назначив его главой Ко-но Мороясу. Изначально *самурай докоро*, как и в период Камакура, ведало делами вассалов сёгуна. В период Намбокутё некоторое время оно осуществляло руководство военными отрядами Асикага. После того как *бакуфу* закрепилось в Киото, *самурай докоро* стало заниматься исключительно поддержанием порядка и исполнять административно-полицейские функции в Киото, окончательно оттеснив полицейское ведомство двора *кэбииситё* при Асикага Ёсимицу. До конца периода Намбокутё глава *самурай докоро* был одновременно *сюго* столичной провинции Ямасиро. Во второй половине периода Намбокутё

этот орган возглавляли представители шести военных домов — Ямана, Токи, Акамацу, Кёгоку, Хатакэяма, Иссики, а после 1441 г. трех — Кёгоку, Иссики, Ямана. После смуты годов Онин-Буммэй главы *самурай докоро* лишились реальной власти. Еще одно ведомство, *онсёката*, образованное в 1336 г., возглавил Ко-но Моронао. Оно занималось награждением вассалов земельными владениями; к концу XV в. потеряло свое значение.

В Муромати *бакуфу* функционировал и Совет из *хёдзёсю*, восходивший к периоду Камакура, который не играл серьезной роли: *хёдзёсю* превратился в почетное звание для представителей чиновничьих кланов *бакуфу*. Полномочия *монтюдзё* в сёгунате Асикага сузились, оно ведало преимущественно хранением документации и актовых материалов *бакуфу*, занималось проверкой подлинности документов.

Важное место в должностной номенклатуре *бакуфу* приобрел пост *канрэй* («распорядителя делами», «канцлера»), изначально именовавшийся *сицудзи*. Его обладатель был высокоранговым вассалом сёгуна и играл роль его ближайшего советника. При Асикага Такаудзи пост *сицудзи* не имел большого значения, поскольку его брат Тадаёси курировал административную сферу. Со временем на этот пост стали назначаться представители лишь трех кланов — Хосокава, Сибя и Хатакэяма. Особенно важную роль *канрэй* играл в период малолетства сёгуна, когда последний не мог в полной мере исполнять свои обязанности. *Канрэй* осуществлял общий надзор за важнейшими ведомствами сёгуната и мог издавать по поручению и от имени сёгуна указы и распоряжения. С 1487 г. эта должность была монополизирована кланом Хосокава. В период «воюющих провинций» *канрэй* превратился во временную должность, учреждавшуюся на время проведения церемонии интронизации сёгуна.

При Асикага Ёсимоти (1408—1428) начал функционировать Совет глав могущественных военных домов (*таймэй хёдзё*), которые назначались на должности *канрэй* и глав *самурай докоро* (кроме клана Кёгоку). Членом Совета был и глава дома Оути. Обычно Совет созывался по воле Ёсимоти, но иногда — по инициативе его членов. Совет не устанавливал повестку дня, обсуждение дел начиналось в ответ на обращение сёгуна. Этот орган носил совещательный характер, но утвержденные им решения, как правило, уважал и сёгун. Значение Совета снизилось в правление преемника Ёсимоти, Асикага Ёсинори, когда он собирался нечасто, а более важную роль стали играть совещания сёгуна с отдельными могущественными сановниками.

Опорой сёгуна были *хокосю* — приближенные к нему прямые вассалы, служившие под началом сёгуна, в отличие от других вассалов, исполнявших военную службу под предводительством *сюго*. Система *хокосю* окончательно оформилась при Асикага Ёсинори. *Хокосю* имели право на аудиенцию у сёгуна, что отличало их от остальных вассалов, при выездах сёгуна были его личной охраной, а во время военных действий составляли его гвардию. Многие *хокосю* оставались в провинциях и были противовесом *сюго*. Сёгуны жаловали им в управление земли из своего домена. *Хокосю* получали от сёгуна привилегию уплачивать *тансэн* и некоторые другие подати напрямую *бакуфу*, а не через *сюго*, а их владения приобретали административно-полицейский иммунитет. *Хокосю* рекрутировались из боковых ветвей родов *сюго*, отпрысков наследственных служилых кланов Асикага, провинциальных землевладельцев-воинов. В правление Асикага Ёсимаса и Ёситанэ их численность достигала 350–400 человек, объединенных в пять отрядов (*бан*) по 50–100 воинов. За каждым из *хокосю* следовало несколько десятков служилых людей. По некоторым оценкам, в прямом подчинении сёгуна было от 5 до 10 тыс. воинов. *Хокосю* составляли ядро военных сил *бакуфу*, но успех военных акций сёгуната, например подавление серьезных мятежей, зависел от отрядов провинциальных воинов, возглавлявшихся *сюго*.

В сфере управления опорой власти сёгуна были *бугёнин*, низкоранговые администраторы *бакуфу*, относившиеся к различным ведомствам, которые отвечали за рассмотрение судебных дел. Наивысшей судебной властью обладал сёгун, выносивший окончательные решения.

Прямой контроль сёгунат осуществлял лишь в отношении ближайших к столице земель, управление периферией было гибким, во многом в дела окраинных земель *бакуфу* не вмешивалось.

Учитывая сильно выраженные устремления воинов востока Японии к самостоятельности, сёгунат Асикага управлял восточными областями через Камакурскую ставку (*Камакура-фу*), которую возглавлял *Камакура кубо* (*Канто кубо*) из рода Асикага. Ставка ведала делами восьми провинций области Канто, а также Идзу и Каи. В 1349 г. *Камакура-фу* возглавил Асикага Мотоудзи (1340–1367), сын Такаудзи. Сёгуны утверждали в должности Камакурского наместника, которая на деле стала наследственной среди потомков Мотоудзи. Помощник наместника *Канто канрэй* назначался сёгуном и был противовесом *Камакура кубо*. Пост *Канто канрэй* во второй половине XIV–XV в. занима-

ли представители различных линий клана Уэсуги, которые совмещали его с должностями *сюго* Кодзукэ, Мусаси и Идзу. Устройство ставки в Камакура во многом копировало *бакуфу*. *Камакура кубо* в Восточной Японии был предводителем воинов, утверждал право владения и жаловал земли, назначал и рекомендовал к назначению настоятелей храмов и святилищ. Однако не он, а сёгун назначал *сюго* восточных провинций. Управление провинцией Муцу осуществляла ставка ***Осю тандай*** (***Осю канрэй***). Ставка ***Кюсю тандай*** для управления Кюсю была учреждена в 1336 г. в Хаката. После 1395 г. должность главы этого ведомства стала наследственной в роду Сибукава.

Важным звеном административно-политической системы сёгуната были *сюго*. Их полномочия по сравнению с периодом Камакура значительно расширились. Военные наместники одновременно напоминали сменяемых по воле центра должностных лиц и полусамостоятельных провинциальных властителей. Губернаторы провинций (*кокуси*) утратили свое значение, а провинциальные управы были окончательно подчинены *сюго*. *Сюго* рекрутировались как из местных могущественных военных домов, нередко занимавших должности *дзито* или чиновников провинциальных управ, так и из боковых линий династии Асикага. В первой половине периода Муромати частая ротация *сюго* была обычным делом: в 1336–1363 гг. в Идзуми *сюго* менялся 8, в Сэтцу — 5, а в Вакаса — 12 раз. Однако в XV в. должности *сюго* становятся наследственным достоянием могущественных военных домов (кланы Ямана, Имагава, Оути, Хосокава, Сибя и др.). Вместе с тем большинство военных наместников строили по приказу *бакуфу* свои резиденции в Киото и подолгу там жили.

В период Намбокутё *сюго* не только отправляли уголовное правосудие и отвечали за исполнение судебных приказов, но и возглавляли провинциальных воинов, сражавшихся на стороне Асикага. Они конфисковывали и распоряжались землями мятежников и сторонников Южного двора. Военные наместники стремились поставить в вассальную зависимость провинциальных воинов (*кокудзин*), жалуя им земельные владения.

Постепенно расширился аппарат управления, подчиненный *сюго*. Назначавшиеся им заместители *сюгодай* во время отсутствия наместника управляли провинцией. Пост *сюгодай* становится наследственным и закрепляется за определенными военными кланами. Могущество *сюго* возросло после того, как они стали собирать для сёгуна экстраординарные подати *тансэн* и *мунабэцусэн*. Позднее военные наместники стали вводить *тансэн* не по приказу *бакуфу*, а по своей воле.

Тем не менее в период Муромати *сюго* не был независимым от *бакуфу* и полновластным повелителем в своей провинции. Его власть легитимировалась авторитетом сёгуна. Противовесом *сюго* были **кокудзин** — провинциальные землевладельцы-воины, обладавшие постами *дзито* и администраторов *сёэн*. Связи между *сюго* и *кокудзин*, являвшимися вассалами сёгуна, были вначале слабыми. Провинциальные воины могли изгнать из провинции *сюго* или игнорировать его приказы о явке на военную службу. *Кокудзин* объединялись в лиги (*кокудзин икки*), заключая договоры о мирном решении взаимных споров, координации действий по отношению к *бакуфу* или *сюго*, о выдаче беглых крестьян и холопов друг другу и т.д.

2.4. Правление Асикага Ёсимицу (1367–1408)

При Асикага Ёсимицу сёгунат присвоил большую часть полномочий императорского двора и распространил свою власть на аристократические придворные кланы. Так, к концу XIV в. иски и аристократов—владельцев *сёэн*, и крупных храмов и святилищ стало рассматривать *бакуфу*, а не двор. В 1378 г. Асикага Ёсимицу перебрался в Хана-но госё («Дворец цветов»), новую резиденцию в Киото, которая была украшена растениями и деревьями всех четырех времен года. Квартал Муромати, где она располагалась, дал название *бакуфу*. Строительство дворца было завершено в 1381 г. Именно там Асикага Ёсимицу приветал императора Гоэнью, придворных аристократов и вельмож. В 1397 г. по его приказу была построена усадьба Китаяма в Киото, откуда сёгун управлял Японией.

Ёсимицу стремился ослабить могущественные военные дома, контролировавшие должности *сюго*, вмешивался в споры между наследниками глав кланов (дома Токи, Ямана). К 1391 г. под контролем рода Ямана, линии рода Нитта, оказалось 11 провинций — шестая часть всех провинций Японии. Однако дом Ямана раздирали распри, умело использованные сёгуном в своих интересах. В конце 1391 г. Ямана Мицуюки, *сюго* провинций Хоки и Оки, вместе с Ямана Удзикиё (1344–1391), *сюго* Тамба и Идзуми, двинули войска на столицу, но после ожесточенной битвы потерпели поражение (**смута годов Мэйтоку**). В результате Ямана потеряли посты *сюго* многих провинций.

В 1395 г. был смещен с поста *Кюсю тандай* Имагава Садаё, который стал вести себя крайне независимо по отношению к Киото. В 1399 г. поднял мятеж Оути Ёсихиро (**смута годов Оэй**). Ёсихиро, участвовав-

ший в 1391 г. в усмирении дома Ямана, к 1399 г. был *сюго* шести провинций (Суо, Нагато, Ивами, Будзэн, Идзуми, Кии), контролируя богатый торговый центр Сакаи и поддерживая связи с Кореей. Его могущество и самостоятельность делали столкновение с сёгуном почти неминуемым. В 1399 г. Оути Ёсихиро, который пытался привлечь на свою сторону *Камакура кубо* Асикага Мицуканэ, поднял мятеж. В решающем сражении при Сакаи Ёсихиро был разгромлен и погиб. Ему наследовал младший брат Хиромоти, которому были оставлены посты *сюго* лишь двух провинций — Суо и Нагато. В результате усмирения дома Оути *бакуфу* упрочило свой контроль над западными районами страны.

Между сёгуном и придворной аристократией, не исключая ее высшие слои, стали формироваться отношения покровительства и личной зависимости. Отвечая на прошения киотоской знати, сёгун издавал приказы о прекращении посягательств воинов на ее земли, даровал иммунитетные привилегии их вотчинам, право создания частных таможенных застав, рекомендовал императору повысить в ранге и должности и т.п. Он же утверждал права аристократов на владение клановым имуществом и вотчинами.

«Карьерный рост» Ёсимицу при дворе был стремительным, он быстро превзошел своего отца и деда. В 1380 г. Ёсимицу получил первый младший ранг. На «аристократизацию» Ёсимицу указывает и его назначение на должности попечителей (*бэтто*) школ Дзюннаин и Сёгакуин в 1383 г., которые до этого передавались по наследству в клане Мураками Гэндзи, чьи отпрыски принадлежали к высшей придворной аристократии. Обладатель этих постов также считался главой всего рода Минамото (*Гэндзи-но тёдзя*), к которому принадлежали и Асикага. Ни Такаудзи, ни Ёсиакира в такой степени не интегрировались в мир придворной аристократии.

В 1394 г. Ёсимицу уступил пост сёгуна старшему сыну Ёсимоти и был назначен на пост *дайдзё дайджин* — великого министра, но в 1395 г. от него отказался и принял постриг, сохранив прежнюю власть. Ёсимицу стал требовать от придворных аристократов оказывать ему знаки внимания и почести, подобавшие отрекшемуся государю. Сёгун способствовал проведению общегосударственных празднеств, церемоний, религиозных ритуалов, а также выбору девиза правления, что ранее относилось к прерогативам императора. Ёсимицу контролировал присвоение должностей и рангов не только воинам, но и придворным аристократам. Со временем он стал назначать на должности настоятелей крупных столичных храмов и святилищ.

В 1406 г. после смерти матери императора Гокомацу жена сёгуна Хино Ясуко была приравнена к матери Гокомацу, чтобы последний был избавлен от необходимости второй раз соблюдать траур во время своего правления. В 1408 г. церемония *гэмпугу* для Ёсицугу, младшего сына Ёсимицу, была проведена по протоколу, положенному принцу. В том же году Ёсимицу умер.

Согласно не являющейся общепризнанной гипотезе сёгун Ёсимицу пытался основать новую императорскую династию, намереваясь сделать своего сына Ёсицугу императором. Тем самым представители дома Асикага возглавили бы и императорский двор, и *бакуфу*. Сам Ёсимицу, согласно данной версии, желал стать отрекшимся императором. Однако после смерти Ёсимицу его преемник Ёсимоти не поддержал планы отца, а влиятельные *сюго* и сановники *бакуфу* воспротивились чрезмерному усилению дома Асикага. Бесспорно, однако, что Ёсимицу смог не только упрочить власть сёгуна, но и вершить по своему усмотрению дела императорского двора, добившись беспрецедентного влияния на придворную аристократию.

Императоры, несмотря на усиление власти сёгунов Асикага, не утратили свой верховный сакральный и политико-символический статус. После гибели Ёсинори в 1441 г. *бакуфу* просило императора издать указ об усмирении мятежника Акамацу Мицусукэ. Сёгунат перестал обращаться ко двору с просьбами об объявлении таких повелений (*тибацу риндзи*) со времени правления Асикага Ёсимицу.

Тем самым после череды правления «сильных» сёгунов *тэнно* в определенной мере укрепили свои позиции: вплоть до конца XVI в. *бакуфу* неоднократно просило их о введении *тибацу риндзи*, чтобы легитимировать военные походы против опасных бунтовщиков и врагов сёгуна.

2.5. Международные связи Японии в XIV–XV вв.

В 1368 г. Чжу Юаньчжан, освободивший Китай от монголов, провозгласил себя новым императором. В конце того же года он отправил своих эмиссаров в Аннам, Тямпу, Корею и Японию, чтобы объявить об основании новой династии Мин. Согласно внешнеполитической идеологии империи Мин она была окружена варварскими народами, от которых ожидалось изъявление покорности и принесение дани. Взамен «варварам» разрешалось вести торговлю и обмениваться дарами с «Срединным государством».

В 1369 г. послание основателя династии Мин было доставлено принцу Канэёси, представлявшему на Кюсю власть Южного двора.

В послании Чжу Юаньчжан потребовал признания вассальной зависимости и борьбы с пиратством. Принц отверг притязания Мин, казнив большую часть китайских эмиссаров. Однако, когда в 1370 г. из Мин прибыл новый посланник, Канэси направил Чжу Юаньчжану ответ, в котором именовал себя вассалом, а также в 1371 г. выплатил дань. Когда посланец Канэси прибыл в Китай, император Чжу Юаньчжан признал Канэси «ваном Японии» (*Нихон кокуо*).

Сёгун Ёсимицу в 1374 и 1380 гг. направлял своих посланников в Китай, которые не были приняты под предлогом отсутствия необходимых документов. В 1401 г. Ёсимицу послал новую миссию с данническими подношениями в Китай. В 1402 г. она вернулась в Японию в сопровождении китайского посла, который привез эдикт китайского владыки Чжу Юньвэня (1398–1402). В документе Ёсимицу был назван «ваном Японии», и ему предписывалось принять календарь династии Мин. В 1403 г. японская миссия доставила новому китайскому императору Чжу Ди (1402–1424), свергнувшему своего предшественника, датированное китайским девизом правления послание, в котором Ёсимицу именовал себя «вассалом». В ответ из Китая Ёсимицу прислали золотую печать в знак признания его «ваном Японии». Тем самым устанавливался вассалитет Японии по отношению к Китаю. Япония была инкорпорирована в международную систему Восточной Азии, центром которой была империя Мин.

Благодаря признанию сюзеренитета империи Мин было положено начало официальной «лицензионной» торговле Японии с Китаем. Даннические посольства, отправлявшиеся Ёсимицу, были одновременно торговыми миссиями. В 1404–1547 гг. Китай посетило в общей сложности 17 торгово-дипломатических миссий на 84 кораблях. На каждом судне обычно размещалось 150–200 человек, в том числе торговцы. Из Японии в Китай ввозились веера, медь, сера, золото, мечи, из Китая в Японию — медная монета (своей монеты Япония практически не чеканила), шелк-сырец, книги, лекарства и др. В торговле с Мин стали участвовать даймё, храмы, святилища и связанные с ними купцы.

Сёгун Асикага Ёсимоти отказался от политики отца. В 1411 г. он не пустил в Киото послов империи Мин. В своей дипломатической корреспонденции Ёсимоти использовал девизы правления не китайских, а японских императоров. Однако его преемник Ёсинори возобновил торгово-даннические сношения с Мин в 1432 г.

С Кореей поддерживали сношения как *бакуфу*, так и могущественные военные дома. *Бакуфу* не считало Корею равной Японии, хотя в китаецентричной системе международных отношений оба государст-

ва занимали одинаковое место. В XV в. в Корею для торговли с Японией было открыто три порта. Японские корабли, отплывавшие в Корею, должны были иметь специальные документы. Монополия на их выдачу была предоставлена клану Со с острова Цусима, что было закреплено в договоре между Кореей и Со в 1443 г. Япония торговала и с островами архипелага Рюкю, которые в 1429 г. были объединены в одно политическое образование. Рюкюсцы перепродавали в Японию товары, закупленные в Китае и в Юго-Восточной Азии.

Китай и Корея налаживали связи с Японией не только ради выгодной торговли. Они ожидали содействия *бакуфу* и *сюго* в борьбе с пиратами-*вако*. Бином *вако* для обозначения пиратов встречается в основном в китайских и корейских источниках, тогда как в японских они именовались *кайдзоку*. Нападения пиратов на Корейский полуостров и Китай в XIV в. участились. Команды пиратских судов включали не только японцев, но и корейцев, и китайцев. *Вако* захватывали в плен корейцев и китайцев для продажи в рабство и занимались грабежом, поддерживали связи с врагами династии Мин внутри Китая. Основные их базы располагались на островах Цусима и Ики, а также в уезде Мацура провинции Хидзэн, а флотилии достигали нескольких сотен кораблей. *Вако* не были только разбойниками, они участвовали в торговой деятельности внутри Японии и в контрабандной торговле с Китаем, могли охранять торговые корабли и составляли военно-морские силы японских даймё в период «воюющих провинций». В XVI в. *вако* по своей этнической принадлежности были не только японцами, но и китайцами, жителями архипелага Рюкю, Юго-Восточной Азии и др.

2.6. От Асикага Ёсимоти к Асикага Ёсимаса

В политике Асикага Ёсимоти, сына и наследника Ёсимицу, прослеживались элементы как преемственности, так и разрыва с политикой отца. Ёсимоти не стал просить императора о пожаловании покойному сёгуну титула «отрекшийся государь-монах» (*дайдзё хоо*) и в какой-то мере отказался от бесцеремонного вмешательства в дела двора. Однако он утверждал ранговые и должностные грамоты, выдававшиеся императорским двором, по сути, сохраняя верховную власть и над военными домами, и над двором подобно своему отцу.

Между тем в восточных областях вспыхнул конфликт между Асикага Мотиудзи (1398–1439), четвертым *Камакура кубо*, и его помощником *Канто канрэй* Уэсуги Удзинори (Дзэнсю, ?–1419). В 1416 г. воины Дзэнсю захватили Камакура. Сёгун встал на сторону Мотиудзи, и в 1417 г. мятеж Уэсуги Дзэнсю был подавлен.

В 1425 г. умер Асикага Ёсикадзу (1407–1425), сын Ёсимоти, носивший титул сёгуна с 1423 г. Тяжело заболевший Ёсимоти отказывался указать своего преемника. Его наследник был выбран по жребию и назван на собрании высших сановников *бакуфу* в начале 1428 г. уже после его смерти. Им стал брат Ёсимоти Асикага Ёсинори, снявший с себя монашеский сан. Ёсинори в своей политике действовал наперекор покойному брату, подражая отцу. Были восстановлены отношения с империей Мин. В рассмотрении административных и судебных дел снизилась роль *канрэй*, Ёсинори стал присутствовать при разборе важных государственных дел и тяжб, самолично утверждая судебные приговоры (так называемая процедура *годзэн сата*).

Новый сёгун в начале своего правления столкнулся с восстанием сторонников Южного двора. В 1428 г. умер император Сёко. Еще до его смерти отпрыск линии императоров Южного двора Огура-но мия (Сэйсё, ?–1443) покинул Киото. Недовольный невыполнением условий соглашения между Южным и Северным дворами о поочередном правлении представителей двух ветвей императорской фамилии, он бежал под защиту *сюго* Ига Китабатакэ Мицумаса (?–1428), который поднял мятеж против *бакуфу*, но вскоре потерпел поражение и погиб. В 1434 г. Ёсинори жестоко подавил волнения монахов Энрякудзи, пожаловавшихся *бакуфу* на злоупотребления монаха-ростовщика, ведавшего строительными работами в монастыре, а также связанных с ним приближенных сёгуна.

Между тем в оппозиции сёгуну оказался *Камакура кубо* Асикага Мотиудзи. В 1438 г. распри между новым *Канто канрэй* Уэсуги Норидзанэ (1411–1466) и Асикага Мотиудзи переросли в войну, в которой сёгун на этот раз поддержал *Канто канрэй*. Мотиудзи потерпел поражение и в 1439 г. вынужден был совершить самоубийство. В 1440 г., поддержав двух выживших сыновей Мотиудзи, поднял мятеж Юки Удзитомо (1397–1441), к которому присоединились многие воины Канто. В 1441 г. бунт Удзитомо был усмирён, а отосланные в Киото сыновья *Камакура кубо* убиты.

Ёсинори, подобно своему отцу, вмешивался в вопросы наследования статуса главы клана в домах *сюго* (Хатакэяма, Кёгоку, Ямана, Токи, Иссики и др.). Многие современники обвиняли сёгуна в проведении политики репрессий и устрашения.

В 24-й день 6-го месяца 1441 г. Ёсинори вместе с *канрэй* и другими видными сановниками *бакуфу* пировал в усадьбе Акамацу Нориясу, празднуя недавнее умиротворение восточных областей. Нориясу был старшим сыном

Акамацу Мицусукэ (1373—1441), главы клана Акамацу и *сюго* провинций Харима, Мимасака и Бидзэн, ранее возглавлявшего *самурай докоро*. В результате внезапного нападения на пирующих были убиты сёгун и несколько именитых вельмож и их слуг, остальным удалось спастись бегством. Убийцы, посланные Мицусукэ, унесли с собой голову сёгуна, а сама усадьба была ими сожжена.

По одной версии, причиной заговора стало недовольство Мицусукэ невыгодным для него разделом земель, конфискованных сёгуном у его младшего брата в 1440 г. Согласно другому предположению он опасался репрессий Ёсинори и нанес упреждающий удар. После гибели сёгуна Акамацу Мицусукэ бежал в Харима, рассчитывая, что к нему примкнут новые сторонники и поддержат притязания на высшую власть в *бакуфу* одного из представителей дома Асикага. В конце концов мятеж был подавлен, а Мицусукэ совершил *сэппуку*. Дом Ямана, сыгравший решающую роль в усмирении Мицусукэ, получил ранее принадлежавшие ему должности *сюго*.

После убийства сёгуна Совет высших сановников *бакуфу* определил восьмилетнего сына Ёсинори его наследником (Асикага Ёсикацу, 1434—1443). В конце 1442 г. Асикага Ёсикацу прошел обряд *гэмпуку* и стал сёгуном в девятилетнем возрасте. Но в 1443 г. он внезапно умер. После этого вновь собравшийся Совет глав могущественных военных домов сделал его преемником младшего брата Ёсикацу, которому исполнилось 8 лет (Асикага Ёсимаса, 1436—1490). В 1449 г. Ёсимаса официально принял назначение на должность сёгуна. В его малолетство политику *бакуфу* определяли Хатакэяма Мотикуни (1398—1455) и Хосокава Кацумото (1430—1473), поочередно занимавшие пост *канрэй*. Влиятельной фигурой была и Хино Сигэко, мать Ёсикацу и Ёсимаса.

Восточные области Японии при Асикага Ёсимаса по-прежнему сотрясали междоусобные распри. В 1449 г. после десятилетнего перерыва был назначен новый *Камакура кубо*, которым стал **Асикага Сигэудзи** (1434—1497), сын Асикага Мотиудзи. По сути, произошла реставрация прежней системы власти на востоке Японии после смут 1438—1441 гг. В 1454 г. Асикага Сигэудзи коварно убил *Канто канрэй* Уэсуги Норитада (1433—1455) и поднял мятеж, началась **смута годов Кётоку**, продолжавшаяся в восточных областях Японии до 1482 г. В 1455 г. Сигэудзи, преследуемый вассалами сёгуна, оставил Камакура и основал резиденцию в замке Кога (провинция Симоса). На его место сёгун Ёсимаса в 1457 г. назначил своего младшего брата Масатомо, который устроил

свою ставку не в Камакура, а в Хоригоэ (провинция Идзу). Ему не удалось заставить повиноваться себе *Канто канрэй*, которым был назначен Уэсуги Фусааки (1435–1466), младший брат убитого Норитада. Сфера влияния *Хоригоэ кубо* ограничивалась только двумя провинциями: Сагами и Идзу.

Таким образом, в Канто сложилось несколько центров политического влияния: наместник сёгуната (*Хоригоэ кубо*), *Канто канрэй*, а также «правитель Кога» (*Кога кубо*). Лишь в 1482 г. сёгун примирился с *Кога кубо*, который признал Идзу владением *Хоригоэ кубо*.

2.7. Восстания токусэй икки

В 1428 г. сменились сёгун и император, которыми соответственно стали Асикага Ёсинори и Гоханадзоно (1419–1470). Киото был охвачен эпидемиями, свирепствовал голод, в связи с чем был сменен девиз правления. В этой обстановке вспыхнуло первое крупное восстание *токусэй икки*. Подобные выступления, участники которых требовали аннулирования или смягчения условий уплаты долгов, а также возврата проданной или заложенной земли, неоднократно повторялись в XV–XVI вв. не только при смене правителей, но и во время войн и политических кризисов. Предпосылкой *токусэй икки* было распространение товарно-денежных отношений в японском обществе в эпоху Муромати. Разные слои населения оказались в тяжелой долговой кабале, завися от ростовщических контор и ломбардов *досо* и *сакая*, которые также занимались изготовлением сакэ.

По представлениям средневековых японцев, при смене правителей и природных катаклизмах власти должны были вершить «добродетельное правление» (*токусэй*), предписывая прощать долги. Природные бедствия свидетельствовали о недостатке добродетельности государя, которая восполнялась благодаря указам *токусэй*. Тем самым отводились беды и несчастья, постигшие страну. Кроме того, было укоренено представление о том, что с началом правления нового государя все соглашения и сделки предыдущего правления лишались силы. Именно поэтому нового сёгуна обычно просили о новом подтверждении права владения землями. Средневековые японцы не относились к земельной собственности лишь как к товару, а ощущали чувство единства с ней. Соответственно, отчуждение земли по причине продажи или неуплаты долга не означало для исконных владельцев окончательной ее утраты.

Наряду с вышеуказанными особенностями менталитета средневековых японцев предпосылкой широкого размаха движения *токусэй*

икки в XV–XVI вв. было становление самоуправляющейся крестьянской общины (см. ниже). В *токусэй икки* участвовали не только отдельные общины, но и их союзы, состоявшие из деревень, принадлежавших различным вотчинам. Таково было объединение «семи деревень Ямасина» вблизи Киото, вовлеченное в антидолговые восстания в 1454, 1457 и 1480 гг. Вместе с тем историки отмечают сложный социальный состав *токусэй икки*, в которых участвовали не только крестьяне, но и страдавшие от долгов самураи. Руководили восстаниями не общинники, а самураи без господина (ронины), а также бывшие крестьяне, забросившие земледелие и занявшиеся военным делом, стремившиеся возвыситься до статуса самурая. К бунтовщикам присоединялись и вассалы сёгуна и *сюго*. Так, в волнениях 1447 г. участвовали вассалы кланов Хатакэяма и Исэ. *Токусэй икки* во многих случаях переплетались с политической борьбой различных фракций в руководстве *бакуфу*.

В 1428 г. волнения вспыхнули в вотчинах Энрякудзи и владениях *сюго* в провинции Оми, охватив в 1428–1429 гг. Киото и Нара, а также провинции Кавати, Сэтцу, Харима, Исэ, Ига, Идзуми, Вакаса. Нападая на ростовщические конторы и ломбарды, восставшие изымали и уничтожали долговые расписки. Указ *бакуфу* о *токусэй* не был объявлен, однако в некоторых районах были приняты меры, облегчавшие положение должников. Так, в Нара храм Кофукудзи, обладавший в провинции Ямато большим влиянием, ввел закон, облегчавший условия выплаты долгов и прощавший задолженность по *нэнгу*.

В 1441 г. после гибели Ёсинори в провинции Оми, Киото и его окрестностях началось новое восстание, направленное в том числе против монастыря Энрякудзи, контролировавшего многие *досо* и *сакая*. На горе Хигасияма в окрестностях храма Хоссёдзи силы *икки* столкнулись с отрядами *самурай докоро*, которые под давлением численного перевеса врагов отступили. Восставшие овладели рядом крупных храмов и святыщ. *Досо*, отказывавшиеся выполнить требования бунтовщиков, предавались огню. Восставшие забирали из них заложенное имущество, сжигали долговые расписки.

Вначале военное правительство намеревалось издать указ о прощении долгов только для простолюдинов, но раздавались требования о том, что указ должен распространяться и на придворных аристократов и воинов. В результате в 9-м месяце 1441 г. *бакуфу* обнародовало указ об аннулировании долговых обязательств, распространявшийся на всех жителей провинции Ямасиро. Возврату прежним владельцам подлежали земли, проданные навечно или отчужденные в результате

неуплаты долгов в течение предшествующих 20 лет. Из сферы действия указа были исключены сделки с землей, утвержденные сёгуном. Однако вскоре после того, как восстание пошло на убыль, предписание о возврате навечно проданных земель было отменено под давлением Энрякудзи.

В 1454 г. после очередного бунта *бакуфу* приняло новый закон (*токусэй бу итисэн*), в котором за выдачу документа об аннулировании долга требовало выплаты $\frac{1}{10}$ его части в свою казну. Когда выяснилось, что не все получатели этих грамот выплатили обещанное, сёгунат признал действительными только те из них, чьи получатели уже выплатили сёгунату $\frac{1}{10}$ долю своих долгов. Что касается остальных должников, то заимодавцы могли подтвердить свои права при уплате *бакуфу* $\frac{1}{5}$ части задолженности. В дальнейшем и от должников, желавших освободиться от долговых пут, и от кредиторов, стремившихся добиться возврата долга, *бакуфу* требовало выплаты пятой части задолженности. В целом принятие указов *токусэйрэй* нанесло удар по финансам сёгуната, поскольку ломбарды и ростовщические конторы Киото перестали в прежнем объеме вносить подати.

2.8. Социально-экономическое развитие Японии в период Муромати

В 1280–1450 гг. в Японии наблюдался демографический подъем, число ее жителей увеличилось с 6 млн до более чем 10 млн человек. Население крупнейшего экономического центра Киото к 1467 г. превысило 200 тыс. человек. Рост населения происходил в условиях некоторого потепления климата и совершенствования аграрных технологий, что, в свою очередь, вызвало повышение продуктивности в сельском хозяйстве. Наблюдалось, в частности, улучшение ирригационной техники, повсеместное применение водяного колеса для орошения полей, более широкое распространение практики снятия двух урожаев в год. В отдельных районах снимали по три урожая ежегодно.

В отличие от Камакура *бакуфу* ставка сёгуната Асикага располагалась в экономическом центре Японии, что позволяло извлекать немалые выгоды из обложения податями торгово-ростовщической и ремесленной деятельности. *Мандокоро* управляло имуществом и финансами *бакуфу*. Однако штат этого ведомства был невелик, оно поручало *досо* хранить казну и следить за доходами и расходами.

Сёгунам принадлежал домен (*горёсё*), в который входили родовые владения Асикага, а также конфискованные у мятежников и преступ-

ников земли, которые передавались новым владельцам. В период Муромати подати сёгуна выражались в денежном эквиваленте.

Часть «общегосударственных расходов» финансировалась за счет подати *тансэн*, собиравшейся с заливных рисовых полей и носившей экстраординарный характер. *Тансэн* восходил к временному налогу, вводившемуся двором императора для строительства дворца и проведения ряда важных общегосударственных церемоний, перестройки святилища Исэ и др. Им облагались как земли провинциальных управ, так и сёэн. Уже в период Камакура *бакуфу* и *сюго* участвовали во взимании этой повинности, хотя соответствующий указ принимал император, который был вправе освобождать от *тансэн*. Примерно в 1380-х годах сбор *тансэн* окончательно перешел в ведение *бакуфу*, которое вводило его и для других целей: строительства усадьбы сёгуна, храмов *годзан* и ряда других важных мероприятий.

Бакуфу при Асикага Ёсимицу с 1393 г. стало облагать *досо* и *сакая* налогом, который стал важнейшим источником пополнения казны. Сёгунат также получал доход от таможенных застав, от деятельности ремесленных и торговых корпораций Киото, от торговли с империей Мин. Еще один источник доходов *бакуфу* — *сюго сюссэн*. Первоначально это были добровольные и нерегулярные денежные дары *сюго* для строительства новой резиденции сёгуна, для возведения святилищ и храмов, которые при Асикага Ёсимаса приобрели обязательный характер. Кроме того, сёгун принимал дары монастырей *годзан*, которые посещал несколько раз в месяц. Сёгуны передавали эти подношения нуждающимся в восстановлении и ремонте храмам и святилищам. Наконец, *бакуфу* получало деньги за жалование грамот о назначении на должности настоятелей дзэнских монастырей.

В XIV — первой половине XV в. социально-экономическая система сёэн приходит в упадок. Вотчины столичных аристократов и храмов в провинциях (сёэн), а также земли провинциальных управ (*кокуга-рё*) постепенно переходят под контроль *сюго* и провинциальных воинов, которые занимали там должности управляющих или *дзито*. Вотчинники нередко передавали военным наместникам право сбора годового рисового оброка — *нэнгу* и иных повинностей в их сёэн с условием уплаты фиксированной ренты. Это был вынужденный шаг, поскольку *сюго* и его слуги часто нарушали владельческие права храмов и столичных аристократов, присваивая себе *нэнгу*. Многие патроны и владельцы сёэн теряли власть над своими вотчинами. *Сюго* все больше вмешивался во внутренние дела сёэн, назначая своих вассалов на места управляющих. В период Муромати росли компактные земельные владения вои-

нов (*сюго* и *кокудзин*), юридически не относившиеся к *сёэн* или землям провинциальных управ.

В период Намбокутё *сюго* и вассалы *бакуфу* на время реквизировали половину годового оброка в *сёэн* для обеспечения продовольствием собственных войск (*хандзэй*). Впоследствии *хандзэй* стал трактоваться как раздел не годового оброка, а самих земель. Согласно указу *бакуфу* **Оан-но хандзэйрэй** («Указ о хандзэй годов Оан», 1368 г.) все земли провинциальных управ и *сёэн*, за исключением владений *тэнно*, отрекшегося императора, *сэссё* и *кампаку*, части крупных столичных храмов, делились на две равные части. Одна из них передавалась вассалам Асикага, которые могли собирать с нее годовой оброк для ведения войны против сторонников Южного двора и других врагов *бакуфу*. Другая половина вышеуказанных владений закреплялась за патронами и владельцами *сёэн* (столичной знатью и храмами), и воинам посягать на нее запрещалось. Указ носил противоречивый характер. С одной стороны, он учитывал интересы части патронов и владельцев *сёэн*, однако, с другой стороны, был фактически признан захват части земель *сёэн сюго* и провинциальными воинами. *Бакуфу* впервые в одностороннем порядке своим распоряжением устанавливало границы *сёэн*.

Упадок *сёэн* сопровождался становлением самоуправляющейся сельской общины. Общины возникали в ходе борьбы крестьян с землевладельцами за снижение *нэнгу*, отставку допускавших злоупотребления управляющих *сёэн*. Община, как правило, состоявшая из группы селений, объединялась культом местного синтоистского божества. Ее самоуправление проявлялось в деятельности общинных собраний, в создании собственных законов (*со окитэ*). Община самостоятельно раскладывала и собирала *нэнгу* и иные повинности для землевладельца, регламентировала пользование общинными угодьями. Долговое бремя сельских общин в условиях развития товарно-денежных отношений все время росло. Годовой оброк, не уплаченный вотчиннику, превращался в долг, на который начислялись проценты. Крестьяне занимали не только у владельца *сёэн* или его управляющих, но и у владельцев ростовщических контор в Киото. Нередко общины или их союзы вступали в вооруженные конфликты друг с другом из-за границ владений, пользования луговыми, горными угодьями, водными ресурсами.

Распространенной формой борьбы против притеснений землевладельцев были коллективные побегі, когда все общинники, отправив землевладельцу петицию с изложением своих требований, покидали

деревню, удаляясь в горы и леса. Помимо этого, отдельные крестьяне и холопы бежали в другие вотчины или города. Внутри общины наблюдалось социальное и имущественное расслоение. Богатые крестьяне *мёсю*, отвечавшие перед землевладельцем за уплату *нэнгу* с определенного участка, который именовался *мёдэн*, взимали в свою пользу поборы с мелких крестьян. В хозяйствах богатых крестьян трудились полусвободные холопы, находившиеся от них в наследственной зависимости. Некоторые *мёсю* становились вассалами *сюго* и провинциальных воинов, превращаясь в самураев (*дзидзамураи*, *тонобара*). Они несли военную службу, получая привилегию обладать фамилией и присоединять к ней название какой-либо должностной позиции, восходящей к чиновничьей номенклатуре эпохи *рицурё*. Крестьяне, получившие атрибуты самурайского статуса, возвышались над другими жителями деревни.

В эпоху Муромати возросла роль товарно-денежных отношений в экономике. Регионы Японии начинают все больше специализироваться на производстве отдельных товаров, которые сбывались в столичном регионе. Увеличивалось количество торговых гильдий и ремесленных цехов (*дза*) в городах. *Дза* процветали под покровительством могущественных столичных храмов и святилищ, занимаясь производством и продажей соли, шелка, свежей и сушеной рыбы, древесного угля, масла для светильников, бамбука, древесины, всевозможных видов одежды и т.д. В XIV–XV вв. прежде всего благодаря развитию торговли между различными областями страны выросло количество и размер городских поселений, которые располагались не только в столичном регионе, но и на морском и речном побережье и в сельской местности. К числу крупнейших портовых городов относились Оцу на озере Бива, Хёго, Сакаи, Амагасаки на побережье Внутреннего Японского моря, Хаката на севере Кюсю и др. Среди прихрамовых городов (*мондзэнмати*), связанных с различными храмами и святилищами, выделялись Нара, Сакамото в Оми, Сува в Синано и др. Во второй половине XV в. возникают новые храмовые города, которые были центрами «истинной школы Чистой земли» (*Дзёдо синсю*). По мере роста могущества *сюго* города формируются вокруг их замков-резиденций (Утадзу в провинции Сануки, Ономити в провинции Бинго и др.).

Расширение торговых связей сопровождается совершенствованием сети морских и речных коммуникаций, которая обслуживалась *тоимару*, транспортировавшими товары из различных областей Японии. Сухопутные перевозки осуществлялись возчиками (*басяку*) с помощью

лошадей. Торговля успешно развивалась, несмотря на многочисленные таможенные заставы, возводившиеся как столичными аристократами и храмами, так и *сюго* и *дзито*.

2.9. Культура эпохи Муромати

Во время «реставрации годов Кэмму» император Годайго ввел по образцу империи Сун ранжирование крупнейших дзэнских монастырей Камакура и Киото — **систему *годзан*** («пяти монастырей»), которая начала складываться еще в конце эпохи Камакура. При сёгуне Асикага Ёсимицу эта система была оформлена окончательно. Помимо «пяти монастырей», дзэнским храмам могли быть присвоены менее почетные ранги «десять храмов» (*дзиссацу*) или *сёдзан* («храмы всех провинций»). В 1379 г. Асикага Ёсимицу повелел создать специальную должность для управления разветвленной системой дзэнских монастырей — *сороку*. Дзэнские монахи были наставниками и советниками сёгунов и членов их семей. Сёгуны, а также *сюго* и провинциальные воины покровительствовали дзэнским вероучителям и монастырям. Монастыри играли весомую роль в финансово-экономической политике сёгуната и были важными культурными центрами, дзэнские монахи выступали в роли литераторов, философов, художников. Благодаря дзэнским монахам, в XIII–XIV вв. неоднократно бывавшим в Китае, в Японию проникла философия Чжу Си (неоконфуцианство).

Предпринимаются попытки повысить статус синто в рамках синто-буддийского синкретизма. В XIV–XV вв. в клане Ёсида, ветви древнего рода священнослужителей-гадателей синто Урабэ, складывается новая синтоистская традиция Ёсида синто («синто рода Ёсида») или Юйицу синто («единственное синто»). Окончательную форму ей придал Ёсида Канэтомо (1435–1511). В рамках его учения, созданного под влиянием даосизма, будды и бодхисаттвы стали воплощениями синтоистских божеств (*ками*). Тем самым была переосмыслена формула «исконная основа — явленные следы» (*хондзи-суйдзяку*), возникшая в буддизме периода Хэйан, в рамках которой *ками* были аватарами будд.

Ставка сёгуната Асикага располагалась в Киото, поэтому культурные традиции и образ жизни придворной аристократии оказывали большое воздействие на военное дворянство. Имело место взаимовлияние культурных пластов, ассоциировавшихся с разными социальными группами: столичной аристократией, военными домами, жителями городов и сельских общин. Многие виды искусств, например театр Но и чайная церемония, обрели популярность во всех общественных слоях и в столице, и в провинциях, что создало предпосылки для форми-

рования в будущем национальной культуры. Благодаря путешествиям дзэнских монахов в Китай, а также началу «лицензионной» торговли с Китаем наблюдается новый всплеск интереса к китайской культуре и китайским вещам.

Под влиянием дзэн-буддизма складывается канон многих классических традиций Японии, в том числе чайная церемония, искусство аранжировки цветов (*икэбана*), формулируются основополагающие эстетические категории *саби* («одиночество»), *ваби* («унылость»), *югэн* («сокровенная красота») и др. В дзэнских монастырях создаются «сухие сады» из крупных камней и белого песка. Достигает расцвета монохромная живопись *суйбоку-га*, принесенная из Китая и представленная в первую очередь творениями Сэсю Тоё (1420–1506).

В трактате «Дзинно сётоки» («История правильной преемственности божественных императоров»), законченном в 1339 г. Китабатакэ Тикафуса и предназначенном для государя Южного двора Гомураками, среди прочего постулируется уникальность Японии по сравнению с другими странами, которая состоит в непрерывности правления одной божественной императорской династии. Ее законными представителями, согласно этому сочинению, являются императоры Южного, а не Северного двора.

Начиная с эпохи Камакура постепенно складываются церемониальные нормы военных домов (*букэ кодзицу*), получившие дальнейшее развитие в период Муромати. Основы церемониала и этикета воинов сформировались еще в эпоху Хэйан под влиянием традиций императорского двора. Церемонии и ритуалы военных домов относились к военному искусству, к ведению государственных дел, пиршествам, эпистолярному этикету, обряду инициации (*гэмпуку*), свадебным обрядам и др. Важную роль в создании церемониального канона периода Муромати сыграли кланы Исэ и Огасавара. Представители клана Исэ, возглавлявшие ведомство *мандокоро*, также ведали вопросами церемониала и этикета в *бакуфу*. Огасавара обучали сёгунов, начиная с Асикага Ёсинори, конной стрельбе из лука.

Жанр военных повестей представлен «Тайхэйки» («Повесть о Великом мире», 2-я половина XIV в.), где рассказывается о мятежах, смутах и войнах, происходивших с 1318 по 1367 г. В «Гикэйки» («Повесть о Ёсицунэ», конец XIV — начало XV в.) изложены предания о судьбе Минамото-но Ёсицунэ, брата основателя Камакурского сёгуната. В период Муромати получили распространение короткие рассказы *отогидзоси*, бытовавшие изначально в устной форме. Во второй половине XIV в. письменно фиксируются пьесы для театра Но (*ёкёку*).

Необычайного расцвета театр Но достиг благодаря **Дзэами Мотокиё** (1363?–1443?), который соединял в одном лице таланты актера, драматурга и теоретика Но. Дальнейшее развитие получила поэзия *рэнга* («сцепленные песни»), в 1358 г. составляется первый в истории японской литературы большой сборник *рэнга* «Цукуба сю». Выдающимся мастером *рэнга* был Соги (1421–1502).

Произведения литературы *годзан* (*годзан бунгаку*) создавались в дзэн-буддийских монастырях и включали проповеди и беседы дзэнских наставников с учениками и их стихи, философские трактаты, антологии поэзии и т.д. К шедеврам поэзии на китайском языке в рамках *годзан бунгаку* относят произведения Иккю Содзюн (1394–1481).

В период Муромати в результате сближения храмового зодчества с дворцовым под влиянием дзэн-буддийской эстетики возникает стиль *сёин-дзукури* (*сёин* — помещение для занятий при дзэнских храмах). В то же время в стиле хэйанских дворцов (*синдэн дзукури*) в конце XIV в. был построен дворцовый комплекс Китаяма в Киото, который с 1398 г. стал резиденцией Асикага Ёсимицу. Частью этого комплекса был знаменитый **Кинкакудзи** («Золотой павильон»).

3. Эпоха «воюющих провинций» (1467–1573)

Период «воюющих провинций» (или «воюющих княжеств», *Сэнгоку дзидай*) отождествляют со второй половиной эпохи Муромати, по-разному определяя его хронологические рамки. В данном разделе в качестве начала этого периода будет рассматриваться 1467 г. (начало смуты годов Онин-Буммэй), в качестве окончания — 1573 г. (изгнание из Киото последнего сёгуна династии Асикага). Вместе с тем завершение *Сэнгоку дзидай* можно отнести и к 1590 г., когда Тоётоми Хидэёси добился объединения Японии, уничтожив княжество Гоходзё и подчинив северные районы страны.

Эпоху *Сэнгоку* нередко сводят к политическому хаосу и междоусобным войнам, которые отрицательно отразились на развитии страны, характеризуя ее встречающимся в источниках выражением *гэкокудзё* («низы ниспровергают верхи»). Действительно, ослабление центральной власти подорвало прежнюю иерархию: сёгуны смещались могущественными сановниками, в провинциях вассалы свергали своих сюзеренов (*сюго*), в военных домах отпрыски младших ветвей отнимали власть у представителей старшей линии. Однако в обстановке острых военных, социальных и политических конфликтов новым провинци-

альным властителям *сэнгоку даймё* удалось создать достаточно устойчивую социально-политическую систему, в некоторой мере обеспечить мир и порядок, хозяйственный подъем на своих землях.

В целом *Сэнгоку дзидай* был присущ экономический прогресс, расцвет городов, распространение начал самоуправления в самых разных общественных группах, расширение внешних контактов, блестящий расцвет культуры в центре и на периферии. В это время подспудно вызревали основы новой социально-политической организации *бакухан* периода Токугава, в которой сильная центральная власть уживалась с обладавшими значительной автономией во внутренних делах княжествами (*хан*).

3.1. Смута годов Онин-Буммэй

Эпоха «воюющих провинций» характеризовалась упадком сёгуната Асикага и нарастанием политической децентрализации во время и после кровопролитной междоусобной войны годов Онин-Буммэй (1467–1477), в которую были вовлечены военные дома по всей Японии.

В ходе смуты друг другу противостояли две армии: Восточная во главе с Хосокава Кацумото (1430–1473) и Западная во главе с **Ямана Мотитоё** (Содзэн, 1404–1473), на дочери которого был женат Кацумото. Важными предпосылками этого десятилетнего противостояния были: тенденция к наследованию постов *сюго* в определенных военных домах, а также отсутствие эффективного контроля *бакуфу* над наследованием статуса главы военного дома; формирование соперничающих фракций в руководстве *бакуфу*.

Бакуфу зачастую не препятствовало военным столкновениям между претендентами в борьбе за главенство в том или ином клане, принимая одну из сторон.

Причинами смуты стали:

1. **Борьба за власть в кланах могущественных *сюго***, в которую были втянуты и ключевые политические деятели сёгуната. Так, Хосокава Кацумото и Ямана Содзэн вмешивались в раздоры в домах Хатакэяма и Сиба, поддерживая своих претендентов на место главы клана. Содзэн также был разгневан отстранением своего отпрыска, усыновленного Кацумото, от наследования статуса главы дома Хосокава в 1466 г.

2. **Распри в доме Асикага по вопросу о наследнике сёгуна Ёсимаса (1436–1490)**. Поскольку у Асикага Ёсимаса не появлялся сын, в 1464 г. он сделал наследником своего младшего брата, который отказался от монашеской жизни и был наречен Ёсими (1439–1491). Однако в сле-

дующем году жена сёгуна Хино Томико (1440–1496) родила ему сына, позднее названного Ёсихиса (1465–1489). В результате могущественные вельможи *бакуфу* разделились на две группы: одни, в том числе Хосокава Кацумото, рассматривали законным наследником брата сёгуна Ёсими, другие, а среди прочих Ямана Содзэн, сына сёгуна Ёсихиса (1465–1489).

3. **Соперничество между могущественными военными домами за посты *сюго*.** Так, должности *сюго* Бидзэн и Харима были «яблоком раздора» между домами Ямана и Акамацу, за пост *сюго* провинции Иё соперничали Хосокава и Коно.

В 1466 г. Хатакэяма Ёсихиро (Ёсинари, 1437–1490), ранее проигравший своему родичу Масанага (1442–1493) борьбу за верховную власть в доме и опиравшийся на Ямана Содзэн, внезапно явился в столицу с отрядом воинов. Сёгун вынудил *канрэй* Хатакэяма Масанага, на стороне которого стоял Хосокава Кацумото, отказаться от своей должности. Одновременно его соперник Хатакэяма Ёсихиро был удостоен аудиенции сёгуна. Новым *канрэй* был назначен Сибя Ёсикадо, которому также благоволил Ямана Содзэн, из-за чего крайне обострились его отношения с Хосокава Кацумото. Отряды Хатакэяма Масанага между тем вступили в сражение со сторонниками Ёсихиро, но были разбиты. Масанага бежал из столицы.

В 5-м месяце 1467 г. со всех земель Японии в Киото стали стекаться воины. *Сюго* располагали свои укрепленные позиции в храмах и святилищах. Развернулись ожесточенные сражения, в ходе которых практически вся столица была обращена в пепел. Исходя из взаимного расположения ставок предводителей конфликтующих сторон, **сторонников Хосокава именовали Восточной армией, а Ямана — Западной армией.** Первоначально успех сопутствовал Восточной армии, воины которой овладели резиденцией сёгуна, в их лагере оказался сёгун Ёсимаса, его брат Ёсими и сын Ёсихиса. В конце 5-го месяца Западная армия потерпела ряд поражений. Ситуация резко изменилась в 8-м месяце, когда **Оути Масахиро** (1446–1495) во главе воинов провинций Суо, Нагато, Будзэн и Тикудзэн прибыл в Киото, после чего Западная армия серьезно потеснила Восточную. Однако решительного перевеса ни одной из сторон достичь так и не удалось. В 1468 г. Асикага Ёсими, враждовавший с супругой сёгуна Хино Томико, ускользнул из Восточного лагеря и явился в расположение Западной армии, у которой наконец появилась авторитетная фигура из правящей династии, сопоставимая с сёгуном. В 1468 г. Хосокава Кацумото был назначен

канрэй. Западная армия фактически была опорой второго *бакуфу*, издававшего предписания и производившего назначения *сюго*. На деле военно-политический курс Западного лагеря определяла группа военных вождей-*сюго*.

В 1471 г. Западный лагерь предал контролировавший провинцию Этидзэн **Асакура Такакагэ** (1428–1481), вассал дома Сибя, что на время склонило чашу весов на сторону Восточной армии. В 1474 г. между Ямана Масатоё и Хосокава Масамото, наследниками умерших в 1473 г. вождей, было заключено перемирие, которое было «сепаратным», так как касалось лишь домов Ямана и Хосокава. Постепенно военачальники обоих лагерей стали прекращать активное участие в войне. В 1477 г. оставшиеся полководцы Западной армии один за другим покинули столицу.

Затянувшаяся смута потрясла до основания политическую систему сёгуната Асикага. После смуты резко снизилась способность *бакуфу* собирать подати и оказывать влияние на положение дел в провинциях, распри и военные конфликты не утихали во многих землях Японии. Сёгун более не оказывал влияния на *сюго*, которые один за другим покинули Киото и, не спрашивая его разрешения, отбыли в свои провинции. Со второй половины 1480-х годов в столице постоянно проживал лишь Хосокава Масамото (1466–1507), сын Кацумото и его родичи. Между тем пребывание в Киото военных наместников было выражением лояльности по отношению к *бакуфу*, недозванное возвращение в свой удел прежде расценивалось как бунт. Присутствие *сюго* в столице способствовало их участию в управлении страной и политической централизации.

Между тем Асикага Ёсимаса уступил свой пост своему сыну Ёсихиса, который в 1473 г. стал сёгуном. В 1489 г. 25-летний Ёсихиса умер после карательного похода против Роккаку Такаёри, *сюго* южной части провинции Оми. Вслед за этим Асикага Ёсимаса примирился со своим братом Ёсими и сделал его сына Ёситанэ (1466–1523) своим преемником. В 1490 г. Ёсимаса умер.

3.2. Бакуфу в период «воюющих провинций»

Сёгуны после смерти Ёсимаса попали в зависимость от могущественных сановников и вассалов, которые определяли политику Асикага *бакуфу* (представители дома Хосокава, а затем клан Миёси). Военное правительство в полной мере не контролировало даже ближайшие к Киото провинции.

В 1493 г. сёгун Асикага Ёситанэ был отстранен от власти в результате дворцового переворота, организованного *канрэй* Хосокава Масамото. Масамото, поддержанный вдовой Асикага Ёсимаса Хино Томико, сделал новым сёгуном **Асикага Ёсидзуми** (1480–1511). Ёсидзуми был сыном Асикага Масатомо, наместника области Канто (*Хоригоэ кубо*). Свергнутому Ёситанэ, заточенному в одной из усадеб в Киото, удалось бежать.

Могущество Хосокава Масамото базировалось на его главенстве в основной ветви дома Хосокава, а также на обладании постами *сюго* провинций Сэтцу, Тамба, Сануки, Тоса. В 1507 г. Масамото был убит в ходе мятежа своих вассалов, после чего в борьбу между собой вступили его приемные сыновья. В 1508 г. войско **Хосокава Такакуни** (1484–1531), приемного сына Масамото, и даймё Оути Ёсиоки (1477–1528) вошло в Киото, из которого бежали сёгун Ёсидзуми и поддерживавший его Хосокава Сумимото (1489–1520), другой приёмный сын Масамото. На посту сёгуна был восстановлен Асикага Ёситанэ. Политику *бакуфу* стали определять Оути Ёсиоки и Хосокава Такакуни.

В 1518 г. Оути Ёсиоки вернулся в свой удел в западных провинциях, после чего отношения между сёгуном и Такакуни разладились. В 1521 г. Асикага Ёситанэ бежал из столицы на Сикоку, после чего при поддержке Такакуни новым сёгуном был объявлен 11-летний Асикага Ёсихару (1511–1550), сын Асикага Ёсидзуми. Положение Ёсихару не было прочным. Ему противостояли взбунтовавшиеся вассалы дома Хосокава и Хосокава Харумото (1514–1563, сын Сумимото), оспаривавший у Такакуни главенство в клане. В 1531 г. войско Такакуни было разбито, а его самого принудили к самоубийству, после чего Харумото встал во главе дома Хосокава.

Асикага Ёсихару, примирившись с Харумото, вернулся в столицу в 1534 г. после шестилетнего пребывания в провинции Оми. В 1546 г. он уступил должность сёгуна сыну (**Асикага Ёситэру**, 1536–1565). В 1548 г. против Хосокава Харумото выступил его виднейший вассал **Миёси Нагаёси** (1522–1564). Сёгун Ёситэру вынужден был в 1549 г. бежать из Киото и после непродолжительного примирения с Миёси Нагаёси в 1552–1553 гг. снова покинул столицу, укрывшись в провинции Оми. В 1558 г. Ёситэру вновь примирился с Нагаёси, который тем временем создал в Центральной Японии обширное, хотя и внутренне непрочное княжество, в которое, по некоторым оценкам, входило до восьми провинций.

Несмотря на выдающиеся личные качества, сёгун Ёситэру не смог восстановить былое величие *бакуфу*. Однако Нагаёси был вынужден встроить

свою власть в политическую систему Муромати *бакуфу*, принимая от сёгуна почести и звания. После смерти Нагаёси Асикага Ёситэру пал в битве с вассалами Миёси в 1565 г., после чего до 1568 г. в Японии не было сёгуна.

3.3. Возвышение сэнгоку даймё

На фоне упадка центральной власти в японских провинциях в конце XV—XVI в. возвысились фактически независимые от нее правители — *сэнгоку даймё*. В настоящее время этим термином именуются властители, значительно отличавшиеся друг от друга структурой властных полномочий, а также размером контролируемой территории (от нескольких уездов до нескольких провинций). Лишь немногие *сэнгоку даймё* происходили от военных наместников (*сюго*) сёгуната Асикага (Такэда, Имагава, Оути, Отомо, Симадзу). Участие в междоусобной войне и длительное отсутствие в своих провинциях повлекло за собой свержение многих *сюго* их заместителями (*сюгодай*) либо провинциальными воинами (*кокудзин*) или их союзами. Ослабление *сюго* во многом было вызвано упадком власти сёгуна, на авторитет и иные ресурсы которого они опирались как представители *бакуфу*. К *сюгодай* изначально принадлежали даймё Нагао (Уэсуги), Асакура, Амаго. С другой стороны, многие правители периода *Сэнгоку*, например Мори, Тёсокабэ, Мацудайра (Токугава), Адзай, Датэ, Рюдзодзи, были выходцами из *кокудзин*. В целом *сэнгоку даймё* в основном происходили из различных слоев господствовавшего военно-служилого сословия.

С середины XVI в. в регионах страны заметно усилились центристские тенденции, стали выделяться сильнее военные дома, захватывавшие земли более слабых соперников.

С княжествами наиболее могущественных даймё граничили и периодически оказывались в зависимости от них владения мелких князей. На севере (провинции Муцу и Дэва) усилился дом Датэ, в районе Канто и соседних с ним провинциях — дома Гоходзё, Такэда, Уэсуги, Имагава, в Киото и центральных областях — клан Миёси, фактически контролировавший *бакуфу*. В Западной Японии господствующие позиции приобрел клан Мори, на острове Сикоку — дом Тёсокабэ. На Кюсю боролись между собой Симадзу, Рюдзодзи, Отомо.

Несмотря на упадок центральной власти, между сёгуном и даймё, а также императором и даймё сохранялись важные церемониально-

этикетные и политико-символические связи. Прежде всего, продолжало быть престижным формальное назначение на должность *сюго*, санкционированное из Киото и вознаграждавшееся даймё щедрыми дарами. Князья также ожидали, что *бакуфу* будет ходатайствовать перед *тэнно* о присвоении им ранга и должности при дворе, которые не давали реальных полномочий, но ценились как титулы, укреплявшие легитимность власти в глазах его соседей и жителей его удела. Сёгуны удостоивали некоторых даймё почетных званий *осёбансю* (сотрапезников сёгуна) и *отомосю* («спутников» сёгуна), учрежденных в *бакуфу* в эпоху Муромати, или же иероглифа из своего имени. Например, знак из имени сёгуна Асикага Ёситэру был пожалован Асакура Ёсикагэ (1533–1573), Датэ Тэрумунэ (1544–1585), Уэсуги Тэрутора (Уэсуги Кэнсин, 1530–1578), Мори Тэрумото (1553–1625) и др. Наконец, известно, что последние представители династии Асикага нередко играли роль посредников в заключении мира между даймё. Тем не менее все это не дает оснований говорить о том, что политическая система, существовавшая до смуты годов Онин-Буммэй, продолжала функционировать. Сёгун утратил возможность по своему усмотрению назначать и смещать *сюго*. Даймё же обращались к его авторитету для укрепления своего положения. Но их власть не основывалась на титулатуре императорского двора и сёгуната.

Между тем финансово-экономическое положение сёгуната и императорского двора было трудным: *бакуфу* не всегда могло собрать подати для проведения важнейших религиозных и государственных церемоний. Так, после смерти императора Гоцутимикадо в 1500 г. его тело 43 дня пребывало во дворце, поскольку не находилось средств для проведения необходимых погребальных обрядов и кремирования останков. Его преемник Гокасивабара только через 20 с лишним лет после наследования престола (1521 г.) получил средства на проведение полноценной интронизации. В период *Сэнгоку* авторитет сёгунов, часто бежавших из столицы, серьезно пошатнулся. Отстраненный от реальной политической власти император, несмотря на бедственное материальное положение двора, сохранил высокий сакральный статус, оставаясь на вершине иерархии придворных должностей и рангов, в которую были включены и *сэнгоку даймё*. В конечном счете императоры сумели пережить период войн и смут, тогда как престиж сёгунов оказался дискредитирован, что повлияло и на фактическое упразднение *бакуфу* Ода Нобунага.

В ряде областей страны (прежде всего в центральных районах), где не было *сэнгоку даймё* или их положение было непрочным, большое

значение приобрели лиги провинциальных землевладельцев-воинов. В 1485 г. на юге провинции Ямасиро воины, поддержанные крестьянами, заставили покинуть свои земли войска враждовавших между собой представителей дома Хатакэяма. Под руководством *кокудзин* были организованы структуры самоуправления (**Ямасиро-но кун икки**), просуществовавшие до 1493 г.

Кроме того, подобные союзы (*икки*) в первой половине XVI в. образовали мелкие землевладельцы (*дзидзамураи*) провинции Ига, а также уезда Кога провинции Оми. Союзы самураев формировались для решения взаимных споров, сохранения господства над крестьянами, обороны от врагов. Принципы взаимоотношений между их участниками часто устанавливались в специальных законоположениях. *Сэнгоку даймё* нередко стремились искоренить или подчинить себе подобные объединения. Некоторые князья (Мори) первоначально сами были членами *кокудзин икки* и, постепенно возвысившись над своими союзниками, превратили их в своих вассалов.

3.4. Икко-икки

Немалое влияние на политическое развитие Японии оказывало *Икко-икки* — серия вооруженных выступлений, восстаний и войн, которые вели последователи буддийской «истинной школы Чистой земли» (*Дзёдо синсю*, также именовавшейся *Икко-сю*) со второй половины XV в. до 1582 г. По всей Японии к ним принадлежали представители различных социальных слоев: крестьяне, ремесленники, торговцы, воины.

В период Муромати рост популярности школы *Дзёдо синсю* был связан с храмом Хонгандзи («Храм великого обета») и деятельностью его восьмого настоятеля **Рэннё** (1415—1499). В своих посланиях (*офуми*) Рэннё простым разговорным языком изложил для адептов *Дзёдо синсю* идеи основателя школы Синран. Ему удалось укрепить авторитет Хонгандзи в борьбе с другими храмами *Дзёдо синсю*. В 1465 г. храм Отани Хонгандзи был разрушен монахами Энрякудзи, недовольными успехом проповеди Рэннё в провинции Оми. Тогда Рэннё основал новый центр своей школы в Ямасина в Киото (Ямасина Хонгандзи). Рэннё прилагал особые усилия к распространению своего учения в крестьянских общинах. Особенно много последователей *Дзёдо синсю* было в округах Хокурикудо и Токайдо, а также в центральных провинциях.

Объединения адептов (*монто*) «истинной школы Чистой земли» превратились в грозную силу, а *Икко-икки* нередко предопределяли исход военных и политических конфликтов. Так, в 1474 г. *сюго* про-

винции Кага стал Тогаси Масатика (?–1488), победивший при помощи *монто* Хонгандзи своего брата. Но в 1488 г. Масатика был свергнут и убит после восстания адептов школы Икко из Кага и ряда соседних провинций. В провинции Кага почти на сто лет установилось господство последователей «истинной школы Чистой земли».

В 1532 г. войско даймё Роккаку Садаёри (1495–1552) и силы «школы Лотоса» (школа Нитирэна) разрушили в районе Ямасина укрепленный центр *Икко-сю* и храм Хонгандзи. Настоятель Хонгандзи Сёнё бежал в Осака в провинции Сэтцу, где в 1532 г. был построен храм Хонгандзи и основан новый укрепленный центр школы (Исияма Хонгандзи). В 1536 г. в Киото произошло новое сражение, в котором участвовали силы буддийских школ: на этот раз монахи-воины Энрякудзи, поддерживаемые отрядами Роккаку Садаёри, одержали победу над воинством «школы Лотоса». Столица вновь была сожжена.

3.5. Восточная Япония в период «воюющих провинций»

После смуты годов Онин-Буммэй прежние политические структуры, при помощи которых *бакуфу* управляло областью Канто, окончательно перестали функционировать. Дома *Хоригоэ кубо*, *Кога кубо*, а также *Канто канрэй*, раздираемые внутренними распрями, постепенно теряли власть. Не утихала борьба между ветвями Уэсуги — Огигаяцу и Яманаути, представители которой занимали должность *Канто канрэй*. В обстановке политической нестабильности в Канто возвышаются новые военные дома.

В 1493 г. отпрыск рода Исэ, служившего в административном аппарате сёгуната, по имени Исэ Моритоки (**Ходзё Соун**) вторгся в провинцию Идзу и сверг *Хоригоэ кубо*, основав княжество, просуществовавшее до 1590 г. Его сын Удзицуна принял фамилию Ходзё, тем самым заявив о претензиях на господство в Канто. Как известно, род Ходзё правил Японией на протяжении большей части эпохи Камакура. Дом, основанный Исэ Моритоки, называют **Гоходзё**, чтобы отличить его от династии камакурских властителей.

Гоходзё, искусно используя разногласия между своими врагами, завоевали в Канто значительные территории: Идзу, Сагами, Мусаси, а также часть земель других провинций Канто. В 1546 г. в сражении около замка Кавагоэ войско Ходзё Удзиясу нанесло сокрушительное поражение объединенным силам *Кога кубо*, *Канто канрэй* и дома Огигаяцу Уэсуги. После этого *Кога кубо* в своем большинстве стали марионетками Гоходзё, которым, однако, не удалось установить контроль

над всей Восточной Японией, где им приходилось бороться с местными военными домами. Соперников Гоходзё поддерживал правитель земли Этиго Нагао Кагэтора (**Уэсуги Кэнсин**). В 1561 г. он ненадолго осадил Одавара, «столицу» княжества Гоходзё. После этого он вошел в Камакура, где *Канто канрэй* Уэсуги Норимаса провозгласил Кагэтора своим наследником, передав ему свою фамилию, должность и иероглиф из своего имени.

Уэсуги Кэнсин враждовал не только с Гоходзё, но и с домом Такэда, ветвью знаменитого рода Сэйва Гэндзи, из которого происходил основатель первого сёгуната Минамото-но Ёритомо. Такэда занимали должность *сюю* провинции Каи со времен Камакурского сёгуната. Своего расцвета этот дом достиг при Такэда Харунобу (**Такэда Сингэн**, 1521–1573), который стал главой клана в 1541 г., свергнув своего отца. В ходе завоевания соседней провинции Синано ему пришлось столкнуться с Уэсуги Кэнсин, к которому обратились за помощью военные дома Синано. С 1553 по 1564 г. между войсками Сингэн и Кэнсин, считавшихся талантливыми полководцами, произошел ряд крупных сражений на равнине Каванакадзима в Синано, в которых они не смогли добиться решающего перевеса друг над другом.

Наиболее ожесточенной была четвертая битва при Каванакадзима осенью 1561 г. Ход сражения реконструируется на основе источников эпохи Токугава. Численность армий противников в источниках, видимо, несколько преувеличена. Уэсуги Кэнсин во главе 13-тысячного войска встал лагерем на горе, находившейся близ замка Кайдзу, опорного пункта владычества клана Такэда в северной части Синано. Обороной Кайдзу, в котором находилось около 3 тыс. воинов, командовал Касуга Торацуна, который запросил помощь своего господина Такэда Сингэн. Сингэн привел в крепость 17 тыс. воинов. Некоторое время армии Такэда и Уэсуги стояли друг напротив друга. Вслед за этим Сингэн решил прибегнуть к военной хитрости. Он разделил свою армию, послав ее половину для неожиданного нападения на позиции Уэсуги. Сингэн, командуя другой частью войска, остался на равнине, готовясь нанести встречный удар по врагу, который, как предполагалось, должен был сойти с горы. Однако Кэнсин разгадал этот замысел и ночью вывел свои отряды с горы на равнину, где располагалась часть войска Такэда. В ночь перед боем стоял густой туман, мешавший обеим сторонам правильно оценивать передвижение войск врага. К утру туман рассеялся, и две армии неожиданно вступили в сражение. Поначалу самураи Такэда оказались в тяжелом положении из-за численного превосходства Уэсуги и пал Такэда Нобусигэ, брат Сингэн. Однако затем вернулись дружины Такэда, посланные ранее для атаки на Уэсуги. Самураи Кэнсин понесли большие потери и

отступили. Впоследствии обе стороны приписывали победу себе. Военные повести эпохи Эдо рассказывают о том, что Сингэн и Кэнсин вступили в скоротечную схватку во время битвы, однако рассказ о ней, скорее всего, не более чем вымысел. В результате сражения дом Такэда удержал контроль над севером Синано.

В 1554 г. Такэда Сингэн, Ходзё Удзиясу (1515–1571) и даймё Имагава Ёсимото (1519–1560), которому принадлежали провинции Суруга, Тотоми и часть провинции Микава, заключили трехсторонний союз. Однако гибель Ёсимото в сражении при Окэхадзама в 1560 г. привела к кризису альянса. В 1568 г. Сингэн, координируя свои действия с бывшим вассалом клана Имагава Мацудайра Мотоясу (**Токугава Иэясу**, 1542–1616), напал на наследника Ёсимото — Имагава Удзидзанэ (1538–1614), которого, однако, поддержал дом Гоходзё. В ответ в 1569 г. Сингэн вторгся во владения Гоходзё и вслед за Уэсуги Кэнсин безуспешно осаждал замок Одавара.

Чтобы противостоять Сингэн, Ходзё Удзиясу в 1569 г. примирился и заключил союз со своим недавним врагом Уэсуги Кэнсин. Однако сколько-нибудь действенной помощи от него Удзиясу так и не добился. После смерти Удзиясу его наследник Ходзё Удзимаса (1538–1590) в 1571 г. восстановил союзнические отношения с Такэда Сингэн и разорвал альянс с Уэсуги.

Между тем Сингэн в 1572 г. выступил в масштабный военный поход на запад, который, по одной из версий, был направлен против Ода Нобунага, в то время контролировавшего Киото, конфликтуя с сёгуном Асикага Ёсиаки. По другой версии, Сингэн начал военную кампанию с целью полного подчинения провинции Тотоми и захвата провинции Микава, которой владел Токугава Иэясу, союзник Нобунага (1534–1582). В **1573 г.** Сингэн разгромил союзную армию Ода и Токугава в **битве при Микатагахара** (провинция Тотоми), но в том же году умер из-за болезни. В **1575 г.** Ода Нобунага и Токугава Иэясу взяли реванш, разбив его наследника Такэда Кацуёри (1546–1582) в знаменитом **сражении при Нагасино** (провинция Микава).

В 1578 г. умер Уэсуги Кэнсин, и между двумя его приемными сыновьями началась борьба за власть, в которую были втянуты кланы Гоходзё и Такэда, расторгшие двусторонний союз. Последовало сближение Гоходзё с домами Токугава и Ода, а Такэда вступили в альянс с Уэсуги. В 1582 г. силы Ода Нобунага и его союзников уничтожили дом Такэда и поделили его земли. В том же году после гибели Нобунага Гоходзё напали на его представителя в Канто Такигава Кадзумасу (1525–1586), разбив его в битве при Каннагава (Кодзукэ). После ко-

роткого конфликта Гоходзё удалось договориться с Токугава Иэясу о разграничении владений: провинции Каи и Синано переходили Токугава, а Кодзукэ — Гоходзё. Попытки Гоходзё расширить зону своего доминирования в Канто натолкнулись на упорное сопротивление коалиции даймё Сатакэ, Уцуномия, Юки и др., которые завязали отношения с Нобунага, а затем его преемником Тоётоми Хидэёси. Последний в 1590 г. предпринял военный поход против Гоходзё, положив конец их господству в Канто.

3.6. Дом Мори: путь к господству в Западной Японии

Клан Мори вел свое происхождение от Оэ Хиромото (1148–1225), одного из сподвижников основателя Камакурского сёгуната Минамото Ёритомо. Имя дома происходит от названия вотчины в провинции Сагами на востоке Японии (Мори-но сё), которой владел один из сыновей Хиромото. В начале эпохи Камакура Мори получили пост *дзито* в *сёэн* Ёсида (провинция Аки), а к середине XV в. расширили свои владения в Аки, поставив под контроль уезд Таката и часть уезда Такамия. Во время смуты годов Онин–Буммэй Мори Тоёмото (1444–1476), провинциальный землевладелец из Аки, сначала принял сторону Восточной армии, но затем присоединился к Западному лагерю. Неуклонное расширение влияния Мори происходило в правление Мори Мотонари (1497–1571), который стал главой клана после смерти старшего брата в 1516 г., а затем его малолетнего сына в 1523 г. Мотонари вынужден был лавировать между двумя силами: домами Амаго и Оути. Оути, возводившие свою родословную к правителям древнего корейского царства Пэкче, властвовали над провинциями Суо, Нагато, Будзэн и Тикудзэн. За влияние на провинции Аки и Ивами дом Оути соперничал с кланом Амаго, ветвью рода Сааки. Во время правления Амаго Цунэхиса (1458–1541) этот дом установил полный контроль над провинциями Идзумо, Хоки и Оки и частичный — в районах других восьми земель Западной Японии. Асикага бакуфу в 1552 г. утвердило Амаго Харухиса (1514–1560) на постах *сюго* восьми провинций.

В итоге Мори признали сюзеренитет Оути, получив от них обширные земельные пожалования. В 1541 г. войско Амаго осадило Коорияма-дзё, главный замок Мори. Мотонари, получив подкрепления от Оути, наголову разбил армию Амаго. Тогда же был уничтожен *сюго* провинции Аки из рода Такэда, союзник Амаго. Используя родственные связи, а также прибегая к коварным интригам и жестокости, Мотонари ухитрился сделать наследниками Кобаякава и Киккава,

двух влиятельных домов Аки, своих сыновей (Кобаякава Такакагэ, 1533—1597 и Киккава Мотохару, 1530—1586). В 1550 г. Мотонари безжалостно истребил более тридцати попавших в опалу представителей вассального рода Иноуэ. Таким образом, он превратился в сильнейшего магната Аки, стоявшего во главе союза провинциальных домов. В 1551 г. Оути Ёситака покончил с собой, после того как против него взбунтовался военачальник Суэ Харуката. Новым главой дома Оути стал Оути Ёсинага (?—1557), племянник Отомо Сорин (1530—1587), одного из князей Кюсю. Мори Мотонари выступил против Суэ Харуката и его ставленника. В 1555 г. армия Суэ высадилась на островке Ицукусима у побережья Аки, где находился один из замков Мори. Отряды Мори, пользуясь непогодой, сумели скрытно подплыть и выйти на берег острова. В битве при Ицукусима силы Суэ были неожиданно атакованы с двух сторон самураями Мори и разгромлены, Суэ Харуката покончил с собой. В 1557 г. Мори Мотонари подчинил ядро княжества Оути — провинции Суо и Нагато, принудив к самоубийству Оути Ёсинага. В 1566 г. армия Мори заняла после долгой осады замок Тода (провинция Идзумо), твердыню клана Амаго, тем самым окончательно сокрушив его могущество. Дом Мори стал господствовать на юго-западе Хонсю и севере Кюсю, контролируя десять провинций в правление Мори Тэрумото (1553 — 1625), сына Мори Такамото (1523—1563) и внука Мотонари. Верной опорой Тэрумото были его дядья Кобаякава Такакагэ и Киккава Мотохару.

Мори Мотонари составил письма, содержавшие наставления трем своим старшим сыновьям (1557 г.). Письма ярко характеризуют особенности менталитета удельных правителей и воинов периода *Сэнгоку*. Даймё призывает своих детей неустанно радеть о том, чтобы имя рода Мори продолжалось до скончания времен. Хотя младшие братья унаследовали фамилии двух других кланов — Киккава и Кобаякава, они должны быть опорой старшего брата — Мори Такамото, которому Мотонари уступил место главы дома. Если дом Мори будет силен, то власть младших братьев над кланами Киккава и Кобаякава оттого лишь укрепитя. При разногласиях с младшими старший брат должен отнестись к ним по-отечески, а младшим надлежит следовать его воле, подчеркивал Мотонари. Он просил справлять заупокойные службы по своей умершей супруге и матери Такамото, Такакагэ и Мотохару, заботиться о сестре, а также малолетних сводных братьях.

Жестокий политик и искусный военачальник Мотонари признавал, что повинен в смерти многих людей. Он с трепетом думал, что воздаяние за это неизбежно наступит. Опасаясь, что отвечать за его преступления придется сыновьям, он призывает их быть бдительными. Мотонари в своих наставлениях пишет, что не отличался особенной честностью и прямой,

не пользовался исключительным покровительством богов и бодхисаттв, не превосходил других ни умом и талантами, ни военной доблестью или силой, и, несмотря на это, сумел пережить беспрестанные войны и смуты. Он также поведал, что с одиннадцати лет каждое утро поклоняется восходящему солнцу и десять раз возглашает памятование о Будде (*нэмбуцу*), тем самым молясь о счастье в этом мире и в последующей жизни. Мотонари просил сыновей поступать так же, поскольку поклонение солнцу станет их защитой в жизни. Князь также увещевал их почитать великое пресветлое божество святилища Ицукусима, покровительство которого помогло ему одержать победы над врагами. В отдельном наставлении наследнику Такамото даймё пишет: «Не говоря уже о других уделах, и в княжестве [Мори] нет ни одного человека, желающего благополучия нашего дома». И в доме Мори есть те, кто не желает добра даймё, продолжает Мотонари. Он вновь увещевает наследника быть заодно с братьями, предупреждая об опасности раздоров между Мори, Киккава и Кобаякава. В наставлениях Мори Мотонари отражены главные ценности военного дома периода *Сэн-гоку*: продолжение рода, сохранение власти в обстановке постоянных войн и междоусобиц, согласие внутри княжеской семьи. Примечательно, что даймё рассматривает будущие отношения между младшими сыновьями, возглавившими дома Киккава и Кобаякава, и своим преемником скорее как союз, а не как вассальную зависимость. Известно, что Киккава и Кобаякава, признавая верховенство Мори, сохраняли внутреннюю автономию при жизни и после смерти Мотонари.

3.7. Кюсю и Сикоку в период «воюющих провинций»

Во время смуты годов Онин-Буммэй на севере Кюсю преобладали враждовавшие между собой дома Отомо и Оути. *Кюсю тандай* из рода Сибукава, представлявшие власть сёгунов Асикага на острове и формально являвшиеся *сюго* Хидзэн, полностью зависели от Оути. Враждовавший с Сибукава род Сёни (Муто) к этому времени утратил былое влияние и в XVI в. сблизился с Отомо. Сёни, несмотря на временные успехи, не смогли укрепить свои позиции в Хидзэн и Тикудзэн. В 1559 г. дом Сёни был уничтожен в ходе мятежа одного из своих вассалов Рюдзодзи Таканобу (1529–1584). В 1551 г. Оути теряют власть в результате бунта Суэ Харуката. Таким образом, со сцены сходят несколько прежде могущественных домов даймё, происходивших от военных наместников эпохи Муромати. Возвышается дом Рюдзодзи, представители которого изначально были *дзито* из уезда Сага провинции Хидзэн. В 1570 г. Рюдзодзи успешно отражают несколько крупных нападений дома Отомо и подчиняют всю провинцию Хидзэн.

Род Отомо происходил от *гокэнин* Камакура бакуфу, владевших деревней Отомо в провинции Сагами. Уже в эпоху Камакура Отомо

занимали пост *сюго* провинции Бунго. Отомо Ёсинага (?–1518) добился от *бакуфу* признания *сюго* провинций Бунго, Будзэн, Тикуго. При его внуке Отомо Ёсисигэ (Сорин) клан доминирует на севере Кюсю. Отомо Сорин щедро одаривает *бакуфу*, которое признает его *сюго* шести провинций Кюсю и передает ему пост *Кюсю тандай*. За некоторые из этих провинций Сорин ведет тяжелую борьбу с Мори, поскольку авторитет *бакуфу* не обеспечивает прочности власти. Отомо вступают в союз с Амаго для противостояния Мори. С этой же целью Сорин пытается возродить дом Оути. Один из отпрысков дома Оути в 1569 г. при поддержке Отомо высаживается близ Ямагути, бывшей столицы княжества Оути. Войско Мори, успешно воевавшее на Кюсю, спешно отходит к Ямагути. В конце концов план восстановления власти Оути провалился, но Мори вынуждены покинуть север Кюсю, где преобладают Отомо. Отомо Сорин крестился и мечтал об основании христианского государства.

На юге Кюсю постепенно крепнет мощь дома Симадзу, которому с эпохи Камакура принадлежала должность *сюго* Сацума, а с эпохи Муромати — посты *сюго* Осуми и Хюга. Даймё Симадзу Такахиса (1514–1571) вынужден был усмирять глав боковых ветвей Симадзу и союзы провинциальных землевладельцев, не признававших его власть. Лишь к середине 1570-х годов при Симадзу Ёсихиса (1533–1611) удалось установить более прочный контроль над Хюга и Осуми. Отомо оказали помощь военным домам Хюга, не желавшим сдаваться Симадзу. В 1578 г. отряды Симадзу и Отомо столкнулись в битве при Мимикава (сражение у замка Така-дзё в Хюга), самураи Отомо были наголову разбиты. В 1580 г. Ода Нобунага пытался примирить Симадзу и Отомо, рассчитывая на их помощь в войне с Мори. В 1581 г. Симадзу подчинили дом Сагара из Хиго.

В 1584 г. Рюдзодзи Таканобу напал на дом Арима, союзника Симадзу. Несмотря на значительное численное превосходство, войско Рюдзодзи потерпело поражение, во многом благодаря неожиданной гибели даймё Таканобу в разгар сражения при Окитанаватэ неподалеку от замка Симабара. Клан Рюдзодзи так и не смог оправиться от этого разгрома. Отряды Симадзу неуклонно продвигались на север. В 1585 г. на совете вассалов Симадзу рассматривалось послание Тоётоми Хидэёси, который потребовал прекратить войну с Отомо. Было решено, с одной стороны, открыто не перечить воле Хидэёси, который к тому времени уже был *кампаку*, а с другой стороны, продолжить военные действия против Отомо, представив их как оборонительные. Симадзу презрительно воспринимали низкородного Хи-

дзёси, гордясь своей древней родословной. В 1586 г. воины Симадзу заняли Бунго.

После междоусобиц годов Онин-Буммэй позиции Хосокава на Сикоку, где им принадлежали посты *сюго* двух провинций, пошатнулись. В провинции Тоса расширял свои владения Тёсокабэ Мототика (1539–1599), происходивший из рода наследственных вассалов Хосокава. Одним из его противников был Итидзё Канэсада (1543–1585), потомок осевшего после смуты годов Онин в Тоса отпрыска аристократического рода Итидзё. Этот клан, восходящий к Фудзивара, а точнее к ветви канцлеров и регентов Итидзё, — редкий пример превращения столичного аристократа в *сэнгоку даймё*. Тёсокабэ Мототика к 1572 г. объединил провинцию Тоса под своей властью, Итидзё Канэсада бежал в княжество Отомо. К 1585 г. все провинции Сикоку были подчинены Тёсокабэ.

3.8. Вассальные связи в уделах *сэнгоку даймё*

В обстановке политического хаоса сильная власть *сэнгоку даймё* в различных областях страны была востребована со стороны землевладельцев-воинов. Они нуждались в авторитете и иных ресурсах даймё для упрочения господства над крестьянами. Упадок сёгуната Асикага привел к обострению борьбы между различными кланами *буси*, появилась необходимость в посреднике, который улаживал бы возникавшие противоречия. *Сэнгоку даймё* стали арбитрами, регулировавшими конфликты между вассалами относительно прав на земельные владения, несвободных слуг, пользование оросительными каналами и др.

Обыкновения войны

Как отмечает Овада Тэцую и другие историки в период *Сэнгоку* выросли число и масштаб военных столкновений, в которых участвовали тысячи, а иногда десятки тысяч человек. Повсеместно строились новые замки и крепости, а их осада была важнейшей частью военной кампании. В армии *сэнгоку даймё* могли набирать и крестьян. Распространение огнестрельного оружия изменило способы ведения войны. Относительно времени начала и направления военных действий обычно проводилось гадание. Сражения проходили днем, но иногда противника предпочитали атаковать ночью или на рассвете. Во владениях врага с полей снимали урожай, грабили и сжигали поселения и деревни. Поскольку в битвах сражались значительные массы людей, исход сражения во многом зависел от военного искусства полководцев. Перед выступлением в поход проходил совет виднейших вассалов, на котором определялись военные планы. В храмах и святилищах возносили молитвы о победе. Перед началом битвы противники поднимали боевой клич, сближаясь, осыпали друг друга стрелами,

а затем сходились врукопашную. Во время битвы приказы передавались при помощи барабанов, колоколов, раковин (*хорагай*). Когда сражение казалось выигранным, воины могли поднять победный боевой клич (*катидоки*). После победы устраивался осмотр голов врагов (*куби дзиккэн*): головы простых воинов складывали в одном месте, а головы видных самураев выставлялись отдельно. После этого их могли обменять на головы своих воинов, добытые врагами, или же похоронить. Но, опасаясь мести духов павших, обычно старались умиротворить их чтением сутр и заупокойными буддийскими службами. Погибших победителей ждала разная участь. Останки военачальника или вассалов высокого звания доставляли обратно в княжество, но тела простых воинов часто бросали в чистом поле или, привязывая к ним камни, погружали на дно реки или озера. После победы воины вознаграждались сообразно проявленной доблести, получая земли, а также лошадей, мечи и иные ценные вещи. Во время сражения за войском следил *икуса мэцукэ*, слуга даймё, отмечавший нарушения дисциплины, а также подвиги воинов. После битвы на основании его записей производилось награждение.

В ходе войн между различными самурайскими кланами побежденные теряли свои владения, достававшиеся победителям. В различных регионах страны началось сплочение воинов-землевладельцев вокруг наиболее сильных и авторитетных военных домов, которые были способны организовать отпор врагам и вести успешные войны, тем самым обеспечив как сохранение, так и расширение земель своих вассалов.

Создание *сэнгоку даймё* податной и административной системы, регламентация вассальных связей, забота о хозяйственном процветании княжества были продиктованы необходимостью ведения оборонительных и захватнических войн.

От прочности вассальной системы зависели размеры и боеспособность войска *сэнгоку даймё*, которое состояло из отрядов вассалов и соединений, непосредственно подчиненных даймё. В своем княжестве даймё выступал верховным распорядителем земельных владений. Он выполнял функции, ранее принадлежавшие Асикага *бакуфу*, и в специальных грамотах, удостоверенных его личной монограммой или печатью: 1) подтверждал права воинов на родовые вотчины; 2) жаловал новые «лёны» вассалам и служилым людям. За это они обязаны были нести военную службу, привлекать своих крестьян к выполнению трудовой повинности, ремонту крепостей и др. Многие даймё ограничивали отчуждение владений вассалов, устанавливали порядок наследования их статуса и земель.

Масса служилых людей и вассалов не была однородна. Вассалы отличались друг от друга не только размером владений, но и давностью срока службы и степенью зависимости от даймё. Названия различных разрядов вассалов варьировались от княжества к княжеству, в целом можно выделить следующие основные их категории: 1) кровные родственники даймё, боковые ветви его рода; 2) *фудай* — потомственные вассалы; 3) *кунисю* — провинциальные землевладельцы; 4) *такокусю* — недавно покоренные кланы, по сути, принужденные к неравноправному союзу; 5) мелкие самураи и богатые крестьяне (*дзидзамураи*, *дого*). В наследственном услужении у перечисленных разрядов вассалов находились низкоранговые служилые люди — *тюгэн*, *комоно*, *касэмоно* и др.

По приказу даймё составлялись реестры вассалов, в которых фиксировалась доходность их земельных владений или объем полагавшейся военной службы (количество воинов, с которым они были обязаны выходить на войну, их вооружение). В одном из таких документов, составленном в 1559 г. в княжестве Гоходзё («Одаварасю сёрё якутё»), были записаны имена 560 видных вассалов и служилых людей, разделенных на 12 групп, доходность их владений, выраженная в денежном эквиваленте (на ее основе определялись размеры военной и других повинностей), названия селений, принадлежавших им.

Степень контроля над различными по статусу вассальными кланами не была одинаковой. Наиболее тесные связи складывались между наследственными вассалами и даймё. Вместе с тем в пределах княжества *кунисю* сохраняли значительную самостоятельность (дом Кадзура-яма в княжестве Имагава, дома Кисо и Оямада во владениях Такэда и др.). Они сами издавали в своих землях документы, подтверждавшие землевладельческие права, выдавали грамоты, освобождавшие от налогов, и др.

Высокопоставленные вассалы (как *фудай*, так и *кунисю*) жили в своих замках, многие мелкие вассалы — в деревнях. Некоторые из них одновременно строили усадьбы в замке — резиденции даймё. Таким образом, служилые люди даймё не были повсеместно переселены в призамковые города, как в эпоху Токугава. Родовые вотчины и крепости позволяли им пользоваться большой самостоятельностью. *Сэнгоку даймё* не осуществляли столь же систематических перемещений вассалов из одного владения в другое, к которым позднее прибегали Тоётоми Хидэёси и сёгуны Токугава. При этом владения вассала могли быть конфискованы за измену или неисполнение ратной службы.

Сэнгоку даймё, в отличие от Тоётоми Хидэёси, не проводили столь же четкой и последовательной политики по отделению военного дво-

рянства от крестьян, не запрещали им владение оружием. Постоянные военные кампании определяли потребность в увеличении численности армий *сэнгоку даймё*. С этой целью они рекрутировали в вассальную организацию богатых крестьян (*дого*, *мёсю*), которые за несение ратной службы освобождались от податей и повинностей.

Для усиления военного потенциала княжества, упорядочивания вассальных связей и укрепления контроля над деревенской общиной даймё использовали **систему ёриоя-ёрико**. Мелких землевладельцев — самураев — и богатых крестьян в качестве *ёрико* князь подчиняли своим высокоранговым вассалам (обычно *фудай*), в таком качестве именовавшимся *ёриоя*. Во время войны *ёриоя* превращался в военного предводителя, а в мирное время был посредником в княжеском суде для своих *ёрико*, которые могли получать от него земельные наделы или жалованье. При этом даймё сохраняли прямую связь с *ёрико*, позволяя им в исключительных случаях менять *ёриоя*.

Даймё стремились пресечь раздоры между вассалами, угрожавшие их власти и военной мощи княжества. Так, в некоторых сводах периода *Сэнгоку* был установлен принцип *кэнка рёсэйбай* — одинакового наказания как для атаковавшей, так и для защищавшейся в ходе внезапной стычки или ссоры стороны: вплоть до смертной казни (вместе с тем в большинстве кодексов были оговорки, ограничивавшие действие этого закона). Отрицался известный обычно правовой принцип японского Средневековья — самостоятельное, без оглядки на публичную власть использование военной силы для отстаивания своих интересов.

Хотя по сравнению с военными наместниками *сюго* первой половины периода Муромати *сэнгоку даймё* контролировали провинциальные военные кланы намного более эффективно, их власть не была абсолютной. Неписанные принципы взаимоотношений князя и его служилых людей предполагали не только вознаграждение земель за верную службу, но и участие вассалов в управлении княжеством. Кроме того, баланс сил между разными группировками вассалов мог определять выбор наследника даймё.

Частые измены и предательства самураев в эпоху *Сэнгоку* (как и в период Намбокутё), резко контрастирующие с идеалами бусидо эпохи Токугава, можно отчасти объяснить неоднородностью вассального дома. Одни вассалы несли наследственную службу даймё. Другие были покорены или перешли под его власть сравнительно недавно и не были связаны с ним столь же крепкими узами. Помимо преданности господину ключевой ценностью для воинов было сохранение и преумножение могущества своего рода. Если сюзерен не мог устоять перед натиском более сильного удельного правителя, вассалы могли отвернуться от него ради выживания своего клана.

Идеология самурайства была пронизана духом конфуцианства. Идеалы воинов периода *Сэнгоку* выражены в наставлениях Такэда Нобусигэ (1525–1561), хорошо образованного младшего брата Такэда Сингэн, павшего в 4-й битве при Каванакадзима. Они состоят из 99 статей и адресованы старшему сыну Нобусигэ, однако, скорее всего, этот свод наставлений был известен и другим самураям Такэда. Поучения насыщены цитатами из китайской классики, но наиболее часто приводятся изречения Конфуция из «Лунь юй» («Беседы и суждения») — в 35 статьях из 99. Наставления содержат нормы морали и поведения воина. Подчеркивается недопустимость помыслов об измене даймё (ст. 1), ни в большом деле, ни в малом нельзя перечить приказам даймё (ст. 17), не следует домогаться земельных пожалований и наград даймё (ст. 18), донимать князя прошениями (ст. 19), пренебрегать ежедневным появлением на службе (ст. 28). Как бы ни поступил даймё, роптать не подобает (ст. 32). Таким образом, поучения Такэда Нобусигэ внушали самураям важность беспрекословного подчинения воле Такэда Сингэн, преданности даймё. Однако в период *Сэнгоку* при отсутствии у князя необходимых для успешного управления и победоносных войн качеств и элементарной удачливости васалы могли бросить его на произвол судьбы.

В 1580 г. Такэда Кацуёри начал строительство замка Симпу-дзё, куда перенес свою резиденцию из Кофу, который трудно было защищать в случае нападения врагов. Сооружение оборонительных укреплений велось в лихорадочном темпе, но так и не было доведено до конца. Кацуёри в 1575 г. потерпел сокрушительное поражение при Нагасино и готовился к возможному вторжению армии Ода Нобунага и его союзников. Между тем даймё стали предавать могущественные вассалы. Кисо Ёсимаса (?–1595) ранее вынужден был покориться Такэда Сингэн и женился на младшей сестре Кацуёри. Его владения в Синано граничили с провинцией Мино, принадлежавшей Нобунага. В 1582 г. Ёсимаса перешел на сторону дома Ода. Узнав об этом, Кацуёри приказал казнить мать, старшего сына и трех сестер Ёсимаса, отданных ранее в заложники в дом Такэда. Он выступил в поход, желая покарать предателя, но Кисо послал за подмогой к Нобунага и вместе с Ода Нобутада (1557–1582), сыном Нобунага, нанес отрядам Такэда несколько болезненных поражений. Одновременно армия Токугава Иэясу, войдя в Суруга, захватила Сумпу.

Другой видный вассал Такэда, Анаяма Нобукими (?–1582), поддался на посулы Иэясу и вместе с ним вторгся в Каи, центральную часть владений Такэда. По ходатайству Иэясу Ода Нобунага подтвер-

дил права Анаяма Нобукими на его земли. Не исключено, что Нобукими нашел повод для мести: незадолго до этого Кацуёри в нарушение обещания выдал дочь не за сына Нобукими, а за отпрыска своего близкого родича. Наконец, еще одним ударом для Кацуёри стало предательство высокорангового вассала Оямада Нобусигэ (1539—1582), владевшего уездом Цуру в Каи. На военном совете, устроенном вскоре после измены Кисо Ёсимаса, военачальник Санада Масаюки предлагал Кацуёри отступить в один из замков провинции Кодзукэ. Оямада Нобусигэ со своей стороны считал, что даймё лучше укрыться в одной из крепостей в уезде Цуру. Кацуёри согласился со вторым планом. По его приказу был подожжен замок Симпу-дзё, в огне погибли заложники из вассальных кланов. Но когда он со свитой приблизился к землям Оямада Нобусигэ, самураи Оямада встретили Кацуёри и его спутников выстрелами аркебуз. Нобусигэ уже успел выкрасть свою мать, державшуюся в заложниках Такэда. Тогда Кацуёри направился с небольшим отрядом самураев и родственников к горе Тэммокудзан. Постепенно его покинули почти все воины, из 700 человек осталось лишь 40. Кацуёри, его жена и старший сын, которому исполнилось 16 лет, а также приближенные фрейлины покончили с собой. Голову последнего князя Такэда осмотрел Нобунага в 1582 г. во время *куби дзиккэн*, а затем она была выставлена на всеобщее обозрение в Киото. Позднее в 1588 г. по воле Токугава Иэясу на горе Тэммокудзан для упокоения души Такэда Кацуёри и его родичей был построен храм Кэйтокуин.

3.9. Сэнгоку даймё как «государь» удела

Сэнгоку даймё не был лишь сюзереном, которому повиновались вассалы и служилые люди. Он выступал в качестве носителя высшей публичной власти в своем княжестве. Полномочия даймё как верховного судьи, законодателя, распорядителя земельного фонда были гораздо шире компетенции утверждавшегося *бакуфу* военного наместника. Наконец, *сэнгоку даймё* в отличие от *сюго* проводили независимую внешнюю политику, по своему желанию вели войны и заключали перемирия, договариваясь о разграничении владений с соседями.

Даймё правил уделом, опираясь на сравнительно небольшой административный аппарат, посты в котором были распределены между его потомственными служилыми людьми. При этом в ряде уделов названия многих должностей восходили к Камакурскому сёгунату и Муромати бакуфу: например — *хёдзёсю* — группа могущественных и наиболее близких к даймё вассалов, составлявших совет при его особе.

Многие даймё напрямую устанавливали связи с крестьянскими общинами, минуя вассалов-землевладельцев. В княжествах Гоходзё и Имагава законодательно признавалось право крестьян обращаться к даймё с иском против своего господина. Даймё Имагава и Такэда запрещали вассалам конфисковывать земельный надел крестьянина до тех пор, пока он исправно уплачивал *нэнгу* и исполнял иные повинности в их пользу. Для даймё крестьяне в определенной степени были не просто частнозависимыми земледельцами, но подданными. Вместе с тем вмешательство даймё в отношения землевладельцев и крестьян можно рассматривать и как проявление политики по ограничению автономии вассалов от княжеской власти. Однако такое вмешательство было неполным, и его степень варьировалась от одного княжества к другому. На своих землях вассалы сохраняли значительную автономию.

Распад системы *сёэн* после смуты годов Онин-Буммэй достиг своего апогея. Земли и административные посты *сёэн* повсеместно переходили под контроль даймё и провинциальных воинов. Столичные патроны и владельцы *сёэн* не были в состоянии собрать *нэнгу* с тех земель, которые еще им принадлежали. Их управляющие не могли заставить крестьян исполнять повинности, а иногда сговаривались с ними для уклонения от выплаты *нэнгу*. По требованию собственников *сёэн бакуфу* направляло приказы о выплате оброка, которые нередко игнорировались.

На фоне упадка старой вотчинной системы крестьянские общины (*со*) по-прежнему пользовались широкой автономией, которой они добились в период Муромати.

Общины не были внутренне однородными. К деревенской верхушке принадлежали деревенские самураи (*дзидзамураи*), богатые крестьяне (*мёсю*, *дого*), нередко поступавшие на службу к князю и его вассалам. Вся крестьянская община платила *нэнгу* и другие поборы землевладельцу, а также подати даймё. Вместе с тем *мёсю* и мелкие самураи, проживавшие в деревне, взымали с крестьян в свою пользу ренту *кадзиси токубун*. Исторически *кадзиси токубун* появилась в результате подъема производительных сил японской деревни в XIV–XV вв. *Нэнгу* за это время существенно не изменился, появившиеся излишки сельскохозяйственных продуктов стали присваиваться зажиточными *мёсю* и *дзидзамураями*. *Сэнгоку даймё* использовали самоуправляющуюся крестьянскую общину для взимания податей и обеспечения правопорядка на местах.

Основными формами социальной борьбы было бегство отдельных крестьян или уход целых общин со своей территории. Крестьяне также отказывались платить годовой оброк (*нэнгу*) или княжеские подати, оказывали сопротивление сборщикам налоговых недоимок.

Земли в княжестве делились на домен даймё (важнейшие городские поселения, рудники, владения, конфискованные у изменников и преступников, родовые вотчины даймё) и земли вассалов, провинциальных храмов и святилищ. Крестьяне из домена вносили годовой оброк в казну даймё, а из «частных» владений — вассалам или храмам. Кроме того, все крестьянские общины платили даймё подати: *тансэн* (с заливных рисовых полей) и *мунабэцусэн* (с каждого дома). Общинники по княжеской воле также обязаны были исполнять трудовую повинность, прежде всего при строительстве и ремонте крепостей, доставлять провиант в замки и в армию. Они должны были периодически сопровождать своих господ во время военного похода в качестве вспомогательной рабочей силы. Бежавших от податного гнета крестьян законы даймё предписывали возвращать на прежнее место жительства. Во время войн деревни нередко подвергались жесткому разграблению, а попавшие в плен жители продавались в рабство.

Многие даймё стремились к более полному учету земельного фонда княжества, проводя обмеры земли, *кэнти*, и составляя кадастры. В этом отношении они были предшественниками Тоётоми Хидэёси, который в масштабе всей Японии провел тщательную регистрацию земельных угодий. Однако *сэнгоку даймё* не прибегали к систематическому учету всей земли всего своего княжества, ограничиваясь отдельными областями и вновь завоеванными территориями. В уделе Гоходзё *кэнти* осуществлялись с 1506 г., при смене главы клана Гоходзё проводились новые обмеры земли в сравнительно обширных районах.

Тоётоми Хидэёси и по его приказу даймё направляли во все области страны специальных эмиссаров для измерения площади и доходности земельных угодий. *Сэнгоку даймё*, за исключением дома Гоходзё, лишь в редких случаях (например, при решении тяжбы или получив донесение о сокрытии земельных излишков) посылали своих должностных лиц на места для осуществления землемерных работ. Они полагались на сведения, поступающие от вассалов, как правило, их не проверяя. Доходность земли оценивалась *сэнгоку даймё* как в денежном эквиваленте (система *кандака*), так и в *коку* риса (1 *коку* = 180 л), а при Хидэёси только в *коку* риса (для любых типов сельскохозяйственных угодий). На основе данных из земельных кадастров даймё определял объем военной и других повинностей своих вассалов, а также объем

«удельно-государственных налогов», которыми облагались крестьянские деревни.

Некоторые *сэнгоку даймё* упорядочивали судебно-административную систему уделов, издавая законодательные уложения: «Имагава канамокуроку» («Перечень [законов] дома Имагава, [записанных] каной», 1526 г.); «Дзинкайсю» («Собрание множества соринков», клан Датэ, 1536 г.); «Косю хатто-но сидай» («Законы провинции Каи», дом Такэда, 1547–1554 гг.) и др. Содержание этих кодексов различно. Так, в «Имагава канамокуроку» даймё возвышался над вассалами, создавая для них предписания и законы, а в «Роккаку-си сикимоку» («Свод законов клана Роккаку», 1567 г.) княжеская власть серьезно ограничивалась; этот свод был, по сути, договором, содержащим взаимные обязательства даймё и его служилых людей. Законодательные уложения *сэнгоку даймё* включали в себя описание судебных процедур, уголовного правосудия, принципы экономической политики, что относится к компетенции публичной власти, стоящей над интересами отдельных социальных групп.

Наконец, в законодательных уложениях и отдельных указах даймё заявляли о своей исключительной власти над всеми жителями своего княжества безотносительно их сословного положения, стремясь поставить под надзор все их связи с «внешним» по отношению к уделу миром. Так, декларировался запрет на заключение брачных связей и обмен без санкции даймё посланиями с жителями других провинций.

Во внутренней политике даймё стремились ограничить административные и налоговые иммунитеты, распространенные в предшествующий период (право *фуню*). Подобные привилегии ранее получали от сёгуната военные дома, храмы и святилища. Владельцы земель, имевших статус *фуню*, полностью или частично освобождались от уплаты податей и не допускали в свои вотчины слуг *сюго* для розыска преступников.

В целом даймё выступали гарантами «религиозного мира» внутри княжества. В законодательных сводах даймё запрещались споры о вероучении между буддийскими школами. Очевидно, что этот запрет был призван предотвратить конфликты и столкновения между различными школами и направлениями буддизма, которые неоднократно происходили в период «воюющих провинций». *Сэнгоку даймё* считали благосклонность синтоистских божеств, будд и бодхисаттв залогом успеха в войне, процветания княжества. Чтобы ее снискать, святилищам и храмам передавались щедрые пожертвования и обширные земельные угодья. Вместе с тем воины даймё могли подвергнуть храмы во враждебных уделах разграблению.

3.10. Развитие экономики. Рост городов

В 1450–1600 гг. население Японии увеличилось с 10 млн до 15–17 млн человек. Во второй половине XV–XVI в. в стране наблюдался рост производительных сил: совершенствовалась техника сельскохозяйственного производства, росли урожаи, собиравшиеся с заливных и суходольных полей. Получило широкое распространение хлопководство, выращивание таких технических культур, как перилла и кунжут (использовались для изготовления масла для светильников). В Японию были завезены арбузы, батат, табак. Прогресс в сельскохозяйственном производстве стал предпосылкой роста количества городов: в 1450–1600 гг. было основано более 150 новых городов (призамковых, прихрамовых и т.п.).

Производство ремесленных изделий и торговлю стимулировали в том числе военные конфликты. Даймё испытывали непрестанную потребность в деньгах, провианте, оружии, обмундировании для армии, строительстве крепостных сооружений, что предопределило их заинтересованность в развитии ремесла и торговли. Удельные князья издавали законы для регулирования торговли, стремясь унифицировать в своих уделах единицы меры и веса, запрещая вывоз стратегически важных товаров (например, древесины или железа). Напротив, облегчались условия для ввоза дефицитных товаров. Даймё поощряли создание «свободных ярмарок» (*ракуити*), вводя для них специальные установления, освобождавшие от пошлин и гарантировавшие безопасность торговцев, предохранявшие от злоупотреблений княжеских должностных лиц.

Удельные правители стремились не выпускать из своих рук контроль над торговлей, поручая блюсти свои интересы доверенным купеческим домам (*гоёсёнин*), которые получали особые привилегии. Нередко они вели торговые операции не только в других областях Японии, но и за ее пределами.

В провинции Этиго близкие к даймё Уэсуги торговцы Курата происходили из странствующих и просящих подаяние монахов (*оси*) святилища Исэ, вовлеченных в торговлю. Через Курата в столичный регион сбывались ткани из бемерии древесной (Этиго-фу), которыми славилась земля Этиго. Курата Городзаэмон ведал казной Уэсуги Кэнсин, который также поручал ему временное управление городом Фунай (Футю). Он же отвечал за обложение пошлинами торговли тканями Этиго-фу. В княжестве Такэда высокое положение занимала семья Хаттамура. Хаттамура вели торговые операции в отдаленных от удела

землях. Доверенные купцы и ростовщики управляли *окура*, княжескими складами и хранилищами, располагавшимися вдоль главных дорог удела Такэда, где накапливались рис и деньги, собранные в качестве податей. Из *окура* могли выдаваться займы жителям княжества, при выступлении в поход войско получало оттуда провиант.

Даймё Такэда оказывали покровительство ремесленным объединениям: рудокопам, плотникам, каменщикам, кожевникам, мастерам оружейникам и др.

Создание и поддержание в порядке дорог и мостов, а также системы постоянных дворов и почтовых станций (*сюку эки*) — характерная особенность политики многих *сэнгоку даймё*, стремившихся обеспечить хорошие условия для переброски военных отрядов, передвижения своих гонцов и купцов.

Сэнгоку даймё, нуждавшиеся в финансовых средствах для войны, активизируют разработку рудников. По всей Японии появлялись медные, серные, золотые, оловянные прииски. В 1526 г. купец из Хаката по имени Камия Дзютэй начал с согласия князя Оути добычу серебряной руды в провинции Ивами. Вскоре там стал использоваться заимствованный из Китая новый метод выплавки серебряной руды — купелирование, заключавшееся в плавке серебряной руды со свинцом для удаления примесей. Вскоре купелирование стало применяться на золотых и серебряных копях по всей Японии. Серебряные рудники в Ивами стали объектом ожесточенной борьбы между даймё, в том числе Мори и Амаго. В 1562 г. ими овладели Мори. Рудокопы по приказу даймё участвовали в военных действиях, получая взамен частичное освобождение от податей. Так, дом Такэда использовали Канаяма-сю, добывавших золотую руду в провинции Каи, для подкопа под укрепления и осушения источников воды во вражеских крепостях.

Продолжается начавшееся в первой половине эпохи Муромати развитие городов. Военно-политические потребности определяли развитие призамковых городов (*дзёкамати*) и поселений близ почтовых станций. После смуты годов Онин-Буммэй многие *сюго* возвращаются в свои провинции. Вокруг укрепленных ставок *сюго* увеличиваются в размерах призамковые поселения, в отличие от административных центров провинций эпохи Хэйан и Камакура тесно связанные с локальной экономикой. Прямоугольные по форме усадьбы *сюго* строятся в подражание резиденциям сёгунов Асикага и канрёй Хосокава и располагаются в центральной части ставок военных наместников.

Некоторые резиденции *сэнгоку даймё* развиваются на месте прежних ставок *сюго*, но часто строятся новые удельные столицы, возле которых формируются призамковые города. В 1519 г. Такэда Нобутора (1494–1574) перенес свою резиденцию из Исава в Цуцудзигасаки (Кофу), вскоре поблизости начал расти город, появились усадьбы вассалов, храмы и святилища. Решение Нобутора было связано с тем, что Цуцудзигасаки было проще оборонять от врагов, чем старую резиденцию *сюго* провинции Каи. Кофу оставалось местопребыванием даймё до 1581 г., когда Такэда Кацуёри перенес его в замок Симпу-дзё. В 1495 г. Ходзё Соун захватил замок Одавара и сделал его своей резиденцией. Около столицы княжества быстро вырос город, ставший экономическим центром удела Гоходзё. Большое призамковое поселение развивается и близ замка Коорияма, резиденции дома Мори.

Местопребыванием даймё Асакура, сместивших своих господ — военных наместников дома Сибя, со смуты годов Онин-Буммэй стал город Итидзёдани в провинции Этидзэн. Асакура Садакагэ (1473–1512) смог укрепить положение своего дома в Этидзэн. В 1506 г. он побывал в Киото, где заказал изготовление ширм с видами столицы. Итидзёдани повторял в своей планировке столицу. Примерно в начале XVI в. там начинают формироваться городские кварталы. Даймё Асакура гостеприимно встречали приезжавших из столицы и Нара аристократов, монахов, образованных людей и мастеров различных искусств. Так, Асакура Ёсикагэ (1533–1573) оказал радушный прием будущему сёгуну Асикага Ёсиаки. В 1573 г. во время войны с Ода Нобунага Итидзёдани сгорел.

Четыре столетия спустя в 1967 г. начались археологические раскопки, которые помогли воссоздать картину блестящего расцвета призамкового города, столицы княжества Асакура. Поселение вытянулось на четыре километра в узкой долине вдоль притока реки Асугава. С севера, юга, запада и востока подступы к нему охраняли четыре хорошо укрепленных замка. Итидзёдани был построен по четко продуманному плану. В центральной части располагалась резиденция Асакура общей площадью 6400 кв. км, представлявшая собой комплекс из 17 зданий, окруженный с трех сторон рвом и земляной насыпью. От резиденции расходились широкие (6 — 9 м) дороги. По обеим сторонам дорог возвышались храмы, а также примерно 300 усадеб вассалов и домов, принадлежавших ремесленникам и торговцам. Население Итидзёдани, по оценкам историков, насчитывало не меньше 10 тыс. человек. В 14-й статье наставлений, при-

писываемых Асакура Такакагэ (1428–1481), провозглашается запрет на строительство замков в Этидзэн, вассалов, обладавших землями с большим доходом (*бугэн аран моно*), обязывали переселяться в Итидзэдани, оставляя в деревнях доверенных лиц (*дайкан*). В целом, за исключением Итидзэдани и нескольких других удельных центров, для периода *Сэнгоку* не характерна концентрация вассалов даймё в призамковых городах, что было типичным явлением эпохи Токугава. Неясно, какие именно категории вассалов селились в *дзёкамати*. Кроме того, могущественные воины жили там не все время, обладая резиденциями в собственных замках.

Экономические факторы лежали в основе распространения прихрамовых городов, поселений вокруг ярмарок и у гаваней. Жители деревни нуждались в стабильном и достаточно емком рынке для сбыта излишков своей продукции, каковым во все большей степени становился город. Храмовые города *дзинаймати* вырастали со 2-й половины XV в. вокруг храмов школ Икко-сю (отчасти и Хоккэ-сю). Часто окруженные земляными укреплениями и рвом, они были звеньями религиозно-политической сети, объединявшей последователей Икко-сю. Связь с храмами могла уберечь городские поселения от нападения воинов и посягательств светских властей, поскольку их территория находилась под покровительством храмов или святилищ. От *дзинаймати* обычно отличают возникшие в более раннее время *мондзэнмати* — поселения «около ворот» храмов и святилищ, ориентированные на обслуживание паломников и верующих. Типичными примерами *дзинаймати* можно считать Ёсидзаки (провинция Этидзэн), Ямасина (провинция Ямасиро), Осака (Исияма, провинция Сэтцу), служившие местопребыванием глав школы Дзёдо синсю (Икко-сю). Центр Икко-сю в Ямасина был окружен каменной стеной, а также земляной насыпью и рвом. На равнине вокруг *дзинаймати* были разбросаны самоуправляющиеся крестьянские общины, объединенные с ним экономическим взаимодействием. После 1532 г. вокруг Осаки, куда из Ямасина был перенесен центр Икко-сю, возникает сеть экономически связанных с ним храмовых городов, имевших сходные привилегии: освобождение от повинностей, защита от злоупотреблений войск и простолюдинов.

В Киото, который постепенно стал возрождаться после войны годов Онин-Буммэй, в 1530 — начале 1550-х годов развиваются элементы городского самоуправления. Столица по-прежнему делилась на северную (Камигё) и нижнюю (Симогё) части, которые, в свою очередь, со-

стояли из кварталов (*мати*). Императорский дворец и резиденция сёгунов Асикага (с 1378 г.) располагались в северной части. Объединения горожан, появившиеся в кварталах города (*тёгуми*), сообща отстаивали свои интересы перед сеньорами (*бакуфу*, храмами или аристократами). Территория каждого квартала была защищена рвом и стеной с воротами. Жители кварталов при необходимости могли составлять вооруженные отряды. Похожие городские автономные структуры существовали и в некоторых городах Центральной Японии, например в Сакаи (провинция Идзуми). Храмовые города (*дзинайтё*) также обладали определенной внутренней самостоятельностью.

При сравнении истории городов Японии и Европы нельзя не признать, что в средневековой Японии отсутствовали аналог коммунального движения в городах Западной Европы за автономию от сеньоров (XII — XIII вв.), хорошо разработанная система городского права и суда как выражения самостоятельности и самоуправления городских общин. Города с широкой автономией, подобные Сакаи, — скорее исключение, чем правило в истории позднесредневековой Японии. Сеньоры, будь то столичные аристократы, могущественные храмы и святилища, или же *бакуфу*, *сэнгоку даймё* достаточно жестко регламентировали распорядок жизни и деятельность жителей городских поселений. Все вышесказанное, однако, нисколько не умаляет роли японских городов как экономических, культурных и политико-административных центров своего времени.

3.11. Крестьянские общины периода Сэнгоку

Наделенные немалой внутренней самостоятельностью деревенские общины в эпоху смут и междоусобиц существовали на всей территории Японии. Центром общины (*со*) было святилище. Дома крестьян располагались неподалеку от него — в пределах слышимости ударов барабана в святилище. Барабан созывал жителей села на собрание, часто проходившее в святилище, где обсуждались важные вопросы из жизни деревни. Здесь же устраивались ежегодные празднества и церемонии, которые объединяли всех крестьян. В засуху в местном храме возносились молитвы о дожде. Община ведала рисовыми полями святилища, повинности с которых обычно не уплачивались владельцу вотчины, а шли на устройство синтоистских празднеств и церемоний. Общинники являлись членами *миядза* — объединения «прихожан» синтоистского святилища. Преимущественно ими были взрослые мужчины, владевшие своими домами и обладавшие определенным достатком. Верхний слой *миядза* играл руководящую роль в деревне.

Община поддерживала в надлежащем порядке оросительные системы, заботилась о сооружении плотин. В случае неурожая из-за засухи или наводнения она самостоятельно вела переговоры с представителями патрона *сёэн* о снижении *нэнгу*. Если договориться не удавалось, крестьяне могли всей общиной покинуть деревню. Когда один из крестьян не мог внести свою часть годового оброка, община платила за него. Документы, относящиеся к выплате *нэнгу*, бережно хранились общинами. Именно крестьяне, а не патрон *сёэн* располагал наиболее точной информацией о площади и границах возделываемой земли и ее доходности. Общины могли иметь собственную роспись (*као*) для удостоверения документов. На сходках крестьян, обычно являвшихся собственниками усадеб и членами *миядза*, могли приниматься установления (*окитэ*, *окибуми*), регулировавшие внутреннюю жизнь *со*. Они касались использования горных и лесных угодий, купли-продажи земли, расходов на проведение синтоистских и буддийских празднеств и священнодействий, улаживания конфликтов, борьбы с преступностью и др. Нарушители общинных порядков штрафовались или изгонялись из общины.

В законах проявлялось, с одной стороны, стремление сохранить и укрепить общинные традиции, а с другой стороны, мелочное вмешательство в жизнь жителей деревни, исключение из ее жизни чужаков. Примером подобных правил являются уложения 1489 и 1502 гг. общины Имабори в провинции Оми, зависевшей от монастыря Энрякудзи.

В эпоху *Сэнгоку* общины задерживали, судили и наказывали за преступления на своей территории, при этом стремясь насколько возможно не допустить вмешательства своего землевладельца или даймё. Правонарушителей нередко карали на основе местных обычаев, которые не были полностью прописаны в деревенских писаных установлениях.

Интересные сведения об общинном самоуправлении содержатся в дневнике «Масамото котаби хикицукэ» кисти бывшего *кампаку* Кудзё Масамото (1445–1516), в котором автор описывает, в частности, свое пребывание в родовой вотчине Хинэно-сё в провинции Идзуми с 1501 по 1504 г. Столичный аристократ пытался на месте заниматься делами *сёэн*, на доходы которой посягали *сюго*, провинциальные воины и храм Нэгородзи. Вотчина состояла из двух деревень, местопребыванием Масамото был буддийский храм в деревне Ириямада, объединявшей четыре села. В дневнике приводится несколько случаев из жизни Ириямада. В 1502 г. двоих монахов уличили в расхищении храмового риса. Один

из воров оказал сопротивление и был убит крестьянами, второго задержали. Масамото упомянул о его казни, несмотря на просьбы родственников о пощаде. В действительности же вопреки изначальной воле Масамото второму преступнику сохранили жизнь, о чем свидетельствуют другие источники.

1503 год выдался неурожайным, многие умирали от голода, живые, чтобы прокормиться, искали в горах корни папоротника (*вараби*), измельчали их, вымачивали в речной воде и ели. Вскоре был схвачен один из местных крестьян, укравший у соседа мешок риса, общинники убили его на месте. Затем они получили согласие Кудзё Масамото на передачу в ведение деревни имущества преступника, чтобы со временем его унаследовал малолетний сын казненного. В 1504 г. наиболее именитые жители села собрались по случаю очередного празднества в резиденции вотчинника. У одного из старейшин украли короткий меч без гарды. Масамото приказал присутствовавшим на празднике явиться в синтоистское святилище и пройти «божий суд» (*югисё*). Испытуемые поочередно опускали руку в котел с кипятком и доставали камень. Виновным признавался получивший сильные ожоги руки. «Выявленного» в ходе ордалии преступника казнили, Масамото настоял на том, чтобы его дом остался за малолетним сыном. Тем не менее позднее крестьяне ворвались в жилище семьи казненного вора, лишили жизни его жену и двоих детей, а дом сожгли.

В том же 1504 г. крестьяне застали на месте преступления тех, кто крал истолченные корни папоротника. Преступники оказались детьми одной из служительниц (*мико*) синтоистского храма. Общинники предали смерти мать и троих ее детей. Масамото эта расправа показалась чрезмерно жестокой, хотя он и одобрял наказание воров. Через месяц с лишним снова были убиты шесть или семь воров, включая детей. Данные дневника свидетельствуют о том, что члены общины Ириямада нередко своими силами задерживали и наказывали преступников, а вотчинник вынужден был признавать решения крестьян. Кроме того, Масамото учитывал локальные нормы обычного права, предусматривавшие убийство вора, застигнутого на месте преступления, безотносительно ценности краденого.

3.12. Связи с внешним миром

В 1516 г. сёгун даровал дому Оути, который помог ему вернуть власть, право ведать отправкой судов в Китай в рамках лицензионной торговли. В 1523 г. в китайский порт Нинбо прибыли две торгово-дипломатические миссии, посланные Хосокава Такакуни и Оути Ёсиоки. Один из посланников Такакуни преподнес дары китайским чиновникам, чтобы получить преимущества перед конкурентами. После этого люди дома Оути убили главного посланника Хосокава и сожгли

корабль соперников. Этот инцидент произошел на фоне острой торговой конкуренции между домом Хосокава, связанным с купцами города Сакаи, и кланом Оути, который поддерживал купцов из Хаката. В итоге Оути монополизировали торговлю с Китаем и снарядили очередную миссию в 1539 г. В 1547 г. по приказу Оути Ёситака (1507–1551) 4 корабля отплыли в империю Мин. Однако китайские власти не позволили японцам сойти на берег, поскольку по правилам за десять лет могла быть допущена только одна миссия. Лишь в 1549 г. японцев официально приняли в Пекине. В 1551 г. в результате бунта своего вассала Суэ Харуката даймё Оути Ёситака был вынужден совершить самоубийство. В 1556 г. Оути Ёсинага (1532–1557), ставленник Харуката, отправил посланца в Китай, чтобы просить о возобновлении контактов, но получил отказ, так как китайцы посчитали его узурпатором. Лицензионная торговля с Китаем была прервана.

В XVI в. Япония впервые соприкоснулась с цивилизацией Запада. Период с 1540-х по 1630-е годы, когда в Японию проникло христианство, произошло знакомство с европейской культурой, были налажены торговые связи с западными купцами, нередко именуется «христианским столетием». В 1543 г. португальские торговцы высадились на островке Танэгасима, расположенном южнее Кюсю, став первыми европейцами, прибывшими в Японию. Португальцы привезли в Японию европейское огнестрельное оружие — аркебузы с фитильным замком, которые японцы усовершенствовали и научились производить. Отряды *асигару*, вооруженные аркебузами, появились в армиях многих *сэн-гоку даймё*, что вызвало кардинальные изменения в военной тактике и стратегии второй половины XVI в.

Первые упоминания о применении в реальном бою огнестрельного оружия в Японии относятся к 1549 г. В провинции Осуми столкнулись войска дома Симадзу и Кимоцуки Канэхиро (?–1552), воины которого стреляли во врагов не только из луков, но и из аркебуз. Несмотря на обладание огнестрельным вооружением, Кимоцуки Канэхиро потерпел в решающей битве поражение и признал сюзеренитет Симадзу. В 1555 г. при штурме замка Асахияма в провинции Синано Такэда Сингэн задействовал 300 вооруженных аркебузами воинов. Массовое использование аркебуз воинами Ода Нобунага было одной из причин разгрома армии Такэда Кацуёри в битве при Нагасино (1575 г.).

Первые миссионеры — иезуит **Франциск Ксавье** (1506–1552) с двумя помощниками — высадились в 1549 г. в Кагосима на Кюсю. В 1563 г. в христианство был обращен первый даймё — один из князей Кюсю Омура Сумитада (1533–1587), а в 1578 г. — Отомо Сорин

(1530–1587), один из наиболее могущественных даймё этого острова. Японские князья были заинтересованы в выгодной торговле с португальцами, что стало одной из главных причин их благосклонности по отношению к проповедникам новой веры. По некоторым оценкам, в 1569 г. в Японии насчитывалось 20 тыс. христиан, а в 1601 г. — уже 300 тыс.

Важную роль в укреплении позиций христианства сыграл генерал-викарий и куратор Восточной Индии ордена иезуитов **Алессандро Валиньяно** (1539–1606), трижды побывавший в Японии и встречавшийся с Ода Нобунага. Он предписал проповедникам адаптироваться к местной культуре, изучать японский язык и обычаи. В 1580 г. Омура Сумитада даровал иезуитам порт Нагасаки с окружающей его областью, после чего иезуиты стали вкладывать средства в прибыльную торговлю шелком между Макао и Нагасаки. При создававшихся христианских церквах, часть которых возникла на месте разрушавшихся христианскими даймё буддийских храмов и синтоистских святилищ, основывались начальные школы. По распоряжению Валиньяно началась подготовка проповедников из числа самих японцев. С этой целью было решено образовать семинарии, колледжи и академии.

3.13. Культура периода Сэнгоку

После смуты годов Онин был сожжен дотла Киото, многие столичные аристократы, священнослужители, мастера искусств стали перебираться в провинциальные городские центры, где им оказывали покровительство *сэнгоку даймё*. Таким образом, ускорилось распространение элитарной столичной культуры на периферии. Главные города уделов превращались в важные культурные центры. Правитель шести провинций Юго-Западной Японии Оути Масахиро вел активное строительство в Ямагути, столице своего обширного княжества. Он покровительствовал замечательным мастерам — поэту Соги (1421–1502), живописцу Сэсю (1420–1506) и др. В Восточной Японии школа Асикага (*Асикага гакко*) по-прежнему была важным центром просвещения и крупнейшим образовательным учреждением страны, находившимся под патронажем дома Гоходзё.

Многие *сэнгоку даймё* увлекались чтением китайских классических сочинений, в особенности военных трактатов, высоко ценили японские литературные шедевры. В Сумпу, главном замке дома Имагава, ежемесячно устраивались поэтические собрания. Хатакэяма Ёсифуса (1491–

1545), даймё земли Ното, за баснословную сумму в 20 тыс. медных монет купил у придворного аристократа Сандзёниси Санэтака (1455–1537) рукопись «Гэндзи моногатари» («Повесть о принце Гэндзи»). Сандзёниси был буквально завален просьбами провинциальных воинов о копировании книг. Киккава Мотохару во время войны против клана Амага переписал все 40 свитков «Тайхэйки». Раскопки Итидзёдани, столицы княжества Асакура, начавшиеся в 1967 г., показали колоссальное влияние культурных традиций Киото на архитектуру храмов и планировку садов, внутреннее убранство усадеб, найденные там предметы домашнего обихода, утварь и т.д.

Японская культура в XVI в. испытала воздействие западной: в Японию стали поступать европейские медикаменты, предметы домашнего обихода и роскоши. Японцы получили представление об основах европейских наук. В 1582 г. христианские даймё острова Кюсю направили в Европу посольство из японских мальчиков, которое в 1585 г. было принято папой римским Григорием XIII (1501–1585).

В литературе сохраняли популярность воинские повести, главы военных домов составляли для своих родичей и вассалов наставления (*какун*), в которых могли содержаться политические рекомендации, определялись моральные принципы, нормы повседневного поведения. Расцвет переживала поэзия сцепленных песен (*рэнга*), среди ее мастеров прославились Соги и Сатомура Дзёха (1525–1602), Сокан (?–1540) и Аракида Моритакэ (1473–1549). Свою классическую форму обрела чайная церемония (*тяноу*), основополагающие каноны которой были установлены Сэн-но Рикю (1522–1591).

В изобразительном искусстве намечается некоторый отход от религиозных мотивов и обращение к человеку. К числу ведущих художественных школ принадлежали Кано, Ункоку, Хасэгава.

Сёгун Асикага Ёсимаса в 1483 г. поселился в новой усадьбе в Хигасияма в Киото, частью которой был **Гинкакудзи** («Серебряный павильон»); в его архитектуре сочетались черты дворцового стиля *синдэн* с элементами стиля *сёин дзукури*. *Сёин дзукури* стал отправной точкой для создания организации внутреннего пространства японского дома.

В эпоху «воюющих провинций» происходит повсеместное совершенствование крепостных сооружений, строительство мощных каменных замков, часть которых возводилась с учетом правил европейской фортификации.

4. Эпоха Адзуты-Момояма (1573–1603)

4.1. Начало объединения Японии: первые победы Ода Нобунага

Провинция Овари, военными наместниками которой изначально были представители рода Сиба, после смуты годов Онин перешла под контроль клана Ода, возводившего свое происхождение к Фудзивара. В ходе ожесточенного противостояния внутри дома Ода возвысился представитель одной из младших линий Ода Нобухидэ (1510–1551). Его сын **Ода Нобунага (1534–1582)** после смерти отца одержал верх над соперниками из своего клана, проявив таланты блестящего стратега и полководца. В 1559 г. Нобунага удалось завершить объединение провинции Овари под своей властью. В 1560 г. в битве при Окэхадзама в Овари отряды Ода Нобунага наголову разбили многократно превосходившие их по численности силы Имагава Ёсимото, могущественного даймё, владевшего провинциями Суруга, Тотоми и Микава. В дальнейшей экспансии Нобунага опирался на заключенный в 1562 г. союз с Мацудайра Мотоясу (Токугава Иэясу, 1542–1516), одним из даймё провинции Микава, состоявшим прежде в вассальной зависимости от клана Имагава. Нобунага главенствовал в этом альянсе. В 1567 г. Нобунага завершил подчинение провинции Мино.

В 1565 г. сёгун Асикага Ёситэру погиб в сражении с атаковавшими его усадьбу отрядами вассалов Миёси Ёсицугу, преемника фактического властителя Центральной Японии Миёси Нагаёси. После этого в Японии почти три года не было сёгуна. Претендентом на верховную власть в *бакуфу* стал Асикага Ёсиаки, младший брат Ёситэру, отказавшийся от монашеского пострига и разославший по Японии письма, в которых требовал от даймё выступить в поход на Киото. Между тем в 1568 г. при поддержке вассалов Миёси 14-м сёгуном был объявлен Асикага Ёсихидэ (1538–1568), двоюродный брат Ёсиаки.

Откликнувшись на призыв **Асикага Ёсиаки**, в 1568 г. Нобунага вошел в Киото, преодолев сопротивление клана Миёси и его союзников. Ёсиаки был объявлен сёгуном. Нобунага не принял ни один из постов, предложенных Ёсиаки, в том числе пост *канрэй*, предпочитая оставаться вне должностной иерархии сёгуната. Опираясь на авторитет сёгуна, Нобунага устанавливал свое господство в центральных провинциях.

Реальную административную и полицейскую власть в столичных провинциях осуществляли вассалы Нобунага, а не приближенные сё-

гуна. Ёсиаки не назначал там военных наместников (*сюго*). Сёгун и его слуги утверждали право владения землей, а также исполняли судебные функции под контролем Нобунага. Таким образом, поставив Ёсиаки во главе *бакуфу*, Нобунага ограничил его власть и не намеревался восстанавливать старую систему управления, при которой сёгун правил Японией, опираясь на *сюго*. В 1570 г. Нобунага навязал Ёсиаки «предписания» из пяти пунктов, в которых закреплялся подчиненный по отношению к объединителю Японии статус сёгуна.

Ёсиаки не оставлял надежды освободиться из-под опеки Нобунага и установил связь с его недругами. Серьезными противниками Нобунага оказались кланы Адзай (север провинции Оми) и Асакура (провинция Эттидзэн), заключившие между собой союз. В 1570 г. Нобунага разгромил в битве при Анэгава в провинции Оми их объединенную армию. Против Нобунага выступил и настоятель Хонгандзи Кэннэ, призвав к восстанию монахов и последователей школы Икко различных областей Японии. В 1571 г. Нобунага сжег дотла Энрякудзи, один из наиболее могущественных в Японии монастырей, истребив почти всех его защитников. Уничтожение этого храмового комплекса иногда ошибочно рассматривают как проявление курса Нобунага на искоренение связанных со «старым» социально-политическим порядком сил, тогда как причина карательной акции состояла в ином: Энрякудзи присоединился к альянсу Адзай и Асакура, за что Нобунага решил его «покарать». Вместе с тем сожжение Энрякудзи должно было устрашить школу Икко.

В 1572 г. оформилась враждебная Нобунага коалиция, ядром которой были силы **Хонгандзи, даймё Такэда Сингэн, Асакура Ёсикагэ (1533–1573) и Адзай Нагамаса (1545–1573)**.

В то же время Нобунага заключил союз с правителем Этиго Уэсуги Кэнсин, прося его напасть на владения Такэда в Синано и Кодзукэ. Однако Кэнсин не смог оказать действенной помощи Нобунага, поскольку воевал в Эттю и Кага с приверженцами Икко, а в области Канто сдерживал натиск домов Гоходзё и Такэда, заключивших союз.

Между тем Такэда Сингэн в 1572 г. выступил в масштабный военный поход на запад и в 1573 г. разгромил союзную армию Ода и Токугава в битве при Микатагахара (провинция Тотоми), но в том же году умер из-за болезни. Победа Сингэн подтолкнула Ёсиаки к открытой конфронтации с Нобунага в 1573 г., которая окончилась поражением сёгуна. Нобунага отослал его в провинцию Кавати в за-

мок одного из своих противников. Вскоре Асикага Ёсиаки появился в провинции Бинго, принадлежавшей дому Мори, и продолжил борьбу с Нобунага.

Изгнание сёгуна из Киото означало конец существования Муромати *бакуфу*.

Нобунага ходатайствовал перед императором Огимати (1517–1593) о смене девиза правления, после чего девиз правления Гэнки был сменен на Тэнсё («небесная справедливость»). Вслед за этим Нобунага захватил твердыню клана Асакура Итидзётани, уничтожив этот клан, а затем сокрушил дом Адзаи. Таким образом, распался первый альянс, противостоявший Нобунага.

В 1575 г. Ода Нобунага и Токугава Иэясу разбили Такэда Кацуёри, наследника Такэда Сингэн, в знаменитом **сражении при Нагасино** (провинция Микава). В том же году провинция Этидзэн была потеряна Нобунага в результате восстания Икко-икки, однако ему быстро удалось ее вернуть. После этого Нобунага разделил Этидзэн между своими вассалами и ввел уложение из девяти статей для управления ею. В дальнейшем он принимал похожие предписания и для других провинций. В них, в частности, провозглашалась отмена таможенных застав в Этидзэн, как и в остальных владениях Ода.

В конце 1575 г. Нобунага уступил место главы клана Ода вместе с провинциями Овари и Мино своему сыну Нобутада (1557–1582) и в 1576 г. распорядился о начале строительства нового замка Адзути на берегу озера Бива, которое было завершено в 1579 г. Эта величественная и прекрасно укрепленная твердыня стала новой резиденцией и олицетворением могущества Нобунага, но в 1582 г. после его гибели сгорела.

4.2. Внутренняя политика Ода Нобунага

Несмотря на свои военные успехи, во внутренней политике Ода Нобунага не показал себя столь же радикальным и последовательным реформатором, как его преемник Тоётоми Хидэёси (1536–1598).

Многое сближает созданную Нобунага систему управления с административно-политической структурой сэнгоку даймё. Вместе с тем уже при Ода Нобунага были намечены контуры важных нововведений Хидэёси, которые решительным образом изменили дальнейшую историю Японии.

По сравнению с Хидзёси Нобунага не произвел столь же всеобъемлющего и систематического учета земельных угодий на контролируемой им территории. Так, в некоторых районах Нобунага предписывал крестьянам сообщать о размере *нэнгу* и иных исполняемых повинностей. Подобные формы земельных обмеров (*сасидаси кэнти*) были обычной практикой многих других князей периода *Сэнгоку*. Однако в 1577 г. в провинции Этидзэн Сибата Кацуиэ (1522–1583) и Маэда Тосиэ (1537–1599) провели *кэнти*, который считается по своим принципам близким к обмерам, впоследствии проводившимся Тоётоми Хидзёси.

Нобунага также не стремился к окончательному уничтожению остатков средневековых вотчин — *сёэн*. В принятых в 1569 г. законах Нобунага провозглашалась незыблемость прав придворных аристократов и храмов на вотчины, которые оставались еще в столичном регионе. Нобунага продолжил этот курс и в дальнейшем, одновременно раздавая столичной аристократии новые земли. Связи с императорским двором были ему необходимы для завоевания новых областей Японии. Он использовал авторитет двора в своей дипломатии, а также для придания большей легитимности своей власти. Придворная карьера Нобунага была головокружительно успешной: к 1577 г. он стал Правым министром, а в 1578 г. ему был присвоен второй старший ранг. Однако в том же 1578 г. он ушел с поста Правого министра. После этого он отказывался от предложенных двором *тэнно* высоких должностей.

В 1582 г. незадолго до инцидента Хоннодзи императорский двор предложил Нобунага назначение на любую из трех должностей: *сэйи тайсёгун*, *дайдзё дайджин* или *кампаку*. Нобунага не успел дать официальный ответ. Одни историки считают, что он готов был согласиться на должность сёгуна, другие предполагают, что он стал рассматривать себя всевластным правителем, превосходящим императора. Португальский миссионер Луиш Фройш сообщал, что незадолго до смерти Нобунага стал стремиться к самообожествлению и призывал поклоняться ему в храме в замке Адзуты. Впрочем, некоторые историки оспаривают правдивость этих сведений.

Стремясь подорвать независимость и сломить сопротивление провинциального военного дворянства, Нобунага приказывал разрушать в провинциях все замки, оставляя лишь один, где должен был размещаться его вассал, управляющий провинцией. Эти меры, предвосхищавшие политику Хидзёси и первых сёгунов Токугава, осуществлялись в провинции Ямасиро, в 1569 г. в Исэ, а в 1580 г. в Ямато, Сэтцу и Кавати. Однако Нобунага проводил противоположный курс на окраинах своего удела, где предписывал строить новые крепости.

Нобунага привел к повиновению могущественные храмовые корпорации, которые в периоды Камакура и Муромати пользовались значительной автономией и, располагая отрядами из монахов-воинов, временами оказывали сопротивление светским властям.

Нобунага не жалел средств на восстановление и ремонт храмов и святыщ, но добился ограничения их самостоятельности.

Он беспощадно расправился с монахами Энрякудзи, конфисковал владения этого монастыря, преодолел сопротивление школы Икко. В 1579 г. Нобунага организовал в замке Адзуты религиозный диспут между наставниками школ Нитирэн и «Чистой земли», который окончился поражением представителей Нитирэн-сю, были казнены несколько последователей этой школы. Ее храмы, пользовавшиеся немалым влиянием в Киото и Сакаи, выплатили Нобунага большой штраф. В 1581 г. гнев Нобунага обрушился на Коясан, оплот школы Сингон. На землях Коясан укрывались бывшие вассалы Араки Мурасигэ, изменившего Нобунага, которых монастырь не выдавал. По приказу Нобунага в разных районах страны были умерщвлены сотни странствующих проповедников Коясан.

Вместе с тем Нобунага, заинтересованный в торговле с португальцами, покровительствовал иезуитам. Он разрешил строительство христианской церкви в Киото, а позднее выделил в замке Адзуты участок для строительства иезуитской миссии.

Среди экономических мероприятий Нобунага большое значение имели: 1) отмена таможенных застав на значительной территории его владений; 2) политика «свободные ярмарки» — «свободные цехи» (*ракуути-ракудза*); 3) улучшение дорожной сети. Эти меры способствовали развитию торговли и росту городов. Первый указ о *ракуути-ракудза* Нобунага объявил в отношении призамкового города Гифу, а позднее вводил их и в других городах. На «свободных ярмарках» торговать разрешалось всем, а не только купцам из *дза*, причем торговцы освобождались от любых поборов, кредиторы не могли требовать возврата долгов, а беглых холопов не вправе был задержать их господин, запрещались ссоры и стычки, злоупотребления вассалов Нобунага. В то же время Нобунага, как и другие *сэнгоку даймё*, не стремился к ликвидации цехов и гильдий. Он неоднократно подтверждал и даровал новые привилегии тем *дза*, которые обеспечивали для него поставку оружия и других стратегически важных товаров.

4.3. Крах нового враждебного Нобунага союза. Мятеж Акэти Мицухидэ

В 1576 г. формируется вторая мощная коалиция, бросившая вызов Нобунага. Одним из ее вдохновителей был изгнанный из Киото Асикага Ёсиаки. Ключевую роль в этой коалиции играли даймё Западной Японии Мори Тэрумото (1553–1625), настоятель Хонгандзи Кэннэ (1543–1592) и примирившийся с последним Уэсуги Кэнсин. Нобунага был вынужден вести тяжелую войну против этого мощного альянса. Он начал осаду Исияма Хонгандзи, главной крепости школы Икко. В 1578 г. Нобунага отправил одного из своих лучших полководцев, Тоётоми Хидэёси, для борьбы с Мори и их союзниками в провинции Харима. На руку Нобунага была смерть Уэсуги Кэнсин, после которой начался ожесточенный конфликт между его наследниками. На западе в 1579 г. Нобунага покорились провинции Танго и Тамба, Хидэёси успешно сражался со сторонниками Мори в Харима. Для борьбы с Мори Нобунага привлек на свою сторону даймё Кюсю Отомо Сорин (1530–1587), выдав ему грамоту о пожаловании провинций Суо и Нагато, бывших частью княжества Мори. В 1579 г. был подавлен опасный для Нобунага мятеж Араки Мурасигэ, одного из его вассалов.

В 1570-х годах Нобунага и его военачальники сражались со сторонниками школы Икко в Оми, Исэ, Этидзэн, Кии и других землях. В 1580 г. считавшаяся неприступной цитадель Исияма Хонгандзи пала. Настоятель Хонгандзи Кэннэ при посредничестве императора Огимати заключил мир с Нобунага. В том же году Сибата Кацуиэ удалось подавить восстание Икко-икки в провинции Кага, подчинив ее власти Нобунага.

В 1581 г. полководцы Нобунага развивали успешное наступление в Эттю против сил школы Икко и Уэсуги Кагэкацу, преемника Уэсуги Кэнсин. В том же году было уничтожено объединение самураев провинции Ига, успешно отражавшее ранее натиск сил Нобунага.

В 1582 г. силы Ода Нобунага и его союзников, поддержанные Гоходзэ, уничтожили дом Такэда и захватили его удел. Владения Такэда были разделены между вассалами Ода, провинция Суруга досталась Токугава Иэясу.

В 1582 г. Тоётоми Хидэёси продолжал военную кампанию против дома Мори, осаждая замок Такамацу в провинции Биттю. Другие военачальники клана Ода Сибата Кацуиэ и Маэда Тосииэ теснили Уэсуги

Кагэкацу (1555—1623) в провинции Эттю, Нава Нагахидэ вместе с Ода Нобутака (1558—1583) готовился к походу на остров Сикоку.

В 1582 г. против Ода Нобунага поднял мятеж один из его лучших военачальников, **Акэти Мицухидэ**, которого он отправил сражаться с кланом Мори. Отряды Мицухидэ напали на Ода Нобунага и его немногочисленную свиту в храме Хоннодзи в Киото. Нобунага совершил *сэнпуку*, после чего Акэти Мицухидэ уничтожил его старшего сына Нобутада. Хидэёси, узнавший о гибели Нобунага раньше, чем дом Мори, немедленно заключил с последним мирный договор, по которому замок Такамацу переходил в его руки, Мори также уступали провинции Биттю, Мимасака, Хоки. После этого Хидэёси немедленно выступил против Акэти Мицухидэ и разбил его в **битве при Ямадзаки** (провинция Ямасиро). Мицухидэ погиб при бегстве после сражения.

В целом Нобунага удалось подчинить себе менее половины провинций Японии. Объединение страны было доведено до конца Тоётоми Хидэёси, который также провел важные преобразования, продолженные первыми сёгунами династии Токугава. Он укрепил центральную власть и во многом заложил основы будущей политической системы *бакухан*.

4.4. Завершение объединения Японии Тоётоми Хидэёси

Тоётоми Хидэёси родился в 1536 г. в провинции Овари, его отцом был происходивший из зажиточных крестьян *асигару* («пеший воин»), служивший Ода Нобухидэ. Хидэёси, прозывавшийся сначала Киносита Токитиро, поступил в услужение вассалу дома Имагава, но затем вернулся в Овари и перешел на службу к Ода Нобунага, который быстро оценил его таланты. Именем Хидэёси будущий объединитель Японии стал пользоваться с 1565 г., а с 1573 г. начал носить фамилию Хасиба.

В 1582 г. в замке Киёсу в Овари состоялся Совет влиятельнейших вассалов и родственников Ода Нобунага. По настоянию Хидэёси, авторитет которого возрос после того, как он выступил в роли мстителя за смерть Нобунага, главой дома Ода был признан трехлетний сын старшего сына Нобунага. Кроме того, были распределены земли, принадлежавшие Нобунага, Нобутада и Акэти Мицухидэ. Хасиба Хидэёси, уже владевший Харима и северной частью Оми, получил три новые провинции Ямасиро, Кавати и Тамба. В дальнейшей непростой борьбе Хидэёси уничтожил или заставил покориться себе видных полководцев и сыновей Нобунага. В 1583 г. в битве при Сидзугатакэ в Оми он

одержал верх над Сибата Кацуиэ, который покончил с собой. В том же году власть Хидэёси признал дом Мори. Опасным врагом Хидэёси был Токугава Иэясу. В 1584 г. войска Иэясу, союзником которого стал Ода Нобукацу (1558–1630), один из сыновей Нобунага, разбили силы Хидэёси **в сражении при Нагакутэ** в провинции Овари. Несмотря на победу, в конечном счете Иэясу признал верховенство Хидэёси.

В 1585 г. в провинции Кии и на юге Идзуми Хидэёси жестоко расправился с Сайка икки, союзом последователей школы Икко, в числе которых было множество местных воинов, и отрядами монахов храма Нэгородзи, союзников Хонгадзи, затем присоединившихся к Токугава Иэясу во время его противостояния с Хидэёси. Вслед за этим войско Хидэёси с трех сторон напало на остров Сикоку, незадолго до этого объединенный под властью даймё Тёсокабэ Мототика (1539–1599). Мототика быстро капитулировал, получив в удел провинцию Тоса, остальные земли Сикоку были разделены между вассалами Хидэёси.

На Кюсю в последней четверти XVI в. не утихали распри между могущественными даймё. На севере и в центральной части острова к господству стремился дом Отомо, однако с юга его теснил клан Симадзу. В 1578 г. армия Симадзу нанесла сокрушительное поражение силам Отомо в битве при Мимикава в провинции Хюга. Тогда Отомо Сорин пошел на сближение с Нобунага, который пытался примирить его с Симадзу. После смерти Нобунага Симадзу Ёсихиса (1533–1611) вновь обрушился на Отомо, которые вынуждены были просить помощи Хидэёси. В 1585 г. Хидэёси издал указ, предписывавший всем даймё Кюсю прекратить военные действия, ссылаясь на волю тэнно. Любые споры по поводу границ владений предписывалось выносить на суд *кампаку*. В конце 1586 г. Хидэёси адресовал аналогичный указ даймё Канто и провинций Муцу и Дэва. Эти указы, именуемые в историографии *собудзирэй*, заложили основу дальнейшего объединения страны.

Хидэёси отрицал право *сэнгоку даймё* на применение военной силы и самостоятельную «внешнюю» политику. Против непокорных он организовал военные походы.

В 1587 г. Симадзу Ёсихиса, продолжившему войну вопреки воле Хидэёси, удалось почти полностью объединить Кюсю под своей властью. В ответ против него была отправлена огромная армия, после недолгого сопротивления Ёсихиса сдался и принял монашеский постриг. По решению Хидэёси был произведен раздел Кюсю, в частности, дому

Симадзу были оставлены провинции Сацума, Осуми и Хюга, Отомо получили Бунго. От даймё восточных провинций Хидэёси требовал явки в Киото и изъявления покорности. В 1588 г. в Киото прибыл представитель клана Гоходзё, который обещал Хидэёси, что дом Гоходзё будет ему повиноваться. В 1589 г. Хидэёси разделил владение Нумата в провинции Кодзукэ между кланами Санада и Гоходзё. Однако через несколько месяцев один из военачальников Гоходзё захватил замок Нагуруми из владения Нумата, который по решению Хидэёси был закреплён за домом Санада.

В 1590 г. армия Хидэёси из 210 тыс. воинов, в несколько раз превосходившая по численности войско Гоходзё, выступила в поход. Главным эпизодом кампании была трехмесячная **осада Одавара**, хорошо укрепленного главного замка удела Гоходзё. Падение Одавара означало конец господства Гоходзё в области Канто. Хидэёси пощадил даймё Ходзё Удзинао (1562?–1591), зятя Токугава Иэясу. Его отца Удзимаса (1538–1590) и дядю Удзитэру (?–1590) вынудили совершить *сэнпуку*. После этого Хидэёси пожаловал княжество Гоходзё Токугава Иэясу, передав прежний удел Иэясу из пяти провинций Ода Нобукацу. Однако последний отказался покидать принадлежавшие ему провинции Исэ и Овари, из-за чего был их лишен и отправлен в изгнание.

Во время осады Одавара Хидэёси покорился могущественный даймё Северной Японии Датэ Масамунэ (1567–1636), который был лишен части своего княжества, но прощен, несмотря на то, что ранее не подчинился указу Хидэёси о прекращении войн: в 1589 г. Масамунэ захватил земли соседнего дома Асина. После взятия Одавара Хидэёси приступил к переделу владений в провинциях Муцу и Дэва: несколько даймё потеряли свои уделы в наказание за неучастие в войне против Гоходзё, однако права остальных были подтверждены. В ответ на землемерные работы (*кэнти*), проводившиеся по приказу Хидэёси в 1590 г., в Муцу и Дэва вспыхнули масштабные восстания, в которых участвовали не только крестьяне, но и самураи, а также ронины, осевшие в деревнях. Военные силы Датэ Масамунэ, Токугава Иэясу, Уэсуги Кагэацу и других князей осенью 1591 г. подавили эти выступления и бунты.

В 1590 г. даймё Какидзаки Ёсихиро (1548–1616) прибыл в Киото и признал власть Хидэёси, который в ответ подтвердил его права на удел, составлявший небольшую территорию на юге острова Хоккайдо. Остальная часть Хоккайдо принадлежала общинам айну. В 1593 г.

с санкции Хидэеси Какидзаки Ёсихиро стал осуществлять надзор за всеми японскими торговыми кораблями, торговавшими с айну, и облагать их торговыми пошлинами.

Для легитимации своей власти Хидэеси в большей степени, чем Нобунага, использовал авторитет императорского двора. После заключения мира с Токугава Иэясу началось стремительное восхождение Хидэеси к вершинам придворной иерархии. В 1585 г. Хидэеси был присвоен 1-й младший ранг и должность канцлера (*кампаку*), которую с периода Хэйан занимали исключительно представители пяти ветвей рода «северных» (*хоккэ*) Фудзивара. При этом Хидэеси был усыновлен Коноэ Сакихиса, который принадлежал к одной из этих ветвей, и получил фамилию Фудзивара. В следующем году Хидэеси стал великим министром (*дайдзё дайдзин*), одновременно заняв два наиболее высоких при дворе поста. Тогда же император даровал ему право носить новую фамилию Тоётоми. Тем самым власть Хидэеси была вписана в традиционную политическую систему, возглавляемую *тэнно*. В конце 1585 г. в присутствии Хидэеси, даймё и придворных аристократов были проведены церемонии отречения от трона императора Огимати и интронизации нового государя Гоёдзэй. Крупнейшие даймё также получали при посредничестве Хидэеси ранги и должности и были включены в придворную иерархию, в которой находились ниже Хидэеси. Хидэеси в полной мере воспользовался авторитетом *тэнно* для подчинения своих противников и объединения Японии.

Выходец из крестьянской семьи, Хидэеси способствовал распространению вымышленной истории, согласно которой его дедом был советник (*тюнагон*) Хаги (в реальности не существовавший). Он будто бы попал в опалу при дворе и был выслан в Овари, но потом вернулся в императорский дворец. Мать Хидэеси, согласно этой легенде, служила несколько лет при особе самого императора, затем вернулась в Овари и сразу же родила сына — Хидэеси. Подразумевалось, что в жилах правителя Японии течет кровь самого *тэнно*. Этот миф должен был оправдать восхождение Хидэеси на политический олимп.

Хидэеси продолжал политику Нобунага, направленную на безусловное подчинение религиозных институтов светской власти. Он был обеспокоен сильным влиянием иезуитов, которые контролировали важнейший торговый порт Нагасаки. В христианах, как и в адептах «истинной школы Чистой земли», Хидэеси видел потенциально опасных противников. После подчинения Кюсю владения иезуитов в Нагасаки были конфискованы и вошли в личный домен Хидэеси. **В 1587 г. Хидэеси в своем указе предписал христианским миссионерам**

в течение 20 дней покинуть Японию. В документе Япония именовалась «страной богов» (*синкоку*), а христианское вероучение осуждалось. Критиковались даймё-христиане, разрушавшие в своих уделах синтоистские и буддийские храмы. Вместе с тем в указе признавалась законной торговля с португальцами, выходцам из христианских стран дозволялось прибывать в Японию, если они не намеревались наносить вред буддизму.

Положение о запрете миссионерской деятельности христианских проповедников не было воплощено в жизнь. Миссионеры остались, а число христиан росло. Тем не менее гонения на христиан усилились. В другом предписании Хидзёси землевладельцам воспрещалось навязывать новую веру крестьянам, живущим в их владениях. Крупным землевладельцам при желании перейти в христианство необходимо было разрешение Хидзёси. Декларировался запрет на продажу японцев в рабство в Японии и за ее пределами.

4.5. Мероприятия по учету земель Японии (тайко кэнти)

Важнейшей внутренней реформой Хидзёси было измерение и оценка земельного фонда всей Японии. Основанные на новых принципах обмеры земли (*тайко кэнти*) проводились по его приказу в 1580 — 1590-х годах по всей стране. Были введены единообразные стандарты измерения площади заливных рисовых, сухоходольных и приусадебных земель, которые ранее варьировались в разных регионах. На основании единицы длины *кэн* (около 1,9 м) исчислялась базовая единица площади 1 *бу*, равная 1,9 м². 300 *бу* составляли 1 *тан*, 10 *тан* — 1 *тё* (0,99 га). Устанавливалось деление угодий в зависимости от урожайности на хорошие, средние, плохие. Вводилась система *кокудака*: в соответствии с местными условиями фиксировалась урожайность 1-го *тан* для каждой из этих категорий, выражавшаяся в *коку* риса (1 *коку* равнялся примерно 180 л или 150 кг) для любого вида угодий, а не только рисовых заливных полей. В кадастровых записях регистрировались надел и имя земледельца, за которым закреплялось право на его обработку и обязанность уплачивать годовой оброк (*нэнгу*) землевладельцу. В реестры, как правило, попадали имена тех крестьян, которые на момент проведения *кэнти* обрабатывали землю и в последние годы платили ренту.

Сведения о площади и урожайности земель собирались по каждой деревне (*мура*). По итогам *кэнти* были зафиксированы границы деревенских селений и составлены земельные кадастры (*кэнтитё*) по

каждой провинции Японии. *Кэнти* проводились эмиссарами Хидэёси и даймё при участии представителей деревенских общин, которые знакомились с результатами обмеров и подписывали документ, в котором их признавали. Землемерные работы проводились при помощи шестов длиной 1 *кэн*. По сравнению с *кэнти* Хидэёси земельные описи, составлявшиеся большинством *сэнгоку даймё*, были гораздо менее достоверными, поскольку основывались на донесениях землевладельцев и самих крестьянских общин и, как правило, не перепроверялись. В результате *тайко кэнти* выявлялись неучтенные земли, возрастало бремя повинностей, возложенное на крестьян. По этой причине в ряде областей Японии проведение *кэнти* натолкнулось на ожесточенное сопротивление, крестьяне восставали, целыми деревнями ударялись в бег и т.д. К крестьянам и землевладельцам, препятствовавшим *кэнти*, применялись жесточайшие репрессии.

Тайко кэнти имел огромное значение для дальнейшего развития Японии: был осуществлен довольно точный учет земельного фонда в масштабах всей страны и в определенной мере упорядочены земельные отношения. На основании данных земельных кадастров оценивались доходность владений даймё и вассалов и, соответственно, размер военной повинности, которую они должны были исполнять в случае приказа Хидэёси; осуществлялись новые пожалования даймё и служилым людям. Богатство всех даймё отныне измерялось в *коку* риса, военное дворянство ранжировалось по доходности уделов.

Имея информацию о ресурсах различных земель, Хидэёси мог по своему желанию легко перемещать даймё из одного удела в другой, равноценный по доходу. Тяжесть ратной повинности, которую несли даймё во время войны в Корею, устанавливалась исходя из доходности их владений, подсчитанной на основании итогов *тайко кэнти*.

Исходя из этих же сведений рассчитывался объем повинностей крестьян. В конечном счете *кэнти* стали фундаментом дальнейшего укрепления центральной власти и объединения страны, они осуществлялись и сёгунами Токугава. Вместе с тем в результате аграрных мероприятий Хидэёси были окончательно ликвидированы остатки вотчинной системы (*сёэн*). Реформы Хидэёси не привели ни к исчезновению общинного самоуправления среди крестьян, ни к возникновению однородного слоя мелких сельскохозяйственных производителей. Многие из зарегистрированных в кадастрах земледельцев не только уплачивали *нэнгу* землевладельцу, но и продолжали исполнять повинности в пользу богатейших крестьян своей деревни. Со-

хранились и пребывавшие в патриархальной рабской зависимости от остальных крестьян холопы.

4.6. «Отделение крестьян от воинов»

Важнейшим направлением внутренней политики Хидэёси было установление жестких статусных различий между социальными группами, в частности «отделение воинов от земледельцев» (*хэйно бунри*). Подобный курс был нацелен на закрепление ведущей роли военного дворянства, беспрекословное подчинение ему остальных общественных слоев, а также на уничтожение условий для повторения смут и междоусобной борьбы эпохи *Сэнгоку*.

Указ об «охоте за мечами» (*катанагари рэй*) был принят Хидэёси в 1588 г. после подавления опасных для его власти восстаний в провинциях Хиго, Будзэн и Хидзэн на Кюсю, в которых участвовали как местные самураи, так и крестьяне. Указ был адресован вассалам Хидэёси, которые несли ответственность за его исполнение. Крестьянам (*хякусё*) запрещалось иметь оружие (мечи, копья, луки, огнестрельное оружие). Обладание оружием в указе представлялось причиной неуплаты *нэнгу*, невыполнения повинностей и восстаний против землевладельцев. В связи с этим в указе вассалам предписывалось собрать оружие у простолюдинов для последующего использования в качестве гвоздей и заклепок при сооружении храма Хокодзи в Киото, что должно было обеспечить спасение крестьян в этой и будущей жизни. Посвятив себя обработке земли, крестьяне достигнут процветания, отмечалось в документе.

Катанагари рэй был призван искоренить обычаи японского Средневековья, допускавшие ношение мечей и другого оружия крестьянами. Сбор оружия, вероятно, должен был в какой-то мере снизить опасность бунтов и восстаний против растущего податного гнета и обмеров земли. Многие крестьяне располагали военным опытом, сражаясь в войсках *сэнгоку даймё*, школы Икко и провинциальных союзов (*икки*). В действительности указ не повлек за собой повсеместную конфискацию оружия, которым располагали крестьяне. Вместе с тем в объединяемой Хидэёси стране проводились четкие сословные границы между воинами и крестьянами, которым предписывалось заниматься только земледелием. Обладание оружием превращалось в атрибут самурайского статуса.

В 1588 г. Хидэёси в рамках политики по объединению страны был принят указ о борьбе с пиратством (*кайдзоку тёдзи рэй*), в котором зем-

левладельцам (*рёсю*) предписывалось в своих владениях выявить всех судовладельцев, моряков и т.п. и потребовать от них письменную клятву впредь не заниматься взиманием платы с проходящих кораблей или морским разбоем. Если во владениях вышеуказанных землевладельцев объявлялись пираты, их владения конфисковались. Пираты (*кайдзоку*) представляли собой отряды воинов, опиравшихся на крепости, построенные на морском побережье и островах. Контролируя обширные морские районы, они занимались разбоем, а также облагали поборами проходящие мимо суда. Отказывавшиеся платить корабли они грабили. Указ о борьбе с пиратами должен был обеспечить безопасное и беспрепятственное судоходство для развития внутренних и внешних торговых связей, обеспечить контроль Хидэеси над морским пространством вокруг Японии.

В 1586 г. были введены законы, определявшие статус крестьян и низкоранговых самураев. Согласно их положениям низкоранговым воинам (*тюгэн*, *комоно* и др.) запрещалось уходить от господина без его дозволения, а принявшим их даймё или вассалам вменялось в обязанность просить согласия прежнего хозяина. Тем самым предотвращались возможные раздоры между вассалами относительно прав на служилых людей. Крестьянам предписывалось жить в деревнях и не забрасывать обработку земли. Таким образом, земледельцы четко отделялись от низкоранговых самураев. В то же время крестьяне обязаны были две трети собираемого урожая отдавать своему землевладельцу, а треть оставлять себе. Это положение закона толкуется по-разному. Одни ученые считают, что Хидэеси установил единообразный объем положенного землевладельцу годового оброка — две трети урожая. Другие исследователи думают, что размер *нэнгу* определялся вассалами, а это положение применялось, когда возникал спор с крестьянами по поводу его выплаты. Кроме того, закон запрещал крестьянам отказываться от уплаты *нэнгу* и исполнения повинностей и уходить в другие села. Воспрещалось укрывательство беглых крестьян. Одна из статей закона предостерегала землевладельцев от притеснения крестьян. В целом данные установления способствовали укреплению сословных перегородок между крестьянством и самураями, а также внутри военного дворянства.

В 1591 г. Хидэеси утвердил новый указ, закрепляющий статусные различия из трех статей (*мibun тосэйрэй*). Служилым людям военных домов (*самураи*, *тюгэн*, *комоно*) не разрешалось становиться горожанами или крестьянами. Низкоранговые самураи, перебравшиеся

в деревню или город с 1590 г., подлежали выдворению с нового места жительства. Крестьянам запрещалось бросать возделывание земли и становиться наемными работниками или торговцами. Предписывалось удалять из деревень лиц, не обрабатывающих землю и не несущих службу какому-либо господину. Наконец, воспрещалось держать в услужении людей, оставивших своего господина без его дозволения, приказывалось немедленно передавать их прежнему хозяину при получении от него соответствующего запроса.

Данные установления были направлены на закрепление сословных границ между воинами, горожанами и крестьянами, недопущение перехода из одной статусной группы в другую. Появление этих регламентаций было связано с притоком беглых слуг военных домов и земледельцев, уходивших из своих сел в города. Впоследствии данная политика была продолжена сёгунами династии Токугава. Вместе с тем принятие указа о цементировании сословных отличий было обусловлено необходимостью мобилизации сил перед военным походом в Корею.

4.7. Ужесточение контроля над военным дворянством

В период *Сэнгоку* радикально сменился состав высшей военно-политической элиты. В ходе междоусобной борьбы и последующего объединения Японии почти все дома *сюго* эпохи Муромати, а также многие возвысившиеся после смуты годов Онин-Буммэй провинциальные кланы были уничтожены или потеряли прежний высокий статус и владения. Судьба их вассалов была различной. Социальная политика Хидэёси заставила их выбирать между статусом самураев и крестьян. Некоторые служилые люди сгинувших в ходе смуты даймё влились в состав военного дворянства, которое во время правления Хидэёси было встроено в более жесткую политическую иерархию и во многом потеряло прежнюю самостоятельность. В то же время большинство низкоранговых самураев (*дзидзамураи*) оседали в деревне и переходили в сословие крестьян. Зажиточные крестьяне, ранее пополнявшие войско многих даймё, также в основном отказались от военной службы.

Хидэёси установил жесткий надзор над даймё, к которым он относился не как к наследственным удельным повелителям, а скорее как к назначенным им администраторам, которых можно сменить при необходимости. В 1587 г. в законе Хидэёси, провозгласившем запрет деятельности христианских миссионеров в Японии, подчеркивалось, что владения вверены даймё лишь на время, а не навечно.

Даймё обязаны были отправлять своих жен и детей в качестве заложников в Киото. Хидэёси выделял даймё земли для строительства резиденций в Киото или поблизости от столицы, желая держать их под своим контролем. Даймё несли военную службу, а также участвовали в крупномасштабных строительных работах, начатых Хидэёси. Продолжая курс Нобунага, Хидэёси приказывал уничтожать замки и крепости, которые могли стать опорой бунтов провинциальных воинов. О принятии подобных мер он распорядился в 1586 г. во владениях Мори Тэрумото, в 1587 г. на Кюсю после покорения Симадзу, в 1591 г. в Муцу и Дэва после усмирения там восстаний. Разрушение крепостей должно было ограничить самостоятельность вассалов, что было выгодно не только центральной власти, но и даймё, которые в период *Сэнгоку* вынуждены были мириться со значительной автономией своих служилых людей. При Хидэёси даймё заставляли своих вассалов переселяться в призамковые города, окружавшие главные замки уделов. Таким образом, самураи покидали деревню и перемещались в города.

По своей воле Хидэёси переселял *даймё* из одного удела в другой, а иногда отбирал все их владения. Перевод *даймё* из одной области в другую (**кунигаэ**) был средством награждения или наказания. Этим способом Хидэёси отрывал даймё от владений, в которых они уже прочно укоренились, и перемещал в новые земли, где их позиции не были столь прочны. В начале 1598 г. Хидэёси приказал Уэсуги Кагэкацу покинуть его владения (провинция Этиго и север Синано) и выделил ему новый удел в Айдзу в провинции Муцу, который принадлежал до этого Гамо Хидэюки. Хидэёси повелел Кагэкацу увести с собой на новые земли всех служилых людей, включая низкоранговых самураев, тесно связанных с деревней, и оставить на месте всех крестьян, платящих *нэнгу* и зарегистрированных в кадастрах. Тем самым перемещение даймё способствовало дальнейшему размежеванию между самураями и крестьянами. Порвавшие с прежним служилым статусом сельские жители влились в период Эдо в состав деревенской верхушки, помня о своем отличном от крестьян происхождении. Хидэёси фактически проводил курс на отрыв самурайства от деревень, где находились их владения и которые во многом были основой их влияния.

При переводе *даймё* из одного удела в другой их вассалы теряли свои прежние владения. Хотя *даймё* могли жаловать земли своим вассалам, этими пожалованиями вассалы не вольны были распоряжаться по своему

усмотрению: им предоставлялось лишь право присвоения определенного дохода и не более того. Вассалы обладали этим правом лишь до тех пор, пока несли службу даймё. Параллельно укреплению центральной власти более прочным стал контроль даймё над вассалами, которые лишились былой самостоятельности и четко отделялись от верхних слоев крестьянства.

4.8. Экономическое развитие Японии при Хидэёси

Хидэёси, как и Нобунага, продолжил политику, направленную на развитие городов, стремясь упрочить контроль над торговлей и путями сообщения. По его приказу были построены дворец Дзюракудай, который стал резиденцией *кампаку*, замок Фусими в Киото, Осацкий замок и т.д. Хидэёси вслед за Нобунага упразднял заставы, препятствовавшие развитию торговли. В то же время, уничтожая старые права столичной знати и храмов по взиманию торговых пошлин, Хидэёси сам облагал поборами купцов, извлекая из этого немалую выгоду. Нобунага и Хидэёси активно использовали богатых купцов в качестве финансовых советников, поручали им надзор за строительством городов, управление своим доменом. Крупнейшие торговые центры, такие как Хаката, Нагасаки и др., а также серебряные и золотые рудники *кампаку* включил в свой личный домен. Лишая одни гильдии *дза* привилегий, Хидэёси подтверждал старые и даровал новые льготы другим *дза*. Вместе с тем политика Хидэёси способствовала формированию нового городского пространства, где четкая граница проходила между кварталами, заселенными горожанами (ремесленниками и торговцами), и районами поселения самураев, что соответствовало курсу на строгое отделение военного дворянства от остальных социальных групп. Организации внутреннего городского самоуправления, сформировавшиеся ранее вокруг городских кварталов, продолжали функционировать и при Нобунага и Хидэёси. При этом города были подчинены центральной власти.

В XVI в. объем добычи золота и серебра в Японии резко возрос. В 1588 г. по воле Хидэёси была отчеканена золотая, а затем и серебряная монеты. Серебряные и золотые рудники были поставлены под его прямой контроль. В периоды Камакура и Муромати Япония практически не эмитировала собственную монету, ввозя из Китая медные деньги. В XVI в. большую роль в торговле в Восточной Азии стали играть португальцы, ставшие посредниками в торговле между Японией, Китаем и остальными странами Азии. Они обменивали японское серебро

на китайский шелк-сырец, который затем сбывали в Японии. Центром торговой активности португальцев был порт Нагасаки, который в 1580 г. был уступлен вместе с прилегающим к нему районом ордену иезуитов даймё Омура Сумитада. Хидэёси конфисковал владения иезуитов и установил контроль над внешнеторговыми операциями, которые японские купцы могли вести, лишь получив от него разрешение — грамоту, скрепленную красной печатью. В его правление Япония торговала с Тайванем, Рюкю, Филиппинами, Тямпой, Камбоджей, Сиамом и т.д.

Экономической основой власти Хидэёси был контроль над землями его домена (*кураирити*), доходность которых к 1598 г. составляла примерно 12% от доходности всех зарегистрированных в ходе *тайко кэнти* земель Японии (18,5 млн *коку*).

4.9. Поход в Корею и смерть Хидэёси

Мечты о завоевательном походе на континент Хидэёси, по-видимому, вынашивал с середины 1580-х годов. Он задумывался о подчинении не только Кореи и Китая, но и Индии, а также «южных варваров», желая стать правителем огромной империи. В 1591 г. Хидэёси приступил к подготовке военной экспедиции на континент. В письме усыновленному племяннику Хидэцугу (1568–1595), которому он передал пост *кампаку*, Хидэёси раскрыл свои планы будущего политического переустройства: японского государя Гоёдзэй (1571–1617) он хотел переместить в столицу Китая Пекин, японским императором сделать наследного принца или младшего брата Гоёдзэй. Хидэцугу должен был стать *кампаку* Китая. Своей резиденцией он намеревался сделать порт Нинбо.

В дипломатических документах Хидэёси обосновывал экспансионистские планы ссылкой на свое происхождение от солнца. Эта концепция появляется в посланиях Хидэёси после того, как он решил начать поход против Китая. В 1590 г. в письме к корейскому правителю он поведал, что, когда был еще в материнской утробе, его матери привиделся сон, будто в ее чрево вошел солнечный диск. Гадатель, узнав о сне, сказал, что всюду, куда падают лучи солнца, есть свет. Ребенок же, когда достигнет зрелости, без сомнения, прославит свое имя «среди четырех морей». Таким образом, себя Хидэёси представлял сыном солнца, которому суждено править миром. В 1591 г. в письмах, адресованных правителю Кореи, а также испанскому генерал-губернатору Филиппин, он потребовал признания своей власти и уплаты дани. Сходное послание позднее он отправил на Тайвань. Правитель Рюкю под давлением Симадзу Ёсихиса

в 1589 г. направил к властителю Японии посланника, чтобы поздравить того с объединением страны. Хидэёси воспринял этот шаг как изъявление покорности. В 1591 г. дом Симадзу потребовал принять участие в подготовке нападения на Корею. Ван Рюкю вынужден был повиноваться. В 1591 г. в письме португальскому вице-королю Индии Хидэёси назвал Японию «божественной страной» (*синкоку*). Таким образом, Хидэёси стремился к превращению Японии в доминирующее государство Восточной Азии, требуя признания своей власти.

Первая японская армия, отправленная в Корею в 1592 г., насчитывала около 158 тыс. человек (включая носильщиков, моряков и т.п.). Японцам не удалось добиться участия Кореи в войне против империи Мин, которая была союзником Кореи. Корейцы отказались предоставить японским войскам свободный проход через свою территорию. Армия Хидэёси высадилась 20 апреля (23 мая) 1592 г. около Пусана. В начавшейся войне японские отряды стремительно продвигались на север Корейского полуострова, корейские войска оказались не готовы к вторжению. Почти через три недели после высадки на полуострове, 3 мая (12 июня) японцы заняли столицу Кореи Сеул, а 15 июня (23 июля) 1592 г. — Пхеньян. Корея была захвачена, но не покорена: начались народные восстания и партизанская война против интервентов. Между тем корейский флот под командованием талантливого адмирала **Ли Сунсина** летом и осенью 1592 г. нанес ряд чувствительных поражений японцам. Корейский флот господствовал на море, что затруднило снабжение японских войск провиантом и оружием, отрезало экспедиционный корпус от Японии.

Соппротивление, с которым японская армия столкнулась в Корее, помешало осуществлению планов Хидэёси. Империя Мин направила войско на помощь вассальному государству, и в начале 1593 г. китайские отряды выбили японцев из Пхеньяна. Через некоторое время японская армия вынуждена была покинуть Сеул, отступить на юг и укрепиться в районе Пусана. Часть измотанных в ходе военной кампании частей отбыла на родину. Начались долгие переговоры между Японией и империей Мин. Хидэёси, в частности, требовал от империи признания японского контроля над южной половиной Кореи, выдачи принцессы династии Мин в жены японскому императору, возобновления «лицензионной» торговли с Китаем, прерванной в середине XVI в. В 1596 г. Хидэёси принял китайских посланников, которые доставили ему указ китайского императора о возведении Хидэёси в достоинство правителя (вана), а также золотую печать как знак его вассальной зависимости от Мин. Однако требования Хидэёси не

были удовлетворены. Переговоры были прерваны. В 1597 г. военные действия возобновились: в Корею была послана 140-тысячная армия. Однако сопротивление корейских войск, поддерживаемых китайцами, вынудило японские силы перейти к обороне. Провал планов Хидэёси по покорению Кореи и Китая был очевиден. В 1598 г. после его смерти японские войска покинули Корею. Вторжение японцев не только привело к огромным людским жертвам среди населения Кореи, но и причинило огромный ущерб ее хозяйственному развитию. Военная экспедиция в Корею легла тяжким бременем на японских крестьян и горожан, вызвала обострение борьбы за власть внутри японской политической элиты.

В 1591 г. после смерти своего малолетнего сына Тоётоми Хидэёси сложил с себя полномочия *кампаку* и взял титул *тайко* — так называли *кампаку*, отошедших от дел и уступивших свое место преемнику. Новым *кампаку* был назначен Тоётоми Хидэцугу, племянник Хидэёси, усыновленный им. Но в 1593 г. одна из наложниц родила Хидэёси второго сына (Тоётоми Хидэёри, 1593—1615). В 1595 г. Хидэцугу был обвинен в подготовке мятежа и принужден к самоубийству.

В том же году на следующий день после казни главной супруги, а также остальных жен и детей Хидэцугу, по повелению Хидэёси шесть наиболее могущественных вассалов — Токугава Иэясу, Укита Хидэиэ, Маэда Тосиизэ, Мори Тэрумото, Кобаякава Такакагэ и Уэсуги Кагэкацу — подписали «Высочайшие установления» («Онъокитэ») из 5 пунктов. Правила, адресованные главным образом крупным и мелким даймё, предусматривали заключение браков между ними лишь с согласия главы дома Тоётоми; запрет союзов и соглашений, а также столкновений и ссор, неумеренного потребления сакэ. Кроме того, были утверждены «Дополнения к высочайшим статьям» («Онъокитэ цуйка») из 9 пунктов, адресованные придворной знати, святилищам, храмам и самураям. В частности, аристократы (*кугэ*) обязаны были сосредоточиться на наследственных занятиях своих кланов. Священнослужители должны были чтить уставы и обычаи своих храмов и святилищ, заботиться об их восстановлении и постигать буддийское учение. Воинам полагалось нести службу сообразно доходности своих земель. Два этих документа были призваны закрепить господство Хидэёси и его потомков не только над воинами, но и над придворной аристократией, храмами и святилищами. Они оказали прямое влияние на основополагающие законодательные кодексы сёгунов Токугава — «Букэ сёхатто» (1615 г.) и «Кинтёу нараби-ни кугэ сёхатто» (1615 г.), «Сёси хатто» (1632 г.).

Перед своей кончиной в 1598 г. Хидэёси стремился обеспечить сохранение власти за своим сыном Хидэёри. С этой целью по его воле были определены «пять старейшин» (*готайро*), которыми стали мо-

гущественные и влиятельные даймё Токугава Иэясу, Маэда Тосииэ, Мори Тэрумото, Уэсуги Кагэацу, Укита Хидэиэ (первоначально шестым *тайро* был Кобаякава Такакагэ, который, однако, умер). Наряду с ним Хидэёси избрал «пять управляющих» (*гобугэ*) — Асано Нагамаса, Маэда Гэнъи, Масита Нагамори, Исида Мицунари, Нацука Масаиэ. «Пять управляющих» должны были служить противовесом «пяти старейшинам». И тех и других Хидэёси заставлял неоднократно клясться в верности своему сыну и себе. Вместе с тем разногласия между высшими сановниками привели к образованию двух фракций в политической элите, лидером первой был Токугава Иэясу, второй — Исида Мицунари. Глубокие противоречия, разделявшие эти политические группировки, делали военное столкновение между ними практически неизбежным.

После своей смерти Хидэёси был обожествлен, получив имя Тоёкуни даймёдзин («пресветлое божество Тоёкуни»), двор даровал ему 1-й старший ранг. В качестве синтоистского *ками* Хидэёси почитался в святилище Тоёкуни дзиндзя (Киото). Однако в 1615 г. после взятия Осацкого замка и гибели дома Тоётоми по приказу сёгуна Токугава Иэясу святилище, посвященное Хидэёси, было разрушено. Божество Тоёкуни даймёдзин было «упразднено». Но в 1868 г. после «реставрации Мэйдзи» святилище Тоёкуни дзиндзя было восстановлено.

4.10. Культура эпохи Адзути-Момояма

В период Адзути-Момояма активно развивается светская культура. Для замков и резиденций Нобунага и Хидэёси были характерны великолепие и пышность. В японском изобразительном искусстве эстетические идеалы эпохи Адзути-Момояма ярче всего отразились в росписях ширм и экранов, а также *фусума*. **Кано Эйтоку** (1543—1590), виднейший представитель школы Кано, украсил росписями замок Адзути, оформил дворец Дзюракудай, замки Фусими и Осака. В строительстве Осацкого замка, считавшегося неприступным, принимали участие португальские инженеры.

В конце XVI в. в Японии возникло светское книгопечатание. В предшествующие эпохи книги печатались в буддийских монастырях печатью с досок, т.е. ксилографическим способом, заимствованным из Китая. А. Валиньяно привез типографский станок в Японию в 1590 г. Типография иезуитов выпускала на рубеже XV—XVI вв. книги для нужд иезуитов и их школ. Кроме того, во время похода Хидэёси из Кореи были привезены типографские приспособления.

В 1603–1604 гг. в Нагасаки был напечатан латиницей составленный иезуитами японо-португальский словарь, содержащий свыше 32 тыс. слов разговорного языка, документации и др. Он является ценнейшим источником по истории японского языка.

Контрольные вопросы

1. Политическая организация Камакурского сёгуната.
2. Структура землевладения в эпоху Камакура.
3. Монгольские нашествия.
4. Падение Камакурского сёгуната.
5. Культура и религиозная жизнь в период Камакура.
6. Противостояние Южного и Северного дворов.
7. Политическая система сёгуната Асикага.
8. Международные связи Японии в период Муромати.
9. Восстания *токусэй икки*.
10. Социальное и экономическое развитие Японии в эпоху Муромати.
11. Культура и религии Японии в эпоху Муромати.
12. Смута годов Онин-Буммэй.
13. Упадок сёгуната Асикага и возвышение сэнгоку даймё.
14. Социально-политическая система уделов сэнгоку даймё.
15. Самоуправляющиеся крестьянские общины в период «воюющих провинций»
16. Расцвет городов в период Сэнгоку
17. Цивилизационные контакты Японии и Запада.
18. Завоевательные походы и внутренняя политика Ода Нобунага.
19. Завершение объединения Японии при Тоётоми Хидэёси.
20. Реформы Тоётоми Хидэёси.
21. Поход в Корею.

Рекомендуемая литература

Период Камакура

Записи о смуте годов Дзёкю // Японские сказания о войнах и мятежах / Пер. с яп. В. Онищенко. СПб.: Гиперион, 2012.

永原 慶二. 莊園. 東京: 吉川弘文館, 1998. *Нагахара Кэйдзи*. Сёэн. Токио: Ёсикава кобункан, 1998.

Собрание песка и камней в истории японской философской мысли. В 2 т. / Пер. и исслед. Н.Н. Трубникова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Толстогузов А. А. Очерки истории Японии VII–XIV вв. Становление феодализма. М.: Восточная литература, 1995.

Court and bakufu in Japan. Essays in Kamakura History / Ed. by Mass Jeffrey P. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1982.

In Little Need of the Divine Intervention. Takezaki Suenaga's Scrolls of the Mongol Invasions of Japan. Translation with an Interpretive Essay by Thomas D. Conlan. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001.

Mass Jeffrey P. The Kamakura bakufu. A Study in Documents. Stanford, California: Stanford University Press, 1976.

Mass Jeffrey P. The Development of the Kamakura Rule, 1180–1250: A History with Documents. Stanford, California: Stanford University Press, 1979.

Shinoda Minoru. The Founding of the Kamakura Shogunate. With Selected Translations from Azuma Kagami. N.Y.: Columbia University Press, 1960.

黒田 俊雄. 蒙古襲来. 日本の歴史 (8). 東京: 中央公論新社, 2004. *Куроода Тосио.* Моко сюрэй (Нашествие монголов). Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 8. Токио: Тюокорон синся, 2004.

Период Муромати

Дзинно сё:то:ки. История правильного наследования трона. Фрагменты / Пер. с яп. Е. К. Симоновой-Гудзенко // Синто: путь богов. Т. 2. Тексты синто. СПб.: Гиперион, 2002.

Кабанов А. М. Формирование системы «годзан» (пяти монастырей) и бюрократизация дзэн-буддизма // Буддизм и государство на Дальнем Востоке: Сб. статей. М.: Наука, ГРВЛ, 1987

Климов В. Ю. Народные волнения 1428–1429 гг. в Японии // История и культура традиционной Японии 4. *Orientalia et Classica* / Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Вып. XXXIX. М., 2011.

Повесть о великом мире / Пер. с яп. В. Н. Горегляд // Японские самурайские сказания. СПб.: Северо-Запад Пресс, 2002.

Штейнер Е. Дзэн-жизнь: Иккю и окрестности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Goble Andrew E. Kenmu. Godaigo's Revolution. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.

Grossberg Kenneth A. Japan's Renaissance: The politics of the Muromachi Bakufu. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981.

Japan in the Muromachi age. John Whitney Hall and Toyoda Takeshi (eds.). Berkeley and Los-Angeles: University of California Press, 1977.

The Cambridge History of Japan. Vol. 3. Medieval Japan. 6th printing. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2006.

Эпоха «воюющих провинций»

Горбылев А. М. Огненные копья или аркебузы в стране Восходящего солнца // Япония: путь кисти и меча. 2002. № 4.

Горбылев А. М. «Сердце коня — мое сердце» // Япония: путь кисти и меча. 2003. № 4.

小和田 哲男. 戦国大名. 東京: 教育社, 1978. *Овада Тэцуо.* Сэнгоку даймё. Токио: Кёйкуся, 1978.

Полхов С. А. Законодательные уложения Сэнгоку даймё: исследования и переводы / Новые исследования по японской культуре. Кн. 2. М.: Кругъ, 2015.

Искендеров А. А. Феодалный город в Японии XVI столетия. М.: Изд-во восточной литературы, 1961.

Ким Э. Г. Недолгое свидание. Христианская миссия в Японии (1549–1614) // Книга японских обыкновений / Сост. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 1999.

Климов В. Ю. Светские власти, Рэннё, восьмой иерарх буддийской школы «Истинной веры Чистой земли», и ее adeptы в средневековой Японии // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Т. 12. Вып. 1. СПб.: Изд-во РХГА, 2011.

Климов В. Ю. «Крестьянская республика» в Ямасиро (1486–1493) // История и культура традиционной Японии 6. *Orientalia et Classica* / Труды Института восточных культур и античности РГГУ. Вып. LI. М., 2013.

Japan before Tokugawa: Political Consolidation and Economic Growth, 1500–1650 / J. W. Hall, Keiji Nagahara and Kozo Yamamura (eds.). Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981.

Warlords, Artists and Commoners: Japan in the Sixteenth Century. George Elison and Bardwell L. Smith (eds.). Honolulu: University of Hawaii Press, 1981.

久留島 典子. 一揆と戦国大名 (日本の歴史13). 東京: 講談社, 2001. *Курусима Норико*. Икки то сэngoку даймё. Нихон-но рэкиси. Т. 13 (*Икки и сэngoку даймё*. История Японии). Т. 13. Токио: Коданся, 2001.

Период Адзуты-Момояма

Искендеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М.: Наука, ГРВЛ, 1984.

Ламерс Й. П. Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага. СПб.: Евразия, 2012.

Прасол А. Ф. Объединение Японии. Тоётоми Хидэёси. М.: ВКН, 2016.

Moran J. F. The Japanese and the Jesuits: Alessandro Valignano in Sixteenth Century Japan. N.Y.: Routledge, 1992.

The Cambridge History of Japan. Vol.4. Early Modern Japan. 6th printing. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 2006.

Berry Mary Elizabeth. Hideyoshi. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982.

McMullin Neil. Buddhism and the State in Sixteenth Century Japan. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1984.

They came to Japan: An Anthology of European Reports on Japan, 1543–1640 / Cooper Michael (ed.). Berkeley and Los-Angeles: University of California Press, 1965.

Wakita Osamu. The emergence of the State in the Sixteenth Century Japan: from Oda to Tokugawa // Journal of Japanese Studies. Vol. 8. No 2 (Summer 1982).

池上 裕子. 織豊政權と江戸幕府. (日本の歴史15). 東京: 講談社, 2002. *Икэгами Хироко*. Сёкухо сэйкэн то Эдо бакуфу. Нихон-но рэкиси (Правление Ода и Тоётоми и Эдо бакуфу. История Японии). Т. 15. Токио: Коданся, 2002.

Глава 3

Япония в эпоху Токугава (1603–1867)

В принятой в Японии системе исторической периодизации эпоха Токугава в целом относится к периоду *кинсэй*, хотя в японской историографии имеются разные точки зрения на хронологические рамки последнего. В периодизации европейской истории термину *кинсэй* нет эквивалента. На английский язык его переводят как «*early modern*». Можно сказать, что это была своеобразная переходная эпоха от Средневековья к Новому времени, длившаяся 264 года.

Эпоха Токугава — одна из самых изучаемых в современной японской исторической науке, интерес к которой объясняется многими причинами. Это был самый длительный период мира в японской истории, когда страна ни с кем не воевала, всецело переключившись на дела внутренние. Мир, наступивший в стране после длительного периода междоусобных войн, способствовал экономическому развитию Японии, что влияло на уровень жизни японцев, на продолжительность жизни, бытовую культуру, досуг. Об устойчивой демографической ситуации свидетельствовали данные переписи населения, которые стали регулярно проводиться с 1721 г.

Эпохе Токугава предшествовало смутное время. Вторая половина XVI в. в Японии была отмечена борьбой за объединение страны. В 1600 г. битва при Сэкигахара положила конец длительному периоду междоусобных войн, и страна постепенно начала обретать политическую стабильность. Начавшийся новый этап в истории Японии получил название по имени победителя в битве — Токугава Иэясу, который в 1603 г. был провозглашен сёгуном и таким образом положил начало третьему в истории Японии сёгунату Токугава (1603–1867). Это время известно и как «эпоха Эдо» — по названию города, ставшего резиденцией сёгунов Токугава.

Эпохи, как и люди, оставляют после себя разное наследство и часто пристрасно оцениваются потомками. Так, в свое время хрестоматийным стало утверждение, что период Токугава был временем застоя и изоляции страны от внешнего мира, что привело к консервации отсталости Японии

в доиндустриальную эпоху. Действительно, внешне эпоха Токугава была небогата яркими событиями. Но именно характер и уровень политического, экономического, социального, культурного развития в тот период во многом определили последующие события в стране.

1. XVII век в истории Японии

Япония, как и многие другие страны, прошла длительный путь борьбы за власть, политической нестабильности, междоусобных войн, в ходе которых выдвинулись три фигуры, которых часто называют «объединителями Японии», — Ода Нобунага (1534–1582), Тоётоми Хидэёси (1536–1598) и Токугава Иэясу (1542–1616). Именно они предприняли целый ряд политико-административных, социальных и экономических начинаний и тем самым начали процесс создания централизованного государства, завершить который сумел Токугава Иэясу.

1.1. Токугава Иэясу

Иэясу родился 26 декабря 1542 г. в небольшом замке Окадзаки в провинции Микава (сейчас это часть префектуры Айти). Его отцом был местный феодал Мацудайра Хиротада (1526–1549).

Род Мацудайра по одной из линий вел свое происхождение от дома Минамото, один из представителей которого — Минамото Ёритомо (1147–1199) в 1192 г. стал военным правителем страны — сёгуном, положив, таким образом, начало сёгунату — военному правлению. Это и позволило Иэясу на законных основаниях спустя четыре столетия стать сёгуном.

Предки Хиротада в XV в. обосновались в провинции Микава вблизи деревни Мацудайра, откуда и получили свою фамилию. Первым реально установленным предком Токугава был Мацудайра Тикаудзи. Потомки Тикаудзи постепенно распространили свое влияние на прибрежную плодородную равнину к югу от деревни Мацудайра. Внутренние усобицы и неудачная борьба с соседями привели к ухудшению материального положения дома Мацудайра. Отец Иэясу Хиродата предпринимал отчаянные попытки, чтобы оградить свои владения от вторжения со стороны западного соседа — Ода Нобухидэ из провинции Овари. Поэтому он был вынужден искать покровительства другого могущественного соседа — *даймё* Имагава Ёсимото, став его вассалом.

Для закрепления отношений с Имагава Ёсимото Хиротада решил отправить своего сына Иэясу в качестве заложника к нему в Сумпу (сейчас это г. Сидзуока), где мальчик провел 11 лет и никогда больше не встречался со своим отцом, поскольку он был убит в одном из сражений. Иэясу обучался разным наукам, в том числе и гражданским делам, в местном буддийском храме Риндзайдзи, куда Имагава Ёситомо пригласил ученого монаха Тайгэн Суфу из Киото, большого знатока военного дела. В январе 1557 г. Имагава женил Иэясу на своей племяннице Цукияма, которая родила ему двоих детей. Из заложников Иэясу вызволил лишь случай. В мае 1560 г. Имагава потерпел сокрушительное поражение от Ода и во время сражения был убит, а Иэясу, узнав об этом, вернулся в родовой замок Окадзаки.

К 1567 г. семья Мацудайра подчинила себе большую часть провинции Микава. Тогда Иэясу поменял свою фамилию Мацудайра на Токугава.

Что касается фамилии Токугава, то в документах можно найти указание на то, что один из предков рода — Тикаудзи — был усыновлен в провинции Микава бездетной семьёй Мацудайра, которая вела свою родословную от Токугава. По-видимому, Иэясу полагал, что это даст ему возможность стать правителем провинции Микава. Есть и другая версия — Иэясу хотел таким образом отделить себя от других семей Мацудайра, утвердить свое лидерство в родословной дома, поскольку и другие главы семей претендовали на эту роль. Так что можно сказать, что смена фамилии была хорошо продуманным шагом Иэясу.

1.2. Война как политика

Иэясу утверждал свое лидерство и расширял свои владения теми же средствами, что и остальные *даймё*, — силой оружия и путем заключения временных союзов.

Вернувшись в Окадзаки, Иэясу предусмотрительно начал прямые переговоры с Ода Нобунага через своих верных вассалов, таких как Исикава Кадзумаса, а также через родственников своей матери из рода Мидзуно. Знакомство Иэясу с Нобунага произошло в 1560 г. в замке Киёсу. Хотя не все вассалы одобряли решение Иэясу порвать все связи с Имагава и заключить союз с Нобунага, он пошел на этот шаг весной 1561 г. И на этот раз Иэясу рассчитал все верно. Он предпринял несколько военных вылазок против сил Имагава и расширил свои владения на юг и восток от Окадзаки, после чего пожаловал захваченные земли своим верным вассалам и упорядочил административное управление увеличившимися владениями.

В течение 1572–1582 гг. Иэясу значительно увеличил свои вооруженные силы и владения, ему удалось подчинить всю провинцию Микава. Но вокруг владений Иэясу лежали земли не менее сильных и влиятельных феодалов. И если Иэясу вынашивал честолюбивые планы расширения своих владений, то и его соседи мечтали о том же. У него оставался грозный соперник на востоке — Такэда Сингэн. Войска дома Такэда считались одними из наиболее сильных и хорошо обученных. Одолеть такого противника было нелегко.

Упорная борьба продолжалась уже с сыном Такэда — Кацуёри, когда Ода Нобунага и Иэясу захватили его земли. Все эти годы Иэясу как бы находился под защитой Нобунага и извлек из этого союза огромную выгоду для себя. При этом он относился к Нобунага с чувством искреннего почтения и был ему верным другом. Иэясу остался верен этому союзу до конца. Во время заговора против Нобунага Иэясу находился в г. Сакаи. Узнав о случившемся, он поспешил в столицу, но его опередил Хидэёси, и Иэясу ничего не оставалось, как вернуться назад.

С Хидэёси у Иэясу были непростые отношения. Хидэёси видел в нем серьезного и могущественного соперника. Отношения между ними зловеще ухудшились в 1583 г., когда Иэясу несколько раз уклонился от переговоров с Хидэёси. За это Хидэёси в 1584 г. напал на крепость Иэясу у горы Комаки. В апреле в сражениях близ Нагакутэ Иэясу одержал уверенную победу.

Оставался еще один грозный соперник, Ходзё (Гоходзё) Удзима-са, победить которого удалось в 1590 г., что дало возможность Хидэёси установить контроль над районом Канто, после чего он довольно легко подчинил себе северо-восточную часть страны. Иэясу достались новые земли, но не в том количестве, на которое он рассчитывал. После победы над Ходзё Хидэёси уже не нуждался в таком сильном союзнике, как Иэясу, и последнему было обещано, что его владения могут быть увеличены, но он должен отказаться от пяти завоеванных им ранее провинций, включая и его родную провинцию Микава. Причем он должен был покинуть эти провинции вместе со своими вассалами и их семьями и перебраться в совершенно новое место, никак не связанное с его родом. В новое владение Иэясу входили провинции Мусаси, Идзу, Сагами, Кадзуса и Симоса, расположенные на равнине Канто. Кроме того, к Иэясу перешла часть земли в провинциях Оми и Исэ, дававшая 110 тыс. *коку* риса.

Это было сделано умышленно. Хидэёси опасался, что после победы над Ходзё, где Иэясу сыграл большую роль, его авторитет возрастет, и видел в нем реального претендента на роль правителя. Кроме того, он, возможно, надеялся, что Иэясу будет способен сохранить мир

в Канто — в районе, где пять поколений непокорных Ходзё пустили глубокие корни.

Таким образом, 1590 год ознаменовался резким зигзагом в судьбе Иэясу — он получил владения поверженного врага. Новое владение сулило определенную выгоду — оно было обширным, плодородные почвы давали большой урожай — до 2,5 млн *коку* в год.

Прибыв на новое место, Иэясу увидел лишь развалины замка Эдо, построенного в XV в. Вокруг замка было разбросано несколько небольших деревушек и лачуги рыбаков.

Иэясу провел ряд мероприятий, которые позволили ему завоевать авторитет на новом месте: раздал рис местным жителям, назначил нескольких торговцев управляющими в деревнях, приступил к строительству мостов и каналов, чтобы облегчить движение вокруг замка Эдо. Он расселил несколько своих вассалов по разным частям Канто, чтобы они поддерживали мир и безопасность в этом районе.

Иэясу решил сделать Эдо центром своего нового владения, учитывая его удобное расположение, а для этого было необходимо возвести новый замок. Для строительства выбрали заброшенный участок земли, обнесли его рвом с водой, построили высокую дамбу, обложили ее камнем, соорудили крепкие ворота и постройки. Это была центральная часть замка, получившая название Нисимару — «западная крепость», где сейчас находится резиденция императора.

В 1592 г. Хидэёси начал военную экспедицию в Корею. Авантюрная война, длившаяся шесть лет, окончилась поражением Японии. А Иэясу за это время укрепил свое владение.

По своему влиянию, положению, могуществу Иэясу стал вторым человеком в Японии. Он хорошо усвоил политику маневрирования, проявляя при этом осторожность и осмотрительность, тщательно готовил свои дальнейшие шаги в борьбе за власть, ожидая лишь благоприятного случая.

1.3. Образование третьего сёгуната

Иэясу никогда не мог смириться с тем, что после смерти Нобунага власть перешла в руки Хидэёси, который в силу своего низкого социального происхождения, по твердому убеждению Иэясу, прав на это не имел. Однако, строя свои отношения с Хидэёси, Иэясу трезво смотрел на сложившуюся ситуацию и не давал своим эмоциям одерживать верх над принимаемыми разумными решениями. А стареющий Хидэёси с тревогой наблюдал, как росла военная и экономическая мощь соперника, и тоже старался по возможности ладить с ним.

Смерть Хидэёси открыла для Иэясу реальную возможность осуществить свои честолюбивые планы и силой оружия проложить себе путь к власти.

Иэясу всегда отличало умение смотреть далеко вперед. Поэтому, став хозяином пяти провинций, он провел ряд мероприятий, которые усилили его как в экономическом, так и в военном отношении. Между июлем 1589 г. и февралем 1590 г. им был издан указ из семи пунктов, который надлежало распространить по всем деревням провинции. Пункты 1-й и 6-й касались налога (*нэнгу*) и устанавливали наказание за просрочку его уплаты. Своевременное поступление налога позволяло гарантировать уплату жалования вассалам.

Пункты 2-й, 4-й и 5-й касались воинско-трудовой повинности (*буяку*).

Кроме воинской повинности, крестьяне привлекались на строительные и ремонтные работы; поэтому крестьянам, выполнявшим воинскую повинность, ежегодная подать сокращалась.

Кроме того, Иэясу распорядился провести *кэнти* (обследование и перепись земель) во всех своих провинциях, чтобы упорядочить налоги и повинности. Все эти мероприятия укрепили его экономическую и военную мощь.

Летом 1599 г. Иэясу отправил письма 108 *даймё*, из которых 99 вступили в союз с ним и оказали затем ему реальную помощь своими вооруженными силами. Такого рода деятельность была важной составной частью его подготовки к борьбе за власть. Иэясу прекрасно организовал и подготовил свои военные силы, составил план действий, чего нельзя было сказать о его противниках.

Предательства и интриги составляли характерную черту той эпохи. Иэясу, готовя нападение на Исида Мицунари, сумел склонить на свою сторону нескольких основных его союзников. Но предательство имело и свою цену: так, Кобаякава были обещаны две провинции.

Решающее сражение между двумя группировками феодалов произошло в провинции Мино, около деревни Сэкигахара, рано утром 15 сентября 1600 г. Иэясу хорошо вооружил свое войско. Ему очень пригодились оружие, находившееся в трюме голландского судна «Лифде», прибывшего к берегам Японии в апреле 1600 г. Там было 500 фитильных замков, 5 тыс. пушечных ядер, 300 цепных ядер, 5 тыс. фунтов пороха и 350 зажигательных снарядов.

Сведения о потерях со стороны Иэясу в этом сражении отсутствуют. Его противники, по одним данным, потеряли убитыми от 4 до 5 тыс. человек, по другим — 8 тыс. убитыми и ранеными. После победы

Иэясу жестоко расправился с большинством своих противников, хотя с некоторыми обошелся достаточно мягко.

Что касается Хидэёри, то он продолжал жить в Осацком замке. Будучи сыном Хидэёси, он был той «спичкой», которая в любой момент могла разжечь огонь междоусобной борьбы, но пока Иэясу его не трогал.

Несмотря на решительную победу, одержанную Иэясу в битве при Сэкигахара, ситуация в стране отнюдь не была спокойной — ее стабильность зависела и от поведения *даймё*, которые в любой момент могли переменить свою позицию в отношении Токугава и изменить ему. Но Иэясу был большим мастером дипломатической игры. С ее помощью он добился большего на своем пути к власти, чем путем открытой конфронтации. Ему удалось мирным путем уладить конфликт с домом Симадзу, и он прекратил военную кампанию против него. Иэясу также добился того, что другой могущественный *даймё* — Уэсуги Кагэкацу — в августе 1601 г. прибыл к нему в Фусими в сопровождении сына Иэясу Юки Хидэясу. Это был вынужденный приезд, поскольку Уэсуги понимал, чем чревато неповиновение Иэясу. В результате Уэсуги лишился своих владений в Айдзу с доходом в 1 млн 200 тыс. *коку* и получил взамен владение на севере с доходом в 300 тыс. *коку*. А Айдзу Иэясу передал своему зятю Гамо Хидэюки. Таким путем он обезопасил свои северные границы, и к осени 1601 г. в стране утвердился порядок.

Иэясу щедро наградил союзных ему *даймё*, принимавших участие в битве при Сэкигахара, за счет конфискованных земель противной стороны. Феодалы, участвующие в борьбе против Иэясу, до битвы при Сэкигахара по своему могуществу и богатству ничем не уступали Иэясу, и у 87 *даймё* были отобраны земли, доход с которых оценивался в 4 141 200 *коку*. Проигравшие получили после 1600 г. название ***тодзама*** («посторонние») *даймё* в отличие от *фудай даймё* — участвовавших в сражении на стороне Иэясу. Битва при Сэкигахара как бы провела линию раздела между *даймё*, определив их дальнейшую роль в политической жизни страны. *Тодзама даймё* не могли занимать никакие государственные должности, и, как правило, их деятельность ограничивалась рамками княжеств.

Такая политика в отношении *тодзама даймё* привела к тому, что спустя более двух столетий из их среды вышли деятели антисёгунской коалиции, развернувшие движение за восстановление императорской власти. Поверженные в 1600 г. силы свергли власть Токугава в 1867–1868 гг., и именно из их числа вышли деятели нового правительства Мэйдзи.

* * *

В новом 1603 г. Иэясу получил новогодние поздравления от императорского дома, придворных, настоятелей монастырей и храмов, *даймё*. Юридически он еще не обладал никаким титулом, однако дело шло к его получению. Еще в феврале 1602 г. императорский двор благоразумно выступил с предложением начать приготовления к провозглашению Иэясу «главой дома Минамото», что давало ему возможность стать сёгуном. Со стороны двора это была простая формальность, поскольку верховная военная власть и так уже принадлежала Иэясу. Но в то время он был занят другими делами — «мирными» способами убирал с дороги непокорных феодалов. А главное — он считал, что не наступил еще подходящий момент.

Ни Ода Нобунага, ни Тоётоми Хидэёси не имели титула сёгуна. Иэясу стал им в силу своей родословной. Официальный представитель императорского двора информировал Иэясу, что император намерен назначить его сёгуном. Иэясу молча выслушал волю императора — его тщательно разработанный план увенчался успехом. 12 февраля произошла церемония провозглашения его сёгуном и присвоения ему придворного титула *удайдзин* (Правый министр) вместо прежнего *най-дайдзин* (министр двора).

Официальная делегация двора прибыла к Иэясу, который находился во дворце-замке Фусими. Уполномоченный двора дважды провозгласил: «Производим в ранг». Старейший в делегации преподнес Иэясу, сидевшему на возвышении, шкатулку, где находились императорские указы. **Так состоялось провозглашение Иэясу сёгуном.**

В течение следующих недель Иэясу передал подарки членам императорского двора, а 21 марта 1603 г. отправился в Киото, чтобы получить поздравления от императора в связи с присвоением титула сёгуна. По соседству с императорским дворцом летом 1602 г. было закончено строительство замка Нидзё, ставшего резиденцией династии сёгунов Токугава. Вскоре принцы и придворные посетили Иэясу в знак признательности за полученные подарки. В апреле Иэясу пригласил придворных и *даймё* в замок Нидзё, где для них было устроено представление театра Но, большим поклонником которого он был. В отличие от шумного и красочного Кабуки представления Но были торжественными и спокойными, поэтому Иэясу, который не любил суеты, считал их истинным искусством.

1.4. Формирование системы власти Токугава

1603 год ознаменовал собой для Японии окончание периода войн и наступление длительного периода мира.

В период правления *Камакура* и *Минамото бакуфу* воины — *букэ* — обладали большими политическими правами. Сёгун являлся военным командующим, и *бакуфу* (*правительство сёгуна*), по сути, представляло собой штаб. Термин «*бакуфу*» пришел из Китая, где он означал «лагерь во время походов». Свои полномочия сёгун получал от *букэ*. В дальнейшем, в период внутренних беспорядков, императором было разрешено передавать сёгуну свои права по наследству, а потом это вошло в практику и в мирное время. Что касается Токугава Иэясу, то благодаря решительной победе при Сэкигахара, в результате которой в корне было подавлено сопротивление *даймё* из западной части страны, он добился абсолютной политической власти и узаконил эту власть. При учреждении *бакуфу* Иэясу предстал перед *даймё* уже в качестве сёгуна, что поставило его в особое положение по отношению к ним.

Иэясу провел целый ряд мероприятий, которые продемонстрировали его реальную силу и власть, содействовали экономическому процветанию его семьи и стали первыми шагами в становлении новой сословно-политической и экономической системы, получившей свое дальнейшее развитие при следующих сёгунах.

В результате победы при Сэкигахара Иэясу стал богатейшим землевладельцем — конфискованные земли поступили в его непосредственное распоряжение. Иэясу мог лишать *даймё* их владений, мог уменьшать или увеличивать их размеры. Он передвигал *даймё*, словно фигуры на шахматной доске. Переселяя их на новое место, он лишал их старых корней, а нередко и оставлял без самураев. Поскольку наличие земель и вассалов составляло в то время основу богатства и влияния, такая практика позволяла Иэясу держать феодалов под контролем. Кроме того, он широко использовал один из своих излюбленных приемов в деле налаживания отношений — к 1611 г. путем браков и усыновлений он породнился с большинством крупных *даймё* Японии.

Кроме того, воспользовавшись приездом *даймё* из западной и центральной частей Японии в столицу по случаю вступления на престол императора Гоминдзуно в 1611 г., Иэясу собрал их в своем замке Нидзё и объявил, что они должны впредь регулярно появляться в Эдо, т.е. соблюдать традицию, установленную еще Минамото Ёритомо. Он предупредил, что никто не имеет права скрывать и держать у себя на службе человека, замешанного в призыве к бунту или причастного к убийству, и что любые случаи неповиновения будут расследоваться и строго наказываться. В следующем году Хидэтада, сын Иэясу, собрал *дай-*

мё из Канто и северных районов Японии и довел до их сведения эти распоряжения.

Такой тактикой Иэясу пытался одним ударом поразить две цели — удержать *даймё* от политической активности и преподнести урок новому императору. Он ведь мог известить *даймё* письменно или собрать их в Эдо или в Фусими. Но Иэясу использовал для этого Киото, причем выбрал день своего официального визита к императору. Кроме того, приезд *даймё*, особенно *тодзама даймё*, в резиденцию сёгуна должен был свидетельствовать о том, что они признают его верховным правителем страны.

Иэясу проделал целенаправленную и кропотливую работу, в результате которой император был полностью изолирован от политической жизни. Его авторитет в этой сфере больше не был нужен сёгуну. Разницу в их положении отмечали и иностранцы, приезжавшие в то время в Японию, — они называли императора «*микадо*», а сёгуна — «*котэй*», чем подчеркивали разницу их роли в жизни Японии. *Микадо* был главой религиозных отправлений, имел функцию верховного жреца, а сёгун олицетворял собой всю верховную власть в стране. Но все земные дела вершили сёгуны, чтобы божественная особа — император — не «оскверняла» себя ими.

И хотя император уже давно не обладал реальной властью, Иэясу предпринял еще один шаг, чтобы как можно дальше отдалить императора от политических дел — он перенес местопребывание *бакуфу* в Эдо. До этого оно находилось в Киото в районе Муромати, по имени которого получил название период правления сёгунов из дома Асикага. Поэтому Киото для Нобунага и для других *сэнгоку даймё* был своего рода Меккой власти. Иэясу, как когда-то и Минамото, разместил *бакуфу* в районе Канто, в своей резиденции в Эдо. Поэтому период правления сёгунов из дома Токугава называют еще «эпохой Эдо».

Город Эдо постепенно превратился и в культурный центр страны. Иэясу привлекал туда искусных ремесленников, ученых, художников, писателей, придавал большое значение сбору старинных рукописей, созданию архивов. По его распоряжению из Канадзава в Эдо была перевезена знаменитая коллекция рукописей и книг, собранная домом Ходзё. Иэясу был щедрым покровителем книгопечатания. Им был утвержден особый департамент, где целый штат монахов занимался переписыванием фамильных историй *даймё*.

Иэясу, который за свою жизнь видел достаточно предательств, интриг и заговоров, понимал, что для утверждения новой власти необходимы решительные меры. Поэтому, помимо перераспределения

земельных владений, он предпринял ряд мер, которые, по его мнению, должны были препятствовать возникновению заговоров и иной антисёгунской деятельности. *Тодзама даймё*, хотя и вынуждены были покориться в силу военного превосходства Иэясу, оставались его потенциальными противниками, не говоря уже о сыне Тоётоми Хидэёси. Поэтому Иэясу переподчинил непосредственно правительству *бакуфу* тех *тодзама даймё*, которые имели родственные связи с домом Хидэёси. Он также начал широко применять различные репрессивные меры — лишал самурайских привилегий (*кайэки*), уменьшал владения, заставлял являться в Эдо, преподносить в дар усадьбы, оставлять заложников, исполнять воинскую повинность. Но особенно обременительной обязанностью для *даймё* были строительные и ремонтные работы в Эдо, когда княжества должны были поставлять рабочую силу (т.е. отрывать крестьян от их непосредственного труда). При этом на княжества были возложены все расходы, доставка строительных материалов, укрепление берегов рек, строительство дамб, ремонт замков. Это была хорошо продуманная политика, целью которой являлся подрыв материальной базы княжеств, что заставляло *даймё* сосредоточивать все их усилия в области экономики и отвлекало их от интриг.

Система контроля распространялась не только на *даймё*. В столичном городе Киото была введена должность *сёсидай* (наместник сёгуна). В его обязанности входили защита императорского дворца, надзор за придворными (*кугэ*), судебные разбирательства. Первым *сёсидай* в 1601 г. был назначен Окудайра Нобумаса, который до этого верно служил дому Токугава. Платили за эту должность свыше 30 тыс. коку.

В Фусими, Сакаи, Нагасаки, Амагасаки и других городах появились главы городской администрации и уездов (*бугё* и *гундай*).

Иэясу подчинил своему непосредственному управлению главные города страны, расположенные в районе Кинки. Он относился к развитым районам, где процветали производство и торговля. Поэтому Иэясу стремился использовать его экономические возможности для укрепления своих военных сил, сознавая их важность как основы своей политической власти. Например, в городе Сакаи он намеревался наладить производство огнестрельного оружия, в преимуществах которого Иэясу убедился на практике.

Иэясу также поставил под свой контроль конфискованные рудники и обложил налогом те из них, что остались во владениях *даймё*. Он придавал этому большое значение, поскольку, как и Нобунага

и Хидэёси до него, хотел упорядочить денежное обращение в стране. Поэтому он учредил монетный двор в Фусими, который позднее был переведен в Киото. Другие монетные дворы были открыты в Сумпу, а затем в Осака и в Нагасаки — торговых городах страны. Развитие денежного дела Иэясу поручил купцам. Купеческий дом Гото играл ключевую роль в этой сфере на всем протяжении периода Токугава. Иэясу вел дружбу с купцами, такими как Тяя Сиродзиро, который оказал ему много услуг.

Иэясу внимательно следил за поступлением налогов. Он предпринял ряд мер, воспрепятствовавших чрезмерному обложению на местах, и не допускал, чтобы налог не соответствовал установленной норме. Сельское хозяйство Японии в начале XVII в. было малопродуктивным. На его общее состояние повлияли длительный период междоусобных войн, частое отвлечение крестьян от земли для выполнения военно-трудовой повинности, военные налоги, сбор дополнительного продовольствия для снабжения армии и т.д. Поэтому были установлены довольно низкие налоги, что было вынужденной мерой.

Это дало основание современникам считать, что при Иэясу было «гуманное правление» (*дзинсэй*). Хотя его ближайший советник Хонда Масанобу считал, что крестьянину надо оставлять столько зерна, чтобы он только не умер, тем не менее если к Иэясу поступали сведения о беззакониях управляющих (*дайкан*) по отношению к крестьянам, то такому чиновнику не приходилось рассчитывать на снисхождение. Кроме того, сами *даймё* стремились избегать переобложения крестьян, чтобы не вызвать с их стороны бунта, который мог быть использован *бакуфу* как повод, чтобы отобрать их владения. Все это способствовало развитию земледелия, расширению обрабатываемых площадей и разнообразию возделываемых культур.

1.5. Последние годы жизни Иэясу

Иэясу был сёгуном недолго. В мае 1605 г. он отказался да этого титула в пользу своего сына Хидэтада, закрепив тем самым пост сёгуна за домом Токугава. Иэясу хотел освободить себя от текущих дел, чтобы иметь возможность сосредоточиться на формулировании будущей политики. Он удалился в Сумпу, где жил уединенно, изучал историю и проводил время в беседах со знатоками древности. Но по-прежнему ни один важный вопрос не решался без его участия.

Иэясу окружил себя советниками, которых выбрал лично. Это были Хаяси Радзан, конфуцианский ученый, и Тэнкай, монах школы

Тэндай, духовный наставник, сыгравший центральную роль в создании сёгунской усыпальницы в Никко.

Официальной идеологией при Токугава стало неоконфуцианство. Придя к власти, Иэясу решил установить порядки в государстве в соответствии с неоконфуцианской моделью, взятой из китайской практики, но видоизмененной местными мыслителями с учетом японской специфики. Еще в конце XVI в. Иэясу имел первую продолжительную беседу с крупным ученым того времени Фудзивара Сэйка (1561—1619), который постарался внушить будущему сёгуну идею стабилизации и переустройства государства по примеру создателя Танской империи Тайцзуна (годы правления — ок. 627—649). Сам Фудзивара Сэйка не согласился занять пост сёгунского советника и препарировать чжусианскую доктрину применительно к нуждам *бакуфу*. Неоконфуцианским советником сёгуна стал его ученик Хаяси Радзан. Он и его последователи содействовали укреплению в верхах сёгунской власти ориентации на земледелие как на экономическую опору власти.

В число приближенных Иэясу входили Ина Тадацуги, обладавший опытом в делах местной администрации, Гото Миццугу, его советник по финансовым делам, и английский моряк У. Адамс. Предстояло сделать очень многое. Еще не была окончательно определена административная структура *бакуфу*, не был подобран соответствующий штат. Существовала масса проблем, связанных с необходимостью политического контроля над императором и двором, буддийскими и синтоистскими храмами, крестьянами и горожанами, иностранцами из Европы и Китая.

Но больше всего Иэясу не давала покоя мысль о сыне Хидэёси, Хидэёри, который находился с матерью в Осацком замке. Эта проблема приобретала все большую остроту по мере того, как вырослел Хидэёри, поскольку многие *даймё* в разной форме оказывали ему поддержку. Поэтому в 1615 г. Иэясу захватил Осацкий замок. Хидэёри и его мать совершили самоубийство, замок был разрушен и предан огню, и на долгое время память о Тоётоми Хидэёси была уничтожена.

После успешно проведенной Осацкой кампании у Иэясу не осталось опасных врагов внутри страны. В последние годы жизни Иэясу издал целую серию указов, регламентировавших жизнь императорского двора, дворянства, духовенства и способствовавших упрочению власти сёгуна.

Иэясу уже при жизни мог наблюдать результаты своих трудов. По сравнению с Хидэёси у него была спокойная старость, и его не терзало беспокойство за судьбу наследника. Он дожил до 75 лет, со-

храняя хорошее здоровье; в случае болезни он лечился лекарствами, которые сам же и готовил, поскольку был большим знатоком разных снадобий.

21 января 1616 г., вернувшись с соколиной охоты, Иэясу около двух часов ночи почувствовал боли в желудке. Тогда посчитали, что причиной послужило блюдо *тэмпура*, приготовленное из морского леща. Весть о болезни Иэясу быстро достигла Эдо, где находился его сын, сёгун Хидэтада. Тот сразу же приехал в Сумпу к заболевшему отцу, который успел дать сыну много полезных советов о том, как и дальше сохранить в стране мир и держать в узде недовольных *даймё*.

1 или 2 апреля Иэясу позвал к себе Хонда Масадзуми, своего ближайшего и верного сподвижника, и отдал ему распоряжения, как провести его похороны:

Предать мои останки земле на горе Кунодзан; заупокойную службу провести в храме Дзодзёдзи в Эдо; табличку с посмертным именем поместить в храме Дайдзюдзи в провинции Микава; спустя некоторое время воздвигнуть небольшой храм в горах Никко, чтобы возносить молитвы о явлении божеств.

Иэясу умер 17 апреля. Вечером того же дня после кремации и небольшой церемонии прах был перенесен на холм Кунодзан и там предан земле. Спустя три года, согласно его воле, его перезахоронили в Никко. Его посмертное имя — Тосё Дайгонгэн — «великое воплощение сияния Востока».

В первой половине XVII в. появилось «Икун» («Завешание») Иэясу. На протяжении длительного времени в текст вносились изменения и дополнения, и к первой половине XVIII в. «Завешание» превратилось в своего рода официальный документ, текст которого стали зачитывать в день смерти Иэясу (17 апреля) в присутствии представителей родственных домов Токугава. Вот некоторые выдержки из «Завешания»:

Брось то, что любишь, и служи тому, что хотя и не любишь, но чему должен служить.

Меч — душа военного, терять его непозволительно.

Даймё и правители должны вести себя сообразно с доходами и не предаваться роскоши.

Япония хотя и существует со времен императора Дзимму, но науки по сравнению с другими странами еще стоят на низкой ступени. Устройством школ и распространением образования следует сделать Японию известной.

«Завешание» существует во многих вариантах, которые отличаются по содержанию. Среди японских историков до сих пор нет единого мнения о том, какой из вариантов подлинный.

2. Политико-административная система сёгуната. Формирование системы власти

2.1. Порядок наследования титула сёгуна

Сёгуны из дома Токугава правили страной 264 года. В истории Японии это был самый длительный период политического правления представителей одной и той же династии. Причина такой стабильности, скорее всего, лежала в продуманности порядка наследования титула сёгуна, введенного Токугава Иэясу.

Передав этот титул в 1605 г. своему сыну Хидэтада, Иэясу продемонстрировал всей Японии, что **отныне сёгун — наследственная должность дома Токугава**. Но оставалась еще одна проблема — кто из детей должен наследовать это звание, как выбрать наследника из нескольких сыновей, чем при этом руководствоваться?

В то время право наследования стало распространяться на старшего сына, однако еще были свежи воспоминания о жестоком времени — *Сэнгоку дзидай*. Поэтому в вопросах семейного наследования преобладала практика, когда предпочтение отдавалось наиболее способному и подходящему для этой роли сыну.

Иэясу выбрал Хидэтада, поскольку по своим человеческим качествам он был для Иэясу самым приемлемым наследником. Сам Иэясу удалился от дел лишь формально, и все главные дела в стране вершились с его ведома. Поэтому со стороны Иэясу это был хорошо продуманный шаг.

Однако в практике произвольного назначения наследника таилась ловушка, которая со временем могла осложнить жизнь дома Токугава и ввергнуть его во внутреннюю борьбу за власть, что не раз имело место в японской истории. Иэясу учел эту возможную опасность, когда решался вопрос о наследовании титула сёгуна среди сыновей Хидэтада. У того было три сына. Отец и официальные лица склонялись к тому, чтобы третьим сёгуном стал средний сын, Таданага.

Об этом решении сообщили Иэясу, который жил тогда в Сумпу. Но тот рассудил иначе. По его мнению, стабильность положения семьи Токугава можно было обеспечить, лишь придерживаясь следующего принципа: при решении вопроса о наследовании титула сёгуна решающим фактором следовало считать не состояние умственного или физического здоровья претендента, а **право старшего сына**, который должен был обладать абсолютной властью над младшими братьями.

Было также предусмотрено, как должно поступить, если у правившего сёгуна не было прямых наследников. Следует иметь в виду, что, кроме основной линии (*хонкэ*) рода Токугава, существовали и боковые ветви (*симпан*). Сначала это были *госанкэ* — феодальные дома Овари, Кии и Мито, основанные тремя младшими сыновьями Иэясу. Позднее, в XVIII в., к ним добавились *санкё* — дома Таясу, Хитоцубаси, основанные двумя сыновьями сёгуна Ёсимунэ, и дом Симидзу, основанный сыном сёгуна Иэсигэ. Только представители этих домов, в случае отсутствия прямого наследника, имели право стать сёгуном. Таким образом, право наследования титула сёгуна закреплялось только за родом Токугава.

Решая проблему наследования титула, Иэясу исходил из опыта своей семьи, в которой было 11 сыновей. И надо отдать ему должное — установленные им незыблемые правила в целом помогли сохранить мир и порядок, хотя способы, применявшиеся для этого, были вполне в духе того времени. Но следует отметить, что позднее проявилась и скрытая в таком порядке ловушка, когда старший сын никоим образом не соответствовал этому титулу.

Для упрочения власти и авторитета династии Токугава внук Иэясу, третий сёгун Иэмицу, провел ряд мероприятий в честь своего деда, которому он был обязан тем, что стал сёгуном. В Никко он построил святилище, где должен был быть помещен *синтай* («божественная субстанция») — предмет, воплощающий в себе божество и являющийся объектом поклонения в синтоистском святилище. Это святилище, построенное в 1616–1617 гг., получило название Тосёгу и стало мавзолеем Иэясу. Ежегодно в Никко совершали паломничество сёгуны, их окружение, *даймё*, самураи и простолюдины со всех концов страны. Во всех провинциях по повелению сёгунов создавались своего рода «филиалы» Тосёгу; к середине XIX в. их насчитывалось ровно 200. Этими мерами *бакуфу* подчеркивало особое место Иэясу в истории Японии. В 1645 г. императорский двор присвоил Тосёгу титул *мия*, подняв его тем самым до уровня императорских синтоистских святилищ, таких как Исэ дзингу. С 1646 г. на ежегодные празднества в Тосёгу приезжал специальный представитель императорского двора.

Из истории императорского дома

Чтобы понять положение императорского дома в эпоху Токугава, его роль в политической жизни страны и характер взаимоотношений с сёгунами, необходимо совершить небольшой экскурс в историю японского императорского дома и вернуться в XII в.

1192 год открыл новую страницу в политической истории Японии. С этого времени и до 1868 г. с небольшими перерывами государственная власть находилась в руках сёгунов, которые нарушили единство религиозного обряда и управления страной, отстранили императора от «большой политики», чтобы он «не осквернял» себя заботами о государственных делах.

Следует отметить, что аристократия и двор неоднократно пытались восстановить императорскую власть и вернуть утраченные земли, что часто оканчивалось неудачей.

Падение политической роли императорской власти сопровождалось ухудшением материального положения императорского дома. Особенно плачевным было положение императоров во времена второго сёгуната (1338–1573). Двор, давно уже не имевший власти, беднел и утрачивал свой авторитет.

Следующий этап в истории императорского дома наступил во второй половине XVI в. и был связан с процессом объединения страны, когда на политической сцене появились Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Нобунага и Хидэёси принимали меры к возрождению религиозного престижа монархии. Это находилось в русле их политики в отношении буддизма, направленной на то, чтобы свести к минимуму влияние буддийского духовенства, претендовавшего на самостоятельную роль в делах страны. Были выделены специальные средства для нормального выполнения императором некоторых ритуальных функций.

Нобунага и Хидэёси получили высокие должности и ранги при императорском дворе. Иэясу, став сёгуном в 1603 г., получил **титул из рук императора Гоёдзэй**, что не помешало сёгуну заставить его отречься от престола в 1611 г. Первое время Токугава оказывали двору некоторые внешние знаки почтения и несколько улучшили его материальное положение. Но по мере укрепления власти сёгуна усиливалась политическая линия на полное подчинение императорского двора сёгуну, который все меньше считался с Киото. Токугава владели четвертью всех земель в стране, а остальные принадлежали феодальным князьям и императорскому дому. Владения последнего были невелики, поэтому двор всегда нуждался в средствах и находился в экономической зависимости от сёгуна. **Бюджет императорского двора утверждал сёгун**. Личная собственность императора оценивалась в 10–30 тыс. *коку*. Императорская семья и все придворные, вместе взятые, владели землями или получали рисовый паек от сёгуна в 120–140 тыс. *коку*, что составляло доход примерно от 0,5% площади обрабатываемых земель страны. Их

материальное положение можно было сравнить с положением *даймё* средней руки. Причем сёгуны то уменьшали, то увеличивали размеры владений и средств, предназначенных на содержание императорского дома. Обычно для императора выделялись деревни, где собирали низкие урожаи риса.

Несмотря на полную утрату императором реальной политической власти, императорский двор оставался важной составной частью государственной системы. Формально император являлся верховным правителем страны, получившим власть из рук богини Аматаэрасу. В формуле *бансэй иккэй* («одна линия на века») воплотился принцип непрерывного правления императорского дома. За ним сохранялось право раздавать придворные должности, ранги и награды (но когда придворный титул присваивали *букэ*, пожалование производилось по представлению сёгуна). Прерогативой императора оставались и религиозные церемонии, хотя *бакуфу* вмешивалось и в эти дела. Так, в 1615 г. были приняты указы *бакуфу* из 17 статей, регламентировавшие жизнь императорского двора, дворянства и духовенства.

Сыновья императоров, за исключением наследных принцев, обычно становились монахами и возглавляли тот или иной монастырь или храм. Это делалось по двум причинам: чтобы не разрасталась императорская семья и чтобы ее члены не могли принимать какое-либо участие в политической жизни страны.

Иэясу последовал примеру дома Фудзивара, который поставлял наложниц для императоров, — он предложил свою внучку Кадзуку в наложницы, вернее, в морганатические жены, поскольку императоры выбирали себе жен только из пяти придворных фамилий (*госэக்கэ*). Двор посчитал такое предложение нарушением традиций, но все же брак состоялся в 1620 г. Позднее император Гомидзуно из-за конфликта с сёгуном отрекся от престола в пользу своей семилетней дочери, которая приходилась Иэясу правнучкой. Она царствовала в 1629–1643 гг. под именем Мэйсё.

Перевод местопребывания *бакуфу* из Киото в Эдо продемонстрировал, что отношения сёгуна с императорским двором носили не личный, а институционный характер. При Иэясу в Киото был построен замок Нидзё, где останавливались сёгуны, приезжавшие в Киото. Три первых сёгуна еще навещали в императорскую столицу. Иэмицу посетил Киото трижды — в 1623, 1626 и 1634 гг. Каждый раз его сопровождало большое количество войск. Безусловно, это была демонстрация силы. Интервал между каждым воином был один метр,

поэтому войско производило впечатление нескончаемой ленты. После Иэмицу лишь сёгуны Иэмоти и Ёсинобу побывали в Киото, а остальные ни разу туда не приезжали. Замок Нидзё стал резиденцией *сёсидай*, обязанностью которого было наблюдение за императорским двором.

2.2. Социально-политическая система

Японию периода Токугава называют обществом системы *бакухан*. Термин «хан» в отечественной японоведческой литературе переводится как «княжество», «феодалное владение» и, как всякий перевод исторического термина, обозначающего реалии национальной истории, условен. Однако он довольно точно раскрывает суть этого понятия. Система *бакухан* отражала подчиненное положение княжества по отношению к правительству и являлась механизмом господства *Эдо бакуфу* в масштабах всей страны. *Бакуфу* выступало как политический орган, обладающий, кроме административной, еще и военными функциями. Начало этой системе положил еще Хидэёси, но свое завершение она получила при третьем сёгуне Иэмицу. Ее составляющими были:

- 1) умелое манипулирование *даймё*;
- 2) надзор за императорским двором;
- 3) контроль над внешними сношениями;
- 4) сакрализация наследия Иэясу.

В Японии насчитывалось примерно 260—270 княжеств. Среди них были большие, с доходом 1 млн *коку* и более, средние и маленькие, с доходом всего 10—20 тыс. *коку*. Владения дома Токугава давали от 3,5 до 4 млн *коку*.

Как административно-хозяйственные единицы княжества-хан включали в себя территорию и проживавших на ней людей. В каждом княжестве были своя администрация и вооруженные силы (в хан проживало $\frac{2}{3}$ всех самураев). После отмены института военных наместников (*сюго*) княжества имели относительную самостоятельность по отношению к центральному правительству в своей хозяйственной деятельности.

Для большинства людей, проживающих на территории княжества, сёгун и император были не более чем абстракцией. Главной фигурой для них был глава княжества, с администрацией которого они соприкасались в повседневной жизни. Именно администрация княжества занималась вопросами строительства дорог и мостов, укреплением берегов рек; в случае неурожаев от администрации поступала помощь;

когда в деревнях случались ссоры из-за распределения воды для полива или права пользования лесами, администрация княжества улаживала эти конфликты.

В начале XVII в. различия между административными системами *бакуфу* и княжеств были значительными, поскольку *даймё* придерживались своих семейных кодексов. Однако примерно к середине XVII в. административное устройство княжеств стало в основном повторять в миниатюре структуру *бакуфу*. В каждом княжестве существовало свое административное управление, которое возглавляли посменно главные вассалы *даймё* (*каро*). Они ведали всеми политическими, административными, военными и экономическими делами княжеств, поскольку *даймё* были обязаны подолгу находиться в Эдо. Важной фигурой был чиновник (*дзёдай*), который заменял *даймё* в его отсутствие. В штате существовала еще одна должность — *русуи*: этот чиновник заменял *даймё* в Эдо, когда тот возвращался в княжество.

Даймё в эпоху Токугава подразделялись на три категории. К *фудай даймё* относились князья, сражавшиеся на стороне Токугава Иэясу в битве при Сэкигахара; они были щедро награждены за счет конфискации земель противной стороны. *Тодзама даймё* («посторонние *даймё*») составляли западную коалицию феодалов, выступивших против Иэясу. К *камон даймё* относились феодальные дома, чье положение определялось их родственными связями — с домом Токугава, *бакуфу* или домом Мацудайра. Эта категория обладала одним большим преимуществом — *камон даймё* могли быть причислены к *фудай даймё*, но никогда — к *тодзама даймё*.

Несмотря на решительную победу Токугава в битве при Сэкигахара, стабильность ситуации в стране зависела от поведения *даймё*, которые в любой момент могли переменить свою позицию в отношении Иэясу. Поэтому Иэясу предпринял ряд шагов, чтобы окончательно ослабить своих противников.

Одной из главных мер стало принятие в 1615 г. «Княжеского кодекса» («Букэ сёхатто»). Спустя несколько недель после гибели Хидэёри, сына Хидэёси, Иэясу собрал *даймё* у себя в замке в Фусими, где им был зачитан указ из 13 статей, которые и легли в основу «Княжеского кодекса». Вот некоторые выдержки из него:

Даже о ремонте замка надлежит докладывать властям... Высокие стены и глубокие рвы — причина крупных переворотов.

Князья должны назначать на руководящие должности в своих княжествах людей способных и достойных.

Но самой действенной мерой контроля над *даймё* была система заложничества (*санкин котай*). Ее начал практиковать еще Хидэёси, но окончательно она оформилась при Иэмицу в 1634–1635 гг. Сначала эта система касалась лишь *тодзама даймё*, но потом распространилась на всех *даймё*, о чем было объявлено в 1642 г. Суть этой системы состояла в том, что *даймё* был обязан год жить в Эдо вместе с женой, детьми и вассалами, а год — без семьи — в своем княжестве. Для этого *даймё* строили в Эдо усадьбы (*ясики*) поблизости от Эдоского замка. Как правило, *даймё* имел не одну усадьбу, поскольку в Эдо часто случались пожары. Когда *даймё* возвращался в свое владение, он оставлял в Эдо свою семью в качестве заложников: это был лучший способ удержать его от опрометчивых поступков. *Бакуфу* не разрешало держать *даймё* большие вооруженные силы, каждому *даймё* в зависимости от его доходов была определена своя норма. При поездке в Эдо не разрешалось брать с собой огнестрельное оружие, специальные чиновники проводили тщательный досмотр. Правительство строго следило, чтобы заложники не бежали из сёгунской столицы. Одним из положительных результатов этой системы можно назвать то, что она способствовала приведению дорог в хорошее состояние и развитию экономики.

Проезд в Эдо и обратно, содержание семьи — все это приводило к огромным расходам. Только на транспортные расходы уходила $\frac{1}{3}$ доходов *даймё*. Для поддержания престижа *даймё* были необходимы товары высокого качества. Поэтому рис, получаемый в качестве налога, в больших количествах отправлялся на продажу, а на вырученные деньги покупались дорогие ткани и другие предметы роскоши. Кроме того, *даймё* полагалось подносить дорогие подарки сёгуну. Все это основательно подрывало финансовую базу княжеств, чего и добивались Токугава, вводя систему заложничества. При этом повышать налоги, чтобы восполнить свои финансовые потери, было опасно. Если крестьяне обращались с петицией или поднимали восстание, *даймё* могли обвинить в «несправедливом» управлении, а это грозило потерей владения.

Однако эти частые длительные путешествия в Эдо давали *даймё* и возможность расширить кругозор, приобщиться к культурной жизни города, усовершенствовать свое воинское искусство, наблюдать изменения, происходящие в стране.

Сословная система

В начале эпохи Токугава *бакуфу* установило строгие социальные различия. Все население страны было разделено на четыре сосло-

вия: *си* — самураи, *но* — крестьяне, *ко* — ремесленники, *сё* — торговцы. Сословие самураев подразделялось на *даймё* и собственно самураев, их вассалов, составлявших военное служилое дворянство. Последнее, в свою очередь, также делилось на ряд групп. Киотская придворная аристократия составляла высший слой в первом сословии, но при этом оставалась очень бедной. Место синтоистского и буддийского духовенства на установленной Токугава сословной лестнице не было строго определено, но оно стояло ближе к первому сословию.

Торговцы, впервые выделенные в отдельное сословие, оказались внизу социальной лестницы не случайно: согласно конфуцианской морали, они ничего не производили. Крестьяне же занимали вторую ступеньку социальной лестницы, поскольку труд земледельца в соответствии с конфуцианским учением считался почетным: «земледелие надо поощрять, а торговлю подавлять».

Вне четырех сословий оказались значительные социальные группы — *эта*, *хинин*, артисты, музыканты, фокусники, танцоры и др. *Эта* и *хинин* представляли собой презируемые, самые низшие социальные группы. *Хинин* («нечеловек») называли людей, подвергшихся наказанию за преступления, главным образом против императора и властей, а также нищих и бродяг. Их профессией становилось обслуживание места казни, захоронение казненных. В восточной части Японии они жили в городах и имели своего лидера — *дандзаэмон*, который выступал в роли посредника между *хинин* и властями. В западной части Японии они жили в деревнях. Теоретически в случае искупления своей вины *хинин* могли восстановить свой первоначальный социальный статус. *Эта*, каста париев, занимала самое низкое положение. Они занимались убоим скота, выделкой кож, крашением, уборкой мусора. С точки зрения буддизма такие занятия считались позорными, поскольку оскверняли человека «грязью смерти и крови». С древних времен эти работы выполняли либо рабы, либо заключенные. Постепенно «нечистые» профессии стали наследственными. Так образовалась каста отверженных *эта*, которая была лишена каких-либо прав и жила в специальных поселениях.

2.3. Структура бакуфу

Во время правления Иэясу и Хидэтада государственные дела осуществлялись талантливыми администраторами, которые выдвигались из непосредственного окружения Иэясу. Он окружил себя советниками, которых он лично выбирал и которым доверял, их преданность

Иэясу была проверена временем. В ближайшее окружение Иэясу входили люди разной социальной принадлежности. Среди них были слуги и самураи, многие из них затем служили сыну и внуку Иэясу (второму и третьему сёгунам). Особо верных ему Иэясу отправлял с разного рода поручениями, когда он еще не был сёгуном. Многие получили должности после его победы в 1600 г.

Самыми доверенными из приближенных Иэясу были люди из семьи Хонда, отец и сын. Эти верные сподвижники прошли с Иэясу весь его жизненный путь. Масанобу (1537—1616) и Масадзуми (1565—1627) родились в провинции Микава, где родился и Иэясу, и прислуживали ему с детских лет. Масанобу обладал многими талантами, как в военном деле, так и в исполнении различных должностных обязанностей. Масадзуми был тем доверенным лицом, кому Иэясу поручил провести свои похороны.

При Хидэтада, Иэмицу и восьмом сёгуне Ёсимунэ произошли становление и укрепление всех институтов *бакуфу*, усиление контроля над *даймё*, императорским домом, реорганизация всех административных органов *бакуфу*. Хидэтада упорядочил систему воинской службы не только в системе *бакуфу*, но и в княжествах.

Следующий период был связан с «открытием» страны в 1850-х годах, когда *бакуфу* столкнулось с реальной внешней угрозой и лихорадочно пыталось справиться с ситуацией. Однако время было безвозвратно упущено, и коренные реформы в Японии прошли уже в период Мэйдзи (1868—1912).

Когда Иэясу стал сёгуном, чиновничий аппарат еще находился в стадии оформления. Истоки сёгунской администрации вели свое начало от системы, существовавшей во владениях Токугава в районе Канто: военные силы имели свое командование, где старшим был главный вассал (*каро*), а гражданскими делами ведали три департамента (*сан бугё*), главами которых Иэясу назначил троих своих верных вассалов: Осуги Ясутака, Уэмура Масакацу и Корики Кийёса. Под их управлением находились три главных чиновника (*дайкан гасира*), которые ведали сбором налогов, финансами, документацией, т.е. вели все текущие дела. В штате также были предусмотрены должности священника и лекаря.

Такая административная структура сохранялась в течение нескольких лет после 1603 г. На государственные должности старались назначать людей, которые зависели от сёгуна экономически, были обязаны ему своим выдвижением и на чью лояльность можно было положиться. Такими людьми были *фудай даймё*, а также *хатамото* и *гокэнин*, непо-

средственные вассалы сёгуна. *Тодзама даймё* и представители боковых ветвей дома Токугава (*симпан*) в систему управления *бакуфу*, как правило, не допускались.

Но с конца XVII в. правительственные дела приобретали все более гражданский характер, и в числе чиновников стали появляться новые люди, предки которых не имели прямых связей с домом Токугава.

На протяжении всей истории периода Токугава в системе правительственных органов происходили изменения, но основная структура оставалась неизменной. Довольно большой правительственный аппарат, созданный при Токугава, отличался четким распределением должностей и обязанностей. Государственные дела вели высшие сановники: регент, старшие и младшие государственные советники, руководители ведомств. Немалое влияние оказывал на них и личный секретарь сёгуна (*собаёнин*), через которого сановники передавали свои доклады верховному правителю страны.

Высшая государственная должность — главный советник (*тайро*) — не была постоянной. Она учреждалась обычно при малолетнем сёгуне или в связи с чрезвычайными обстоятельствами. На этот пост выдвигались особо доверенные лица.

Старшие государственные советники (*родзю*) — их было пять или шесть, ведали делами управления страной и сёгунскими территориями, надзором за *даймё* и др. Они назначались из богатых *фудай даймё*, имевших доход не менее 25 тыс. *коку*. *Родзю* исполняли свои обязанности посменно, по месяцу каждый. Наряду с сёгуном они имели право ставить печати на важнейшие документы.

У *родзю* были помощники — младшие государственные советники (*вакадосиёри*), которые ведали охраной сёгуна и его дворца, полицейским аппаратом и всеми другими военными отрядами, формировавшимися из самураев — вассалов сёгуна (*хатамото*, *гокэнин*). На эту должность назначались лица из менее состоятельных *фудай даймё*.

Для обсуждения государственных дел *родзю* и *вакадосиёри* периодически собирались в одном из залов сёгунского замка — *Гоёбзэ*. Это был высший административный орган — Государственный совет, который иногда называли *Гоёбзэ* — по месту проведения его заседаний.

Административными, финансово-экономическими и хозяйственными делами *бакуфу* ведали четыре ведомства. Их деятельность была связана с повседневной жизнью и осуществлялась под началом *родзю*.

Финансовое ведомство (*кандзё бугё*) управляло всеми финансами *бакуфу*, ведало вопросами, связанными с налогами и повинностями, наблюдало за деятельностью правительственных наместников (*гундай* и *дайкан*), рассматривало жалобы населения восьми провинций района Канто. Ему были подчинены монетный двор, управление лесами и рисовыми складами. Это ведомство играло большую роль в жизни крестьян, проживавших на территории сёгунских владений, так как все налоговые книги, списки и документы, касавшиеся обложения, представлялись провинциальными наместниками сёгуна именно в это ведомство. Туда же обычно направлялись на предварительное рассмотрение жалобы крестьян, поданные в Государственный совет.

Ведомство по делам религии (*дзися бугё*) занималось делами буддийских храмов и синтоистских святилищ, но одновременно рассматривало жалобы населения всех других районов Японии, кроме восьми провинций района Канто. Были еще ведомство по делам г. Эдо (*Эдо-мати бугё*) и ведомство по делам других больших городов (например, Нагасаки); последнее также ведало рудниками, принадлежавшими сёгуну (*энкоку бугё*).

Существовал большой аппарат полицейских инспекторов (*омэ-цукэ*), у которых были помощники (*мэцукэ*).

Совещательным органом при *бакуфу* был *Хёдзёсё*, в который входили представители *кандзё бугё*, *дзися бугё*, *Эдо-мати бугё* и *мэцукэ*. Там обсуждались текущие дела и готовили ответы на запросы *родзю*. Вместе с тем *Хёдзёсё* представлял собой своего рода верховный суд, где рассматривались конфликты между ведомствами, петиции от *даймё*, княжеские споры о наследстве, прошения от крестьян, поданные минуя местные власти, и другие важные дела.

Единого свода законов тогда еще не существовало, при судебных разбирательствах обычно руководствовались отдельными правительственными указами и судебной практикой. С 1712 г. для приема жалоб от населения перед воротами *Хёдзёсё* три раза в месяц выставлялся специальный ящик (*мэясубако*).

Во владениях *бакуфу* правили наместники (*гундай* и *дайкан*). В ведении *гундай* находились территории с доходом более 100 тыс. *коку*: они контролировали самые важные экономические районы страны. *Дайкан* руководили владениями с доходом менее 100 тыс. *коку*. На этих наместников возлагались следующие функции: политико-административные (управление подведомственной территорией), судебные (разбор жалоб населения), финансовые (взимание налогов, изменение налоговых

ставок и т.д.), хозяйственные (ремонт плотин, дорог, мостов, наблюдение за ирригационной системой и т.п.), чрезвычайные (снабжение сёгунских войск, если они находились на подведомственной им территории, и подавление восстаний). Наместникам даже разрешалось вступать в переговоры с соседними феодалами в случае необходимости посылки войск для подавления волнений, что свидетельствовало о большом доверии к ним.

В городах, портах и на рудниках, принадлежавших правительству, находились полномочные сёгунские чиновники (*бугё*). В Киото при императорском дворе была введена новая должность специального наместника (*сёсидай*), в обязанности которого входила слежка за императорским двором и *кугэ*, чтобы пресечь любую попытку со стороны возможной оппозиции использовать императора в своих интересах.

3. XVIII век. Время перемен

XVIII век занимает особое место в истории эпохи Токугава. Это был период быстрого развития экономики, активной деятельности купечества, появления уставов купеческих домов Коноикэ, Мицуи, Сумитомо, Накаи, которые дают представление об этических основах профессиональной деятельности. Исторические корни японской философии бизнеса зародились и развивались в это время. Этическим нормам, заложенным в этих уставах, следуют и в современной Японии. В это же время появляются разного типа школы, что способствовало повышению общего уровня образованности разных слоев населения. Интерес японцев к западным знаниям привел к практическому их применению, особенно в области медицины.

Повышение уровня жизни и развитие средств сообщения сделало возможным путешествия на дальние расстояния не только *даймё* и их свиты во время *санкин котай*, но и простых людей. В целом перемещение по стране было строго ограничено указами *бакуфу*, но путешествия с целью паломничества в синтоистские и буддийские храмы разрешались. Поэтому люди часто использовали их для того, чтобы посетить и другие места по пути, ознакомиться с достопримечательностями. На пяти главных дорогах (трактах) страны (*гокайдо*) появляются гостиницы и закусочные, чайные дома. Так возникает обычай *гайсёку* — обедать вне дома.

Именно с этого времени можно говорить о формировании более или менее общей для страны культуры. Этому способствовало и развитие горо-

дов, а также развитие книгопечатания. Не только в больших городах, но и в провинции появилось много книжных лавок. Книги разных жанров издавались большими тиражами и широко распространялись по стране. Появление многоцветной печати преобразило облик книги. К началу XVIII в. город Эдо насчитывал 656 библиотек. Также XVIII в. — это расцвет жанра гравюры на дереве — *укиёэ*, появление которой на международных выставках в XIX в. покорило европейцев.

Но XVIII век — это и время, когда стали проявлять себя кризисные явления в социально-экономической сфере. *Бакуфу* пыталось справиться с трудностями путем реформ, но это удалось сделать только при восьмом сёгуне Ёсимунэ, который осуществил реформы годов Кёхо (1716–1736). А реформы годов Кансэй (1787–1793) позволили лишь на время преодолеть кризисную ситуацию в стране.

В политической жизни страны начала проявлять себя антисёгунская оппозиция. К концу XVIII в. недовольство можно было наблюдать среди разных слоев населения.

3.1. Развитие городов

Эпоха Токугава была временем бурной урбанизации. Возникновение городов в рассматриваемый период было обусловлено политическим объединением страны, целым рядом мероприятий и указов властей и развитием японской деревни. Политические и экономические процессы были тесно связаны, влияли друг на друга, обуславливали тот или иной путь возникновения города.

Процесс урбанизации не был одинаковым для всех районов Японии и зависел от степени развитости экономики, сельского хозяйства, его специализации, товаризации, рыночной активности, путей сообщений и других факторов.

К большим центральным городам относились Эдо, Осака и Киото, происхождение и социальный состав жителей которых обусловили отличительные особенности каждого из них, определили статус города и его место в социально-экономической и политической структуре японского общества периода Токугава. Эдо был резиденцией сёгунов и городом самураев, Осака — городом торговцев, Киото — резиденцией императора и придворной знати, творческого люда и искусных ремесленников.

На месте **Эдо** (современного Токио) когда-то была деревня. В 1457 г. вассал дома Уэсуги Ота Докан (1432–1486) построил там небольшой замок Эдо. Но по-настоящему история Эдо началась в 1590 г.,

когда Иэясу, став главой обширного района Канто, сделал этот замок своей резиденцией. Именно тогда началось строительство города и превращение его в административный центр, где вершились судьбы людей и страны. Став резиденцией *бакуфу*, Эдо превратился в огромный город. К середине XVII в. в нем проживало 430 тыс. человек, а спустя столетие — 1 млн.

Эдо развивался как город-потребитель, что объяснялось социальным составом его населения; этому же способствовала система заложничества *санкин котай*. В город завозилось огромное количество продовольствия и товаров — рис, *мисо*, масло, соя, соль, рыба, *сакэ*, уголь, дрова, очищенный хлопок, хлопчатобумажные ткани и др. Учитывая ограниченные возможности транспорта того времени, подвоз всего этого представлял собой большую проблему. Надо учитывать, что Эдо был расположен в Канто, экономически отсталом районе. Товарное производство там было развито слабо, население не было втянуто в товарно-денежные отношения. Такой большой город, несомненно, оказывал влияние на близлежащие деревни. Многие торговцы преуспели в снабжении города овощами и фруктами, которые они везли в Эдо из деревень, расположенных в радиусе сорока километров. Эта продукция ежедневно продавалась на шести рынках. Но местные возможности были ограничены. Поэтому Эдо снабжался разными товарами и из других районов. Можно сказать, что он был конечным пунктом товарного обращения в масштабах всей страны.

Большинство товаров везли из Осака. Взаимные экономические связи между этими двумя городами были очень оживленными. Путь между Эдо и Осака в эпоху Токугава был главной экономической артерией Японии.

Глав городских магистратов главных городов назначало *бакуфу*. В эпоху Токугава *мати бугё* (можно перевести как «градоначальник») был высокопоставленным администратором, обладавшим гражданскими, полицейскими и судебными функциями; он подчинялся непосредственно *родзю*. Однако под управлением *мати бугё* находились только горожане; к проживавшим в городе самураям он никакого касательства не имел, хотя они составляли примерно 50% населения города, а 60% городской площади занимали усадьбы первого сословия.

Под началом *мати бугё* находились *матидосиёри* (городские квартальные старшины). Они были выходцами из старинных семей, права на эту должность передавались по наследству. Кроме того, в каждом квартале (их к 40-м годам XIX в. в городе было 2770) имелся *нануси*

(староста), должность которого тоже была наследственной. Были еще главы пятидворок, дежурные у входа в квартал (*кидобан*) и др. К участию в городском управлении допускались только собственники земли, арендаторы такого права не имели.

Уже тогда складывался социально-профессиональный облик кварталов, что прослеживается и в современном Токио. Усадьбы *даймё* находились в Мита, Аояма, Роппонги; торговцы и ремесленники селились в Тамати, Симбаси, Рёгаэ, Фукагава. На одной из старинных улиц Эдо — Нихомбаси — торговцы из разных районов Японии имели свои лавки. Это и сейчас одна из самых оживленных улиц города, где расположены многочисленные универмаги и специализированные магазины.

Еще Иэясу проявлял заботу о водоснабжении города. Он поручил провести воду в Эдоский замок с Инокасира. Но в полном смысле слова говорить о водоснабжении города можно только начиная с 1653 г., когда два брата — Сёэмон и Сэйэмон, скорее всего, выходцы из торговцев, провели воду в город из реки Тамагава. За это они получили денежное вознаграждение и привилегию иметь фамилию Тамагава. Первоначально водой снабжались лишь усадьбы *даймё* и самураев. Но постепенно система водоснабжения пришла и в дома горожан — внутри их построек появились колодцы.

Город **Осака** с древнейших времен был торговым портом, расположенным на перекрестке важных морских путей, связывающих Японию с азиатским материком. Географический фактор сыграл большую роль в его развитии. Осака был личным владением сёгуна, резиденцией сёгунских чиновников. Город называли «кухней Поднебесной», он играл важную роль в снабжении Японии как продовольствием, так и различными товарами. По своему богатству город считался первым в стране. Большая часть товаров, производимых в разных концах Японии, проходила через этот портовый центр. В нем находились богатые купеческие дома — Коноикэ, Мицуи, Тэннодзия, Хираноя. Можно сказать, что Осака являлся в тот период всеяпонским рынком, где *бакуфу* и *даймё* продавали рис. При сёгуне Ёсимунэ (1716—1745) в Осака была создана рисовая биржа, где определяли годовые цены на рис.

С развитием общественного разделения труда и товарного обращения в масштабах всей страны в Японии складывался национальный рынок. Осака играл важную роль в этом процессе. В XVIII в. он стал крупным оптовым центром страны, куда, помимо риса, в большом количестве свозились изделия крестьянской промышленности.

Среди товаров, привозимых в Осака, на первом месте был рис, на втором — хлопок и готовые изделия из него. В 1736 г. город получил хлопка и изделий из него на сумму 12 151 *кан* (1 *кан* серебра = 3,75 кг); овощей на сумму 5927 *кан*.

Уже в XVII в. население города достигло 200 тыс. человек, а к 1835 г. — около 360 тыс. человек. Рынков такого масштаба, как в Осака, в XVIII в. не было ни в Европе, ни в России.

Киото был не только самым старым среди крупнейших городов Японии периода *кинсэй*, но и с древнейших времен являлся культурным центром страны. Будучи местом пребывания японского императора и придворной аристократии, столицей Японии (*мияко*), город собирал лучших художников, поэтов, писателей и людей других творческих профессий, а с XIII в. выступал и как религиозный центр. Различные буддийские школы имели свои главные храмы в Киото или в непосредственной близости от города. В 1338–1573 гг. город стал местом пребывания *бакуфу* во время сёгуната Асикага. В XV–XVI вв. Киото сильно пострадал, особенно его северная аристократическая часть Камигё, которая была разграблена и сгорела. Восстановление Киото начал Хидэёси, а Иэясу завершил его, построив там замок Нидзё.

В процессе своего развития Киото постепенно стал и городом ремесленного искусства. Сначала ремесленники обслуживали лишь нужды императорского дома и придворных. Но, постепенно освобождаясь от зависимости, они начали продавать свои товары сами, а затем — торговцам.

В Киото изготавливали мечи, изделия из фарфора и керамические, музыкальные инструменты, кисти для письма, принадлежности для чайной церемонии, поделки из золота и серебра, высококачественные изделия из шелка; город славился ткачеством. Киотские товары имели высокую репутацию и качество, среди них было много предметов роскоши, тогда как в Осака в основном производили товары повседневного спроса.

Развитие экономики в XVII в. привело к расширению торговли шелком в Киото. Носить одежду, изготовленную из шелковых тканей в Киото, считалось престижным и служило отличительным знаком высокого положения. Кроме того, киотский шелк был хорошим подарком для сёгуна и его окружения. Поэтому многие *даймё* отправляли своих слуг за покупками в Киото.

По распоряжению сёгуна торговля высококачественными шелковыми тканями была сосредоточена в районе Нисидзин. Китайский шелк-сырец привозился из Нагасаки в Киото, где он поступал к тка-

чам. Импортные изделия и одежда из шелка также продавались в Киото. Поэтому в городе существовало множество различных категорий торговцев.

3.2. Купечество эпохи Токугава

Японское купечество по своему происхождению представляло собой довольно пеструю картину. Несмотря на строгую общественную регламентацию, в японском обществе на протяжении длительного периода происходили активные процессы социальной мобильности, что прослеживается на примере истории крупных торгово-предпринимательских династий.

Особенно сильно сословная система обнаружила свою подвижность в период *кинсэй*, чему способствовал ряд политических и социально-экономических обстоятельств, в результате которых люди довольно активно меняли свою социальную принадлежность: одни по причине накопленного богатства, другие — в силу утраты внутрисловных связей.

Купечество пополнялось за счет обедневших самураев, ремесленников, оставивших ремесло ради торговли. С ростом городов началось и участие в торговле крестьян. Они стали заниматься пригородным земледелием, ориентируясь на нужды горожан. Хотя городские купцы старались вытеснить крестьян с городских рынков, закупая излишки сельскохозяйственной продукции и изделия сельского ремесла на местах, некоторым крестьянам удавалось разбогатеть, и они, порвав с земледелием, сами становились купцами.

Предприимчивость японского купечества позволила ему достичь значительной экономической мощи даже в условиях изоляции Японии, когда оно было лишено возможности заниматься внешней торговлей. Всю свою энергию и изобретательность оно направило на развитие внутренней торговли, меньше — в сферу производства. Четвертое (в японской системе) сословие весьма преуспело в искусстве манипулирования деньгами, создав по всей стране сеть ссудных лавок. Кредитно-финансовые операции для многих купеческих домов послужили источником накопления, а свидетельством того, какими денежными суммами обладали эти дома, служит факт быстрого образования банков во второй половине XIX в., основу которых составили как раз накопления купеческих домов. Купцы также вкладывали деньги в освоение новых земель и разными путями становились фактическими собственниками земли.

При этом даже верховные правители Японии пользовались услугами купечества. У Токугава Иэясу советником по финансовым делам был Гото Миццугу, который основал монетный двор в Эдо (Гиндза). Купечество само искало связи с властями. Так, торговый дом Мицуи стал банкиром *бакуфу*. В отношении низших слоев населения купечество выступало в роли работодателей — лодочники, грузчики, носильщики, не говоря уже о многочисленных приказчиках в лавках, которые обслуживали расширявшуюся торговлю.

Структура купечества была многообразной. Это были крупные оптовые торговцы, владельцы бакалейных, мануфактурных, галантерейных лавок и лавчонок, лоточники, бродячие торговцы вроде русских коробейников; среди последних было много женщин. В период Средневековья бродячие торговцы сыграли важную экономическую роль — они были посредниками между городом и деревней, между районами с разной специализацией. Для многих крестьян такая торговля была побочным промыслом. Хотя она была связана с большим риском (на дорогах хозяйничали разбойники), но торговля вразнос была одной из самых распространенных в период Средневековья.

Купечество создавало свои объединения (*накама*) типа европейских гильдий. Первое из них появилось под непосредственным руководством *бакуфу* в 1604 г., чтобы противопоставить единую организацию японских купцов португальской монополии на ввоз китайского шелка. Получив специальную привилегию, торговцы часть прибыли отдавали правительству. В первой половине XVII в. эти поступления значительно пополняли казну *бакуфу*.

Практика выдачи привилегированных лицензий (*кабу*) продолжалась и дальше. *Кабунакама*, получив разрешение на продажу или производство какого-либо товара, уплачивали *бакуфу* определенный налог. Лицензию можно было продать или передать по наследству. Были у купцов и организации, созданные самостоятельно: оптовые торговцы имели свои объединения — *тоия*, или *тонья*.

В 1721 г. сёгун Ёсимунэ в русле проводившихся им реформ взял деятельность купечества и ремесленников под контроль. Он легализовал все их объединения, разделив их на 96 категорий. Таким образом и торговцы получили определенные выгоды, так как *бакуфу* уже не мог, как раньше, прибегать к конфискации имущества отдельных членов объединения, а для *бакуфу* упрощалась схема взимания налогов с объединений торговцев, было удобнее передавать указы и распоряжения властей, осуществлять контроль над ценами, надзор за торговлей и т.д. Использовало правительство эти объединения и в полицейских целях.

Известно, что объединение ростовщиков, имевших ломбарды, помогало выявлять краденое и ловить воров. Купечество не было обложено таким постоянным налогом, как крестьянство, но было уязвимо для властей, когда те, испытывая финансовые затруднения, могли конфисковать имущество, аннулировать долги или потребовать какие-либо «пожертвования».

Купечество платило следующие налоги:

- *мёгакин* — промысловый налог, им облагались также ремесленники и рыбаки, т.е. лица, занятые в производственной сфере; это была плата *бакуфу* или *даймё* за разрешение заниматься теми или другими видами деятельности; размер этого налога определялся каждый год;
- *ундзёкин* — плата за разрешение заниматься извозом, налоговые ставки здесь были самыми разными;
- *гоёкин* — внеочередной налог; его платили по особому распоряжению властей или если получали право носить фамилию, меч и т.д.

Купцам предоставлялись особо широкие права, если они являлись подрядчиками или поставщиками двора сёгуна или отдельных княжеств; их называли *гоёсёнин*. С *бакуфу* и властями княжеств сотрудничали и *гоётацу* — торговцы, которым были предоставлены монопольные права в области посреднической деятельности. Среди них было много тех, кто специализировался на закупке риса. *Курамото*, или *какэя*, были купцами — владельцами рисовых складов, кредитовавшими *даймё* и продававшими продукцию, производимую в княжествах. Кредитование *даймё* было настолько широко распространенным явлением, что в ходу был специальный термин *даймё каси* (кредит для *даймё*).

В XVI–XVII вв. в Японии возникло много торговых или торгово-предпринимательских домов. Часть из них разорилась, но многие сохранились и до наших дней, среди них — Коноикэ, Мицуи и Сумитомо. Последние принадлежали к новому слою японского купечества, сложившемуся в эпоху Токугава. Они пришли на смену купцам XVI — начала XVII в., активно занимавшимся внешней торговлей. В условиях ограничения связей с внешним миром им приходилось искать иные сферы и формы деятельности. Основатели этих домов были выходцами из сословия самураев.

Торговый дом Коноикэ начал заниматься производством саке еще в XVII в., основным местом его деятельности являлся г. Осака, где дом Коноикэ стремился приобретать земельные участки, которые со временем росли в цене, что делало выгодной эту сферу де-

тельности. Но постепенно Коноикэ стали заниматься в основном морскими перевозками и целиком переключились на кредитно-денежные операции.

Основатель торгового дома Мицуи, Сокубэй, круто изменил свою судьбу, решив в условиях наступившего в стране мира поменять самурайский меч на *соробан* (счеты). Поначалу дела шли неважно, поскольку Сокубэй плохо представлял себе технику торгового дела, но положение спасла его жена Сюхо, которая была купеческой дочкой. Мицуи специализировались на торговле тканями, но постепенно дом начал заниматься и финансовой деятельностью. В период Мэйдзи (1868–1912) Мицуи сумели правильно выбрать дальнейший путь развития и вложили свои огромные денежные накопления в банковскую и промышленную сферы. Они правильно уловили дух времени — Япония во второй половине XIX в. вступила в стадию промышленной революции.

В период Токугава в обращении находились разного вида деньги, что в середине XVII в. привело к появлению меняльных контор. Эти конторы продавали золотые и медные монеты, серебро на вес, давали ссуды, принимали векселя, брали деньги на хранение, т.е. по своим функциям являлись прообразом банка. Японские меняльные конторы имели примерно такой же режим работы, как и лондонские, — они были открыты ежедневно с 10 часов утра, а продолжительность их работы (примерно два часа) определялась временем горения светильника (в Лондоне — временем горения одной свечи).

Финансово-промышленная группа Сумитомо — одна из старейших в Японии. Ее история уходит своими корнями в XVII в. Дом Сумитомо с самого начала своей предпринимательской деятельности был связан с горно-рудной промышленностью, в частности с добычей и плавкой меди. Медь получалась отменного качества, что позволило дому Сумитомо стать основным поставщиком меди как на внутренний, так и на внешний рынок. А потребность в меди была велика: из нее чеканили монеты, изготавливали различную утварь, украшения, использовали для обшивки носовой части судов. Даже когда правительство ограничило связи с внешним миром, четыре представителя дома Сумитомо имели разрешение на торговлю медью с иностранными купцами.

В XVIII в. появились уставы купеческих домов, в них поощрялись бережливость, деловая смекалка и тщательное соблюдение отчетности. Это были три главных составляющих правила в делах.

3.3. Восьмой сёгун Ёсимунэ — сёгун-реформатор

Ёсимунэ (1684—1751) был одной из самых примечательных личностей дома Токугава, оставившей заметный след в истории Японии. Он был энергичным и умелым правителем и провел первую серию реформ по созданию новой государственно-административной структуры, заложил основы государственности, выстроил вертикаль власти. Все реформы проводились последовательно и были направлены на будущее развитие Японии, а не только чтобы исправить положение дел на период его правления. Назревшие проблемы были новыми для страны, и их разрешение требовало иного подхода, так как предыдущий опыт не годился. Годы его правления (1716—1745) стали поворотным моментом в развитии японского общества во всех сферах.

Ёсимунэ родился 21 октября 1684 г. Он был третьим сыном Токугава Мицусада (1625—1705), главы феодального дома Кии (*госанкэ*), основанного одним из младших сыновей Иэясу. В 1697 г. он стал *даймё* небольшого владения Сабаэ (сейчас это часть префектуры Фукуи). В 1705 г. после смерти своих братьев он становится главой княжества Кии с доходом 550 тыс. *коку* (сейчас это префектура Вакаяма).

Ёсимунэ пробыл главой княжества Кии 12 лет — до мая 1716 г. За это время он успел провести множество успешных мероприятий — наладил управление княжеством, поправил его финансовое положение, во всем навел строгий порядок. Ему пришлось начать с решительных мер — сократить штат мелких чиновников на 18 человек, а оставшимся урезать содержание. Ёсимунэ предпринял шаги по исправлению дел в деревне и улучшению ирригационных систем, за что заслужил прозвание «просвещенного правителя» (*мэйкун*).

Когда в апреле 1716 г. умер семилетний сёгун Иэцугу и Ёсимунэ занял пост сёгуна, он находился в зрелом возрасте и уже обладал успешным административным опытом. Формально Ёсимунэ правил около 30 лет, но в действительности — дольше (до своей смерти в 1751 г.). Следует отметить, что Ёсимунэ три раза отказывался от предложения стать сёгуном.

В период правления Ёсимунэ произошло усиление властных структур. Используя свой предыдущий опыт главы княжества, он старался приобрести как можно больше знаний в области управления, постигнуть тайные пружины ведения всех дел, которые входили в сферу обязанностей сёгуна. Чтобы владеть обстановкой в стране, он стремился знать, что происходило в разных ее уголках. Для этого Ёсимунэ создал группу из двадцати самураев, которые переехали вместе с ним в Эдо из

княжества Кии. Именно им он поручал собирать сведения об обстановке в княжествах, доверяя лишь их сообщениям, а не донесениям официальных лиц. Собранный таким образом информация давала ему возможность решать вопросы назначения на ту или иную должность, находить способных и заслуживающих доверия чиновников. Благодаря этому Ёсимунэ сумел поставить себя в независимое положение, что давало ему возможность ослабить соперничество между новым чиновничеством в сёгунском правительстве и *фудай даймё*, политические позиции которых несколько пошатнулись. Он сразу же «исправил» отношения с *фудай даймё*, выказав уважение главе их представителей и заняв враждебную позицию по отношению ко многим новым людям, возвысившимся при предыдущих сёгунах.

За 100 лет правления дома Токугава в стране произошли большие изменения, и, по мнению Ёсимунэ, административная структура *бакуфу* нуждалась в реформировании. Поэтому им были проведены реформы, коснувшиеся вопросов управления, законодательства и аграрной сферы.

Было уделено внимание освоению пустошей, чтобы увеличить площади под посевы риса. Обустраивались берега рек, чтобы предотвратить наводнения. Предприимчивые крестьяне начали заниматься изготовлением удобрений, используя для этого различное сырье — рапсовое или кунжутное семя, рыбу, золу и др. Удобрения пользовались большим спросом, поскольку давали возможность повышать урожайность даже в засушливые годы.

Однако в первую очередь эти реформы, получившие название реформ годов Кёхо (1716–1736), были направлены на оздоровление финансов.

Чтобы увеличить денежные поступления в казну *бакуфу* и упорядочить бюджет, Ёсимунэ специальным указом ввел режим жесткой экономии, причем сёгун подал личный пример. Он вел борьбу против роскоши и излишеств в одежде, пище, жилище как при своем дворе, так и в отношении *даймё*, самураев, торговцев. Он запретил азартные игры, весьма распространенные среди имущих слоев населения, также боролся против взяточничества и других злоупотреблений среди чиновников. Проводя политику экономии государственных средств, Ёсимунэ сократил число *хатамото* и *гокэнин*, а оставшимся снизил рисовое жалованье.

В первые годы своего правления Ёсимунэ временно обложил *даймё* общегосударственным налогом в размере 1% валового сбора риса в их

княжествах (а те переложили всю тяжесть дополнительного налога на крестьян). Вместе с тем Ёсимунэ сократил срок пребывания *даймё* в Эдо с одного года до шести месяцев, тем самым уменьшив их расходы. Это нововведение действовало в 1722–1731 гг. Когда Ёсимунэ счел, что бюджет сёгуната упорядочен, он отменил налог с *даймё* и восстановил годичный срок их пребывания в Эдо.

Хотя проблемы, связанные с экономикой, занимали важное место в реформах, главную роль отводили широкомасштабной политической реформе. Ее целью было сохранить стабильность в стране, и для этого Ёсимунэ пошел по пути реорганизации государственных структур на основе «большого», «сильного» правительства.

Под понятием «большое правительство» (*оокина сэйфу*) подразумевалось, что оно будет обладать широкими государственными и общественными функциями. Основной составляющей реформ являлось и создание бюрократического аппарата, слоя государственных чиновников. Чтобы организовать их работу, необходимо было привести в порядок законодательство и наладить дело собирания документов и хранение архивов. Знаменитая библиотека Момидзьяма бунко со старинными рукописями, собранная Токугава Иэясу, была дополнена новыми документами. Для работы с архивами был создан целый штат чиновников, каждый из которых отвечал за определенный участок работы.

Для претворения реформ в жизнь Ёсимунэ требовались одаренные, энергичные, грамотные люди, поэтому на должности выдвигали способных людей; это не зависело от социального статуса их семьи, и их жалование определялось занимаемой должностью. Введение этой системы сыграло большую роль в формировании бюрократии и проведении реформ. Ёсимунэ выстроил вертикаль власти, которую возглавлял он сам.

Ёсимунэ заслуженно прозвали «рисовым сёгуном» за его меры, направленные на увеличение посевов риса и на создание его запасов как в сёгунских, так и в иных владениях. При Ёсимунэ принимались меры по ограничению производства *сакэ* в годы обильных урожаев, когда цены на рис падали; это делалось с тем, чтобы не сокращать запасы риса на местах. С той же целью проводились меры по ограничению подвоза риса в большие города. Именно при Ёсимунэ на острове Додзима (Осака) была открыта рисовая биржа, где определялись цены на рис. *Бакуфу* следило, чтобы между ценами на рис и на товары повседневного спроса не существовало больших «ножниц», проводило политику стабилизации цен, действуя через объединения торговцев (*кабунакама*).

При Ёсимунэ было облегчено участие городских торговцев в освоении целины. Лицам, поднимавшим пустоши, давались значительные налоговые льготы. Такое послабление отвечало политике увеличения поступлений в казну в виде налогов. Эту же цель преследовали и регулярные переписи населения, начало которым положил Ёсимунэ и которые должны были определить податное население страны. Первая из них прошла в 1721 г., а затем такие переписи стали проводиться каждые шесть лет.

По распоряжению сёгуна один из его ближайших сподвижников, Ока Тадасукэ, собрал отдельные указы и свел их в единый кодекс. Так в 1742 г. появился первый в эпоху Токугава кодекс законов из 100 статей. Пользоваться им имели право только судейские чиновники. Согласно этому кодексу во многих случаях отменялись пытки; за воровство преступника стали метить татуировкой, нанося ее на лоб или руки.

При Ёсимунэ Эдо превратился в огромный город, в жизни которого было много проблем — случались драки, процветали уличная проституция и азартные игры. Но власти старались строго следить за соблюдением порядка в сёгунской столице и за ее санитарным состоянием. Большой проблемой были пожары, в среднем один большой пожар случался каждые три года. Поэтому с 1718 г. для тушения пожаров стали привлекать и горожан. В августе 1720 г. в каждом квартале Эдо создали своего рода противопожарные отряды, которые отвечали за безопасность. Домовладельцев тоже обязали принимать противопожарные меры.

В 1722 г. были опубликованы указы, касавшиеся издательского дела, которые стали первым шагом в деле охраны авторских прав. Подобные меры были приняты в Англии в 1710 г. Была введена строгая цензура на откровенный эротизм и натурализм в описании сцен и деталей быта «веселых кварталов».

В трех крупных городах Японии три раза в неделю выставлялся специальный ящик — *мэясубако* — для приема жалоб от населения. Ключ хранился у сёгуна, только он обладал правом вскрывать эти ящики. Поэтому строго следили, чтобы ящики не пропали по дороге, с самой большой охраной доставляли эдоский ящик. На чтение бумаг из этих ящиков Ёсимунэ тратил несколько часов в день. **При Ёсимунэ было создано Управление по охране здоровья (*косэй гёсэй*).** В то время в качестве лекарств использовали различные травы, в этом хорошо разбирался и сам Ёсимунэ. В задачу этого управления входило наладить выращивание женьшеня в Японии, чтобы не ввозить дорогой корейский женьшень.

Всех *даймё* обязали выращивать лекарственные растения. По распоряжению Ёсимунэ в Эдо обустраивались места для прогулок и отдыха горожан, вдоль улиц высаживались деревья, в районе Асукаяма создали зону отдыха, где посадили много сакуры, чтобы жители могли приходить сюда на *ханами*. Все эти мероприятия входили в программу улучшения здоровья нации.

Составной частью реформ годов Кёхо было разрешение на ввоз в Японию европейских книг по прикладным наукам. Ёсимунэ лично встречался с голландцами во время их ежегодных визитов в Эдо и задавал много вопросов, интересуясь тем, какую практическую выгоду можно извлечь из западных наук. Ёсимунэ интересовало все, что происходило на Западе. Он проявлял большой интерес к европейской пище, растениям, живописи и особенно к тому, что имело отношение к сельскому хозяйству. С его разрешения несколько японцев отправились в Нагасаки, чтобы изучать там голландский язык. Пробитая европейскими книгами брешь в изоляции страны положила начало школе *рангакуся* («голландоведов»), представители которой выступали за расширение связей с Западом, за распространение европейских знаний в Японии.

На проведение реформ Ёсимунэ потребовалось десять лет. Проводились они в строго определенном порядке, по той системе, которая была создана им самим.

Ёсимунэ был самураем, поэтому придавал большое значение закалке, стремился возродить военное мастерство самураев, был сторонником строгих нравов и считал сложный этикет и всякие церемонии вредными для государственных интересов. Одевался он скромно: летом носил одежду из хлопка, а зимой — из льна.

Природа наградила Ёсимунэ крепким здоровьем. Он был физически сильным человеком ростом 182 см, что было удивительно, поскольку из всех периодов японской истории в эпоху Эдо японцы в массе своей были наиболее низкорослыми.

Умер Ёсимунэ 20 июня 1751 г. и был похоронен в Эдо, на территории буддийского храма Канъэйдзи в Уэно.

4. Система образования и воспитания

4.1. Появление правительственных и княжеских школ

Япония в эпоху Токугава имела достаточно грамотное население, особенно во второй половине эпохи, причем уровень грамотности был не ниже, чем в европейских странах.

В это время Япония обладала довольно разветвленной сетью школ; их число выросло во второй половине и особенно в конце периода. Большую роль в этом сыграли власти Японии — центральные и местные.

Необходимость открытия школ осознал еще в 1600 г. Токугава Иэясу, встретившись с У. Адамсом. Обучение тогда велось при монастырях, и в качестве учителей выступали монахи; они же были и домашними учителями. Аристократия и основная часть высшего слоя воинского сословия были грамотными. Именно в XVII в. наступивший в стране мир стимулировал экономический подъем в стране, а за ним появилась потребность в гражданских профессиях, которые требовали определенного уровня грамотности и образованности. Знания были необходимы и самураям, чтобы суметь найти себе дело в условиях мира, и купечеству, и сельской администрации.

Постепенно в стране появилось большое количество школ разного типа, в том числе частных. Уже в XVII в. уровень грамотности среди всех слоев населения вырос, а образование стало носить целенаправленный характер, причем каждое сословие приобретало определенные профессиональные навыки.

Первые шаги в области обучения *даймё* и самураев предпринял Токугава Иэясу. В начале XVII в., чтобы исполнять какую-либо административную должность, особой образованности не требовалось — приказы и распоряжения отдавались большей частью устно. Но в 1615 г. Иэясу дал понять, что намерен поощрять образование. Кроме того, он способствовал открытию библиотек и субсидировал издание книг по вопросам управления государством.

Это было составной частью мероприятий Иэясу, направленных на стабилизацию обстановки в стране. Сёгун осознавал опасность, исходившую от «лишних» людей, действия которых могли бы нарушить мир в стране. По убеждению Иэясу, наступило время, когда было необходимо поменять меч на кисть. Можно сказать, что политику правительства и местных властей в области образования определяла жизненная необходимость, хотя на первых порах власти вряд ли были особенно озабочены обучением простолюдинов.

Воспитание ума и развитие духа первого, воинского, сословия шло в рамках конфуцианского учения; неоконфуцианство — конфуцианство в интерпретации китайского философа Чжу Си (1130–1200) — было в токугавской Японии официальной государственной идеологией. Моральные принципы конфуцианства способствовали поддержанию общественного порядка, помогали регулировать

человеческие отношения и нормы поведения. Ученые-конфуцианцы пользовались расположением Токугава Иэясу, а Хаяси Радзан (1583–1657), один из основоположников чжусианской школы в Японии, входил в его ближайшее окружение. Он служил у первых четырех сёгунов (Иэясу, Хидэтада, Иэмицу, Иэцуна) и был автором всех указов, касавшихся самураев, которые были изданы в 1624–1644 гг. Не было документа, используемого правительством, который не прошел бы через его руки.

С именем Хаяси Радзан связано и учреждение первой в Японии высшей правительственной конфуцианской школы, готовившей кадры чиновников для правительственных учреждений и подчинявшейся *бакуфу*. Это *Сёхэйдзака гакумондзё*, известная также как *Сёхэйко*, или *Сёхэй гакко*, — Конфуцианская академия при центральном правительстве. Ее предшественницей была частная школа, построенная в районе Уэно в Эдо в 1630 г. сёгуном Иэмицу; при школе была и библиотека. Эта школа получила название *Кобунъин*. В 1690 г. сёгун Цунаёси построил храм в Юсима, в районе Канда, куда перенес изображение Конфуция, которое ранее находилось в *Кобунъин*, после чего сама школа переехала в район Канда. Место называли Сёхэй — так звучит по-японски китайская местность Чанпин, где родился Конфуций. Школу, библиотеку и храм объединили под общим названием *Сёхэйко*, деньги на ее содержание выделяло *бакуфу*, и она начала функционировать как правительственная школа. Хаяси Радзан был первым ректором этой академии, и эта должность стала наследственной в его семье. Кроме лекций по конфуцианству, там преподавали японскую историю и литературу, поэзию, право, военные искусства.

В период реформ годов Кансэй (1787–1793) структура школы расширилась, а контроль над ее деятельностью со стороны *бакуфу* усилился. С 1798 г. в школу стали принимать только членов семей *хатамото* и *гокэнин*, и она получила землю под строительство новых зданий. Статус школы в результате реорганизации повысился, она стала называться *Сёхэйдзака гакумондзё*. Ее считают предшественницей Токийского императорского университета, в котором велась подготовка правительственных чиновников. **Создание академии положило начало правительственной системе образования для представителей высшего сословия.**

В предшествовавший период начальное обучение детей *буси* происходило в основном дома. Домашнее воспитание было особенно строгим в семьях самураев высших рангов. В качестве учителей выступали буддийские монахи, самураи.

Наступивший в стране мир внес перемены в систему обучения детей первого сословия. Появились княжеские школы — их называли *ханко*, *хангаку*, *хангакко*. Идея обучения детей в специально построенном для этого здании не была новой, но школы, которые появились в эпоху Токугава, были совсем иного рода. Их задачи и программы обучения соответствовали духу времени. По мере того как в условиях мира общественная роль самураев падала, а правление в стране становилось все более гражданским, требовались более широкие знания, чтобы найти работу в какой-либо административной структуре.

Этому способствовало и появление *сидзюку* — частных школ, которые отличались от официальных школ *бакуфу* и княжеств. *Сидзюку* размещались в доме преподавателя, существовали на денежные взносы учеников, не получали материальной поддержки от властей. Поэтому они были свободны от официального контроля, что позволяло им самим определять программу обучения. Во многих *сидзюку* упор делался на изучение западных наук: там обучали голландскому языку, медицине, западным военным наукам, навигации. Уровень обучения был высоким. Число *сидзюку* росло: в 1829 г. их насчитывалось 437, а к 1867 г. — уже 1528.

Привлекательность этих школ заключалась в том, что они давали возможность обучения и самураям, и простолюдинам. Для обучения в *сидзюку* не имели значение ни местожительство, ни сословная принадлежность. Там при формировании групп учитывались способности ученика, и благодаря этим школам талантливые люди незнатного происхождения смогли продвинуться по бюрократической лестнице. Часто юношей отправляли на учебу власти княжества. Государство, нуждаясь в способных и квалифицированных чиновниках, принимало на службу хорошо образованных самураев низших рангов или даже простолюдинов и разрушало тем самым традиционную систему предоставления должностей, что способствовало повышению социальной мобильности в токугавском обществе.

Княжеские школы предназначались сначала лишь для детей самураев княжества. Как правило, дети самураев поступали в школу в 7–8 лет, оканчивали ее в 22–23 года. Обучение в них было бесплатным, все расходы по содержанию школы оплачивал *даймё*. Число учащихся зависело от величины княжества и дохода *даймё*, в среднем их бывало около 500.

В некоторых княжествах этих школ или не было совсем, или в них можно было получить только самые элементарные знания. Однако, несмотря на различия, основной набор предметов в них был, как пра-

вило, одинаков — конфуцианство, история Японии и Китая, каллиграфия, этикет, *кокугаку*, литература, военные предметы.

В период *бакумацу* в княжеских школах стали происходить заметные изменения. Школы начали менять свои правила. Во многих княжествах сохранились документы о разрешении простолюдинам учиться в княжеских школах. Менялись учебные программы, вводились новые дисциплины, рационализировалась организационная структура. Обязательным для самураев высших рангов стало изучение права. Появились школы разного уровня и разного профиля. В $\frac{1}{4}$ этих школ началось изучение западных наук, особенно в более развитых княжествах — Тёсю, Тоса, Сацума, Кага и Сага. Там старались заниматься обучением способных и талантливых людей.

Всего в эпоху Токугава было 225 княжеских школ, и они вплоть до своего упразднения в 1871 г. играли заметную роль в распространении грамотности. Считается, что мужская часть самурайского сословия к периоду *бакумацу*, скорее всего, была полностью грамотной.

4.2. Прихрамовые школы *тэракоя*

Но самым распространенным типом школы были *тэракоя* — прихрамовые школы. Именно они обеспечивали элементарную грамотность в широких масштабах. Они возникали по всей стране, в деревнях и городах, без помощи официальных властей. *Тэракоя* получили широкое распространение в Японии во второй половине XVII в., и, по некоторым подсчетам, их было более 10 тыс. Так называли школы в западной части страны, а в Эдо их именовали *тэнараисё* — школа, где учили писать. В школах этого типа давалось самое элементарное начальное образование. Крестьяне, торговцы, горожане осваивали в этих школах азы чтения, письма и арифметики, необходимые им в повседневной жизни. Не будет преувеличением сказать, что *тэракоя* сыграли главную роль в распространении грамотности в стране в эпоху Токугава.

Школы для простолюдинов получили название *тэракоя* не случайно. Еще в период Камакура буддийские монастыри (*тэра*) стали своего рода центрами обучения духовенства и мирян. Монахи в то время были носителями грамотности, к ним шли, когда надо было составить какой-либо документ, получить медицинскую помощь и даже узнать свою судьбу. С конца периода Муромати (1338—1573) самураи перестали обучаться при монастырях, и в качестве учеников из числа мирян там остались лишь дети простолюдинов. Такое положение сохранялось до начала XVII в. В эпоху Токугава *тэракоя* стали чисто светскими шко-

лами, не имевшими непосредственных связей с храмами. Первоначальный смысл названия утратился, но сохранилась форма обучения. Название *тэракоя* стало употребляться для обозначения начальных школ вообще.

Существовало несколько видов школьных заведений, объединенных названием *тэракоя* (или *тэнараисё*), которые отличались друг от друга по разным параметрам. Например, программа обучения зависела от социальной принадлежности учеников. Пестрым был и социальный состав учителей в этих школах. В *тэракоя* работало примерно 17 тыс. учителей. Многие из них были самураями, *ронин*, буддийскими и синтоистскими монахами, каллиграфами, лекарями, простолюдинами, причем для некоторых из них учительство не было основной работой.

Позднее в городах, прежде всего в Эдо, появились учителя, для которых преподавание стало основным видом деятельности. В основном это были выходцы из самурайской среды, что было вполне закономерно — самураи составляли большую часть населения Эдо. Профессиональные учителя селились в тех районах Эдо, где жили самураи, и обучали в основном детей из самурайских семей. Но среди их учеников можно было видеть и детей горожан, поскольку не было запрета на такое совместное обучение; иногда учениками были и взрослые люди. Среди учителей было довольно много женщин.

Тэракоя отличались друг от друга по своему материальному положению — были школы благополучные, но были и очень бедные. Школы существовали за счет добровольных пожертвований, регулярного жалования учитель не получал. Оплата труда учителя зависела от многих факторов, в частности от количества учеников. Обычно в школе обучалось 30–60 детей. Учитель был один, ему помогали члены его семьи и кто-нибудь из старших учеников.

Программа обучения простолюдинов не была так строго регламентирована, как для самураев. Учеба в *тэракоя* начиналась с обучения детей слоговой азбуке, написанию имен, географических названий, названий наиболее употребительных предметов. Следующей ступенью было изучение иероглифики по китайским книгам; здесь вникать в содержание текстов не требовалось, их заучивали наизусть. Умение читать по-японски постигалось в процессе обучения иероглифическому письму. В некоторых школах к основным предметам добавлялись и другие дисциплины, дававшие профессиональные навыки; иногда изучали *камбун*, историю, географию. С проникновением в страну западных знаний в *тэракоя* появлялись новые предметы.

В целом во всех видах школ в эпоху Токугава большое внимание уделялось этическому воспитанию, основной частью которого была конфуцианская мораль. Поощрялись опрятность, аккуратность, прилежание, хорошее поведение; вместе с тем детям прививали почтительное отношение к родителям и к учителю. Ребенка с малых лет воспитывали в духе почитания старших. Соблюдение этого принципа было обязательным во всех социальных слоях общества, что позволяло сохранять общественное спокойствие и порядок.

В XVIII в. богатые торговцы, в том числе и дом Сумитомо, на свои пожертвования основали в Осака школу **Кайтокудо**. Это было время расцвета предпринимательской деятельности японского купечества, которому были необходимы образованные работники, чтобы успешно вести дела, а знаний, получаемых в *тэракоя*, было недостаточно для этого рода профессиональной деятельности. Позднее эта школа получила поддержку *бакуфу*.

Свидетельством того, что власти начали поощрять обучение простолюдинов, было появление *гогаку* (местных школ), где давался более высокий уровень знаний, чем в *тэракоя*. *Гогаку* ставили своей целью подготовку образованных чиновников деревенской и городской администрации. В них дети самураев и простолюдинов обучались вместе, причем со временем число самурайских детей возрастало. Первая *гогаку* открылась в провинции Окаяма в 1667 г., а спустя несколько десятилетий такие школы появились во многих провинциях. Большая часть этих школ основывалась самими *даймё* в княжествах, но были и такие, которые открывались частными лицами. Иногда такую школу, объединившись, открывали несколько деревень или несколько кварталов в городе.

Особенно широкое развитие *гогаку* получили в первой половине XIX в. Многие вновь открывшиеся школы представляли собой, в сущности, ответвления от княжеских школ, в связи с чем они попадали под попечительство (и конечно, под надзор) властей, которые следили за учебным процессом и контролировали учебные материалы и программы.

Многие школы имели хорошее собрание книг, по уровню обучения они были ближе к княжеским школам или к лучшим *сидзюку*. Можно сказать, что они обеспечивали среднее образование, тогда как *тэракоя* давали начальное. Звездный час этих школ пришелся на последние годы сёгуната и первые годы периода Мэйдзи, а затем они послужили основой для создания общеобразовательной школы западного типа.

То, что Япония имела в эпоху Токугава довольно грамотное население, подтверждается тем, что в то время страна пережила «книжный взрыв». Поэзия Мацуо Басё, драмы Тикамацу Мондзаэмон, проза Ихара Сайкаку положили начало литературе нового типа и заняли особое место в культурном наследии Японии. Тогда же появились своего рода путеводители по стране. Особой популярностью пользовался путеводитель Асаи Рёи «*Токайдо мэйсёки*» («Записки о достопримечательностях тракта Токайдо»); он даже использовался в качестве учебного пособия.

Книжный бум оказал большое влияние на распространение образования в стране, а оно, в свою очередь, способствовало увеличению спроса на все виды книжной продукции. Появилось много специализированных книжных лавок, где книжку можно было взять почитать за четверть или треть ее цены, а также библиотек (*касихонъя*), где книгу можно было взять на время под денежный залог. К началу XVIII в. в Эдо было 656 таких библиотек, где желающие могли ознакомиться с книжными новинками, если у них не было возможности их приобрести.

Образование в период Токугава вполне соответствовало потребностям японского общества того времени. Опыт, накопленный тогда в этой области, был использован и в последующий период. Решительный поворот в области образования в период Мэйдзи был бы невозможен без развития школьной системы в период *бакумацу*. В стране имелось большое количество учителей с опытом работы, образование было реально доступно не только высшим слоям общества, но и простолюдинам. В результате в 1870 г. уровень грамотности в Японии был выше, чем в Европе, что послужило хорошей основой для успешной индустриализации страны.

5. Япония и внешний мир

В XVI–XVIII вв. в характере внешних связей и внешней торговли Японии произошли большие изменения. В дальнейшем XIX век открыл новый этап во взаимоотношениях страны с внешним миром. Встреча японцев с европейцами не была случайным эпизодом в мировой истории. Это была эпоха Великих географических открытий, когда европейцы в поисках новых земель отправлялись в дальние морские плавания.

5.1. Переход к политике изоляции

На рубеже XVI–XVII вв. Япония поддерживала внешние связи с народами 16 стран, стремясь завязать с ними выгодные торговые

отношения. Начало XVII в. — период наивысшего подъема японского мореплавания. В те годы японские корабли совершали плавания не только в страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Дважды — в 1610 и 1613 гг. — они пересекали Тихий океан, доставляя посольства сёгуна Иэясу в Новую Испанию, так тогда называли Мексику.

К концу XVI — началу XVII в. внешняя торговля Японии приобрела некоторые новые черты. Междоусобные войны XVI в. способствовали большому спросу на огнестрельное оружие среди феодалов, поэтому оно стало важной статьёй импорта из Португалии. Кроме того, во второй половине XVI в. португальцы держали в своих руках монополию на ввоз в Японию китайского шелка и шелковых тканей. Японцы не могли сами покупать их в Китае — из-за действий японских пиратов (*вако*) на китайском побережье, а затем из-за военной экспедиции Хидэёси в Корею (1592–1598) отношения между Японией и Китаем были фактически прерваны в течение всей второй половины XVI в. Видимо, немалую роль в прекращении прямой японо-китайской торговли сыграли и сами португальцы, заинтересованные в том, чтобы взять на себя роль посредников.

Из Японии португальцы в большом количестве вывозили золото и серебро, оплачивая ими покупку китайских товаров для Японии и получая при этом большие прибыли. Важной сферой их деятельности была миссионерская — обращение населения в христианство. Христианские миссионеры действовали в тесном контакте с португальскими купцами; они развернули свою религиозную пропаганду сначала на острове Кюсю, а затем и по всей стране. Вслед за португальцами в Японии появились испанцы, которые также вели миссионерскую деятельность, а за ними голландцы и англичане, которых интересовала преимущественно торговля. Голландцы прибыли в Японию в 1609 г., а англичане основали свою факторию на острове Хирадо, у западного побережья острова Кюсю, в 1613 г.

Первый из объединителей Японии, Ода Нобунага, не предпринимал мер к ограничению торговли и миссионерской деятельности европейцев, поскольку нуждался в огнестрельном оружии. Кроме того, он видел в них потенциальных союзников в своей борьбе с непокорными буддийскими монахами.

Такой же политики в отношении миссионеров сначала придерживался и Хидэёси. Но когда Хидэёси начал борьбу с *даймё* острова Кюсю, он изменил свое отношение к миссионерам, которые, почувствовав свою силу, стали действовать грубо и неприкрыто, участвуя в заговорах, сея распри, разжигая конфликты между феодалами, открыто

поддерживая сепаратистские устремления юго-западных *даймё*. Поэтому в **июне 1587 г. Хидэёси издал указ, предписывавший всем миссионерам под угрозой смертной казни покинуть страну в течение 20 дней.** Что касается португальских торговцев, то за ними сохранялось право прибывать в японские порты и вести обычную торговлю, но при этом им предписывалось заключать сделки самим, без посредников, в роли которых нередко выступали христианские миссионеры, весьма на этом наживавшиеся. Формой контроля и участия правительства во внешней торговле была введенная практика выдачи специальных разрешений — так называемой красной печати (*сюиндзё*).

Иэясу, став сёгуном, также первоначально не принимал никаких решительных мер против иноземцев. Наоборот, стремясь укрепить экономическую основу сёгунской власти, он проявлял большую заинтересованность в развитии внешней торговли, которая могла послужить дополнительным источником доходов для *бакуфу*. Поэтому Иэясу сначала активно сотрудничал с иностранцами, сделав главную ставку на голландцев и англичан, которые с начала XVII в. стали вести торговлю с Японией. Значительную роль в развитии японо-голландской и японо-английской торговли сыграл Уильям Адамс, первый англичанин, попавший в Японию в апреле 1600 г. на голландском корабле и ставший затем советником у Иэясу.

Однако через 25 лет после указа Хидэёси, **в 1612 г., Токугава Иэясу своим указом поставил христианскую религию вне закона.** Он также почувствовал опасность, исходившую от миссионеров.

В 1624 г. последовало запрещение приезжать в Японию испанцам, а в 1639 г. — португальцам. К тому времени роль португальцев в японской внешней торговле уменьшилась. В Японию после длительного перерыва вновь стали приходить китайские суда, количество которых постепенно возрастало, хотя дипломатические отношения между Японией и Китаем так и не были восстановлены (это произошло уже в период Мэйдзи). Так или иначе, нужда в португальцах как в торговых посредниках отпала.

Далее, в 1633–1636 гг. **были изданы указы, ограничивавшие внешние связи Японии с европейцами.** Согласно указу, изданному в феврале 1633 г., строго запрещалось отправлять суда за границу иначе как по особому разрешению *родзю*. Японцы могли отправляться за границу только на этих судах. Судовладельцам под страхом смертной казни запрещалось брать

на борт лиц, не имевших на то разрешения. Этим же указом определялся порядок покупки товаров у иностранцев. Последующие указы еще более ужесточали и регламентировали отношения с иностранными торговцами. С 1641 г. только голландцам и китайцам было разрешено торговать в порту Нагасаки, который находился под непосредственным контролем *бакуфу*. Что касается англичан, то они свернули торговлю с Японией сами, сочтя ее невыгодной.

Давая разрешение на торговлю голландцам, *бакуфу* учло их помощь в подавлении крестьянского Симабарского восстания (1637–1638), проходившего под христианскими лозунгами. В 1641 г. голландская фактория была перенесена с острова Хирадо на остров Дэдзима в бухте Нагасаки. Лишь раз в год сюда приходило голландское торговое судно. Долгое время Нагасаки был единственной «форточкой», через которую в Японию проникали европейские новости и знания. От португальских и испанских миссионеров осталось интересное эпистолярное наследие — живые свидетельства очевидцев бурных событий японской истории XVI — начала XVII в. Интересные воспоминания о своем пребывании в Японии оставили итальянец Алессандро Валиньяно (1539–1606), португальцы Луиш Фроиш (1532–1597) и Жуан Родригеш (1562–1633). Последний, отлично владея японским языком, в течение многих лет был переводчиком при Хидэёси и Иэясу. Он составил первую систематическую грамматику японского языка и подробный японо-португальский словарь, а также написал двухтомный труд по истории деятельности ордена иезуитов в Японии.

В целом можно сказать, что решение о закрытии страны относится к числу политических мероприятий в Японии XVII в. Мероприятия по изоляции страны от внешнего мира проводились с перерывами в течение 50 лет, что позволяет сделать вывод о том, что *бакуфу* решилось на этот шаг под давлением серьезных обстоятельств, отражавших изменения как во внутренней, так и в международной обстановке.

При этом отношения японских властей с различными иностранными государствами не были одинаковыми. Изгнав испанцев и португальцев, Япония не закрыла себя для Азии, да и для Европы она не была закрыта полностью.

В период изоляции были свои исключения из правил, что подтверждают данные о торговле с Китаем, Кореей и островами Рюкю. Поступления от внешней торговли составляли существенную статью дохода

в бюджетах *бакуфу* и отдельных *даймё*. Поэтому заинтересованность *бакуфу* во внешней торговле вполне понятна.

***Бакуфу* не делало попыток ввести монополию внешней торговли, оно стремилось поставить под свой контроль доходы от нее.** Результатом такой политики стало то, что доходы *бакуфу* от внешней торговли после введения режима изоляции только возросли.

Поэтому *бакуфу* активно содействовало торговым интересам определенных *даймё*. Княжества Цусима, Сацума и Мацумаэ регулярно посылали корабли за границу с молчаливого согласия Эдо. Цусима и Сацума вели значительную торговлю с Кореей и островами Рюкю, на территории которых размещались склады, служившие удобными перевалочными пунктами между Японией и Китаем. Женьшень, который вывозили из Кореи, приносил значительные доходы *даймё* на острове Цусима, который постепенно монополизировал продажу этого товара.

Новые данные относительно японо-корейских торговых отношений позволяют сделать вывод, что торговля с Кореей занимала значительное место в общем объеме японской внешней торговли и играла определенную роль в экономике страны. Внешняя торговля оказывала положительное влияние на экономическое развитие западной части Японии. Разработка рудников и шелководство были ориентированы на внешнюю торговлю. Значительная часть населения Нагасаки, Цусима, Кагосима, Осака, Киото и городов, расположенных на побережье Внутреннего Японского моря, обслуживала внешнюю торговлю, и именно она давала им средства для жизни. Отходничество из деревень, расположенных вокруг Киото, было связано с производством шелковых тканей из импортного сырья. В XVII в. 100 тыс. человек производили разные товары на экспорт.

Следует также учитывать, что, помимо легальной торговли, шла и контрабандная: в княжестве Сацума — с островами Рюкю, на острове Цусима — с Кореей, в Нагасаки — с китайцами и голландцами.

В настоящее время японские ученые активно изучают внешнеторговые связи токугавской Японии, широко привлекая корейские и китайские источники.

Новые данные об объемах внешней торговли позволяют опровергнуть точку зрения об исключительной закрытости Японии в эпоху Токугава.

В свете новых открытий нуждаются в пересмотре многие оценки периода изоляции, бытующие в отечественном японоведении. Эту

тому следует изучать, не отрывая политическую историю от экономической, поскольку внешняя торговля являлась составляющей частью внешней политики. Безусловно, Япония не была столь открыта, как Англия времен Елизаветы, но она и не была так закрыта, как Китай. Возможно, внешняя политика сёгунов Токугава наилучшим образом подходила для общения Японии с внешним миром в ту эпоху.

Ограничение связей с внешним миром следует рассматривать как часть политики, направленной на стабилизацию внутреннего положения, на упрочение сёгунской власти. Первые сёгуны из дома Токугава сознательно манипулировали официальной дипломатией в этих целях. Новая власть своей жесткой политикой по отношению к другим государствам демонстрировала свою силу потенциальным соперникам внутри страны. Для дома Токугава такая политика являлась средством еще более повысить свой статус, придать законченность процессу объединения и стабилизации. Вместе с тем был положен конец и беспорядку в сфере внешних сношений, когда *даймё* самостоятельно занимались внешней торговлей. Отныне торговые и другие важные дела должны были осуществляться под началом *бакуфу*. Нужно обратить внимание на тот факт, что японские власти осознавали возможность превращения Японии в колонию или полуколонию. Кроме того, ограничивая рамки внешней торговли, японцы оберегали свои природные ресурсы.

Не следует видеть в политике изоляции страны лишь негативные стороны, хотя их, конечно, было немало. Отсутствие возможности широко и свободно торговать с другими государствами сковывало предпринимательскую активность японского купечества, но, с другой стороны, привело к тому, что, направив всю инициативу, изобретательность и смекалку на развитие внутренней торговли, они выработали особый японский стиль управления и ведения дел. Надо учитывать, что японское общество в эпоху Токугава развивалось за счет внутренних импульсов.

Бакуфу, издавая указы об изгнании иностранцев, не воспринимало их как меры по изоляции страны (во всяком случае, оно не вкладывало в них тот смысл, который мы придаем этим указам сегодня). Термин «*сакоку*» («страна на цепи»), который переводят как «изоляция», тогда тоже не употребляли: он появился в начале XIX в., а в XVII в. использовался термин «*кайкин*» — китайское слово эпохи Мин, означавшее «заповедь, содержащая запрет чего-либо».

Нельзя утверждать, что целая нация полностью изолировала себя от остального мира; скорее она заняла активную оборонительную позицию против назойливых иностранцев, когда возникла реальная уг-

роза с их стороны. Это был продуманный шаг *бакуфу*, во многом определивший будущую стратегию японской дипломатии, которая помогла Японии преодолеть трудности, когда ей бросил вызов западный мир в середине XIX в.

5.2. Европейцы в токугавской Японии

Уильям Адамс, первый англичанин в Японии

В 1600 г. на голландском судне «Лифде» («Милосердие») в Японию по воле случая попал англичанин Уильям Адамс. Плавание проходило очень тяжело, продовольствие кончилось, моряки с трудом передвигались по палубе. Местные власти перевезли членов экипажа на берег и послали гонца к Иэясу, чтобы узнать, как следует поступить с иностранцами дальше. Иэясу приказал доставить к нему старшего по команде, но капитан был еще слишком слаб, и выбор пал на Адамса, который владел голландским языком. Он три раза встречался с сёгуном и, вероятно, сумел внушить ему доверие. Но ни Адамсу, ни команде на родину вернуться не разрешили.

Судьба милостиво обошлась с Адамсом, он стал советником Иэясу, который все больше и больше доверял англичанину, ценя его разносторонние знания. Адамс по просьбе Иэясу начал преподавать ему основы математики, а позже стал переводчиком сёгуна, вытеснив с этой должности иезуита Родригеша.

Адамс сыграл важную роль в налаживании японо-голландских торговых отношений. Он сопровождал к Иэясу голландцев, прибывших в 1609 г. в Японию, и благодаря его содействию они получили право торговать во всех портовых и даже отдаленных от моря городах, а также открыть торговую факторию на острове Хирадо.

Положение Адамса пошатнулось после смерти Иэясу. Новый сёгун Хидэтада не оказывал ему такого покровительства, как его отец. Было ясно, что Адамс впал в немилость и время его огромного влияния безвозвратно ушло. Адамс умер 16 мая 1620 г.

Голландский след в истории Японии

На протяжении более 200 лет голландцы были единственными европейцами, которым было дозволено жить в Японии и вести торговлю.

Жизнь голландцев в Японии была строго регламентирована. Круг японцев, с которыми они общались, был ограничен, и даже в Нагасаки, где они вели торговлю, их видел далеко не каждый.

Впервые голландцы появились у берегов Японии 19 апреля 1600 г. Это было судно «Лифде», единственное уцелевшее из пяти кораблей, которые в июне 1598 г. покинули Роттердам. В задачу этой экспедиции входило налаживание торговых отношений с Ост-Индией и Японией. Прокладывать новые торговые пути в восточные страны голландцев заставила жизненная необходимость. После того как в 1600 г. Голландия освободилась от испанского ига, испанский король Филипп II приказал закрыть лиссабонский порт для голландских судов. Это было серьезным ударом для голландцев, поскольку они закупали там пряности и шелк, которые португальцы привозили с Дальнего Востока. Эти товары голландцы с большой выгодой для себя перепродавали в странах Северной Европы.

Однако потребовалось несколько лет, чтобы голландцы смогли организовать торговлю с Японией. Для развития торговли необходимо было наладить контакты с голландцами, проживавшими в других восточных странах.

Токугава Иэясу предоставил голландцам право торговать во всех портовых городах. Но по мере того, как *бакуфу* стало проводить политику ограничения миссионерской деятельности, торговля с иностранцами также подверглась ограничениям. *Бакуфу* стремилось установить над ней правительственный контроль. После появления указов 1612–1613 гг., направленных против европейских миссионеров, иностранная торговля была ограничена портами Нагасаки и Хирадо. И когда в 1639 г. последовал запрет португальцам приезжать в Японию, Голландия стала единственной европейской страной, с которой Япония поддерживала торговые (именно торговые, а не дипломатические) отношения.

В 1631–1636 гг. голландцы столкнулись с большими трудностями в своей торговой деятельности на острове Хирадо. При новом сёгуне Иэмицу, внуке Иэясу, от которого голландцы получили большие привилегии в торговле, отношение к иностранцам резко изменилось. Теперь они должны были подчиняться жестким правилам. В 1633 г. голландцев обязали продавать шелк-сырец только по фиксированным ценам (как и португальцев в Нагасаки); другие товары могут поступать в продажу лишь после того, как будут определены цены на шелк-сырец. Тогдашний глава фактории Николаес Кукебакер попытался проигнорировать это требование и был строго предупрежден. По-видимому, *бакуфу* в то время подумывало о том, не применить ли указ об изгнании иностранцев и к голландцам, опасаясь возможных контактов между голландцами и *тодзама даймё*.

24 июля 1641 г. голландцам пришлось перебраться на небольшой искусственный островок Дэдзима в гавани Нагасаки.

Совершенно очевидно, что голландцев удерживали в Японии только экономические интересы. И даже когда голландская торговля переживала периоды упадка, они не теряли надежду на улучшение своих дел и стойко переносили все ограничения и унижения, аккуратно подчиняясь распоряжениям японской стороны.

Не менее стойко голландцы выносили еще одну обязанность — поездки в Эдо, где они должны были свидетельствовать свое почтение и благодарность сёгуну и преподносить ему подарки.

После 1790 г. миссия приезжала к сёгуну раз в четыре года, но подарки сёгуну отправлялись ежегодно, хотя и не такие дорогие, как раньше.

В XVIII в. голландско-японская торговля резко сократилась. Причина заключалась в том, что в привозных товарах преобладали шелк-сырец и сахар; постепенно японцы начали сами производить эти товары, что позволило сократить их импорт. В 30-е годы XIX в. Япония полностью прекратила ввоз сахара. Политику закрытия внутреннего рынка для иностранных товаров можно рассматривать как дальнейшее развитие политики ограничения внешних связей страны. Но следует учитывать, что она проводилась *бакуфу* сознательно и преследовала цель сохранить природные ресурсы и создать условия для развития собственного производства.

Однако, несмотря на ухудшение дел, голландцы не ушли из Японии. Свою монополию на ведение торговли им удалось сохранить до 1854 г.

5.3. Голландцы — первые информаторы европейских научных знаний

Вторая половина XVIII в. отмечена ростом интереса японцев к западным наукам. Толчок распространению западных знаний дал появившийся в 1720 г. указ сёгуна Ёсимунэ о разрешении ввоза в Японию книг по прикладным наукам, чтобы использовать в практических целях европейские достижения в области астрономии, медицины, математики и др. Можно сказать, что после этого интересы японцев в общении с Западом переключились на интеллектуальную сферу.

Роль своеобразного моста между Европой и Японией более двухсот лет играла Голландия, и каким бы хрупким и узеньким ни был

этот мостик, он служил проводником новых веяний, узнать которые стремились передовые люди Японии тех лет. Хотя среди обитателей голландской фактории было не много людей по-настоящему образованных и культурных, именно они стали для японцев носителями европейских знаний. Впрочем, японцам повезло, что длительное время они имели дело именно с Голландией, более развитой страной, чем Испания и Португалия. Голландцы быстро переводили на свой язык новые книги, появлявшиеся в Европе, поэтому в переводе на голландский в Японию попадала литература и других европейских авторов.

Разрешение на ввоз в Японию книг по прикладным наукам стимулировало изучение голландского языка. В 1741 г. сёгун Ёсимунэ приказал изучать голландский язык Норо Гэндзё (1693–1761) и Аоки Конъё (1698–1769). Аоки был специалистом по китайскому языку и литературе и выполнял работу библиотекаря при *бакуфу*. Ему сёгун поручил составить японо-голландский словарь. Эта работа была закончена в 1758 г. Аоки долгие годы продолжал изучение голландского языка, используя ежегодный приезд голландской миссии в Эдо. Ему принадлежит издание голландского алфавита. За свои заслуги Аоки был удостоен почетного титула «отца голландских знаний в Японии».

Норо Гэндзё должен был освоить голландскую научную терминологию. Позже ему поручили хранение получаемых из Голландии книг, их просмотр и отбор наиболее ценных для перевода. Он получил титул «управляющего» голландскими книгами.

Постепенно голландская наука (*рангаку*), перешагнув порог сёгунского замка, вышла за пределы узкого круга переводчиков. Шел процесс формирования особой школы *рангакуся* («голландоведов»), представители которой являлись пропагандистами европейской науки и выступали за расширение связей с заграницей, за что подвергались преследованиям со стороны *бакуфу*. Истоки школы *рангакуся* следует искать в деятельности небольшой группы японцев-переводчиков, которая изо дня в день контактировала с голландцами в Нагасаки и на острове Дэдзима. Они были первыми, кому открывался далекий западный мир, так отличавшийся от японской реальности.

Долгое время главным инструментом в общении с иностранцами был португальский язык. Но после изгнания португальцев из Японии практическая надобность в знании этого языка отпала, и в дальнейшем более двух столетий голландский язык оставался в Японии единственным европейским языком международного общения. Правда, постепенно

появились японцы, владевшие и другими европейскими языками, но их было чрезвычайно мало.

Японцы, имевшие ежедневные контакты с голландцами при заключении торговых сделок, были не только переводчиками — они сочетали в себе функции и торговых агентов, и шпионов. Каждый переводчик имел определенный ранг, от этого зависело его жалование. К концу XVII в. переводчиков всех рангов было более 100 человек, а к концу эпохи Токугава их насчитывалось более 140.

Переводчики на острове Хирадо не были государственными служащими: их нанимали голландцы, так же как и слуг, из местного населения. Они были членами своего рода закрытой корпорации переводчиков-профессионалов, большая часть из которых находилась в родственных связях друг с другом — браки, как правило, заключались внутри этой корпорации, и дело переходило от отца к сыну.

Изучение чужого языка с абсолютно несхожей грамматической структурой в то время было делом довольно трудным — не было ни словарей, ни учебников, ни настоящих учителей. Сохранились относящиеся ко второй половине XVII в. сведения о том, как шло обучение голландскому языку на первых порах. Обучение было устным. Голландские слова транскрибировались японской азбукой *катакана* и при этом сильно искажались (надо помнить, что в японском языке нет буквы «л» и, кроме того, отсутствуют закрытые слоги). Позднее японцев стали обучать и голландскому письму. В 1671 г. *бугё* Нагасаки распорядился отправить на остров Дэдзима мальчиков в возрасте 10–12 лет, где их должны были обучать чтению и письму по-голландски. Сохранился список учеников, относящийся к 1693 г., где каждому давалась оценка его способностей и уровня знаний голландского языка.

До сих пор остается не вполне ясным вопрос, запрещало ли полностью в XVII в. *бакуфу* ввоз голландских книг. Общеизвестно, что запрещались все книги, где хотя бы косвенным образом содержались упоминания о христианстве, причем *бакуфу* не делало различия между религиозной литературой и литературой иного профиля. Подлежали уничтожению даже книги по китайской истории, если там упоминалось о христианских миссионерах и т.д. Но в тексте указа 1630 г. речь не шла конкретно о книгах, написанных по-голландски. Похоже, что *бакуфу* не давало полного запрета на ввоз иностранной литературы. Кроме того, переводчикам не возбранялось читать голландские книги. Их только предупреждали, что перевод следовало делать точно и аккуратно, без каких-либо изменений. Судя по всему, переводчики в Нагасаки не только видели голландские книги, но и старательно учились читать по ним.

Кроме того, *бакуфу* получало книги в виде подарков. В 1650 г. *бакуфу* попросило у голландцев книгу по анатомии; в 1659 г. *бакуфу* получило в подарок копию книги XVI в. по ботанике, автором которой был профессор Лейденского университета Ремберт Доноенс; в 1663 г. глава фактории Хендрик Индийск подарил сёгуну голландское издание перевода с латинского книги о животных с иллюстрациями Маттауса Мериана (1593–1650). Другое дело, что многие книги долгое время хранились без дела в библиотеке сёгуна и попали в руки японских ученых лишь в XVIII в. Так что книги из Голландии привозились в Японию и после 1630 г., когда антихристианские меры были особенно суровыми.

В дальнейшем голландские книги, особенно по медицине и астрономии, были постепенно включены в Японию в научный и образовательный оборот. Они стали доступны японцам благодаря подвижническому труду Сугита Гэмпаку (1733–1817), Маэно Рётаку (1723–1803), Такэбэ Сэян, Оцуки Гэнтаку (1767–1827), Удагава Гэндзуй (1755–1797), Имамура Сампаку, переведивших их на японский язык.

Наиболее сильное влияние голландская и европейская науки оказали на медицину, которая и была главным объектом изучения. Появление в XVII в. голландцев в Японии совпало с периодом, когда медицина в Европе достигла большого прогресса. Лейден в то время был крупным медицинским центром, куда стремились попасть студенты из всех европейских стран, и японцы узнавали о новостях в медицинской области или от врачей фактории, или из голландских книг. Следует отдать должное практичности японцев — они всегда старались заимствовать у иностранцев то, что можно было с пользой применять в повседневной жизни.

До того как европейские медицинские знания начали проникать в Японию, в стране господствовала китайская медицина (*кампо игаку*).

Интересы практики заставляли японских лекарей расширять свои знания, а доступ к европейским книгам помогал им познать устройство человеческого тела, природу болезней и открывал новые методы лечения.

Кроме книг большую роль в распространении медицинских знаний и обучении японцев сыграли врачи, состоявшие в штате фактории. Всего за время существования голландской торговой фактории в Японии побывало 150 врачей. Большая часть из них не имела высшего медицинского образования и не обладала хорошей квалификацией, но те, кто получил образование в лучших университетах и добился успехов до поездки в Японию, оставили заметный след в развитии

медицины в стране. Их имена сохранились в японской истории, а их портреты можно увидеть в музеях. К их числу принадлежал Виллем тен Рийне (1647–1700), окончивший Лейденский университет и затем учившийся в Сорбонне: это был первый врач с университетским образованием, приехавший в Японию. Он интересовался традиционной японской медициной, и благодаря его работам в Европе узнали о японских методах иглоукалывания и прижигания. Немец Э. Кемпфер (1651–1716) обучался в нескольких университетах Европы, был широко образованным человеком и обладал глубокими знаниями не только в медицине. Другой немецкий ученый, Ф. Зибольд (1796–1866), также получил университетское образование и, помимо медицины, имел обширные знания в области ботаники, зоологии, географии и т.д.

Первыми извлекли для себя выгоду из европейских медицинских знаний японские переводчики. Им вменялось в обязанность не только переводить, но и надзирать за голландцами. Когда кто-либо из голландцев заболел, японцы-переводчики присутствовали при его лечении, хирургических операциях; поскольку во время всех лечебных процедур цитировались латинские названия, японцы запоминали их, что позволяло им потом изображать из себя врачей, хотя хирургия внушала им страх. Но, как ни странно, эти «врачи» имели неожиданно хорошие результаты. К ним часто обращались за помощью, и это приносило им хороший доход.

Однако следует отметить, что, несмотря на распространение западных медицинских знаний, китайская медицина не утратила своего значения в Японии и сохраняла свое влияние в медицинской практике.

В XVIII в., хотя медицина по-прежнему оставалась главным объектом изучения, японцы начали проявлять интерес и к другим отраслям знаний — к ботанике, астрономии, а в XIX в. — к европейской технике, технологии и методам управления. До берегов Японии добрались и западные общественно-политические идеи. Поэтому можно сказать, что школа «голландской науки» (*рангаку*) постепенно стала школой «европейской науки» (*ёгаку*). Термины «*рангаку*» и «*ёгаку*» заменили собой слово «*бангаку*» («наука варваров»), что свидетельствовало об уважении к западным знаниям. *Рангаку* переходило в разряд достойных занятий, которыми не возбранялось заниматься человеку благородного сословия.

В конце XVIII — начале XIX в. усилился интерес к западным знаниям в отдельных княжествах, главы которых пытались использовать их в чисто практических целях. Европейские знания были нужны им для того, чтобы справиться

ся с экономическими трудностями, решить вопросы обороны и сельского хозяйства, развивать у себя в княжествах промышленные производства.

В XIX в. появилось много частных школ, где изучались западные науки; в эти школы *даймё* отправляли на учебу способных молодых самураев. Как правило, главным предметом в таких школах была медицина, но во многих из них программа обучения была шире. Например, Огата Коан (1810–1863) изучал медицину в Эдо и в Нагасаки у голландского врача Иоханеса Эдвина Ниемана. Вернувшись в 1838 г. в Осаку, он открыл на одной из центральных улиц — Каварамати — свою школу *Тэкитэкисай дзюку*, где, кроме медицины, преподавали ботанику, химию и баллистику. Среди его учеников были Фукудзава Юкити (1834–1901) и Сано Цунэтами (1827–1907), будущий организатор Красного Креста в Японии.

В княжестве Сага, недалеко от Нагасаки, большую роль в изучении западных наук сыграл глава этого княжества Набэсима Наомаса (1814–1871), у которого были тесные контакты с голландцами. Набэсима активно искал практическое применение в своем княжестве западным знаниям. В 1834 г. он открыл школу *Рангакурё*, где велось обучение западной медицине. Кроме того, он укрепил оборону побережья княжества, освоил литье, и в 1863 г. в княжестве была отлита пушка. А городской старшина княжества Такасима Сюхан (1798–1866) детально изучил европейскую военную науку, чтобы модернизировать оборону Нагасаки (его защита входила в обязанности княжества Сага). На собственные средства он закупил через голландцев ружья, полевые пушки и мортиры. Голландцы, жившие на острове Дэдзима, обучили его применению этого оружия. Такасима изучал и западные строевые уставы пехоты и проводил артиллерийские учения. Все это он продемонстрировал *бакуфу* во время парада в Эдо в 1841 г., в результате чего *бакуфу*, которое знало о печальных для Китая результатах англо-китайской опиумной войны, наградило Такасима и поручило ему организовать обучение самураев пользованию этой новой западной военной техникой. Такасима Сюхан успел обучить 280 *даймё* и самураев, но против него ополчились те, кто с ревностью следил за распространением западных знаний. Такасима выступал и за открытие страны для более широкой внешней торговли, что тоже вызывало резкое отношение со стороны тех членов правительства (*бакуфу*), которые ратовали за сохранение политики изоляции. Консервативная конфуцианская группировка внутри правительства добилась его высылки из Эдо; затем его посадили в тюрь-

му, откуда освободили лишь в 1853 г. Но его идея о необходимости овладевать западной военной техникой нашла отклик не только в Сага, но и в других княжествах. В 50–60-х годах XIX в. наблюдались случаи, когда японцы нелегально покидали страну, чтобы овладеть западной военной техникой.

Распространение и развитие западных знаний в тот период никакими репрессивными мерами остановить было уже невозможно, поскольку оно было вызвано практическими потребностями времени.

Глава княжества Сацума Симадзу Нариакира (1809–1858) в освоении западных знаний сделал акцент на военных новшествах и значительно укрепил оборону Сацума.

Контакты с голландцами длительное время оставались для японцев единственным каналом проникновения европейских знаний в страну. Вместе с тем европейские знания и изучавшая их «голландская наука» играли немаловажную и все возрастающую роль в жизни страны. Это было вынуждено признать и *бакуфу*, создав в 1811 г. специальное учреждение для перевода иностранных книг (*бансё вагэгоё*), которое в 1855 г. было переименовано в *ёгакусё*, а в 1856 г. — в *бансё сирабэсё*. В 1839 г. группа ученых, специализировавшихся в изучении западных наук, стала называть себя *банся* («варварская группа»).

Постепенно знание одного лишь голландского языка стало недостаточным — в Японию попадали книги и на других европейских языках. Обучение им началось в 1808 г., когда Хенрик Дёфф, директор фактории, начал давать уроки французского языка шестерым ученикам. В следующем году группа японцев приступила к занятиям русским и английским языками, и с того времени оба эти языка стали регулярно изучаться. Одним из первых стал изучать английский язык потомственный переводчик из Нагасаки Нарабаяси Дзюбэй, приглашенный в 1798 г. в княжество Мито для оказания помощи в изучении западных наук.

В Японии в эпоху Токугава в рамках политики изоляции, смысл которой заключался в закрытии доступа информации о Японии для других стран, правительство имело возможность собирать и изучать данные о зарубежных государствах.

Даже в условиях политики изоляции эпохи Токугава Япония сохраняла как минимум четыре «окна» во внешний мир, поддерживая торговые отношения с Китаем, Кореей, с островами Рюкю, с северными территориями через княжество Мацумаэ. И со всеми этими странами

происходил обмен официальными документами. Соответственно, по всем этим каналам шел сбор информации. Если включить в эту схему Восточно-Китайское море, становится видно, что была создана успешная система сбора информации обо всех странах Азии. Через голландцев и японских ученых-*рангакуся* был возможен сбор и анализ информации о всей Европе, о научных открытиях и достижениях.

Даймё юго-западных княжеств, имевшие ранее прямой доступ к такой информации, эту возможность потеряли. Лишь правительство обладало монопольным правом на доступ к информации о зарубежных странах. Можно сказать, что эпоха Токугава была временем «одностороннего поглощения» информации.

Японские власти знали о внешнем мире гораздо больше благодаря хорошо налаженной системе информации, в целом созданной и сформированной в период правления Иэясу, Хидэтада и Иэмицу. Она играла важную роль в поддержании четкого и беспрепятственного процесса распространения официальной информации внутри *бакуфу*. Это относилось и к сфере информации о зарубежных странах.

Нельзя сказать, что европейские знания доходили до Японии в систематизированном виде. Часто информация носила отрывочный характер. Но японцы, обладая длительным опытом заимствования и практической смекалкой, смогли извлечь и применить на практике много полезного из европейского опыта.

А начиная с XIX в. можно говорить о том, что добывание информации о Западе приняло целенаправленный характер. Эта деятельность приняла такой размах, что есть все основания согласиться с Д. Кином, написавшим, что «грубую ошибку совершают некоторые историки, недооценивая знание Запада в жизни Японии до прибытия Перри».

5.4. На пути к «открытию» Японии

XIX век открыл новый этап во взаимоотношениях Японии с внешним миром. Характер внешних связей и внешней торговли Японии стал претерпевать тогда существенные изменения.

В конце XVIII — первой половине XIX в. США, Англия и Франция предпринимали неоднократные попытки добиться прекращения политики изоляции Японии, но неизменно наталкивались на противодействие *бакуфу*. Международная обстановка, складывавшаяся в конце XVIII в. на Тихом океане, подтолкнула *бакуфу* к созданию управления морской обороны, во главе которого был поставлен Мацудайра Саданобу (1759—1829). В сентябре 1791 г. *бакуфу* дало инструкции уничто-

жать чужеземные суда, появлявшиеся в японских водах, и брать в плен их экипажи.

Наиболее настойчиво действовали США, пославшие к берегам Японии в течение 1791–1849 гг. семь экспедиций. Однако их эскадры возвратились домой, не добившись успеха. Также безрезультатно закончились экспедиции Англии (1791, 1813–1814, 1818, 1837, 1843, 1846, 1849) и Франции (1846).

Россия, как и другие западные державы, пыталась установить дипломатические и торговые отношения с Японией. В конце XVIII в. заинтересованность России в установлении торговых отношений с Японией усилилась в связи с необходимостью снабжать население русских тихоокеанских владений продовольствием и различными товарами, доставка которых из европейской части России кругосветным морским путем или через Сибирь требовала много времени и больших расходов. Поэтому в **1792 г. в Японию было отправлено первое русское посольство во главе с Адамом Лаксманом, главной задачей которого было добиться от японского правительства открытия одного из портов для торговли с Россией.** Посольство Лаксмана взяло с собой троих японцев (Кодаю, Исокити и Коити), которые в результате кораблекрушения в 1783 г. попали в Россию. Возвращение японцев на родину являлось прекрасным предлогом для начала переговоров.

Екатерина II отправила экспедицию А. Лаксмана от имени иркутского и колыванского губернатора И. Х. Пиля, имея в виду придать этому мероприятию полуофициальный характер, чтобы не уронить свой престиж в случае отказа Японии и не возбудить подозрений Голландии относительно активизации политики России на Дальнем Востоке. Россия была тогда единственной страной, имевшей владения на побережье северной части Тихого океана.

А. Лаксману удалось установить хорошие отношения не только с княжеством Мацумаэ, куда он прибыл, но и при посредничестве властей Мацумаэ с центральным правительством Японии. Россия тогда достигла того, чего не могли добиться другие иностранные государства вплоть до «открытия дверей» Японии в 1854 г.: японские власти дали А. Лаксману разрешение на заход русского судна в Нагасаки. Вручение документа произошло 23 июля 1793 г. **И главное — русским разрешалась высадка экипажа на берег.**

Доставленные на родину экспедицией А. Лаксмана капитан корабля «Камиясу-мару» Дайкокуя Кодая и матрос Исокити 22 октября 1793 г.

были вызваны в замок сёгуна в Эдо, где их подробно расспросили о пребывании в России. Допрос происходил в присутствии 11-го сёгуна Иэнари, который сидел за бамбуковой шторой. Записи допроса сделал лекарь сёгуна Кацурагава Хосю, который и задал путешественникам наибольшее количество вопросов.

После приема у сёгуна Кодая и Исокити не только не были наказаны, как полагалось по существовавшим тогда в Японии правилам, но за «похвальное поведение» в России и привязанность к родине были даже награждены.

По ряду причин царское правительство не воспользовалось сразу разрешением, полученным А. Лаксманом. Велась длительная ведомственная переписка о снаряжении экспедиции в Японию и об организации акционерной компании для торговли с ней. Внимание России отвлекали и европейские дела — организация коалиции, направленной против революционной Франции, и раздел Польши в 1795 г. **Непростительная медлительность русских властей свела на нет положительные итоги миссии А. Лаксмана.**

О японской лицензии вспомнили лишь в начале 1802 г. 13 февраля 1803 г. министр коммерции Н. П. Румянцев представил Александру I записку «О торге с Японией». Было решено отправить кругосветную экспедицию, в задачу которой входило наладить и торговлю с Японией.

В 1804 г. в Японию было отправлено посольство во главе с Н. П. Резановым.

30 июня 1803 г. Александр I подписал грамоту императору — в России, как и в Европе, не знали, что обращаться следует к сёгуну, но уже были осведомлены, что заходить надо только в порт Нагасаки. Резанову повелевалось «держатъ путь к берегам японским и, войдя в порт Нагасаки, известить японское правительство о причинах прибытия вашего, руководствуясь в том данной инструкцией». В инструкции предписывалось соблюдать японские обычаи, быть учтивым; «для вас необходимо будет соображаться со всеми обычаями японцев, не огорчаться несходству их с нашими и не ставить того в унижение. Важнейшим предметом обязанности вашей состоит в открытии ТОРГА с Японией».

Вместе с посольством в Японию возвращались четверо японцев. Резанов должен был обеспечить их всем необходимым, чтобы «они вообще ни в чем не нуждались», а также взять в качестве переводчика обрусевшего японца Петра Киселева.

26 сентября 1804 г. судно «Надежда» вошло в Нагасакский залив, для японских властей это не было неожиданностью, поскольку голландцы еще за месяц предупредили их об этом. Навстречу российскому кораблю

вышло судно с чиновниками, которые приказали бросить якорь на внешнем рейде и сдать оружие. Против последнего категорически возражал Резанов, поэтому шпаги у офицеров и оружие у охраны посла японцы разрешили оставить.

Японские чиновники во время посещения «Надежды» допросили привезенных японцев и записали ответы русских относительно целей посольства. Они отобрали лицензию, выданную Лаксману, и скопировали японский перевод письма Александра I, которое Резанов согласился вручить только представителю правительства. Японцы осмотрели судно и груз, взяли образцы товаров. Резанову разрешили отправить с капитанами голландских судов краткое донесение царю о благополучном прибытии в Нагасаки при условии ознакомления губернатора с его содержанием. Состоялась и встреча Резанова с главой голландской фактории Х. Дёффом и другими голландцами под надзором японских чиновников, что в дальнейшем отрицательно сказалось на ходе переговоров.

Переговоры затянулись. Длительное время русским не разрешали сходить на берег. После настойчивых просьб Резанова, ссылавшегося на свою болезнь и необходимость предоставления отдыха экипажу после 16-месячного плавания, власти Нагасаки отвели русским морякам на окраине города место, окруженное с трех сторон морем. Там были построены склады и дом из девяти комнат. Русские находились под неусыпным надзором японских властей, что не могло не раздражать Резанова и его спутников. Система строгого контроля касалась и контактов японских уполномоченных с русскими, их часто меняли и запрещали в одиночку посещать русский лагерь.

Между тем в Эдо развернулась острая дискуссия по поводу политики в отношении России и ответа на послание русского императора. Некоторые участники этой дискуссии высказывались за то, чтобы разрешить русским ограниченную торговлю в Нагасаки под контролем чиновников. Но на тот момент большую роль сыграла изменившаяся обстановка внутри страны. Правительство опасалось, что уступка, сделанная России, создаст прецедент для других держав, которые настойчиво стучались в закрытые двери Японии, и растущая антисёгунская оппозиция использует это в своих целях.

24 марта 1805 г. на второй встрече с губернатором Резанову был зачитан ответ сёгуна Иэнари с отказом в установлении дипломатических и торговых отношений с Японией. После получения припасов русские должны были немедленно покинуть Нагасаки и более не приближаться к японским берегам. Японцы снабдили русских провизией на целых два месяца, причем не взяли за это никакой платы. 6 апреля русские покинули Нагасаки после более чем полугодового пребывания в этом городе.

Некоторые представители самурайской интеллигенции критиковали правительство, указывая, что, отменив лицензию, выданную А. Лаксману, оно обмануло русских. Да и японское купечество было заинтересовано в торговле с Россией.

Неудача посольства Н. П. Резанова объяснялась несколькими причинами. Одна из них — изменение внутриполитической обстановки в стране. Правительство опасалось, что уступка, сделанная России, создаст прецедент для других держав и приведет к отмене политики изоляции, за которую оно цеплялось как за одно из средств борьбы с растущим оппозиционным движением. Отрицательную роль сыграли и голландцы, всячески заинтересованные в сохранении своей монополии на импорт европейских товаров в Японию и экспорт японских изделий в Европу. Они постоянно твердили японцам об «агрессивных намерениях» России. Негативно на результатах переговоров сказалось и то обстоятельство, что в качестве переводчика выступал глава голландской фактории Х. Дёфф. Р. Хильдрес, американский автор, еще в конце XIX в. отмечал, что причиной неудачи посольства Н. П. Резанова было противодействие голландцев.

Можно указать еще одну причину неудачных переговоров — если бы Россия имела в то время в Тихом океане эскадру, которая могла бы поддержать ее авторитет в Японии, исход переговоров был бы иным. Так поступили американцы 50 лет спустя. Но следует отметить, что Россия не прибегала к военному нажиму, чтобы добиться установления дипломатических и торговых отношений с Японией. Во время пребывания посольства Н. П. Резанова в Японии было получено много интересных сведений о стране, собрана коллекция флоры, фауны, изделий ремесла, одежды и утвари.

Конец XVIII и начало XIX в. были временем, когда в Японии шли дебаты о формах внешних сношений. Тогда стали широко использоваться два термина — *цусин* и *цусё*. Еще в 30-е годы XVII в. правительство установило две категории внешних сношений: *цусин* — дипломатические отношения и *цусё* — торговые отношения. Японские власти активно оперировали этими двумя категориями. Например, отказ Н. П. Резанову сопровождался ссылкой на то, что торговые отношения Японии ограничиваются Голландией и Китаем.

Тогда же, в самом начале XIX в., появился термин *сакоку* — «страна на цепи». Пока точно не известно, когда он стал использоваться на практике. Во всяком случае, в документах *бакуфу* он появился в 50-е годы

XIX в., но употреблялся редко. Сам термин появился при следующих обстоятельствах. Переводчик с голландского из Нагасаки по имени Сидзуки Тадао сократил название одного трактата, поскольку оно было слишком длинным. Делая перевод, он использовал иероглифы «*куни-о тодзасу*» («закрыть страну»), сделал инверсию, и получился неологизм *сакоку*. Трактат, который представлял собой отрывок из книги Э. Кемпфера «История Японии», стал называться коротко — «*Сакокурон*». Это было как раз в то время, когда в стране шли дебаты по поводу внешних сношений, и, в частности, разрешить ли русским торговлю с Японией. Э. Кемпфер выступал против расширения торговых связей Японии, в частности с Россией.

Интересно, что в оригинале текста не было фразы, которая послужила источником слова «*сакоку*». Дело в том, что текст на голландский язык перевели с английского, а на английский — с немецкого. Фраза «*to keep it shut up*» в немецком варианте отсутствовала.

В начале XIX в. экспансия западных стран на Дальнем Востоке усилилась. Главную роль играла тогда Англия, обладавшая самым крупным военно-морским и торговым флотом. Победа Англии над Китаем в «опиумной войне» 1839–1842 гг. произвела на Японию огромное впечатление.

Несколько ранее, в 1825 г., *бакуфу* издало указ, известный как «*Утихараи рэй*» («Указ об изгнании»), где предписывалось независимо от обстоятельств обстреливать иностранные суда при их приближении к японским портам, а иностранцев, высаживающихся на японскую территорию, убивать. Однако события в Китае вынудили *бакуфу* значительно смягчить меры по отношению к иностранцам из-за опасения спровоцировать нападение со стороны западных государств, прежде всего англичан. В июле 1842 г. был издан новый указ, где говорилось, что прибывшие в какой-либо японский порт иностранные суда надо снабжать водой и продовольствием, а затем уже требовать их ухода, и лишь в случае, если они не уйдут, подвергать их обстрелу. Параллельно были предприняты новые усилия по укреплению обороны страны. В 1848 г. *даймё* получили разрешение строить суда водоизмещением свыше 500 *коку*, что было официально запрещено в 30-е годы XVII в.

Эскадра Перри

Следует иметь в виду, что длительное время Япония находилась на периферии интересов западных стран. На пути к ней находились Индия и Китай с богатейшими природными ресурсами. Но в 40–50-е годы

XIX в. Тихий океан превращается в мировой путь торговли. Англия, Франция, США в больших масштабах начинают проводить колониальную экспансию в Восточной Азии, и в сферу их интересов попадает и Япония.

В условиях нараставшего политического кризиса в июле 1853 г. у берегов Японии в Эдоском заливе появилась американская эскадра, состоявшая из четырех военных кораблей. Возглавлявший ее коммодор М. Перри потребовал открыть переговоры на основе предложений президента М. Филмора, изложенных в привезенном им письме на имя правителя Японии.

Прибытие военной эскадры вызвало замешательство властей. Чиновники *бакуфу* пытались уговорить Перри перенести переговоры в Нагасаки, но тот отказался. С отрядом из 370 моряков он высадился на берег и вручил представителям *бакуфу* послание Филмора.

Чиновники, ссылаясь на болезнь сёгуна и трудность вопроса, просили отложить переговоры до будущего года и прийти за ответом в Нагасаки. Поскольку у экспедиции были и другие задачи, Перри заявил, что придет на следующий год с еще более сильной эскадрой, что свидетельствовало о намерениях американцев добиться «открытия» Японии силой.

13 февраля 1854 г. эскадра Перри вновь появилась в Эдоском заливе. В ее составе было уже девять судов, они были вооружены 250 пушками, а команда состояла из 1800 человек. Перри сопровождал свои требования угрозами, пугая японцев тем, что американский флот подойдет к Эдо. 8 марта 1854 г. на берег высадились 500 вооруженных американских моряков. Под дулами пушек **31 марта 1854 г. в Канагава состоялось подписание первого японо-американского договора, названного «Договором о мире и дружбе»**. Согласно ему американские суда получили право на заход в порты Симода и Хакодатэ; на американских граждан, временно проживавших в Симода и Хакодатэ, не распространялись ограничения, которым подвергались голландцы и китайцы в Нагасаки — американцы не желали, чтобы их ставили в одинаковое положение с ними.

Английский посланник Р. Олькок (1809–1897), который был в Японии в 1859–1862 гг., в своих воспоминаниях заметил, что японцы шли на уступки американцам, реально осознавая свою невозможность противостоять их требованиям: «Отчет Чрезвычайной миссии Перри показывает японских правителей в критическом положении, под давлением внезапной угрозы, к которой они оказались абсолютно не готовы. Казалось, было лишь два варианта: подчинение силе иностранных держав, приход которых казался

роковым для их священной страны, или сопротивление с оружием в руках. **Японцы в этих условиях выбрали то, что выбрала бы любая европейская страна под давлением превосходящей силы. Они пошли на переговоры и заключили сделки, потому что чувствовали, что они не готовы сражаться».**

Посольство Путятина

В августе 1853 г. в гавань Нагасаки вошла русская эскадра. Вице-адмирал Е. В. Путятин возглавлял русскую миссию, которой было поручено установить торговые отношения с Японией, не нарушая законы страны, «миролюбивыми мерами». Россия просила выделить несколько гаваней для торговли и разрешить судам заходить в порты, если им будет необходимо пополнить свои припасы и совершить текущий ремонт. В послании японским властям подчеркивалось, что установление отношений с Россией не нанесет ущерба Японии, что «Россия по соседству своему более, нежели другая держава, имеет право на подобные мирные и обоюдополезные отношения».

В Японию прибыла целая эскадра — фрегат «Паллада», шхуна «Восток», корвет «Оливуца» и транспорт «Князь Меншиков». На вопрос японцев, почему с одним письмом, адресованным губернатору Нагасаки, прибыло четыре судна, русские отвечали, что «по важности посланного к ним лица признано было нужным отправить с ним такое число судов».

Одной из главных задач посольства Путятина было решение вопроса о границах. Он справедливо опасался за судьбу острова Сахалин, указывая, что на западном берегу острова водится каменный уголь, «что американцы не преминут обратить свои виды и на Сахалин, ни за кем никакими трактатами не упроченный...», что они «уже беспрепятственно проникают во внутренние заливы Охотского моря, где ловят китов и рыбу, рубят и жгут леса, отнимая там средства к существованию у прибрежных жителей».

Учитывая важность миссии, Министерство иностранных дел подготовило для Е. В. Путятина подробную инструкцию, где говорилось и о методах ведения переговоров: «...воздерживаться от всяких неприязненных действий, не выходить за границы мирных и дружеских отношений...», но при этом предписывалось сохранять честь и достоинство России.

Однако заключить тогда договор не удалось. Началась Крымская война, и *бакуфу* учитывало этот неблагоприятный для русских фактор

и затягивало переговоры с ними. В связи с угрозой нападения англо-французской эскадры на русское Приморье в апреле 1854 г. Е. В. Путятину пришлось покинуть Нагасаки.

В таких неблагоприятных условиях заключение договора становилось для России жизненной необходимостью, ведь это обеспечило бы нейтралитет Японии, столь важный для России в период Крымской войны. Американские, голландские, английские и французские корабли, прибывавшие в Японию из Шанхая, привозили газеты и сообщения телеграфных агентств о неудачах русской армии в Крыму. Это учитывали и японцы, понимая, что Россия еще долгое время не сможет посылать свои военные корабли к берегам Японии.

Несмотря на многочисленные трудности и испытания, неблагоприятную международную атмосферу вокруг России, гибель фрегата «Диана», всяческое затягивание переговоров с японской стороны, Путятин проявлял такт, благоразумие, терпение, твердость, настойчивость, уважение к законам и обычаям Японии и сумел выполнить возложенную на него миссию:

7 февраля 1855 г. в городе Симода был подписан первый русско-японский трактат, установивший межгосударственные отношения между Россией и Японией. Договор был составлен на русском, японском, голландском и китайском языках. Подготовка текста велась на голландском языке, и официальным считался текст на голландском языке. Перевод на русский язык был выполнен капитан-лейтенантом К. Н. Посъетом, входившим в состав посольства.

Согласно статье 2 «Трактата о торговле и границах, заключенного между Россией и Японией», вопрос о границах определялся следующим образом: «Отныне границы между Россией и Японией будут проходить между островами Итуруп и Уруп. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, а весь остров Уруп и прочие Курильские острова к северу составляют владения России. Что касается острова Крафто (Сахалина), то он остается неразделенным между Россией и Японией, как было до сего времени».

Бакуфу открывало для русских порты Нагасаки, Хакодатэ и Симода и разрешало пребывание русского консула в одном из них. По мнению Путятина, в тех критических для России условиях более выгодного договора добиться было невозможно.

За подписание Симодского трактата Е. В. Путятину был пожалован титул графа, свидетельство об этом хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. На гербе Е. В. Пу-

тиятина изображен щит, который поддерживают: справа русский офицер с флагом чрезвычайного посольства, слева — японский солдат. Под щитом на серебряной ленте девиз, написанный черными буквами: «Не Нам, а Имени Твоему».

Спустя несколько лет и японская сторона отметила заслуги Путятина. В 1879 г. в Петербург пришло известие, что император Мэйдзи пожаловал Путятину орден Восходящего Солнца первой степени; награда была вручена в 1881 г. К этому следует добавить, что во время первой встречи Путятина с уполномоченными *бакуфу* он получил в подарок меч, а мечи почитались в Японии как величайшая драгоценность. И поскольку мечи запрещалось вывозить из страны, русские расценили этот подарок как хороший знак, так как подарок был официальным. Этот меч, невольный свидетель истории, теперь хранится в Эрмитаже.

Крымская война и агрессивные действия англо-французской эскадры на Тихом океане задержали обмен ратификационными грамотами Симодского трактата — это произошло лишь 25 ноября 1856 г. А 5 апреля 1857 г. Сенат постановил опубликовать Симодский трактат; все формальности для вступления его в силу были выполнены.

Русским пришлось построить в Японии шхуну «Хэда», поскольку фрегат «Диана» погиб во время землетрясения. Постройка шхуны обошлась в 21 252 руб. 75 коп. серебром, все расходы, понесенные японской стороной, были возмещены царским правительством.

50-е годы XIX в. открыли новый период в отношениях Японии с иностранными государствами. Следует иметь в виду, что до того времени в Японии не было никакого специального органа, ведавшего сношениями с иностранцами. Во времена правления Иэясу эту функцию выполняли преданные ему вассалы. Один из его ближайших приближенных, Хонда Масадзуми, был своего рода советником по внешним делам. Иэясу привлекал к дипломатическим делам и дзэнских монахов. Монах Судэн служил при сёгунах Иэясу, Хидэтада и Иэмицу. После его смерти роль монахов в дипломатии упала, и за ними сохранилось лишь составление документов. В 1634 г. внешние дела поручили Совету старейшин.

В 1858 г. было создано *гайкоку бугё* (ведомство по иностранным делам), но оно не было самостоятельным, а действовало при *родзю*. Тогда же *бакуфу* поручило Хаяси Акира (Фукусай), который в 1858 г. стал ректором *Сёхэйко*, собрать все документы, касавшиеся внешних сношений Японии до прибытия Перри. Получился 631 документ.

6. Закат эпохи Токугава

Кризисные явления в социально-экономической сфере обозначились уже в начале XVIII в., а во второй половине стали видны вполне отчетливо. Финансовое положение страны было стабильным лишь при первых трех сёгунах, а потом расходы начали превышать доходы, что приводило к необходимости проводить такие непопулярные меры, как повышение налогов, перечеканка монет, и влекло за собой рост цен, усиливало нестабильность и вызывало социальный протест. Первым сёгуном, попытавшимся реально преодолеть социально-экономические трудности, был Ёсимунэ, который успешно провел целый ряд мероприятий, получивших название реформ годов Кёхо (1716–1736).

Начиная со второй половины XVIII в. в социально-экономическом положении страны происходили большие изменения — в деревне активно развивались товарно-денежные отношения, что способствовало расслоению среди крестьян и усилению имущественного неравенства. Рынок рабочей силы был узок, поэтому и в городе не всегда можно было найти работу. Но тогда же шло развитие ремесленного производства, многие княжества создавали у себя монополии, энергично развивало свою деятельность купечество. Но это, в свою очередь, обостряло отношения между ним и крестьянами, занятыми в сфере товарной экономики, поскольку купцы, объединенные в гильдии, имели возможность диктовать цены. Узость внутреннего рынка мешала дальнейшему развитию предпринимательской деятельности.

Кроме того, на страну обрушивались стихийные бедствия: землетрясения, наводнения, тайфуны, что приводило к неурожаю, голоду и к волнениям крестьянской и городской бедноты. В 1786 г. произошло 57 крестьянских волнений, в 1788 г. — 117, мощные бунты сотрясали Эдо, Осака и другие крупные города.

Финансы были расстроены, государственная казна пуста. Самураи, которым все чаще задерживали выдачу рисовых пайков, оказались в долгу у ростовщиков. Бегство крестьян из деревень и княжеств снижало доходы *даймё*. Оно приняло такие формы, что появились пустующие деревни. Для второй половины XVIII в. были характерны произвол властей, взяточничество, казнокрадство, роскошь, разврат, фаворитизм — как при дворе сёгуна, так и в большинстве княжеств.

В конце XVIII в. были проведены мероприятия, известные как реформы годов Кансэй (1787–1793). Их осуществлял Мацудайра Саданобу в период правления 11-го сёгуна Иэнари (1787–1837). При их проведении за образец были взяты мероприятия сёгуна Ёсимунэ.

Мацудайра, как и Ёсимунэ, повел политику экономии и сокращения государственных расходов. Он строго наказывал как чиновников, виновных во взяточничестве, так и взяткодателей. Он обязал купцов, кредитовавших самураев в счет рисовых пайков и выдававших им авансы под высокие проценты, снизить эти проценты. *Даймё* были обложены специальным налогом в пользу *бакуфу*; их заставили создавать рисовые запасы на случай неурожая.

Сёгунской администрации пришлось выделить средства на улучшение положения в деревне и принять меры, способствовавшие увеличению сельского населения. Чтобы избежать новых крестьянских восстаний, Мацудайра Саданобу несколько улучшил положение крестьян. В частности, он облегчил и частью даже отменил трудовую повинность крестьян на государственных работах, улучшил ирригационные и дренажные системы, чтобы увеличить урожаи, всячески старался развивать сельское хозяйство. В интересах *даймё* он в 1790 г. издал указ о возвращении в деревни крестьян, в частности из Эдо. Позже *бакуфу* предоставило менялам выгодные условия, чтобы привлечь их в Эдо и, расширяя сети меняльных контор, поднять финансовый статус города.

Вряд ли можно назвать эти реформы успешными — *бакуфу* лишь на время отдалило свой конец. Кризис японского общества находился в стадии вызревания, о его наличии свидетельствовали многие признаки — поднимал голову императорский двор, *бакуфу* теряло былую силу и авторитет, оставались и нарастали проблемы в области сельского хозяйства, сокращалась финансовая база *бакуфу*, теряло свою былую роль самурайское сословие, падали его моральный дух и воинское искусство, возродить этот социальный слой в былом виде было уже невозможно. Появилось множество *ронин* — самураев, потерявших своих хозяев. Они составили своеобразный деклассированный слой, недовольный своим положением и принимавший участие в бунтах и восстаниях. *Ронин* превратились в одну из сложных социальных проблем эпохи Токугава.

Мацудайра Саданобу удалось сбалансировать бюджет *бакуфу*, но его политика вызвала нарекания и недовольство со стороны различных социальных слоев населения страны: купцы были недовольны, что *бакуфу* препятствовало спекулятивным сделкам, списало долги *хатамото* и *гокэнин*; *даймё* были недовольны добавочным налогом. У Мацудайра Саданобу было много недругов и среди тех, кого он наказал за коррупцию и уволил с государственной службы. В конце концов он был удален из правительства в 1794 г.

Через полвека была сделана еще одна, третья, попытка справиться с кризисной ситуацией в стране. Речь идет о реформах годов Тэмпо (1841–1843). Их проводил *родзю* Мидзуно Тадакуни, который фактически правил при 12-м сёгуне Иэёси (1793–1853). В своей основе эти реформы повторяли мероприятия, проводившиеся в годы Кёхо и Кансэй. Часть мер касалась укрепления самураев как воинского сословия, вновь делалась попытка улучшить их материальное положение за счет четвертого сословия. Опять шло наступление на роскошь, с целью экономии средств запрещалось проводить празднества, было запрещено курение, введена цензура на книги. Крестьянам запрещалось переселяться на жительство в Эдо; тех же, кто находился в Эдо (за исключением имевших постоянную работу и семью), предписывалось возвращать в деревню.

Также было объявлено о роспуске всех *кабунакама*. Но здесь правительство потерпело полное поражение и продемонстрировало свое бессилие перед экономическим могуществом торгово-предпринимательских кругов. *Кабунакама* приобрели такое влияние, что *бакуфу* оказалось не по силам регулировать их деятельность. С конца XVIII в. эти объединения торговцев охватывали все виды производства и торговли, диктовали цены в городе и деревне, спекулировали в годы неурожая риса и других продуктах. Следует отметить, что деятельность *кабунакама* не отвечала и интересам появившихся новых слоев купечества, связанных с промышленным производством в деревне. Их деятельность наталкивалась на монопольные права *кабунакама*, и особенно крупных купцов трех главных городов, занятых в основном в сфере обращения.

В 1842 г. последовал указ о запрещении всяких торговых корпораций, о ликвидации процентов на долги *хатамото* и *гокэнин*. Четвертое сословие ответило на этот указ правительства открытым саботажем. В сентябре 1843 г. Мидзуно Тадакуни был вынужден уйти в отставку. Указ о роспуске *кабунакама* остался большей частью на бумаге, а в 1851 г. он был окончательно отменен, что лишний раз продемонстрировало рост экономических позиций торговцев и неспособность властей найти разумный выход из сложившейся кризисной ситуации.

О слабости и бедственном материальном положении *бакуфу* свидетельствовал и указ о возвращении *бакуфу* от *даймё* и *хатамото* всех земель в радиусе 10 *ри* вокруг Эдо и Осака, которые впредь должны были находиться под его непосредственным управлением. Это объяснялось

тем, что земли во владениях *бакуфу* были истощены и разбросаны по разным местам, а концентрация земельных владений смогла бы в значительной степени укрепить правительство как в экономическом, так и в военном отношении. *Даймё* и *хатамото* резко воспротивились этому плану и добились того, что указ был отменен.

Можно сказать, что реформы закончились полным провалом, ничего не изменив ни в политическом, ни в экономическом положении *бакуфу*, а лишь продемонстрировав его слабость и вызвав недовольство всех социальных слоев. В этот период стало окончательно ясно, что кризис носит системный характер. Сложившаяся административная структура нуждалась в коренной реорганизации, правительство было не в состоянии держать в покорности ни строптивых *даймё*, ни крестьян, ни экономически окрепших купцов. Торгово-предпринимательская деятельность последних в те годы была весьма активной. Еще шире развернуть ее мешала существовавшая политическая система, пытавшаяся загнать деятельность купечества в определенные рамки. Не случайно основные мероприятия реформ годов Тэмпо были направлены против четвертого сословия.

Административные реформы, касавшиеся финансовой и военной сфер, провели у себя и некоторые княжества, где они были доверены способным представителям самураев низших рангов. Наиболее удачно реформы прошли в юго-западных княжествах, где поощрялось знакомство с западными знаниями. С помощью книг там шли заимствование и внедрение иностранной промышленной техники. В отличие от *бакуфу* княжествам в результате реформ удалось укрепить свою финансовую базу, увеличить промышленное производство, а также укрепить обороноспособность. В качестве примера можно привести княжество Сацума. Его глава — Симадзу Нариакира — регулярно получал информацию об обстановке за рубежом через королевство Рюкю, с которым вел нелегальную торговлю. Он был хорошо осведомлен о международном положении, поощрял знакомство с западной культурой, оказывал поддержку *рангакуся* («голландоведам») и уделял особое внимание пополнению и укреплению вооруженных сил. В 1853 г. на территории своей резиденции в Кагосима он построил текстильную фабрику, отражательную и доменную печи, организовал производство стекла, серной и азотной кислот, телеграфной аппаратуры, пороха из хлопка. Он же первым приступил к строительству военно-морских судов.

Сацума получало большие доходы, организовав у себя княжеские мануфактуры по производству сахара, смолы, растительного масла,

шафрана, киновари. При сбыте продукции прибегали к содействию торговцев. Подсобные домашние промыслы и товарное производство развивались под контролем властей княжества. Характерно, что на протяжении всей эпохи Токугава там не случилось ни одного крестьянского восстания.

К концу эпохи Токугава и крестьяне, и горожане имели длительную традицию коллективной борьбы с властями. В годы Тэмпо (1830—1843) в Японии произошло много городских волнений, что было вызвано неурожаями, из-за которых резко подскочили цены на рис. В документах зафиксировано 69 беспорядков по всей стране. Но особенно большие, невиданные по масштабам волнения произошли в Эдо в 1836—1837 гг., что вынудило *бакуфу* позаботиться о подвозе риса в город, а городской совет стал раздавать рис нуждающимся из своих хранилищ.

Осенью 1867 г. в обстановке нараставшего политического и социально-экономического кризиса в стране вспыхнули весьма своеобразные массовые народные выступления — движение «Эдзя най-ка!». Оно охватило обширную территорию и примерно на месяц практически парализовало власть *бакуфу*, что наглядно продемонстрировало глубину кризиса, охватившего японское общество.

Оппозиционное движение зародилось в среде господствующего класса в XVII в. Его лидерами выступили *даймё* княжества Мито, входившего в число трех княжеских домов (*госанкэ*), основанных тремя сыновьями первого сёгуна Токугава Иэясу. Историко-философское направление, зародившееся и оформившееся в этом княжестве, называют школой Мито (*митогаку*). Она уделяла много внимания истории и этико-политическим вопросам. И в ней были представлены различные философские направления и религиозные учения: конфуцианство, буддизм, синтоизм, даосизм, а также «национальная наука» (*кокугаку*). Эта школа выступала в качестве оппозиции, главным образом, по отношению к сторонникам школы Чжу Си и «китайской науки» (*кангаку*). Следует отметить, что при Токугава на первый план, оттеснив синтоизм и буддизм, выдвинулось неоконфуцианство чжусианского толка.

К числу самых известных деятелей школы Мито принадлежит Фудзита Юоку (1774—1826). Именно он в своем трактате «Сэймэй рон» («Трактат об исправлении имен») выдвинул девиз: «почитайте императора и низвергайте узурпатора» («*сонно хайки*»). Позже лозунг «*сонно*» дополнился лозунгом «*дзёи*» («изгнание варваров»), поскольку представители школы Мито опасались, что Запад может разрушить не только социальную и политическую системы, но и «подлинный»

характер японской нации, который они выражали термином «*коку-тай*», что было тождественно слову «*синкоку*» («страна богов»). Школа создала идейную базу антисёгунского движения и оказала решающее влияние на формирование националистической идеологии нового правительства Мэйдзи, в которой концепция кокутай заняла центральное место.

Антисёгунскую направленность имела и школа национальной науки (*кокугакуха*). Представители этой школы (*кокугакуся*) начали с отрицания официальной идеологии — конфуцианства. Они противопоставили ей идею незыблемости императорской власти, к которой должна была вернуться страна, отказавшись от политической системы сёгуната.

Материалом для построения новой идеологии для *кокугакуся* была классическая японская литература. Она изучалась в противопоставлении *кангаку*, т.е. литературе китайской. Распространению влияния этой школы способствовало развитие в Японии книгопечатания в XVII в. При этом деятельность школы национальной науки вышла далеко за рамки изучения и толкования классической японской литературы.

Родоначальником школы был Кэйтю (1640–1701), настоящая его фамилия — Симокава, а Кэйтю — его посмертное имя. По совету князя Токугава Мицукуни (1628–1700), внука Токугава Иэясу, он начал изучать антологию «Манъёсю», первого письменного памятника японской поэзии VIII в., и прокомментировал ее целиком. Его труд, состоящий из 31 книги, считается одним из самых авторитетных и продолжает широко использоваться современными исследователями «Манъёсю».

Дальнейшее развитие деятельности школы национальной науки связано с именами Када-но Адзумаро (1669–1736), Камо-но Мабути (1697–1769), Мотоори Норинага (1730–1801). Тогда проявилась националистическая подоплека школы, ее идеологические цели. Ее представители критиковали современное им общество, осуждали политику *бакуфу*, за что подвергались преследованиям. Временами *бакуфу* принимало весьма решительные меры.

Основное внимание *кокугакуся* уделяли разъяснению сущности синто, «пути древней Японии» (*кококу кодай-но мити*), который, по их мнению, превосходил конфуцианство и следовать которому означало подчиняться императору. Они проповедовали, что синто, древняя и основная религия японцев, присуще только японскому народу и превосходит конфуцианство.

Када-но Адзумаро и Камо-но Мабути занимались изучением Маньёсю. Мотоори Наринага изучал японскую классическую литературу, в частности исследовал язык романа «Гэндзи моногатари», написанный Мурасаки Сикибу в XI в. Он известен и своими комментариями к «Кодзики» («Записи о деяниях древности») VIII в., которые и сегодня представляют научную ценность. Он пытался доказать отсутствие китайского влияния на «Кодзики», осуждал преклонение перед Китаем, считая, что Япония, а не Китай является центром вселенной и что происхождение японцев от богини Амаэрасу ставит ее выше других народов. По мнению Мотоори Наринага, права японского императора на управление страной являлись исконными и были освящены религией синто.

Новый этап в развитии *кокугакуха* пришелся на начало XIX в., когда начались осложнения в отношениях с внешним миром. Основным представителем школы в то время был Хирата Ацутанэ (1776–1843). Он родился в семье самурая низкого ранга в Акита. Он был главной фигурой в движении *фукко синто* (возрождения синто древности), считал необходимым очистить эту религию от влияния буддизма и конфуцианства, которые он отвергал, призывал к почитанию императора. Хирата и его сторонники нетерпимо относились к сёгуну и его правительству. По их мнению, сёгуны нарушили и исказили тот порядок и государственный строй, который существовал в древней Японии. Имелась в виду древняя монархия, которую сёгуны «незаконно» отстранили от власти. Опираясь на идеологию синтоизма, Хирата пытался создать концепцию развития японского государства. Его националистические идеи оказали сильное влияние на лидеров антисёгунского движения.

Лидерами оппозиции выступали образованные люди того времени, которые осознавали кризисную ситуацию в японском обществе, отсталость Японии во многих областях. Они выступали за политические и военные реформы, понимали необходимость заимствования западных научных, технических и военных знаний. И хотя идеология антисёгунского движения вызревала давно, в полной мере она оформилась в 1853 г., когда встал вопрос об открытии страны. Тогда к лозунгу «сонно» добавился лозунг «дзёи» («изгнание варваров»), выдвинутый оппозиционными правительству *даймё* и самураями.

XIX веку было суждено изменить ход исторического развития Японии. Время, когда у берегов Японии беспрерывно появлялись корабли Англии, Франции, США, было тревожным, внутри страны усилилась борьба вокруг открытия страны для иностранцев. Это

было время, когда *бакуфу* утрачивало свое влияние, а император его приобретал.

На это тревожное время пришлось правление пяти сёгунов, но из них только 15-й сёгун Ёсинобу был реальным правителем. Однако продлить эпоху Токугава было уже не в его силах.

Пятнадцатый сёгун Ёсинобу (Кэйки) — годы правления 1866–1867

Ёсинобу родился 29 сентября 1837 г. в Эдо. Его отцом был Токугава Нариаки, глава княжества Мито. Нариаки был человеком образованным и решительным, его политическая деятельность часто вызывала недовольство *бакуфу*, за что его отстраняли от дел, а это лишь способствовало росту его популярности среди оппозиционно настроенных *даймё*. У себя в княжестве он основал «*Кодокан*» («Школу великого пути»), где велось обучение наукам и военному делу, этикету, стрельбе из лука, верховой езде. Мать, Ёсико, была дочерью принца крови Арисугава, чья семья пользовалась влиянием в императорском Киото.

Первый раз кандидатура Ёсинобу на пост сёгуна всплыла летом 1858 г., но тогда победило мнение консервативных сил, и сёгуном стал Иэмоти из дома Кии (*госанкэ*). Однако он умер через 8 лет, в 1866 г., и существует версия, что его отравили.

Вокруг кандидатуры на пост сёгуна вновь разгорается борьба, положение становится столь напряженным, что о смерти сёгуна даже не сообщают сразу. Более того, появляется послание к императору от имени Иэмоти, что он из-за болезни находится в критическом состоянии и в качестве своего преемника предлагает Ёсинобу.

Сторонники Ёсинобу призывали решить вопрос в его пользу, указывая, что если следующий сёгун не будет дееспособным, каким был тринадцатый сёгун Иэсада (1824–1858), для Японии это обернется катастрофой. На этот раз победил здравый смысл, но и обстоятельства были чрезвычайными. Движение за восстановление императорской власти принимало все больший размах, иностранцы откровенно угрожали *бакуфу*, лозунг «*долой бакуфу*» стал главным среди антисёгунских сил.

Ёсинобу не сразу согласился на предложение стать сёгуном. Вероятно, он осознавал всю сложность и драматичность ситуации. Но другой кандидатуры, соответствующей моменту, не было. Свою роль сыграла и поддержка императорского двора. В декабре 1866 г. Ёсинобу в Киото по повелению императора был провозглашен «*сэйи тайсёгун*» — «великим полководцем — покорителем варваров» (офи-

циально назначение было обнародовано 10 января 1867 г.). Ёсинобу обратился за поддержкой к императорскому двору, и она была ему обещана. Он также просил *даймё* оказывать ему содействие во всех его начинаниях.

Первые шаги нового сёгуна вселяли чувство оптимизма, казалось, что для страны трудное время миновало. Но, как покажут дальнейшие события, обстоятельства оказались сильнее и не позволили Ёсинобу осуществить намеченные планы. Приступая к исполнению сёгунских обязанностей, Ёсинобу по поводу проведения преобразований советовался с французским посланником Леоном Рошем (1809—1901), с которым у него сложились дружеские отношения, и политика Франции в то время была полной противоположностью позиции Англии, которая поддерживала антисёгунские силы. Л. Рош предлагал в первую очередь преобразовать административную структуру правительства, сформировать сухопутные и военно-морские силы, т.е. создать регулярную армию. В связи с этим предусматривался приезд военных советников в Японию. Он предложил заключить контракт на строительство железоделательного завода в Ёкосука. Франция была заинтересована в развитии торговых отношений с Японией, и предполагалось создать францужско-японскую внешне-торговую компанию с тем, чтобы закупать в Японии шелк-сырец, который был необходим Франции для производства гобеленов, так как в это время французская текстильная промышленность переживала трудности. Это был план установления особых японо-французских торговых отношений в различной форме, а в обмен Японии была обещана военная помощь.

Следует добавить, что Наполеон III питал большой интерес к Японии. Он прислал в подарок сёгуну арабских скакунов. Правительство Франции направило приглашение Ёсинобу посетить Всемирную выставку в Париже в 1867 г. *Бакуфу* сформировало делегацию, которую возглавил брат сёгуна. В качестве экспонатов были отправлены изумительные изделия из бронзы, лака, слоновой кости, вышивки по шелку, ширмы. Огромное впечатление на французскую публику, особенно на художников, произвели японские гравюры, поразив своим стилем и своеобразием красок.

Что касается экономики, преобразования проводил глава финансового ведомства Огури Тадаюки при непосредственном участии сёгуна, они касались кредитных операций на рынках Эдо. К этой работе привлекался торговый дом Мицуи, который уже с конца XVII в. вел финансовые операции с *бакуфу*. Политика, проводимая Огури Тада-

юки, послужила моделью для экономической политики первых годов эпохи Мэйдзи.

Столь энергичное начало деятельности Ёсинобу вызвало панику среди противников сёгуна. «Такое впечатление, что появился второй Иэясу», — со вздохом говорил Кидо Коин, один из руководителей оппозиции.

Антибакуфская сторона, наблюдая за Ёсинобу, строила тайные планы его ареста. Наступивший 1867 год стал роковым и горьким в судьбе Ёсинобу. 25 декабря 1866 г. умер император Комэй. Обстоятельства его смерти вызывают много вопросов. Официально было объявлено, что он умер, заразившись оспой, но ходили упорные слухи, что его отравили. Смерть была столь неожиданной, что об этом несколько дней не сообщали. Оппозиция активизировала свои действия, военную помощь ей оказывала Англия. К лету страну охватили беспорядки и волнения, они начались даже в войсках сёгуна. Налоги поступали плохо, *бакуфу* испытывало материальные затруднения, и с августа 1867 г. *бакуфу* уже практически не управляло страной.

3 ноября 1867 г. в Киото состоялось секретное совещание оппозиции, где был принят конкретный план свержения сёгуна вооруженным путем. Ёсинобу об этом доложили. **9 ноября 1867 г. последовало официальное заявление сёгуна о возвращении верховной власти императору.** Ёсинобу было обещано предоставить важный пост в новом правительстве, но выполнено оно не было. Отречение сёгуна от власти произошло в замке Нидзё в Киото. Этот замок был построен при первом сёгуне и олицетворял собой могущество дома Токугава. Он же стал немым свидетелем краха этого могущества. Вот что было сказано в заявлении Ёсинобу: «Я ради блага японского государства беру на себя ответственность предать забвению *бакуфу*». **3 декабря 1867 г. был опубликован рескрипт «Осэй фукко» — о восстановлении императорской власти.**

Однако при сложившихся обстоятельствах это не означало, что Ёсинобу лишился поддержки всех тех сил, которые до того стояли за ним. После отречения сёгуна от власти в стране развернулась гражданская война (*босин сэнсо*), длившаяся с января 1868 по май 1869 г. Правители некоторых княжеств района Канто и северной части острова Хонсю пытались оказать сопротивление новой власти. Образовалась довольно сильная коалиция из северных княжеств — Сэндай, Намбу, Ёнэдзава и др. Но в октябре 1868 г. удалось сломить их сопротивление. Долго сопротивлялся адмирал Эномото Такэа-

ки, который отправился с эскадрой на остров Хоккайдо, куда в мае 1869 г. прибыла карательная экспедиция: в результате ожесточенных сражений Эномото потерял все свои корабли. Так закончилась гражданская война.

Остаться в Киото становилось опасно, в Фусими началась война между Сацума, Тёсю и *бакуфу*, но силы были неравные, и *бакуфу* потерпело поражение. Ёсинобу из Киото перебрался в Осаку, где 16 декабря 1867 г. его посетили посланники всех государств, с которыми у Японии были заключены договоры. Политическая ситуация в стране была настолько неопределенной, что в Ёсинобу еще видели главу *бакуфу*. Но и в Осаке оставаться становилось опасно, и он 3 января 1868 г. ночью переезжает в Эдоский замок, который в феврале осаждают 10 тыс. солдат княжеств Сацума и Тёсю. Ёсинобу внял разумному совету — капитулировать, проявив при этом сдержанность и осмотрительность. Он покинул Эдоский замок и перебрался в Уэно.

В кругах нового правительства велись разговоры о дальнейшей судьбе сёгуна. Представители княжества Сацума призывали к тому, чтобы «начисто его уничтожить». Разумеется, это был лишь показательный жест, а фактически это было требование безоговорочной капитуляции. Л. Рош до конца поддерживал Ёсинобу и в качестве посредника выступал на переговорах, где решалась его судьба, но его усилия успехов не имели, и в мае 1868 г. он вернулся во Францию. Перед отъездом Л. Рош был принят императором Мэйдзи.

Положительную роль в судьбе Ёсинобу сыграл английский посланник Г. Паркс (1828—1885). Он был тем иностранцем, который оказывал наибольшее влияние на новое правительство. Г. Паркс настаивал, чтобы к Ёсинобу проявили снисходительность и великодушие. По его мнению, нельзя было не учитывать и международное общественное мнение.

Ёсинобу «сослали» в родовое княжество Мито, где он жил скромно, занимаясь поэзией. Ему были оставлены земли в нескольких провинциях, дававшие 700 тыс. *коку* риса. Позже по его просьбе ему разрешили перебраться в Сумпу (теперь г. Сидзуока), где климат был лучше. Там он прожил 30 лет, ведя уединенный образ жизни. Он бродил по окрестностям с фотоаппаратом: оказалось, что он прекрасный фотограф. Благодаря сохранившимся фотографиям можно увидеть прежний облик этих мест. Его работы сохранились в различных музеях Японии. Личные вещи Ёсинобу периода его жизни в Сумпу хранятся в музее,

расположенном на территории мемориального комплекса Кунодзан-Тосёгу-мия, посвященного Иэясу.

В 1898 г. его пригласили в Императорский дворец в Токио, где он удостоился аудиенции у императора и императрицы. Говорили, что во время этой встречи на глазах Ёсинобу блестели слезы. После этого визита началось как бы воскрешение Ёсинобу в политической жизни страны. Ему были пожалованы соответствующие ранги, он получил титул князя (в 1884 г. новое правительство ввело пять аристократических титулов по европейскому образцу), в 1902 г. стал членом палаты пэров в парламенте, а в 1913 г., за месяц до своей смерти, получил титул барона.

С его погребением возникли неожиданные осложнения. Храм Каньэйдзи, на территории которого были захоронены шесть сёгунов из дома Токугава, отказался проводить похоронный обряд, поскольку Ёсинобу завещал похоронить его по синтоистскому обряду, а так как Каньэйдзи являлся буддийским храмом, волю покойного расценили как отступничество от веры. Пришлось оборудовать место для проведения заупокойной службы. 220 семей бывших *даймё* приняли участие в траурной церемонии. Свыше 6 тыс. человек пришли проводить Ёсинобу в последний путь — длинные цепочки людей растянулись по холмам Уэно. Прах был захоронен на кладбище Янака в Токио.

Токугава Ёсинобу, который пережил всех своих политических противников, закрыл последнюю страницу в истории правления дома Токугава.

* * *

Эпоха Токугава представляла собой переходный период, который Япония прошла по-своему, сумела преодолеть возникшие кризисные ситуации и избежать опасности колониальной зависимости.

Первый английский посланник Р. Олькок, прибывший в Эдо в 1858 г., так охарактеризовал Японию тех лет: «Феодализм, уже представляющийся нам столь несвоевременным и неуместным, существует здесь в достаточной идентичности, а совпадение его ведущих черт с нашим европейским феодализмом кажется просто поразительным. Но при этом он немало отличается от нашего феодализма, что делает изучение его “восточного варианта” чрезвычайно интересным». Далее он отмечает, что «долгая изоляция подарила японцам такой путь развития, который они имеют право называть во многом своим собственным. Их внешняя жизнь, их законы, традиции и институты — все имеет что-то своеобразное, некий отпечаток японского следа... Он не

китайский и не европейский, но про него нельзя также сказать, что он просто азиатский. Японцы кажутся скорее теми, кем были греки для древнего мира, — связующим звеном между Европой и Азией. Если бы меня попросили дать в нескольких словах заключение о том, каков же качественный уровень цивилизации, достигнутый японцами, я сказал бы, что их цивилизация имеет очень высокий материальный уровень... Но при этом если говорить об их потенциале в деле достижения более высокого уровня цивилизации, чем достигнутого ими до настоящего времени, то должен признать, что этот потенциал гораздо выше, чем у любой другой восточной нации, включая даже китайцев».

Непохожесть и своеобразие в развитии Японии и позволяют говорить об эпохе Токугава как феномене японской истории.

Каждый участник всемирно-исторического процесса обладает собственным путем развития, который нелегко уложить в абстрактные схемы. Историческая реальность существует в многообразии. Точка зрения на эпоху Токугава как на период застоя давно пересмотрена в японской историографии.

Эпоха Токугава длилась 264 года. Она знала свои взлеты и падения, да и развитие различных районов Японии было неодинаковым. Но следует признать, что это была динамичная эпоха в жизни страны, подготовившая почву для преобразований эпохи Мэйдзи.

Отрицание этого факта ведет к непониманию причин последующего быстрого развития страны. Уже в 80-е годы XIX в. в Японии произошла промышленная революция, объяснить темпы и успешность которой помогает знание социально-экономического развития страны в эпоху Токугава.

К исходу эпохи Токугава японское общество обладало внутренним потенциалом для развития капитализма. Характеризуя его уровень, английский ученый Дж. Сэнсом писал, что перед открытием страны Япония прошла предварительную стадию перехода от аграрной к торговой экономике и даже вступала в мануфактурную стадию промышленного развития. По его мнению, тезис о сильном влиянии Запада на развитие Японии следует принимать с оговорками.

Контрольные вопросы

1. Смутное время.
2. Япония на рубеже XVI–XVII вв. Три «объединителя Японии».
3. Токугава Иэясу. Путь к власти.

4. Битва при Сэкигахара как одно из основных событий начала XVII в. и ее результаты.
5. *Фудай даймё* и *тодзама даймё*. Чем объясняется их разная роль во властных структурах?
6. Образование третьего сёгуната Токугава.
7. Причины переноса места пребывания *бакуфу* в Эдо.
8. Формирование системы власти дома Токугава.
9. Порядок наследования титула «сёгун», его плюсы и минусы.
10. Императорский дом в эпоху Токугава.
11. Социально-политическая структура сёгуната.
12. Административная система сёгуната.
13. Система заложничества (*санкин котай*) и ее суть.
14. Сословия в эпоху Токугава.
15. Первые иностранцы в Японии.
16. Политика изоляции и ее причины.
17. Как появился термин «сакоку»?
18. Внешняя торговля в эпоху Токугава.
19. В чем проявилось голландское влияние на Японию?
20. Купеческие дома и основное направление их деятельности.
21. Демографическая ситуация в эпоху Токугава.
22. Сёгун Ёсимунэ как реформатор.
23. Образование в эпоху Токугава; основные типы школ.
24. Изменение международной обстановки на Дальнем Востоке в конце XVIII — начале XIX в. Чем было вызвано стремление западных стран и США «открыть» Японию?
25. Основные вехи русско-японских отношений.
26. Посольство Е. В. Путятина и его задачи и результаты.
27. Антисёгунское движение и его причины.
28. Сёгун Ёсинобу как заложник обстоятельств, как внутренних, так и внешних.
29. Какое наследство после себя оставила эпоха Токугава?

Рекомендуемая литература

Гальперин А. Л. Очерки социально-политической истории Японии в период позднего феодализма. М., 1963.

Головнин В. М. Записки капитана флота. М., 2012.

Гончаров И. А. Фрегат «Паллада». М., 2012.

Гривнин В. С. Из истории «национальной науки» (кокугаку) в Японии // Историко-философские исследования. М., 1967.

Гришелева Л. Д. Формирование японской национальной культуры (конец XVI — начало XX века). М., 1986.

Карелова Л. Б. Учение Исида Байган о постижении «сердца» и становление трудовой этики в Японии. М., 2007.

Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монаряку») / Пер. с яп., коммент. В. М. Константинова. М., 1978.

Ким Э. Г. Недолгое свидание. Христианская миссия в Японии (1549–1614) // Книга японских обыкновений. М., 1999.

Кин Д. Японцы открывают Европу. 1720–1830 / Пер. с англ. М., 1972.

Лещенко Н. Ф. Исторические корни японской философии бизнеса // Япония 2000: консерватизм и традиционализм. М., 2000.

Лещенко Н. Ф. Посольство Н. П. Резанова (1803–1805) и Е. В. Путятина (1852–1855) в Японию // Восточный архив. М., 2009. № 1(19).

Лещенко Н. Ф. Япония в эпоху Токугава. М., 1999. 2-е изд., доп. М., 2010.

Николаева Н. С. Япония — Европа. Диалог в искусстве. М., 1996.

Оросиякоку суймудан. Сны о России / Изд. текста, пер., вступ. ст. и коммент. В. М. Константинова. М., 1961.

Османов Е. М. Подготовка командного состава японской императорской армии и флота // Страницы военной истории Восточной и Юго-Восточной Азии. СПб., 2004.

Оцука Гэнтаку, Симура Хироюки. Канкай ибун. Удивительные сведения об окружающих [землю] морях / Пер. с яп., вступ. ст. и коммент. В. Н. Горегляда. СПб., 2009.

Очерки новой истории Японии / Отв. ред. А. Л. Гальперин. М., 1958.

Первые японские посольства в России в газетных публикациях 1862–1874 гг. СПб., 2005.

Подпалова Г. И. Крестьянское петиционное движение в Японии во второй половине XVII — начале XVIII в. М., 1960.

Позднеев Д. М. Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к матерiku Азии и России. Т. 1–2. Иокогама, 1909.

Россия + Америка = 200 лет. К юбилею Российско-Американской компании (1799–1999) // Из музейной коллекции. Вып. 1. М., 1999.

Столица Тайкуна: Рассказ о трехлетнем пребывании в Японии сэра Роттерфорда Олькока, Чрезвычайного посланника и Полномочного министра Ее Величества / Пер. с англ. К. Лещенко // Знакомьтесь — Япония. М., 2007. № 45, 46.

Файнберг Э. Ф. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.

Кавакацу Хэйта. Нихон буммэй то киндай сэйё. «Сакоку» сайко (Новые подходы в оценке политики изоляции). Токио, 1991.

Касая Кадзухико. Сэкигахара кассэн (Битва при Сэкигахара). Токио, 2008.

Китадзима Масамото. Токугава сёгун рэцудэн (Биографии сёгунов династии Токугава). Токио, 1975.

Коцу уньё-но хаттацу то гидзюцу какусин (История развития транспорта в Японии). Токио, 1986.

Оиси Синдзабуро. Токугава Ёсимунэ то соно дзидай (Токугава Ёсимунэ и его время). Токио, 1989.

Такэно Ёко. Сёнин гундзо (Групповой портрет японского купечества). Токио, 1991.

Япония в эпоху Токугава (1603–1867)

Хэнли С. Эдо дзидай — но исан. Семин — но сэйкацу бунка (Наследие эпохи Эдо. Бытовая культура). Токио, 1990.

Арано Ясунори. «Сакоку» о минаосу (Необходимость переоценки «политики» изоляции). Кавасаки, 2003.

Bix Herbert P. Peasant Protest in Japan, 1590–1884. New Haven and L., 1986.

Boxer G. R. The Christian Century in Japan (1549–1650). L., 1951.

The Cambridge History of Japan. Vol. 4–5. Cambridge, 1989–1991.

Dore R. P. Education in Tokugawa Japan. L., 1965.

Japan in Transition: from Tokugawa to Meiji. Princeton (N.Y.), 1986.

Keen D. Emperor of Japan: Meiji and His World, 1852–1912. N.Y., 2002.

Lensen G. A. The Russian push toward Japan. Russo-Japanese relation, 1697–1875. Princeton, New Jersey, 1959.

Sadler A. L. The Maker of Modern Japan. The Life of Tokugawa Ieyasu. Rutland-Tokyo, 1986.

Toby Ronald P. State and Diplomacy in Early Modern Japan. Princeton, 1984.

Totman Conrad. Tokugawa Ieyasu: Shogun. San Francisco, 1983.

Vlastos Stephen. Peasant Protests and Uprising in Tokugawa Japan. Berkeley, 1986.

Глава 4

Япония в период Мэйдзи (1868–1905): от начала реформ до Русско-японской войны

Период Мэйдзи (1868–1912) назван так по девизу правления государя, который при жизни именовался Муцухито. После своей кончины он получил посмертное имя, совпадавшее с девизом правления, чего ранее никогда не случалось в японской истории. Мы будем именовать этого правителя Муцухито до введения девиза правления Мэйдзи, после этого он будет фигурировать в качестве императора Мэйдзи.

В 1868 г. был введен запрет на использование нескольких девизов во время правления одного государя. Это было сделано как для удобства, так и из-за нежелания подрывать авторитет государя: с 923 г. смена девиза предпринималась преимущественно ввиду неблагоприятных обстоятельств (исключение представляет собой только восшествие на престол нового государя). Это могли быть мятежи, природные бедствия, пожары, эпидемии, неблагоприятные сочетания циклических знаков. Политические кризисы, болезни и природные катаклизмы считались знаками недовольства конфуцианского Неба, а также божеств и будд дурным управлением, за которое несет ответственность лично государь.

Показателен указ 1854 г. отца Мэйдзи, императора Комэй (1831–1866, на троне 1846–1866), о смене девиза правления — с Каэй («Счастливая вечность») на Ансэй («Спокойное правление»): «Слышали Мы, что если правление государя хорошо, а народ и государство пребывают в спокойствии, то Небо и Земля являют благоприятные знамения. Если же управление не светоносно, а в сердце народа боль и печаль, тогда Инь и Ян теряют равновесность. Следует быть настороже». Далее Комэй констатирует, что, с тех пор как он, недостойный и слабый, занял престол, прошло восемь лет, и все это время он вставал рано и ложился поздно, но высшие силы оставили это без внимания, а его преобразующая культурность не распространялась достаточно далеко, *энергия ки* (кит. *ци*) находилась в подавленном состоянии. Свидетельством это-

го являются пожар в государевом дворце, прибытие кораблей западных варваров, сильнейшее землетрясение. За все это, заявляет Комэй, только он один несет ответственность. Для достижения великой гармонии и ликвидации всяческих аномалий меняется девиз правления, объявляется великое помилование (амнистия), наполовину снижается отработочная повинность, старикам жалуются рис. Все это делается для того, чтобы достичь обновления, добиться благосклонности Неба и удовлетворения людских чаяний.

Жалобы на недостаток добродетельности (яп. *току*, кит. *дэ*) были делом обычным среди государей древности и Средневековья. Однако, в отличие от своих предшественников, Мэйдзи позиционировался как всемогущий монарх европейского типа, в связи с чем любые жалобы на собственную некомпетентность выглядели бы совершенно неуместно. Поэтому и решение о том, что одному правителю может соответствовать только один девиз правления, выглядит совершенно логичным. Хотя Мэйдзи не имел никакого отношения к принятию важнейших решений по управлению страной, его называли «императором», и для японцев и всего мира он стал символом тех огромных перемен, которые при нем происходили в Японии. За период его пребывания на троне Япония совершила стремительную модернизацию, вошла в число мировых держав и стала первой страной в Азии, которая стала оказывать в XX в. существенное влияние на ход мировой истории.

В японской историографии период пребывания на троне императора Мэйдзи обычно именуют «Мэйдзи исин» — «обновление Мэйдзи». Имеется в виду, что за это время за счет всеобъемлющих реформ преобразился весь общественно-государственный организм. Поскольку в конце периода Токугава при столкновении с западными державами Япония обнаружила свою военную несостоятельность и была вынуждена, вопреки своему желанию, покончить с вековой изоляцией, главной задачей преобразований стало превращение Японии в страну, которая смогла бы отстоять свою независимость и самостоятельность. Для достижения этой цели следовало догнать Запад по уровню развития армии, образования, экономики и техники, что, в свою очередь, потребовало перестройки всех социальных отношений. В первую очередь это касается формирования общности под названием «японский народ». В период Токугава такой общности не существовало — вся система социальных отношений была рассчитана на фрагментацию, а не на единение. Но в новых условиях только единая государство-нация была способна осуществить планы реформаторов. В качестве таковых выступили прежде всего низкоранговые самураи из юго-западных княжеств.

В европейской историографии можно встретить разные характеристики «Мэйдзи исин». Некоторые историки называют эти преобразования «революцией», другие — «незаконченной буржуазной революцией», третьи — «консервативной революцией», четвертые — «реставрацией Мэйдзи». Не вдаваясь в дискуссию по поводу существующего терминологического разнобоя, видимо, не будет ошибкой охарактеризовать это время как процесс модернизации. На ее содержание огромное влияние оказали западные идеи и институты, но и многие традиционные ценности тоже сыграли значительную роль.

1. Переход власти от сёгуна к императору

1.1. Гражданская война

Принц Муцухито был «обречен» на то, чтобы стать императором, — он был единственным сыном императора Комэй. Его восшествие на трон сопровождалось драматическими событиями. Император Комэй скончался в самом конце 1866 г. По официальной версии — от оспы. Однако предполагают, что его отравили мышьяком. В любом случае Комэй был человеком прошлой эпохи, он ненавидел Запад, но был бессилён сдержать его напор. Ритуальные меры, к которым он прибег в 1854 г., свидетельствуют о том, что он прекрасно знал традиционные формы преодоления кризисов, но они же говорят и о его неспособности противостоять реальным угрозам. Преодолеть кризис могли только новые люди и новые подходы.

Эти «новые люди» появились во множестве в княжествах Юго-Западной Японии. Прежде всего к ним относятся княжества **Сацума**, **Тёсю**, а также **Тоса** и **Хидзэн**. Сацума, Тёсю и Тоса входили в коалицию тех сил, которые противостояли Токугава Иэясу в конце XVI в. После поражения в решающей битве при Сэкигахара (1600 г.) их территории были урезаны, дружины самураев пришлось разместить на сравнительно небольших территориях, так что концентрация людей с оружием оказалась там весьма значительной. Потомки этих самураев всегда помнили о тех обидах, которые нанесла им победившая сторона. Статус «внешних вассалов» (*тодзама*), которым они обладали, казался им откровенно унижительным — ведь они не имели права занимать должности в центральном аппарате сёгуната.

Историческая память в Японии прочна. Так, в Сацума в день годовщины битвы при Сэкигахара самураи облачались в доспехи и отправлялись в храм, чтобы поразмышлять о трагедии своего поражения, а в княжестве

Тёсю на церемонии празднования Нового года существовало обыкновение, когда приближенные князя распростирались перед ним и вопрошали: «Настало ли время для покорения *бакуфу*?» На что они получали стандартный ответ: нет, еще рано. Так продолжалось более двух веков, но в середине XIX в. желанный час настал.

Таким образом, за два с половиной века память об исторической несправедливости не выветрилась. Ощущая себя малопричастными к делам, происходившим в Центре, и не надеясь на помощь сёгуната, юго-западные княжества уделяли повышенное внимание дееспособности своих вооруженных сил. Контакты с европейцами, которые были более частыми, чем у других, позволяли заимствовать их идеи. Особенно это касалось военного дела.

В период Токугава крупнейшие торговые центры Японии находились в Эдо и Осака. Развитие там товарно-денежных отношений подрывало феодальные порядки. Но на далеком юго-западе деньги имели меньшую значимость, а традиционные устои, обеспечившие социальную стабильность, — большую. Самураи Эдо становились изнеженными, у них было больше денег, но эти деньги не обладали тем могуществом, которое они приобрели в Европе и Америке. В Японии не было сделано таких изобретений (в первую очередь парового двигателя), которые спровоцировали индустриализацию в Европе. Феодальные порядки разлагались и в Японии, но на смену им не приходил машинный капитализм. В этих условиях верность кодексу самурайской чести играла огромную роль.

Юго-западные княжества были богатыми: по уровню производства риса *даймё* Сацума занимал второе место в Японии, Тёсю — девятое, Хидзэн — десятое, Тоса — девятнадцатое. Несмотря на запрет сёгуната, Сацума и Тёсю торговали шелком и сахаром, используя архипелаг Рюкю в качестве перевалочной базы.

Расстояние, отделявшее эти княжества от Эдо, было достаточно большим, что ослабляло эффективность контроля со стороны центральной власти. Так, князья Сацума проигнорировали распоряжение сёгуната, согласно которому в каждом княжестве предписывалось иметь только один замок.

Ненависть к сёгунату позволила преодолеть противоречия, существовавшие между юго-западными княжествами. Сацума и Тёсю в январе 1866 г. заключили союз, который ставил своей целью свержение сёгуната. Главную роль в объединении сил сыграли **Сайго Такамоори** (1827—1877), **Окубо Тосимити** (1830—1879) и **Кидо Такаёси** (1833—1877). Роль посредника при организации переговоров испол-

нял **Сакамото Рёма** (1835–1867) из Тоса. **Накаока Синтаро** (1838–1867) из этого же княжества подвел под договор теоретическую базу: он утверждал, что только военный союз Сацума и Тёсю и возвращение всей полноты власти императору способны обеспечить процветание Поднебесной. Идеологи юго-западных княжеств полагали, что в течение длительного времени сёгунат Токугава притеснял императорский род, но теперь настало время для восстановления исторической справедливости: как в отношении императора, так и в отношении «внешних княжеств».

«Полнота власти» формулировалась в соответствии с древним изречением — «единство ритуала и политики» (*сайсэй итти*) — японский аналог абсолютной монархии. Иными словами, император должен был обладать и распорядительными, и ритуальными полномочиями — так, как это было (или якобы было) в древности. Таким образом, задача по свержению сёгуна Токугава понималась не как революционный акт, а как возврат к утраченным нормам золотого века.

Властные полномочия требовались императору, чтобы покончить с режимом Токугава и политическим хаосом, объединить страну. Для выполнения этих задач представители юго-запада обратились за помощью к Великобритании. Английский дипломат **Эрнест Сатов (Satow)** даже записывал свою фамилию иероглифами «сацу» и «то», что истолковывалось, как «путь Сацума». Что до сёгуна, то ему помогали злейшие враги англичан — французы. Обе конфликтующие стороны получали оружие, финансовую помощь и советы из Европы. С лозунгом «изгнание варваров» было покончено, его приверженцы оказались на обочине истории.

В сентябре 1867 г. Тёсю и Сацума заключили соглашение, согласно которому Ёсинобу должен быть свергнут силой. 14 октября Ёсинобу провел в своем киотоском замке Нидзёдзё совещание с 40 самыми влиятельными *даймё* с доходом больше 100 тыс. *коку* риса. Несколькими днями раньше бывший князь Тоса **Ямаути Ёдо** (1827–1872) предложил Ёсинобу отречься. Теперь Ёсинобу спрашивал князей о том, как ему поступить. Никто не захотел публично поддержать Ёсинобу. На следующий день в императорский дворец Госё доставили послание от Ёсинобу. Сетуя на отсутствие у себя талантов и добродетельности, он утверждал, что только мудрое руководство со стороны императора способно обеспечить защиту страны от иностранцев. А потому он просит об отставке.

Казалось бы, чего еще могли ожидать сторонники императора? Однако в тот же день на свет появились «секретные указы» Муцухито.

В этих указах император, именуемый «отцом и матерью» народа, приказывал Тёсю и Сацума свергнуть Ёсинобу, поскольку тот вместе с кучкой бандитов «часто не слушался» императорских команд, задумывая «еще больше накренить божественную страну».

Поскольку Ёсинобу уже подал прошение об отречении, никакой дополнительной необходимости в «свержении» сёгуната, к чему призывали радикалы из Сацума и Тёсю, не существовало. Это были довольно странные и даже подозрительные указы. Выражения, которые там употреблялись, граничили с грубостью, не приличествующей потомку богини солнца. Хотя там употребляется местоимение «Мы» (*тин*), которым самообозначался только сам император, указы были подписаны не самим Муцухито, а тремя придворными. Приближенный к Мэйдзи царедворец **Ивакура Томоми** (1825—1883), который считается вдохновителем указа (некоторые историки считают именно его отравителем императора Комэй), впоследствии утверждал, что перед тем, как отправить указы в Тёсю и Сацума, их текст «показали» Муцухито.

Отречение Ёсинобу отнюдь не означало, что все князья немедленно станут слушаться приказов из Киото. Двор приказал явиться в Киото всем князьям, но только 16 из них откликнулись на призыв — большинство предпочли отсиживаться в своих владениях, дожидаясь дальнейшего развития событий. Тем не менее заявление Ёсинобу об отставке было подписано императором, и в стране больше не существовало сёгуна. Впервые за последние девять столетий страна осталась без военного правителя.

В стране не было сёгуна, но сёгунат еще существовал. 15 ноября его агенты убили в Киото Сакамото Рёма и Накаока Синтаро. 1 января 1868 г. Ёсинобу обвинил Сацума в предательстве и объявил своим вассалам о мобилизации. Войска Ёсинобу двинулись в Киото, который охраняли войска юго-западных княжеств (при Токугава своих войск у императора не было). На подступах к городу, в **Тоба** и **Фусими**, завязались бои с императорским войском, которым руководил Сайго Такамори. Хотя численность сёгунской армии значительно превышала дружины Сацума и Тёсю (15 тыс. против 5), Ёсинобу потерпел поражение. Скорострельность фитильных ружей сёгунских воинов была в десять раз ниже, чем у винтовок Спенсера, которыми пользовались самураи из императорского лагеря. Дух воинов Ёсинобу был подорван тем, что войска Сацума и Тёсю развернули императорские штандарты, а это означало: они бьются с врагами по приказу императора. И хотя Ёсинобу утверждал, что сражается не против им-

ператора, а против Сацума и Тёсю, теперь он предстал перед всеми как враг императора.

Сражение продолжалось четыре дня, совокупные потери обеих сторон составили 500 человек убитыми и полторы тысячи ранеными. Часть сёгунских войск перешла на сторону императора. 6 января Ёсинобу бежал в Эдо. Потерявшие главнокомандующего войска были полностью деморализованы и рассеялись. Впоследствии Ёсинобу утверждал, что покинул своих людей только потому, что не желал сражаться с войсками императора. Прибыв в Эдо, Ёсинобу распустил верных ему *даймё* по их владениям. Сам он покинул замок и затворился в храме Канъэйдзи в эдоском районе Уэно. Выйдя из замка, он продемонстрировал раскаяние и отсутствие воинственных намерений.

Поражение сёгунской армии в битве при Фусими—Тоба привело к эффекту домино — выпестованная предками Ёсинобу политическая конструкция разваливалась на глазах, большинство князей без лишних разговоров перешло на сторону Киото.

Военные действия разворачивались на фоне церемониальной лихорадки, овладевшей двором. 3 января 1868 г. посланцы двора известили гробницы императоров Тэнти, Кокаку, Нинко и Комэй о предстоящей Муцухито церемонии посвящения во взрослые. Она состоялась 15 января, в полнолуние. Теперь Муцухито имел законное право на взрослую причёску и одежду, он чернил зубы и выщипывал брови. Кроме того, в тот же день посланники иностранных государств получили от имени Муцухито такое уведомление: «Император Японии объявляет правителям иностранных государств и их подданным, что сёгуну Токугава Ёсинобу в соответствии с его просьбой было даровано разрешение вернуть управление [императору]. В связи с этим верховная власть во всех делах — как внутренних, так и внешних — осуществляется отныне Нами. А посему титул “*тайкун*”, от имени которого заключались договоры [с западными странами], должен быть заменен титулом “император”».

Это уведомление означало не только смену власти, но и ее преемственность: Муцухито признавал те договоры, которые заключил сёгунат и которые так не хотел признавать его отец. В городах развесили объявления о том, что проявление недружелюбия по отношению к иностранцам будет караться.

Императорские войска дошли до Эдо, не встретив никакого сопротивления. 13—14 марта 1868 г. состоялась встреча Сайго Такамори с высокопоставленным чиновником сёгуната **Кацу Кайсю** (1823—1899). Кацу согласился прекратить борьбу и сдать город.

Императорская армия, возглавляемая Сайго Такамори и киотоским аристократом Хасимото Санэяма, 11 апреля заняла Эдо. Там их почтительно приветствовал новый глава рода Токугава — Ёсиёри. Он был главой старинного рода, но сёгуном он не был. Власть полностью перешла в руки сторонников императора. Сёгунская династия Токугава прекратила свое существование. От ее имени правили 15 сёгунов. В то же самое время Муцухито был 122-м по счету императором.

14 марта в киотоском императорском дворце Госё состоялась масштабная церемония, на которой присутствовала большая часть политической элиты (принцы, придворные, князья, чиновники). Перед началом церемонии залу обрызгали соленой водой и разбросали рисовые зерна — синтоистский обряд очищения. После того как глава синтоистского придворного ведомства прочитал молитву, Муцухито занял свое место на возвышении в северной части залы — согласно традиционным китайским представлениям, давным-давно усвоенным в Японии, государь является земным воплощением Полярной звезды и потому должен находиться на севере, а его подданные — на юге. Место, где сидел Муцухито, с трех сторон окружали ширмы с изображением четырех времен года — символ того, что именно император обеспечивает правильное чередование сезонов и, таким образом, богатый урожай. Одно то, что Муцухито не был скрыт от присутствующих занавесом, было огромным новшеством — ранее лицезреть императора позволялось только его ближайшему окружению. Открыв лицо, Муцухито признал присутствовавших ближайшими сподвижниками. Аристократ **Сандзё Санэтоми** (1837—1891) прочитал синтоистскую молитву, призывающую помощь богов Неба и Земли. Затем Муцухито прошествовал к алтарю и совершил приношения красной и белой материей (сочетание этих цветов в синто наиболее чтимо). Затем Санэтоми перед алтарем от имени императора прочитал текст **«Высочайшей клятвы в пяти статьях»** (*«Гокадзё:-но сэймон»*), последний вариант редакции принадлежал кисти Кидо Такаёси). Своим адресатом клятва имела богов.

Во-первых, Муцухито обещал принимать решения на основе «общественных собраний» и учета мнений общественности. Это положение было призвано успокоить политическую элиту, опасавшуюся авторитаризма. Сторонники же развития Японии по западному либеральному образцу истолковывали его как обещание создания представительной власти. *Во-вторых*, провозглашался конфуцианский принцип, что элита и подданные обязаны объединиться в деле управления страной. В конкретных исторических обстоятельствах это означало разрушение сословных границ в обществе. *В-третьих*, чинам военным и гражданским, а также простым людям предоставлялось право про-

являть личную инициативу. Речь шла о развитии капитализма. *В-четвертых*, обещалось, что «будут устранены дурные обычаи прошлого», а управление станет основываться на «Пути Неба и Земли», т.е. справедливо и по закону. *В-пятых*, говорилось, что «знания будут обретаться во всем мире», и это должно послужить укреплению императорского трона. Данной статьей император провозглашал отказ от политики изоляционизма и подчеркивал просвещенческий аспект своей программы действий. Сформулированная в достаточно абстрактных выражениях, «Клятва» широко использовалась в идеологических целях даже после окончания Второй мировой войны.

Прибывшие в Киото князья и их вассалы скрепляли клятву своими подписями, признавая тем самым свое подчиненное положение по отношению к императору и его новому курсу. Клятву подписали 832 человека. Теперь император получил полное право отдавать им приказы. Для создания впечатления о преемственности по отношению к традиции своими главными советниками Муцухито назначил двух придворных — Сандзё Санэтоми и Ивакура Томоми, — молодые самураи, обеспечившие победу над сёгунатом, оставались в тени.

После принесения клятвы Муцухито направил высшим государственным лицам послание, в котором заявил, что теперь, в соответствии с древними обычаями, будет самолично управлять страной, заботясь о народе. Только при этом условии страна сможет преодолеть последствия изоляционизма, отбросить устаревшие обычаи, обновиться, заслужить уважение иностранных государств, стать такой же мощной, как гора Фудзи. Это может быть обеспечено только при одном условии: если все подданные отбросят эгоистические заботы о себе и станут печься об общественном благе. Только так может быть обеспечена безопасность Земли Богов.

Муцухито и его советники хотели сказать: теперь между императором и народом не будет никаких посредников, а простые люди, которые раньше были полностью отстранены от принятия решений, теперь вовлекаются в политический процесс. Многоступенчатая система управления отменяется, император превращается в символ единства страны, единения народа и его правительства, без чего было невозможно сохранить суверенитет.

Императорские войска вошли в Эдо без сопротивления, но около тысячи сторонников Ёсинобу засели на холме Уэно. Ёсинобу там уже не было, но его вассалы все равно не хотели сдаваться. 15 мая 1868 г. две тысячи воинов правительственной армии под предводительством Омура Масудзиро

(1824—1869) разгромили их. По холму Уэно стреляли два орудия, пожары уничтожили дотла гигантский буддийский храм Кантэйдзи, где находилась одна из усыпальниц дома Токугава (другая находилась в храме Дзодзэджи). Теперь в Эдо не осталось никого, кто мог бы оказать вооруженное сопротивление новому правительству.

Мятежники действовали в Уэно на свой страх и риск. Ёсинобу не имел к ним никакого отношения. В награду за сговорчивость Ёсинобу 24 мая 1868 г. дому Токугава было определено огромное содержание — 700 тыс. *коку* риса в год. Потерпев поражение, Ёсинобу не стал совершать харакири. Именно ему Япония в значительной степени обязана тем, что эпоха правления сёгуната закончилась сравнительно бескровно. Ёсинобу отошел от дел и удалился в крошечный городок Нумадзу на побережье залива Суруга (нынешняя префектура Сидзуока).

В то же самое время многие прямые вассалы прежнего сёгуна не желали признавать нового порядка, т.е. гегемонии «предателей» из Сацума и Тёсю, и бежали в Ава. Ушло и семь кораблей сёгунского флота. На северо-востоке страны началась гражданская война. Главными противниками правительственных войск выступили княжества **Айдзу** и **Сёнай**, которые составили коалицию с другими княжествами северо-востока. В коалицию входило 31 княжество. Эта гражданская война получила название «**войны Босин**» (*босин сэно*; название 1868 г. по шестидесятилетнему циклу). Она началась со сражения в Тоба-Фусими, продолжилась в Уэно, перекинулась на северо-восток. Хотя повстанцы бились против императорских войск, их лидеры утверждали, что только они, а не «двурушники» из Сацума и Тёсю по-настоящему верны императорскому делу. Войска императора оказались сильнее, остатки вассалов Токугава бежали на Хоккайдо. Главный очаг сопротивления во главе с бывшим заместителем командующего сёгунским флотом **Эномото Такэаки** (1836—1908) находился в Хакодате, где Эномото провозгласил республику и объявил себя президентом. В мае 1869 г. сопротивление республиканцев было окончательно сломлено. В этой гражданской войне участвовало более 110 тыс. воинов. Точное количество жертв неизвестно, но можно с уверенностью утверждать, что оно было достаточно велико.

По меркам следующего века с побежденными обращались сравнительно мягко. На потерпевшие поражения княжества наложили умеренную контрибуцию, владения некоторых княжеств были урезаны, княжество Айдзу — ликвидировано, замок — срыт. Кого-то вынудили уйти с поста главы рода, кого-то долгие годы содержали

под домашним арестом. Лидера повстанцев Эномото Такэаки посадили в тюрьму почти на три года, но потом назначили чиновником в департамент развития Хоккайдо, где он занимал министерские должности. Мацудайра Катамори, одного из самых активных деятелей северной коалиции из Айдзу, сначала отправили в ссылку, но потом назначили синтоистским жрецом при родовых могилах Токугава. Его и ему подобных подвергли смерти политической, но не физической. В указе о «прощении Токугава Ёсинобу» говорилось: «Ведомо Нам, что мудрый государь ведет низы с помощью своей добродетельности, а государь неразумный устрашает людей законом». С VIII в. в Японии верили, что неуспокоенный дух убитого или казненного противника непременно наведет какую-нибудь порчу. Поэтому лучше нейтрализовать его, не прибегая к крайним формам насилия. Нужно сказать, что такая политика оказалась весьма успешной. Практически никто из побежденных больше не участвовал в антиправительственных заговорах, многие из них верно служили императору и его правительству.

В июне 1868 г. было принято решение возвести в горах к востоку от Киото святилище в честь воинов, павших во время гражданской войны. Потом его перенесли в Токио, в 1879 г. оно получило название **Ясукуни** (Святилище умиротворенной страны). Оно стало главным пантеоном японских военных, погибших при исполнении служебных обязанностей. Впоследствии там стали почитать и всех тех, кто отдал свою жизнь за императора и Японию начиная с 1853 г. — года прибытия «черных кораблей» американского commodore Перри.

Драматические события гражданской войны сопровождались не только фактическим переходом Эдо в руки новой власти, но и символическими мерами по освоению этого города. Один из основных идеологов нового режима, Окубо Тосимити из Сацума, считал, что раньше император пребывал за «драгоценными занавесками» и только несколько придворных могли видеть его, это отдаляло «верхи от низов», так что он не мог выполнить свое предназначение в качестве «отца и матери для людей», и только перенос столицы мог бы изменить положение. Подразумевалось, что вся атмосфера старого Киото «тянула назад», препятствовала любым росткам нового.

17 июля 1868 г. Эдо был переименован в Токио (яп. *То:кё:* — «Восточная столица»). Киото часто именовали «Западной столицей» — *Сайкё:*. Согласно традиционному географическому делению Японии подразделялась на «западную» и «восточную». В марте 1869 г. Мэйдзи перебрался в Токио. С этого времени Токио фактически становится

столицей страны, хотя указа о придании городу столичных функций не последовало. Токио, безусловно, обладал более развитой городской инфраструктурой, чем Киото. Именно там располагались все центральные правительственные учреждения, там же находились и иностранные миссии. Но играло роль и другое соображение. Люди привыкли слушаться «того, кто в Эдо». А потому новая власть сочла за благо обосноваться именно там. Сам Мэйдзи поселился в сёгунском замке. Во время своего первого, «пробного» посещения Токио на пути к сёгунскому замку Мэйдзи остановился для короткого отдыха в храме Дзодзёдзи, где находилась одна из усыпальниц дома Токугава. Паланкин не проходил в ворота по высоте, пришлось подкапывать снизу землю. Это была наглядная демонстрация того, кому теперь принадлежит власть.

Чтобы показать «открытость» новой власти, для горожан Токио на три дня открыли сёгунский сад, находившийся внутри замка, — «милость», которая не имела прецедентов. В сёгунский замок из киотоского дворца Госё перенесли святилище Касикодокоро. В нем хранилась одна из императорских регалий — копия бронзового зеркала, находящегося в Исэ. Кроме того, рядом с ним построили и другое святилище — Синдэн. В нем император стал поклоняться божествам Неба и Земли.

Переезд императора в Токио поначалу не вызвал туда притока населения. Наоборот, огромное число людей покинуло его. С упразднением сёгуната были ликвидированы княжеские усадьбы, а это означает, что члены княжеских дружин вернулись домой. Одновременно деградировала и вся городская инфраструктура, обслуживающая их. Бывший совсем недавно крупнейшим городом в мире, город потерял 800 тыс. жителей. Теперь в Токио проживало всего 500 тыс. человек.

1.2. Национальные символы и образ императора Мэйдзи

Выходцы из юго-западных княжеств пришли к власти под лозунгом возвращения власти императору. В дальнейшем **вся государственная идеология выстраивалась вокруг его образа**, ибо фигура императора была главным объединяющим началом для раздираемой противоречиями Японии.

8 сентября 1868 г. был принят новый девиз правления — Мэйдзи. В соответствии с древними традициями императорский указ начинался с констатации того, что император, несмотря на отсутствие у него добродетельности, вззошел на трон и теперь желает сменить девиз правления. Это было одно из последних сетований Мэйдзи на недостаток

сакральной компетентности. Как и подобает настоящему дальневосточному властителю, Мэйдзи становился «хозяином» времени. Однако дальше следовало нововведение: провозглашалось, что отныне одному правлению будет соответствовать только один девиз. Теперь, в отличие от прежних времен, никакие беды и неудачи не могли привести к смене девиза правления. Теперь правителю Японии отступать было некуда — он как бы пообещал всем, что его ожидают только удачи и победы. Императорский указ намекал на беспокойное правление Комэй, который стал своеобразным рекордсменом по количеству девизов — за 21 год его правления их было принято шесть.

Два иероглифа девиза правления Мэйдзи позаимствовали из китайской «Книги перемен» («Ицзин»): «Святой, повернувшись к югу, выслушивает Поднебесную; он управляет (*дзи*), повернувшись к свету (*мэй*)». Из предложенных ему вариантов император остановился именно на этом. Вернее, так решили за него боги — находясь в дворцовом святилище, Мэйдзи вытянул бумажку именно с этими иероглифами. В японской истории это был 245-й по счету девиз правления.

Гербом дома Токугава считалась мальва, но теперь настал черед другого цветка. В апреле 1868 г. в качестве герба императорского дома была утверждена **шестнадцатилепестковая хризантема**, ставшая одновременно и символом государства. Хризантема — символ долголетия и нескгибаемости. Еще в древности считалось, что ее лепестки и роса на цветах — пища даосских отшельников и святых. Число 16 — это удвоенная восьмерка (восходящий к китайской «Книге перемен» символ полноты бытия). До этого времени хризантема использовалась в гербах многих домов и даже буддийских храмов, но теперь только император имел право на этот герб. Впоследствии было установлено, что запрет не распространяется на хризантему с числом лепестков меньше 12 и больше 25.

Смена девиза правления или герб знатного дама — традиция древняя. Но в Японии никогда не существовало **национального флага**. Теперь под влиянием западного опыта он появился. В 1870 г. японские торговые корабли стали плавать под тем флагом, который стал официально считаться государственным. Это был красный круг на белом поле. Сочетание белого и красного считалось в синтоизме счастливым. Красное — это очистительная энергия огня и солнца, а белое — сама чистота. Эмблема имела хождение в Японии давно. Она использовалась и в древних придворных церемониях, и в средневековых самурайских гербах. С 1854 г. по предложению княжества Сацума этот флаг стали поднимать на японских торговых кораблях, принадлежащих

сёгунату. Теперь же он стал императорским и национальным флагом. Круг символизировал солнце, а значит, и богиню Аматаэрасу и ее «прямого потомка» — императора Мэйдзи. Решение было вполне естественным — ведь с VIII в. государство называло себя «*Нихон*» — «Присолнечная страна».

Раньше в Японии отсутствовал и **государственный гимн**. По западному примеру он был создан. Его слова восходили к анонимному пятистишию (*танка*), почти полностью повторяющему стихотворение из знаменитой поэтической антологии «*Кокинсю*» («Собрание старых и новых песен», 905 г.):

Государя век
Тысячи, миллионы лет
Длится пусть! Пока
Камешек скалой не стал,
Мохом не оброс седым!

(Перевод Н. И. Конрада)

Эта здравица пользовалась большой популярностью и при сёгунате, но к императору как таковому она отношения не имела. Под «государем» понималось любое лицо, занимающее высокое положение, однако теперь эти слова стали относиться только к императору. Англичанин Фентон положил эти слова на музыку.

В 1873 г. были введены восемь общенациональных праздников.

3 января — *Гэнсисай* («Праздник начала»). Учрежден в честь схождения на землю Ниниги-но Микото, внука богини солнца Аматаэрасу. С этого времени начинается вечное правление на земле потомков солнечной богини.

5 января — новогодний пир. Во дворце Мэйдзи он проводился с приглашением политической элиты и иностранцев.

30 января — день поминаения императора Комэй.

11 февраля — день основания империи (интронизация первоимператора Дзимму).

3 апреля — день смерти первоимператора Дзимму.

17 сентября — праздник вкушения божествами нового урожая (*каннамэсай*). Вначале справлялся 17 сентября, в 1879 г. перенесен на 17 октября. Включал в себя приношения плодов нового урожая на алтари святилищ в императорском дворце и в Исэ.

3 ноября — день рождения Мэйдзи.

23 ноября — праздник урожая (*ниинамэсай*). Древний сельскохозяйственный праздник, главный смысл которого заключался в «кормлении» императора новым урожаем.

В июне 1878 г. создание системы общенациональных праздников заканчивается: к уже имеющимся праздникам добавили еще два: весенний праздник поминовения душ-предков императоров и осенний праздник поминовения душ-предков императоров. Они справлялись в дни весеннего и осеннего равноденствия. Теперь заимствованная из Европы идея национальных праздников приобрела законченный вид. При этом «праздничная сетка» оказалась заполнена только теми датами, которые были связаны с императорским родом и имели исключительно японскую специфику.

Перечисленные праздники (ритуалы) имели преимущественно древнее происхождение или основание. Однако раньше эти ритуалы справлялись только придворной знатью, теперь же в них предлагалось участвовать всему населению. Главной целью этих праздников было создание общенационального пространства и времени, в центре которых находится действующий император и его династия. Праздники служили регулярным напоминанием о том, что ритм жизни всякого японца, где бы он ни находился, задается именно учрежденным государством временем. Во время общенациональных празднеств незримое присутствие императора должны были ощутить все его подданные сразу. Раньше народные праздники в разных деревнях зачастую праздновались в разное время, их набор не совпадал. Теперь же общенациональные праздники проводились в один и тот же день повсюду. В этот день по всей стране вывешивались национальные флаги. Вывешивать их в другие дни (например, во время местных храмовых празднеств) было запрещено.

Если в Европе многие праздники имеют христианское происхождение и потому их роль в значительной мере служит объединяющим все христианские страны началом, то в Японии подавляющее большинство общенациональных праздников не имело зарубежных аналогов (исключение составляет лишь Новый год). Буддийские праздники и годовщины, которые могли бы выполнить роль, аналогичную христианским, не были востребованы правительством Мэйдзи.

Таким образом, в Японии актуализировался миф национальный, а не интернациональный, и вся система была выстроена в расчете на выделение Японии и японцев в качестве обладающих неповторимыми характеристиками. И это при том, что сама идея общенародных праздников была подсказана европейским опытом. Интересно, что в отличие от европейских стран, где приход к власти в результате революционных событий часто фиксируется в календаре, в календаре японских праздников реставрация (революция) Мэйдзи не отражена никак.

В данном случае японская власть стремилась подчеркнуть не столько идею новизны власти, сколько идею преемственности.

В образе Мэйдзи было две основные составляющие: традиционная и западная.

В соответствии с традицией Мэйдзи, являясь фактически первосвященником синто, проводил ритуалы и молился богам Неба и Земли. Люди же воспринимали его как «живого бога». Об этом свидетельствуют его поездки по стране. Такие поездки были новшеством, продиктованным западным представлением о динамичном и близком народу монархе.

Японцы собирали гальку, по которой пронесли паланкин Мэйдзи; они собирали землю, на которой стоял его трон; они собирали осыпавшиеся иголки с ветвей криптомерий, которые использовались для украшений. Эти амулеты должны были обеспечить урожай и здоровье. Женщины терлись о внутренние столбы в доме, где останавливался Мэйдзи, чтобы обеспечить себе легкие роды. Газеты сообщали о некоем человеке, вылечить которого отказывались врачи. И тогда ему принесли объедки с подноса, с которого обедал Мэйдзи, и тот, разумеется, выздоровел.

В продаже появились цветные гравюры с изображением императорской процессии. На одной из них указывалось, что она предназначена для тех людей, которые не смогли увидеть императора лично. При этом говорилось, что следует каждодневно поклоняться изображению, а неаккуратное обращение с ним приведет к «божественному наказанию». За время поездок императору поднесли тысячи снопов риса (японский аналог хлеба-соли) — свидетельство того, что люди признали его за своего повелителя. О том же говорили и подаренные ему географические карты. Мэйдзи ночевал в сотнях домов, которые затем почитались в качестве священных мест.

Люди воспринимали Мэйдзи в качестве божества весьма охотно. Этому способствовали фольклорные представления о синтоистских божествах — покровителях земледелия. Синтоистские святилища расположены, как правило, в горах. Считалось, что божество находится там зимой, когда урожай уже собран и помощи божества уже не требуется. С началом сельскохозяйственных работ символ божества помещали в паланкин (переносная модель святилища) и несли на поле. Именно там и должно было находиться божество. Процессии, в центре которых находился паланкин Мэйдзи, должны были производить впечатление явления божества, покровительствующего сельскохозяйственным работам и получению богатого урожая. Деревенские жители выходили встретить императора с праздничным саке и с рисовыми лепешками-моти. Точно таким же образом они

встречали и паланкин с божеством. Именно поэтому поездки Мэйдзи по стране совершались в разгар полевых работ — чтобы усилить ощущение встречи с «настоящим» божеством через привычное для крестьянина время ритуала.

Однако в образе Мэйдзи было и очень много нового. Прежние императоры вели крайне уединенный и малоподвижный образ жизни. Мэйдзи же достаточно часто появлялся на публике, проводил аудиенции, путешествовал по стране («чтобы иметь возможность выслушивать людей»), присутствовал на различных знаковых мероприятиях. Он занимался и верховой ездой.

Все эти изменения были призваны создать образ открытого, динамичного, грозного, всемогущего правителя современного типа. Кроме того, **Мэйдзи в значительной степени выступал в качестве модели для подражания**. Видя, что император одевается по-европейски, ест европейскую пищу, занимается спортом, подданные воспринимали это как руководство к действию.

2. Становление новой власти

2.1. Реформа социальной структуры

Княжества были основой политической системы сёгуната. **Поскольку сёгунат был упразднен, подлежали ликвидации и княжества**. 20 января 1869 г. князя четырех княжеств (Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн) подали императору обращение. В нем утверждалось, что все на японской земле принадлежит императору. В том числе и сама земля. Именно так обстояло дело в глубокой древности (имелся в виду надельный принцип землепользования, закрепленный в законодательных кодексах VIII в.). Однако при ненавистных сёгунатах этот незыблемый, казалось бы, принцип был нарушен и земли перешли в частное владение князей, что должно быть признано за воровство и грабеж. Но теперь подписавшие это обращение восстанавливают историческую справедливость: они безвозмездно передают императору земельные реестры и списки людей, населяющих их владения.

К передаче своих земель государству (императору) инициаторы проекта призывали и всех других князей. Почти все они последовали призыву. Только двенадцать *даймё* не откликнулись на предложение. Процесс ликвидации феодальной собственности на землю не вызвал сопротивления. Безусловно, свою роль сыграл страх перед победителями в гражданской войне. Но существовало и еще

одно важное обстоятельство. Текст обращения подчеркивал, что для императора нет ныне более насущной задачи, чем поставить страну в один ряд с мировыми державами, а это может быть осуществлено только при условии наведения порядка внутри самой Японии. Несмотря на вековые противоречия между кланами, подавляющее большинство князей были едины в желании сделать страну сильной и могущественной.

В обмен на «возвращенные» императору кадастры князя назначались губернаторами своих владений. Князья продолжали управлять в границах прежних владений, но теперь они делали это уже от имени Мэйдзи и стали больше напоминать чиновников, состоящих на государственной службе. Правда, князья сохраняли за собой право собирать налоги и использовать их по своему усмотрению. Однако на выплату рисовых пайков своим вассалам было наложено серьезное ограничение — теперь на эти цели могло расходоваться не более 10% налоговых поступлений.

В 1871 г. на место упраздненных княжеств пришли префектуры, а князья-*даймё* утратили большую часть своих привилегий. Ввиду финансовых затруднений и невозможности платить своим самураям рисовые пайки некоторые князья сами подавали прошения об упразднении княжеств и о создании на их месте префектур — так, чтобы государство взяло на себя их финансовые обязательства. Хотя и существовало множество различных мнений относительно будущей судьбы княжеств, почти все сходились на том, что без ликвидации княжеств обойтись невозможно. Вопрос состоял только в том, какая группировка сумеет добиться принятия своего плана. Как и в большинстве подобных случаев, победила позиция юго-западной коалиции. Сайго Такамори, его младший брат **Сайго Цугумити** (1843—1902), Окубо Тосимити, **Ояма Ивао** (1842—1916), Кидо Такаёси, **Иноуэ Каору** (1835—1915) и **Ямагата Аритомо** (1838—1922) подготовили обращение к государю об упразднении княжеств.

14 июля в императорский дворец прибыли главы четырех княжеств, которые сыграли решающую роль в победе над сёгунатом. Правый министр Сандзё Санэтomi огласил перед князьями Сацума, Тёсю, Хидзэн и Тоса указ, в котором говорилось: в соответствии с вашими предложениями княжества упраздняются, а на их месте появляются префектуры, куда назначаются новые губернаторы.

Границы префектур совпадали с границами крупных княжеств, мелкие были объединены. В результате получилось 72 префектуры, три города, приравненных к префектурам (Токио, Киото, Осака),

и один округ — Хоккайдо. Выделение Хоккайдо в особую административную единицу вызывалось необходимостью его колонизации — остров представлял собой малоосвоенный и малонаселенный край. Чтобы избежать ненужных ассоциаций, за редкими исключениями, названия префектур не повторяли названий княжеств. В основном их называли по крупным уездам, располагавшимся на их территории. Чтобы покончить с местничеством, на должности губернаторов местные уроженцы назначались редко. В дальнейшем количество префектур менялось, в 1888 г. их стало столько же, сколько и теперь — 47.

После упразднения княжеств государство получило полное право на распоряжение землей и княжескими предприятиями: рудниками, заводами, верфями. Правительство приняло на себя часть долговых обязательств княжеств, но налоги стали теперь поступать не князьям, а центральному правительству. Правительство получило материальную и финансовую основу, без которой единая страна не могла бы существовать. До этого времени три четверти государственного бюджета обеспечивали поступления с национализированных земель, которые раньше принадлежали непосредственно сёгунату. Прежним князьям вменялось в обязанность жить в столице. В этом отношении новое правительство позаимствовало опыт режима Токугава, державшего князей и их семьи в Эдо в качестве заложников.

Вместе с упразднением княжеств сразу два миллиона самураев и членов их семей лишились своих сюзеренов. Однако правительство поступило с бывшими князьями и самураями вполне гуманно: оно сохранило им значительную часть их прежних доходов или рисового пайка, но перевело его в денежное исчисление. При этом можно было получать пенсию ежегодно, а можно было получить выплату сразу за несколько лет, но отказаться при этом от пожизненной пенсии. Правительственные траты на выплату пенсий были огромными.

Однако самурайские пенсии себя не оправдали. Творцы закона рассчитывали, что они помогут самураям заняться каким-нибудь производительным трудом, основать свое дело, сесть на землю. Но этого не произошло, очень многие из них свой капитал промотали. Самурай-рикша — один из устойчивых литературных персонажей того времени. Сохранились и драматические истории, как самурайским дочерям приходится добывать пропитание в борделях.

У самураев не было ни навыков, ни желания самостоятельно зарабатывать на свой рис — занятия физическим трудом они считали делом для «черни». Однако и эта «чернь» уже не желала признавать справед-

ливость выплачиваемых самураям пенсий — ведь они уже никого не защищали. Газеты называли самураев «попрошайками», которые проедают и пропивают полученное от государства добро.

В августе 1876 г. было решено отменить ежегодные пенсии и перевести их в государственные облигации со сроком погашения от 5 до 14 лет. За исключением горстки бывших князей, никто не смог жить на проценты по выплатам на облигации, большинство их держателей предпочли с ними расстаться. В то же время практически все бывшие князья сумели превратить свои деньги в капитал. Они вложили свои средства в покупку земли, торговлю, банки, фабрики, превратившись в помещиков и предпринимателей. Таким образом, на высшем уровне была сохранена определенная социальная преемственность по отношению к эпохе Токугава. Поэтому князья не проявляли солидарности со своими бывшими дружинниками и не участвовали в их борьбе против нового режима. Кодекс самурайской чести культивировал верность вассала по отношению к сюзерену, но он не предусматривал такой же безоглядной верности сюзерена по отношению к вассалам.

Несмотря на определенное сопротивление и недовольство реформами, упразднившими феодальную систему хозяйствования и управления, преобразования прошли сравнительно спокойно. В отличие от «классических» европейских революций — французской и российской — социальная реконструкция в Японии была произведена не за счет массового истребления правящего слоя, а за счет интеграции прежней элиты в новую властную структуру.

Ликвидация княжеств сопровождалась ликвидацией социальной системы, на которой зиждилось токугавское общество. В 1869 г. прежнее внутреннее деление элиты на множество категорий было упразднено и сведено к двум: *кадзоку* («знатные», т.е. бывшие князья и киотоские аристократы) и *сидзоку* (можно описательно перевести как «военные-дворяне»), к которым отнесли простых самураев. Сословия крестьян, ремесленников и торговцев отменили, теперь входившие в них люди именовались «простыми людьми» (*хэймин*). В число «простых людей» попали и парии (*эта* и *хинин*). Всему населению разрешили иметь фамилию. Ограничения на браки и сословное право также отменили. Были сняты и все маркеры социального статуса, обозначаемые одеждой и прической. Так был сделан решающий шаг по превращению всего населения в единую категорию подданных. Между центральной властью и «народом» исчезал передаточный механизм и посредники, от которых зависело, будут ли люди подчиняться приказаниям

центрального правительства или нет. Феодалному способу управления был нанесен серьезный удар, принадлежность к *кадзоку* и *сидзоку* служила предметом гордости, была памятью о славном прошлом, но не имела значимых юридических последствий. Однако, несмотря на провозглашенное равенство, пережитки прежнего социального деления на практике давали о себе знать еще очень долго, а предрассудки относительно «неприкасаемых» распространены и сейчас.

2.2. Создание аппарата управления

Для сторонников возрождения власти императора в японской истории не существовало периода более «правильного», чем VIII—X вв. (эпохи Нара и Хэйан). Это время было достаточно нестабильным, дворцовые заговоры следовали один за другим, к IX в. род Фудзивара уже начинал подминать под себя императоров, с X в. централизованное государство существенно ослабеваает. Но для поборников монархии важнее было другое: согласно тогдашнему законодательству «*Рицурё*» император являлся главной фигурой управленческого процесса, а чиновники выполняли роль передаточного механизма для исполнения высочайшей воли. Поэтому теперь решили восстановить название главного управленческого органа того времени: Палату большого государственного совета (*Дадзё:кан*). Дадзёкан существовал при императорском дворе и во времена Токутава, но никакими реальными полномочиями не обладал.

Хотя название Дадзёкан было старым, его внутренняя структура сильно отличалась от древних установлений. В его составе были представлены три ветви власти: законодательная (*Гисэйкан*), исполнительная (*Гё:сэйкан*) и судебная (*Кэйхо:кан*), чего не предусматривало древнее законодательство. Идея о разделении ветвей власти была заимствована из Америки. В то время довольно многие люди наивно полагали, что Америка может послужить для Японии моделью политического устройства. Известный общественвед *Като Хироюки* (1838—1916) говорил об органическом сходстве Японии с Америкой на том лишь основании, что в Америке есть правительства штатов, а в Японии есть князья с их советами старейшин. При таком понимании не стоит удивляться тому, что заимствование разделения властей не было системным. Названия ветвей были, но при этом принцип их независимости в расчет не принимался.

Вместе с ликвидацией княжеств была создана и новая структура управления, которая больше подходила для централизованного

государства. О реформе чиновничьего аппарата, разработанной Кидо Такаёси, было объявлено 29 июля 1871 г.

Дадзёкан состоял теперь из трех палат: *Сёин* (Центральная), *Саин* (Левая) и *Уин* (Правая). Центральная палата напрямую «подчинялась» Мэйдзи. Это означало, что он присутствовал на ее совещаниях, но на практике никогда не высказывал своего мнения.

В Центральной палате были предусмотрены должности главного министра (ее занимал Сандзё Санэтоми, 34 года, аристократ), левого министра (пост остался вакантным), правого министра (Ивакура Томоми, 46 лет, аристократ), советников-санги (Кидо Такаёси, 38 лет, уроженец Тёсю; Сайго Такамори, 44 года, Сацума; Итагаки Тайсукэ, 34 года, Тоса; Окума Сигэнобу, 33 года, Хидзэн). Названия всех этих должностей имелись в штатном расписании двора еще в VIII в.

Правая палата была исполнительным органом — правительством в современном понимании этого термина. В ее состав входили министры и их заместители. Министерств было учреждено девять: небесных и земных божеств, иностранных дел, финансов, обороны, образования, промышленности, юстиции, императорского двора и министерство освоения Хоккайдо.

Левая палата была органом для разработки законов, ее председатель одновременно был советником-санги. На пост председателя назначили **Гото Сёдзиро** (33 года, Тоса), заместителем стал **Это Симпэй** (37 лет, Сацума). В работе этой палаты также принимали участие министры и их заместители, т.е. она отличалась от Правой палаты функциями, но не составом. В этом следует видеть явное желание сократить количество людей, причастных к принятию решений. За полной ненадобностью палату упразднили всего через четыре года.

Большинство людей из этого состава правительства сыграли выдающуюся роль в последующих событиях, связанных с политикой, экономикой и культурой. Хотя княжества и сословия были отменены, происхождение того или иного человека продолжало иметь огромное значение. В составе правительства бывшие самураи доминировали над аристократами, а среди княжеств наибольшим весом обладали выходцы из Сацума и Тёсю, хотя представлены также Тоса и Хидзэн. Но это были не бывшие князья, а низкоранговые самураи. Однако и они тоже рассматривали подведомственные им органы власти в качестве «владений» своих землячеств. Обсуждение бюджета страны часто превраща-

лось в обмен обвинениями в недооценке «исторической» роли того или иного землячества.

В самом начале административного строительства в окружении Мэйдзи были представлены высшие придворные и князья антитокугавской коалиции. Летом 1868 г. в должности старших советников (*гидзё*) находилось 5 принцев, 12 аристократов и 13 князей (или их близких родственников). Должность младших советников занимали 43 высокоранговых аристократа, 6 низкоранговых аристократов, 53 самурая. В правительстве 1871 г. не было ни одного принца, количество аристократов также резко сократилось, князей не стало совсем. Иными словами, «благородные» не выдержали конкуренции с «худородными». Проводить реформы, ломать устоявшийся порядок могли только они.

Засилье землячеств с юго-запада в верхнем эшелоне управления несколько компенсировалось тем, что основу бюрократического аппарата на среднем уровне составляли выходцы из Токио и Сидзуока. Это были самураи — бывшие вассалы Токугава. Именно они обладали наибольшим опытом бюрократической работы. Руководящие должности им не доверяли, но именно они оказались наиболее компетентны в реализации решений, принятых наверху. Число чиновников стремительно возрастало. Если в 1868 г. центральный чиновничий аппарат составлял всего 307 человек, то в 1872 г. — уже более 4,5 тыс.

2.3. Определение границ Японии

Токугавская Япония не стремилась к расширению своих границ. Господствовало убеждение, что благодатность японской земли превосходит другие земли и стремиться к приобретению дурных по своему качеству территорий не имеет смысла. Япония периода Мэйдзи позаимствовала от Запада экспансионистские идеи, которые с успехом воплощала в жизнь. Но сначала следовало определиться со своими границами.

При токугавском режиме остров **Эдзо** не входил в состав страны и не изображался на географических картах Японии. Название Эдзо он получил от этнонима «эдзо» («креветочные варвары») — так именовали японцы айнов. Японцев проживало там совсем немного, никаких серьезных попыток освоения острова не наблюдалось. В конце периода Токугава он рассматривался как своеобразный оборонительный редут против экспансионистских устремлений России. В связи с этим там были расположены военные подразделения сёгуната. В 1869 г. остров переименовали в **Хоккайдо** («Район северного моря») и он официально

стал частью Японии. Других претендентов на остров не нашлось, Япония приступила к его освоению.

В 1875 г. произошло территориальное размежевание с Россией. Согласно промежуточным договоренностям 1867 г. остров Сахалин находился в совместном владении Японии и России. Это вызывало множество дипломатических неудобств, между русскими и японскими обитателями острова возникали конфликты. Японцев на острове было намного меньше, чем русских. К тому же для японской экономики в то время более приоритетным было освоение Хоккайдо, а для дипломатии — корейское направление. И здесь для японского правительства был важен нейтралитет России. Для России же основным направлением внешней политики оставались Европа, Ближний и Средний Восток. В связи с этим политическая элита обеих стран хотела сосредоточиться на решении главных проблем и не отвлекаться на второстепенные. Поэтому в Токио решили отдать Сахалин России в обмен на Курильские острова. 7 (25 апреля) мая в Петербурге был подписан договор о территориальном размежевании.

В обеих странах нашлось немало людей, которые нашли договор противоречащим национальным интересам. Однако каждая из стран имела для его подписания серьезные резоны. Если оценивать ситуацию в целом, то ни Япония, ни Россия еще не имели в этом регионе сколько-нибудь серьезных интересов — как экономических, так и геополитических. Получив Сахалин, Россия не нашла ничего лучшего, как превратить остров в место ссылки. Петербургский договор подвел итог территориальному размежеванию в Восточной Азии. Отныне перекройка границ станет привилегией не столько дипломатов, сколько военных.

В начале 1879 г. был определен статус архипелага Рюкю. Положение крошечного королевства Рюкю было всегда очень шатким. С одной стороны, король (ван) Рюкю платил дань китайскому императору. С другой стороны, начиная с XVII в. он одновременно стал данником княжества Сацума (но не центрального правительства в Эдо). Испытывая на себе сильное китайское и отчасти японское влияние, племена архипелага до определенной степени сохранили культурное своеобразие и свои разговорные языки (письменным языком являлся китайский). И для Китая, и для Японии жители архипелага представлялись «варварами».

С упразднением в Японии княжеств архипелаг Рюкю сохранил свой совершенно особый и даже экзотический статус. Король, получавший право называться так после получения разрешения в Пе-

кине, продолжал пребывать в своем дворце в Сюри, однако его «королевство» считалось японцами чем-то вроде округа в составе префектуры Кагосима, образованной на месте прежнего княжества Сацума. В сентябре 1872 г. Рюкю провозгласили «княжеством», выведя архипелаг из-под контроля Кагосима и лишив местного короля права сношения с заграницей. Таким образом, Рюкю оказалось единственным княжеством на территории Японии — все остальные были уже упразднены.

Японское правительство требовало, чтобы король Рюкю Сётай (1843–1901) прекратил даннические отношения с Китаем. На практике это означало: не посылать посольства при восхождении нового китайского императора на престол. Однако король ослушался и такое посольство все-таки отправил. Тогда Япония отправила на Рюкю воинский отряд численностью 560 человек, который вывез короля в Токио. В 1879 г. на месте бывшего княжества-королевства Рюкю была учреждена префектура Окинава.

С присоединением Рюкю Япония внесла свой вклад в разрушение китайской империи и организованного ею дальневосточного международного порядка. Китай не признал присоединения Рюкю к Японии. Острова не имели для него никакого экономического значения, но потеря вассального королевства изменяла привычную картину мира, в которой Китай был окружен варварскими странами, приносящими регулярную дань. Важность Рюкю для Японии тоже определялась идеологией. Объявляя архипелаг своим, Япония встраивалась в европейскую картину мира: цивилизованная страна должна нести цивилизацию туда, где ее пока что нет. Китайцы стремились удержать рюкюсцев в орбите своего влияния в качестве иностранцев и варваров, для нынешних японцев была актуальна другая стратегия — «воссоединения с последующим окультуриванием».

Таким образом, в начале периода Мэйдзи территория Японии **значительно увеличилась**. При Токугава в условиях стабильности и мира японцы считали свою страну достаточно большой, самодостаточной и обеспеченной всем необходимым — солнцем, водой, пищевыми и ископаемыми ресурсами. Нынешняя Япония была больше токугавской Японии, но она страдала от комплекса неполноценности. Идеологи, публицисты и даже государственные деятели называли ее крошечной островной страной, расположенной на периферии «цивилизованного мира» — на Крайнем Востоке. Распространению таких настроений способствовало действительное отставание от Запада и внешнеполитические неудачи Японии. Это касается как неудачной

попытки аннексии Тайваня, так и неспособности пересмотреть неравноправные договоры.

В конце 1871 г. несколько десятков рыбаков с крошечного острова Мияко (архипелаг Рюкю) возвращались домой из города Наха. Их корабль потерпел крушение, и они высадились на юге Формозы (Тайваня). Аборигены ограбили их и убили 54 человека.

Статус Тайваня отличался немалым своеобразием. С 1683 г. он считался китайской территорией, но в реальности китайское присутствие было там минимальным. Маньчжурская династия Цин опасалась, что переселенцы из числа «настоящих» китайцев могут организовать там антиправительственное движение, а потому препятствовала миграции туда и не прикладывала усилий по освоению острова.

Когда японский министр иностранных дел Соэдзима Танэоми (1828—1905) потребовал в 1872 г. наказать виновных в убийстве рюкюсцев, ему отвечали, что преступники проживают за пределами территории, на которую распространяется цивилизующая сила китайского императора. Тем не менее 12 оставшихся в живых обитателей Мияко китайские власти доставили в Наху, т.е. в соответствии с нормами международного права Китай вернул их на родину.

Казалось, что неприятный вопрос закрыт, но в Токио решили по-иному. Министр внутренних дел Окубо Тосимити и министр финансов Окума Сигэнобу предложили план «возмездия». Прибегнув к обычной для западных стран риторике того времени, японцы заявили, что на Тайване нет «хозяина» — ведь Китай не в состоянии обеспечить там надлежащий порядок. В качестве «хозяина» Япония предложила саму себя. Непосредственное руководство военной операцией было возложено на Сайго Цугумити.

Япония рассчитывала на помощь Англии и Америки, но обе страны отказались участвовать в операции. Мало того, далеко не все члены японского правительства поддержали посылку войск. Против выступил даже военный министр Ямагата Аритомо, а министр образования Кидо Такаёси подал в отставку. Цугумити, который к этому времени уже собрал войска в Нагасаки, был послан приказ об отсрочке экспедиции, но тот не послушался, и 3600 воинов отплыли на Тайвань.

Передовой отряд высадился на юге острова 7 мая. На Тайване и вправду не было «хозяина»: не встречая практически никакого сопротивления, японцы занимали опорные пункты. Китайские войска на Тайване отсутствовали, о планах по покорению Тайваня китайские чиновники узнали от английского посланника в Пекине. Японские воины «наказали» только то племя, которое было виновно в убийстве

жителей Рюкю, с остальными удалось установить «дружественные» отношения. Цугумити фотографировался вместе с вождями и дарил им японские флаги в качестве неоспоримого свидетельства того, что теперь они подчиняются Японии.

Переговоры с Китаем были организованы при британском и французском посредничестве в Шанхае и Пекине. Вначале Окубо потребовал передачи Японии той части Тайваня, где проживали «варварские» племена, но в результате дело закончилось выплатой контрибуции в размере 500 тыс. таэлей, что составляло всего 10% расходов на экспедицию. Легальная аннексия этого острова сделалась невозможной, японский экспедиционный корпус покинул Тайвань.

Все попытки пересмотреть неравноправные Ансэйские договоры также закончились неудачей. В 1871 г. в Америку и Европу была направлена представительная миссия под руководством Ивакура Томоми. Ее основной целью была подготовка к пересмотру договоров. Первой страной, которую посетила миссия, были США. Уже там стало понятно, что цель миссии невыполнима. Американские чиновники предложили предоставить право на свободное передвижение американцев внутри Японии в обмен на послабления в таможенных тарифах. И тут японцы осознали, что, если они подпишут такой договор с Америкой, любой другой иностранец немедленно получит точно такие же права, ибо в типовых договорах с другими странами был прописан режим наибольшего благоприятствования. Иными словами, если одна страна получает какие-то привилегии, то другие получают их автоматически. При этом, согласно заключенным договорам, сама Япония режимом наибольшего благоприятствования не пользовалась. Получалось, что заключи Япония договор в Вашингтоне, таможенные послабления со стороны Америки не распространятся на другие страны. Предоставить же всем иностранцам право на свободное передвижение Япония в это время еще не была готова. Поэтому членам миссии Ивакура пришлось перенаправить свою энергию в другое русло, а именно на знакомство с тем, как обстояли дела в тех западных странах, с которыми имела дело Япония в своей внешнеполитической деятельности.

3. Основные реформы

3.1. Стратегические и тактические цели реформ

Стратегическая цель реформаторов описывается их основным лозунгом — «**Богатая страна — сильная армия**» (*фукоку кёхэй*). Этот лозунг

появился еще в последние годы существования сёгуната. Реформаторы понимали его как создание развитой экономики, мощной армии, монолитного японского народа, способных обеспечить независимость страны и ее достойное положение в мире. Обращает на себя внимание, что речь шла о богатой стране (богатом государстве), а не о богатых людях. Эта стратегическая цель оставалась неизменной на всем протяжении периода Мэйдзи. Однако поиск средств для достижения поставленной задачи был непростым.

Новое правительство пришло к власти под лозунгом возрождения политического порядка древности, когда власть якобы полностью принадлежала императору, который обладал как распорядительными, так и жреческими функциями. Иными словами, речь шла о **синтоистской теократии**. В связи с этим в начале периода Мэйдзи в околоправительственной среде появляются представители «национальной школы» (*кокугаку*), авторитетами для которых были Када-но Адзумаро, Камо-но Мабути, Мотоори Норинага, Хирата Ацутанэ. Эти мыслители пропагандировали «исконно японские» ценности (прежде всего, речь шла о синто) в их открыто ксенофобской версии. При Токугава школа *кокугаку* находилась на периферии общественного сознания, теперь она стала намного более востребованной.

На первых порах существования нового режима наблюдаются практические **меры по превращению синто в государственную религию**. Это была трудная задача, поскольку при сёгунате Токугава основой официальной идеологии было конфуцианство, которое квалифицирует религию как заблуждение и шарлатанство. Однако уже в 1868 г. в составе правительства восстанавливается Палата небесных и земных божеств (*Дзингикан*), впервые созданная еще в VIII в. Под ее контролем находились все святилища, жрецы и отправляемые ими культы.

Одновременно предпринимаются меры по «очищению» синто от иноземного (буддийского) влияния: запрещается проведение в синтоистских святилищах буддийских церемоний, прекращается отправление буддийских ритуалов при дворе, запрещается буддийская кремация. С разделением буддийских и синтоистских культов жрецам было запрещено служить в буддийских храмах, всем им предписывалось отрастить волосы, чтобы они больше не походили на буддийских монахов. Синтоистских жрецов катастрофически не хватало, и штаты святилищ стали пополняться за счет бывших буддийских монахов. Зафиксирован случай, когда все монахи храма Кофукудзи в Нара подали коллективное прошение о том, чтобы им разрешили переквалифицироваться в синтоистских жрецов.

Хотя само правительство, опасаясь волнений, неоднократно выступало против открытого и чересчур рьяного преследования буддизма, на местах нашлось немало «инициативных» людей, которые по-своему толковали настроения правительства. Они жгли храмы и сутры, уничтожали статуи. Многие храмы были закрыты.

На этом антибуддийском фоне происходило создание огосударственного синто. В сентябре 1872 г. появилось предписание, согласно которому все жители страны были обязаны в определенные дни поклоняться святилищу в Исэ, обратившись в его сторону. Таких дней за год насчитывалось 46. Местные власти должны были подавать отчеты о том, как прошел ритуал и кто на нем присутствовал. Таким образом, святилище Исэ рассматривалось как главная сакральная точка на карте страны.

Правительство попыталось придать синтоистской церкви и административные функции. При сёгунате аристократы, князья и их самураи не были занесены в подворные списки. Все остальные жители были приписаны к буддийским храмам, которые, таким образом, выступали как составная часть административного аппарата. Теперь эту функцию по регистрации населения передали синтоистским святилищам.

В отличие от буддизма синто не обладал четкой организационной структурой. В стране существовали десятки тысяч синтоистских святилищ, в подавляющем большинстве из них отправлялись местные культы, совершенно бесполезные с точки зрения государства. Всю эту аморфную синтоистскую массу следовало упорядочить. Поэтому святилища ранжировали по шести категориям. При этом получить разрешение на строительство нового святилища стало чрезвычайно сложно, оно выдавалось в исключительных случаях. Задача состояла не в том, чтобы увеличить количество святилищ, а в том, чтобы его уменьшить.

3 января 1870 г. был обнародован указ об учреждении института агитаторов (*сэнкё:си*). Он назывался «О распространении великого божественного Пути». Агитаторам предлагалось разъяснять подданным суть этого Пути, которая заключалась в единении ритуала и управления, в почитании синтоистских божеств и императора. Агитаторы состояли в штате Палаты небесных и земных божеств.

Курс на репрессии по отношению к буддизму вызывал ошутимое недовольство населения, привыкшего к буддийским формам религиозного поведения. Подавление буддизма часто трактовалось как курс на христианизацию. В марте 1871 г. крестьянские волнения разразились в Микава. Крестьяне посчитали, что в правительственных учре-

ждениях «засел Христос». Завидев чиновника, они кричали: «А вот и Христос пожаловал!» и убивали его. Опасения по поводу христианства подкреплялись тем, что 24 февраля 1872 г. запрет на христианство был отменен.

Буддизм имел в Японии многовековую историю, общество сопротивлялось репрессивному курсу. Правительство учло это, в 1875 г. запрет на кремацию был снят. В марте 1872 г. вместо Министерства по делам синто было образовано Министерство религии. Прежние агитаторы были переименованы на христианский манер в «проповедников» (*сэккё:си*). Теперь проповедниками могли быть и буддисты. Их обязанности остались без изменений: внушать уважение к богам и любовь к родине; разъяснять сущность принципов Неба и Пути людей; внушать почтение к императору. Кроме того, проповедники должны были разъяснять текущую политику правительства, направленную на проведение реформ по западному образцу.

Однако институт проповедников был упразднен в 1875 г. Опыт их деятельности вышел неудачен, государственной религии на основе синтоизма создать не удалось. Опыта прозелитской работы не хватало, образованность проповедников оставляла желать лучшего, ритуалы не были унифицированы, представители разных религиозных школ не могли преодолеть догматических различий между своим пониманием «Неба», «Пути», верховной власти. И — самое главное — идеалы западной модернизации были проповедникам абсолютно чужды. Правительство же держало курс на вестернизацию, без которой, как считало большинство членов правительства, Японию ожидал крах. **Синтоистский миф оставался главной опорой монархической национальной идеи, но синтоистская церковь оказалась не в состоянии стать органом по мобилизации населения для выполнения задач по модернизации страны.**

Эти задачи выполнялись чиновниками и просветителями, которые выступали под лозунгом «**Буммэй кайка**» — «**Цивилизация и просвещение**». Просвещение и овладение современными знаниями были тем инструментом, с помощью которого Японии предстояло стать страной «цивилизованной». Под «цивилизацией» же понималась исключительно западная цивилизация, которой движут индивидуализм, конкуренция, капиталистическая организация производства, рационалистическое научное знание.

Японские интеллектуалы того времени испытывали сильнейший **комплекс неполноценности**: им казалось, что Японии нечем гордиться. Знаменитый просветитель **Фукудзава Юкити** (1834—1901) в книге

«Основы цивилизации» (1875) безжалостно утверждал: «Японии в нынешнем ее состоянии совершенно нечем гордиться перед Западом. Поскольку она обделена и природными ископаемыми, ей остается гордиться только пейзажами. Что до продуктов человеческой деятельности, то предметов для гордости здесь никогда не имелось». В то же самое время просветители были поборниками идеи прогресса и эволюции, согласно которой возможно подняться вверх по шкале степени цивилизованности, что позволяло надеяться на лучшее. Традиционное дальневосточное мировидение такой возможности не предполагало: деление на культурный «центр» и варварскую «периферию» было извечным и неизменным.

Просветители отличались хорошим знанием иностранных языков, они активно переводили западные книги, которые нередко становились бестселлерами. В 1871 г. увидела свет книга **Самуэля Смайlsa «Self-Help»** («Самопомощь»). В этой книге были собраны биографии тех людей, которые сумели «сделать себя». Книга разошлась тиражом в миллион экземпляров. Изречение, которым начиналась книга Смайlsa, стало в Японии знаменитым: «Небо помогает тому, кто помогает сам себе». Особенной популярностью пользовалось жизнеописание Бенджамина Франклина.

Основанный в 1875 г. **Мори Аринори** (1847–1889), Фукудзава Юкити и другими поборниками прогресса просветительский журнал **«Мэй-року дзасси»** («Шестой год эры Мэйдзи») знакомил японцев с западной культурой и цивилизацией, предлагал меры по реформированию Японии на западный лад. Журнал последовательно проводил линию на развитие образования, ибо только образованные люди способны создать сильную и уважаемую в мире страну. Многие идеи, высказанные просветителями, были подхвачены в правительстве. Некоторые его члены печатались в этом журнале.

3.2. Образовательная реформа

Правительственный указ об образовании появился 2 августа 1872 г. Всего через четыре года после начала новой эпохи в Японии было введено всеобщее начальное четырехлетнее образование. Однако всеобщим и обязательным оно оказалось только на словах. В следующем году школу посещало только 28% детей, всеобщим образование станет к рубежу XIX–XX вв. Реформа образования была не слишком подготовлена, денег в бюджете не хватало. Тем не менее совокупные инвестиции в образование равнялись в те времена расходам на оборону. В тот период на Западе существовала только одна страна, где расходы

на образование превышали оборонный бюджет. Это была Америка. Япония являлась «развивающейся» страной. Обычно в таких странах военный бюджет резко превышает бюджет образовательный. Политическая элита отдавала себе отчет в том, что реформы осуществляют конкретные люди. И если они неграмотны, то самые благие намерения обречены на провал. В отличие от многих других правительственных мероприятий последующего времени, объяснительная записка Министерства образования, на основе которой готовился указ, получилась на редкость либеральной. В ней утверждалось, что **образование нужно прежде всего самому человеку** — для того, чтобы его жизнь и карьера сложились удачно.

В «развивающихся странах» строительство образования обычно начинается с высшего звена — университетов. В результате имущественный и социальный разрыв между элитой и «простолюдинами» дополняется колоссальной разницей в уровне образования. Однако японские лидеры рассудили по-другому: **основной акцент был сделан на начальном образовании.**

Предполагалось открыть более 53 тыс. школ — чтобы одна школа приходилась на 600 учеников. И без введения обязательного обучения Япония была страной весьма образованной. Еще до эпохи Мэйдзи около 40% мужчин в какой-то степени были грамотны (среди женщин — 15%). Однако теперь менялась сама концепция того, чему надо учить. Наиболее решительную позицию занимал Фукудзава Юкити, призывавший к тотальному обновлению: «...Сила государства зависит от того, каково в нем просвещение. Если сравнить восточное конфуцианство с западным просвещением, то окажется, что Востоку недостает: в области конкретных знаний — математики и естествознания, в области отвлеченных принципов — чувства независимости. А как то, так и другое человечеству необходимо решительно во всем. Поэтому, если мы хотим, чтобы Япония сравнялась с западными державами, мы должны всеми силами изгонять из нашей страны конфуцианское просвещение» (перевод Н. И. Конрада).

Обучение было платным. Многие крестьяне были недовольны тем, что их дети должны ходить в школу, а не помогать родителям в поле. Плата за обучение ложилась дополнительным бременем на тощий крестьянский бюджет. Случались даже серьезные волнения: крестьяне разрушали и жгли школы. Но все-таки подавляющее большинство подданных Мэйдзи полагали: образование — благо.

В школах новой Японии «настоящих» учебников вначале не было. В качестве учебных пособий использовали и книги Фукудзава Юкити,

и переводные книги западных авторов. Школа давала такие практические знания, в овладении которыми родители помочь детям не могли. Она создавала «информационную солидарность» между поколением школьников, но она же создавала информационный и культурный разрыв между детьми и родителями.

Не только многие учебники были европейскими. Теперь во всех школах сидели не на циновках, а за партами, девочки учились вместе с мальчиками. Уже одно это приучало воспитанников совсем к другому образу жизни.

Помимо чисто образовательных целей, перед школой стояли и другие задачи — государственной важности. Элита была озабочена созданием японской нации. Одним из основных условий этого является создание общего для всего народа фонда знаний и памяти — все люди в стране должны уметь разговаривать на одном и том же языке, знать одни и те же факты, разделять одни и те же ценности.

Здания школ использовались не только для обучения детей. Школа была государственным учреждением, которое служило и для собраний взрослых. Например, именно в школах они могли знакомиться с правительственными указами. В школах же проводились и общеобразовательные лекции.

Несмотря на все недостатки и трудности, усилия по обучению населения приносили свои плоды. Учились взрослые — в 1878 г. на железных дорогах английских машинистов сменили японские. Учились и дети — все европейские путешественники единогласно отмечали: школьное дело в Японии поставлено превосходно. **На Парижской всемирной выставке 1878 г. Японии присудили первую премию за организацию школьного дела.** В стране насчитывалось уже 20 тыс. школ, в которых обучалось больше 40% детей.

В 1877 г. был основан **Токийский университет**. В его состав вошли четыре факультета: юридический, филологический, естественных наук и медицинский. Целью университета стала подготовка специалистов, овладевших западной наукой и традиционными ценностями японской культуры. Перечень изучаемых дисциплин включал в себя английский, французский и немецкий языки, западную, китайскую и японскую литературу, философию, историю. Между Востоком и Западом был соблюден разумный баланс, в штате преподавателей находились как японцы, так и иностранцы.

Что касается более «практических» областей знания, то после ряда реорганизаций в естественнонаучный комплекс вошли следующие факультеты: естественнонаучный, инженерный, медицинский и сельско-

хозяйственный. Точно так же обстоит дело и в нынешней Японии. На Западе инженерное и сельскохозяйственное дело изучалось в институтах и колледжах, в Японии университетское образование приобрело более прикладной характер.

Большинство студентов происходили из бывших самурайских семей. Сословие самураев было упразднено, но их дети оказались более других подготовленными к новым условиям жизни.

Либеральный и западнический характер реформы образования не вызывает сомнений. Образовательные учреждения должны были поставлять кадры, способные осуществлять правительственную политику «цивилизации и просвещения».

3.3. Военная реформа

10 января 1873 г. была введена всеобщая воинская повинность. Во время Франко-прусской войны Япония объявила о своем нейтралитете, но отправила в Европу двух наблюдателей. Их донесения окончательно убедили в необходимости введения воинской повинности. Особенно впечатляющим выглядел опыт Пруссии, которая сумела мобилизовать 700 тыс. человек.

Императорский указ начинался с критики самураев. Утверждалось, что они без суда и следствия могли убивать простых людей. Это являлось нарушением заветов древности, а потому ныне следовало вернуться к ее незамутненности, но учитывая при этом и иностранный опыт.

Призыву подлежали молодые люди, достигшие двадцатилетнего возраста. Срок службы определялся в три года. Призыва могли избежать государственные служащие, студенты государственных учебных заведений, главы семейств, единственные сыновья в семье. Юноши, чей рост не превышал 154,5 см (через два года снижен до 151,5 см), призыву также не подлежали. От службы разрешалось и откупиться за огромную сумму в 270 иен. Вполне приемлемое жалование составляло в то время 12—14 иен в месяц. Вначале 80—90% молодых людей удавалось тем или иным способом избежать призыва. Воинская повинность стала действительно всеобщей только ко времени Русско-японской войны.

Военная реформа в том виде, в каком она была реально проведена, имела своей непосредственной целью **выбить почву из-под ног самураев**. Они полагали, что имеют право на получение государственных пенсий потому, что являются единственными защитниками страны. Теперь этот аргумент перестал работать — они получали пенсию только потому, что правительство оказывало им такую «милость».

Реформа имела и идеологические цели. Для неграмотных солдат в армии устраивали школьные занятия, юноши из разных префектур общались друг с другом, проходя службу, они были объединены одной главной целью — защитой своего императора. Предполагалось, что эта общая цель поможет создать новую общность под названием «японский народ». Будущее покажет, что это был правильный расчет.

В момент введения «всеобщая» воинская повинность оказалась в реальности ограниченной. Но она все равно вызвала ошутимое недовольство среди крестьян, которые еще не успели проникнуться осознанием того, что военная служба является их «почетной обязанностью». При Токугава крестьянин платил налоги, но не служил в армии. Теперь он продолжал эти налоги платить, но государство лишало его столь необходимых в хозяйстве рук. По стране прокатилась волна крестьянских восстаний. Беспорядки подавили, сотни людей были убиты. Различным наказаниям подверглось около 27 тыс. человек, 15 человек приговорили к смертной казни. Но для другой части крестьян служба в армии означала повышение собственного престижа — они как бы обретали статус самурая, хоть и бывшего.

Недовольство военной реформой высказывали и самураи: их приравнили к «черни», лишив главной привилегии — быть единственными в стране обладателями оружия. Правительству направлялись протесты, в которых утверждалось, что крестьяне не способны жертвовать собой во имя высших государственных интересов. В одном из них говорилось: доверить им оборону страны — все равно, что взваливать на кошку с собакой груз, посильный только для лошади и вола. Многие из прежних самураев стали впоследствии офицерами в новой армии и в полиции, но в первый момент они пребывали в шоке, ибо служить вместе с «деревенщиной» они считали ниже своего достоинства.

Каждый самурай подчинялся только своему князю, но каждым солдатом командовал император Мэйдзи. В перспективе регулярная императорская армия была призвана поставить Японию в один ряд с западными державами. В солдатах воспитывали «японский дух» и личную преданность императору, но все остальное было европейским: форма, оружие, выправка.

3.4. Реформа внешности и поведения

«Высочайшая клятва в пяти статьях» предписывала отказаться от дурных обычаев прошлого. Эта размытая формулировка давала широ-

кий простор для толкования. Реформаторы имели в виду **не только построение иной политической системы, в их понимании одежда, внешность и бытовое поведение японцев также подлежали преобразованию** в соответствии с духом времени.

Одежда в глазах японца всегда являлась показателем статуса. Соответствующая одежда служила показателем «цивилизованности» и «варварства». Поскольку именно Запад стал признаваться за мерило цивилизации, то и одеваться следовало на западный манер. Начиная с мая 1872 г. Мэйдзи стал носить на людях только европейскую одежду (в основном военный мундир). В предшествующем этому событию указе говорилось:

«Полагаем Мы, что одеждам следует меняться в лучшую сторону во времена перемен, а мужи государственные должны своим авторитетом определять их. Нынешние одеяния и головные уборы были определены по примеру установлений, существовавших в древнем государстве Тан [т.е. Китае 618—907 гг.]. Они скроены ниспадающими и оставляют впечатление слабости. Считаем это весьма прискорбным. В нашей божественной стране с самого начала управление осуществлялось с опорой на военных. Сын Неба являлся главнокомандующим войсками, а люд поклонялся его обличью. Государь Дзимму при свершении своих изначальных дел [прежде всего, имеются в виду его военные походы против «восточных варваров»] и государыня Дзинго [трад. 201—269] во время похода в Корею одевались совсем не так, как принято сейчас. Выгляда слабым, как можно управлять Поднебесной хотя бы один день? Так что теперь желаем Мы решительно изменить установления относительно одежды и обновить их, возвратиться ко временам предков и построить государство с почтением к военному. Вы, наши подданные, должны принять Нашу волю близко к телу».

Таким образом, имеющая китайское происхождение придворная одежда подлежала смене на «другую». Хотя в указе и говорится про возврат к древнеяпонским традициям, на самом деле имелся в виду переход на европейскую одежду. Японские реформаторы поступали так часто: вводя новые обыкновения, они говорили, что возвращаются «к истокам».

Как следует из императорского указа, европейская одежда государственных служащих воспринималась прежде всего как одежда военная, как униформа. Мундир Мэйдзи был призван подчеркнуть его должность верховного командующего. В таком позиционировании Мэйдзи было немало лукавства, поскольку японские императоры никогда не командовали войсками непосредственно (Дзимму совершал

свои походы до занятия трона, а Дзинго не проходила церемонию интронизации), но все европейские монархии военной функцией обладали. Поэтому на официальных портретах (их было два, сделаны в 1873 и 1888 гг.) руки императора Мэйдзи опирались на саблю.

С этих пор **традиционные одежды почти полностью исчезают из придворного и государственного обихода**. Отныне императоры и наследные принцы будут появляться на публике в традиционной одежде в исключительных случаях (интронизация, свадьба, похороны, посещение святилища или храма). Поскольку европейская одежда была прочно сопряжена с понятием динамизма, то май 1872 г. был выбран императором для смены одежды отнюдь не случайно — Мэйдзи отправился в свое первое путешествие по стране.

Мэйдзи подал пример, и в обществе среди мужчин европейская одежда тоже получает все более широкое распространение. Она была знаком лояльности по отношению к реформам, которые проводит правительство.

В настойчивых попытках внедрения европейской одежды хорошо видно, что многие идеологи того времени хотели, чтобы японцы стали похожи на европейцев. Разумеется, это было проявлением комплекса неполноценности, который овладел японцами. Осознание собственной неконкурентоспособности распространилось не только на экономику, науку, культуру. Оно распространилось и на внешний облик. Бросавшаяся в глаза разница в росте, весе и чертах лица намекала на то, что европейская культура (в самом широком понимании этого термина) более «развитая», потому что ее носители «превосходят» японцев в физическом отношении. Поэтому реформы должны были коснуться не только государства и общества, но и самой наружности японцев.

Власти предписывали отказаться от таких обычаев и привычек, которые могли показаться европейцам нелепыми, смешными и «нецивилизованными». Доходило до абсурда: владельцам бань предписали подавать не такую горячую воду, к которой привыкли японцы, а попрохладнее — только на том основании, что так принято в Европе.

В 1876 г. токийская полиция начала взимать штрафы за следующие нарушения общественного порядка и приличий: нахождение на улицах раздетым и полураздетым; чинение препятствий проезду конных экипажей; отсутствие на экипажах сигнальных огней; чересчур быстрая езда экипажей, сопровождающаяся наездом на прохожих; татуировка; совместное купание в бане мужчин и женщин; фейерверки в непосредственной близости от жилых домов; продажа порнографических цветных гравюр; но-

шение мужчинами женской одежды, и наоборот (исключение составляли актеры — эта мера была направлена против чересчур «передовых» женщин, норовивших влезть в мужские штаны); отправление малой нужды в неположенных местах; отправление малой нужды детьми перед магазинами; драки и ссоры; перевозка нечистот в бочках без крышки; нанесение ущерба зеленым насаждениям; женская стрижка.

Особое внимание уделялось тем улицам, где предположительно могли находиться иностранцы. Вслед за Токио подобные ограничения стали вводить и другие местные власти. По всей стране шла борьба с «дурными» обычаями прошлого и с «предвзвещениями». Крестьянам запрещали проводить прежние ритуалы (например, «распугивания насекомых», почитания бога дорог или поминовения предков), спать днем. Запрещалось не допускать женщин в храмы, что было обычной практикой прошлого времени. Бурные танцы и долгие застолья запрещались потому, что это «вредит здоровью». Нельзя было плевать и сморкаться в очаг, вносить ночной горшок в спальню.

Одновременно с этими запретительными мерами проводилось и всемерное поощрение того, что могло помочь в обретении японцами европейских телесных характеристик.

Для увеличения роста и мускулатуры **предлагалось отказаться от вегетарианства, есть больше мяса, пить молоко и заниматься физкультурой**. Особое внимание уделялось тому, как японцы сидят: считалось, что постоянное сидение «на пятках» приводит к искривлению ног, пониженному тону мышц и застою в кровообращении — так что японцы оказываются малоспособны к стремительному передвижению. В связи с этим гигиенисты настойчиво советовали японцам обзаводиться европейской мебелью и **пересест на стулья**. Чтобы избавиться от темного по сравнению с европейцами цвета кожи, широкое распространение получили отбеливающие кремы. Мужчины стали «по-европейски» отращивать растительность на лице, что было совершенно нехарактерно для периода Токугава. Замужние же женщины, наоборот, отказывались от чернения зубов. Зато в моду входили женские украшения, которых раньше японки никогда не носили.

3.5. Недовольство реформами и самурайские восстания

Сторонники возвращения власти императору свергли сёгунов и приступили к проведению реформ, которые встретили серьезное сопротивление. В то время сама принадлежность к правительству сделалась опасной для жизни.

В сентябре 1869 г. жертвой пал Омура Масудзиро из Тёсю. Самурай из его родного княжества смертельно ранили его. Омура прославился как усмиритель просёгунских отрядов в Уэно. Потом он занимал дол-

жность военного министра. Многие самураи полагали, что его деятельность по модернизации японской армии ведет к потере их наследственных привилегий — именно он выдвинул идею о необходимости введения всеобщей воинской повинности и настойчиво продвигал свои предложения в противовес плану Окубо Тосимити: создать армию из бывших самураев, где главную роль играли бы воины из Сацума, Тёсю и Тоса.

Случаев подобного «точечного» террора против правительственных чиновников и иностранцев зафиксировано достаточно много. Но гораздо большую опасность для режима представляли массовые самурайские выступления.

28 марта 1876 г. бывшим самураям пришлось распрощаться с последним видимым свидетельством своего благородного происхождения. В этот день был обнародован **указ о запрете на ношение мечей**. Это означало, что самурайское сословие исчезало окончательно. Отныне только полицейские и армейские чины имели право на ношение сабли. Еще раньше было запрещено носить самурайскую прическу. По мнению многих самураев, правительство поощряло деятельность христианских миссионеров, их раздражало, что чиновники шеголяли в западной одежде. Нет, не такой представляли себе новую Японию те люди, которые с оружием в руках выступили в защиту императора. Прежние правительства можно охарактеризовать как главных китайцев в Японии, к нынешнему больше подходило название «главного европейца».

В 1874–1877 гг. произошла череда самурайских восстаний. Все они случились на юго-западе. Юго-запад, сыгравший решающую роль в свержении сёгуната и реставрации императорской власти, теперь выступил против правительства, в котором доминировали представители тех же самых юго-западных княжеств. В этом отношении восстания отчасти походили на внутриклановые разборки. Все самурайские восстания были преимущественно политическими и не выдвигали экономических требований. Сословие, потерявшее в результате реставрации императорской власти источник своих прежних доходов, собственное материальное положение беспокоило меньше всего. Самураи протестовали не столько против бедности, сколько против потери статуса.

В феврале 1874 г. вспыхнуло самурайское **восстание в префектуре Сара**. Его участники выступали за немедленное нападение на Корею, запрет христианства, прекращение вестернизации. Восстание возгла-

вил Это Симпэй. Как и Сайго Такамори, он покинул правительство из-за отказа от нападения на Корею, которая была вассалом Китая и отказывалась признать Японию своим сюзереном. Это Симпэй просил помощи у Сайго Такамори, но тот отказался выступить против правительственных войск, возглавляемых его младшим братом Цугумити. Попытки вовлечь в восстание недовольных самураев из Тоса также окончились провалом. Феодално-княжеские традиции организации общества по-прежнему мешали консолидации антиправительственных сил.

Установленная к этому времени телеграфная связь между Токио и Нагасаки, достаточное количество пароходов позволили правительству действовать решительно и быстро. Восстание было разгромлено за две недели. Правительственная армия состояла из нескольких тысяч человек. Из соседних префектур было набрано еще пять тысяч добровольцев из числа *сидзоку* (бывших самураев). В их понимании восставшие не защищали их общие интересы. В первую очередь это были люди из другого клана. Последующие самурайские восстания не имели никаких шансов на успех по той же самой причине. Это Симпэй был казнен.

Наиболее непримиримые антизападники принадлежали к группе, назвавшей себя «Синпурэн» — «Объединение Божественного Ветра» («синпу» — альтернативное чтение иероглифов «камикадзё»). Его штаб находился в Кумамото. Лидер движения Отагуро Томоо (1835—1876), служивший настоятелем синтоистского святилища, считал, что его единомышленники должны принести нынешней Японии такое же очищение, которое принес ей «божественный» ураган, развеявший монгольский флот в конце XIII в. Эти люди настолько ненавидели всякое проявление западной жизни, что, проходя под телеграфными проводами, они заслоняли голову белым веером в надежде защитить себя от иноземных флюидов. Или начинали разбрасывать вокруг себя очистительную соль при виде особи, облаченной в европейскую одежду. А один человек, полагавший, что бумажные деньги пришли с Запада (на самом деле они были изобретены в Китае), брезговал трогать их руками и соглашался брать ассигнации только палочками для еды.

Все свои действия Отагуро сверял с гаданиями. «Счастливым» день пришелся на 24 октября 1876 г. Один отряд Синпурэн напал на казарму в Кумамото и поджег ее. Другой атаковал здание ненавистного телеграфа. Третий ворвался в префектуральное управление. Нападавших на-

считывалось около 200 человек. Большинству из них не было и 30 лет. Они не брали пленных и убили более 300 человек, включая губернатора. Но по чисто идеологическим мотивам восставшие были вооружены только холодным оружием, и когда правительственные войска пустили в ход огнестрельное оружие, надеяться мятежникам было уже не на что. Отагуро и большинство его сподвижников сделали себе хакари.

Все самурайские восстания были подавлены очень быстро, однако безжалостность (по отношению к самим себе и другим), с которой действовали мятежники, и отсутствие сколько-нибудь продуманной стратегии говорят о настоящем отчаянии. Многие крестьяне были тоже недовольны нововведениями, но пропасть, отделявшая их от самураев, оказалась настолько велика, что самураи поднимали самурайские восстания, а крестьяне, вооруженные бамбуковыми пиками, — крестьянские.

Самым опасным для правительства стало восстание Сайго Такамоори. Недаром эти события вошли в историографию как **«война на юго-западе» (сэйнан сэнсо)**. Сайго Такамоори покинул государственную службу в Токио в 1874 г. и обосновался в родном городе Кагосима, столице бывшего княжества Сацума, а ныне — центре префектуры Кагосима. Вслед за ним последовали несколько сотен его земляков из императорской гвардии и полиции. На своей родине Сайго основал несколько «частных школ» (они больше напоминали военные училища) для воспитания «настоящих» самураев.

Княжество Сацума традиционно было одним из самых военизированных. В Сацума самураи и их семьи составляли около 25% населения (в «обычных» княжествах доля самураев составляла 5—10%). Общее число «учеников» в школах Сайго составляло около 13 тыс. человек. Они никогда не ставили перед собой цели свержения Мэйдзи, но полагали, что император окружен людьми несправедливыми, от которых и следует его избавить.

В декабре 1876 г. из Токио в Кагосима были направлены секретные агенты. Студенты схватили одного из них и обвинили в подготовке покушения на их любимого Сайго. Под пытками он признался в преступном замысле. Это признание послужило непосредственной причиной волнений, которые переросли в восстание.

Сайго заявил, что отправляется в Токио в сопровождении правительственных войск, чтобы выяснить обстоятельства заговора против него. Под «правительственными войсками» разумелись его собственные формирования. Для большей убедительности он и его офицеры были одеты в сохраненную ими униформу императорских войск.

20 февраля войска Сайго Такамори численностью 15 тыс. человек пересекли границу префектуры Хиго и вошли в город Кумамото. Непосредственной целью восставших был местный замок — главная цитадель правительства на юге Кюсю. Одно имя легендарного Сайго наводило ужас на защитников крепости, недавних крестьянских сыновей. Тем не менее войска Сайго не сумели войти в защищенный массивными стенами замок, мятежники приступили к длительной осаде.

Самураи, проживавшие в Кумамото, стали переходить на сторону восставших. Они полагали, что нынешняя европеизация лишила страну ее былого величия. Численность войск Сайго составляла теперь 20 тыс. человек. Сам он не был оголтелым антизападником — в число его кумиров входил Джордж Вашингтон. Перед военными действиями и даже после их начала он заявлял, что его цель — добраться до Токио и задать несколько неллицеприятных вопросов правительству.

Мэйдзи назначил принцев Арисугава Тарухито и Ямагата Аритомо командовать своей армией. Десять лет назад Сайго и Арисугава сражались на стороне императора, теперь они стали врагами. И это при том, что оба по-прежнему считали себя сторонниками Мэйдзи.

В Кумамото постоянно прибывали правительственные войска. Их доставляла компания «Мицубиси», в распоряжении которой находилась к этому времени 61 корабль — более половины парового парка Японии. В то же самое время резервы пополнения армии повстанцев были почти исчерпаны, крестьяне не сочувствовали самурайскому делу, а сам Сайго видел в крестьянах только источник пополнения провианта и рабочей силы. Численность армии достигла 30 тыс. человек, но слишком многие были мобилизованы под страхом смертной казни, и их боеспособность близилась к нулю. Сами самураи Сацума тоже мало представляли себе, за что они воюют. Повстанцы отчетливо осознавали, что им не нравится правительство, но что их ждет после его отставки, оставалось покрыто мраком. Зато они знали, кто ими командует, и были готовы умереть за Сайго. Основной объединяющей силой войска была личная преданность — наивысшая добродетель самурая.

Сайго Такамори не имел возможностей для ведения затяжной войны. В стране было множество самураев, недовольных правительством, но для них Сайго Такамори оставался человеком из ненавистного княжества Сацума, представители которого играли ведущую роль в Токио. Они не сумели преодолеть клановое недоверие и не присоединились к армии Сайго.

Войска Сайго не сумели взять крепость Кумамото, осада была снята через 54 дня. В результате ожесточенных боев потери с обеих сторон достигли 7500 человек. Сам город Кумамото сгорел дотла. Война продолжалась еще пять месяцев, но никакой речи о победе Сайго уже не шло. Правительственная армия наступала, войска Сайго отступали, пытаясь избежать окружения и полного разгрома. 24 сентября Сайго, армия которого уменьшилась теперь до 40 человек, поклонившись в сторону императорского дворца, сделал себе харакири.

Победа далась императорским войскам дорогой ценой. В войне приняло участие 65 тыс. человек, 6 тыс. из них погибли. Число раненых составило 10 тыс. Прямые правительственные расходы достигли 42 млн иен — 80% годового бюджета страны. Повстанцы потеряли убитыми 18 тыс. человек. **Восстание Сайго Такамори оказалось самым масштабным и последним в череде массовых выступлений самураев против правительства.** Теперь недовольные правительством окажутся способны только на «точечный» террор. А правительственная армия доказала, что крестьянские призывники могут побеждать самураев.

3.6. Принятие конституции и создание парламента

В высших органах власти абсолютно доминировали выходцы из Сацума и Тёсю. Недовольных их засильем было немало. Многие из них видели выход в создании парламента, где его выборные со всей страны члены могли бы составить конкуренцию «олигархическому правлению». 17 января 1874 г. **Итагаки Тайсукэ** (1837–1919) и примкнувшие к нему оппозиционеры (Это Симпэй, Гото Сёдзиро, Созэдзима Танэоми и др.) внесли в правительство предложение о созыве Народного собрания. Они протестовали против гегемонии выходцев из Сацума и Тёсю, утверждая, что курс правительства лишен последовательности. Эти недостатки, по их мнению, могли быть устранены только при существовании представительной власти, о создании которой говорилось в «Пятистатейной клятве» императора Мэйдзи. Только при опоре на представительную власть правительство и страна станут сильными, только тогда можно будет достичь в народе «единомыслия». Конкретный пример неправильных действий правительства приводился только один: отмена военной экспедиции в Корею.

Так начиналось «Движение за свободу и права народа» («Дзию мин-кэн ундо:»). Название движения звучало как гимн народовластию, но на самом деле отправной точкой для его лидеров стало обеспечение вовсе не многомыслия, а «единомыслия» в деле завоевания Кореи. Понятие

«свобода» было применимо только по отношению к самим японцам. Тем не менее необходимо помнить: «Движение» стало первым массовым движением, которое основывалось не только на личной верности его руководителю, но и на определенных позитивных идеях.

В газете «*Ниссин синдзиси*» («Ежедневные новости») было опубликовано обращение. Это было большим новшеством: внутренние раздоры элиты сделались достоянием общественности. Печать решительно вовлеклась в политическую борьбу. Одни газеты ратовали за немедленный созыв Народного собрания, другие утверждали, что «глупый и необразованный народ» не созрел для того, чтобы предоставить ему право участвовать в управлении страной.

Итагаки Тайсукэ, в отличие от лидеров самурайских восстаний, удалось создать движение, которое не замыкалось в границах одного княжества. Развернув широкую просветительскую деятельность, его члены выступали за принятие конституции, учреждение парламента, снижение поземельного налога, пересмотр неравноправных договоров, местное самоуправление. **Ни сам Итагаки, ни его ближайшие соратники не выступали за демонтаж монархии.** Они страшились кровавых антимонархических революций Европы и выступали не за конституционную республику, а за конституционную монархию. Парламент был им нужен для того, чтобы «верхи» и «низы» стали ближе друг другу, а не для того, чтобы они поменялись местами. В правительстве же должны быть представлены посланцы всей страны, а не только землячества Сацума и Тёсю. Именно в этом они видели залог укрепления государства, которое представало как непререкаемая ценность. В 1880 г. им удалось собрать 97 тыс. подписей под обращением о принятии конституции, а в октябре следующего года создать Либеральную партию (*Дзюто*).

В этих условиях олигархи, прикрываясь именем императора, решили сыграть на опережение. 12 октября 1881 г. был обнародован указ, согласно которому Мэйдзи обещал стране конституцию. Но не сейчас, а через девять лет. Сторонники конституционного правления получали конституцию, которой они добивались, противники — отсрочку для того, чтобы лучше подготовиться к переменам.

В апреле Окума Сигэнобу создал свою политическую организацию — Партию конституционных реформ (*Риккэн кайсинто*). Он тоже выступал за введение конституции. Партию конституционных реформ, точно так же, как и Либеральную партию, нельзя назвать «настоящей» политической партией: ни та, ни другая не ставили своей целью приход к власти. Окума больше всего опасался «экстремистов», которые заста-

вят самого Мэйдзи возглавить правительство, так что император будет реально ответствен за все возможные промахи. А это может поставить под угрозу сам институт императорской власти.

22 декабря 1885 г. был упразднен прежний верховный орган управления — Дадзёкан. Теперь его функции перешли к новому органу — **кабинету министров**. Правительство стало называться по-другому, но оно по-прежнему находилось под полным контролем землячества Тёсю и Сацума. Первым премьером стал Ито Хиробуми (Тёсю). Он же возглавил и Министерство двора, которое было выведено из структуры кабинета министров. Это ставило его в совершенно особое положение, избавляя императора от критики, направленной в сторону реальных управленцев.

Премьер-министры менялись часто — до смерти Мэйдзи в 1912 г. будет сформировано пятнадцать кабинетов, т.е. «продолжительность жизни» одного кабинета составляет менее двух лет. Кабинеты приходили и уходили, но доминирование землячества Сацума и Тёсю по-прежнему сохранялось. Премьера и его министров ожесточенно критиковали газеты и политики, они становились мишенью для террористов, отставки были часты, но все это не могло радикально изменить кадровый состав правительства. Несмотря на нюансы проводимой разными кабинетами политики, стратегические цели также не изменялись: создать сильную страну и армию, сформировать единую нацию, изжить комплекс национальной неполноценности и стать вровень с Западом.

30 апреля 1888 г. был создан новый государственный институт — **Тайный совет (Су:мицуин)**. В состав этого совещательного органа входили старшие по возрасту принцы и основные министры. Его непосредственной задачей, в частности, стала подготовка текста конституции и положения об императорском доме. Ито Хиробуми, оставив премьерство, стал председателем Тайного совета.

1889 год вошел в историю Японии как год провозглашения конституции. Текст конституции готовился в условиях строжайшей секретности. С ним ознакомились члены кабинета министров, после чего текст был одобрен 16 членами Тайного совета. Основным архитектором конституции стал глава Тайного совета Ито Хиробуми, его главным помощником — юрист **Иноуэ Коваси** (1843–1895). Ито пристально изучал конституции европейских стран и пришел к выводу, что зачатки конституционного правления появились в Европе еще в древности, а потому эта форма была для Запада, в отличие от Японии, совершенно естественна. Еще одной доминантой политической

жизни Европы Ито признавал христианство, которое способно объединять людей для достижения важнейших государственных целей. В Японии же синто и буддизм не обладали объединительными потенциями христианства. Синтоистских божеств насчитывалось слишком много, буддизм был расчленен на множество школ, враждовавших друг с другом. По мнению Ито, в Японии объединяющими все население потенциями обладала только императорская фамилия. Когда Ито находился в Европе, наибольшее впечатление на него произвели идеи немецких правоведов, которые утверждали: монарх и государство — это синонимы, монарх является источником законодательной и административной власти.

Японское государство было персонализировано в лице Мэйдзи. А потому конституция писалась «под императора», он был ее главным действующим лицом. Первая статья состоявшей из 76 параграфов конституции гласила: **«Великая японская империя управляется императором, который является представителем извечной династической линии»**. Мэйдзи был священным потомком Аматаэрасу, поэтому обладал абсолютной неприкосновенностью и неподотчетностью. Согласно конституции император обладал правом назначать всех главных сановников, издавать законы в форме указов, созывать парламент и распускать его, объявлять войну и мир, заключать международные договоры, награждать и миловать. Теперь Мэйдзи официально получил должность главнокомандующего.

В «Положении об императорском доме», принятом вместе с конституцией, впервые вводился строгий **порядок престолонаследования**. Трон передавался только прямым потомкам императора по мужской линии. У Мэйдзи был только один сын (принц Ёсихито, будущий император Тайсё), и потому решение было рискованным. В отличие от Европы, где признавались и императрицы, в Японии женщина занимать трон не могла. Общество времени Мэйдзи было маскулинизированным еще в большей степени, чем на Западе.

Конституция признавала свободу слова и вероисповедания. Признавала конституция и политические партии, а также предусматривала создание двухпалатного парламента. Нижняя палата избиралась, верхняя — назначалась императором из среды аристократов. **Права парламента были чрезвычайно ограниченными.** Они сводились преимущественно к дебатам и утверждению решений, исходивших «сверху» за подписью Мэйдзи. Парламент мог вносить законопроекты, но они вступали в жизнь только после утверждения их императором. Парламент обсуждал и утверждал бюджет, но если правительство с ним не

соглашалось, принимался к исполнению бюджет прошлого года. Сам кабинет министров парламенту подотчетен не был. Он нес ответственность только перед императором. Несмотря на ограниченность полномочий парламента, следует помнить: Япония стала первой страной с конституцией во всей огромной Азии (Турция приняла конституцию в 1876 г., но просуществовала она менее года).

Согласно конституции Япония формально представляла как конституционная монархия с очень сильными элементами абсолютизма. Однако на самом деле это было совсем не так. Законы, конкретизирующие положения конституции, были прописаны таким образом, что **на всякое свое решение император должен был получить санкцию того или иного государственного органа**. Например, император мог назначить или уволить министра, только получив визу премьера. Его «личные» указы также на деле утверждались правительством и Тайным советом. Таким образом, Мэйдзи был абсолютным монархом только в глазах сорока миллионов своих подданных. И в этом заключалась его историческая роль — роль объединяющего нацию символа. Однако использование этого символа находилось в реальности в руках горстки политиков. В основном это были выходцы из Сацума и Тёсю.

Провозглашение конституции состоялось 11 февраля 1889 г. — день, когда первоимператор Дзимму якобы взошел на трон. Это произошло не в здании парламента, а в императорском дворце. Именно так открывал рейхстаг Вильгельм, именно по такому сценарию действовал впоследствии Николай II, устроивший прием по случаю открытия Думы не в Таврическом дворце, а в тронном зале Зимнего дворца.

Следовало еще раз подчеркнуть, что **конституция — не результат общественного движения**, а что она дарована императором. В отличие от многих других стран, где конституция была добыта народом ценою крови, в Японии это произошло согласно заранее составленному сценарию и совершенно мирно.

Действа, связанные с провозглашением конституции, состояли из двух этапов — скрытого и явленного, священного и мирского. Рано утром Мэйдзи в традиционном церемониальном облачении совершил в трех дворцовых святилищах приношения божествам и душам предков, прося их хранить древнее императорское правление и одновременно оказать поддержку новым законам и конституции, которая соответствует «требованиям цивилизации». На месте действия присутствовали только непосредственные участники ритуала и высшие сановники — принцы, премьер **Курода Киётака** (1840—1900), министры, председа-

тель Тайного совета Ито Хиробуми. Для того чтобы сообщить богам о провозглашении конституции, посланцы императора и губернаторов отправились в святилища Исэ, Ясукуни и все остальные признанные государством синтоистские святилища. Кроме того, посланцы «известили» захоронения императоров Дзимму и Комэй, покойных деятелей реставрации (Ивакура Томоми, Окубо Тосимити, Кидо Такаёси). Таким образом, на введение конституции в действие сначала была получена священная санкция богов, душ предков и покойных политических деятелей.

Второй этап был задуман как более публичный. В тронный зал допустили не только представителей политической элиты, но и корреспондентов 18 газет. Бывший главный министр Сандзё Санэтоми передал императору текст указа о провозглашении конституции. Мэйдзи зачитал его. Потом Ито Хиробуми вручил Мэйдзи свиток с текстом конституции, а Мэйдзи передал его премьеру, который, стоя на первой ступеньке покрытого красным ковром помоста, с глубоким поклоном принял ее. Затем император покинул зал. Кроме непосредственных разработчиков, никто в этот момент не знал, что написано в конституции. Ее текст раздали присутствующим в конце церемонии.

Для того чтобы этот день лучше запомнился подданным, Министерство двора организовало однократные денежные выплаты престарелым. В стране нашлось 277 597 человек в возрасте свыше 80 лет, 14 013 человек — больше 90 и 167 — вековых стариков. Торжества по случаю провозглашения конституции были грандиозными. Желая подчеркнуть эпохальность события, одна газета написала: гром салюта был слышен даже за границей. День провозглашения конституции настолько врезался в память, что впоследствии многие японцы делили время на «до» и «после» принятия конституции.

Провозглашение конституции замышлялось как день национального единения и примирения. Недаром 11 февраля были прощены сотни политических преступников, включая покойных Сайго Такамори и Ёсида Сёин. Последние были не только прощены, но и повышены в ранге, их заслуги в борьбе с сёгунатом и их экспансионистские замыслы наконец-то оценили по достоинству. Однако примирение вышло неполным. Четырнадцать человек задавила толпа. А когда министр просвещения Мори Аринори, который слыл оголтелым западником, собирался отправиться на праздничную церемонию, фанатичный синтоист зарезал его.

Тем не менее **провозглашение конституции и создание парламента имели громадный пропагандистский эффект** — как в самой Японии,

так и за границей. Конституция понималась как приобщение Японии к «цивилизованному» Западу. В то же время права парламента оказались настолько урезанными, что его воздействие на кабинет министров было минимальным, гегемония Сацума и Тёсю осталась непоколебленной. До конца периода Мэйдзи премьер-министрами становились: Ито Хиробуми (Тёсю, 1885–1888, 1892–1896, 1898, 1900–1901), Курода Киётака (Сацума, 1888–1889), Ямагата Аритомо (Тёсю, 1889–1891), Мацуката Масаёси (Сацума, 1891–1892, 1896–1898), Окума Сигэнобу (Сага, 1898 — 4 месяца), Ямагата Аритомо (1898–1900), Кацура Таро (Тёсю, 1901–1906, 1908–1911), Сайондзи Киммоти (аристократ, 1906–1908, 1911–1912). В 1889 г. семеро выходцев из Сацума и Тёсю получили пожизненную должность **гэнро**: («старейшин»), которая не была предусмотрена конституцией. Эти люди играли роль «ближней Думы», получали доступ к императору и имели возможность воздействовать на него. В то же время само объявление о подготовке конституции выбило почву из-под ног либерального движения: в 1884 г. Либеральная партия объявила о самороспуске. В истории «Движения за свободу и права народа» была поставлена точка. Фактически прекратила свое существование и Партия конституционных реформ.

3.7. Экономические реформы

Перед реформаторами стояла трудная задача: **построить индустриальное общество в аграрной стране**. Идеологи модернизации прекрасно понимали, что современная экономическая и военная мощь зиждется не столько на сельском хозяйстве, сколько на промышленности. Находясь в Англии, Окубо Тосимити писал: «Нет места, где бы мы не побывали. И куда бы мы ни направлялись, нигде ничего не растет на земле, только уголь и сталь... Заводы выросли до невиданных размеров, и черный дым от самых разных производств поднимается к небу... Это служит достаточным объяснением богатства и могущества Англии».

Чтобы построить капитализм, следовало избавиться от феодальных помех: создать общепонский рынок труда и капитала. При сёгунате в обращении находилось более полутора тысяч денежных знаков. Подавляющее большинство из них, естественно, имело хождение только на очень ограниченной территории. В 1871 г. на смену им пришла **иена**, имевшая хождение по всей стране.

В середине февраля 1872 г. был **снят вековой запрет на куплю-продажу земли**. Впервые в истории Японии крестьянин получил пра-

во собственности на ту землю, которую он обрабатывал в качестве пользователя. Это право было предоставлено без всякого выкупа. Теперь исчезло главное препятствие для капиталистического развития, в стране продавалось и покупалось все. Но иностранцам владеть землей не разрешалось. Иностранные инвестиции в экономику также не признавались.

При Токугава крестьяне несли отработочные повинности и платили налог рисом. Повинности были теперь отменены, в 1873 г. рисовый налог заменили денежным. Именно крестьянам предстояло финансировать реформы нового правительства. **Налог на землю составлял около 80% всех налоговых поступлений.** Ведь в стране не существовало сколько-нибудь развитой промышленности, а повышать налоги на неокрепший торговый капитал власти не хотели. **Не брать денег за границей было принципиальным курсом правительства,** боявшегося попасть в зависимость от иностранного капитала. До конца XIX в. правительство взяло всего два иностранных займа: для строительства железной дороги Токио—Йокогама (построена в 1872 г.) и для финансирования аграрной реформы (1873). Оба были получены в Лондоне.

Платежи центральному правительству составили 3% от стоимости земли, местным властям — одну треть этой суммы. Все вместе это составляло около половины стоимости урожая. Средний размер участка составлял всего около 1 га. Для прокорма семьи этого было недостаточно, крестьяне активно занимались ремеслами и отходничеством.

На первый взгляд денежный налог на землю по своему размеру практически не отличался от натурального, но это было не совсем так. Раньше владельцу земли отходила фиксированная часть урожая, так что в неурожайный год бремя крестьянина становилось меньше. Теперь же налогом облагалась земля. По сравнению с прошлым крестьянам легче жилось в хороший год и хуже — в плохой. В прошлом государство точно так же, как и само крестьянство, сильно зависело от погодных условий. Переходя к фиксированному налогу, правительство стремилось обеспечить предсказуемость своего финансового будущего, без чего невозможно никакое планирование.

Земельная реформа принесла огромные психологические перемены в жизнь деревни. Раньше крестьяне насильственно объединялись в пятидворки. Ее члены несли коллективную ответственность за уплату податей и за правонарушения. Разумеется, прежние привычки давали себя знать еще очень долго, соседская помощь и традиция доношительства продолжали существовать, но теперь это время все-таки стало уходить в прошлое, каждый стал все больше отвечать только за себя.

В условиях свободной купли-продажи земли обычно появляются крупные землевладельцы. Однако в Японии этого не произошло.

Психологическая привязанность японского крестьянина к земле оказалась так велика, что он ни при каких обстоятельствах не продавал своего крошечного участка. А если продавал — то всего несколько квадратных метров. Если в 1874 г. средний размер надела составлял 0,95 га, то к концу периода Мэйдзи он увеличился всего на 10 м² (эти данные не учитывают Хоккайдо, где фермерские хозяйства все-таки появились).

Поэтому предложение на рынке земли оказалось весьма небольшим, сформировать большой и сплошной участок оказывалось почти невозможно. А это затрудняло использование на сельскохозяйственных работах скота, препятствовало повышению производительности труда. Кроме того, налог на землю был намного выше, чем в промышленности и торговле. Иными словами, землю под сельскохозяйственные угодья было невыгодно покупать. Так что **свободные капиталы направлялись в первую очередь в промышленность и торговлю с более льготными условиями налогообложения.** В этих условиях помещику было очень трудно увеличить свои владения. Обычный японский «помещик» — это мелкий землевладелец с запашкой всего в несколько гектаров. По этому показателю японских помещиков превосходили многие русские крестьяне.

Согласно данным 1887 г., среди 60 богатейших людей страны 26 мест занимали предприниматели. Практически все они были выходцами из низших слоев общества. Зато почти половина управляющих на их предприятиях происходила из самурайской среды. В списке богатей еще 26 мест принадлежало бывшим князьям, которые получили свой стартовый капитал напрямую от правительства. Но князья редко становились организаторами производства сами — они предпочитали вкладывать деньги в чужие предприятия и банки. Что касается помещиков, то их в этом списке всего пять человек. Бывших аристократов — только двое.

Индустриализация требовала оборудования, которого Япония не производила. Стране требовалась валюта. Япония стала экспортировать уголь, медь и чай, но основным поставщиком валюты стала шелкоткацкая промышленность, которая формировалась при прямой государственной поддержке.

В 1872 г. была открыта казенная шелкомотальная фабрика в Томиока, которая стала зримым свидетельством усилий правительства по

поощрению отечественной промышленности. Новейшее оборудование с паровыми двигателями закупили во Франции и Италии. Фабрика в Томиока служила ориентиром для быстро развивавшейся легкой промышленности, став одним из символов прогресса. В 1872 г. шелкомотальных (кокономотальных) фабрик насчитывалось только девять, но к 1878 г. их число возросло до 282. Они были меньше, чем в Томиока, стены лепили из глины, станки нередко делали не из металла, а из дерева. Однако ввиду низких издержек, сверхэксплуатации деревенских девушек и низких зарплат продукция этих фабрик была конкурентоспособной. По объему производства шелка-сырца Япония стала постепенно приближаться к Китаю — крупнейшему производителю шелка в мире.

В производстве хлопчатобумажных тканей Япония тоже достигла больших успехов. Основным поставщиком пряжи была Англия, доминировавшая на рынках Азии. Пряжа машинной выделки была дешевле, прочнее и тоньше. Но последнее ее свойство далеко не всегда отвечало вкусам японцев, привыкших к более толстым и шероховатым на ощупь тканям. Поэтому часто в качестве основы использовалась английская пряжа, а в уток шла отечественная. После первоначального увлечения европейскими тканями «от производителя» их ввоз стал сокращаться, а импорт пряжи — возрастать. Тем более что Япония не могла позволить себе существенно увеличить площади под возделывание хлопка. Отдать рисовые поля под хлопок было невозможно, а на холодном северо-востоке хлопок не рос.

Постепенное переоснащение текстильной отрасли (преимущественно морально устаревшим западным оборудованием), разница в потребительских вкусах, интенсификация труда при нищенской зарплате привели к тому, что доля иностранных хлопчатобумажных тканей в общем объеме продаж становилась все меньше.

Согласно неравноправным торговым договорам с западными странами импортная пошлина на текстиль составляла всего 5%. Таким образом, Япония не могла воспользоваться протекционистскими мерами. Тем не менее страна сумела создать процветающую отрасль. При этом она работала на самых современных структурных основаниях: потребляла привозное сырье (полуфабрикат) и производила готовую продукцию. На этих основаниях Япония и включилась в международное разделение труда. При этом **ограниченность ископаемых ресурсов исключала для Японии роль «сырьевого придатка» для более развитых стран.** Производство шелка-сырца могло процветать в Японии только потому, что оно не требует больших производственных площадей, но зато требует аккуратности и трудозатрат.

Рост японской текстильной промышленности мог произойти только при увеличении количества покупателей и объема продаж. И это действительно произошло. Монетизация экономики привела к тому, что домашнее ткачество из хлопка и конопли, практиковавшееся раньше в отсталых районах (Кюсю, северо-восток Хонсю), прекратило свое существование. Домотканая одежда (особенно из конопли) стала рассматриваться как признак бедности. Несмотря на все трудности переходного периода, стандарты деревенской жизни менялись к лучшему. Тем более что цены на текстиль, по сравнению со стоимостью риса, значительно снизились. Раньше прибыльным бизнесом была скупка старой одежды в крупных городах и перепродажа ее в деревне. Но в начале 1880-х годов старьевщики стали жаловаться, что крестьяне теперь желают щеголять только в новой одежде. Горожане же, в свою очередь, стали носить свою одежду не так долго — понятие моды постепенно проникало в японское общество. Кроме того, следует иметь в виду: государственные служащие и многие работники частных предприятий стали появляться в присутственном месте исключительно в европейской одежде, но в домашнем обиходе они придерживались прежних привычек и сохраняли свой японский гардероб. Точно так же, как и те, кому было предписано носить униформу, — школьники старших классов, студенты, военные, полицейские. Иными словами, европейская одежда не уничтожила японскую, она лишь потеснила ее из некоторых публичных сфер. Дома обычных японцев оставались пока что прежними, стульев там не ставили, а сидеть на полу в брюках было неудобно. Передвигаться на коленях — тем более. Даже в европейских кирпичных домах на полы обычно стелились татами. Таким образом, произошло «удвоение гардероба» и, следовательно, увеличение потребления тканей.

Столкнувшись с недостатком капитала, правительство стало вкладывать средства в строительство передовых заводов и фабрик, создание фирм, многие из которых оно на крайне льготных условиях потом продавало (или даже передавало) частным предпринимателям. Показательным примером может служить организация морского транспорта. В январе 1875 г. правительство приказало компании «Мицубиси», в пользовании которой находились закупленные в прошлом году пароходы, открыть линию Иокогама—Шанхай. Это была первая международная линия, обслуживаемая японской компанией. До этого времени монополию здесь держали американцы. В сентябре 1875 г. компании «Мицубиси» были безвозмездно переданы 30 пароходов, правительство предоставило и заем под 2% годовых. Компания

снизила цены на билеты первого класса на линии Иокогама—Шанхай с 30 до 8 иен и какое-то время совершала перевозки себе в убыток, но американцы в конце концов не выдержали конкуренции и продали свои корабли и портовое оборудование «Мицубиси».

В 1872 г. государство построило железную дорогу между Токио и Иокогамой. После открытия первой линии строительство сети железных дорог осуществлялось чрезвычайно быстрыми темпами. Почти полное отсутствие гужевого транспорта определило особую важность железных дорог. Они стали эффективнейшим средством, с помощью которого разрозненные прежде регионы превращались в единое целое. В начале XX в. по протяженности железнодорожных путей Япония уступала в Азии только Индии. Если же учесть разницу в территории, то по насыщенности железными дорогами Япония, безусловно, занимала первое место. Ежегодно поезда перевозили 150 млн человек. Огромное внимание уделялось и развитию телеграфной связи.

После реставрации практически весь машинный парк для нарождающейся промышленности приходилось ввозить из-за границы. Местный капитал был еще очень слаб, и потому львиная доля импортно-экспортных операций осуществлялась иностранными, прежде всего английскими, торговцами. Государство несло непосильные расходы по выплатам пенсий для бывших самураев, оснащению армии, которой пришлось подавлять восстание Сайго Такамори. Многие казенные предприятия, которые новое правительство получило после краха сёгуната, были убыточными. Это заставило правительство включить печатный станок, что привело к значительной инфляции. Так продолжалось до 1881 г., когда министром финансов стал уроженец Сацума **Мацуката Масаёси** (1835—1924). Его имя связывают с политикой дефляции. С его приходом произошло оздоровление финансов: государственные расходы значительно урезали, казенные предприятия продали частным предпринимателям (обычно по заниженным ценам), печатание денег сократили, налоги повысили. Эти меры осложнили жизнь простого человека, многие мелкие фирмы обанкротились, но в долгосрочной перспективе это привело к улучшению макроэкономических показателей. Поскольку богачей в то время было мало, то казенные предприятия перешли к крайне ограниченному числу лиц. Этим и объясняется возникновение немногочисленных промышленно-торговых конгломератов (*дзайбацу*), которые будут доминировать на рынке («Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда»).

К 90-м годам XIX в. экономический рост стал общевидимым. В конце 1893 г. министр иностранных дел Муцу Мунэмицу произнес энергичную речь перед членами нижней палаты парламента. В ней, в частности, говорилось:

«Давайте сравним Японскую империю начального года Мэйдзи и Японскую империю сегодняшнего дня. Даже трудно себе представить, какой был совершен огромный шаг вперед, какие богатейшие плоды принесла цивилизация. В первый год Мэйдзи объем внутренней и внешней торговли не достигал даже 30 миллионов иен, а в 25 году Мэйдзи он достиг уровня почти в 160 миллионов иен. Проложено около 3000 ри (12 тыс. километров — *А. М.*) железных дорог и около 10 000 ри телеграфных линий. Моря внутренние и внешние бороздят несколько сотен торговых кораблей европейского типа. У нас имеется кадровая армия в составе 150 тыс. человек, подготовка офицеров, солдат и оснащенность вооружениями которой почти не отличается от сильнейших западных держав. Построено почти 40 военных судов, и мы намереваемся увеличить их число... Хочу спросить вас: имеется ли в Азии такая страна, которая достигла такого прогресса, основываясь на конституционных положениях, дающих возможность мне, министру, обсуждать с вами важнейшие проблемы, стоящие перед страной? Все западные народы и правительства восхищаются достигнутым нами за двадцать с небольшим лет прогрессом, заставляя говорить о том, что он не знает примеров в мире».

Экономический подъем был подстегнут огромной контрибуцией, которую получила Япония в 1895 г. после победы в войне с Китаем. В 1896 г. в Осака началось строительство завода по производству паровозов, в Кавасаки были заложены современные судостроительные верфи. В 1901 г. в Явата на Кюсю было закончено строительство гигантского сталелитейного комбината. Уголь добывался здесь же, а руду доставляли из Китая. Теперь Япония уже не столь сильно зависела от импорта чугуна и стали. Но с развитием промышленности она все больше зависела от источников сырья за рубежом.

Несмотря на высокие темпы роста промышленности, основная часть населения страны по-прежнему жила в деревне. В 1901 г. только 14% из числа работающих трудились в промышленности. В сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве было занято 67%. Несмотря на приток людей в мегаполисы, большинство населения проживало в деревне. В 1906 г. в городах с населением более 50 тыс. человек проживало только около 10% населения. Тем не менее численность индустриальных рабочих стремительно росла. В 1886 г. их насчитывалось 139 тыс., в 1907 г. — около 1 млн 400 тыс. человек.

Эти рабочие воплощали в жизнь лозунг «богатая страна и сильная армия». Но их социальное положение было крайне низким. Самой развитой отраслью промышленности была ткацкая (70% тканей шло на экспорт, в 1909 г. Япония обогнала Китай по производству шелка-сырца). На ткацких предприятиях трудились исключительно женщины. Учитывая гендерное неравенство женщины в японском обществе, это не могло добавлять престижа рабочей профессии. Условия труда на текстильных фабриках были ужасными. Рабочий день длился 14—16 часов, зарплаты — нищенские. Работницы обитали в бараках, их жизнь напоминала тюремную. Половина из них сбежала с фабрики в родную деревню в течение первых шести месяцев. Что касается мужчин, то рабочими никогда не становились первые сыновья, которые наследовали земельный надел. Поэтому с самого рождения отношение к первенцам было совершенно особым, младших сыновей нередко третировали и обращались с ними намного хуже. Так что и мужчина-рабочий тоже воспринимался как человек второго сорта. В связи с указанными обстоятельствами рабочее движение в Японии не могло рассчитывать на большое сочувствие общества.

Общий подъем экономики не привел к существенному повышению уровня жизни. Курс правительства был направлен на создание богатого государства, а не на поднятие уровня жизни. Не сформировались среди японцев и индивидуалистические потребительские ценности. Главным для них было благополучие государства и семьи. В связи с этим увеличение реальных доходов направлялось на увеличение численности семьи и, следовательно, населения страны. За период Мэйдзи народонаселение возросло с 34 до 50 млн человек. Произошло и существенное расширение территории: с 382 562 до 675 406 км².

4. Идеология

4.1. Воспитание японского духа

23 августа 1878 г. в столице случился мятеж. В нем участвовало около 200 человек из артиллерийского батальона императорской гвардии. Подавляющее большинство солдат были сыновьями простолюдинов. Они убили двух офицеров и, прихватив с собой две пушки, двинулись к императорскому дворцу, собираясь высказать недовольство малым денежным содержанием и плохой амуницией. Мятежников арестовали, они не оказали никакого сопротивления. Но наказание было жестоким: 55 человек были расстреляны, 114 получили тюремный срок.

На самом деле армия жила по тогдашним японским стандартам не так плохо. За исключением часов военной подготовки, солдаты имели право покидать расположение части, по воскресеньям у них был выходной. Но солдаты «страдали» свободомыслием. На политзанятиях им рассказывали о французской революции, о том, что ее благородной целью является исправление дурных действий правительства. Мятеж гвардейцев наводил на мысль о том, что чрезмерное увлечение западными либеральными идеями расшатывает государственные устои.

4 января 1882 г. был обнародован **манифест Мэйдзи, адресованный армии**. От военнотружущих император требовал безоговорочной верности себе и стране, скромности и честности. Долг перед родиной — тяжел, как гора, но смерть за нее — легче птичьего перышка. В тексте указа Мэйдзи уподоблял себя голове, а армию и флот — рукам и ногам. Непослушание командиру приравнялось к непослушанию самому императору.

Среди элиты зреет убеждение в необходимости частичного возврата к гуманитарным ценностям токугавского времени. Прежде всего к привычным конфуцианским моральным нормам. Все большей популярностью пользуется лозунг «**японский дух, западное знание**» (**вакон ё:сай**). Научно-технические достижения следует продолжать заимствовать из передовых западных стран, но в сфере человеческих и государственных отношений приоритет принадлежит традиционным ценностям.

Бывшие либералы отказывались от прежних убеждений. Като Хироюки, защищавший ранее идеи о свободе индивидуума и участвовавший в работе журнала «Мэйроку дзасси», обратился в Министерство внутренних дел с просьбой изъять из продажи свои прежние сочинения. Крупный правовед Иноуэ Коваси заявил, что миссия народа — стелиться перед властью, словно трава под ветром. Именно так китайско-японская традиция описывала идеальные взаимоотношения между правителем и подданными. Видный просветитель, один из основателей «Мэйроку дзасси», **Нисимура Сигэки** (1828–1902), прочел курс лекций, в которых он восстал против «бездумного» копирования западных образцов и утраты японцами национальных моральных основ, под которыми он подразумевал конфуцианство и «путь воина» (*бусидо*). Утрата почтительности и уважения к старшим по возрасту и положению, отсутствие чувства справедливости и смелости, бесстыдство и роскошь казались ему чертами наступающего века, того чудовищного омута, в который затягивает страну Запад.

Видным для всей страны проявлением «оголтелого» западничества стал правительственный дом приемов **Рокумэйкан**. В 1883 г. английский архитектор Д. Кондер (1852—1920) завершил строительство этого двухэтажного каменного здания. Рокумэйкан переводится как «Павильон Кричащего Оленя». Название Дома приемов было призвано вызвать ассоциации со стихотворением из «Книги песен» — классики китайской поэзии. В нем рассказывается, как вином, изысканными кушаньями и музыкой в павильоне с таким названием привечают гостей из дальних стран, а гости повествуют в ответ о своих землях. Здание Рокумэйкан располагалось в районе Хибия (недалеко от императорского дворца) на месте склада оружия, принадлежавшего когда-то княжеству Сацума. С помощью этого оружия сацумцы ранее рассчитывали изгнать иностранцев. Теперь здание Рокумэйкан стало одним из главных символов переделки японцев в европейцев.

За исключением сада с прудом и традиционными каменными фонарями, ничто в архитектуре здания Рокумэйкан не напоминало о том, что вы находитесь в Японии. Там размещались бальный зал, библиотека, ресторан с поваром-французом, там музицировали, играли в бильярд. Светская жизнь кипела, в Рокумэйкан устраивали концерты, благотворительные базары и балы, на которых танцевали вальс, мазурку, польку, кадрили. Французские и немецкие музыканты наигрывали мелодии из последних европейских оперетт. Все высшее общество посещало балы и танцклассы. Рокумэйкан был свидетельством страстного желания правительственной элиты стать похожей на европейцев. Однако это вызывало ожесточенную критику со стороны приверженцев традиций.

Основу управленческой и интеллектуальной элиты составляли выходцы из упраздненного сословия самураев. Среди чиновников их было две трети, среди учителей — 40%. Офицерский корпус в армии и полиции также комплектовался в основном из них же. В государственный аппарат эти люди вошли вместе со своими ценностями. К их числу следует отнести семейные устои, верность сюзерену, коллективизм, честность, порядочность, дисциплину, самопожертвование, гордость, нетерпимость, обидчивость, склонность к решению конфликтов силовым путем. Государство Мэйдзи постепенно становилось государством, в котором основные ценности были выработаны военным сословием, самураи интегрировали государство в свои ценности. Нравы Запада казались традиционалистам чудовищными. Чего стоят их законы, согласно которым жена может подать в суд на мужа, а дети — на родителей? Рост социалистического и рабочего движения в Европе, разгул поли-

тического терроризма в России также свидетельствовали, что западная система формирования личности не обеспечивает подготовку законопослушных подданных. Мораль и долг в сознании ревнителей старого стояли выше науки и закона. Они считали, что нынешняя школа не обеспечивает послушных подданных.

Цели, провозглашенные в преамбуле Указа об образовании 1872 г., подчеркивали важность образования для достижения личного успеха в жизни, что казалось теперь неверным. **От «западных» прав следовало переходить к японской морали с ее акцентом на обязанностях.** Под «моралью» же понималась, прежде всего, преданность императору и почитание родителей. Книги Фукудзава Юкити, в которых делался упор на права человека, были исключены из школьных программ, постепенно стали вводиться учебники, завизированные Министерством просвещения (этот переход был завершен в 1903 г., когда учебники стали визироваться не только Министерством просвещения, но и военными ведомствами). В декабре 1880 г. был пересмотрен закон об образовании, в школьную программу **введен предмет, который обычно переводится на русский язык как «этика» или «мораль» (сюсин).** Более буквальный перевод — «воспитание личности». На занятиях по этому предмету учили уважать императора, родителей, старших по возрасту и положению, соблюдать церемониальные нормы поведения. Обучение было нацелено на то, чтобы человек «правильно» понимал свое место в государстве и обществе.

В первоначальном варианте учебника присутствовали образцы высокоморального поведения европейцев. В окончательном варианте остались примеры только из японской и китайской истории. В качестве одной из тем занятий предлагался Токугава Ёсимунэ, занимавший должность сёгуна в 1716–1745 гг. Он удостоился похвалы за то, что исправно посещал гробницу основателя сёгунской династии Иэясу.

Положительные примеры из истории дома Токугава знаменовали собой пересмотр исторической концепции. Если в начале периода Мэйдзи правление Токугава характеризовалось сугубо отрицательно, то теперь началось оправдание как самурайства, так и самого сёгуната. В 1898 г. последний сёгун Токугава Ёсинобу удостоился аудиенции у императора Мэйдзи и ему было разрешено жить в столице, а другой представитель сёгунской фамилии — Иэсато — в 1903 г. был назначен главой верхней палаты парламента.

Выпускник сельскохозяйственного колледжа в Саппоро и ревностный христианин **Нитобэ Инадзо** (1862–1933), который был женат на аме-

риканской квакерше, в 1899 г. выпустил книгу «**Бусидо. Душа Японии**». Нитобэ утверждал, что Япония обязана самураям всем. «Снимите с японца налет самых передовых идей, и под ним окажется самурай». Книгу перевели на множество языков, слово «бусидо» начало свое победоносное движение по миру.

Оправдание самурайства не означало, что сёгунам отводилась главная роль в истории. Главным сюзереном страны была фигура императора. **Именно императоры представляли как главные объекты изучения на уроках по истории.** Авторы учебников описывали деяния и достоинства благодетельных императоров, их дворы и битвы. Хотя предмет изучения назывался «историей Японии», жизнь простых людей, общество, экономика авторов интересовали мало. В этом смысле школьные учебники больше напоминали древние официальные хроники, которые, хотя и назывались «национальными», отражали почти исключительно реалии дворцовой жизни.

В 1900 г. четырехлетнее обязательное обучение стало бесплатным, а в учебниках морали для младшей школы произошли очередные изменения — там появилась серия биографий тех деятелей прошлого, которые более всего соответствовали потребностям дня. Императоров там было два — Дзимму и Нинтоку. Древних придворных — тоже два: Вакэ-но Киёмаро (733—799) и Сугавара-но Митидзанэ (845—903). Вакэ-но Киёмаро изобличил монаха Докё, который пытался свергнуть правящую династию, а Сугавара-но Митидзанэ почитался по всей Японии в качестве покровителя образования. В учебнике теперь присутствовали и женщины: Мурасаки Сикибу, автор знаменитого средневекового романа «Повесть о Гэндзи», и Сэйсё Ацуко — жена самурая Яmanoути Кадзутё (1546—1605), в трудную минуту спасшая мужа от неминуемой гибели. Но больше всего в этом списке насчитывалось мыслителей периода Токугава. Это и Кайбара Экиэн (1630—1714) — популяризатор конфуцианства, делавший упор на категории долга и верности, и комментатор классических конфуцианских текстов и моралист Ито Дзинсай (1627—1705), и Хосои Хэйсю (1728—1801), который особенно подчеркивал важность отношений между супругами, а не между отцом и сыном, как было принято в ортодоксальном конфуцианстве. Его проповедь скромности, экономии и самоограничения была для правителей времени Мэйдзи особенно привлекательной, поскольку они полагали, что все ресурсы должны идти не на личное, а на государственное потребление. К конфуцианским мыслителям времени Токугава принадлежали также Накаэ Тодзю (1608—1684), Ватанабэ Кадзан (1793—1841) и Кумадзава Бандзан

(1619–1691). Последние два были известны своими нападками против иностранцев.

Воинские доблести персонализировались тремя фигурами. Ку-суноки Масасигэ являл собой пример верноподданничества. Жизнь Тоётоми Хидэёси представляла как пример низкородного крестьянина, который благодаря своему трудолюбию и силе воли поднялся на самые вершины власти. Особенно ценно было то, что он ходил с завоевательными походами в Корею. Като Киёмаса (1562–1611) был вассалом Токугава и военачальником. К числу его героических деяний относится и экспедиция на Корейский полуостров, и участие в битве Сэкигахара на стороне Иэясу.

В учебнике был представлен и Ниномия Сонтoku (1787–1855), более известный школьникам по своему детскому имени Киндзи́ро. Он много сделал для усовершенствования методов ведения сельского хозяйства. Его бронзовую статую поставили едва ли не в каждой школе: маленький мальчик со связкой хвороста на спине и раскрытой книжкой в руке. Считалось, что, отправляясь в горы за хворостом, он читал книжки прямо на ходу. Киндзи́ро был самым популярным героем учебников «для маленьких». Ниномия занимался крестьянским трудом, большинство учеников эпохи Мэйдзи были крестьянскими детьми.

Ученики занимались изучением биографий и 13 западных деятелей. Среди них было трое американцев (Авраам Линкольн, Бенджамин Франклин, Джордж Вашингтон), семеро англичан. Это и адмирал Нельсон, и Исаак Ньютон, и основоположник оспопрививания врач Эдуард Дженнер (1749–1823), и отличившаяся во время Крымской войны медсестра Флоренс Найтингейл (1820–1910). Кроме того, в программу входили Сократ и Христофор Колумб. Жизнь Франклина трактовалась как пример служения обществу, образованию и науке. Линкольн представал в качестве образца прилежания, честности и доброты.

Примечательно, что Запад был представлен преимущественно англичанами и американцами. Англия была в то время самым надежным союзником Японии. Усилия английской миссии во время бурных событий, приведших к реставрации императорской власти, оказались вознаграждены. И хотя японская конституция взяла за образец прусскую, хотя немцы внесли большой вклад в высшее образование и медицину, в школьную программу они не попали. Это и понятно — ведь именно Вильгельм II первым заговорил о «желтой опасности». Натянутые отношения с Россией также не давали шансов для русских попасть в японские учебники.

Изменения происходили и в высшей школе. Раньше Токийский университет был рассадником западничества и либерализма, теперь его преподаватели из ученых превращались в государственных чиновников. Они были обязаны давать присягу на верность правительству. В марте 1886 г. Токийский университет переименовали в Императорский. Его выпускникам была предоставлена огромная привилегия — после окончания они принимались на государственную службу без экзаменов.

В 1890 г. появился **императорский манифест о воспитании**, адресованный школьникам. В нем предписывалось соблюдать «вечные» моральные ценности, завещанные предками и присущие только Японии, ценности, источником которых является правящий дом. Ученики должны были твердо усвоить моральные нормы конфуцианства: любить и почитать родителей, братьев и сестер, быть верными друзьями. Император приказывал хорошо учиться, быть скромным, уважать конституцию и соблюдать законы, а в случае необходимости отдать свою жизнь за государство и тем самым способствовать процветанию императорского дома, вечного, как Небо и Земля.

В тексте Манифеста встречается термин «*кокутай*» — государство-тело. Уподобление государства человеческому организму встречается еще в древнекитайских сочинениях, употребляли его и мыслители в конце периода Токугава. Имелось в виду, что Япония обладает уникальными особенностями, зафиксированными в синтоистском мифе. Теперь понятие «*кокутай*» обрело новую жизнь. При этом знакомая метафора приобретает и значения, навеянные европейскими (главным образом немецкими) правоведами с их идеями «органического государства».

Наиболее успешно в плане общественного признания применял метафору тела юрист **Минобэ Тацукити** (1873—1948). Именно под его влиянием в широкий оборот прочно входит «**теория органа**» (*кикан-сэцу*). Согласно Минобэ, государство представляет собой единый организм, в котором каждая клетка (человек) входит в состав определенного органа и всего тела. Император же отправляет функцию «головы».

В традиционной китайской мысли государь характеризовался, как правило, в качестве «сердца» (или «сознания» — яп. *син*, *кокоро*) — органа главного, но местоположение которого определить затруднительно, поскольку его (в отличие от сердца анатомического) нельзя увидеть. Вслед за Китаем, в древней и средневековой Японии император также уподоблялся сердцу. Как и «сердце», традиционного японского

императора увидеть было тоже нельзя. Уподобление господина голове, а вассалов — рукам и ногам встречается преимущественно в военной сфере — скажем, при описании отношений князя и его самураев. Однако в Японии второй половины XIX в. вместе с началом позиционирования императора в качестве верховного главнокомандующего Мэйдзи тоже начинает уподобляться «голове».

К понятию «*кокутай*», трактовавшемуся как уникальная японская государственность, примыкает и концепция «государства-семьи». В этой системе император исполняет роль отца-матери (*фубо*) для своих подданных, которые в официальных указах именуются младенцами (*сэкиси*). В китайской политической философии долг по отношению к родителям (*ко*) и долг по отношению к государю (*тю*) были разведены. И верность по отношению к родителям не означала автоматической верности императору, долг перед родителями считался важнее долга перед «сыном Неба», что вызывало в нынешней Японии осуждение: подобная ситуация предусматривала возможность выступления против монарха.

В связи с этим японская общественная мысль «усовершенствовала» китайскую модель — оба этих долга оказались объединены в один: «верность государю и родителям — это одно и то же» («*тю:ко: иппон*»). Подобное соединение встречается еще в работах нативистов эпохи Токугава, в период Мэйдзи этот лозунг был повторно обоснован Като Хироюки, который полагал, что в нем заключена уникальность японской политико-культурной ситуации, когда правящая династия не знает прерыва (*бансэй иккэй* — «десять тысяч правлений — одна династия») и в стране невозможны революции — на том основании, что в жилах всех японцев течет одна и та же кровь.

Профессор Токийского императорского университета **Ходзуми Ясака** (1860–1912) в работе «Патриотизм народного образования» писал в 1897 г.: «Неотъемлемое свойство [политической] системы японского народа состоит в том, что она является кровным образованием... Нашим общим предком является внушающий трепет Небесный императорский предок. Он является предком нашего народа, а императорский дом является домом хозяина народа». В 1912 г. другой профессор Токийского университета — **Какэи Кацухико** — додумал эту мысль до конца и в работе «Великий смысл древнего синто» заявил, что «ни один человек, принадлежащий к японскому народу, не может существовать без императора. Поскольку мы получаем свою жизнь от внушающего трепет императора, то, если бы императора не было, мы не смогли бы даже родиться, а японский народ исчез бы».

Утверждение, что все японцы являются кровными родственниками, было действительно большим новшеством. Еще совсем недавно утверждение о том, что в жилах сёгуна и крестьянина течет одна и та же кровь, было немыслимым.

Таким образом, все японцы считались органами (клетками) одного и того же огромного тела — сообщества под названием «государство». В «настоящем» теле каждый орган выполняет отведенную ему функцию. Но японская общественная мысль основной упор делала не на функциональность, а на соподчиненность органов, т.е. на первое место выходила идея иерархии и служения. Эта идея была закреплена и в гражданском кодексе 1898 г., где, несмотря на многие западные нововведения, главе семейства предоставлялись огромные полномочия по отношению к членам семьи (вплоть до права исключать кого-то из семейных списков, что превращало исключенного в деклассированный элемент). Таким образом, государство-семья представляла собой конструкцию, в которой единоначалие было главным принципом.

Метафора родитель—младенцы основана на неравноправных отношениях. Родители лучше знают, что хорошо, а что плохо. Поэтому-то император не только имеет право, он обязан воспитывать своих детей — издавать указы, законы и следить за их исполнением.

Парадокс состоит в том, что понятие «семья» подверглось в это время серьезнейшему переосмыслению под влиянием западных (христианских) идей. Семье предписывалось быть крепкой, но брачные нравы времени Мэйдзи не отличались строгостью. Считается, что из трех браков один заканчивался разводом. Наличие любовницы или содержанки из дома терпимости не считалось чем-то предосудительным. Представителям элитарного слоя японского общества (император, аристократия, сёгун, князья) предписывалась полигамия. Наложницы служили не только показателем статуса, но и помогали избежать бездетности. В дворцовом штате Мэйдзи также были наложницы (и сам Мэйдзи, и его единственный сын, будущий император Тайсё, были рождены от наложниц), но во второй половине своего правления Мэйдзи стал позиционироваться как глава образцовой моногамной семьи. Празднование его серебряной свадьбы в 1894 г. превратилось в общенациональное мероприятие. В этот день Мэйдзи в первый раз взял свою супругу Харуко под руку, что являлось отражением повышения роли женщины в общественно-государственных отношениях. В это время идеологи и публицисты создают идеальный женский образ — «хорошая мать, мудрая жена» (*рё:бо кэнсай*).

4.2. Поиски национальной идентичности

Как уже отмечалось, столкновение с западной цивилизацией и культурой породило в японцах глубочайший комплекс неполноценности. В период Токугава они считали свою страну абсолютно самодостаточной и полагали, что ей незачем и нечему учиться у «варварского» Запада, который сотрясают войны, мятежи и революции. Но в начале периода Мэйдзи многие японцы стали говорить, что это *их* стране нечем похвастаться. Психологический климат в стране стал совсем другим: из уверенных и даже самоуверенных людей японцы превратились в пессимистов — на какое-то время они перестали гордиться своей историей, культурой и даже географией. Для преодоления кризиса предлагались самые разные и даже фантастические проекты: упразднить иероглифы и ввести латиницу, улучшать «породу» с помощью смешанных браков. Японцы стали жаловаться на малость японских островов, которые раньше своими размерами совершенно удовлетворяли их. Они стали жаловаться и на то, что обделены природными ресурсами, хотя раньше им вполне хватало всего: земли, еды, воды, воздуха. Смена ориентиров была резкой, психологическая травма оказалась глубокой. Однако в стране нашлись люди, которые полагали, что японцам есть чем гордиться.

В начале 1888 г. группа молодых людей образовала общество «Сэйкё:ся» («Общество политического обучения»), которое приступило к изданию журнала «Нихондзин» («Японцы»). Журнал расходился тиражом всего в несколько сот экземпляров, однако его направление оказалось более перспективным, чем «передовое» западничество. Одним из самых ярких представителей западников в то время был **Токутоми Сохо** (1863–1957), издававший популярнейший журнал «Друг народа» («Кокумин-но томо»). Токутоми Сохо в то время полагал, что культура Японии не содержит ничего такого, что могло бы пригодиться в настоящем. Журнал «Нихондзин» противопоставил этому поиски национальной идентичности. Основателями «Сэйкё:ся» выступили **Миякэ Сэцурэй** (1860–1945), **Сига Сигэтака** (1863–1927) и **Куга Кацунан** (1857–1907).

Токутоми носил костюм, члены «Сэйкё:ся» одевались по-японски. Не отвергая необходимости заимствований с Запада, они отрицали тезис, что японцы должны ограничиваться копированием иноземных образцов, поскольку это путь в никуда. Имитация означает смерть национального духа — Рим погиб из-за подражания Греции, Корея утратила самостоятельность из-за китаизации. «Японцы» отвергали мнение, что в Японии нет и не может быть ничего хорошего. Отправ-

ным пунктом их построений сделались природные условия Японского архипелага.

Для идеологов национальной избранности природные условия любой страны хороши тем, что они по определению уникальны. Сига Сигэтака твердил о том, что земля Японии отличается «неповторимой красотой». Миякэ Сэцурэй восторгался японским искусством. Поскольку одним из основных объектов изображения японского искусства является природа, то природа и искусство составили идеологическую пару, которая цементировала то строение, к возведению которого приступили «Японцы».

Деятели «Сэйкёся» полагали, что уникальные природные условия порождают такие же неповторимые способы приспособления к ним. Так появляются уникальные обычаи и обыкновения, эстетика и религия, которые развертываются в уникальную историю и в уникальный национальный характер (*кокусуй*). Востребованность японского искусства на Западе приводила к особому ударению, сделанному на художественном и эстетическом наследии, выработанном «японским духом». В то время Япония была не в состоянии соревноваться с Западом в материальных аспектах «цивилизации». Однако в построениях «Японцев» эта сила Запада превращалась в его слабость. Сига Сигэтака писал, что западная цивилизация построена на математике и расчете, что наносит непоправимый ущерб морали и этике:

«Японская цивилизация строится на совершенно противоположных принципах. Ее основы заключены в гармонии, которая является источником искусства. Искусство вбирает в себя и гармонизирует разъятые элементы... У нас есть сочинения Мурасаки Сикибу, картины школы Кано, произведения керамики и изделия из лака, сасими, кутитори [разновидность печенья к чаю. — А. М.]. И все перечисленное продиктовано художественным вкусом».

Авторы «Нихондзин» стали одними из первых, кто начал гордиться японской художественной культурой, которая ни в чем не уступает Западу или даже превосходит ее. «Японцы» не думали, что в их стране не было ничего подобного Шекспиру, Гёте или Толстому. «Познай себя!» — восклицали они. Потому что, только познав себя, можно понять, чем же японцы отличаются от европейцев, очертить границы японской культуры и уже на этом основании выстроить японскую нацию.

Вначале деятели «Сэйкёся» слыли оппозиционерами по отношению к «прозападному» правительству. Однако вскоре их идеи стали находить все больше сторонников и среди бюрократии. В июне

1892 г. вышел новый школьный учебник по истории. Он назывался «Тэйкоку Сёси» — «Краткая история империи». Учебник начинался такими словами: «В мире есть много стран, но Япония — самая лучшая. Климат здесь не слишком жаркий и не слишком холодный, почвы — плодородные и рожают много чая, риса и тутового дерева. С древних времен наш народ высоко ценил почтительность, отличался глубоким верноподданничеством и никогда не был завоеван другими странами. С самого начала истории и до дня нынешнего наша императорская династия не прерывалась и постоянно процветала. Нигде больше нет такой прекрасной страны, как наша. Нам повезло, что мы родились в этой стране. Будучи осчастливлен тем, что родился здесь, ты должен хорошенько выучить события, произошедшие в этой стране».

Подавляющее большинство японцев того времени никогда не выезжали за пределы своей страны. А потому им не оставалось ничего другого, как принять на веру утверждение о том, что климат и почвы Японии — лучшие в мире. Именно в это время в обществе распространяется абсурдное убеждение, что поэзия получила в Японии такое развитие, поскольку в ней, в отличие от других стран, превосходно выявлено четыре времени года. В структуре японского национализма природная составляющая занимала выдающееся место.

Не удивительно, что при таком подходе огромная роль в школьном обучении принадлежала географии. Вслед за немецкой географической школой (Ф. Рацель, А. Хеттнер) в Японии широчайшее распространение получила идея, что географические условия определяют исторический процесс. Ведь тогда получалось, что если «хороша» география страны (умеренный климат и плодородная земля, красивейшие горы и реки), то и ее история просто обязана была быть превосходной. Долг ученика — стать достойным этой земли, императора и населявших ее выдающихся личностей — воинов, художников, писателей и мыслителей. При изучении разных стран и народов неустанно подчеркивалось не то, что объединяет их с Японией, а то, что различает.

В 1894 г. вышла в свет книга **Сига Сигэтака «Японский ландшафт» («Нихон фу:кэй рон»)**, которая имела огромный успех. В ней автор доказывал, что природа Японии — самая красивая в мире. По мнению Сига, на японской земле представлены самые разные климатические зоны, что создает благоприятнейшие условия для существования самых разнообразных видов растений и животных. Обильные осадки приводят к плодородию почв. Вулканы создают неповторимые очертания гор.

В какой еще стране сакура и слива цветут так красиво? В каком другом месте земного шара клены так яркие? Где вы найдете гору, сравнимую с Фудзиямой? В то время многие японцы были недовольны олигархическим правительством, болтливым парламентом, своей бедной жизнью. Но никто не возражал против того, что природа в этой стране — красива. Эстетическое чувство спланивало нацию.

Музей в Уэно, находившийся в ведении Министерства двора, в мае 1889 г. получил статус императорского. Одновременно было принято решение основать императорские музеи в Нара и Киото. Основу экспозиции этих музеев составляли выдающиеся произведения японского искусства. Открыто прокламируемой целью императорских музеев было приближение к нынешним японцам накопленного предками эстетического богатства, внушение иностранцам уважения к японской культуре. Иными словами, задачей музеев была не столько консервация прошлого, сколько создание новых ценностей.

Поскольку синто с его упором на «невидимое» и «бесформенное» не мог предложить почти ничего визуально значимого, акцент сделали на предметах буддийского «искусства». Предметы культа изымались из храмов и переносились в музеи. Так была решена задача по вписыванию буддизма в идеологию «японского».

К этому времени японское искусство пользовалось на Западе большой популярностью. Видный искусствовед **Окакура Тэнсин** (Какудзо) (1862—1913) подвел теоретическую базу, объясняющую причины тонкого эстетического вкуса японцев. Он утверждал, что сама земля Японии и ее климат благоприятствуют развитию в людях эстетического начала: океан и горы, разнообразие климатических зон создают идеальные условия для процветания искусств. «Если искусство не процветает в этой островной стране, то тогда вообще не может быть другого места [в мире], которое бы порождало искусство».

Идеологи «национальной школы» (*кокугаку*) утверждали и раньше, что уникальность Японии состоит в том, что на ее территории «проживают» синтоистские божества. Теперь этот «божественный код» был переведен в плоскость искусства, но при этом связь с территорией архипелага сохранилась. Японцы — люди особенные, с особым чувством прекрасного, потому что они живут на особенной земле, утверждал Окакура.

Окакура оказался одним из главных творцов и другого тезиса об особенностях национального характера. Он утверждал, что уникальной особенностью японцев («людей Ямато») является их способность адаптировать

иностранное, гармонизируя его с местным. Он определял Японию как «музей азиатской цивилизации», ибо Япония сохранила многое из того, что другие азиатские страны не сберегли. В своем развитии, которое в значительной степени есть история заимствований и их адаптации, Япония только приобретает и не теряет ничего. Это было утверждение, особенно значимое для национального самолюбия. Оно было сделано в период, когда страна заимствовала с Запада очень много.

5. Японо-китайская и японо-русская войны

5.1. Японо-китайская война

Многие японцы были упоены своими цивилизационными успехами. В марте 1885 г. Фукудзава Юкити в основанной им газете «Дзидзи симпо» опубликовал свою знаменитую статью «Бегство из Азии» («*Да-цзя рон*»), в которой говорил о том, что «цивилизованной» Японии не имеет смысла дожидаться, когда ее примеру последуют соседи, — она оторвалась настолько далеко, что ей по дороге не с азиатскими, а с европейскими странами. Фукудзава додумал эту мысль до конца — он предлагал обращаться с Китаем и Кореей, которых он назвал «дурными друзьями», точно так же, как поступает в таких случаях Запад. Он призывал подчинить эти «отсталые» страны, в которых «ничего не меняется в течение столетий». В начале своей писательской карьеры Фукудзава призывал учиться у Запада, теперь он призывал преподавать урок Востоку. Он полагал, что без модернизации по японскому образцу они не сумеют сохранить независимость. Политика европейских держав не оставляла в этом никакого сомнения. А потому Корею и Китаю следовало «помочь».

Каких бы взглядов ни придерживались политики и публицисты, все они сходились в одном: для того, чтобы страну стали «уважать» на Западе, необходимо расширить территорию Японии. В журнале «Нихондзин» Сига Сигэтака писал: в годовщины восшествия Дзимму на трон (11 февраля) и его кончины (3 апреля) «мы должны церемониальным образом хотя бы ненадолго увеличивать территорию Японской империи. В каждый из этих дней наши военно-морские суда должны добираться до какого-нибудь ничейного острова, занимать его и ставить там японский национальный флаг. Если не обнаружится такого острова, можно ограничиться скалами и камнями. Кто-то скажет, что это детская игра. Это не так. Этот план будет не только по-

лезен нашему флоту с практической точки зрения, ибо позволит ему приобрести опыт, этот план возбудит в деморализованном японском народе дух открытий».

Вышеприведенное высказывание отражает изменившееся отношение японцев к морю. **Токугавская культура позиционировала себя как земледельческую, а море представлялось ей стихией, обладавшей отрицательными смыслами.** Отражением такой ситуации послужило добровольное закрытие страны для внешних контактов в начале XVII в., запрет на строительство крупных кораблей. Однако для того, чтобы превратить Японию в колониальную державу, следовало коренным образом пересмотреть свои взаимоотношения с морем — ибо только покорение морской стихии могло обеспечить желаемый результат.

В первые годы правления Мэйдзи сёгунат Токугава подвергался ожесточенной критике за свою изоляционистскую политику, которая привела к «отсталости» Японии. Одновременно начинается и переосмысление стихии моря. Если при Токугава бурное море благодарили за то, что оно предотвращает проникновение в страну иноземцев и их «вредных» обыкновений и нравов, то теперь мы слышим сетования по поводу того, что это море ввиду «пассивности» режима Токугава превратилось в препятствие для проникновения в страну «передовых» достижений мировой культуры и цивилизации. И ныне **следовало овладеть морской стихией — построить военный и торговый флот.** Политика изоляционизма, которая раньше казалась благом, воспринималась теперь как преступная неадаптивность.

В период Мэйдзи Япония действительно вовлекается в международное разделение труда, обзаводится флотом и собственным кораблестроением. В мае 1883 г. открылась первая выставка морских промыслов, обращение к участникам которой послал сам император. Общение императора с рыбаками и моряками с точки зрения традиционных ценностей было делом абсолютно немыслимым. Меняется оценка морской среды и в общественном сознании. Историки и публицисты начинают говорить о позитивной роли моря в истории Японии, подчеркивается, что история страны начиналась с моря — именно в море создают Идзанаги и Идзанами «восемь больших островов», на которых с тех пор и проживают японцы. Сёгунат Токугава запретил развитие морского дела, но на самом деле японцы в своих истоках были народом морским. Звучат призывы к активному освоению морской стихии, которая начинает восприниматься не только

как важнейший ресурс для обеспечения продовольствием, но и как плацдарм для развития международной торговли, как среда, с помощью освоения которой только и возможно осуществление экспансии и расширение территории страны. При этом публицисты начинают именовать Японию морской страной.

Журнал «Японцы» будоражил публику; практическими вопросами, связанными с экспансией, занималось то самое правительство, которое авторы журнала осуждали за слабость и нерешительность. За эти наскоки выпуск журнала несколько раз приостанавливали. Но на самом деле правительство упорно работало над той же самой задачей по расширению территории Японии. Правительство твердо знало, что Япония опоздала к разделу мира, неоткрытых земель уже не осталось. Поэтому в повестке дня стоял практический его передел. Прежде всего, речь шла о Корее, которую массовое сознание считало историческим вассалом Японии.

Корея была основным внешнеторговым партнером Японии. В то же самое время Корея официально считалась данником Китая, и корейский король (ван) Коджон, находясь на положении вассала, не имел возможности проводить самостоятельную политику. Переводя дальневосточные реалии на язык европейского колониализма, можно сказать, что Корея находилась под китайским протекторатом.

В 1894 г. в Корее разразилось крестьянское восстание тонхаков («восточное учение»). Это было уравнилельное религиозное течение, направленное против «западного учения» («сахакү»), т.е. прежде всего христианства. К приверженцам «западного учения» тонхаки относили и японцев с их «низкопоклонничеством» перед Западом, и даже китайцев. Фразеология восставших и их ритуалы представляли собой причудливую смесь из даосизма, конфуцианства и буддизма. Ответственность за свою бедность тонхаки возлагали на «продавшихся иностранцам» чиновников. Стены иностранных миссий в Сеуле были испещрены ксенофобскими лозунгами, над жизнями иностранцев нависла угроза. Правительство не имело сил обуздать восставших и призвало на помощь китайские войска. Прикрываясь лозунгами о «восстановлении мира», в начале июля в Корею вошли и японские войска. В отличие от китайских, их никто не звал. В Корее находилось 2100 китайских и 8000 японских солдат.

Перед лицом иностранного вторжения крестьянская армия и корейское правительство заключили мир. Однако ни Китай, ни Япония своих войск не выводили. Япония предложила Китаю совместно провести «прогрессивные» реформы в Корее, но получила отказ с одновре-

менным предложением вывести войска обеих стран. Тогда отказались уже японцы — они потребовали, чтобы ван Коджон объявил о прекращении вассальных отношений с Китаем.

Действия Японии получили молчаливое одобрение Англии. Россия в то время сближалась с Францией и Германией, Англии требовался союзник. 16 июля в Лондоне был подписан японо-английский договор о торговле, Англия не возражала против присутствия японских войск в Корее.

23 июля японский батальон ворвался в королевский дворец в Сеуле. Не отрекаясь от престола, ван Коджон передал властные полномочия своему отцу, носившему титул Тэвонгун (регент), а тот уже через два дня объявил об аннулировании договора с Китаем и пообещал во всем советоваться с японским посланником Отори Кэйсукэ (1832—1911).

Китай отказался признать нового правителя и не стал выводить свои части. 25 июля три японских крейсера напали на два китайских корабля у острова Пхундо. 29 июля состоялось первое сражение на суше. И только **1 августа, когда боевые действия находились уже в полном разгаре, последовал высочайший указ Мэйдзи об объявлении войны Китаю**. В нем говорилось, что целью Японии является обретение Кореей независимости и «реформирование дурного управления». Обновленная Япония начала свою первую войну. Она велась на чужой территории.

Европейские державы хранили нейтралитет, эксперты почти единодушно полагали, что Японии не одолеть гигантский Китай. Но в самой Японии господствовали совсем другие настроения. Боевой дух нации был, как никогда, высок, почти никто не сомневался в справедливости затеянного дела. Всеобщее обязательное образование, всеобщая воинская повинность приносили свои плоды. Газеты писали о юношах, которые совершили самоубийство только потому, что их по какой-то причине не взяли в армию.

Для того чтобы у страны и армии сложилось впечатление об активном участии Мэйдзи в руководстве военными действиями, он переехал в Хиросиму, откуда корабли с японскими войсками отправлялись в Корею.

Китай, который в течение многих веков был для Японии культурным донором, стал теперь считаться олицетворением застоя и врагом «прогресса». Корейский народ стонал под китайским игом и якобы просил японцев добыть для него независимость. И теперь японская элита посчитала, что историческая миссия Японии состо-

ит в том, чтобы пробудить от векового феодального сна Китай, Корею, а потом и всю остальную Азию. Фукудзава Юкити объявил сбор пожертвований на войну, а нападение Японии квалифицировал как «войну между цивилизацией и варварством». Токутоми Сохо не стал искать никаких экономических, политических или культурных резонов для оправдания войны. Он просто заявил, что «победоносная маленькая война» нужна только для одного — чтобы японцы ощутили себя японцами и вспомнили, как их далекие предки переправились с континента на архипелаг. Тогда они обладали благородным духом экспансионизма, а потом сёгуны Токугава подавили его и заперли японцев в своей же стране.

Ударную силу японского флота составляли три броненосца водоизмещением по 14 278 тонн. Два из них Япония купила у Франции, один сошел со стапелей верфи в Ёкосука. Япония прилагала колоссальные усилия для создания военной промышленности и достигла в этом отношении определенных успехов. Однако мощностей все равно не хватало, значительная часть флота была куплена за рубежом. Более 90% потребностей в чугунах и стали обеспечивалось за счет импорта.

Японская армия одерживала победу за победой, она овладела Порт-Артуром (Люйшунью), Далянем (Дальний) и портом Вэйхавэй, большая часть китайского флота была уничтожена. Китай запросил мира. **20 марта 1895 г. в Симоносэки начались мирные переговоры. Мирный договор был подписан 17 апреля.** Корея отказывалась от вассальных отношений с Китаем и становилась независимой, к Японии отходили Тайвань, Пескадорские острова и южная часть Ляодунского полуострова, Китай выплачивал контрибуцию в сумме 200 млн таэлей (около 300 млн иен). Эта сумма превышала годовой доход китайского правительства в три раза. Кроме того, для японцев открывались четыре китайских порта, им разрешалось заниматься предпринимательством на территории Китая, Япония получала статус наибольшего благоприятствования.

Хотя Китай и согласился со всеми требованиями Японии, уже 23 апреля **Россия, Франция и Германия потребовали, чтобы Япония вывела свои войска с Ляодунского полуострова. Япония была вынуждена принять это условие.** Уступая «тройственному вмешательству», Япония предприняла меры для «спасения лица». Поэтому японское правительство объявило о «добровольном» отказе от Ляодунского полуострова только 10 мая, через день после обмена ратификационными грамотами с Китаем.

С подписанием мирного договора боевые действия не закончились. 29 мая японские войска высадились на Тайване, но их встретили там как непрошенных гостей. На острове была провозглашена республика, местные племена организовали партизанское движение. Его удалось подавить только к концу года. Число жертв среди республиканской армии, партизан и мирного населения составило 17 тыс. человек. Японская армия потеряла 527 человек убитыми, около четырех тысяч человек скончались от болезней.

В этой войне приняли участие 178 тыс. японских солдат и офицеров, в боях армия потеряла всего полторы тысячи человек. Однако бери-бери, дизентерия, холера, малярия и другие тропические болезни унесли еще 12 тыс. жизней. Превышение небоевых потерь над боевыми было характерной чертой войн того времени.

С окончанием японо-китайской войны Япония ощутила, что она стала по-настоящему «цивилизованной»: впервые в истории не Япония училась у Китая — теперь в Японию потянулись китайцы, которые желали усвоить опыт модернизации островной страны, которую Китай всегда считал «варварской». **Раньше Япония была окраиной Китая, теперь Китай стал окраиной стремительно развивавшейся Японии.** Япония стала первой страной в Азии, которая заставила западный мир считаться с собой.

В Европе Японию признали в качестве почти что равноправного партнера, но одновременно заговорили о «желтой опасности». В Японии же говорили о «белом нашествии». И поспорить с этим было нелегко: за исключением самой Японии, практически все азиатские страны были колониями или полуколониями европейских держав.

Победа в войне с Китаем была достигнута прежде всего потому, что Япония, в отличие от Китая, провела модернизацию — создала армию, промышленность и нацию европейского типа, что позволило ей вести себя точно так же, как и европейские державы: определять судьбу других стран. Что касается Китая, то некоторые китайские подразделения были по-прежнему вооружены луками и стрелами. Среди захваченных и доставленных в Японию трофеев находились и огромные оловянные сабли, и крашенные черной краской ядра из известки. Единой нации под названием «китайцы» также не существовало.

Раньше самурайские дружины придерживались тактики индивидуального боя — самым главным для воина была личная слава. За годы, прошедшие со времени создания регулярной народной армии, японские офицеры и солдаты научились слаженным коллективным

действиям. Вместе с высочайшим боевым духом, о котором с восторгом говорили все непредвзятые наблюдатели, это привело к легкой победе.

Огромная контрибуция, наложенная на Китай, стала перетекать в карманы английских промышленников, получивших заказы на строительство новейших броненосцев и крейсеров. Япония еще не могла сама полностью оснастить свой флот, но стоявшее на вооружении стрелковое оружие делалось уже в самой Японии. Японская артиллерия использовала французские и английские орудия, но часть их была все же японского производства. По качеству они пока что уступали крупновским, но правительство делало все возможное для переоснащения своих военных заводов. Япония сумела сохранить свою политическую независимость, теперь она стремилась к независимости в вооружениях. Независимость не могла быть полной. В то время Япония не обладала научным и инженерным потенциалом для собственных разработок, но этот потенциал оказался уже достаточным для того, чтобы суметь воспользоваться чужими изобретениями и технологиями. Если бы Запад не предоставил их Японии, не была бы возможна ни война с Китаем, ни будущая война с Россией.

5.2. Война между Японией и Россией

В 1900 г. японская армия впервые участвовала в международной военной операции. В подавлении **боксерского восстания (восстание ихэтуаней)** в Китае участвовало 45 тыс. солдат из восьми стран (в том числе Америки, Англии, Германии, России, Франции). Около половины контингента составили японские войска.

Официальные японские документы того времени называли повстанцев не иначе как «бандитами». Их целью было изгнание из страны иностранцев и христиан. Восстание носило характер настоящей войны: ихэтуани убили две с половиной сотни миссионеров и около 23 тыс. местных христиан. После того как погиб член японской миссии, Япония решила присоединиться к западным державам. 15 июня было принято решение об отправке японских войск в Китай.

Англия в это время стала главным военно-политическим партнером Японии. **17 января 1902 г. с Англией был подписан договор**, предусматривавший независимость Кореи и Китая. Стороны обещали соблюдать нейтралитет в том случае, если одна из стран вовлечется в войну. Но только до тех пор, пока враждебной стране не придет на помощь другая. В этом положении содержалась скрытая угроза Франции, связанной с Россией союзом. Япония извлекла уроки из прош-

лой войны с Китаем, когда она оказалась без союзников и не смогла ничего противопоставить западной коалиции, лишившей ее части плодов победы.

Из всех японских сановников только Ито Хиробуми и Иноуэ Каору выступали против союза с Англией. Они полагали, что союз с Россией был бы выгоднее. Их идея состояла в том, чтобы Россия признала право Японии на оккупацию Кореи взамен на оккупацию Россией Маньчжурии. И тогда никакая война будет не нужна. Англия опасалась, что Россия продолжит свое «сползание» к югу, и тогда британские интересы в Китае и Индии могут оказаться под угрозой. На пути России выставлялся японский щит. России пришлось признать японо-английский договор и пообещать вывести свои войска из Маньчжурии. Однако она этого не сделала, что было воспринято в Японии как оскорбление и предательство.

Япония хотела совершить «взаимовыгодный обмен» с Россией: Россия признает Корею сферой интересов Японии, но получит свободу действий в Маньчжурии. Однако Россия не хотела отказываться от своих корейских амбиций. Японцы решили прервать переговоры. 4 февраля 1904 г. в присутствии Мэйдзи состоялось совещание, на котором было решено начать войну. 5 февраля военно-морской атташе Ёсида перерезал телеграфную линию севернее Сеула. 6 февраля японский посланник в Петербурге Курино заявил о разрыве дипломатических отношений, но из-за испорченной телеграфной линии русские дипломаты и военные в Корее и Маньчжурии не узнали об этом вовремя. Даже получив это известие, наместник на Дальнем Востоке генерал Алексеев не посчитал нужным известить Порт-Артур и запретил публиковать сообщение в газетах из-за нежелания «волновать общество».

8 февраля японская эскадра блокировала в корейском порту Чемульпо (Инчхон) крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец». Они точно так же, как и военные суда других стран (включая Японию), постоянно находились там для охраны своих миссий. Русские моряки в Чемульпо отказались сдаться и приняли неравный бой 9 февраля. «Кореец» был взорван, «Варяг» получил тяжелые повреждения и затоплен собственным экипажем. Японские войска высадились на берег.

Сведений о начале военных операций российское командование не получило. В ночь с 8 на 9 февраля японский флот напал на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура. Русские суда не были даже покрашены в защитный цвет, они стояли на внешнем рейде совершенно открыто, с зажженными судовыми огнями. Противоминные сети поставлены не были. В результате этой атаки русский флот оказался запертым.

Война была официально объявлена только на следующий день после нападения, а газеты сообщили об этом уже 11 февраля — в день восхождения Дзимму на трон. Стремясь обелить себя в глазах мирового сообщества, японское правительство стало считать, что война началась в день объявления о разрыве дипломатических отношений. И тогда получалось, что атаку на Порт-Артур нельзя считать «вероломной».

Несмотря на предупреждения специалистов о возраставшей мощи Японии, слишком многие из окружения Николая II жили совершенно фантастическими представлениями о том, как устроен современный мир. Мнения трезвомыслящих политиков и военных экспертов, полагавших, что ввиду слабости России на Дальнем Востоке следует пойти Японии на уступки, были проигнорированы. Люди, причастные к принятию решений, по-прежнему полагали, что японская армия не является серьезным соперником. Сказались расистские представления о том, что белая раса заведомо «обречена» на победу.

Однако на самом деле **японская армия превосходила российскую в качестве оружия, средствах связи, мобильности и управляемости войск.** Конница, на которую так рассчитывало российское командование, показала свою малую эффективность в условиях увеличившейся огневой мощи. То же самое относится и к штыковым атакам, считавшимся «коньком» русской армии. Окружная железная дорога через Байкал оказалась недостроенной. Русские артиллеристы не знали, как вести огонь с закрытых позиций, горная артиллерия отсутствовала. В начале войны у русской армии оказалось всего восемь пулеметов. Русский флот по своей силе уступал японскому в полтора раза. У русского стрелка было патронов в два раза меньше, чем у японского. Царивший в армии протекционизм привел к тому, что многие генералы оказались некомпетентными. Несмотря на личное мужество многих русских офицеров и солдат, российская армия терпела поражение за поражением. **Наиболее значимыми вехами в этой череде неудач оказались сдача Порт-Артура (январь 1905), поражение под Мукденом (февраль), полное истребление Балтийского флота в Цусимском проливе (май).**

Желание воевать с Россией объяснялось не только экономическими и геополитическими соображениями. Ввязавшись в победоносную войну, японцы выживали из себя комплекс неполноценности. Они прилагали титанические усилия, чтобы стать «настоящей» мировой державой, «настоящими» европейцами. Стали звучать заявления,

что у японцев белое сердце под желтой кожей, а вот у русских — желтое сердце под белой кожей. Иными словами, это война цивилизации с дикарством, война конституционной монархии с монархией абсолютной.

В Японии того времени не было несогласной с правительством личности, которая по своей авторитетности хоть сколько-нибудь приближалась к Л. Н. Толстому, решительно выступившему против войны. Антивоенная и антиправительственная публицистика Толстого переводилась и издавалась в Японии, в России же перепечатывать было почти нечего. Только группка социалистов из общества «Хэйминся» выступала против войны. В ее еженедельной газете «Хэймин симбун» Котоку Сюсуй (1871—1911) опубликовал обращение к «братьям и сестрам» — российским социалистам. В этом обращении он обличал милитаристские устремления обеих стран. Меньшевистская «Искра» напечатала его перевод.

В России разворачивалась революция, государственная машина обнаруживала признаки некомпетентности и распада. Подданные Мэйдзи демонстрировали своими шествиями лояльность, подданные Николая II — рост антиправительственных настроений. В самом начале года, 9 января, на Дворцовой площади Петербурга была расстреляна мирная демонстрация.

Несмотря на все военные победы, ближайшее будущее представлялось японскому командованию весьма туманным. Оно понимало: военный, людской и ресурсный потенциалы России, если оценивать их с точки зрения долгосрочной перспективы, были, несомненно, выше. Япония начала войну первой, первой она стала и добиваться мира. Здравомыслящие специалисты еще до начала войны отдавали себе отчет в том, что Япония может выдержать только один год боевых действий. К затяжной войне страна не готова. Ни материально, ни психологически — японцы не имели исторического опыта ведения длительных войн.

По просьбе министра иностранных дел Комура Дзютаро в качестве инициатора переговоров о мире выступил американский президент Теодор Рузвельт. В России бушевала революция, поэтому и Николай II ответил согласием.

Мирные переговоры проходили в крошечном американском городке Портсмут. Огромная толпа провожала японскую делегацию во главе с Комура в порту Иокогамы. Рядовые японцы были уверены, что ему удастся добиться от России огромных уступок. Российскую делегацию возглавлял председатель Совета министров С. Ю. Витте.

Портсмутская конференция началась 9 августа, а закончилась уже 29 августа. Переговоры проходили в лихорадочном темпе, обе стороны показали склонность к компромиссу. Япония победила, но она была истощена не меньше России. Страна потратила на войну семь довоенных бюджетов — около 2 млрд иен. Эта сумма превышала расходы на войну с Китаем в восемь с половиной раз. Из 10 млн трудоспособных мужчин не менее 2 млн так или иначе работали на военно-промышленный комплекс. Поскольку Япония вела по преимуществу наступательную войну, ее людские потери оказались значительно более тяжелыми (50 тыс. убитых у России и 86 тыс. у Японии). Госпитали были забиты ранеными и больными. Ряды солдат косила бери-бери. Четверть японских потерь под Порт-Артуром была вызвана этой болезнью. В армию начали призывать резервистов и юнцов уже следующего года призыва. Пошли разговоры о том, что вскоре минимальный рост солдат снизят со 150 до 147 см. Всего же за время войны было мобилизовано 1 млн 185 тыс. человек — около 2% населения. Солдаты устали, боевой дух падал, в метрополии росли цены и налоги, внешние долги были огромными. **Обе стороны были заинтересованы в том, чтобы поскорее закончить войну.**

В соответствии с практикой того времени Япония потребовала выплаты контрибуции, но получила отказ. Витте отвел и требование передать Японии интернированные в нейтральных водах российские военные суда, что противоречило международному праву. Не согласился он и на сокращение российского военного флота в Тихом океане. Японские переговорщики прекрасно понимали, что Россия никогда не пойдет на эти требования. Они выдвигали их только затем, чтобы, отказавшись от них, показать «гибкость» своей позиции. Их главный интерес заключался совсем в другом.

Россия признала Корею сферой японских интересов и отдала Японии построенную Россией Южно-Маньчжурскую железную дорогу, соединявшую Порт-Артур и Мукден. Уступила Россия и права на аренду Ляодунского полуострова с Порт-Артуром. Российские войска покидали Маньчжурию. Удалось Комура добиться и территориальной уступки — Япония получила южную часть уже оккупированного японской армией Сахалина.

В сущности, правители Японии получили все то, чего они хотели. По большому счету они хотели признания своих «особых» интересов в Корее и отчасти в Китае. В правительственной инструкции, полученной Комура до начала переговоров, говорилось о «факультативности» контрибуции и аннексии Сахалина. Комура блефовал, когда в начале

переговоров потребовал передачи всего острова. Получив его половину, он достиг безусловного успеха. Япония переиграла Россию не только на полях сражений, но и на поле дипломатическом. Впоследствии Витте представлял Портсмутский договор как свой безусловный успех и получил титул графа.

Оценивая результаты конференции в целом, следует признать их и для Японии и для России вполне реалистичными — они соответствовали результатам войны, которые обе армии вели на чужой территории.

Рузвельт за свое посредничество в деле японо-российских отношений получил впоследствии Нобелевскую премию мира, но в самой Японии мирный договор вызвал шквал протестов. Газеты называли правительство и переговорщиков предателями. Передовицы, посвященные мирным соглашениям, выходили в траурных рамках. Всю войну правительство убеждало, что японская армия непобедима, а российская — немощна. Реального положения на фронте подданные не знали, и потому условия мира казались им унижительными. В Японии отсутствовало антивоенное движение. Правительство стало заложником собственной пропаганды. В самом начале войны Окума Сигэнобу писал о том, что японская армия готова завоевать Сибирь и домаршировать до Санкт-Петербурга. Из-за жесткой цензуры японцы знали о реальном ходе войны намного меньше, чем жители России и Европы, никто не мог предположить, что Япония потеряла значительно больше жизней, чем Россия.

5 сентября уполномоченными Японии и России был подписан Портсмутский мирный договор. В этот же день в токийском парке Хибия ультраправая «Лига борьбы с мирным договором» наметила провести митинг против заключения договора. Люди, привыкшие митинговать в этом парке в ознаменование военных побед, требовали новых триумфов. 350 полицейских блокировали ворота парка Хибия, но 30-тысячная толпа смяла их и ворвалась в парк. На одном из агитационных воздушных шаров было начертано: «Как посмеем встретиться с духами наших предков?» На агитацию «Лиги» откликнулись в основном представители городских низов. Именно эти люди больше всего натерпелись от военных налогов. Именно они рассчитывали, что выплата Россией контрибуции поможет им восстановить достаток.

Приняв за 30 минут несколько резолюций, требовавших расторгнуть мирный договор и продолжить военные действия, часть митин-

гующих направилась к императорскому дворцу. Дойдя до дворцовой площади, оркестр заиграл национальный гимн, но полиция стала вырывать из рук оркестрантов инструменты и отбирать траурные флаги. Тогда демонстранты направились к театру «Синтоми», где было намечено продолжить митинг. Там тоже вспыхнули драки. Демонстранты забросали камнями здание проправительственной «Народной газеты» («Кокумин симбун»), которую издавал Токутоми Сохо. Это была едва ли не единственная газета, которая поддержала мирный договор. Толпа атаковала и резиденцию министра внутренних дел, посмеявшего запретить митинг. Здание подожгли. Толпа рассеялась только с прибытием регулярных армейских частей. Но и распавшись на группы, демонстранты всю ночь громили полицейские участки. На следующий день приступили к погромам христианских церквей. Православные проповеднические дома не пострадали, но было сожжено 13 протестантских и католических церквей. Возле иностранных посольств выставили внушительную охрану. Американское посольство охраняло 400 человек — поскольку многие находили президента Рузвельта виновным в «позорном» мире. Правительство ввело в столице чрезвычайное положение, было устроено 70 блокпостов, войскам приказали не допускать сборищ и стрелять на поражение, выпуск оппозиционных газет был приостановлен. Но с введением чрезвычайного положения беспорядки почти мгновенно прекратились. Бунт «черни» против властей не имел глубоких корней в японской истории и культуре.

Потери полиции составили около 500 человек ранеными. Количество пострадавших среди бунтовщиков оценивается в одну-две тысячи, 17 человек погибли. У большинства из них были обнаружены сабельные раны на спине. Полиция арестовала 2000 человек. Из них сорок получили тюремный срок. Наиболее активными погромщиками оказались рикши и извозчики, рабочие и ремесленники, не имевшие отношения к «Лиге». В действиях лидеров «Лиги» суд не нашел состава преступления. Они быстро начали сотрудничать с властями. Трое из них занимали впоследствии министерские должности. Но министр внутренних дел и начальник токийской полиции были уволены.

Несмотря на недовольство многих японцев Портсмутским договором, война была выиграна, территория страны расширилась, был открыт путь к аннексии Кореи. По меркам того империалистического века Япония добилась огромных успехов, которые оценили в мире: западные страны повысили статус своих представителей в Японии с по-

сланников на послов, а в 1911 г. были окончательно пересмотрены неравноправные договоры с западными странами.

Контрольные вопросы

1. Свержение сёгуна Токугава.
2. Национальные символы и образ императора Мэйдзи.
3. Упразднение княжеств и реформа социальной структуры.
4. Создание аппарата управления.
5. Определение границ Японии.
6. Стратегические и тактические цели реформ.
7. Реформа образования.
8. Военная реформа.
9. Самурайские восстания.
10. Принятие конституции и создание парламента.
11. Экономическое развитие.
12. Воспитание японского духа.
13. Поиски национальной идентичности.
14. Японо-китайская война.
15. Японо-русская война.

Рекомендуемая литература

Источники

- Крестовский В. В.* В дальних водах и странах. М., 2002.
- Мечников Л. И.* Воспоминания о двухлетней службе в Японии // Известия Восточного института ДВГУ. Владивосток, 2001. С. 57—98.
- Мещеряков А. Н.* Первое жизнеописание императора Мэйдзи // История и культура традиционной Японии. М.: РГГУ, 2008. С. 449—468.
- Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 2007.
- Шрейдер Д. И.* Япония и японцы. СПб., 1895.

Основная литература

- Конрад Н. И.* Японская литература. М., 1974.
- Мещеряков А. Н.* Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006.
- Мещеряков А. Н.* Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., 2008.
- Мещеряков А. Н.* Стать японцем. Топография тела и его приключения (пе-реиздание). М., 2014.

Дополнительная литература

- Как живут японцы / Сост. В. Овчинская. М., 1899.
- Молодяков В. Э.* Сиратори Тосио. М., 2006.
- Сэнсом Дэс. Б.* Япония: краткая история культуры. СПб., 1999.

Глава 5

Япония в первой половине XX в. (1905–1945)

Период 1905–1945 гг. занимает особое место в истории Японии. Победа в войне над Россией, потенциал которой значительно превосходил японский, символизировала успех реформ периода Мэйдзи и привела к усилению стратегических позиций империи, росту национальной гордости, а также увеличению политической роли военных. Продолжение форсированной модернизации и колоссальные изменения во всех сферах жизни несли империи новые вызовы. Динамичное экономическое развитие при сохранении низкого уровня жизни населения, появление новых элит вели к обострению социальных противоречий и выходу политической борьбы на новый уровень. Нестабильность экономической структуры усиливала риски. Страна вступала в новую фазу развития.

1. Япония во второй половине 1900-х — 1920-е годы

1.1. Внешняя политика «великой державы» (1905–1918)

Результаты Русско-японской войны обусловили формальное вхождение Японии в клуб «великих держав», с колониями и зависимыми территориями на материке. Стратегический баланс сил на Дальнем Востоке изменился в пользу Токио, который стал ведущим военно-политическим игроком в регионе на ближайшие десятилетия. Одной из главных задач внешней политики после 1905 г. стало **укрепление захваченных позиций на материке**.

Корейский вопрос

Вскоре после окончания войны Япония стремилась в первую очередь зафиксировать выгодное положение дел в Корее. 17 ноября 1905 г. японские представители при поддержке войск грубо навязали корейскому правительству договор о протекторате. Корея потеряла права на

внешние сношения, а внутренняя политика должна была осуществляться под надзором японского генерал-резидента с широкими полномочиями. На эту должность был назначен председатель Тайного совета Ито Хиробуми (1841–1909). На внешнеполитическом фронте Токио удалось обеспечить поддержку со стороны Лондона и Вашингтона, заключив соответствующие соглашения летом 1905 г. Россия последней из держав пыталась противодействовать политике Японии в Корее вплоть до весны 1906 г., однако в итоге была вынуждена принять все японские условия.

Летом 1907 г. корейского императора Коджона принудили отказаться от власти в пользу сына. 24 июля 1907 г. Токио навязал Сеулу новый неравноправный договор, по которому генерал-резидент получал контроль над всеми действиями корейского правительства. Армия была распущена, антияпонское движение, принявшее широкий размах в 1907–1909 гг., подавлено японскими войсками.

После убийства в октябре 1909 г. Ито Хиробуми участником корейского сопротивления Япония взяла курс на окончательную ликвидацию корейской государственности. 22 августа 1910 г. был подписан договор об аннексии Кореи, которая вошла в состав империи в качестве генерал-губернаторства. В отношении населения стала проводиться политика японизации, образование постепенно переводилось на японский язык. Ключевые позиции в политике и экономике занимали японцы. На полуострове активно создавалась сеть железных и шоссейных дорог, имевших стратегическое значение. Корея превратилась в **форпост наступательной политики империи** на материке.

Экспансия в Маньчжурии

В декабре 1905 г. Япония подписала договор с Китаем, оформив аренду Ляодунского полуострова и Порт-Артура, южной ветки КВЖД и других бывших российских владений. В июне 1906 г. была образована компания Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), имевшая интересы во многих отраслях экономики и ставшая проводником экспансионистской политики Японии на северо-востоке Китая. Возглавил предприятие Гото Симпэй (1857–1929).

Экспансия Японии в Маньчжурии вызывала недовольство Вашингтона и Лондона. Поддержав Токио в Русско-японской войне, главную задачу Японии они видели в устранении доминирующего влияния России в Северо-Восточном Китае. Япония же не хотела делиться плодами победы. Это, в частности, проявилось в неудаче американского магната Э. Гарримана получить права совместного

управления железными дорогами Южной Маньчжурии. Политическая элита страны консолидировалась вокруг защиты «особых прав» в регионе, что стало отныне **одной из ключевых составляющих внешне-политического курса страны.**

Получив под свой контроль Ляодунский полуостров и Корею, Япония использовала их в качестве трамплина для укрепления своего влияния в Маньчжурии, стремясь ограничить права других держав. Это ухудшило отношения с Великобританией, а США превращало в важнейшего экономического и политического соперника.

Обострение отношений с США

Ухудшение отношений с Вашингтоном было также обусловлено усилением дискриминации в отношении японских иммигрантов в США. В 1906—1907 гг. в Калифорнии прокатилась волна антияпонских выступлений, в том числе погром в Сан-Франциско в мае 1907 г. События широко освещались в японской прессе, яростно критиковавшей не только США, но и собственное правительство за нерешительность.

В феврале 1907 г. Вашингтон ввел запрет на японскую иммиграцию в США с Гавайских островов, а в конце 1907 — начале 1908 г. в рамках «джентльменского соглашения» добился от Токио обязательства ограничить эмиграцию в Америку в обмен на непринятие ограничительных мер в отношении японцев в США. Трения по вопросам эмиграции существенно осложняли двусторонние отношения в последующие годы.

Однако обе стороны были не готовы к серьезной конфронтации и предприняли ряд шагов навстречу друг другу. 30 ноября 1908 г. было подписано японо-американское соглашение (Рут-Такахира), содержавшее следующие пункты: признание статус-кво на Дальнем Востоке; незыблемость принципа равных возможностей в Китае; уважение к территориальным владениям обоих государств; возможность совместного выступления в защиту сложившегося положения в регионе. В действительности же США надеялись воспользоваться принципом «открытых дверей» для дальнейшей экспансии в Китае, а Япония была не намерена допускать конкуренции на территории Южной Маньчжурии. **Японо-американские противоречия, таким образом, не были сняты.**

Очередной этап противостояния наступил в 1909 г. Администрация президента У. Тафта выступила с идеей «интернационализации» железных дорог в Маньчжурии, т.е. выкупа КВЖД и ЮМЖД силами международного банковского консорциума с последующей передачей

их под совместный контроль держав. Проект, названный по имени государственного секретаря Ф. Нокса, был призван обеспечить проникновение в Маньчжурию американского капитала под эгидой принципа «открытых дверей».

В ноябре 1909 г. о плане Нокса были извещены все великие державы, однако ключевое значение имело отношение к нему России и Японии. В отличие от Петербурга, Токио даже не допускал мысли об отказе от контроля над стратегической магистралью. Японская инициатива совместного противодействия американскому предложению нашла поддержку у российской стороны. В результате план Нокса потерпел неудачу. В условиях нарастания противоречий с США и охлаждения отношений с Великобританией **сотрудничество с Россией приобретало все более важное значение** для правящей элиты.

Русско-японское сближение

После заключения Портсмутского договора отношения между Россией и Японией носили нестабильный характер. Процесс послевоенного урегулирования протекал сложно, на переговорах стороны проявляли неуступчивость, что объяснялось неясностью перспектив развития двусторонних отношений, а также взаимным недоверием, особенно среди военных.

Фельдмаршал Ямагата Аритомо (1838—1922), генералы Кодама Гэнтаро (1852—1906), Тэраути Масатакэ (1852—1919) и другие военные деятели активно настаивали на перевооружении, опасаясь реванша со стороны России. «Курс обороны империи», утвержденный в апреле 1907 г., предусматривал масштабное увеличение армии, программа усиления флота — строительство мощных ВМС. И хотя эти планы впоследствии были подвергнуты сокращению, в России их воспринимали крайне болезненно.

Вместе с тем обе страны были заинтересованы в скорейшей разрядке напряженности в двусторонних отношениях. Россия нуждалась в долгосрочном мире по внутрисполитическим причинам, а отсутствие флота и англо-японский союз делали немислмым вооруженное столкновение с Японией. Токио необходимо было привести в порядок государственные финансы и заняться обустройством полученных территорий.

Сближению вчерашних врагов способствовала и международная обстановка. Япония стремилась превратить Южную Маньчжурию в зону своего исключительного влияния, то же делала Россия в Северной Маньчжурии. Это превращало ее в естественного союзника Токио:

в отличие от Вашингтона, Петербург не претендовал на японскую сферу интересов. Важную роль в налаживании российско-японского диалога сыграли Великобритания и Франция, заинтересованные в активизации европейской политики России.

Весной 1906 г. главой российского МИДа стал А. П. Извольский, считавший урегулирование отношений с Японией одной из основных внешнеполитических задач. Он пошел на уступки Токио по корейской проблеме, сняв основной раздражающий фактор в политической повестке. К началу 1907 г. было принято решение уступить Японии в вопросе о рыболовной конвенции под залог начала консультаций о политической конвенции.

Первое **российско-японское соглашение** было подписано 30 июля 1907 г. в Петербурге японским посланником Мотоно Итиро (1862–1918) и Извольским. Секретная часть конвенции делила Маньчжурию на российскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния, а также фиксировала обязательство сторон уважать особые интересы России во Внешней Монголии и Японии в Корее. Это заложило фундамент дальнейшего развития двусторонних отношений. Обе империи согласились сосредоточить усилия на совместном укреплении своих позиций в регионе, прежде всего за счет Китая.

Создание платформы для сотрудничества с Россией приветствовалось влиятельными представителями японского истеблишмента. Важную роль в развитии российско-японского партнерства сыграли Ито Хиробуми и Гото Симпэй. С 1907 г. за его укрепление активно выступали Ямагата Аритомо, Кацура Таро (1848–1913), Комура Дзютаро (1855–1911) и др. По-прежнему считая Россию главным вероятным противником, представители военных кругов одновременно видели в ней союзника в деле развития экспансии на материке.

План Нокса стал мощным катализатором процесса российско-японского сближения, и вслед за совместным ответом на американское предложение обе империи пришли к заключению 4 июля 1910 г. новой политической конвенции. В секретной ее части они договорились о совместной защите своих привилегий от других держав, что знаменовало переход двустороннего сотрудничества в активную стадию. На фоне ухудшения отношений с Лондоном координация действий с Петербургом превращалась в одно из главных условий успешной «континентальной политики», а также позволяла ослабить нагрузку на бюджет, экономя на выполнении оборонных программ.

Синьхайская революция 1911 г. и падение династии Цин в Китае стимулировали новые экспансионистские устремления в обеих империях. 8 июля 1912 г. была подписана третья российско-японская конвенция. Стороны расширили свои сферы интересов во Внутренней Монголии, а также договорились о признании особого статуса России в Западном Китае, а Японии — в Фуцзяньской провинции. По предложению Мотона последнее положение было зафиксировано в виде отдельной памятной записки, чтобы избежать необходимости ставить в известность союзницу — Великобританию. Это свидетельствовало о приоритете сотрудничества с Петербургом для японской правящей элиты по ряду ключевых вопросов. Углубление сотрудничества Токио с Петербургом ослабляло базу англо-японского союза. К началу Первой мировой войны российско-японское партнерство достигло уровня союзнических отношений, превращаясь в серьезный фактор на международной арене.

Вместе с тем военные и ряд влиятельных политических фигур в обеих странах продолжали относиться друг к другу с настороженностью, не исключая повторной войны. Подобные настроения были особенно сильны среди российских военных, что обуславливалось недавним поражением, а также слабостью оборонной инфраструктуры дальневосточной окраины.

Восприятие друг друга в качестве потенциального противника и партнера одновременно было одной из главных характеристик российско-японских отношений вплоть до 1917 г.

Трансформация англо-японского союза

Англо-японский союз продолжал оставаться **краеугольным камнем японской внешней политики** после 1905 г. Эту позицию разделяла основная фракция японского МИДа и значительная часть политической элиты страны. Однако обострение соперничества на колониальных рынках Азии, прежде всего в Китае, вело к постепенному охлаждению отношений с Великобританией.

Усиление японо-американского соперничества внушало тревогу Лондону. С целью недопущения вовлеченности в возможный конфликт Японии с США британское правительство инициировало пересмотр англо-японского союза. 13 июля 1911 г. была подписана новая редакция договора, которая позволяла Великобритании избежать оказания военной помощи Японии в случае ее войны с США. Отказ Лондона от поддержки в нараставшем соперничестве с Вашингтоном вызвал негативные отклики в японском обществе. Как отмечал Я. Ниш, Англию стали называть «ненадежным союзником».

Тем не менее англо-японский союз сохранял важное значение во внешнеполитической стратегии обеих стран. Взаимодействие с сильнейшей морской державой мира позволяло Японии выстраивать эффективную внешнюю политику на международной арене. **Необходимость сотрудничества с Англией** осознавалась значительной частью политической элиты страны. Для Лондона англо-японский союз превратился в важную составляющую выстраиваемого антигерманского блока. После 1907 г. Великобритания, Франция, Россия и Япония оказались связанными друг с другом общеполитическими конвенциями.

Япония в Первой мировой войне

Вступление в мировую войну. Начало войны в Европе вызвало оживленную дискуссию как среди правящей элиты, так и в различных слоях общества по вопросу участия в ней Японии. Большинство поддержало вступление в войну — вовлеченность европейских держав в вооруженную борьбу между собой создавала благоприятные условия для усиления японского влияния в регионе.

В Лондоне стремились ограничить японское участие в войне локальными операциями против немецких крейсеров и защитой коммуникаций на Тихом океане. Однако Япония, устами премьер-министра Окума Сигэнобу (1838—1922) объявившая себя «защитницей мира на Востоке», добилась участия без ограничений. Вступление в войну активно поддерживали Россия и Франция. 23 августа 1914 г. Япония официально объявила войну Германии.

В сентябре—октябре 1914 г. японский ВМФ захватил германские территории в Восточном полушарии севернее экватора — Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. Главной сухопутной операцией на дальневосточном театре стал захват Циндао 7 ноября 1914 г.

За время его осады японская армия оккупировала значительную часть провинции Шаньдун, игнорируя объявленный Пекином нейтралитет. Под японский контроль перешли стратегически важная железная дорога Циндао—Цзинань с полосой отчуждения, угольные копи и пр. Несмотря на заявленный ранее отказ от территориальных приобретений, Япония стремилась сохранить контроль над полуостровом для дальнейшей экспансии в Китае. Проигнорировав требования китайского правительства о выводе войск из Шаньдуна, выдвинутые в январе 1915 г., кабинет Окума перешел в наступление на Пекин на дипломатическом фронте.

Новые притязания в Китае. 18 января 1915 г. посланник Хиоки Эки (1861–1926) вручил президенту Китая Юань Шикаю ноту, вошедшую в историю под названием «21 требование». Пакет японских притязаний состоял из пяти групп и затрагивал широкий спектр вопросов, предусматривая усиление существующих позиций и предоставление новых широких прав в Китае. Полное их принятие означало бы передачу Японии существенной части политического и экономического суверенитета страны. Выдвижение японских требований спровоцировало серьезный кризис. Переговоры продолжались более трех месяцев и носили напряженный характер, в Китае развернулась кампания протеста. Отказавшись от наиболее одиозных условий, Япония 7 мая выставила ультиматум. В итоге Юань Шикай был вынужден принять основной пакет японских требований.

Попытки китайского правительства обратиться к странам Антанты для противодействия японскому нажиму окончились неудачей. Единственной державой, активно выступившей против него, оказались Соединенные Штаты. Вашингтон объявил о непризнании любых японо-китайских соглашений, нарушавших принцип «открытых дверей».

К концу войны японское влияние на ситуацию в Китае значительно возросло, особенно после смерти Юань Шикая в 1916 г. и обострения междоусобной борьбы в стране. Это спровоцировало новую фазу охлаждения в отношениях с Вашингтоном и Лондоном, однако их попытки оказать политическое и экономическое давление на Токио не возымели эффекта. Континентальный Китай прочно превратился в **главный объект внешнеполитических устремлений Японии на ближайшие десятилетия.**

Последние годы войны. После падения Циндао использование японских вооруженных сил в Первой мировой войне носило минимальный характер. Идея их отправки на европейский фронт не получила необходимой поддержки в парламенте и руководстве страны. Вместе с тем Япония фактически взяла на себя охрану коммуникаций в Тихом и Индийском океанах, что позволило сконцентрировать флот Антанты на других участках фронта. Страна сыграла важную роль в организации снабжения, в том числе российского Дальнего Востока, силами своего торгового флота. Особого внимания заслуживают военные поставки для союзников, прежде всего для русской армии.

Укрепление отношений с Россией получило развитие в виде заключения 3 июля 1916 г. новой **политической конвенции**, оформившей военно-политический союз двух империй. В секретной ее части сторо-

ны договорились о принятии мер по недопущению установления политического господства в Китае третьей державы, враждебной России или Японии, а также по оказанию военной помощи друг другу в случае войны, при условии обеспечения содействия со стороны союзников. Острие нового соглашения было вновь направлено против США. Япония стремилась заручиться поддержкой России в вопросе о послевоенном устройстве Азии. Соглашение стало высшей точкой русско-японского сближения после 1906 г.

Вступление США в войну в апреле 1917 г. несколько изменило конфигурацию держав на Дальнем Востоке; Токио и Вашингтон стали сражаться против общего врага. Япония взяла обязательства по обеспечению безопасности Гавайских островов и американского судоходства на Тихом океане, что позволило перевести часть американских ВМС в Атлантику для поддержки британского флота. Соглашение, подписанное 2 ноября 1917 г. госсекретарем Робертом Лансингом и специальным послом Японии Исии Кикудзиро (1866—1945), было призвано способствовать разрядке напряженности в двусторонних контактах. Однако зафиксированные в нем формулировки о признании принципа «открытых дверей» и «специальных интересов» в Китае носили взаимоисключающий характер. **Соперничество Японии с США становилось одним из ключевых факторов, влиявших на систему международных отношений в регионе** в первой половине XX в.

После окончания Русско-японской войны основной внешнеполитической задачей для Японии было закрепление завоеванных позиций на материке и выстраивание новой роли в системе международных отношений. Используя инструменты силового давления и умелую игру на взаимоотношениях ведущих держав, Токио удалось добиться полного контроля над Корейским полуостровом, укрепления позиций в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, а также расширения влияния на другие районы Китая. Первая мировая война создала предпосылки дальнейшей активизации японской экспансии на материке. Революция 1917 г. и ликвидация союза большевиками привели к необходимости резкого пересмотра стратегии на российском направлении. Стремительный коллапс государственного механизма в России провоцировал империю на новые территориальные захваты за счет бывшего союзника, что в дальнейшем вылилось в интервенцию на Дальнем Востоке и в Сибири.

Повышение военно-политического веса и экономического потенциала Японии в ходе мировой войны привело к усилению ее роли на

международной арене. К 1918 г. страна прочно закрепила свое **положение ведущей державы региона**.

1.2. Особенности внутривнутриполитического развития (1905–1918)

Усиление роли военных

Победа в войне с Россией способствовала **увеличению политической роли военных** и росту внимания к вооруженным силам, необходимость усиления которых признавали представители основных политических группировок. Вместе с тем тяжелое состояние японских финансов и резкое увеличение госдолга в результате войны 1904–1905 гг. затрудняли поддержание военных расходов на высоком уровне. Обширная программа перевооружения армии и флота, принятая вскоре после Русско-японской войны, забуксовала из-за недостатка финансирования. Урегулирование отношений с Россией позволило правительству отложить ее реализацию, что вызвало неудовольствие военных кругов.

Начиная с первых годов Мэйдзи вооруженные силы империи оказались поделены между конкурирующими кланами Сацума, выходцы из которого курировали флот, и Тёсю, представители которого контролировали армию. После консолидации перед лицом общего врага и победы в Русско-японской войне политическое **соперничество между армией и флотом** усилилось. Оно усугублялось разногласиями в определении основной военной угрозы для империи. Для сухопутных сил главным потенциальным противником продолжала оставаться Россия, для флота на первый план постепенно выходило соперничество с США. Сначала это было отчасти связано с борьбой за бюджетное финансирование (фактическое отсутствие флота у России делало затруднительным позиционирование российских ВМС в качестве основного противника), однако по мере ухудшения отношений с Вашингтоном флотское командование укреплялось в сделанном выборе. Расхождение во взглядах относительно главного вероятного противника между армией и флотом сохранялось вплоть до 1940-х годов, приобретая ключевое значение в определении дальнейшего направления экспансии и внешнеполитического курса в целом.

В предыдущие годы было законодательно зафиксировано правило, по которому военное и морское ведомства могли возглавлять соответственно только генерал и адмирал на действительной военной службе. Это давало военным кругам эффективный рычаг влияния

на формирование кабинета и его политику — отставка или отказ от выдвижения кандидатур на должность министра могли фактически парализовать работу правительства. Так, в конце 1912 г. недовольство армейского руководства сдержанной позицией правительства Сайондзи Киммоти (1849–1940) в отношении увеличения армии привело к серьезному политическому кризису. После отклонения кабинетом ультимативного требования сформировать две дополнительные дивизии военный министр Уэхара Юсаку (1856–1933) подал в отставку, а армия отказалась предоставить нового кандидата на эту должность. Результатом демарша стало падение второго кабинета Сайондзи. **Усиление влияния военных** становилось одним из главных вызовов для политической системы страны.

Период «кэйэн» и предпосылки к трансформации политической системы

В январе 1906 г. кабинет Кацура Таро ушел в отставку, новое правительство возглавил выходец из придворной аристократии *кугэ* Сайондзи Киммоти, в 1903 г. ставший лидером крупнейшей партии Риккэн Сэйюкай после Ито Хиробуми. Это положило начало «**периоду кэйэн**» (*кэйэн*, по китаизированному чтению иероглифов из фамилий Кацура и Сайондзи), когда кабинет министров по очереди возглавляли эти два лидера.

Данная конфигурация стала результатом компромисса между различными группировками политической элиты страны — консервативным крылом бюрократии и военными кругами во главе с Ямагата Аритомо, поддержавшими Кацура, и партией Сэйюкай, тесно связанной с концернами «Мицуи», «Сумитомо», «Ясуда» и другими крупными финансово-промышленными группами (*дзайбацу*). Несмотря на то что в правительство Сайондзи входили видные представители Сэйюкай, оно не являлось классическим партийным кабинетом, ответственным перед парламентом.

Компромиссный характер системы *кэйэн* имел результатом стабилизацию политической обстановки. Впервые два срока подряд выборы в палату представителей (в 1908 и 1912 гг.) проходили плановым порядком, по истечении срока полномочий депутатов. До определенного времени Кацура способствовал налаживанию диалога между кабинетами Сайондзи и армейскими кругами, а также палатой пэров, в то время как Сэйюкай по настоянию Ямагата обеспечивала беспартийному кабинету Кацура поддержку в нижней палате парламента. Хотя Сайондзи имел репутацию либерала, именно его прави-

тельство приняло план увеличения армии и приступило к разработке программы усиления флота. По инициативе военных в 1906 г. был также принят и реализован закон о национализации частных железных дорог. Необходимость оздоровления государственных финансов и уменьшения госдолга признавалась обоими политическими лагерями. Консенсус наблюдался и по большей части внешнеполитических задач — в частности, относительно установления контроля над Кореей, урегулирования отношений с Россией и укрепления позиций на материке.

Вместе с тем **желание клановой олигархии (хамбацу) сохранить привилегированное положение** и контроль над политической жизнью страны наталкивалось на **стремление руководства Сэйюкай усилить влияние партии**, расширить число сторонников, в том числе в государственном аппарате и регионах.

Первый кабинет Сайондзи занял либеральную позицию по отношению к левому движению. 24 февраля 1906 г. было провозглашено создание Социалистической партии Японии (СПЯ, *Нихон сякайто*), которая сразу же согласилась выступать за социализм «в пределах» законодательства, что позволило пройти процедуру регистрации. И хотя социалистам недолго удалось удержаться в рамках узкого правового поля, «мягкая» позиция Сайондзи по отношению к левым вызвала критику со стороны консервативных кругов.

В мае 1908 г. состоялись выборы в нижнюю палату парламента, на которых Сэйюкай одержала внушительную победу, завоевав 187 из 379 мест. Однако это не гарантировало сохранение кабинета Сайондзи. Усиление позиций Сэйюкай вызывало сопротивление клановой олигархии, в первую очередь Ямагата, который обратился к императору с критикой финансовой политики правительства, а также его «мягкотелости» по отношению к левому движению. В июле 1908 г. Кацура вновь стал премьер-министром, возглавив при этом и Министерство финансов.

Правительство взялось за разрешение ситуации с госдолгом и сокращение бюджетного дефицита, а также инициировало реформу налогообложения, однако Кацура был снова вынужден пойти на соглашение с Сэйюкай, контролировавшей половину мест в нижней палате парламента. Взамен было обещано вновь передать премьерский пост Сайондзи.

Борьба с социалистической идеологией и нейтрализация ее сторонников также стали важной задачей для консерватора Кацура. 25 мая 1910 г. начались массовые аресты социалистов и анархистов, которые

затем были признаны виновными в подготовке покушения на императора Мэйдзи. 24 января 1911 г. 12 человек, в том числе Котоку Сюсуй (1871–1911) и другие лидеры леворадикального толка, были казнены; остальные получили различные тюремные сроки (*Дайгяку дзикэн*). По левому движению был нанесен тяжелый удар. Наряду с репрессиями кабинет попытался принять меры по снижению социального напряжения среди рабочих на законодательном уровне, однако они носили половинчатый характер.

Реализация масштабной судостроительной программы в интересах военно-морского ведомства в условиях тяжелого налогового бремени не добавляла популярности правительству. Тем не менее Кацура удалось реализовать главные пункты внешнеполитической повестки — аннексировать Корею и завершить процесс **пересмотра неравноправных договоров**. В конце августа 1911 г., согласно договоренностям, премьером снова стал Сайондзи.

Несмотря на прочное положение в палате представителей, новый кабинет продержался чуть больше года. Продолжая линию на секвестирование госрасходов, правительство Сайондзи приняло решение о частичном сокращении и военных статей, отказавшись удовлетворить требование о создании дополнительных дивизий. Это привело к жесткому конфликту с военными кругами и закончилось отставкой правительства в конце 1912 г. Ставший вскоре *гэнро* Сайондзи больше не возглавлял кабинет, а в 1914 г. передал пост председателя Сэйюкай Хара Такаси (1856–1921), сохранив значительное политическое влияние вплоть до своей смерти в 1940 г.

Период «*кэйэн*» стал **важным этапом на пути трансформации японской политической системы**. Хотя оба правительства Сайондзи являлись надпартийными, а механизм смены кабинетов — отражением неформальных договоренностей между различными фракциями бюрократии, клановая олигархия, изначально настроенная враждебно по отношению к политическим партиям, постепенно втягивалась в партийную политику. Так, один из лидеров *хамбацу*, Кацура, тяготившийся необходимостью договариваться с Сэйюкай, в итоге взял курс на формирование собственной фракции в парламенте и в январе 1913 г. объявил о создании новой партии Досикай. Таким образом, система *кэйэн* стала прологом новой политической эпохи, характеризовавшейся усилением роли партий и парламента, а также расширением пространства для политической конкуренции.

Вместе с тем клановая олигархия по-прежнему **обладала основными рычагами для контроля над политическими процессами**. После гибели Ито Хиробуми в 1909 г. главным авторитетом среди *гэнро* считался Ямагата Аритомо, объединявший вокруг себя влиятельных представителей бюрократии и военных кругов и олицетворявший консервативное течение в японском руководстве. Негативное отношение Ямагата и его фракции к усилению роли партий долгое время накладывало значительный отпечаток на внутривнутриполитическую жизнь Японии. Хотя в последние годы жизни Ямагата поддержал формирование партийного кабинета Сэйюкай во главе с Хара Такаси, а также комплиментарно высказывался о последнем, это скорее объясняется тем, что Хара был не столько партийным лидером, сколько умелым бюрократом и мастером закулисных переговоров. Руководство Сэйюкай в лице Хара делало ставку на усиление влияния партии через систему договоренностей с *хамбацу*, дистанцируясь от массовых общественных движений и используя их в качестве фона и средства давления на олигархию. Подобная позиция вызывала критику со стороны как левого движения, так и деятелей правого толка.

Усиление общественного давления на власть и рост влияния политических партий

Смерть императора Мэйдзи летом 1912 г. ознаменовала собой окончание целой эпохи, за время которой некогда отсталая страна сделала колоссальный скачок в своем развитии, превратившись в империю с колониями, обладавшую существенной военной мощью.

Новый император Ёсихито, девиз правления которого (1912—1926) получил название Тайсё («Великая справедливость»), обладал слабым здоровьем и практически не принимал участия в политической жизни, однако именно этот период стал олицетворением либерализации политического процесса в довоенной Японии.

Обстоятельства отставки кабинета Сайондзи в декабре 1912 г. вызвали волну возмущения в стране, острие критики было направлено против военных кругов, клановой олигархии и ее лидеров, в частности Ямагата и Кацура. В Токио и других крупных городах по инициативе общественных объединений и партий Сэйюкай и Кокуминто состоялись митинги против произвола *хамбацу*, в «защиту конституции». Движение с соответствующим названием (*гокэн ундо*), развернувшееся в стране, стало первым массовым выступлением периода Тайсё.

В этих условиях попытка Кацура вновь возглавить правительство окончилась неудачей. Обладая сильной политической хваткой, он

добился рекомендации *гэнро* и приступил к формированию кабинета, однако встретился с жесткой реакцией оппозиционных партий. Лидер Кокуминто Инукаи Цуёси (1855—1932) и Одзаки Юкио (1858—1954) из Сэйюкай подготовили проект резолюции о недоверии правительству. Недовольство политикой Кацура выплеснулось на улицу. Массовые выступления в феврале 1913 г. переросли в беспорядки, повлекшие за собой жертвы; сотни человек были арестованы. В конце месяца кабинет подал в отставку. Поражение надломило Кацура, и он вскоре скончался. События получили название «Политический кризис Тайсё» (*Тайсё: сэйхэн*). Впервые **отставка правительства была вызвана давлением со стороны общества**, выступившего с требованием расширения участия в политической жизни.

Тем не менее новый кабинет был образован в соответствии с прежним порядком — *гэнро* выдвинули кандидатуру адмирала Ямамото Гоннохёэ (Гомбэй) (1852—1933), одного из лидеров клана Сацума. Сэйюкай ее поддержала, получив взамен посты главы МВД для Хара и министра финансов для Такахаси Корэкиё (1854—1936). Это вызвало раскол в партии.

Весной 1914 г. правительство Ямамото ушло в отставку из-за коррупционного скандала. Развитие политического кризиса вновь сопровождалось массовыми антиправительственными выступлениями в крупнейших городах страны, для подавления которых была применена сила. Повторное падение кабинета под прямым давлением улицы вынудило лидеров клановой олигархии тщательно подбирать кандидатуру нового премьера.

В апреле 1914 г. возглавить правительство было поручено одному из давних лидеров оппозиции, Окума Сигэнобу, выступившему в связке с другими оппозиционными группами. Главой МИДа стал лидер Досикай Като Такааки (1860—1926), сторонник расширения избирательных прав и ограничения влияния *гэнро*. Придя к власти на фоне общественного недовольства *хамбацу* и армейскими кругами, опытный политик Окума сумел найти общий язык с бюрократией и военными. В июне 1915 г. кабинету удалось преодолеть сопротивление оппозиции в парламенте и провести дополнительный бюджет, предусматривавший создание новых дивизий.

После вступления Японии в мировую войну правительство Окума проявило себя сторонником агрессивного внешнеполитического курса, прежде всего на китайском направлении. Скандалы сопровождали премьерство Окума, ставшего объектом критики со стороны разных политических сил, однако ему удалось сохранить свой пост до

октября 1916 г. Новым главой кабинета при поддержке Ямагата стал Тэраути Масатакэ, что отражало усиление позиций военных кругов. Смута в Китае провоцировала Японию на новые захваты, однако вскоре основное внимание правительства оказалось прикованным к очередным внутренним беспорядкам, принявшим беспрецедентные масштабы.

Причиной стало резкое повышение цен на рис, основу рациона японцев. Помимо неурожая, это было следствием массированных государственных закупок для армии в преддверии интервенции в Россию, а также ускорения инфляции во время войны. Возмущение почти трехкратным по сравнению с 1916 г. повышением цен вылилось летом 1918 г. в крупнейшие столкновения городской и сельской бедноты, рабочих и студентов с полицией и войсками по всей стране. «**Рисовыми бунтами**» (*комэ со:до:*) было охвачено почти 500 населенных пунктов, в том числе 49 крупных городов в 42 из 47 префектур. Число активных участников составило от 700 тыс. до 1 млн человек, десятки тысяч были арестованы, на подавление бунтов было брошено почти 100 тыс. военных.

Несмотря на колоссальный размах, волнения не носили организованного характера и являлись радикальной формой стихийного социального протеста широких масс против ухудшения условий жизни. Отсутствие внятных политических лозунгов свидетельствовало о непричастности партий к организации беспорядков, хотя консерваторы в правительстве одно время искали «левый след». В итоге пламя народного гнева удалось обуздать, однако Тэраути был вынужден подать в отставку в конце сентября 1918 г. Новым премьер-министром стал лидер Сэйюкай Хара Такаси. Япония вступала в эпоху «партийных» кабинетов.

* * *

Система власти страны переживала этап серьезной трансформации, характеризовавшейся **расширением влияния общества** на политические процессы, в том числе через партии и нижнюю палату парламента. Это наталкивалось на сопротивление клановой олигархии, которая тем не менее уже не могла игнорировать общественные настроения. Пространство для политической деятельности оставалось ограниченным, число избирателей составляло около 1,5 млн человек, или менее 3% населения страны, однако перемены, которые переживало японское общество, усиливали давление на власть и толкали ее в сторону **либерализации политического процесса**.

Период «кэйэн» стал прологом важного явления в японской политической культуре XX в., получившего в 1950-х годах название «демократия Тайсё» (*Тайсё: дэмокураси*), хронологические рамки которого захватывали и начало эры Сёва. Переход от «клановых» кабинетов к первому партийному правительству стал важным этапом в развитии японской политической системы. Вместе с тем многие лидеры партий, в первую очередь Сэйюкай, делали ставку на усиление своего влияния в рамках существовавшей системы, без глубокого ее реформирования, что предусматривало постоянные сделки с клановой бюрократией.

1.3. Экономическое развитие Японии (2-я половина 1900-х — 1920-е годы)

Развитие промышленности и инфраструктуры перед Первой мировой войной

Русско-японская война привела к многократному росту госдолга, во многом покрытого за счет внешних займов. Неполучение контрибуции от России и высокие затраты на военные программы и обустройство новых территорий заставляли правительство тщательно планировать дальнейшую бюджетную политику. Приоритетом была стабилизация финансового положения страны. Значительные выплаты по внешним долгам висели тяжелым грузом на японской экономике.

Вместе с тем Япония получила контроль над Кореей и Южной Маньчжурией, включая стратегически важные порты и железнодорожные концессии, что открывало путь к новым рынкам и в долгосрочной перспективе способно было компенсировать масштабные капиталовложения. **Освоение новых колоний и усиление экономической экспансии на материке** становились важнейшей задачей для империи. Для этого необходимо было построить соответствующую инфраструктуру и продолжать курс на ускоренное развитие промышленности, способной насытить новые рынки.

В марте 1906 г. был принят закон о **национализации железных дорог**. Государство выкупило 17 частных линий общей протяженностью более 4500 км и выплатило собственникам более 450 млн иен за счет выпуска облигаций, вложив затем столько же в модернизацию. В результате реформы общая длина государственных железных дорог увеличилась в три раза.

Несмотря на высокие расходы на реформу, был достигнут положительный мультипликативный эффект для экономики. Унификация важнейшей отрасли инфраструктуры позволила увеличить пропускную

способность и снизить тарифы, а масштабные вливания стимулировали приток частных капиталовложений в промышленность и другие отрасли экономики империи.

Осуществлялась модернизация предприятий, открывались новые, в том числе предприятия химической промышленности, самолетостроения и др. Укреплялось производство оборудования. Выпуск чугуна с 1901 по 1913 г. вырос в пять раз, стального проката за тот же период — более чем в 40 раз. Высокими темпами развивалось судостроение. Япония стала обеспечивать до 60% потребностей своего рынка крупнотоннажных судов за счет собственной промышленности.

Производство электроэнергии за 1907—1914 гг. выросло в шесть раз. Возросла добыча угля, в том числе на экспорт. Активно строились гидроэлектростанции, доля которых в энергобалансе поднялась с 33 до 57%. К концу периода Мэйдзи основная часть крупных городов была электрифицирована, активно развивалась трамвайная сеть.

Основным «мотором» производства в стране являлась легкая промышленность, прежде всего выпуск шелка и хлопчатобумажной продукции. В текстильной промышленности было занято почти $\frac{2}{3}$ рабочих, отрасль производила 39,4% от общего объема промпроизводства. Активно происходил процесс укрупнения предприятий, но за счет налаживания производства отечественных ткацких станков малые и средние предприятия также смогли успешно осуществить модернизацию. Существенный рост легкой промышленности стимулировался активным вывозом в США и страны Азии. В 1909 г. по объему экспорта шелкопрядельной продукции Япония обогнала Китай, выйдя на 1-е место в мире.

Управление колониями

Структура управления колониями была неоднородной. На Тайване, в Квантуне и в Корее (после 1910 г.) были созданы генерал-губернаторства с широкими полномочиями; югом Сахалина (Карафуто) занималось отдельное управление, подчинявшееся МВД.

После 1905 г. началось активное хозяйственное обустройство Кореи и Южной Маньчжурии. Помимо военно-стратегического значения они интересовали империю в качестве **нового рынка сбыта** продукции японской промышленности, а Корея — еще как **источник сырья, материалов и продовольствия для метрополии**. Такой подход был характерен и для управления Тайванем, откуда вывозили рис, чай, сахар и другие продукты.

Развитие сельского хозяйства стало одним из приоритетных направлений японских властей в Корее. К 1918 г. было завершено со-

ставление земельного кадастра. Процесс нередко сопровождался экспроприацией мелких наделов в пользу колониальной администрации с последующей перепродажей крупным землевладельцам. К 1918 г. половина обрабатываемых земель находилась в собственности 3,3% землевладельцев. Значительный рост налогооблагаемой базы сопровождался увеличением бремени платежей. Разорение беднейших слоев крестьянства подстегивало миграцию в города и за пределы полуострова, в том числе в метрополию.

В результате принятых мер повысилась производительность сельскохозяйственных предприятий, резко увеличился экспорт риса в Японию. В 1918 г. поставки риса из колоний позволили сбить цены и снизить накал напряженности во время «рисовых бунтов». С 1920 по 1930 г. вывоз риса из Кореи увеличился еще в три раза. Корея также превращалась в поставщика хлопка-сырца для японской текстильной промышленности, продукции лесного хозяйства и морских промыслов.

Важнейшим фактором экономического и политического влияния Японии в Южной Маньчжурии была ЮМЖД, которой принадлежал ряд ключевых промышленных предприятий, рудников и шахт, лесные и земельные угодья, гостиницы и портовая инфраструктура. Среди активов выделялись стратегические Фушуньские угольные копи. Важное место занимал порт Дайрэн (Дальний), служивший перевалочной базой для вывоза японских товаров на материк. В 1906 г. капитал компании составил 200 млн иен — больше половины японских вложений на северо-востоке Китая. Плотность населения и уровень промышленного развития южной части Маньчжурии были значительно выше, чем северной. Это обеспечило предприятию стабильную прибыль, которая возросла с 1907 по 1913 г. почти в четыре раза.

Железные дороги на Корейском полуострове были связаны в единую транспортную сеть с ЮМЖД. Это способствовало развитию экономики регионов и усилению связи с метрополией, а в случае необходимости позволяло оперативно перебрасывать войска. Япония активно обустроивала захваченные плацдармы на материке, закрепляясь всерьез. Хотя Южная Маньчжурия формально являлась арендованной территорией, перспектива возвращения ее Китаю практически не рассматривалась.

Империи удалось привязать к себе экономику колоний. В 1905–1918 гг. доля Японии в экспорте Кореи составляла около 80%, импорте — более 60%; для Тайваня эти показатели находились на уровне 60%. К концу 1920-х годов ситуация только усилилась — 91% корейского экспорта отправлялся в метрополию, оттуда поступало 72% импорта.

Для Тайваня показатели составляли 78 и 68% соответственно. Торговля с колониями занимала важное место во внешней торговле империи — в начале 1930-х годов на нее приходилась $\frac{1}{3}$ всего оборота и подавляющая часть импорта продовольствия.

Экономическое развитие после Первой мировой войны

Влияние Первой мировой войны на экономическое развитие Японии было колоссальным. Стагнация в экономике накануне войны, сопровождавшаяся ростом дефицита платежного баланса, сменилась экономическим бумом и резким увеличением как экспорта, так и импорта, с выходом на положительное сальдо. За годы войны внешнеторговый оборот вырос более чем в три раза, а совокупный профицит составил 1396 млн иен.

Ликвидация германского экономического присутствия и ослабление других конкурентов в Азии делали возможным захват освободившихся рынков, а нарастание объемов заказов от союзников по Антанте наряду с поставками сырья стимулировали развитие промышленности. Мощный толчок получили судостроение, машиностроение, производство чугуна и стали, устойчивый рост демонстрировали текстильная промышленность и другие отрасли. Значительно выросли морские перевозки. Объемы промышленного производства за годы войны почти удвоились, а число рабочих превысило 2 млн человек, увеличившись в 1,7 раза.

Из страны с колоссальным внешним долгом **Япония превратилась в страну-кредитора** с внушительным объемом внешних активов. Государственный золотой запас вырос с 342 млн иен в 1914 г. до 2178 млн в 1918 г. Увеличился вывоз капитала, прежде всего в колонии.

Вместе с тем прибыль от благоприятной конъюнктуры в значительной степени оседала в карманах собственников предприятий и на счетах крупных концернов, а инфляция съедала доходы основной массы работников. «Золотой дождь», пролившийся на Японию, вызвал небывалое повышение уровня жизни незначительной части населения, обострив социальные проблемы. Расслоение общества усиливалось.

После экономического бума военных лет перегретая японская экономика в начале 1920-х годов вступила в рецессию. Объемы экспорта упали на 30–40%, резко снизились цены, особенно на шелк-сырец и рис, что нанесло тяжелый удар по деревне. Спад наблюдался во многих отраслях производства, но благодаря активным мерам правительства стране в целом удалось выйти из депрессии к концу 1922 г.

Землетрясение 1923 г. нанесло колоссальный ущерб японской экономике. Однако значительные финансовые потоки, направленные на восстановительные работы, как и рост государственных расходов в целом, стимулировали развитие частного сектора и способствовали экономическому оживлению. Это явление получило название «**восстановительный бум**», который затронул разные отрасли и продолжался вплоть до конца 1920-х годов.

Изменилась структура экономики. К началу 1920-х годов промышленное производство стало преобладать над аграрным. В 1921 г. совокупная стоимость сельскохозяйственной продукции составила 62,5% от промышленной, в 1929 г. — уже 44%. В последующие годы разрыв продолжал увеличиваться.

Ведущей по-прежнему оставалась легкая промышленность, в первую очередь текстильная, в которой работала почти половина занятых на производстве, в основном женщины. В отрасли продолжались процессы повышения уровня механизации и концентрации капитала, в 1920—1929 гг. производственные мощности выросли почти в два раза.

В тяжелой промышленности также удалось достичь определенных успехов. Развивалось производство двигателей, электрооборудования, станков для легкой промышленности и т.д. Совокупная стоимость продукции машиностроения составила $\frac{2}{3}$ от показателей текстильной промышленности. По ряду наименований удалось добиться полного замещения импорта, однако это относилось преимущественно к простым типам машин и оборудования. Сложные виды по-прежнему необходимо было завозить из-за рубежа — США, Великобритании и Германии. Конкурировать с развитыми странами в этой сфере Япония пока не могла.

Значительной была зависимость от импорта стали (около 30% от потребностей страны) и чугуна (до 40%). В 1920-х годах страна смогла увеличить производство стали в 3,8 раза и удвоить производство чугуна, однако выплавку высококачественной стали, несмотря на государственную поддержку, наладить не удавалось.

Урбанизация стимулировала развитие сферы услуг и торговли, в конце 1920-х годов в ней работало около 7,5 млн человек. Этот сектор экономики поглощал большую часть мигрантов из деревни.

В сельском хозяйстве ситуация была довольно сложной. Главной проблемой являлась нестабильность цен на основные товары — рис, который был важнейшей сельскохозяйственной культурой, а также коконы тутового шелкопряда. Разведением коконов занималось до 40% хозяйств. Колебания цен за год могли составить десятки про-

центов. Стоимость коконов с 1925 г. стабильно падала, снизившись к 1929 г. на 30%, хотя именно в этот период число занятых в данном секторе достигло максимума. Большинство крестьян были мелкими арендаторами, основная масса доходов уходила на арендную плату и налоги. Эти факторы стимулировали отток населения в города и способствовали **росту социальной напряженности**, в том числе в армии, так как большинство призывников и многие младшие офицеры были родом из деревень.

Весной 1927 г. в стране разразился финансовый кризис, вызванный обесцениванием «восстановительных» займов и недостатком государственных субсидий, выделенных для компенсации убытков. Кризис ликвидности и недостаточно прочное положение банковского сектора способствовали распространению панических настроений и массовому изъятию вкладов населением. Это привело к прекращению работы ряда банков и банкротствам в сфере торговли. Меры правительства, выпустившего для погашения векселей кредитные билеты на сумму более 2 млрд иен, помогли снять кризис ликвидности, однако они провоцировали инфляцию и рост безработицы. **Финансовый кризис 1927 г. стал серьезным потрясением для японской экономики.**

Особую роль в экономике продолжали играть *дзайбацу*, среди которых выделялись «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда». Тесные, порой родственные связи с политической элитой и руководством партий обеспечивали лоббирование интересов концернов на внутренних и внешних рынках. Развитие экономики и промышленный бум во время Первой мировой войны породил «новые» *дзайбацу*, имевшие интересы в области металлургии, машиностроения, горно-рудной промышленности, финансового рынка и т.д. Это концерны «Кухара», «Номура», «Кавасаки» и др. Отсутствие законодательных ограничений способствовало усилению концернов. К концу 1920-х годов они контролировали около трети банковского и промышленного капитала страны, а также укрепили монопольное положение во внешней торговле.

В 1920-е годы в результате последовательных **сокращений военных программ** армии и флота Японии удалось несколько снизить нагрузку на бюджет. Доля военных расходов упала с 49% в 1921 г. до 27% в 1926 г. Вплоть до 1931 г. средний показатель составлял 28%.

Освоение колоний и рост промышленного производства привели к существенному увеличению японского внешнеторгового оборота. С 1905 по 1913 г. экспорт и импорт выросли более чем в два раза. Доля

Японии в мировой торговле за этот же период увеличилась незначительно, однако в Азии империя стала одним из важнейших игроков на рынке. В 1913 г. ее доля в региональном экспорте составила 24%, в импорте — около 30%. Страна стала главным внешнеэкономическим партнером Китая, обогнав Великобританию и США. Китайский и американский рынки являлись приоритетными для империи, к 1920-м годам на них приходилось по 30% японского экспорта.

С 1920-х годов **ключевым внешнеторговым партнером империи стали Соединенные Штаты**, куда отправлялось более 40% экспорта (в основном шелк-сырец). На США также приходилось почти 30% японского импорта. Возросшая зависимость от американского рынка предопределила тяжелый удар по японской экономике во время Великой депрессии.

Внешняя торговля Японии в 1920-е годы отличалась нестабильным характером, однако в целом внешнеторговый оборот увеличивался, экспорт с 1921 по 1929 г. вырос более чем на 70%, импорт — на 37%.

Главным японским товаром на мировом рынке оставался шелк-сырец. С 1918 г. до конца 1920-х годов его доля в вывозе увеличилась с 30 до 37%. Следом шли хлопчатобумажная пряжа (рост с 11 до 20%) и шелковые ткани (с 6 до 10%). Страна последовательно старалась увеличить процент переработки (и, соответственно, добавленной стоимости). Это привело к повышению доли готовой промышленной продукции в структуре экспорта с 29% в 1913 г. до 40–50% к концу 1920-х годов. Однако низкое качество японской промышленной продукции являлось важной проблемой, ограничивавшей конкурентоспособность на мировом рынке.

* * *

Период после Русско-японской войны до конца 1920-х годов стал важным этапом в развитии экономики Японии. Страна шла по пути индустриализации, наращивая объемы промышленного производства и внешней торговли. Если по результатам Русско-японской войны империя получила колонии на материке и новые рынки сбыта, то Первая мировая война позволила резко увеличить внешнеторговый оборот и создать внушительную подушку безопасности в виде золотых запасов, совершить скачок в развитии промышленности и упрочить свои позиции на рынках, захватив новые. Благодаря крупномасштабным поставкам союзникам удалось существенно поправить финансовое положение.

Внешняя торговля стала играть важную роль в экономическом росте страны, однако серьезной проблемой оставался дефицит внешнеторгового

баланса. После бума Первой мировой войны сальдо стало вновь отрицательным. Начиная с 1919 г. японский импорт почти постоянно превышал экспорт.

Изменения в структуре импорта отражали определенный **прогресс в модернизации** экономики. Империя значительно увеличила ввоз полуфабрикатов и сырья, на что в 1920-е годы приходилось больше половины импорта. Несмотря на сложности, последовательный курс на индустриализацию привел к преобладанию совокупной стоимости промышленной продукции. Японии удалось **успешно интегрировать в свою экономику колонии** и закрепить их роль в качестве рынка сбыта промышленной продукции и сырьевой базы метрополии.

Вместе с тем банковской системе страны не хватало прочности, а ситуация в аграрном секторе оставалась сложной. Это несло в себе существенные риски, в том числе внутривнутриполитические. Узкая номенклатура экспортных товаров существенно обостряла зависимость от конъюнктуры на мировых рынках. Японская экономика продолжала идти по пути модернизации, однако ее **положение было нестабильным**. Это обусловило тяжелый характер последствий для Японии мирового экономического кризиса, разразившегося на рубеже 1920–1930-х годов.

1.4. Япония в системе международных отношений после Первой мировой войны

Результаты Первой мировой войны укрепили место Японии в качестве сильнейшей державы на Дальнем Востоке. Учитывая ограниченное непосредственное участие в войне, пропуск в новый мировой порядок достался империи «малой кровью». Ослабление позиций европейских держав в регионе и крушение Германской и Российской империй создавали определенный вакуум, который Япония, усилившаяся экономически и политически, стремилась заполнить. Помимо новых возможностей это открывало дорогу к очередному витку соревнования с Великобританией, имевшей крупные интересы в Китае и по-прежнему обладавшей внушительным военно-политическим потенциалом в регионе, а также с США, резко усилившими свои экономические и политические позиции на мировой арене.

Важнейшей задачей внешней политики после 1918 г. стало **закрепление положения ведущего политического игрока** в регионе. В рамках реализации этой стратегии Япония нуждалась в установлении новой системы международных отношений на Дальнем Востоке, что было невозможно без согласия основных держав-победительниц, в первую

очередь Соединенных Штатов и Великобритании. Необходимость налаживания сотрудничества с ведущими геополитическими соперниками наряду с возраставшей экономической зависимостью от США в итоге предопределили **противоречивый характер японской внешней политики** в указанный период.

Парижская мирная конференция

Среди первых пунктов реализации стратегии по формированию нового порядка в регионе стояла легитимизация японского контроля над захваченными германскими территориями в Микронезии и Шаньдуне. Кроме этого, Япония стремилась зафиксировать в одном из основополагающих документов нового мироустройства, Уставе Лиги Наций, **отказ от расовой дискриминации**. Это предложение имело мало общего с борьбой за права угнетенных народов Азии, эксплуатацией которых Япония успешно занималась сама, но в случае его принятия Токио получал повод разыграть карту защитника «цветных» наций. Японская дипломатия также рассчитывала ослабить противников «желтой» иммиграции в США и британских доминионах. Выдвижение пункта о «равенстве рас» отражало и серьезные опасения истеблишмента относительно будущего глобального столкновения на расовой почве. Об этом говорили патриарх японской политики Ямагата Аритомо и другие лидеры.

На Парижской мирной конференции, открывшейся в январе 1919 г., японскую делегацию возглавил Сайондзи Киммоти, главным помощником которого стал опытный политик и дипломат Макино Нобуаки (1861–1949), сторонник выстраивания системы мирного сосуществования и сотрудничества с ведущими государствами. Япония вошла в «большую пятерку» вместе с Великобританией, США, Францией и Италией, что являлось публичным признанием статуса «великой державы», однако ее участие в принятии главных решений было ограниченным. Ключевую роль на конференции играли президент США В. Вильсон, глава британского кабинета Д. Ллойд Джордж и премьер-министр Франции Ж. Клемансо, образовавшие Совет трех.

К концу войны глава японского МИДа Мотоно Итиро втайне от Вашингтона договорился с союзниками по Антанте о поддержке передачи Японии арендных прав на бывшие владения Германии в Восточной Азии, включая Шаньдун. Передача управления территориями Микронезии к северу от экватора прошла без особых осложнений, в начале 1919 г. Япония получила соответствующий мандат Лиги На-

ций. Вопрос о Шаньдуне вызвал серьезные дискуссии, выявив противоречия между державами.

Китайские делегаты при поддержке США выступили против передачи Японии германских концессий на полуострове, настаивая на возвращении территории под свой контроль, что противоречило японо-китайским соглашениям 1915 и 1918 гг. Японские представители заявили о признании китайского суверенитета над Шаньдунем, подчеркивая притязания исключительно на бывшие права Германии, однако недвусмысленно обозначили решимость отказаться от подписания договора и участия в Лиге Наций в случае невыполнения этих требований. Вильсон вынужден был уступить. 30 апреля Совет трех принял решение об удовлетворении притязаний Японии на Шаньдун и передаче ей германских привилегий и собственности на полуострове. Получение нового плацдарма в Китае привело к усилению анти-японских настроений в стране, массовым демонстрациям и бойкоту японских товаров.

Японские представители активно добивались принятия положений о расовой дискриминации, получив согласие большинства делегатов в комиссии Лиги Наций, включая Францию и Италию. Однако из-за оппозиции Вашингтона и британских доминионов эта инициатива была отклонена, что обусловило рост негативного восприятия «англо-саксонского блока» в японском обществе и правящей элите.

Версальский мирный договор не смог разрешить противоречий между странами и устранить причины будущих конфликтов, отражая устремления только части стран-победительниц. Тем не менее формальные **итоги мирной конференции для Японии следует расценивать как успешные**. Империя не только зафиксировала контроль над новыми территориями, но и получила место постоянного члена Совета Лиги Наций, что свидетельствовало о признании ее «великодержавного» статуса ведущими державами.

Интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке России

Революционные события 1917 г. в России стали предметом пристального внимания со стороны японского руководства. К концу войны Япония превратилась не только в крупного поставщика вооружения, но и важного кредитора России, а также оказалась связанной с ней союзным договором. Февральская революция и падение династии Романовых стали тревожным звонком. Временное правительство подтвердило свои обязательства перед союзниками, хотя его антимонархический настрой не внушал симпатий японским государственным

деятелям. Военные круги и МИД также настороженно следили за участвовавшими контактами новых российских властей с США.

Осенью 1917 г. ситуация резко усложнилась. Пришедшие к власти большевики объявили об отказе от долгов и соглашений, сделанных прежней властью. Ликвидация русско-японского союза поставила Токио перед необходимостью выработки **новой внешнеполитической стратегии на российском направлении**, а коллапс государственного аппарата в России провоцировал часть политической элиты на принятие активных мер на территории бывшего союзника.

Японское руководство не питало иллюзий относительно возможности восстановления монархии или Временного правительства в России. Большевицкая власть тем более не вызывала симпатий. Серьезные опасения внушало распространение коммунистической идеологии, особенно в сочетании с освободительным движением в колониях. Таким образом, множество факторов побуждало занять активную позицию по русскому вопросу.

12 января 1918 г. японский крейсер «Ивами» вошел в бухту Владивостока. В политическом руководстве страны постепенно склонялись к вмешательству. За интервенцию активно выступали военные круги и министр иностранных дел Мотоно Итиро. Премьер Тэраути и Ямагата поддерживали отправку войск, однако считали необходимым координировать шаги с Вашингтоном и Лондоном. Ряд влиятельных дипломатов, в том числе Макино, Исии, а также *гэнро* Сайондзи и лидеры крупнейших политических партий были настроены скептически, предлагая ограничиться минимальными мерами по охране жизни и прав японских подданных.

4 апреля 1918 г. во Владивостоке был высажен десант, поводом для которого стало убийство в городе двух японцев. Япония активно втягивалась в гражданскую войну на Дальнем Востоке, поддержав группировки атаманов Г. М. Семенова и И. П. Калмыкова, восстание чехословацкого корпуса, а также признав правительство А. В. Колчака. Ее войска оккупировали часть Транссиба и КВЖД, заключив попутно военное соглашение с китайским правительством. Под японским контролем оказались Приморье, Северная Маньчжурия, Николаевск-на-Амуре и ряд других территорий.

С одной стороны, Япония действовала в связке с другими странами — Антанта официально обратилась с просьбой содействовать эвакуации чехословаков, а в интервенции на Дальнем Востоке, помимо японцев, участвовали американские и английские солдаты, а также китайцы, французы, итальянцы. С другой стороны, японский кон-

тингент в разы превосходил все остальные силы союзников — к концу 1918 г. империя сосредоточила на русском Дальнем Востоке почти 73 тыс. человек.

Поражения антибольшевистских сил заставили западные державы отказаться от активного вмешательства, и к началу 1920 г. их экспедиционные силы были выведены из Сибири и Дальнего Востока. В Токио приняли решение продолжать интервенцию, попытавшись **конвертировать военное присутствие в экономическую выгоду**, игнорируя регулярные протесты Вашингтона. Планы хозяйственного освоения региона носили серьезный характер, мероприятия не ограничивались экономическими шагами. Так, в районе Татарского пролива было начато строительство долговременных укреплений.

Однако перспективы добиться полного контроля над регионом становились призрачными из-за неспособности создать устойчивый политический режим из местных сил, а также расширения партизанского движения, не всегда контролировавшего из центра и принимавшего радикальные формы. В этом ряду особое место занимает «**Николаевский инцидент**», когда отряд анархиста Я. Тряпицына в марте 1920 г. уничтожил в Николаевске-на-Амуре сотни японцев, в том числе мирных жителей. События имели колоссальный резонанс, послужив предлогом для карательных акций в Хабаровске, Приморье и оккупации ряда территорий.

С целью избежать прямого военного столкновения с Японией большевики создали «буфер» — Дальневосточную республику (ДВР). Попытки Токио оказать военный и дипломатический нажим на ДВР оказались неэффективными, заключить выгодные для японской стороны соглашения на Дайренской и Чанчуньской конференциях в 1921–1922 гг. также не удалось. 25 октября 1922 г. Япония была вынуждена вывести свои войска с территории Дальнего Востока. Северная часть Сахалина оставалась оккупированной вплоть до 1925 г., однако, несмотря на колоссальные затраты и жертвы, интервенция окончилась для Японии практически безрезультатно. Уже 19 ноября 1922 г. ДВР вошла в состав РСФСР.

Вашингтонская конференция

Парижская мирная конференция не до конца определила структуру послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке. Китай отказался подписать мирный договор в Версале из-за Шаньдунского вопроса. Усиление Японии вызывало тревогу у Вашингтона и Лондона, стремившихся добиться ограничения роста военно-морских сил

и поставить заслон японской экспансии. Летом 1921 г. американский президент У. Гардинг выступил с инициативой проведения новой международной конференции для обсуждения вопроса об ограничении морских вооружений и положении в Тихоокеанском регионе.

Япония не сразу приняла приглашение на конференцию, однако, стремясь избежать международной изоляции и рассчитывая добиться от держав признания «специальных интересов» в Китае, отправила в Вашингтон делегацию. Ее фактическим руководителем был адмирал Като Томосабуро (1861–1923), один из либеральных представителей военного руководства, выступавший за соглашение с державами. Сторонником разрядки напряженности и достижения договоренностей с США также являлся посол Японии в этой стране **Сидэхара Кидзюро** (1872–1951), одна из ключевых фигур японской дипломатии 1920-х годов.

Основные дискуссии в Вашингтоне развернулись между США, Великобританией и Японией, они же принимали принципиальные решения. На конференции был заключен ряд международных соглашений, определивших контуры нового мироустройства в регионе.

«Договор четырех держав», подписанный 13 декабря 1921 г. США, Великобританией, Францией и Японией, фиксировал обязательства сторон взаимно уважать права друг друга на островные владения на Тихом океане и разрешать все вопросы коллегиально, предусматривая проведение совместных консультаций в случае угрозы статус-кво.

Договор означал **конец англо-японского союза**, подводя черту под важнейшей эпохой в истории японской внешней политики. Ликвидация произошла в том числе под давлением Вашингтона, стремившегося окончательно разорвать союз двух империй, выступавших за раздел Китая на «сферы влияния» в противовес принципу «открытых дверей», а также устранить потенциальную угрозу столкновения с Лондоном в условиях стратегического соперничества с Токио. Это усилило разочарование британской и американской политикой в японском обществе и правящей элите.

В начале февраля 1922 г. были подписаны соглашения, завершившие оформление новой системы международных отношений.

Договор об ограничении морских вооружений («договор пяти держав») устанавливал соотношение 5:5:3:1,75:1,75 для тоннажа линейных кораблей флотов США, Великобритании, Японии, Франции и Италии соответственно, включал обязательство не строить новых линкоров

в течение 10 лет, а также запрещал строительство новых укреплений и военно-морских баз на Тихом океане (кроме Гавайских островов для США и Сингапура для Великобритании). Запрет практически нивелировал заложенное численное преимущество американских и британских ВМС перед японскими, так как, в отличие от первых двух, зона операций последних ограничивалась одним тихоокеанским бассейном. Подводный флот остался за рамками сокращений. Япония даже сохраняла возможности для усиления своего военно-морского потенциала в рамках установленных лимитов. Несмотря на критику со стороны части военных и националистов, в целом положения соглашения следует признать вполне **удовлетворительными для Японии**.

«Договор девяти держав» торжественно провозглашал уважение суверенитета, независимости и территориальной целостности Китая, несмотря на продолжавшуюся междоусобицу в этой стране и неясность в вопросе о границах. Требования китайской делегации о пересмотре неравноправных положений в области тарифов и экстерриториальности иностранцев удовлетворены не были. Япония **не сумела добиться признания своих «специальных интересов» в Китае** и вынуждена была согласиться на лоббируемые Вашингтоном принципы «открытых дверей» и «равенство возможностей» без ощутимых компенсаций.

Отдельным договором с пекинским правительством Япония согласилась пересмотреть часть из «21 требования», вывести войска и вернуть Китаю контроль над Циндао и Шаньдунской провинцией взамен на сохранение ряда экономических привилегий, что позволило снизить накал антияпонских выступлений в Китае. Эти шаги также должны были символизировать новый внешнеполитический курс Японии, демонстрировавшей **готовность к мирному сотрудничеству на международной арене**. Однако в Токио рассматривали северо-восток Китая, прежде всего Южную Маньчжурию, в качестве зоны своих специальных интересов, отказываться от которых Япония не собиралась.

Результаты Вашингтонской конференции были восприняты в Японии весьма прохладно не только военными, но и общественностью. Тем не менее основные политические группировки приняли новые правила игры. Структура международных отношений, сложившаяся после конференции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, получила название «вашингтонской системы». Она стала частью **«версальско-вашингтонской системы»**, закрепившей итоги Первой мировой войны в глобальном масштабе.

Признание СССР и тенденции развития советско-японских отношений

После неудачи с интервенцией и образования СССР в Японии развернулись дискуссии по вопросу дальнейшей политики в отношении Советского государства. В армейских кругах сохранялась враждебность, большая часть истеблишмента крайне настороженно относилась к коммунистической пропаганде. Основная фракция МИДа была настроена скептически к вопросу признания СССР.

Вместе с тем в политическом руководстве страны выделились группы, выступавшие за соглашение с Москвой и за сотрудничество с ней. Это во многом объяснялось **симметричным положением Советского Союза и Японии на северо-востоке Китая**. В 1920-х годах на обе страны приходилось 95% иностранных инвестиций в Маньчжурии, основой которых были КВЖД и ЮМЖД. Японские деловые круги также поддерживали установление дипотношений с СССР, видя в нем рынок сбыта и источник сырья.

Часть элиты, недовольная «вашингтонской системой», придавала большое значение взаимодействию со страной Советов для **противодействия «англосаксонскому» блоку** и создания новой структуры международных отношений на Дальнем Востоке. Ярким выразителем подобных настроений был Гото Симпэй, много сделавший для развития советско-японских отношений. Курс на сближение с СССР поддерживало командование ВМС, рассматривавшее Москву в качестве важного партнера в условиях соперничества с США, а также проявлявшее заинтересованность в поставках сахалинской нефти. Так, адмирал Като Томосабуро, будучи премьер-министром, поддержал Гото в деле приглашения в Японию для неофициальных переговоров советского представителя А. А. Иоффе в 1923 г., несмотря на оппозицию МИДа.

20 января 1925 г. в Пекине была подписана **Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией**. Токио удалось настоять на признании юридической силы Портсмутского договора, хотя Москва отказалась разделить «политическую ответственность» за него. Вместе с конвенцией были подписаны протоколы, определявшие порядок предоставления Японии угольных и нефтяных концессий. Последние были переданы компании, тесно связанной с командованием флота.

Сразу после восстановления взаимоотношений двусторонние контакты развивались динамично. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин писал: «Ни одно государство после признания нашего правительства не было настолько дружелюбно... к нам, как японское». Это было свя-

зано с надеждами Японии договориться с СССР по широкому спектру вопросов экономического и политического характера. В частности, в Токио рассматривали Москву в качестве возможного партнера в противодействии китайскому национализму, хотя и с тревогой следили за ее помощью революционному движению.

Мысль о соглашении с Японией для защиты интересов в Маньчжурии поддерживала группа советских представителей на Дальнем Востоке. Первый полпред в Токио В. Л. Копп даже предлагал обратиться к опыту российско-японских конвенций дореволюционного периода, однако эта идея не нашла поддержки в Политбюро. Попытка одного из китайских лидеров, Фэн Юйсяна, свергнуть с советской помощью диктатора Маньчжурии Чжан Цзолиня в 1925 г. привела к вмешательству японских военных, оказавших помощь «старому маршалу». Япония ни при каких обстоятельствах не могла допустить советизации Маньчжурии. Войска Фэна были разбиты, сам он бежал в Москву. Советско-японские отношения оказались подпорченными.

Тем не менее часть японской элиты продолжала **рассматривать СССР в качестве противовеса западным державам**, в частности Великобритании, в Китае. Руководство МИД Японии во второй половине 1920-х годов выступало за сотрудничество с Москвой в целях обеспечения японских интересов в Китае. Стороны проводили консультации о «разграничении» деятельности в Маньчжурии, а также о возможной конвенции по политическим вопросам. В частности, об этом речь шла на переговорах советских представителей в Токио, а также на встрече И. В. Сталина с Гото Симпэй в Москве в начале 1928 г. Однако из-за различия позиций достигнуть соглашения не удалось.

Япония проявляла высокую степень заинтересованности в разрешении экономических вопросов — заключении торгового договора и в особенности **рыболовной конвенции**. После длительных переговоров конвенция была подписана 23 января 1928 г. сроком на восемь лет. Большую роль на последнем этапе консультаций сыграл Гото, убедивший премьер-министра Танака Гиити (1864–1929) пойти на некоторые уступки. Тем не менее отношения в сфере рыболовства оставались непростыми, и конвенция была одним из главных раздражителей для Москвы в последующие годы.

Стремясь к заключению **пакта о ненападении**, Москва неоднократно ставила перед своими японскими визави этот вопрос. Однако Токио неизменно отказывался вступать в переговоры по этому поводу, настаивая на необходимости предварительного заключения торгового дого-

вора либо указывая на неактуальность вопроса в связи с подписанием Антивоенного пакта 1928 г. Это усиливало подозрительность советского руководства в отношении Японии.

Конец 1920-х годов характеризовался нарастанием негативных тенденций в политической сфере. Рост конкуренции в Китае усиливал взаимное недоверие. В Москве с тревогой смотрели на активизацию японской экспансии, а в Токио с озабоченностью следили за операцией советских войск в Маньчжурии во время конфликта на КВЖД в 1929 г. Опасения японского руководства вызывала коммунистическая пропаганда в Азии, в частности деятельность Коминтерна в Японии. К началу 1930-х годов двусторонние отношения вступали в нестабильную фазу.

Китайский вопрос

В первой половине 1920-х годов Китай завяз в междоусобных конфликтах. Обострение борьбы между военно-политическими группировками и **нарастание хаоса в Китае угрожало японским экономическим интересам**, а опасность усиления советского влияния серьезно нервировала элиту.

В японской политике в Китае сталкивались интересы различных фракций. Финансово-политические группировки, связанные с *дзайбацу*, были заинтересованы в эксплуатации китайского рынка и стояли за рациональную защиту национальных интересов в сотрудничестве с державами, в том числе с СССР, без масштабной вооруженной интервенции и вмешательства в гражданскую войну. Этот курс получил название «**негативной политики**» и ассоциировался с Сидэхара Кидзюро, возглавлявшим японский МИД в 1924–1927 и 1929–1931 гг. Он старался избегать обращения к военной силе, стремясь минимизировать влияние армейских кругов на внешнюю политику страны.

После прихода к власти в апреле 1927 г. правительства главы Сэйюкай Танака Гиити на первый план выступила новая линия так называемой **позитивной политики**, предусматривавшая укрепление японского влияния в Китае как экономическими, так и военными средствами. Новый премьер взял на себя руководство МИДом и приступил к осуществлению своей внешнеполитической программы.

После начавшего Чан Кайши в 1926 г. «северного похода» для объединения страны и последовавшего затем разрыва с коммунистами в японском истеблишменте стали рассматривать вариант признания лидера Гоминьдана в качестве всекитайского лидера. Однако его посланцам сразу дали понять, что в Токио считали Маньчжурию и Внутреннюю Монголию отдельным регионом, где империя имела особые

интересы. Эта позиция была повторно озвучена при личной встрече Танака с Чан Кайши в ноябре 1927 г.

Из-за обострения обстановки в Китае по мере продвижения отрядов Гоминьдана на север Япония в 1927—1928 гг. трижды отправляла войска в Шаньдун под предлогом защиты прав японского населения. Это вызвало новый всплеск антияпонских настроений в Китае. Последняя интервенция в мае 1928 г. была спровоцирована убийствами японских граждан при взятии Цзинаня гоминьдановскими войсками, что привело к столкновениям с экспедиционным корпусом. Чан Кайши был вынужден уступить, выведя свои отряды и направив их на север для завершения объединительного похода.

Японское правительство предложило занимавшему Пекин Чжан Цзолиню отвести войска за Великую Китайскую стену, но «старый маршал» решил оформить окончательный «развод» с Токио, обратившись к лидеру Гоминьдана с призывом объединить силы против Японии. Однако расчет оказался неточным — Чан Кайши, не будучи готовым к новым столкновениям с японцами, отказался. Судьба диктатора Маньчжурии была предreshена. 4 июня 1928 г. поезд бежавшего из Пекина Чжан Цзолиня был взорван офицерами Квантунской армии, сам он погиб. Его сын и преемник Чжан Сюэлян в декабре того же года присягнул на верность нанкинскому правительству Чан Кайши, которое было признано Лигой Наций в качестве национального. Объединение Китая формально завершилось.

Убийство Чжан Цзолиня спровоцировало внутривнутриполитический кризис в Японии. Император был возмущен самоуправством военных, попытки премьера погасить скандал привели к новой волне критики со стороны оппозиции и ослаблению кабинета.

В марте 1929 г. Япония была вынуждена вывести свои войска из Шаньдуна. Попытки наладить контакт с Чжан Сюэляном оказались неудачными. «Позитивная политика» и обращение к методам военного воздействия привели к усилению антияпонского крена Китая. К началу 1930-х годов **Япония превращалась в главного противника для основных внутривнутриполитических группировок в Китае** независимо от их идеологической окраски.

Отношения с США и Великобританией

Мировая война привела к ослаблению позиций Великобритании, в том числе на Дальнем Востоке, а также к глобальному усилению США, ставших играть лидирующую роль в оформлении нового мирового порядка. Обе страны рассматривали Японию в качестве **главного**

военно-политического и экономического соперника в регионе, особенно в Китае. В 1919 г. основная часть американского флота была переведена из Атлантического на Тихий океан, а британское правительство приняло решение о строительстве мощной военно-морской базы в Сингапуре.

Хотя между Великобританией и Соединенными Штатами существовали разногласия, в частности относительно политики в Китае, однако интересы обеих держав в сдерживании Токио во многом совпадали. Для японских властей положение осложнялось позицией некоторых стран — членов Британского содружества, настроенных более критично к Японии, чем метрополия. Конец англо-японского союза отчасти стал отражением этих противоречий.

Вместе с тем ни одна из стран не была готова к вооруженной конфронтации. Япония также находилась в **зависимости от американского рынка** и не могла игнорировать статус Великобритании в Китае. Это подталкивало ее к проведению осторожной политики на международной арене и обуславливало стремление договориться с ведущими державами. Так называемая дипломатия сотрудничества связывалась с именем Сидэхара Кидзюро.

Важной составляющей японо-американских прений продолжал оставаться **вопрос о миграции**. 16 апреля 1924 г. Конгрессом был принят новый Иммиграционный закон, фактически закрывший японцам въезд в США (квота была уменьшена до 186 человек в год). Это решение вызвало бурю негодования в японском обществе. Посол в Вашингтоне Ханихара Масанао (1876—1934) выступил с резким заявлением, высказав сомнения в «добропорядочности» и «честности» американской стороны, допустившей «нарушение принципа справедливой законности в международных отношениях» и дискриминацию по расовому признаку. Дипломат откровенно подчеркивал, что для империи «это является вопросом не выгоды, а принципа», и самым важным было, «уважают ли Японию как нацию, считаются или не считаются с ней».

Националисты организовали кампании протеста и бойкота американских товаров. События вокруг принятия Иммиграционного закона добавили неприятный осадок в японо-американские отношения, однако причиной для нового витка напряженности не стали. Хотя многие в Японии разделяли взгляды Ханихара, посол был отозван. Политическое руководство старательно уходило от конфронтации, действуя в русле «вашингтонской системы» сохранения статус-кво в отношениях с державами.

Япония стремилась избежать обострения отношений с США, будучи заинтересованной в **привлечении американских капиталов** для продолжения индустриализации страны и дальнейшей экономической экспансии на континенте. В условиях нарастания антагонизма с Великобританией в Китае во второй половине 1920-х годов в Токио также опасались окончательного оформления «англосаксонского блока» антияпонской направленности.

Летом 1927 г. в Женеве проходили японо-американо-британские консультации относительно новых ограничений на морские вооружения. Однако переговоры не увенчались успехом по причине разногласий США и Великобритании.

В августе 1928 г. японское правительство, несмотря на сопротивление военных кругов, присоединилось к **пакту Бриана–Келлога** (Антивоенный пакт), который предусматривал отказ от применения военной силы для разрешения спорных вопросов в международных отношениях. Это было отчасти призвано снизить градус критики в связи с жесткой линией в Китае. Премьер Танака добился ратификации Антивоенного пакта, преодолев оппозицию в парламенте и со стороны Тайного совета, однако формулировка преамбулы документа стала поводом для атаки на кабинет. Пакт подписывался от имени народов своих стран, но в связи с тем, что внешняя политика в Японии считалась прерогативой императора, получалось, что, подписав документ, Танака формально превысил полномочия. Это было немедленно использовано его политическими противниками. Позиции Танака были серьезно подорваны скандалом вокруг убийства Чжан Цзолиня, император был им недоволен, поэтому политическая карьера отставного генерала подошла к концу. В июле 1929 г. он был вынужден подать в отставку и через несколько месяцев умер.

С именем Танака традиционно ассоциируется одноименный «меморандум», представлявший собой якобы утвержденную программу расширения японской экспансии на континенте. Несмотря на совпадение некоторых дальнейших внешнеполитических шагов Японии с описанными в «меморандуме Танака», в настоящее время его фальсифицированный характер считается доказанным историческим фактом.

В начале 1930 г. в Лондоне открылась очередная конференция по ограничению морских вооружений. Кабинет Хамагути и вновь возглавивший в 1929 г. МИД Сидэхара были настроены на достижение соглашения, стремясь избежать излишних военных расходов в условиях финансового кризиса. Командование ВМС рассчитывало на увеличение

пропорции японского флота по отношению к американскому до 70%, а также паритет по тоннажу подводных лодок (до 78 тыс. тонн).

Подписанный 22 апреля 1930 г. договор увеличил японскую квоту практически до требуемых пределов в рамках суммарного тоннажа. Однако пропорция для тяжелых крейсеров была оставлена в рамках 60%, общий тоннаж подводного флота был также снижен и составил 52,7 тыс. тонн, хотя в этой области Япония получила паритет с США и Великобританией. Морской генеральный штаб выступил против параметров соглашения, спровоцировав внутривластный кризис, но в конце концов правительству удалось убедить Тайный совет в необходимости ратификации Лондонского договора, что было сделано 2 октября. Чтобы добиться согласия морского министерства, кабинет согласился принять программу модернизации флота стоимостью почти 400 млн иен, что шло вразрез с курсом на общее сокращение военных расходов, характерным для 1920-х годов. Но даже это не смогло в полной мере снять недовольство части руководства ВМС.

Конференция 1930 г. стала для Японии последним мероприятием по согласованию ограничений на вооружения на международной арене. **Усиление влияния военных кругов на внешнюю политику империи** снимало с повестки вопросы разоружения. Эпоха «дипломатии сотрудничества» подходила к концу.

* * *

Результаты Первой мировой войны сформировали новую конфигурацию на международной арене. Итоги мирных конференций 1919–1922 гг. в целом отражали возросшую роль Японии на мировом политическом олимпе, хотя сложившаяся версальско-вашигтонская система международных отношений вызвала некоторое разочарование в японском обществе, политикуме и военных кругах. Правящая элита тем не менее осознавала необходимость налаживания взаимодействия с основными глобальными игроками, в особенности с США, превратившимися в ведущую экономическую державу мира и ставшими главным торговым партнером Японии. Не последнюю роль в проведении политики сотрудничества на международной арене играло стремление снизить нагрузку на бюджет, сократив военные расходы.

Развитие национально-освободительного движения и обострение внутренней борьбы в Китае существенно затрудняли маневры японской дипломатии в этой стране и на мировой арене. Китай являлся ос-

новным объектом внешнеполитических усилий империи. Его рынок имел большое значение для японской промышленности и концернов, а Маньчжурия (со временем и Внутренняя Монголия) рассматривалась в качестве важнейшей стратегической базы на континенте, которая должна была находиться под контролем Японии. Сочетание этих двух факторов обуславливало **двойственность японской внешней политики** 1920-х годов.

Часть правящей элиты была заинтересована в продолжении ограниченной экспансии преимущественно мирными средствами, что нашло отражение в «негативной политике» главы МИДа Сидэхара, который придерживался осторожной линии на международной арене. Военные круги и часть крупного капитала выступали за активизацию «континентальной политики» и расширение зоны японского влияния с использованием широкого арсенала средств, в том числе военных. Получивший название «позитивной политики», этот курс вел к нарастанию противоречий с державами и способствовал усилению анти-японских настроений в Китае.

Вместе с тем не следует преувеличивать глубину расхождений между выразителями этих двух концепций. Внешнеполитические подходы Сидэхара и Танака имели существенные отличия, однако оба деятеля являлись в итоге сторонниками **наращивания японской экспансии в Китае**. Дискуссия велась о методах достижения и масштабах расширения влияния.

Рост правого радикализма способствовал усилению воздействия военных на внешнюю политику Японии в конце 1920 — начале 1930-х годов. Неспособность гражданского правительства поставить под контроль армию и флот и эффективно противостоять их попыткам влиять на стратегию государства на рубеже десятилетий стала прологом фатальных изменений внутривнутриполитического ландшафта и положения страны на мировой арене на следующем историческом этапе.

1.5. «Демократия Тайсё»: «партийные» и «надпартийные» кабинеты (1918–1932)

Политизация общества, в первую очередь городского населения, рост индивидуализма и распространение идей конституционализма актуализировали лозунги либерализации политического процесса. Этому в известной степени способствовала международная обстановка, в том числе революционные события в России и надежды на установление нового справедливого порядка после мировой войны.

После ухода в отставку правительства Тэраути, взявшего ответственность за «рисовые бунты», высшее руководство страны решилось на неординарный шаг. 29 сентября 1918 г. кабинет впервые возглавил лидер партии, занимавшей большинство мест в нижней палате парламента. Им стал Хара Такаси из Сэйюкай. Появление на политической сцене партийных кабинетов, пробывших у власти с перерывами до начала 1930-х годов, считается одной из главных черт **«демократии Тайсё»**. Этот период характеризуется ростом либеральных и демократических тенденций в общественно-политической и культурной жизни страны.

Правительство Хара Такаси и «надпартийные» кабинеты

Правительство Хара Такаси называют первым «настоящим» партийным кабинетом, однако здесь нужны определенные оговорки. **Влияние палаты представителей на государственную политику было ограниченным**, принцип формирования кабинета лидером партии, обладавшей крупнейшей фракцией в парламенте, не был зафиксирован в законодательстве. Ведущую роль в определении фигуры главы правительства по-прежнему играли *гэнро*, которые остановили свой выбор на Хара. И если Сайондзи, ранее возглавлявший Сэйюкай, приветствовал рождение партийного кабинета, то для Ямагата он был, прежде всего, умелым и договороспособным бюрократом, имевшим опыт руководства министерством. Обращает на себя внимание и тот факт, что ключевые ведомства — внешнеполитическое, военное, морское — возглавляли непартийные фигуры.

Тем не менее образование правительства Хара стало важным событием в японской политической жизни, символизируя наступление новой эпохи. Глава кабинета, как и большинство министров, не принадлежал к клановой олигархии и не носил титулов. Хара всерьез позиционировал себя в качестве политика, близкого к народу.

Первому партийному премьеру досталось непростое политическое наследство, однако он активно включился в работу, выступив с широкой программой преобразований. Было увеличено финансирование системы образования, открыты новые учебные учреждения. Особое внимание уделялось урегулированию трудовых споров. Были разрешены деятельность профсоюзов и даже мирные забастовки, ослаблен контроль над печатью. Снижение имущественного ценза с 10 до 3 иен годового дохода позволило увеличить число избирателей в два раза до 3 млн человек.

Хара умело находил язык и вступал в компромиссы с представителями консервативных кругов и антипартийных сил, в частности с Яма-

гата Аритомо. Проникновение Сэйюкай в ряды правящей бюрократии усиливало консервативные настроения в партии. Хара отказался поддержать законопроект о введении всеобщего избирательного права для мужчин, что могло размыть электорат Сэйюкай. Это требование скорее отвечало интересам оппозиционных партий Кэнсэйкай и Кокуминто, лидеры которых Като Такааки и Инукаи Цуёси считали его одним из ключевых. Однако роспуск парламента и парламентские выборы 1920 г. принесли убедительную победу Сэйюкай.

Репутация либерала не помешала Хара продолжить интервенцию в Россию и жестоко подавить вспыхнувшее в 1919 г. в Корее крупнейшее восстание. Для снижения напряженности на территории генерал-губернаторства было затем введено гражданское правление.

Премьер был мишенью ожесточенной критики со стороны разных политических лагерей. Оппозиционные партии не могли простить ему отказ в поддержке закона о «всеобщем» избирательном праве, националисты осуждали за политику сотрудничества на международной арене и уступки на Вашингтонской конференции, левые и правые радикалы клеймили кабинет за связи с *дзайбацу*. Нагнетание напряженности окончилось трагически: 4 ноября 1921 г. Хара был убит на Токийском вокзале.

Преемником Хара стал его соратник Такахаси Корэкиё, занимавший ранее пост главы финансового ведомства. Большинство министров также вошло в состав нового кабинета. Будучи безусловным профессионалом в своей сфере, Такахаси, однако, не смог стать достойной заменой харизматичному Хара. Его правительство продержалось чуть более полугода, после чего пришел черед «надпартийных» кабинетов.

Летом 1922 г. пост премьера занял Като Томосабуро. Адмирал поддерживал курс Хара на налаживание мирного взаимодействия с державами. В 1919 г. он смог убедить флотское командование согласиться на то, чтобы Хара замещал его на время Вашингтонской конференции. Впервые и.о. главы морского ведомства стало гражданское лицо. За время премьерства Като удалось провести сокращение ВМС в соответствии с решениями Вашингтонской конференции и завершить интервенцию в России. Численность армии тоже уменьшалась, летом 1922 г. в запас было уволено почти 60 тыс. человек. Сокращения в армии на протяжении 1920-х годов проводились неоднократно и служили причиной для недовольства молодого офицерства и критики со стороны правых групп, хотя часть освободившихся средств стабильно направлялась на модернизацию вооруженных сил.

Вскоре после смерти Като 1 сентября 1923 г. в Японии случилось **Великое землетрясение Канто**, крупнейшее стихийное бедствие, произошедшее в стране в XX в. Оно вызвало колоссальные разрушения в районе агломерации Токио—Иокогама и унесло жизни, по разным оценкам, от 100 до 150 тыс. человек, многие из которых погибли в пожарах. В ходе возникшей паники гнев толпы обращался против корейцев, которых на основании слухов вместе с социалистами обвиняли в поджогах, отравлении воды и прочих грехах. В погромах погибли несколько тысяч корейцев и сотни китайцев. Пользуясь атмосферой беспорядков, полиция нанесла удар по левым активистам. Многие из них были арестованы, некоторые убиты. Созданный сразу после землетрясения кабинет Ямамото Гоннохёэ занял жесткую позицию по отношению к социалистическому движению, однако был вынужден уйти в отставку после покушения анархиста на принца-регента в декабре 1923 г. (*Тораномон дзикэн*). Очередное «надпартийное» правительство председателя Тайного совета Киёура Кэйго (1850—1942) было укомплектовано в основном членами верхней палаты пэров. Оно не имело широкой поддержки ни в нижней палате, ни в общественных кругах и объединило против себя крупнейшие политические партии. Активизировались лозунги о конституционализме и возвращении к практике партийных кабинетов. Политическая система страны находилась накануне новых перемен.

«Партийные» кабинеты. Либеральные и консервативные тенденции политической жизни

В начале 1924 г. в стране развернулось второе Движение в защиту конституционного правления (*дайни гокэн ундо*:). Ведущую роль в нем играли Инукаи Цуёси, ставший лидером Какусин-курабу («Клуб реформ»), и Като Такааки, партия которого Кэнсэйкай последовательно отстаивала идеи сменяемости правительств по результатам парламентских выборов.

В результате майских выборов в нижнюю палату парламента победу одержала Кэнсэйкай, завоевавшая почти треть мандатов. По рекомендации последнего из *гэнро* Сайондзи новое правительство было поручено сформировать Като Такааки, который пригласил в его состав лидеров Сэйюкай и Какусин-курабу. Япония впервые получила **коалиционный кабинет, сформированный по результатам выборов**.

Принятие нового избирательного законодательства стало одним из ожидаемых шагов правительства Като. Имущественный ценз был отменен, хотя избирательных прав были по-прежнему лишены женщины, жители колоний, военнослужащие, студенты и ряд других катего-

рий населения. Поправки, которые удалось провести консервативным кругам, в первую очередь годовой ценз оседлости, позволили оставить за рамками избирательного процесса широкие массы социально неблагополучных слоев.

Тем не менее принятие в марте 1925 г. обеими палатами парламента нового **Закона о выборах депутатов палаты представителей** стало прогрессивным шагом. Число избирателей увеличилось почти в четыре раза. Теперь правом голоса обладали 12,4 млн человек, или 20% населения страны. Политическая значимость палаты представителей усилилась, чему также способствовала реформа палаты пэров. Либерализация законодательства была одобрительно воспринята обществом.

Введение в действие избирательного закона было отсрочено до 1928 г. Другой акт — **Закон об охране общественного порядка** (*тиан иди хо:*), подготовленный и принятый почти одновременно с предыдущим, — вступил в силу сразу, в апреле 1925 г. Это стало своеобразным ответом консервативных кругов на необходимость идти навстречу либеральным тенденциям в обществе. Главной мишенью нового закона стало левое движение, особенно его радикальные элементы. Было предусмотрено наказание до 10 лет каторги за призывы к изменению государственного строя, уничтожению частной собственности и за участие в соответствующих акциях и организациях. При желании «под статью» можно было подвести даже за неосторожные высказывания, в связи с чем этот законодательный акт прозвали «законом об опасных мыслях». Попутно были ужесточены положения о регистрации печатных изданий. Власть проводила по отношению к населению **политику кнута и пряника**.

Усиление требований внутри Сэйюкай о проведении более активной внешней экспансии предопределило смену руководства партии. У руля Сэйюкай встал Танака Гиити. Выходец из клана Тёсю и выдвиженец Ямагата Аритомо, Танака ранее разделял его антипартийный настрой, однако со временем стал воспринимать партии в качестве эффективного инструмента утверждения политического влияния.

После прихода в Сэйюкай Танака в нее вошел Инукаи Цуёси со своей партией. Вместе они отказались войти в кабинет Като и выступили против законопроекта о налоговой реформе министра финансов Хамагути. Распад коалиционного правительства и уход Сэйюкай в оппозицию вынудили главу Кэнсэйкай подать в отставку, однако ему было поручено сформировать новый кабинет, который повторял бы контуры прежнего. После смерти Като пост премьера и лидера партии унаследовал Вакацуки Рэйдзиро.

В декабре 1926 г. умер император Тайсё. На престол взошел его сын Хирохито, взявший девиз Сёва («Свет и гармония»). Правление императора Сёва оказалось самым долгим в истории Японии (1926–1989).

После начала финансового кризиса весной 1927 г. и разногласий с Тайным советом кабинет Вакацуки был вынужден уйти в отставку. Новое правительство возглавил Танака Гиити, собравший вокруг себя видных представителей бюрократии и деловых кругов. На пост министра финансов был вновь призван Такахаси Корэкиё, обладавший большим авторитетом в финансовой сфере. Принятые им меры способствовали ликвидации острой фазы финансового кризиса. Оживление экономики и активная позиция на международной арене способствовали росту популярности Танака в обществе и политической элите.

В результате объединения оппозиции в июне 1927 г. была образована новая партия Минсэйто во главе с Хамагути Осати (1870–1931), выходцем из финансовой бюрократии. В палате представителей сформировалось две большие фракции с сохранением большинства за объединившейся оппозицией. Это привело к роспуску парламента премьер-министром.

Выборы в парламент 20 февраля 1928 г. проходили по новому избирательному законодательству. Правительство мобилизовало административный ресурс, предварительно сменив ряд губернаторов и начальников полицейских управлений на местах. В результате Сэйюкай увеличила представительство в парламенте до 217 мест, но у Минсэйто было лишь на одного депутата меньше.

По итогам выборов 1928 г. так называемые пролетарские партии (*мусан сэйто*;) получили восемь мандатов, собрав в совокупности около полумиллиона голосов. Социал-демократы были разобщены и не представляли угрозы для власти, однако правительство пошло в решительное наступление на левых. 15 марта 1928 г. по всей стране прошли массовые аресты членов КПЯ и сочувствовавших им, в том числе из легальных организаций. За решеткой оказалось более полутора тысяч человек. Немногочисленное коммунистическое движение в стране было разгромлено. В июне императорским указом максимальной мерой наказания за нарушение закона об «опасных мыслях» стала смертная казнь.

После отставки Танака в июле 1929 г. Сайондзи порекомендовал на пост премьера лидера Минсэйто Хамагути. Глава правительства и министр финансов Иноуэ Дзюнносукэ (1869–1932) сделали ставку на экономию государственных средств, в том числе снижение расхо-

дов на вооружения. Это вызвало неудовольствие части военных кругов и спровоцировало крупный внутривластный скандал.

На Лондонской конференции 1930 г. японской делегации удалось достичь согласия с державами относительно морских вооружений. Однако положения договора не были заранее направлены на согласование с Морским генеральным штабом и вызвали возражения со стороны оперативного руководства японского флота. Начштаба Като Хирохару (Кандзи) (1870—1939) выступил с демаршем, фактически обвинив правительство в нарушении верховных прав императора — согласно конституции определение организации и численности регулярного состава вооруженных сил относилось к прерогативе верховного главнокомандующего.

Эту риторику немедленно подхватили не только правые радикалы, но и лидеры оппозиции. **Дискуссия относительно «прав верховного командования»** (*то:суйкэн*) носила жаркий характер. Новый глава Сэйюкай Инукай Цуёси с соратниками обрушился на Сидэхара и Хамагути, обвиняя их в покушении на права императора как верховного главнокомандующего. Это способствовало ослаблению позиций кабинета и сторонников компромиссной линии во внешней политике. Нагнетание напряженности спровоцировало покушение на премьер-министра. 14 ноября 1930 г. Хамагути был тяжело ранен националистом на Токийском вокзале. В апреле 1931 г. кабинет официально подал в отставку, правительство вновь возглавил Вакацуки, продолживший политику предшественника. Однако добиться установления контроля над армией не удавалось. В сентябре начался «Маньчжурский инцидент». В декабре 1931 г. правительство ушло в отставку в силу внутренних противоречий.

Пришедший ему на смену кабинет Инукай тоже являлся партийным. Активные меры правительства по борьбе с кризисом на фоне победных реляций из Китая позволили Сэйюкай добиться внушительного успеха на выборах 20 февраля 1932 г. Этому также способствовал раскол в оппозиционной Минсэйто.

Однако политический климат в стране существенно поменялся. Экономические трудности прошлых лет привели к росту экстремистских настроений среди выходцев из деревни и военных. По стране прокатилась волна террора, организованного правыми радикалами. 15 мая 1932 г. премьер-министр был убит в своей резиденции в результате попытки путча, организованного ультра националистами (*го итиго дзикэн*). Убийство Инукай положило **конец практике «партийных» кабинетов**. Страна вступала в новую политическую эпоху.

Вовлечение в политическую жизнь широких масс и распространение в обществе идей конституционализма обусловили определенную либерализацию политического процесса в 1920-х годах. Наиболее серьезными изменениями стало расширение избирательных прав мужчин, повышение роли политических партий и появление «партийных» кабинетов. Вместе с тем, несмотря на использование демократических механизмов, система принятия ключевых решений по-прежнему носила олигархический характер. Основные контуры государственной политики определялись в ходе закулисной борьбы между влиятельными группировками правящей элиты.

«Партийные» кабинеты, одно из главных достижений «демократии Тайсё» и ее политический стержень, органично вросли в эту систему, не меняя ее кардинально. Ведущие партии были так или иначе связаны с крупными концернами. Средний класс оставался немногочисленным, основная масса населения имела низкие доходы. Деятельность партийных политиков, имевших репутацию «скупленных» крупным капиталом, приводила к разочарованию в демократических процедурах широких масс населения и способствовала радикализации политического поля. Партии и «партийные» кабинеты стали объектом нападок крайне правых группировок, что нашло отражение в беспрецедентном уровне насилия. Покушения на премьер-министров и других видных деятелей становились обыденными.

«Либерализм» большинства японских политиков не имел прочной идеологической основы. Партийные лидеры использовали широкий арсенал средств политической борьбы и легко прибегали к антилиберальной риторике для достижения сиюминутных политических целей.

Мировой экономический кризис, рост националистических настроений, снижение авторитета политических партий и курс на расширение экспансии привели к падению интереса правящей элиты к демократическим идеям и институтам.

1.6. Общество в эпоху перемен (1905—1931)

После 1905 г. в японском обществе в целом сохранялся высокий уровень поддержки твердой линии во внешней политике. Японцы положительно оценивали дальнейшую экспансию на материк. Вместе с тем фискальная нагрузка на население не снижалась. Как отмечалось в японской историографии, вместо провозглашенного в первые годы Мэйдзи лозунга «богатая страна — сильная армия» (*«фукоку кё:хэй»*)

Япония скорее соответствовала формуле «бедная страна — сильная армия» («*хинкоку кё:хэй*»). Однако если понимать иероглиф «*коку*» («*куни*») в значении «государство», тогда положение становится более объяснимым. Государство действительно наращивало свой экономический и военный потенциал, хотя по-прежнему и отставало от первой когорты держав. Благосостояние же основной массы населения оставалось на низком уровне. Такая картина сохранялась в целом вплоть до конца Второй мировой войны.

Население

Присоединение Кореи и других территорий принесло империи миллионы новых подданных. Население самой метрополии продолжало расти высокими темпами, увеличившись в 1905–1931 гг. с 46,6 до почти 65 млн человек. Избыток людских ресурсов стимулировал миграцию за рубеж, что поддерживалось правительством. Японцы активно уезжали за океан — на Гавайские острова, далее в США и Канаду, однако введенные в середине 1920-х годов иммиграционные ограничения ослабили поток переселенцев в Северную Америку. В 1908 г. первые японские переселенцы достигли Бразилии, диаспора в Южной Америке росла стремительными темпами.

Миграционный поток из метрополии на территории под японским контролем также неизменно увеличивался. Японское население Кореи в 1930 г. превысило полмиллиона человек, но в общей структуре его доля так и осталась незначительной (2,5% в 1930 г.). На Тайване этот показатель был почти в два раза выше, на острове в том же году проживало более 230 тыс. японцев. Примерно такое же число выходцев из метрополии жило в Квантунской области, они составляли почти четверть населения. Существенно выросло число жителей Карафуто. Колонии являлись не только важнейшей ресурсной базой, но и внешним каналом для снижения демографического давления на метрополию.

Жители империи делились на тех, кто был родом из метрополии (*найти*, букв. «внутренняя земля») и управляемых внешних территорий (*гайти*, букв. «внешняя земля»). Коренное население колоний было частично ущемлено в гражданских правах, в частности не имело права голоса на выборах. Проблемы дискриминации существовали и внутри собственно японского общества. Речь идет о японских «париях», так называемых *буракумин*, численность которых составляла почти 3 млн человек. По закону они обладали всеми правами, но на практике японцы продолжали их сторониться, отказывались сдавать им в аренду жилье или землю и т.д. В 1923 г. МВД выпустило специальный документ, осу-

ждая дискриминацию в качестве препятствия для развития общества, однако мероприятия правительства в деле искоренения предрассудков среди населения особого успеха не имели.

В стране продолжались индустриализация и урбанизация, приток людей в мегаполисы возрастал. С 1920 по 1930 г. население многих городов, включая Осака и Нагоя, удвоилось. Строилась транспортная инфраструктура, в 1927 г. в Токио было запущено метро. Росли зарплата и стандарты жизни горожан. Активно развивались культура потребления, сфера торговли и услуг. Бурно рос рынок печатной продукции. Ежедневный тираж японских газет увеличился с 1910 по 1920 г. в два раза, достигнув 3,5 млн экземпляров. В 1930 г. этот показатель превысил 10 млн.

Разрыв между городом и деревней становился все более явным. Это относилось как к стилю жизни, так и к ее уровню. Доля занятых в сельском хозяйстве неуклонно снижалась, хотя к концу Первой мировой войны все еще занимала около половины от общего числа работавших. Доходы в деревне существенно не менялись. Дешевый рис из Кореи и Тайваня подрывал местное производство, цены на рис и коконы шелкопряда были нестабильны.

В 1922 г. 46% обрабатываемых земель в стране находилось в аренде, численность крестьян-собственников сокращалась. Большинство крестьян арендовали мелкие наделы и имели низкие доходы. Размер зарплат в промышленности превосходил оплату труда в сельском хозяйстве. Отток населения в города и развитие товарно-денежных отношений постепенно меняли привычную жизнь японской деревни. Традиционалисты сетовали, что урбанизация и развитие капитализма размывали истинные японские ценности, «семейный» характер хозяйственных отношений в деревне, которая являлась «колыбелью» японской цивилизации. В отличие от рабочих, общественный статус крестьян в глазах «почвенников», коими являлись большинство японцев, был выше торговцев. Это усугубляло болезненное восприятие проблем, связанных с деревней и ростом «власти капитала», ломавшего традиционный уклад.

Изначально основную массу фабричных рабочих составляли женщины. Широко был распространен детский труд. Постепенно развитие тяжелого производства стимулировало приток в рабочий класс мужских рук.

Положение рабочих было тяжелым, заработная плата — низкой. Недовольство условиями труда приводило к стихийным выступлениям

ям, принимавшим характер беспорядков. В 1906–1907 гг. по стране прокатилась серия забастовок работников горной промышленности, судостроения, транспорта, ряд волнений на медных рудниках был подавлен с использованием войск. Власти активно использовали репрессивный закон о поддержании общественного порядка от 1900 г., который предусматривал уголовное преследование за подстрекательство к забастовкам. В 1912–1914 гг. в городах произошли волнения работников транспорта и других отраслей. Требования бастующих носили преимущественно экономический характер, не принимая форму политического протеста.

Правительство попыталось принять некоторые законодательные меры для снижения социальной напряженности на производстве. Опубликованный в конце марта 1911 г. закон о фабриках запрещал наемный труд детей до 12 лет и вводил максимальную продолжительность рабочего дня 12 часов для тех, кто не достиг 16 лет. Вместе с тем предприятия с численностью работников до 15 человек были выведены из-под действия закона, а из-за противодействия собственников предприятий в силу он вступил только в 1916 г. Действия властей в этом направлении носили половинчатый характер.

Для разрешения конфликтных ситуаций некоторые крупные предприятия стали улучшать условия труда. Компания-«семья» гарантировала пожизненный наем, строила медпункты и детские сады, организовывала досуг работников. Однако таких примеров было немного, а большинство мелких и средних предприятий не могло себе позволить содержание «соцпакета». Условия труда значительной части работников в городе и деревне оставались тяжелыми. При этом классовая солидарность у рабочих в европейском понимании отсутствовала, что ограничивало возможности профсоюзного движения. Ситуация осложнялась тем, что в общественной иерархии японцев рабочие занимали низкое место. **Общество сочувственнее относилось к проблемам крестьян, чем рабочих.**

Особенности развития радикальных движений (1905–1918)

После Русско-японской войны власти попытались удержать **левое движение** в легальных рамках, позволив зарегистрировать в феврале 1906 г. Социалистическую партию Японии (СПЯ), однако это не удовлетворило часть социалистов.

Одним из их лидеров являлся **Котоку Сюсуй** (1871–1911). Он был сторонником радикальных методов, заявляя о бесперспективности деятельности в рамках парламента и настаивая на необходимости обра-

щения к стачкам и прочим «прямым» способам воздействия на власть. Вернувшись в Японию, Котоку добился исключения в феврале 1907 г. из программы СПЯ положений о борьбе «в рамках закона». Это привело к немедленному запрету партии, аресту ее руководства и расколу левого лагеря на радикалов во главе с Котоку и умеренное крыло, выступавшее за расширение избирательных прав и парламентские способы борьбы.

Непримиримость Котоку и его попытки замахнуться на систему государственного устройства предопределили решимость властей ликвидировать источник потенциальной опасности. В 1910 г. он был арестован в рамках дела о подготовке покушения на императора, признан идейным вдохновителем бунтовщиков и казнен в январе 1911 г. Вместе с Котоку была казнена его соратница и гражданская жена Канно Суга (1881–1911), а также другие лидеры социалистов. В 1912 г. за организацию забастовки токийских трамвайщиков был арестован Катаяма Сэн. Вскоре после выхода из тюрьмы он перешел на нелегальное положение и в 1914 г. эмигрировал в США. Социалистическое движение в стране было на долгое время разгромлено. Среди японских левых выдвинулся ряд ярких личностей, однако ощутимой поддержки в рабочей среде они не имели. Социалистические идеи в целом тоже не получили широкого распространения в народных массах. Вместе с тем в дальнейшем социализм стал занимать заметное место в дискуссиях японских интеллектуалов различного политического спектра.

В этот период новый импульс к развитию получил и **правый радикализм**. В стране продолжали действовать националистические организации, основанные ранее. Среди них особо следует выделить Гэнъёса (Общество черного океана) и Кокурюкай (Общество реки Амур). Стали появляться и новые имена.

В мае 1906 г. вышла в свет первая работа **Кита Икки** (1883–1937) «Теория *кокутай* и настоящий социализм». Вскоре публикация была запрещена за критику концепции *кокутай*. Подчеркивая важность «свободы индивидуума» и «пробуждения характера личности», Кита отвергал индивидуализм, связанный с буржуазной моралью и стремлением к выгоде, а также отстаивал идею примата государства. Именно государство в его представлении являлось главной ценностью, субъектом права, которому необходимо было подчинять свои интересы. Он подвергал сомнению абсолютный характер императорской власти, однако речь не шла о смене строя — император для него был, прежде всего, воплощением государства. Тем не менее автор «Теории» сразу же

попал в поле зрения полиции. Появление независимых центров мысли даже на «державном» фланге вызывало настороженность — идеология должна была оставаться прерогативой властей.

Многие японские националисты были сторонниками паназиатских идей и сочувствовали борьбе против европейского колониализма в Азии. Действовали общества поддержки китайского национального движения, в том числе Лиги китайской революции Сунь Ятсена. С началом Синьхайской революции в 1911 г. японские ультраправые проявили активное непосредственное участие в революционном движении в Китае.

В качестве представителя Кокурюкай отправился туда и Кита Икки. Результатом первой китайской командировки в 1911—1913 гг. стала написанная в 1915 г. «Неофициальная история китайской революции» (*Сина какумэй гайси*), в которой он подверг критике агрессивную «империалистическую» линию кабинета Окума Сигэнобу в отношении Китая, а также выступил за создание японо-китайского блока при лидирующей роли Японии и построение нового мирового порядка. Подобного рода идеи были затем развиты и опубликованы в работах Кита и его соратников в 1920—1930-х годах, а сам он со временем стал главным идеологом и культовой фигурой ультраправых группировок.

Общественное развитие после Первой мировой войны

Время после окончания мировой войны стало эпохой колоссальных перемен в японском обществе. Сложилась благоприятные предпосылки для некоторой либерализации политического пространства, что также соответствовало мировым тенденциям. Массовые народные движения периода Тайсё демонстрировали стремление населения более активно участвовать в политической жизни. Ожилились дискуссии относительно государственного устройства. Активизировались радикальные группы на разных флангах политического спектра.

Изменение общественного климата и влияние западной общественно-политической мысли способствовали повышению интереса образованной части населения к активному участию в политике.

Перемены затронули и вооруженные силы. В результате военных реформ 1920-х годов доступ к военному образованию получили представители широких слоев населения. Офицерский корпус стал ближе к солдатам и простому народу, поэтому социальные проблемы сильнее влияли на настроения в армии. Молодые офицеры также болезненно воспринимали политику масштабных сокращений вооруженных сил

и ограничений, наложенных международными соглашениями, считая, что это понижало престиж Японии в мире и социальный статус военных в стране. Новая военная элита стала благоприятной почвой для националистических и праворадикальных идей.

Либеральные тенденции общественной мысли. В период Тайсё к дискуссиям о принципах и механизмах государственного устройства подключались все более широкие слои образованной части населения — журналисты, публицисты, профессора университетов. Интеллектуалы стали говорить о необходимости более активного участия в политических процессах народных масс.

Особая роль в распространении подобных идей принадлежала **Ёсино Сакудзо**, профессору Токийского императорского университета. Как отмечается в японской историографии, «движение за демократизацию было сопряжено с теорией и верой в демократизм, которые ни мало, ни много вдохновлялись Ёсино Сакудзо, но костяком были интеллектуалы и молодежь, находившиеся под влиянием Ёсино» (перевод В. В. Совастеева).

Ёсино ввел в публичный оборот термин *мимпонсюги* («народоцентризм», иногда переводится как «демократизм»). Демократизация в его понимании подразумевала обязательное сохранение главенства императора. Ёсино, активный сторонник всеобщего избирательного права для мужчин, полагал, что повышение политической сознательности подданных будет способствовать повышению лояльности государству. Речь шла не о передаче власти народу, а скорее о его единении с существовавшим государственным механизмом и обеспечении дополнительной легитимности принимаемых решений через расширение участия населения в выборах. Тем не менее идеи Ёсино носили прогрессивный характер для своего времени и отвечали настроениям японского общества.

В конце 1918 г. было основано Рэймэйкай (Общество рассвета), ставшее одним из главных проводников принципов *мимпонсюги*. Помимо Ёсино, в него входили такие влиятельные интеллектуалы, как Нитобэ Инадзо (1862–1933), Ояма Икуо (1880–1955), Асо Хисаси (1891–1940) и др. Члены общества вели активную публицистическую деятельность. Были также созданы Синдзинкай (Общество нового человека) и другие организации, объединившие сторонников демократизации среди студентов. Ряд участников этих объединений впоследствии стали руководителями и идеологами пролетарских партий, а некоторые из них, в частности один из основателей КПЯ, Акамацу Кацумаро (1894–1955), оказались на правом фланге политического спектра.

Среди влиятельных интеллектуалов следует выделить Исибаси Тандзан (1884–1973), стоявшего во главе журнала «Тоё кэйдзай симпо» («Восточное экономическое обозрение»). Благодаря Исибаси издание приобрело репутацию одного из ведущих общественно-политических журналов либеральной направленности, к его голосу прислушивалась даже правящая элита.

Важное место в общественно-политических дискуссиях периода Тайсё занимала **«теория органа»** (*кикан сэцу*), сформулированная профессором Токийского императорского университета **Минобэ Тацукити** (1873–1948) еще в конце эпохи Мэйдзи (см. гл. 6 раздела IV). Согласно ей император являлся «высшим органом» японского государства — с верховными полномочиями, но ограниченными рамками закона. Данный тезис был крайне вызывающим для традиционалистов и правых охранителей, для которых монарх был «потомком богов». Тем не менее конституционная теория Минобэ признавалась влиятельными представителями правящей элиты. Так, ее поддерживал Итики Китокуро (1867–1944), министр двора в 1925–1933 гг.

Идея примата государства над фигурой императора не являлась новой, но в трактовке Минобэ получила широкий отклик в обществе. Рост популярности подобных концепций отчасти объяснялся физической слабостью императора Тайсё. «Теория органа» стала важной частью японского внутривластного дискурса 1920–1930-х годов. Минобэ Тацукити стал членом верхней палаты парламента и в дальнейшем выступал против роста влияния военных и крайне правых кругов.

Выступая за демократизацию в стране, японское общество одобряло внешнюю экспансию. Бывший редактор влиятельного журнала «Тайё» («Солнце») Укита Кадзутами (1860–1946) весьма точно описал это противоречие фразой **«конституционализм — дома, империализм — за рубежом»** (*«ути ни риккэнсюги, сото ни тэйкокусюги»*). Несмотря на критику экспансионизма со стороны ряда интеллектуалов, следует признать, что расширение демократических прав населения привело к усилению поддержки правительственного курса, в том числе агрессивных шагов во внешней политике.

Особенности развития левого движения. Промышленный бум военных лет, особенно в тяжелой индустрии, привел к значительному увеличению занятых на производстве. Экономический спад после войны обусловил активизацию борьбы рабочих за свои права, что проявлялось в расширении масштабов забастовок. В 1914 г. число забастовщиков составляло 8 тыс. человек, в 1919 г. оно выросло до 63 тыс. В июле

1921 г. для подавления волнений на верфях «Мицубиси» в Кавасаки были привлечены войска.

Подъем переживало профсоюзное движение. В 1920 г. была создана Объединенная лига профсоюзов. Основанное в 1912 г. Общество взаимопомощи рабочих Юайкай в 1921 г. было преобразовано в Японскую генеральную федерацию труда (сокр. *Содомэй*), объединившую затем более 60 профсоюзов и 30 тыс. членов. По сравнению с прошлыми годами влияние левых активистов в профсоюзных организациях несколько усилилось.

В середине 1920-х годов возникло несколько легальных левых партий. Крупнейшая Социалистическая народная партия во главе с Абэ Исо (1865–1949), созданная на базе *Содомэй*, насчитывала 88 тыс. членов. В Рабоче-крестьянской партии во главе с Ояма Икуо было 15 тыс. членов, в Японской рабоче-крестьянской партии во главе с Асо Хисаси — около 20 тыс. человек. **Электоральное поле левых партий было небольшим**, но амбиции лидеров и разногласия в подходах к политической борьбе так и не позволили им преодолеть раздробленность.

Ультралевые группы существовали в еще более узких рамках. Коммунистическая партия Японии (КПЯ), созданная в 1922 г. по решению Коминтерна, не имела широкой базы и целиком зависела от Москвы. Часть лидеров, в том числе Катаяма Сэн, проживавший с 1921 г. в СССР и принимавший участие в написании программы КПЯ, изначально была настроена на легальные методы борьбы, однако директива Коминтерна о необходимости бороться за свержение монархии и установление советской власти выводила партию за рамки закона. Разногласия внутри КПЯ и репрессии со стороны властей привели к ее самоликвидации в 1924 г. Вскоре после восстановления партии в декабре 1926 г. тезисы о ликвидации монархии были зафиксированы в партийной программе по настоянию Москвы. Несогласных исключили из партии. КПЯ продолжала оставаться вне рамок правового поля. Коммунисты пытались баллотироваться на выборах от других левых партий, организовывали различные громкие акции, однако перспективы превратиться в серьезную политическую силу были близки к нулю.

Несмотря на это, **власть воспринимала левый радикализм в качестве главного внутреннего врага**. Репрессии против активных членов левого движения носили перманентный характер. После относительного успеха так называемых пролетарских партий на выборах 1928 г. был взят курс на ликвидацию левой угрозы. Весной—летом того же года

тысячи коммунистов и сочувствующих оказались за решеткой, Рабоче-крестьянская партия была запрещена. В 1929 г. прошли массовые аресты по всей стране, число арестованных составило почти 5 тыс. человек. Количество доведенных до суда дел не превышало нескольких сотен, репрессии в основном носили характер запугивания, но в результате малочисленное коммунистическое подполье в стране в начале 1930-х годов было полностью парализовано.

В 1920-е годы социалистические идеи проникали в страну наряду с другими западными учениями и даже занимали важное место в дискуссиях интеллигенции, но серьезной политической и организационной базы не имели. Широкие народные массы по-прежнему были далеки от социализма и тем более коммунизма. Левые радикалы воспринимались большинством японцев в качестве чужеродных элементов, говорить о каком-то серьезном влиянии идей интернационализма и классовой солидарности не приходилось.

Правые радикалы и консерваторы. После мировой войны на правом фланге политического спектра также наблюдалось оживление. На сцену выходило новое поколение носителей националистических идей разной направленности. В стране возникают соответствующие кружки и объединения, в том числе среди военных. Наблюдалось сближение радикально настроенных правых и левых, державших дистанцию от интернационалистических идеалов, не прижившихся в Японии. В результате получает оформление феномен *кокка сякайсюги*, в котором В. Э. Молодяков выделяет две составляющие — национальный и государственный социализм.

Первой национально-социалистической организацией Японии стало Юдзонся (Общество остающихся), действовавшее в 1919—1923 гг. На его осколках затем возник ряд националистических обществ разной степени радикализма. Один из основателей Юдзонся, **Окава Сюмэй** (1886—1957), обладавший обширными связями среди военных, политиков и деловых кругов, сыграл важную роль в развитии и распространении панasiatских и праворадикальных идей в Японии, в том числе в армейской среде. Он создал ряд других кружков и организаций, активно занимаясь публичной деятельностью.

Идеологической программой Юдзонся стало новое сочинение Кита Икки «Генеральный план реконструкции Японии», впервые обнародованное автором в 1919 г. и затем опубликованное в 1923 г. Ставший своего рода манифестом государственного социализма, этот трактат впоследствии превратился в идеологический ориентир для многих

ультраправых, в том числе для армейской группировки Кодоха (Группа императорского пути).

«Генеральный план» предусматривал путч, движущей силой которого должен был стать народ. Главная цель путча — отстранение от управления государством финансовой, партийной и военной олигархии. Предполагалось введение военного положения, роспуск парламента и приостановление действия конституции, экспроприация крупной собственности и установление государственного контроля над экономикой, введение 8-часового рабочего дня, мелкого частного землевладения и т.д. Кита был убежден, что Япония под руководством императора должна объединить Азию и взять в свои руки инициативу в установлении «справедливого» мирового порядка. Эти идеи получили широкое распространение среди молодого офицерства.

Несмотря на запрет заниматься политикой, в праворадикальных организациях приняли активное участие многие военные. Особо отметим **Хасимото Кингоро** (1890—1957), который в 1927 г. вступил в тайный офицерский кружок Кинкикай (Общество императорского флага). Члены общества занимались подготовкой путча для искоренения влияния олигархов и «продажных» политиков и возвращения императору «всей полноты» власти. В 1930 г. Хасимото, ставший начальником русского отдела Генерального штаба, возглавил Сакуракай (Общество сакуры), преследовавшее аналогичные цели.

Тезисы о военном перевороте и ликвидации «коррумпированных политиканов» входили в программу многих тайных армейских организаций. Как и многие консерваторы, руководители кружков указывали на социальные проблемы японского общества, сетовали на распространение разномыслия, индивидуализма и прочих «вредных» идей, размывавших традиционные японские ценности. Особую ненависть армейских офицеров вызывала высшая элита, «шедшая на поводу» у заграницы в деле сокращения вооруженных сил. Кита, Окава, Хасимото и другие апеллировали к молодежи, призванной исправить бедственное положение страны с помощью радикальных методов.

Среди влиятельных националистических организаций следует выделить образованное в 1924 г. Кокухонся (Общество государственных основ) во главе с **Хиранума Киитиро** (1867—1952). Выходец из бюрократических кругов, занимавший ряд ответственных государственных постов, он являлся ярким критиком либерализма и «демократии Тайсё», симпатизируя праворадикальным идеям. В общество вошли многие видные представители государственной и военной элиты, оно обладало разветвленной организацией, а число членов в 1930-х годах достигло

200 тыс. человек. В дальнейшем Хиранума, обладая большим влиянием в Тайном совете, оставался одним из лидеров крайне правой части государственной бюрократии.

Японские праворадикальные группировки и общества в историографии иногда называются фашистскими. Действительно, многие идеи Кита Икки и Окава Сюмэй, положения программ Юдзонся, Гётиса, Сакуракай, Кодоха и других групп перекликались с идеологическими установками итальянских фашистов или НСДАП, а в государственном устройстве Италии, Германии и Японии конца 1930 — первой половины 1940-х годов было много общего. Тем не менее полностью ставить знак равенства между ними некорректно. Как отмечает И. В. Мазуров, фашизм в Японии существовал в качестве одного из течений правого движения, став внушительной силой в первой половине 1930-х годов, однако **не превратился в систему государственной власти из-за патерналистского характера японского общества, замкнутого на сакральную фигуру императора**. Радикальные тенденции в общественном сознании не привели к кардинальной смене элит, а способствовали перехвату националистических лозунгов правящими кругами.

Направив основные усилия на борьбу с социализмом и разгромив левых радикалов, власть до определенного времени сквозь пальцы смотрела на деятельность ультраправых. Это объясняется тем, что первые посягали на основы государства, поднимая лозунги о ликвидации монархии, а вторые неизменно подчеркивали главенствующую роль императора. Некоторые идеи правых радикалов в дальнейшем были взяты на вооружение японской правящей элитой и нашли отражение в государственной идеологии и конкретных политических шагах внутри страны и на международной арене.

Власть и общество. В рассматриваемый период в Японии продолжался процесс строительства национального государства и национальной культуры; айны и другие этносы окраин империи подвергались ассимиляции. Многочисленные диалекты на территории метрополии также рассматривались в качестве препятствия, мешавшего правильному восприятию сигналов и приказов власти.

Большое значение в этой связи придавалось системе школьного образования. В 1907 г. срок обязательного обучения был продлен до шести лет. К концу периода Мэйдзи в стране действовало более 25 тыс. школ, которые посещали 98% детей школьного возраста. Расходы на образование в 1905—1925 гг. увеличились более чем в четыре раза. Традиционно высокая по сравнению с другими странами грамотность населения существенно облегчала задачи государственной пропаганды.

Образовательная система страны была нацелена на воспитание морально устойчивых подданных, преданных государству и императору. Подчеркивалась **«семейная» связь монарха и народа**. Власть делала ставку на культивирование патерналистской модели общества, продвигая концепцию государства-семьи и активно апеллируя к традиционным конфуцианским ценностям в новой упаковке.

13 октября 1908 г. был выпущен императорский указ, в котором утверждалась необходимость укрепления нравственных устоев, соблюдения «бережливости» и скромности, воздержания от роскоши и прочих соблазнов в беспокойной обстановке социальных перемен. Подданные не должны были забывать о чувстве долга и морали, так необходимых для дальнейшего развития империи. Конфуцианские категории были мобилизованы в том числе, чтобы воспрепятствовать распространению анархистских и социалистических идей.

Для осуществления контроля над населением была создана **сеть многочисленных организаций**, охватывавших разные слои общества. В деревнях действовали молодежные союзы (*сэйнэнкай*), их деятельность совместно курировали министерства образования и внутренних дел. В 1910 г. по инициативе военных была создана Императорская ассоциация резервистов, объединившая ячейки по всей стране. В том же году были образованы Центральная ассоциация профсоюзов промышленности Японии и Императорское общество сельского хозяйства. Профсоюзы в значительной степени находились под контролем государства.

Развитие технических средств расширяло возможности власти влиять на общественные настроения. В 1925 г. в Токио, Осака и Нагоя началось радиовещание, в следующем году была образована государственная радиоккомпания *ННК*. В 1931 г. количество радиоточек превысило 1 млн шт., впоследствии была развернута кампания «радио — в каждый дом». Миллионы японцев по всей стране получали информацию по единому каналу от государства, что повышало эффективность контроля над обществом и способствовало преодолению разномыслия.

Тенденции культурного развития

Масштабные социально-экономические перемены затрагивали почти все сферы жизни японцев, меняя привычный уклад. Увеличивавшееся расслоение, рост индивидуализма, конфликт поколений, борьба традиционалистов и реформаторов, характерные для общества переходного периода, а также продолжавшаяся вестернизация стимулировали развитие культуры, литературы, публицистики и интеллектуальной мысли.

Японские писатели живо откликались на социальные проблемы, хотя для японской литературы было характерно разнообразие жанров. Среди ярких фигур конца периода Мэйдзи следует выделить Нацумэ Сосэки (1867–1916), обладавшего большим влиянием на умы японской интеллигенции. Продолжали свою деятельность Футабатэй Симэй (1864–1909) и Токутоми Рока (1868–1927). Заслуживает внимания творчество Мори Огай (1862–1922), Нагаи Кафу (1879–1959), Сига Наоя (1883–1971), Мусьякодзи Санэацу (1885–1976) и др. Нельзя не отметить колоссальное влияние русской литературы на становление многих японских писателей.

В 1920-е годы японская литература вышла на новые рубежи, выдвинув целую плеяду таких талантливых писателей, как Акутагава Рюноске (1892–1927), Кавабата Ясунари (1899–1972), Танидзаки Дзюнъитиро (1886–1965) и др. Отдельное место занимает феномен так называемой пролетарской литературы, отражавший усиление интереса к социальной тематике и влияние левых идей.

* * *

Несмотря на колоссальные перемены и ускоренную модернизацию, **японское общество сохраняло высокую степень иерархичности**. Урбанизация и индустриализация продолжались, но значительная часть японцев была выходцами из деревень. Апелляция власти к семейным категориям и образ патерналистского общества во главе с императором были понятными для большинства из них.

Как писал Н. И. Конрад, «европеизация идет интенсивнейшим образом, но один конец Японии идет по этому пути со скоростью экспресса, другой — товарного поезда. Отсюда и отставание одних элементов жизни и забегающие вперед других». Уровень жизни в деревне никак не мог догнать городской, расслоение в обществе увеличивалось, что создавало социальную напряженность. Основным объектом критики становились крупный капитал и «продажные политики».

Правительство считало социалистов главной внутривнутриполитической опасностью, однако пока оно боролось с левым движением, праворадикальные идеи захватывали слои молодого офицерства и выходцев из деревни.

1.7. Великая депрессия и ее последствия для Японии

Влияние экономического кризиса и мероприятия правительства

Мировой экономический кризис 1929–1933 гг. (Великая депрессия) оказал большое влияние на Японию, что во многом обуславлива-

лось ее тесными связями с экономикой США. Последствия банковского кризиса 1927 г. и нестабильное положение дел в аграрном секторе страны усилили воздействие на японскую экономику. Страна получила двойной удар в виде почти одновременного **сокращения экспорта и внутреннего рынка**.

Зависимость основного экспортного товара — шелка — от американского рынка оказала негативное влияние на экономику страны. Резкое снижение вывоза в США привело к падению стоимости товара на внутреннем рынке до 50% и способствовало обвалу цен на другие товары. Последнее было также вызвано неудачными мероприятиями правительства в области финансовой политики. Общее сокращение японского вывоза более чем на четверть сопровождалось падением совокупной стоимости экспортной продукции с 1929 по 1931 г. практически наполовину. Затоваривание складских запасов вело к банкротству мелких и средних предприятий и росту безработицы до 3 млн человек в 1931 г.

Кризисные явления в японской промышленности несколько компенсировались успехами в развитии металлургии, машиностроения и химической отрасли в предкризисные годы. Тем не менее общая стоимость товаров промышленного производства в 1929–1931 гг. снизилась на треть. Рационализация производства сопровождалась масштабными увольнениями. Сократилась зарплата занятых на производстве.

Особому удару подверглось сельское хозяйство, совокупная стоимость продукции которого снизилась почти на 40%. Увеличение поставок риса из колоний усиливало давление на крестьянство. Закупочные цены упали на 50%. Средний годовой доход крестьянских хозяйств снизился в 1929–1931 гг. более чем в два раза. Разрыв в уровне жизни в городе и деревне еще более увеличился. Обнищание крестьян привело к тому, что продажа девушек в публичные дома стала массовым явлением. Тяжелое положение деревни оказывало негативное воздействие на японское общество.

В рамках борьбы с влиянием Великой депрессии кабинет Хамагути сделал ставку на сокращение государственных расходов, в том числе за счет военного бюджета, а также на стабилизацию внутренних цен. Особое место отводилось восстановлению золотого стандарта с целью упрочения финансового положения страны. Министр финансов Иноуэ Дзюнносукэ выступил с инициативой отмены эмбарго на экспорт золота, что было сделано в январе 1930 г. В краткосрочной перспективе это позволило ослабить давление на курс на-

циональной валюты, в том числе за счет получения кредитов в США и Великобритании на 100 млн иен. Однако введение золотой монеты тайло в себе новые угрозы, повышая зависимость Японии от ситуации на мировых финансовых рынках, продолжавших оставаться крайне нестабильными.

В апреле 1931 г. премьер-министром стал Вакацуки, оставивший на своих должностях большинство министров. Правительство продолжило прежний экономический курс, однако столкнулось с новой фазой кризиса, которая была спровоцирована отказом Великобритании от золотого стандарта 21 сентября 1931 г. Это привело к очередному обвалу на биржах и усилению давления на иену. Ожидавшие ее ослабления *дзайбацу* и крупные банки активно скупали доллары. Утечка золота из Японии почти в два раза превысила прогнозы правительства, приведя к сокращению золотых резервов страны на четверть только в 1931 г. Началось падение цен на товары внутри страны. Положение усугублялось ухудшением международной обстановки в связи с действиями Квантунской армии в Маньчжурии. Бойкот товаров на китайском рынке больно ударил по японской экономике.

В декабре 1931 г. кабинет возглавил лидер Сэйюкай Инукаи. Министром финансов вновь стал Такахаси, который сразу же отказался от золотого стандарта и восстановил эмбарго на вывоз золота. Это привело к обесцениванию японской валюты почти на 40%, что стимулировало стремительный рост экспорта начиная уже с 1932 г. Однако положение дел в аграрном секторе продолжало оставаться серьезным. За годы кризиса **социальная напряженность** обострилась до предела, что отразилось на росте радикальных настроений в обществе.

Резкому всплеску социального недовольства способствовало значительное ухудшение жизни населения, вызванное поразившим японскую экономику кризисом. Количество трудовых споров на производстве в 1928—1931 гг. выросло почти в 2,5 раза, арендных конфликтов в сельском хозяйстве — на 44%. В стране проходили забастовки металлистов, транспортников, работников легкой промышленности, число участников выступлений достигало десятков тысяч человек. Столкновения с полицией происходили как на предприятиях, так и в деревне. Разорение части горожан подстегивало рост недовольства крупными концернами и политическими партиями, в глазах народа связанных друг с другом.

Кризис активизировал деятельность ультраправых, в том числе в армейских кругах. Значительную часть молодого офицерства, как и большинство солдат, составляли выходцы из крестьян, что способст-

вовало обостренному восприятию тяжелого положения в деревне. Для исправления ситуации радикальные идеологи призывали к немедленным «прямым действиям», т.е. к насилию.

В марте 1931 г. сорвался заговор армейских офицеров из Сакура-кай во главе с Хасимото Кингоро и членов ультраправой организации Гётися (Общество земли), основанной Окава Сюмэй. Заговорщики задумали серию политических убийств, ставя конечной целью формирование военного правительства во главе с генералом Угаки Кадзусигэ (1868–1956). В октябре 1931 г. Хасимото и Окава подготовили новые выступления, подключив к организации лидера Социал-демократической партии Акамацу Кацумаро, теперь исповедовавшего национально-социалистические взгляды. Путчисты планировали массовые демонстрации в столице, убийство Вакацуки, Сидэхара и ряда других деятелей. На этот раз предполагалось создание кабинета во главе с генералом Араки Садао (1877–1966), идейным лидером праворадикалов в армии. Раскрытие заговора не имело серьезных последствий для организаторов и продемонстрировало **беспомощность гражданских властей в обуздании возросших политических амбиций военных.**

«Маньчжурский инцидент», начавшийся 18 сентября 1931 г. и приведший вскоре к оккупации Маньчжурии и кардинальным переменам в японской внешней и внутренней политике, стал также результатом действий радикально настроенных офицеров Квантунской армии. Кабинет Вакацуки оказался не в состоянии выработать внятную позицию по отношению к выходившей из подчинения армии.

Правительство Инукаи Цуёси стало последним из партийных кабинетов. Пост военного министра занял Араки, что отражало усиление политического влияния радикально настроенного крыла армии. Попытки министра финансов Такахаси придерживаться сдержанной политики в области государственных расходов постоянно наталкивались на сопротивление со стороны Араки, требовавшего увеличения ассигнований на оборону и расширения экспансии на материке.

В начале 1932 г. по стране прокатилась **волна актов насилия** в отношении видных представителей элиты. Активное участие в политическом терроре приняло Кэцумэйдан (Братство крови), ультраправое общество, основанное священником школы Нитирэн Иноуэ Ниссё (1886–1967). 9 февраля члены организации из крестьян убили бывшего министра финансов Иноуэ, одного из кандидатов на пост главы оппозиционной Минсэйто, 5 марта был застрелен видный финансист Дан Такума (1858–1932) из концерна «Мицуи». 15 мая 1932 г. Инукаи Цуёси был убит морскими офицерами, связанными с Иноуэ Ниссё, и чле-

нами ультраправого Айкёдзюку (Общество любви к родной деревне). Помимо убийства премьера, заговорщики осуществили нападения на МВД, штаб-квартиру правящей партии Сэйюкай, банк «Мицубиси» и другие объекты.

Организаторы терактов были арестованы полицией, часть исполнителей в духе «самурайских» традиций явилась с повинной. На сей раз власти приняли более жесткие меры, так как события получили широкий резонанс. Среди списков приговоренных к смерти, найденных у руководителей общества, были *гэнро* Сайондзи, ряд лидеров Сэйюкай и Минсэйто, а также концернов «Ясуда», «Сумитомо», «Мицуи» и пр.

Значительная часть общества симпатизировала правым радикалам и их риторике против «плутократов» во власти и «жирующего» за счет народа крупного капитала и элиты. Похожие тезисы являлись частью программы социалистов и коммунистов, однако их считали недостаточно патриотичными из-за интернационалистических воззрений, а также антимонархизма. Фигура императора была сакральной, народное недовольство фокусировалось на «плохих» придворных, «политиканах» и «капиталистах».

В обществе становились все более популярными лозунги о великой Японии, зажатой узкими рамками навязанных извне обязательств при поддержке внутренних «врагов». Внешняя экспансия виделась выходом из сложившегося кризиса и для значительной части политической элиты. Сдвиг в настроениях общественности и правящих кругов был предопределен **отходом от сдержанного курса во внешней политике и закатом эры «партийных» кабинетов**. В стране наступала новая эпоха «чрезвычайного времени».

2. Япония в 1930-е годы: от военных авантур к большой войне

2.1. «Маньчжурский инцидент» и его последствия

Хотя формально Япония арендовала у Китая только южную часть Маньчжурии, большая часть правящей элиты рассматривала северо-восток Китая в качестве особого региона, японское влияние в котором должно было быть определяющим. Несмотря на расхождения во взглядах относительно методов обеспечения доминирования и границ территории, к концу 1920-х годов эту точку зрения разделяли все основные политические акторы, как гражданские, так и военные.

Офицерский корпус Квантунской армии особенно чувствительно реагировал на любые намеки поставить под сомнение японское влияние. Это стало очевидным с убийством Чжан Цзолиня в 1928 г. Формальное объединение Китая под властью Гоминьдана и рост антияпонских настроений в китайском обществе и элите создавали потенциальную угрозу японскому доминированию. Радикально настроенные офицеры, среди которых особенно активную позицию занимали подполковник Исивара Кандзи (1889–1949), полковник Итагаки Сэй-сиро (1885–1948) и полковник Доихара Кэндзи (1883–1948), разрабатывали конкретные шаги, чтобы окончательно закрепить японский контроль над «жизненно необходимым» регионом. Они рассматривали Маньчжурию в качестве ресурсной базы, полигона проведения новой политики, а также как буфер против СССР.

Вечером 18 сентября 1931 г. начались события, получившие название «**Маньчжурский инцидент**». На участке ЮМЖД к северу от Мукдена произошёл взрыв. Повреждения носили незначительный характер и даже не прервали железнодорожного сообщения, однако в результате японской провокации возник повод для начала решительных действий. Обвинив китайские войска в совершении диверсии, Квантунская армия по заранее подготовленному плану перешла в наступление. Уже утром 19 сентября был занят Мукден. Вскоре были оккупированы все крупнейшие города провинций Мукден и Гирин. Операция началась по инициативе старших офицеров Квантунской армии; военное и политическое руководство страны, как и командующий армией Хондзё Сигэру (1876–1945), были поставлены перед фактом.

Кабинет Вакацуки оказался в растерянности перед действиями военных на материке. Ряд министров, в частности глава МИД Сидэхара, выступил против эскалации инцидента. Однако 22 сентября правительство санкционировало действия армии задним числом. Через день было выпущено официальное сообщение о том, что Япония не имеет территориальных претензий к Китаю и намерена в дальнейшем вернуть войска в места постоянной дислокации. Об этом же заявляло командование Квантунской армии, одновременно развивая наступление на позиции Чжан Сюэляна. Организация и техническое превосходство Квантунской армии были подавляющими. К концу февраля 1932 г. она контролировала всю Маньчжурию, выбив формирования «молодого маршала» за Великую Китайскую стену. 1 марта было **провозглашено создание государства Маньчжоу-Го** во главе с последним представите-

лем цинской династии Пу И. Через два года он был официально объявлен императором. Новое образование находилось под полным контролем Квантунской армии.

Баталии на дипломатическом фронте оказались не столь успешными для Японии. Совет Лиги Наций занял осторожную позицию, однако решительные протесты китайской делегации были поддержаны в Вашингтоне. По мере расширения агрессии и занятия новых городов мировое общественное мнение склонилось в пользу осуждения Японии. 7 января 1932 г. госсекретарь Г. Стимсон заявил о непризнании любых соглашений, полученных Японией от Китая посредством военного давления. В Лондоне воздержались от выдвижения официальных нот, но 11 марта к «доктрине Стимсона» присоединилась Лига Наций.

Для разрешения ситуации в Маньчжурии Совет Лиги Наций в декабре 1931 г. создал международную комиссию под началом британского представителя В. Бульвер-Литтона. Ее работа продолжалась до осени 1932 г., за это время ситуация значительно осложнилась.

Воспользовавшись нападениями на японцев в Шанхае, Токио принял решение о высадке экспедиционного корпуса в конце января 1932 г. Десант взял под контроль японский селтльмент и вступил в бои с гоминьдановскими частями, используя артиллерию и авиацию. Это вызвало протесты со стороны ведущих держав, к США и Великобритании присоединились Германия и Италия. Вместе с тем шанхайская операция позволила отвлечь внимание от ситуации в Маньчжурии. 3 марта, через день после провозглашения независимости Маньчжоу-Го, бои в Шанхае были прекращены, японские войска вскоре эвакуировались.

15 сентября Япония установила дипломатические отношения с Маньчжоу-Го. Пост японского посла занял командующий Квантунской армией Мута Нобуёси (1868–1933). Это закрепило ведущую роль военных в проведении дальнейших шагов на континенте. Мута подписал японо-маньчжурский протокол, закрепивший права Японии в Маньчжурии, в том числе на дислокацию войск. В Токио стремились зафиксировать положение «точки невозврата» перед окончанием работы международной комиссии.

Однако в отчете комиссии Литтона, опубликованном 2 октября 1932 г., указывалось, что создание Маньчжоу-Го являлось не отражением воли местного населения, а результатом действий японских войск, поэтому членам Лиги предлагалось воздержаться от его признания. Общие выводы и рекомендации были не в пользу Японии,

поэтому вызвали протесты как официальных лиц, так и общественного мнения страны. Голоса о выходе из Лиги Наций становились все громче.

24 февраля 1933 г. на Генеральной Ассамблее в Женеве почти единогласно была принята резолюция, признававшая суверенитет Китая над Маньчжурией и нарушение Японией «договора девяти держав» от 1922 г. Против выступила только японская делегация во главе с Мацуока Ёсукэ (1880—1946). После завершения голосования японские делегаты демонстративно покинули зал заседаний. 27 марта 1933 г. Япония официально объявила о **выходе из Лиги Наций**.

На этом фоне японские войска развивали наступление на запад вдоль Великой Китайской стены и к началу марта 1933 г. заняли провинцию Жэхэ. Китайские части оказывали сопротивление, но инициатива была за японским командованием. Тяжелое положение на фронте и борьба с коммунистами вынудили Гоминьдан вступить в переговоры, согласиться на введение демилитаризованной зоны к югу от Великой стены и де-факто признать японскую оккупацию Маньчжурии и Жэхэ. Это было оформлено в соглашении о перемирии, подписанном в Тангу 31 мая 1933 г. Первый этап активного наступления Японии в Китае завершился.

Империя вышла на новые рубежи на материке, получив плацдарм для осуществления нового курса. Отказ от аннексии Маньчжурии в пользу создания марионеточного государства стал результатом компромисса между сторонниками разных моделей экспансии, однако форма контроля не имела принципиального значения. Международная изоляция являлась неизбежным следствием смены парадигмы внешней политики. Однако со временем Токио удалось найти союзников среди европейских стран, вставших на путь тоталитаризма, — Германии и Италии.

2.2. Кабинеты «национального единства»

После убийства премьера Инукаи высшими представителями правящей элиты было принято решение о формировании **непартийного правительства «национального единства»**. Выбор *гэнро* Сайондзи пал на адмирала Сайто Макото (1858—1936), который возглавил кабинет в мае 1932 г. Сайто обладал авторитетом среди военных и одновременно имел репутацию умеренного политика. Фигура адмирала была призвана успокоить военные круги, по этой же причине пост военного министра был оставлен за Араки. Возглавить финансовый блок вновь пригласили Такахаси, имевшего репутацию финансового гения.

Особую озабоченность власти вызвало участие в террористических акциях морских офицеров — ранее политический радикализм оставался уделом армии, почти не затрагивая «элитный» флот. В вооруженных силах были изданы приказы об укреплении воинской дисциплины. Однако в армии продолжали существовать неформальные объединения, преследовавшие политические цели.

Бедственное положение деревни служило питательной средой для лозунгов радикалов, поэтому кабинет Сайто сделал попытки снизить социальную напряженность, оживив экономическую ситуацию. «Старые» концерны также взяли на себя часть социальной ответственности: «Мицуи» и «Мицубиси» выделили на общественные нужды по 3 млн иен, «Сумитомо» — 1 млн.

Разногласия между Араки и Такахаси продолжались. Радикальная риторика военного министра относительно внешней угрозы со стороны не только СССР, но и США, а также попытки увеличить влияние военных на внешнюю политику вызвали сопротивление бюрократии и руководства МИДа. В сентябре 1933 г. министром иностранных дел стал бывший посол в Москве Хирота Коки (1878–1948), сторонник более осторожной линии на международной арене. В начале 1934 г. Араки ушел с должности министра, его сменил генерал Хаяси Сэндзюро (1876–1943) из конкурирующей армейской группировки.

В июле 1934 г. кабинет Сайто подал в отставку после коррупционного скандала. Правительство возглавил морской министр Окада Кэйсукэ (1968–1952), также считавшийся умеренным. Новый премьер сделал жест навстречу партиям, пригласив Минсэйто и Сэйюкай занять ряд постов, однако последняя от сотрудничества отказалась. Парламентские выборы 1936 г. принесли победу Минсэйто, увеличившей свое представительство в нижней палате.

Одним из важнейших внешнеполитических мероприятий для правительства стало участие в новой конференции по морским вооружениям в Лондоне в 1935–1936 гг. Флотское командование выступило за отмену прежних ограничений и установление равного с США и Великобританией тоннажа флота. Японской делегации не удалось достичь договоренности с державами, результатом стали одностороннее расторжение договора и переход к нерегулируемому развитию морских вооружений на Тихом океане. Влияние армии также увеличивалось, что получило отражение в создании в составе кабинета Бюро по делам Маньчжурии во главе с военным министром Хаяси. Это закрепило ведущее положение военных в проведении мероприятий на материке.

На премьерство Окада пришелся ряд серьезных внутривластных кризисов, в том числе обострение дискуссии вокруг конституционной теории Минобэ об императоре как «органе государства», усиление межфракционной борьбы в армии и попытка путча в феврале 1936 г. Последнее привело кабинет к отставке.

2.3. Обострение фракционной борьбы в армии и путч 1936 г.

После смерти фельдмаршала Ямагата в 1922 г. позиции клана Тёсю в сухопутных силах несколько ослабли, и на первый план стали выдвигаться новые фигуры, не связанные со старыми кланами. Среди них был генерал Угаки Кадзусигэ, которому удалось сколотить вокруг себя преданных сторонников и поддерживать тесные контакты с неармейской элитой.

Влиятельной считалась группа Араки Садао, который пользовался популярностью среди молодых офицеров. Одним из соратников Араки был начальник оперативного управления генштаба генерал Мадзаки Дзиндзабуро (1876—1956). С группой был связан командующий Квантунской армией Хондзё Сигэру, ряд старших офицеров поддерживал контакты с Окава Сюзэи и Кита Икки.

В начале 1930-х годов Араки и Мадзаки создали новую группировку **Кодоха (Фракция императорского пути)**, выступавшую за активную внешнюю экспансию и переформатирование общества по тоталитарному типу. Кодоха стала оплотом ультрарадикальных националистов в армии, готовых на военный переворот для немедленной реализации своей политической программы. Противостоявшая им группировка **Тосэйха (Фракция контроля)** исповедовала схожую идеологию, однако отвергала экстремистские методы. Ключевыми фигурами в Тосэйха были Нагата Тэцудзан (1884—1935), Хаяси Сэндзюро, Тэраути Хисаити (1879—1946), Тодзио (*Todjō*) Хидэки (1884—1948).

Внутренняя борьба между фракциями в армии приобретала ожесточенный характер. После отставки Араки в начале 1934 г. и замены его на посту военного министра генералом Хаяси позиции Тосэйха усилились. Хаяси вместе с начальником бюро военных дел министерства Нагата добились отстранения ряда фигур из Кодоха, в том числе Мадзаки. В отместку за это подполковник Айдзава Сабуро зарубил Нагата в собственном кабинете в июле 1935 г. Убийство спровоцировало грандиозный скандал и отставки в руководстве министерства.

Вершиной брожений в армии стал **военный мятеж 26 февраля 1936 г.** Рано утром около 1500 солдат под руководством младших офицеров заняли центр Токио и захватили ключевые государственные учреждения, в том числе резиденцию премьер-министра, военное министерство и Генеральный штаб, а также здание парламента. Разгрому подверглась редакция газеты «Асахи». Были убиты бывший премьер, лорд-хранитель императорской печати Сайто, министр финансов Такахаси, генеральный инспектор военного образования Ватанабэ Дзётаро (1874–1936), тяжело ранен главный камергер двора Судзуки Кантаро (1868–1948). Удалось избежать гибели премьеру Окада, *гэнро* Сайондзи и бывшему лорду-хранителю печати Макино Нобуаки.

Хотя заговорщики принадлежали к Кодоха или симпатизировали ее лидерам и даже требовали сформировать новое правительство под руководством Мадзаки, путч был спланирован по инициативе снизу без прямой поддержки со стороны генералитета. Как и в прошлых выступлениях военных, программа была составлена в самых общих чертах и ограничивалась оперативными действиями по захвату учреждений или убийством неугодных. Заговорщики находились под влиянием идей Кита Икки и выступали с лозунгами «реставрации Сёва» (*сё:ва исин*), декларируя «возвращение» «реальной» власти императору по аналогии с «реставрацией Мэйдзи». Однако сам монарх, возмущенный нападениями на ближайших сановников, потребовал ликвидации мятежа, хотя видные представители армейских кругов выступали за переговоры с восставшими.

В столицу были введены подразделения ВМС. Восставшие части были блокированы. После опубликования обращения императора большинство солдат сложили оружие, организаторы сдались властям после увещеваний со стороны военного руководства и лидеров ультра-националистов. 29 февраля мятеж был окончательно подавлен. На закрытом процессе его руководителей приговорили к смерти, был также казнен Кита Икки. С военной службы были уволены лидеры Кодоха Араки и Мадзаки, а также Хаяси из Тосэйха, хотя политическое влияние последней сохранилось.

Провал февральского путча означал **политическое поражение праворадикальных сил**, которые также называют фашистскими. «Фашизации сверху» в Японии после путча не произошло, хотя правящая элита в дальнейшем продолжила крен в сторону тоталитарного режима с использованием националистических лозунгов.

2.4. Усиление влияния армии и подготовка к «военному времени»

После отставки Окада сформировать правительство было поручено Хирота Коки. Бывший глава МИДа оказался неспособным противостоять давлению со стороны военных, по требованию которых был вынужден поменять первоначальный состав кабинета. По настоянию премьера по два поста были предоставлены представителям Сэйюкай и Минсэйто, однако большая часть портфелей была распределена в соответствии с требованиями армии. Она добилась восстановления существовавшего до 1913 г. положения, согласно которому главой военного и морского ведомств мог стать только генерал или адмирал на действительной службе. Это давало колоссальный рычаг влияния на правительство.

Военные сыграли ведущую роль в подготовке и продвижении нового соглашения с Германией. Инициатива исходила от военного атташе в Берлине Осима Хироси (1886–1975), изначально действовавшего напрямую, без санкции МИДа. Однако затем кабинет поддержал идею договора с германским правительством, что способствовало бы выходу империи из международной изоляции. 25 ноября 1936 г. Япония и Германия подписали **Антикоминтерновский пакт**, через год к нему присоединилась Италия. Пакт был направлен против СССР и содержал обещания сторон обмениваться информацией и принимать меры против Коминтерна, однако конкретные обязательства об оказании взаимной помощи отсутствовали. Это отражало позиции министра иностранных дел Арита Хатиры (1884–1965) и премьера Хирота.

Программа кабинета «**Основные принципы национальной политики**», опубликованная 7 августа 1936 г., во многом отражала взгляд армии на необходимые «коренные преобразования» в обществе для осуществления агрессивного внешнеполитического курса. Во время выступления в парламенте военный министр Тэраути Хисаити заявил о планах создания «тотального государства» и «мобилизации» народа при удалении из процесса принятия государственных решений «чуждых элементов», к коим военные относили партии и парламент.

Комплекс разработанных в этой связи мер вызвал сопротивление со стороны партий. Давление армии и разногласия по поводу бюджета спровоцировали острые дискуссии в нижней палате и перепалки депутатов с Хирота и Тэраути в январе 1937 г. Премьер отказался пойти навстречу требованиям военных распустить парламент и ушел в отставку. Формирование кабинета поручили бывшему военному министру Хая-

си. Правительство продолжило жесткую линию в отношении партий и пошло на роспуск парламента, однако результаты выборов оказались обескураживающими — Сэйюкай и Минсэйто получили 175 и 179 мандатов соответственно. Перед лицом критики объединенной оппозиции и прессы непопулярный кабинет ушел в отставку в конце мая 1937 г.

На должность нового премьера Сайондзи рекомендовал принца Коноэ Фумимаро (1891–1945), представителя одного из древних родов, находившегося в родстве с императорским домом. Фигура принца была позитивно воспринята как в обществе, так и военными кругами. Коноэ считался умеренным националистом и сторонником осторожной линии во внешней и внутренней политике. В этом же духе были выдержаны первые декларации нового правительства, приступившего к работе в июне 1937 г., однако вскоре на севере Китая начались столкновения с китайскими войсками, переросшие в крупномасштабную войну.

2.5. «Китайский инцидент» — незапланированная большая война

Несмотря на перемирия, заключенные японскими военными с китайской стороной в 1933 и 1935 гг., положение в регионе не устраивало ни тех, ни других. СССР считался главным противником для сухопутных сил Японии, но существование на юге нанкинского правительства несло потенциальную угрозу тылу в случае войны на севере. Техническое и организационное превосходство японских войск над китайскими провоцировало некоторых военных на мысли о превентивном ударе на юг — об этом, в частности, говорил начштаба Квантунской армии Тодзио Хидэки.

Тем не менее руководство страны не планировало начинать масштабные военные действия на материке, поэтому «**Китайский инцидент**», как и ранее «Маньчжурский», возник в результате самоуправства на местах. Перестрелка между японскими и китайскими частями у моста Лугоуцяо (мост Марко Поло), случившаяся 7 июля 1937 г., сначала не предвещала драматического развития событий и закончилась перемирием 9 июля. Японское правительство, включая премьер-министра Коноэ, главу МИДа Хирота, морского министра Ёнаи Мицумаса (1880–1948), выступило за скорейшее урегулирование инцидента, однако армейское руководство решило поддержать «инициативу с мест».

10 июля Генштаб распорядился о переброске новых подразделений из Кореи и Маньчжурии на север Китая. Правительство было постав-

лено перед фактом, но 11 июля Коноэ утвердил это решение. Вскоре японские войска возобновили активные действия, а 26 июля предъявили ультиматум, потребовав вывода китайских частей из Пекина. 28 июля японская армия взяла Пекин, а затем стала развивать наступление по всему фронту. Боевые действия охватывали все новые районы, масштаб столкновений стремительно рос. «Китайский инцидент» перерастал в полноценную войну.

11 ноября после трехмесячных упорных боев был взят Шанхай. Япония отказывалась признать происходившее войной — операцию в Шанхае сначала в Токио называли «второй шанхайский инцидент».

13 декабря 1937 г. японские войска вошли в столицу гоминьдановского Китая Нанкин, после чего последовали массовые убийства и насилие в отношении местного населения. Существуют различные оценки числа жертв «**Нанкинской резни**», цифры колеблются от 30 до 300 тыс. человек. Проблема остается предметом острых дискуссий, однако факт массовой гибели жителей после взятия японскими войсками Нанкина в настоящее время официально признается правительством Японии.

Агрессивные действия в Китае ухудшали международный имидж Японии. Последовательными критиками японской политики являлись США и СССР, поддерживавшие разные фракции в Китае. Впрочем, Токио удалось избежать полной изоляции даже с началом «Китайского инцидента». Вновь неэффективной показала себя Лига Наций: конференция, открывшаяся в ноябре 1937 г., в итоге смогла только признать Японию нарушительницей «договора девяти держав» и выразить пожелание мирного разрешения конфликта. Налаживание сотрудничества с Германией позволило добиться прекращения поддержки Берлином режима Чан Кайши.

Осенью 1937 г. при посредничестве германских дипломатов в Китае начались консультации между Гоминьданом и японским правительством. Токио выдвинул следующие условия, которые были переданы Чан Кайши в конце декабря 1937 г.: отказ от антияпонской и «прокоммунистической» политики и сотрудничество в борьбе с коммунизмом, создание демилитаризованных зон, установление экономического сотрудничества с Японией и Маньчжоу-Го и выплата контрибуции. Часть руководства Гоминьдана, в частности председатель центрального политсовета Ван Цзинвэй, рассматривала возможность принятия японских требований, но в итоге они были отклонены. 11 января 1938 г. на императорском совещании были приняты «Основные принципы урегулирования “Китайского инци-

дента”», 16 января Коноэ объявил о прекращении любых переговоров с правительством Чан Кайши. В дальнейшем ставка была сделана на создание альтернативного Гоминьдану центра политической власти в Китае — прояпонского правительства под руководством местного лидера, по образцу Пу И в Маньчжурии и Дэвана во Внутренней Монголии.

Тем временем война в Китае принимала затяжной характер. Японские войска, растянувшие коммуникации, столкнулись с партизанским движением на оккупированных территориях. Дегуманизация противника пропагандой провоцировала эскалацию насилия в отношении местного населения. Преступления военных способствовали росту антияпонского сопротивления.

26 мая 1938 г. Коноэ осуществил реорганизацию своего кабинета. Выходец из Квантунской армии Итагаки Сэйсиро стал военным министром, Тодзио Хидэки — его заместителем. Араки возглавил министерство просвещения, получив пространство для насаждения своих милитаристских идей.

В результате наступления осенью 1938 г. японская армия получила контроль над большей частью территории, где был сконцентрирован китайский промышленный потенциал, а также перерезала железную дорогу, по которой шло снабжение гоминьдановского правительства из Гонконга. 3 ноября последовало заявление кабинета Коноэ о построении **«нового порядка в Восточной Азии»**, заключавшегося в установлении «тесного сотрудничества» между Японией, Маньчжоу-Го и Китаем в области политики, экономики и культуры. В Токио сделали ставку на распространение «маньчжурской» модели на весь Китай и **создание единого блока под японским контролем.**

На императорском совещании 30 ноября были утверждены «Принципы установления новых отношений между Японией и Китаем». 22 декабря Коноэ вновь озвучил требования, предъявляемые новому «национальному» правительству Китая. Для его организации была использована фигура Ван Цзинвэя, порвавшего с Чан Кайши и бежавшего в декабре в Ханой, а затем переправленного в Токио. 29 декабря бывший функционер Гоминьдана заявил о согласии на японские условия, а в дальнейшем, 30 марта 1940 г., возглавил прояпонское правительство Китая в оккупированном Нанкине.

В начале января 1939 г. Коноэ объявил, что построением «нового порядка» должны заниматься новые люди, и ушел в отставку. Однако принцип сохранил влияние на принятие политических решений, обменявшись постами с председателем Тайного совета Хиранума и став од-

новременно министром без портфеля. Новый премьер сохранил костяк старого кабинета и объявил о приверженности курсу предшественника. Военный министр Итагаки заявил о продолжении войны в Китае до победного конца — до установления в Восточной Азии «нового порядка».

2.6. Экономика: от восстановления к военной мобилизации

Японии удалось сравнительно быстро преодолеть последствия экономического кризиса. Уже с 1932 г. вырос экспорт, что во многом объяснялось резкой девальвацией иены. К 1937 г. объем вывоза увеличился 2,8 раза, доля готовой продукции поднялась до 60%. Основная ее часть направлялась на азиатский рынок, доля которого в структуре экспорта возросла в 1931–1939 гг. с 44 до 62%. Экспортную зависимость от американского рынка удалось снизить. Однако зависимость от импорта топлива и стратегических материалов из США возростала.

Увеличение госрасходов стимулировало развитие инфраструктуры и производства. Укреплялась металлургия, химическая промышленность, нарастал выпуск чугуна и стали, в том числе специальных сортов. Благодаря оборонному заказу оживилось судостроение, вставшее на лидирующие позиции в мире. Росла авиапромышленность, укреплялись позиции концернов, занимавшихся автомобилестроением. **В индустриализации был сделан качественный скачок.** В 1938 г. совокупная стоимость продукции тяжелой промышленности впервые превысила показатели легкой. Если в первой половине 1930-х гг. доля текстильной и пищевой промышленности составляла 52,3%, а металлургии и машиностроения — 35,9% от общего объема промышленной продукции, то к концу десятилетия соотношение изменилось в пользу последних (соответственно 41,1 и 48,3%). По объемам и стоимости промышленного производства Япония занимала лидирующее положение в Азии.

На протяжении 1930-х годов происходило наращивание роли государства в стратегических отраслях экономики. В колониях и зависимых территориях строились предприятия, связанные с военным производством. Особая роль отводилась Маньчжурии.

Военный бюджет и его доля в общих расходах страны последовательно росли, увеличившись в 1931–1937 гг. с 31 до почти 70%, в дальнейшем не опускаясь ниже 72,5%. После начала войны в Китае страна окончательно встала на путь военной экономики. Бремя войны осложнялось практически полным прекращением экспортной выручки из Китая из-за боевых действий и бойкота. В то же время Япония по-прежнему нуждалась в импортных поставках стратегического сырья, оплачивать которые приходилось за счет золотых запасов.

В 1937 г. при кабинете министров был создан Плановый совет (*ки-каку-ин*). В течение последующих нескольких лет правительство приняло серию законов, переводивших экономику на военные рельсы, в том числе о мобилизации военной промышленности, контроле над денежными фондами, жизненно важными материалами и т.д. Страна вступила в период жесткой экономии, провозгласив «борьбу с роскошью». Война все глубже проникала в жизнь страны, становясь повседневностью.

* * *

В начале 1930-х годов японской элитой была окончательно сделана ставка на **расширение экспансии на материке для построения самодостаточного экономического пространства**. Оккупация Маньчжурии позволила империи укрепить свои позиции, получить важную сырьевую базу и создать буфер против СССР, которого армия считала главным стратегическим противником. Сравнительная легкость, с которой удалось получить контроль над обширной территорией на северо-востоке Китая, создала иллюзию беспрепятственности для продолжения экспансии, а покрывательство со стороны центрального руководства самоуправства военных на местах провоцировало их на новые авантюры. Хотя считается, что начало «Китайского инцидента» и его перерастание в полноценную войну было неожиданным для большинства японцев, включая высшее руководство, этот результат следует признать закономерным следствием агрессивного курса во внешней политике и неспособности обуздать влияние военных.

Ввязывание в широкомасштабное противостояние в Китае нивелировало преимущества, завоеванные в Маньчжурии, и закладывало мину под внешнеполитическую стратегию империи. Трения с ведущими державами усиливались. Международная обстановка постоянно менялась и продолжала оставаться сложной. Разногласия между армией и флотом по вопросу о направлении дальнейшей экспансии носили перманентный характер. Токио твердо решил добиваться в Китае полной победы, однако никак не мог определиться с окончательной позицией в отношении ведущих мировых игроков — США и Великобритании, Германии и Италии, а также СССР.

К концу 1930-х годов Япония находилась на дипломатическом перекрестке, выбирая различные международные конфигурации для разрешения «Китайского инцидента». **Война постепенно становилась доминантой внешней и внутренней политики страны.**

3. Япония накануне и в годы Второй мировой войны

3.1. На дипломатическом перекрестке (1939–1941)

Несмотря на заключение Антикоминтерновского пакта и укрепление контактов с Германией, к концу 1930-х годов Япония еще не до конца определилась с внешнеполитической ориентацией и сохраняла пространство для маневра между державами. Помимо войны в Китае, важнейшее значение для японского руководства имели отношения с Вашингтоном. Хотя стране удалось снизить экспортную зависимость от американского рынка, на поставки из США приходилась большая часть импорта стратегической продукции. Особое место в японской внешней политике занимали и отношения с СССР, который резко усилил свой оборонный потенциал и стал активнее помогать антияпонскому сопротивлению в Китае.

Отношения с СССР в 1930-е годы

После оккупации Маньчжурии Квантунская армия вышла на границу с СССР, что резко повысило градус напряженности в советско-японских отношениях. Советское руководство, понимая неготовность страны к противостоянию, вновь пыталось заключить с Японией пакт о ненападении или нейтралитете, однако получало неизменный отказ, хотя дискуссии по этому вопросу велись в японской элите на протяжении многих лет. Скептически к соглашению с Советским Союзом относились не только военные круги, но и основная фракция в МИДе. Вместе с тем ряд японских дипломатов периодически поднимал вопрос об урегулировании отношений с СССР, считая это необходимым для обеспечения безопасности Маньчжоу-Го и для преодоления международной изоляции. В условиях отсутствия подвижек в переговорах в Москве приняли решение об ускоренном развитии оборонного потенциала Дальнего Востока. В регионе началось масштабное строительство предприятий ВПК и военной инфраструктуры.

Одной из важнейших проблем двусторонних отношений являлось урегулирование ситуации вокруг КВЖД. Маньчжурские власти стремились избавиться от советского присутствия и периодически организовывали провокации; регулярно происходили аресты советских служащих.

Япония стремилась получить контроль над стратегической железной дорогой. Во второй половине 1932 г. посол в Москве Хирота намеркнул заместителю НКВД Л. М. Карахану о возможности ее выкупа. В мае 1933 г. нарком М. М. Литвинов официально предложил Японии

приобрести железную дорогу, в Токио решили, что выкуп будет сделан от имени Маньчжоу-Го. Переговоры о продаже, начавшиеся в июне 1933 г., протекали крайне сложно и несколько раз оказывались на грани срыва. Главные расхождения были по цене сделки. Принципиальное согласие было достигнуто в декабре 1934 г., стороны сошлись на ком-промиссной сумме 140 млн иен. Соглашение о продаже было подписано 23 марта 1935 г.

Во второй половине 1930-х годов росла напряженность на советско-маньчжурской границе, участились случаи столкновений между пограничниками. В 1935—1936 гг. их число увеличилось более чем в два раза, достигнув 328. Конфликты становились более масштабными,росло количество случаев применения оружия.

Ухудшались отношения на дипломатическом фронте. Усиление военного потенциала СССР на Дальнем Востоке внушало тревогу армии и политическому руководству Японии, которое попыталось достичь соглашения на антикоммунистической основе с Чан Кайши, а также с Великобританией и США. Договориться удалось только с Германией. Антикоминтерновский пакт 1936 г. был направлен против Москвы, что усилило антияпонский настрой советского руководства. После начала масштабной войны в Китае СССР пошел на урегулирование отношений с Гоминьданом, заключив с ним в августе 1937 г. пакт о ненападении. Если раньше советское правительство поддерживало китайских коммунистов в борьбе против Чан Кайши, теперь Москва стала оказывать материальную и моральную помощь Китаю в борьбе против Японии.

К концу 1930-х годов напряженность на границе вылилась в крупномасштабные вооруженные столкновения. Летом 1938 г. произошел **конфликт у озера Хасан**, вызванный разногласиями относительно линии границы и самоуправством военных на местах. В конце июля к пограничным боям подключилась армия, в результате японские войска были вынуждены отступить, однако советские потери существенно превысили японские.

Вооруженные столкновения на монгольско-маньчжурской границе в районе реки Халхин-Гол, начавшиеся в мае 1939 г., переросли в локальную войну между советскими войсками и частями МНР, с одной стороны, и Квантунской армией и формированиями Маньчжоу-Го — с другой. Обе стороны активно применяли авиацию, артиллерию и бронетанковые соединения. Японские военные недооценили потенциал противника, считая, что советское командование не сможет сосредоточить достаточно сил из-за удаленности железнодорожных

путей. Однако СССР сумел скрытно создать мощную группировку, перейти в наступление 20 августа, охватив позиции японо-маньчжурских войск с флангов, и завершить уничтожение основной группировки в течение недели. В окружение попали десятки тысяч солдат и офицеров, поражение шокировало руководство Квантунской армии. Ряд влиятельных армейских офицеров впоследствии выступил против нападения на СССР, поддержав предложение флота об экспансии на юг, в том числе под влиянием событий на Халхин-Голе. 15 сентября 1939 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов и японский посол в Москве Того Сигэнори (1882—1950) договорились о прекращении боевых действий. Япония вынуждена была признать линию границы по версии СССР.

Разгром на Халхин-Голе обнажил серьезные проблемы в японской армии. Советское командование высоко оценило подготовку и боевой дух отчаянно сражавшихся японских солдат, однако квалификация командного состава и техническое оснащение оставляли желать лучшего. Увязнув в Китае, военные круги «проморгали» усиление своего основного противника — СССР. В условиях, когда японская армия вынуждена была все больше внимания уделять боям на юге и в центре Китая, Маньчжурия из надежного буфера против советской угрозы превращалась в плохо защищенный тыл.

Поражение на военном фронте усугубилось провалом на дипломатическом. 23 августа, в разгар боев в Монголии, был подписан советско-германский пакт о ненападении (пакт Молотова—Риббентропа). Это произвело в Токио эффект разорвавшейся бомбы и спровоцировало отставку кабинета Хиракумы. Японское доверие к внешней политике Берлина оказалось заметно поколебленным.

Нарастание противоречий с США и Великобританией

Американская администрация с самого начала японской экспансии в Китае выступала с резкой критикой политики Токио. США вместе с Великобританией поддерживали правительство Чан Кайши, Вашингтон энергично протестовал против «нового порядка в Восточной Азии».

Расширение военных действий на юге Китая вело к росту напряженности в отношениях с Великобританией и Францией. Захват японскими войсками острова Хайнань и островов в Южно-Китайском море в феврале—марте 1939 г. создавал угрозу коммуникациям между британскими колониями и потенциально угрожал французским владениям в Индокитае. Однако возможности Лондона и Парижа воздействовать на ситуацию были ограниченными.

После блокады французской и британской концессий в Тяньцзине в мае 1939 г. под предлогом розыска скрывавшихся там китайцев Японии удалось заставить правительство Чемберлена пойти на уступки и признать положение, сложившееся в Китае. Премьер-министр также заявил, что не намерен препятствовать действиям японских войск. В июле 1939 г. соответствующее соглашение подписали министр иностранных дел Японии Арита Хатио и британский посол Р. Крейги.

На фоне уступчивости Великобритании жесткость проявила администрация президента Ф. Рузвельта, которая сохраняла рычаги воздействия на Токио через экономические методы. Вскоре после соглашения Арита—Крейги США объявили о денонсации договора о торговле и мореплавании с Японией. Это было демонстративно сделано до истечения срока его действия и отражало усиление недовольства Вашингтона агрессивными действиями Японии.

После отставки кабинета Хиранума в конце августа 1939 г. премьером стал выходец из военных кругов Абэ Нобуюки (1875–1953). Главной задачей он видел завершение войны в Китае, где ситуация на фронтах продолжала оставаться тяжелой. Японской армии не удалось нанести решительного поражения китайским войскам. Наступательные действия осенью 1939 г. не принесли ощутимого успеха, и она прочно увязла в боях. После трех лет войны потери перевалили за сотню тысяч убитыми и ранеными, госдолг за 10 лет вырос почти в 2,5 раза. В стране начались перебои со снабжением рисом.

Заклучив перемирие с СССР и заявив о невмешательстве в разразившуюся в Европе войну, кабинет Абэ взял курс на урегулирование отношений с США. Однако консультации между главой японского МИДа Номура Китисабуро (1877–1964) и американским послом в Токио Д. Грю не увенчались успехом. Президент Рузвельт выдвинул Японии жесткие условия, потребовав извинений за действия японских военных, нарушавших права американцев в Китае, а также гарантий соблюдения международных договоров и принципа «открытых дверей», пригрозив в случае невыполнения дальнейшими санкциями. Полное выполнение требований Вашингтона фактически аннулировало бы результаты японских завоеваний. Однако зависимость от поставок стратегического сырья и материалов, 70% импорта которых приходилось на США, обусловили стремление японской дипломатии к компромиссу.

Положение кабинета осложнялось нарастанием давления со стороны армии, требовавшей передачи контроля над внешней торговлей,

несмотря на резкие возражения со стороны МИДа. В январе 1940 г. правительство Японии подало в отставку. Новым премьером вновь стал выходец из ВМС Ёнаи Мицумаса. Он продолжил политику предшественника — достижение победы в Китае при неучастии в войне в Европе. Однако капитуляция Франции и Голландии обострила противоречия с армейскими кругами, которые выступали за оккупацию французского Индокитая, опасаясь возможного ввода британских или американских войск. Ёнаи добился от администрации французской колонии запрета транзита грузов через колонию в Китай, однако к идее оккупации относился осторожно. Противостояние с армией привело к падению правительства Ёнаи 16 июля 1940 г.

22 июля 1940 г. был сформирован второй кабинет Коноэ. Военным министром стал Тодзио, МИД и министерство колоний одновременно возглавил Мацуока. «Основная программа национальной политики», принятая 26 июля, ставила задачи перекрыть каналы помощи Чан Кай-ши и завершить «Китайский инцидент», а также закрепить за Японией район Южных морей восточнее Индии, севернее Австралии и Голландской Индии для построения **«сферы процветания Великой Восточной Азии»**. Для обоснования особых прав Японии на руководство азиатскими народами использовался легендарный лозунг **«хакко ити у»** («восемь углов под одной крышей»). Во внутренней политике предусматривалось построение «оборонеспособного государства» и создание «новой политической структуры» с целью консолидации общества и перехода на военные рельсы.

Тройственный пакт

Перед Японией встала задача окончательно определиться с ориентацией относительно ведущих мировых держав. Руководство страны понимало, что реализация принятой программы вела к обострению отношений с Лондоном и Вашингтоном, поэтому планировало усилить связи с Берлином и Римом.

Переговоры об углублении сотрудничества с Германией велись и предыдущими кабинетами, однако достигнуть договоренности не удалось. Капитуляция Франции и Голландии создала летом 1940 г. условия для нового соглашения. В отличие от Антикоминтерновского пакта, его острие должно было быть направлено против Великобритании и США.

Инициатива возобновления переговоров о новом альянсе принадлежала японской стороне, активную роль играл министр иностранных дел Мацуока, которого также поддерживала армия. Флот сначала занял выжидательную позицию, однако затем тоже выразил согласие.

Основные положения соглашения были парафированы в середине сентября. Для японо-германских консультаций в Токио прибыл специальный посланник Г. Штаммер. 19 сентября проект договора был утвержден на императорском совещании, а 26 сентября единогласно одобрен на Тайном совете. **Тройственный пакт** был подписан в Берлине 27 сентября 1940 г. В документе говорилось об установлении «нового порядка» в мире, признавалась ведущая роль Германии и Италии в Европе, а Японии — в Азии. Участники пакта договорились оказывать друг другу «взаимную помощь», в том числе с использованием военных средств, в случае нападения государства, не участвовавшего на тот момент в европейской войне или японо-китайском конфликте. При этом ст. 5 выводила за рамки действия соглашения Советский Союз, что открывало перспективу для переговоров с Москвой.

В Берлине и Токио не исключали присоединения к Тройственному пакту СССР. В частности, за это выступал министр иностранных дел Германии И. Риббентроп, который вручил соответствующий проект Молотову на советско-германских переговорах, проходивших в ноябре 1940 г. Сталин выразил предварительное согласие, выставив ряд дополнительных условий. Однако требования Москвы на европейском направлении не удовлетворили Гитлера, и в Берлине потеряли интерес к идее подключения ее к пакту. В то же время в Токио заинтересованность в достижении соглашения с СССР сохранялась.

Советско-японский пакт о нейтралитете

Автор идеи «пакта четырех» Сиратори Тосио (1887–1949), бывший посол в Италии и советник японского МИДа с осени 1940 г., говорил об этом еще осенью 1939 г. С осени 1940 г. японский посол в Москве Татэкава Ёсицугу (1880–1945) вел переговоры о заключении с советским правительством пакта о ненападении или нейтралитете. После неудачного визита Молотова в Берлин японское правительство взяло курс на достижение двустороннего соглашения с СССР, активную роль в его продвижении играл Мацуока.

3 февраля 1941 г. на заседании совета связи представителей Главной ставки и кабинета были приняты «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом». Мацуока отправился в Европу через Москву, где провел предварительные консультации с Молотовым и Сталиным. В Берлине Мацуока понял, что Германия уже не рассматривала возможность заключения «пакта четырех». Японскому министру даже дали понять, что не исключена война с СССР,

однако по указанию Гитлера о том, что решение уже принято, сообщено не было. Тем не менее Мацуока, убежденный в необходимости соглашения с СССР, решил действовать самостоятельно. Обратный путь в Японию также пролегал через Москву, где 13 апреля 1941 г. был заключен **советско-японский пакт о нейтралитете**. Эта новость оказалась неожиданной для многих мировых игроков, включая Германию, США и Великобританию.

Советско-японский пакт зафиксировал взаимное согласие «уважать территориальную целостность и неприкосновенность» друг друга, а также обязательство соблюдать нейтралитет в случае возникновения военного конфликта с участием СССР или Японии с третьей стороной. Срок действия соглашения был определен в пять лет с возможностью пролонгации, «если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока». Пакт способствовал разрядке напряженности в двусторонних отношениях, однако не являлся гарантией от войны ни для одной из сторон. Уровень взаимного недоверия был достаточно высоким, хотя на момент заключения пакта ни в Москве, ни в Токио всерьез не рассматривали открытие боевых действий в отношении друг друга. В этом смысле документ отражал статус-кво в двусторонних отношениях.

После нападения Германии на Советский Союз Мацуока стал одним из главных апологетов немедленного присоединения к наступательным действиям против СССР. Однако японское правительство, в том числе премьер-министр Коноэ и военное руководство, соблюдало осторожность, хотя и считало возможным вступление в войну на стороне Германии в случае разгрома советских вооруженных сил.

Определение дальнейшего направления экспансии

Пакт с СССР сигнализировал об отказе от экспансии на север в пользу южного варианта. Япония стремилась перерезать каналы иностранной помощи гоминьдановскому правительству и обеспечить контроль над сырьевой базой южных морей. Это прогнозируемо вело к обострению отношений с Вашингтоном, однако в Токио надеялись договориться с американской администрацией и добиться нейтралитета со стороны основного поставщика стратегических товаров. Несмотря на все запреты, Япония продолжала активно импортировать из США чугун, листовую сталь, металлический лом и т.д.

Кабинет Коноэ занял более активную позицию в отношении французских владений в Азии. 22 сентября 1940 г. было заключено военное

соглашение с губернатором Индокитая, после чего японские войска зашли на север колонии. Этот факт, наряду с переговорами о заключении Тройственного пакта, привел к ужесточению позиции США, которые ввели эмбарго на вывоз в Японию металлов и лома, а также усилили поставки правительству Чан Кайши. В октябре 1940 г. было подписано британо-американское соглашение о совместной обороне тихоокеанских владений.

Для снятия напряженности в японо-американских отношениях в Вашингтон в конце года был отправлен новый посол Номура Китисабуро (1877—1964), поддерживавший контакты с американским президентом. В марте 1941 г. начались переговоры с Рузвельтом и госсекретарем К. Хэллом, продолжавшиеся с перерывами вплоть до начала войны на Тихом океане.

Летом 1941 г. ситуация резко осложнилась. Япония считала необходимым получить контроль над топливно-сырьевыми ресурсами Голландской Индии. 2 июля на императорском совещании было принято решение **отказаться от немедленного вступления в войну против СССР и активизировать усилия на южном направлении** даже при возникновении риска войны с Великобританией и США. 18 июля был сформирован новый кабинет Коноэ, место Мацуока на посту главы МИДа занял Тоёда Тэйдзиро (1885—1961), выступавший за достижение договоренностей с Вашингтоном. Однако заключение 26 июля японо-французского соглашения о совместной обороне и начало оккупации японскими войсками Южного Индокитая вызвало новые антияпонские санкции. 26 июля Великобритания и США объявили о замораживании японских капиталов. Британское правительство также денонсировало торговые договоры с Японией. 1 августа американская администрация объявила о введении нефтяного эмбарго, что было особенно чувствительно для японского ВМФ. 12 августа 1941 г. Рузвельт и британский премьер Черчилль приняли Атлантическую хартию, в которой заявлялось об осуждении территориальных захватов и необходимости разоружения стран-агрессоров.

6 сентября на императорском совещании было принято решение взять курс на войну с США, если к началу октября не появятся перспективы удовлетворения японских требований. Переговоры зашли в тупик, попытки Коноэ добиться личной встречи с Рузвельтом для выхода из сложившегося положения окончились неудачей. 2 октября Хэлл передал Номура памятную записку, содержавшую требование полной эвакуации японских войск из Китая и Индокитая. Армия заявила о категорической неприемлемости данного требования. 14 ок-

тября военный министр Тодзио Хидэо посоветовал кабинету уйти в отставку.

На пути к началу войны на Тихом океане

18 октября 1941 г. новое правительство сформировал сам Тодзио, сохранив за собой пост главы военного ведомства. Япония продолжила переговоры с США, одновременно готовясь к войне. 5 ноября на императорском совещании решено было начать войну «с целью обеспечения своего существования и самообороны» и «построения нового порядка в Великой Восточной Азии». Были также утверждены последние варианты предложений, принятие которых Вашингтоном могло предотвратить войну. Указывалось, что в случае успешных переговоров к ночи 30 ноября военные действия следовало отложить. Однако в телеграмме послу Номура в качестве срока окончания переговоров называлось 25 ноября. Шансы на достижение соглашения в Токио расценивали как крайне низкие.

Американское правительство обладало ключом к шифру японской дипломатической связи, поэтому в Вашингтоне знали о многих деталях внутренних переговоров японских визави, включая активную подготовку к войне и дату окончания переговоров. Тем не менее администрация Рузвельта тянула время в силу неполной готовности к войне вооруженных сил, а также провоцируя Японию на открытие боевых действий. Иначе сложно расценивать заведомо неприемлемую **«ноту Хэлла»**, врученную Номура 26 ноября, — США требовали от Японии вернуться к положению, существовавшему до «Маньчжурского инцидента». В этот же день японская эскадра вышла из района сосредоточения на Южных Курилах, взяв курс на Гавайские острова. 27 ноября императорское совещание расценило «ноту Хэлла» как ультиматум, приняв решение о начале боевых действий. Война стала неизбежной.

Рассуждая о причинах начала полномасштабной войны на Тихом океане, необходимо признавать ответственность Японии за агрессивную политику и развязывание войны в Китае, экспансию военными методами, а также за непосредственное начало войны против США и союзников. Тем не менее нельзя также не признать, что американская администрация, будучи достаточно хорошо информированной о настроениях в японской правящей элите и высшем руководстве, не могла не осознавать, что ультимативный тон последней ноты и требования вернуться к ситуации до 1931 г. вряд ли могли быть приняты в Токио. Существует версия, что Рузвельт и Хэлл намеренно спровоцировали Японию на нападение, чтобы изменить изоляционистски

настроенное общественное мнение Соединенных Штатов и оправдать вступление в войну против Германии для оказания полномасштабной поддержки Великобритании. Про «британский фактор» упоминают некоторые японские историки; сторонники схожей точки зрения есть в англоязычной и отечественной историографии.

7 декабря 1941 г. японский флот нанес удар по главной военно-морской базе США на Тихом океане — Пёрл-Харбору. Нота об объявлении войны была вручена американским представителям уже после ее начала. 11 декабря к войне на стороне Японии официально присоединились Германия и Италия. Соединенные Штаты, Голландия, Великобритания и доминионы объявили войну странам «оси». Китай наконец тоже официально объявил войну Японии — до этого правительство Чан Кайши избегало такой формулировки. Вооруженный конфликт охватил большую часть государств земного шара.

3.2. Война на Тихом океане и крах империи (1941–1945)

Война на Тихом океане стала концом экспансионистского этапа развития Японии. Империя достигла пика своего военно-политического могущества, захватив контроль над ресурсами огромной территории и попытавшись навязать свою картину мира многим странам и народам для придания устойчивости конструкции выбранного внешнеполитического курса. Однако расцвет имперской славы продолжался недолго. Фундаментальные просчеты, допущенные на предыдущих этапах развития, привели к переоценке своих сил в борьбе с могущественным врагом, и как следствие — к истощению экономического и военного потенциала и краху государства.

Первый этап: опьяняющие успехи

На начальном этапе войны боевые действия складывались успешно для Японии, ее войска владели инициативой на всех основных направлениях.

Одной из главных операций стала **атака на Пёрл-Харбор**, разработанная командующим Объединенным флотом адмиралом Ямамото Исороку (1884—1943). Японская эскадра скрытно подошла к району Гавайских островов с севера и нанесла 7 декабря 1941 г. внезапный удар по главной военно-морской базе противника на Тихом океане. Всего в нападении участвовало 275 бомбардировщиков и торпедоносцев при поддержке 78 истребителей.

Тихоокеанский флот США понес внушительные потери. Многие корабли были потоплены или получили серьезные повреждения,

в том числе 4 из 8 линкоров. По разным оценкам, было уничтожено 150—200 самолетов, примерно столько же повреждено. Личный состав потерял более 3400 человек, из них около 2400 убитыми. Японские потери составили 29 самолетов.

Несмотря на высокий уровень организации атаки и причиненный противнику значительный ущерб, японским вооруженным силам не удалось уничтожить основную мощь американских ВМС в регионе. Авианосный флот США остался невредимым — все три авианосца, приписанных к базе, в момент удара были на учениях. Большинство из поврежденных кораблей и самолетов было впоследствии восстановлено, запасы топлива практически не пострадали. Япония смогла на какое-то время нейтрализовать американский флот, но победа была тактической, не стратегической.

Внезапность нападения без объявления войны способствовала консолидации общественного мнения в США в пользу войны. В глазах большинства американцев Япония стала вероломным агрессором, войну с которым надо вести до победного конца.

Успешно для японской армии развивалась **операция на Филиппинах**. Уничтожив внезапным ударом значительную часть американских самолетов еще на аэродромах, авиации удалось завоевать господство в воздухе и обеспечить высадку десанта 10 декабря. 22—24 декабря высадились главные силы, и уже 2 января 1942 г. японцы заняли Манилу. Американо-филиппинские войска превосходили по численности японский корпус в 2,4 раза, однако большинство защитников составляло местное население, уровень их подготовки уступал японским силам. В марте 1942 г. командующий Д. Макартур вынужден был эвакуироваться в Австралию, последний очаг сопротивления был подавлен японцами в мае.

К концу 1941 г. японские войска захватили передовые базы американского флота на Гуаме, Уэйке и островах Гилберта. 25 декабря пал Гонконг.

Новые успехи Японии знаменовали **Малайская операция** — захват богатой стратегическим сырьем Британской Малайи — и **взятие Сингапура**, главной военно-морской базы Великобритании в ЮВА. Крепость считалась почти неприступной, но только с моря. Японские войска (70 тыс. человек) под командованием Ямасита Томоюки (1885—1946) высадились на севере британской колонии и в Южном Таиланде. Авиация уничтожила и вынудила ретироваться самолеты противника, а 10 декабря потопила главные корабли Восточного флота — линкор «Принс оф Уэллс» и линейный крейсер «Рипалс». Британские войска,

лишившись поддержки с воздуха и моря, отступили к Сингапуру, куда к концу января были переброшены серьезные подкрепления. Однако стремительный натиск японских войск на юг, отсутствие надлежащих укреплений на севере крепости и неумело организованная оборона привели к капитуляции гарнизона Сингапура 15 февраля 1942 г. Общие потери Великобритании составили почти 140 тыс. человек, в том числе около 100 тыс. пленных, Японии — чуть менее 10 тыс. человек. Японцы оказались не готовы к такой массе пленных, что стало одной из причин негуманного обращения с ними.

Захват Голландской Индии (Индонезии) с ее нефтепромыслами занимал важнейшее место в японской стратегии. В январе 1942 г. японцы овладели островами Борнео и Целебес, в конце февраля разбили союзную эскадру адмирала К. Доормана, а к 15 марта оккупировали всю территорию голландской колонии.

С середины января началась **Бирманская операция**, имевшая целью перерезать каналы снабжения правительства Чан Кайши и создать плацдарм для наступления в Индию. 8 марта 1942 г. пал Рангун, к концу апреля японская армия перекрыла бирмано-китайскую дорогу и вышла на юг Китая. На западном участке фронта разбитые британские части бежали в Индию, бросив технику и потеряв около 23 тыс. человек из 35-тысячного корпуса.

В конце марта—апреле 1942 г. японские ВМС провели успешные операции в Индийском океане, потопив ряд кораблей противника, включая один авианосец, а также разрушив базы на Цейлоне. Оставшиеся корабли британского Восточного флота эвакуировались на африканское побережье.

В середине апреля 1942 г. американцы организовали налет 16 бомбардировщиков Б-25 на Токио, Нагоя, Кобэ. Материальный ущерб был минимальным, «**налет Дулиттла**» был своего рода психологической атакой, однако факт бомбардировки японских городов, включая столицу, произвел большой эффект по обе стороны Тихого океана. Адмирал Ямамото явился при параде к императору и принес извинения за произошедшее.

Весной 1942 г. под контролем Японии оказалась территория в 3,8 млн км² с общей численностью населения 150 млн человек. Ее вооруженные силы с минимальными потерями успешно выполнили все оперативные задачи: нанесение тяжелого урона противнику, ликвидацию и нейтрализацию основных соединений и ключевых опорных пунктов врага, занятие районов со стратегическим сырьем (в первую очередь с нефтью).

Успехи вскружили голову военным и обществу, однако стратегически ситуация выглядела не так радужно. Возникла необходимость охранять огромную территорию, противник был ослаблен только на время. Война на Тихом океане, как и «Китайский инцидент», приобретала затяжной характер, однако на этот раз разница потенциалов враждующих сторон была несоизмерима. Время работало против Японии.

Второй этап: утрата стратегической инициативы

После атаки на Пёрл-Харбор основная тяжесть боев переместилась с китайского театра на Тихий океан. Японское наступление и перекрытие каналов иностранной помощи осложнили положение Чан Кайши, обострив внутреннюю борьбу в китайском лагере, но для Японии приоритетным было другое направление. Крупные и мелкие столкновения с китайскими войсками продолжались регулярно, однако **участь войны решалась на тихоокеанских фронтах.**

Американская военная машина и экономика планомерно переориентировались на войну с Японией. Строились новые корабли и самолеты, на Тихом океане создавались новые соединения авиации и ВМС. Осознавая свое стратегическое преимущество, США методично укрепляли вооруженные силы, воздерживаясь от наступательных действий до создания явного перевеса. Разгадка японских военно-морских шифров позволяла быть в курсе основных действий противника.

Японское командование понимало риски затягивания войны и стремилось разбить американский флот в «генеральном сражении», чтобы заставить Вашингтон пойти на заключение мира. Ситуация осложнялась продолжавшимися разногласиями между армией и флотом по поводу направления следующего удара. В итоге было принято решение усилить плацдарм для последующего нападения на Австралию и завершить оккупацию Новой Гвинеи и Соломоновых островов. Однако по итогам **сражения в Коралловом море** 6–8 мая 1942 г. американскому флоту, несмотря на потерю двух авианосцев, удалось сорвать японский десант в Порт-Морсби.

После «налета Дулиттла» руководство японских ВМС решило, что американские авианосцы дислоцируются в районе атолла Мидуэй. Их ликвидация, по замыслу Ямамото, должна была стать «генеральным сражением», которое могло принудить противника сесть за стол переговоров. К июню 1942 г. командующий Объединенным флотом отправил к Мидуэй основной кулак сил флота, одновременно организовав отвлекающий маневр — захват о-вов Атту и Кыска Алеутской гряды.

Американскому командованию было известно из дешифрованных сообщений о направлении главного удара противника.

Сражение у Мидуэй, продолжавшееся с 3 по 6 июня 1942 г., закончилось поражением японского флота, который потерял 4 тяжелых авианосца, главную ударную силу Объединенной эскадры, и 320 самолетов. Потери американцев составили один авианосец и 147 самолетов. В этих условиях захват части Алеутских островов терял смысл, но операцию решили довести до конца. Высадка японских солдат на территорию США вызвала широкий резонанс в американском обществе, хотя ее военное значение было небольшим. Японский гарнизон на Ату был ликвидирован превосходящими силами противника к концу мая 1943 г. Через два месяца японцы эвакуировались из Кыски, заставив американцев штурмовать пустой остров.

Тяжелое поражение у Мидуэй стало переломным моментом, изменившим соотношение военно-морских сил сторон. Япония сохранила один тяжелый и четыре легких авианосца, в построении находилось еще шесть. США на Тихом океане имели три тяжелых авианосца, однако на верфях находилось 28, из них 13 тяжелых.

Между тем активные боевые действия не закончились. Продолжалось сражение за Новую Гвинею и Соломоновы острова. Японское наступление в конце июля натолкнулось на упорное сопротивление американско-австралийских войск. 7 августа 1942 г. союзники высадились на стратегически важном острове Гуадалканал, который стал основной ареной борьбы на ближайшие полгода. Ожесточенные бои в этом районе продолжались с переменным успехом, но постепенно японцы теряли господство в воздухе и на море, а к началу февраля 1943 г. были вынуждены эвакуироваться.

Битва за Гуадалканал обнажила фундаментальные проблемы японской военной машины. Выносливость и боевые качества солдат заслуживали высоких оценок, но уровень тактической подготовки командиров был по-прежнему низок. Готовность жертвовать личным составом в бою доходила до абсурда и приводила к колоссальным невосполнимым потерям. На Гуадалканале погибло более 20 тыс. японцев, общая убыль у союзников составила около 7 тыс. человек. Подобная диспропорция сохранялась вплоть до конца войны.

Становились заметными техническое отставание, а также недостаток квалифицированных летчиков в авиации — система не успевала готовить новые кадры вместо стремительно убывавших опытных пилотов. Большие потери в технике на море и в воздухе обусловили сложности с охраной

морских коммуникаций. Силы для удержания огромного захваченного пространства были напряжены. Весной 1943 г. наступательные операции по-прежнему входили в планы японского командования, но фактически **империя вынуждена была перейти к стратегической обороне.**

Третий этап: окончательный перелом

В апреле 1943 г. перехват сообщений о передвижениях Ямамото Исороку позволил американской авиации провести операцию по ликвидации знаменитого адмирала. Самолет, в котором летел командующий, был сбит 18 апреля. Японские власти объявили о гибели Ямамото с задержкой, новость произвела тяжелое впечатление на фронте и внутри страны.

Захватив стратегическую инициативу, в Вашингтоне продолжили последовательно наращивать силы на тихоокеанском театре для создания количественного и качественного превосходства. Командование не торопилось перейти в общее наступление, предпочитая постепенно выдавливать противника от района к району.

Японские гарнизоны оказывали ожесточенное сопротивление, но уничтожались один за другим при подавляющем превосходстве противника в технике, огневой мощи и живой силе. Союзники эффективно действовали на коммуникациях, используя подводный флот. **Япония окончательно потеряла возможность проводить наступательные операции,** произошел стратегический перелом в войне. План действий, принятый 30 сентября 1943 г. на императорском совещании, предусматривал переход к обороне стратегически важной зоны и накапливанию сил для контрнаступления, для чего предлагалось мобилизовать все ресурсы экономики. Однако в войне на истощение шансов у Японии не было.

К началу 1944 г. союзникам удалось сосредоточить на Тихом океане мощную группировку, превышавшую японские силы в районе активных боев более чем в два раза по авиации, личному составу, авианосцам, эсминцам и т.д. Разбросанность частей по островам усложняла положение японцев, позволив американскому командованию сконцентрировать удары на важнейших пунктах и ускорить движение к метрополии, оставляя упорно сопротивлявшиеся группировки в изоляции. Было усилено давление на японский танкерный флот.

В феврале 1944 г. союзники овладели **Маршалловыми островами.** Объединенный флот Японии понес тяжелые потери в ходе июньского **сражения в Филиппинском море** и уже не мог серьезно угрожать доминирующему положению американских ВМС. В июне—августе 1944 г.

союзники заняли **Марианский архипелаг**. В ходе кровопролитных боев за Сайпан погибло 41 тыс. из 43,5 тыс. защитников, самоубийство вместо жизни под оккупацией выбрало большинство японского гражданского населения. Массовые акты самоубийств перед приходом союзников, демонизированных пропагандой, случались регулярно. Это происходило как добровольно, так и по принуждению японских военных.

Летом 1944 г. японские войска потерпели тяжелое поражение на **Бирманском фронте**; расчеты на антибританское восстание в Индии не оправдались.

В сентябре 1944 г. союзниками была занята западная часть **Каролинского архипелага**, в октябре началось вторжение на Филиппины. На первом этапе сражения союзникам удалось нанести тяжелое поражение ВМС противника, который лишился авианосного флота. В боях были впервые использованы смертники, как в воздухе (*камикадзе*), так и в море (торпеды-*кайтэн*), однако серьезного воздействия на ход сражений они оказать не смогли. Ожесточенные бои за архипелаг продолжались больше полугода при полном господстве союзников на море и в воздухе. 3 марта 1945 г. пала Манила, погибло около 100 тыс. мирных жителей. Главные очаги сопротивления подавили только к концу июня 1945 г., основная часть японского контингента была уничтожена.

К началу 1945 г. перспективы Японии с военной точки зрения выглядели удручающими. Империя все еще контролировала обширные территории и обладала внушительной сухопутной армией (более 3 млн человек), но силы были распылены, дееспособность авиации низка, а флот без топлива практически парализован. Главный противник — США — неуклонно приближался к метрополии. Вторжение считалось неизбежным. 20 января 1945 г. императорская ставка по предложению Генштаба утвердила новый план боевых операций армии и флота. Началась подготовка к **«решающей битве»** за Японию, в рамках которой военные всерьез рассчитывали, что гражданское население будет готово встретить врага бамбуковыми палками и умереть за «землю богов». Люди оставались последним ресурсом империи.

Экономика «тотальной мобилизации»

Начало войны на Тихом океане подстегнуло рост госрасходов, $\frac{3}{4}$ которых уходило на войну. Дефицит бюджета покрывался за счет внутренних облигаций, размещавшихся в том числе принудительным путем. Такая схема приводила к колоссальному росту госдолга. Дру-

гим источником средств для войны были налоги. Многие компании использовали систему налоговых льгот и скидок, поэтому основная тяжесть налогового бремени ложилась на население, уровень жизни которого падал. Производство товаров потребления ограничивалось самым необходимым, росла инфляция.

Государство усиливало регулирование приоритетных отраслей. Тем не менее вплоть до конца войны основная часть экономики оставалась в частных руках. В случае необходимости власть действовала через профильные контрольные союзы и ассоциации, созданные в основных отраслях промышленности, либо с помощью кредитно-фискальной политики. Однако допускалось и административное вмешательство, для чего имела законодательная база.

По инициативе государства происходила рационализация производства, создание картелей и перепрофилирование компаний. Это усиливало позиции *дзайбацу*, но ударило по мелким и средним предприятиям. Все чаще применялась принудительная «трудовая мобилизация». Миграция рабочей силы, зарплата, потребление риса были поставлены под государственный контроль.

В результате чрезвычайных мер японской промышленности удалось достигнуть успеха в ряде отраслей — к примеру, увеличить в 1937–1944 гг. производство самолетов с 2,7 тыс. до 28,4 тыс. в год. Однако подобные рекорды были в разы меньше соответствующих показателей американской промышленности. Даже при **«тотальной мобилизации»** и напряжении всех производственных ресурсов у Японии не было шансов на успех в долгосрочной борьбе.

Дипломатический фронт

В 1941–1943 гг. был подписан ряд японо-германских соглашений военного и экономического характера, однако до реальной координации действий не дошло, стороны действовали самостоятельно. Германии не удалось убедить Японию открыть второй фронт против СССР, что объяснялось японской оценкой советского оборонного потенциала и ухудшением положения империи на Тихом океане с лета 1942 г.

Япония активно апеллировала к **паназиатским лозунгам**, провозглашая «освобождение» Азии от гнета европейских империалистов, и рассчитывала на поддержку со стороны деятелей антиколониального движения. На начальном этапе подобная пропаганда имела определенный успех.

В рамках структурного оформления этой идеологической платформы была произведена частичная реорганизация госаппарата.

Осенью 1942 г. на базе министерства колоний и Азиатского департамента МИДа было создано министерство по делам Великой Восточной Азии. В Токио сделали ставку на создание политического блока стран-сателлитов во главе с Японией, в который территориально должны были войти Маньчжоу-Го, Китай (под руководством Ван Цзинвэя), Бирма, Индокитай, Филиппины, Таиланд, бывшие британские и голландские колонии. На оккупированных территориях создавались марионеточные режимы. Японское правительство признало их «независимость» и всячески подчеркивало «равноправный» статус отношений. Так, в начале 1943 г. Япония демонстративно отказалась от концессионных прав в Китае в пользу нанкинского правительства.

В ноябре 1943 г. в Токио была проведена конференция представителей стран Великой Восточной Азии, формально провозглашавшая появление нового геополитического блока и нового порядка в регионе. Однако режимы, созданные на оккупированных и зависимых территориях, держались во многом на японских штыках и не имели широкой поддержки. Усиленное выкачивание японцами ресурсов «освобожденных» колоний и жестокость в обращении с местным населением вели к росту антияпонского сопротивления.

После падения в июле 1944 г. кабинета Тодзио, который являлся убежденным сторонником борьбы до победного конца, активизировались **попытки выйти из войны путем переговоров**. Сторонниками «мирной партии» были лорд-хранитель императорской печати Кидо Коити (1889–1977) и Коноэ. Последний в феврале 1945 г. обратился к императору с докладом, в котором признавал неизбежность поражения. К Кидо и Коноэ примыкали бывшие премьеры Вакацуки, Окада и Ёнаи, министры иностранных дел Того Сигэнори (1882–1950) и Сигэмицу Мамору (1887–1957). Однако попытки выйти на договоренности с американскими дипломатами через нейтральные европейские страны успеха не имели. Неудачей закончились и консультации премьера Коисо Куниаки (1880–1950) с китайскими представителями в марте 1945 г., против выступили военные и МИД. В этих условиях важное значение для японского руководства приобретали **контакты с СССР**.

В 1943–1944 гг. глава японского МИД М. Сигэмицу обращался к советской стороне с предложениями выступить посредником для организации переговоров с Германией, однако в Москве не проявили интереса. На московской конференции союзников в октябре 1943 г. Сталин обозначил решение вступить в войну против Японии, спустя

месяц это было зафиксировано на конференции «большой тройки» в Тегеране.

С осени 1944 г. японская политическая элита обсуждала условия, на которых СССР мог пойти на продление действия пакта о нейтралитете. Инициатором дискуссии выступил Сигэмицу. Среди возможных уступок фигурировали признание советских интересов и прав в Маньчжурии, ликвидация рыболовной конвенции, уступка Южного Сахалина и северной части Курильских островов, а также другие пункты, представлявшие, с японской точки зрения, потенциальный интерес для советского руководства. Посол в Токио Я. А. Малик предполагал, что Япония будет искать пути для урегулирования отношений с СССР. Еще в июле 1944 г. он направил в Москву приблизительный список условий, которые можно было выставить японскому правительству. Часть советских дипломатов, в частности курировавший японское направление замнаркома иностранных дел С. А. Лозовский, вела работу в том же направлении, придерживаясь выжидательной линии относительно возможного открытия боевых действий против Японии.

В феврале 1945 г. в Ялте союзники договорились о вступлении СССР в войну против Японии. Сталин пообещал это сделать через два-три месяца после капитуляции Германии, добившись взамен согласия Рузвельта на передачу Южного Сахалина и Курильских островов и другие условия. Политическое решение было принято окончательно.

5 апреля 1945 г. советское правительство объявило о **денонсации пакта о нейтралитете**. В беседе с японским послом Сато Наотакэ (1882—1971) Молотов подтвердил продолжение действия пятилетнего срока пакта, из чего японское правительство сделало ошибочный вывод, что СССР не намерен вступать в войну до апреля 1946 г. Этим объясняются попытки в апреле—июне 1945 г. добиться посредничества Москвы для переговоров с США и Великобританией, однако советская сторона не пошла навстречу. Идея об организации визита Коноэ в Советский Союз, с которой в июле выступил министр иностранных дел Того, также не получила развития. Активный интерес к переговорам с СССР проявляли военные круги и сам император. Но война была уже неизбежной.

К началу августа 1945 г. советская группировка на Дальнем Востоке насчитывала 1,7 млн человек и имела в своем составе 5 тыс. самолетов, 2 тыс. танков и самоходных орудий и 24 тыс. орудий и минометов. Противостоявшая ей Квантунская армия имела около 700 тыс. человек, однако

уровень технической оснащенности и боевой подготовки оставлял желать лучшего. Преимущество советских сил было бесспорным.

Заключительный этап войны

В марте 1945 г. был утвержден план американского командования о вторжении в Японию, для чего должно было потребоваться более 5 млн человек. Закончить боевые действия предполагалось к концу 1946 г., вероятные потери оценивались до миллиона человек.

В марте 1945 г. был захвачен стратегически важный остров Иводзима, ставший, наряду с Марианским архипелагом, трамплином для масштабных бомбовых ударов по Японии. Японская ПВО была практически не в состоянии причинить ущерб американской авиации, инфраструктура бомбоубежищ отсутствовала. Жертвами **ковровых бомбардировок Токио** и других городов в марте—мае 1945 г. стали сотни тысяч мирных жителей.

1 апреля 1945 г. американские войска начали крупнейшую десантную операцию на тихоокеанском театре, высадившись на Окинаву. В результате кровопролитной **битвы за Окинаву** остатки японского флота, включая линкор «Ямато», а также почти 90% из 110-тысячного японского гарнизона были уничтожены; погибло множество мирных жителей. Общие потери союзников составили 50 тыс. человек. К концу июня организованное сопротивление японских войск на Окинаве было подавлено.

Успешное испытание атомной бомбы в июле 1945 г. внесло свои коррективы в американские планы. Администрация Трумэна решила пойти на боевое применение, чтобы ускорить капитуляцию Японии и продемонстрировать возможности нового оружия советскому руководству для оказания давления на переговорах о послевоенном мироустройстве. Политические мотивы решения были доминирующими.

26 июля 1945 г. была обнародована Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая с требованием немедленной и безоговорочной капитуляции Японии. Положения декларации учитывали советскую позицию, однако ее текст был предоставлен Москве только накануне «для сведения». Отсутствие подписи под текстом советского представителя было одной из причин колебаний японского правительства относительно принятия документа. Министр иностранных дел Того предложил выяснить точку зрения СССР. Военное и морское командование выступило против декларации, считая условие о капитуляции преждевременным, так как японские войска по-прежнему

контролировали огромные территории. В ходе двухдневных дебатов японское руководство приняло решение игнорировать («мокусацу») демарш союзников, о чем было заявлено 28 июля.

Отказ от принятия Потсдамской декларации дал союзникам формальные основания для нанесения последних, решающих ударов по Японии. 6 августа атомная бомба была сброшена на г. Хиросима, число погибших от взрыва и воздействия радиации к концу 1945 г. составило около 140 тыс. человек. Вечером 8 августа Молотов заявил японскому послу Сато о вступлении СССР в состояние войны с Японией начиная с 9 августа. Вскоре советские войска вторглись в Маньчжурию.

Советское выступление поставило крест на надеждах японской элиты добиться приемлемых условий мира и избежать капитуляции. Атомная бомбардировка г. Нагасаки 9 августа увеличила число жертв войны на 80 тыс. человек, однако принципиального значения уже не имела. В тот же день правительство признало безвыходность положения и попыталось выработать условия для капитуляции. Главное место отводилось сохранению императорского правления, однако Япония уже не могла требовать гарантий.

Превосходство в огневой мощи, технике и живой силе, а также опытность и высокий уровень подготовки обусловили стремительность советского наступления на суше и море. Уже 12 августа фронт был прорван на всех направлениях.

15 августа по радио было передано **обращение императора к нации**, в котором сообщалось о капитуляции. Монарх просил подданных «вынести невыносимое». Правительство Судзуки Кантаро официально подало в отставку, ряд военных и политических деятелей совершили самоубийства.

18 августа командующий Квантунской армией Ямада Отодзо отдал приказ войскам прекратить сопротивление. Началась организованная сдача оружия советской стороне, однако в ряде районов бои продолжались. 25 августа закончилась операция на юге Сахалина, 5 сентября советские войска заняли южную часть Курильских островов.

В конце августа в Японии высадились первые оккупационные части американских войск. 2 сентября 1945 г. на борту линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. Этот день считается официальным днем окончания Второй мировой войны. В Японии концом войны считается 15 августа.

Число японцев, погибших в войне, составило более 3 млн человек, из них на гражданское население пришлось порядка 600–800 тыс. человек. Мас-

штабы разрушений были колоссальны. Япония потерпела жесточайшее поражение, судьба ее общественно-политического устройства оказалась в руках союзных держав. Страна потеряла суверенитет.

3.3. Общество и власть периода «чрезвычайного времени» и «тотальной войны»

Радикализация общественных настроений

Усиление антияпонских настроений в мировом общественном мнении после «Маньчжурского инцидента» компенсировалось горячей **поддержкой экспансии внутри страны**. Японская общественность и представители разных политических лагерей демонстрировали солидарность перед лицом внешнего давления. В июне 1932 г. палата представителей единогласно приняла резолюцию о признании Маньчжоу-Го. На фоне эйфории от военных успехов выход из Лиги Наций также приветствовался широкими массами. Хотя некоторые из общественных деятелей допускали осторожную критику агрессивных действий, уровень публичного одобрения действий власти значительно вырос. Даже жители колоний, в частности Кореи, приветствовали создание Маньчжоу-Го, так как это открывало новые возможности для корейских крестьян-переселенцев.

Немногочисленные коммунисты изначально критиковали экспансионистский курс, однако постепенно многие из них «сменили вехи», отмежевавшись от Коминтерна, «абстрактного» интернационализма и выступив в поддержку «справедливой» борьбы против милитариста Чан Кайши, поддерживаемого «американским капиталом». В заявлениях подчеркивался тезис об уважении к императору, который являлся символом «национального единства» для японцев. Процесс перехода левых на новые позиции получил название *тэнко* («поворот»).

С июня 1931 г. по июль 1932 г. прошел публичный процесс над КПЯ, аресты продолжались и после. Практически все руководство партии оказалось за решеткой. Соглашательские заявления, в том числе искренние, многие писали из тюрьмы или находясь под следствием.

В феврале 1933 г. был арестован и умер под пытками пролетарский писатель Кобаяси Такидзи (1903—1933). В июне заявления о раскаянии подписали находившиеся в заключении два главных руководителя КПЯ Сано Манабу (1892—1953) и Набэяма Садатика (1901—1979). Это спровоцировало волну лоялистских заявлений со стороны других лидеров и членов партии. Ряд прозаиков левого толка также объявили о *тэнко*. Аресту подверглись мно-

гие сочувствовавшие левым идеям, а для тех, кто не был арестован или не «перевоспитался» за время пребывания в тюрьме, с 1934 г. стали вводить систему «охраны и наблюдения». В 1935 г., когда были запрещены все легальные левые издания, коммунистическое движение в Японии было фактически окончательно уничтожено.

Идеологический фронт

1930-е годы характеризовались проведением активных мероприятий в сфере идеологии для повышения «политической сознательности» подданных. В 1932 г. в структуре министерства просвещения был создан Научно-исследовательский институт духовной культуры народа, который должен был заниматься подготовкой кадров в сфере образования и популяризацией нужных идей в обществе. В августе 1933 г. было принято правительственное постановление «Конкретные меры по улучшению руководства идеологией», ставившее новые задачи в деле распространения «японского духа». Идеологема об особом «духе народа» занимала важное место в государственной пропаганде.

Летом 1934 г. в министерстве просвещения было образовано Управление по идеологии (*сисокёку*). В школы по всей стране отправлялись сотни инспекторов, призванных следить за содержанием обучения и пресекать распространение «вредных» идей в образовательных учреждениях.

На 1935 г. пришлось **обострение дискуссии вокруг «теории органа»** Минобэ Тацукити. Теория и ее автор и раньше подвергались нападкам ультраправых и традиционалистов, однако в 1920-е годы ее положения получили признание не только среди общественности, но и со стороны власти. Изменение политического климата в стране и усиление национализма, в частности в армии, способствовали возникновению масштабной кампании против Минобэ и его теории. Идеи профессора являлись препятствием процессу милитаризации массового сознания, а кампания по их дискредитации стала результатом наступления ультранационалистов и консерваторов на либералов в правящих кругах. В силу конъюнктурных соображений эту риторику поддержала партия Сэйюкай, рассчитывавшая добиться отставки кабинета.

Хотя правительство старалось занять осторожную позицию, а император относился к ученому и его теории благосклонно, в результате выступлений правых Минобэ был вынужден сложить полномочия члена палаты пэров и покинуть университетский пост, а его три книги были запрещены. В отставку также ушел поддер-

живавший «теорию органа» председатель Тайного совета Икки Китокуро. Правительство официально подвергло критике положения теории как несовместимые с основными принципами «священного» государственного строя.

После отказа от «теории органа» и подавления февральского мятежа ультрарадикалов правительство встало перед необходимостью оформления идеологической платформы для недопущения «вредных» идей. В апреле 1937 г. министерство просвещения выпустило программный документ **«Основные принципы кокутай»** (*Кокутай-но хонги*). Он провозглашал божественность императора и его единство с народом, который обладал уникальными врожденными добродетелями, проявляющимися при условии самоотверженного служения монарху. Нация рассматривалась как одна семья, лояльность к императору ставилась выше сыновьей почтительности. Как отмечает Т. Г. Сила-Новицкая, официальная идеология приобретала «вид священной доктрины, не столько подлежавшей восприятию разумом, сколько рассчитанной на эмоционально-символическое впитывание». «Основные принципы кокутай» печатались огромными тиражами и стали основным пособием для идеологического воспитания подданных империи в последующие годы.

Власть и общество в условиях «большой войны»

Перерастание «Китайского инцидента» в крупномасштабную войну обусловило принятие властью репрессивных законов военного времени. 22 января 1938 г. парламент принял «закон о всеобщей мобилизации нации» (*кокка со:до:ин хо:*), который вводил ограничения в различных сферах жизни: экономике, образовании, науке и т.д. Были проведены аресты некоторых деятелей, обвиненных в пропаганде антивоенных идей. Однако в целом уровень шовинизма в обществе был высоким. Процесс создания «единомыслия» в общественном мнении носил не только принудительный, но и добровольный характер. На поприще государственной пропаганды потрудились многие писатели и публицисты.

Летом 1940 г. наступил новый этап реформирования политической системы. Речь шла о создании **«новой политической структуры»**, в которую должны были влиться партии, профсоюзы и иные организации. В центре этого процесса стоял Коноэ Фумимаро, в конце июля сформировавший свой второй кабинет. Уже в качестве премьера он заявил, что партии либерального, демократического или социалистического толка «несовместимы с новой государственной структурой». В течение лета 1940 г. партии объявили о самороспуске.

В «Программе новой структуры» бывшие партийные лидеры провозглашали «полное уничтожение... системы индивидуализма в политической, экономической и культурной областях» на базе «единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору». Коноэ отверг возможность создания новой партии, заявив, что это нарушило бы принцип «единения» императора и народа. 12 октября 1940 г. была официально учреждена **Ассоциация помощи трону**. Отношения между новой организацией и государственным аппаратом стали предметом долгих дискуссий, однако в конечном итоге Ассоциация лишилась многих изначальных функций и превратилась во вспомогательный орган бюрократической системы.

7 декабря 1940 г. кабинет утвердил основные принципы **«новой экономической структуры»**. Были учреждены отраслевые контрольные ассоциации, осуществлявшие на производстве функции надзора и администрирования от имени государства, которое получило механизм регулирования экономики в чрезвычайных условиях при сохранении частной собственности.

«Тотальная мобилизация» и власть на заключительном этапе войны

После начала войны на Тихом океане в стране ужесточился контроль за печатью, собраниями, организациями, культурной жизнью. Действовала карточная система на продукты питания, одежду и пр. По специальному закону власти могли привлекать к трудовой повинности гражданских лиц любого пола в возрасте от 12 до 70 лет. Мероприятия по «тотальной мобилизации» являлись не только отражением репрессивного характера политического режима, но и продуктом военного времени.

Ухудшение положения на фронтах диктовало необходимость консолидации всех подданных империи и подключения к «тотальной мобилизации» жителей колоний. В 1944 г. корейцев стали призывать в армию в обязательном порядке (с Тайваня призывались только добровольцы). В начале 1945 г. в парламенте было принято решение о выделении для Кореи и Тайваня квот на мандаты в обеих палатах парламента на выборах 1946 г. Однако принятые меры оказались запоздалыми.

Последние выборы в парламент военного времени прошли в апреле 1942 г. Кандидаты, поддержанные Ассоциацией помощи трону, ожидаемо заняли большинство мест, однако триумф был неполным. Несмотря на ограничения и репрессии со стороны властей, независи-

мые кандидаты, включая открытых противников премьер-министра Тодзио, получили в общей сложности 85 из 466 мандатов, что отражало **известную степень плюрализма** даже в условиях военного времени. Тем не менее высокая степень добровольно-принудительной консолидации политического класса, как и общества в целом, сохранялась до конца войны.

Тодзио Хидэки возглавлял кабинет и одновременно занимал должность главы военного ведомства и ряд других важнейших постов, сосредоточив в руках колоссальные полномочия. В то же время влияние Тодзио не было абсолютным, поэтому его корректно рассматривать в качестве авторитарного лидера военного времени, а не диктатора, подобно Гитлеру или Сталину. Стиль правления премьера вызывал сопротивление влиятельной части правящей элиты, в том числе *дзюсин*, а военные поражения привели к падению его популярности и авторитета. Несмотря на попытки сохранить власть, в июле 1944 г. Тодзио был вынужден подать в отставку. В апреле 1945 г. было сформировано последнее правительство «военного времени» под началом Судзуки Кантаро. Несмотря на декларации о продолжении войны «до победы», главной его задачей стал поиск приемлемого выхода из войны.

Существует несколько точек зрения на существо политического режима, сложившегося в начале 1940-х годов в Японии. Ряд историков считают, что власть стремилась к установлению полного (тотального) контроля над различными сторонами жизни каждого японца и всего общества в целом, поэтому режим следует считать тоталитарным. Критики такого подхода отмечают, что в Японии отсутствовали такие признаки тоталитарного режима, как господство одной партии или централизация государственной власти в руках диктатора.

Действительно, специфика японского общественного устройства не позволила появиться харизматичному политику с диктаторскими полномочиями. В патриархальной иерархии, замкнутой на сакральную фигуру императора, не было места для альтернативного лидера, способного поставить под полный контроль элиту и репрессивный аппарат.

Тем не менее отсутствие однопартийной системы отнюдь не снижало возможности власти по мобилизации масс. Как указывает А. Н. Мещеряков, понятие «подданного» позволяло избежать дихотомии «партийный»—«беспартийный» и достигнуть большей гомогенности населения и управляемости им. В условиях милитаризации общество было пронизано организациями, занимавшимися регулированием

жизнедеятельности индивидуума на разных уровнях. В них входили практически все подданные империи, членство часто носило принудительный характер. Власть контролировала жизнь японца и основные информационные потоки, вмешивалась в повседневность. В условиях военного времени экономика была жестко регламентирована. В этой связи по совокупности факторов представляется уместным характеризовать режим, сложившийся в Японии в начале 1940-х годов, как **тоталитарный, хотя и с известными оговорками.**

Годы войны характеризуются усилением цензуры и гонений на инакомыслие, попытками искоренения иностранного влияния в искусстве и других областях. Несмотря на значительное ухудшение жизни японцев во время войны, система государственной пропаганды, умело эксплуатировавшая этнонацизм, приукрашивавшая положение на фронтах и призывавшая напроц все силы для одержания неминуемой победы, действовала весьма эффективно. Поэтому шок, испытанный японским обществом от поражения, оказался колоссальным.

4. Выводы

После 1905 г. Япония последовательно укрепляла свои позиции в регионе, продолжая модернизировать экономику и развивать внешнюю торговлю, достигнув в этом определенных успехов. Росло производство, развивалась система образования, увеличивался поток людей в города. Система власти переживала этап трансформации, характеризовавшейся вовлеченностью в политические процессы большей массы народа. Происходила либерализация избирательного законодательства, повысилась роль парламента, появились партийные кабинеты.

Урбанизация, рост индивидуализма и развитие товарно-денежных отношений разрушали привычный уклад жизни японцев. Масштабные изменения затрагивали практически все сферы жизни общества, находя отражение в произведениях литературы и искусства, а также в росте влияния радикальных политических течений, в том числе в армии.

Несмотря на успехи в индустриализации, структура экономики и внешней торговли оставалась несбалансированной, а ситуация в аграрном секторе — нестабильной. Положение основной массы работников, особенно крестьян, было тяжелым. Усиливалось неравенство, росла социальная напряженность. Расширение использования демократических механизмов в политике не привело к фундаментальным

изменениям в системе принятия государственных решений, которая по-прежнему носила олигархический характер. Возрастало влияние военных.

Великая депрессия обнажила внутренние проблемы Японии и обнаружила высокую зависимость экономики страны от мировых рынков. Это мотивировало правящую элиту к смещению приоритетов во внешней политике. Выходом из положения виделась *автаркия* — создание замкнутого хозяйственного пространства в регионе под японским контролем, которое включало бы как сырьевую базу, так и рынок сбыта. Опыт колониального управления в Корее и Тайване убеждал в жизнеспособности данной модели. Активизация внешней политики была также призвана направить вовне мощное социальное недовольство в стране. Интересы финансовой олигархии совпадали с позицией военных кругов, элита страны в значительной степени консолидировалась перед лицом новых задач. Националистические настроения, распространившиеся в обществе, обеспечивали поддержку экспансионистскому курсу.

Сравнительно легкая оккупация Маньчжурии, создание марионеточного государства и его интеграция в экономическую систему империи создавала иллюзию успешности выбранного пути. Однако расширение военной экспансии в Китае и перерастание ее в долгосрочную войну ставило под угрозу внешнеполитическую стратегию и втягивало империю в новые противостояния.

Война на Тихом океане ярко продемонстрировала тактическую силу империи и стратегическую недальновидность ее руководства, особенно военного. Планомерно готовясь к «большой войне», страна сумела накопить запасы стратегического сырья и от мобилизовать экономику, боевой настрой войск и готовность к жертвам были высочайшими. Однако этого было недостаточно для затяжной войны с противником, многократно превосходившим империю по всем основным экономическим показателям. Японские генералы осознавали разницу потенциалов, однако вера в «особый дух» нации застилала глаза.

Захватив огромную территорию, Япония была не в состоянии наладить ее оборону. Потерпев ряд жестоких поражений на начальном этапе войны, противник сделал ставку на разрыв коммуникаций и создание максимального превосходства в технике и огневых средствах, планомерно изолируя отчаянно дравшиеся японские гарнизоны. В этих условиях массовое самопожертвование солдат и офицеров превращалось в бессмысленное перемалывание подго-

товленных кадров, что усугублялось отсутствием отлаженной системы их воспроизводства.

Провозгласив борьбу с европейским колониализмом, японцы принесли азиатским народам свой собственный. В соответствии с концепцией «сферы процветания» другие нации априори ставились в подчиненное к японцам положение, что исключало создание широкой базы поддержки на местах. Открытый грабёж со стороны новых колонизаторов и их жестокость довершали картину проигрыша борьбы за симпатии местного населения. Этноцентричный характер идеологической платформы делал ее заведомо несостоятельным инструментом обеспечения экспансии.

Комплекс фундаментальных просчетов привел Японию к жесточайшему поражению и краху империи.

Контрольные вопросы

1. Внешняя политика в 1905–1918 гг.
2. Система «кэйэн» и внутривнутриполитическое положение до 1918 г.
3. Экономическое развитие в 1905–1931 гг.
4. «Демократия Тайсё» и «партийные» кабинеты.
5. Япония и версальско-вашигтонская система.
6. Японо-российские / японо-советские отношения.
7. Левое движение.
8. Правое движение.
9. Великая депрессия и ее последствия.
10. «Маньчжурский инцидент» и рост экспансионизма.
11. Общество, население, власть.
12. Экономика «чрезвычайного времени» и «тотальной мобилизации» (1931–1945).
13. Японо-китайская война.
14. Война на Тихом океане.

Рекомендуемая литература

- История войны на Тихом океане. Т. 1–5. М., 1957–1958.
История Японии. Т. 2. 1868–1998 / Под ред. А. Е. Жукова. М., 1998.
Конрад Н. И. Японская литература. От «Кодзики» до Токутоми. М.: Восточная литература, 1974.
Мазуров И. В. Японский фашизм. М., 1996.
Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006.
Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009.
Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. История Японии. XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2007.

Япония в первой половине XX в. (1905–1945)

Шулатов Я. А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914. Хабаровск; М., 2008.

Сакаи Тэцуя. Тайсё: дэмокураси тайсэй-но хо:кай – найсэй то гайко: = Распад системы «демократии Тайсё»: внутренняя и внешняя политика. Токио, 1992.

Nish Ian. Japanese foreign policy in the interwar period. Westport (CT), 2002.

Smethurst R. J. A social basis for prewar Japanese militarism. The army and the rural community. Berkeley (CA), 1974.

Глава 6

Япония после Второй мировой войны

1. Период американской военной оккупации (1945–1951)

1.1. Экономические и социальные последствия войны

После подписания акта о полной и безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. оккупированная Япония лежала в руинах. Экономические и социальные последствия войны были ужасными. Помимо людских потерь (Япония потеряла почти 3 млн человек, в том числе около 800 тыс. мирных жителей), было почти полностью снесено с лица земли примерно 90 городов, целиком разрушено 2,5 млн жилых домов, особенно в больших городах, наиболее сильно подвергавшихся бомбардировкам. Численность населения Токио, составлявшая в 1940 г. 6,7 млн человек, сократилась в 1945 г. до 2,8 млн человек.

Огромный ущерб был нанесен экономике. Практически полностью были ликвидированы в стране производственные мощности легкой и пищевой промышленности, которые еще в военный период были переориентированы на нужды армии и флота. Хотя потенциал тяжелой промышленности, металлургии, машиностроения и ряда других отраслей в значительной степени сохранился, он не мог обеспечить немедленные нужды восстановления из-за необходимости конверсии. К тому же прекращение поставок сырья и материала из-за рубежа, и прежде всего из азиатских колоний Японии, не позволяло рассчитывать в деле экономического восстановления на предприятиях этих отраслей. Усугубляло ситуацию и то, что в ряде отраслей (судостроение, самолетостроение) промышленное оборудование было на первом этапе оккупации признано объектом репараций и выведено из экономического оборота.

Колоссальными были социальные последствия войны, сопоставимые с ситуацией гуманитарной катастрофы. Отсутствие внешних поставок, от которых зависела Япония, а также неурожаи первых послевоенных лет привели к ощутимой нехватке продовольствия. Си-

туацию спасали лишь централизованные поставки США по линии «Правительственного фонда помощи оккупированным территориям» (*GARIOA*) и «Фонда экономического содействия оккупированным территориям» (*EROA*). Огромных масштабов достиг черный рынок. Так, в 1948 г. объемы риса, продаваемого на черном рынке, в 7,5 раза превысили объемы риса, официально распределяемого через карточную систему. По всей стране возникли «блошинные» рынки, на которых можно было обменять какие-то ценности на продовольствие. Даже токийская муниципальная полиция ежемесячно предоставляла своим сотрудникам «продовольственные каникулы», позволявшие найти что-то съестное в условиях, когда зарплата не позволяла обеспечить физическое выживание.

В страну хлынул поток беженцев из бывших колоний (на момент окончания войны за пределами Японии находилось около 6,5 млн человек, из которых около 3 млн человек составляли гражданские лица). В результате массовой репатриации численность населения Японии существенно выросла, составив более 80 млн человек в 1948 г. по сравнению с примерно 70 млн до войны. В условиях крайнего риска, который таила в себе репатриация с неясными перспективами, многие проживавшие в тот момент в Китае японцы были вынуждены даже оставить своих малолетних детей в китайских семьях. (В начале 2000-х годов многие из японцев, воспитанных в Китае в приемных семьях, выступили с судебными исками против японского правительства.)

Достаточно острой была проблема проживавших в период войны 1,3 млн корейцев, значительная часть которых была насильственно привезена из колонии в Японию в рамках трудовой мобилизации. Частично корейцы были репатриированы на родину, но многие возвращались назад в Японию из-за нестабильной внутренней ситуации в Корее, которая вскоре после войны оказалась расколотой на два враждебных государства.

В то же время многие бывшие военнослужащие японской императорской армии были насильственно интернированы и не могли вернуться на родину, в том числе около 600 тыс. человек, удерживаемых в СССР. Их репатриация продолжалась вплоть до подписания Совместной декларации 19 октября 1956 г., формально положившей конец состоянию войны.

Огромную проблему для страны представляли различные социально ущемленные категории населения: бездомные, вдовы и сироты, лишенные каких-либо средств к существованию, инвалиды и лица, по-

лучившие увечья в результате войны, в том числе достаточно большая категория *хибакуся* — лиц, пострадавших от атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Многие из них считались «прокаженными» и подвергались остракизму.

1.2. Политическая система и демократические реформы периода оккупации

Для реализации оккупационной политики союзные державы создали две структуры. Главным органом, определявшим политическую линию в отношении выполнения условий капитуляции, была работавшая в Вашингтоне Дальневосточная комиссия. В нее входили 11 государств: СССР, США, Китай, Великобритания, Франция, Нидерланды, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Филиппины. Решения принимались большинством голосов при условии единогласия четырех великих держав — СССР, США, Китая и Великобритании. Для непосредственного консультирования главнокомандующего оккупационными войсками в Токио создавался Союзный совет для Японии в составе США, СССР, Китая и одного представителя четырех государств — Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Индии.

Ключевую роль в проведении оккупационной политики играло командование американских оккупационных войск в Японии. Главнокомандующим Штабом оккупационных войск (ШОВ) был генерал **Дуглас Макартур**, герой войны на Тихом океане. Личная харизма и высокий авторитет в американском обществе обеспечили ему необходимый политический ресурс для руководства оккупационной политикой. Дополнительным фактором популярности Макарура в японском обществе послужило то, что он не злоупотреблял внешними атрибутами своего статуса. Генерал прибыл в Японию в конце августа 1945 г. безоружный, без личной охраны, ходил в простой военной форме без галстука, практически не надевал военных наград.

Япония избежала участи государства, разделенного на зоны оккупации, контролируемые союзниками, каковой тогда была поверженная Германия. Сохранила она и свое правительство, а также систему местной администрации. В стране продолжала действовать довоенная конституция. Система оккупационного правления носила косвенный характер и была построена на том, что главком ШОВ издавал в адрес японского правительства меморандумы и директивы, которые были обязательными для исполнения и оформлялись в виде соответству-

ющих законов или постановлений уже от имени японских властей. Кроме того, оккупационные власти взяли на себя часть важнейших государственных функций — внешней политики, государственных финансов, внешней торговли, правосудия и т.д.

На первом этапе оккупации (1945–1948 гг.) в стране были проведены масштабные демократические реформы, затронувшие экономическую, политическую и социальную сферы. Для США важно было устранить военную угрозу со стороны Японии, минимизировать даже теоретическую возможность появления нового милитаристского режима, для чего было необходимо создать прочные основы для развития демократии в стране. Поэтому реформы были направлены на коренную демилитаризацию и демократизацию Японии.

Одна из главных проблем, с которой столкнулось американское правительство уже на начальном этапе оккупации, заключалась в необходимости определить место института императора в будущем политическом устройстве Японии и решить личную судьбу императора Хирохито. Многие в Вашингтоне считали, что императора необходимо привлечь к судебной ответственности, поскольку именно от его имени издавались приказы военного времени, он знал об агрессивных военных планах, в том числе о нападении на Пёрл-Харбор. Однако возобладали точка зрения о том, что наказание императора будет противоречить целям оккупационной политики.

Свою роль сыграла личная встреча императора с Макартуром 27 сентября 1945 г. Император произвел на американца благоприятное впечатление как достойной манерой общения, так и тем, что Хирохито сам предложил взять на себя всю ответственность за действия своих министров в период войны. Д. Макартур даже отозвался в своем дневнике об императоре как о «первом джентльмене Японии». В январе 1946 г. Д. Макартур написал в служебной записке в Вашингтон о том, что арест императора будет иметь колоссальные последствия для японского общества и поставит под угрозу саму оккупационную политику, создав дополнительную опасность хаоса и даже партизанского сопротивления. По оценкам того времени, выход ситуации из-под контроля поставил бы американцев перед необходимостью привлечь дополнительно 1 млн человек для поддержания порядка в стране.

Однако для подрыва позиций довоенной милитаристской идеологии требовалось ликвидировать институт и идеологию «государственного синто». Первым шагом к этому стал отказ императора от своего божественного происхождения, для чего он выступил по

этому поводу со специальной речью по радио 1 января 1946 г. Император заявил о том, что его связи с людьми «теперь не будут зависеть от мифов и легенд» и что монархия в Японии совместима с демократией еще со времен клятвы императора Мэйдзи 1868 г. Для многих японцев, воспитанных в духе почтения к верховной особе, выступление императора было шоком, а некоторые восприняли его как предательство. В то же время отсутствие массовых беспорядков в стране свидетельствовало о том, что японцы в своей массе изначально не считали императора «живым богом» в европейском понимании этого слова.

В начале 1946 г. по указанию американских властей японское правительство приступило к подготовке проекта **новой конституции**. Однако первые два проекта, в том числе документ, подготовленный консервативным юристом С. Мацумото, были отвергнуты как недостаточно радикальные. В феврале 1946 г. комиссией по делам администрации ШОВ во главе с генералом Кортни Уитни был подготовлен новый проект, который и был принят японским правительством с некоторыми поправками, не изменявшими его суть. После утверждения парламентом новая демократическая конституция 3 мая 1947 г. вступила в силу. Принятие новой конституции проходило в соответствии с процедурами, определенными в мэйджийской конституции, что позволило обеспечить преемственность новой системы по отношению к довоенной и повысить ее легитимность в глазах населения (ситуация, отличная от Германии, где послевоенное государство решительно отмежевалоь от нацистского режима).

В отличие от конституции 1889 г., где в качестве источника власти был указан император, в преамбуле японской конституции 1947 г. было отмечено, что суверенитет принадлежит народу, который реализует его через всенародно избираемый парламент. В новой конституции отсутствовали какие-либо упоминания о Тайном совете, наследственной аристократии и иных антидемократических социальных и политических институтах довоенного времени.

По конституции император становился «символом государства и единства народа». Поскольку религия, в соответствии со ст. 20 Основного закона, отделялась от государства, император, формально оставаясь главой синто, лишался возможности оказывать воздействие на духовную сферу, используя авторитет государственной власти. Его prerogatives теперь стали носить исключительно церемониальный характер. В дальнейшем в рамках проводившейся реформы образования из школьных программ были изъяты положения, пропагандировавшие

чувство национальной исключительности японской нации, верноподданныческий долг по отношению к императору и т.д.

В сфере государственного управления вводилась кабинетно-парламентская система, в рамках которой парламент избирается всенародным голосованием, а глава исполнительной власти выбирается парламентом страны из числа своих членов (ст. 67). Он формирует кабинет министров, который, как указано в конституции, должен в большинстве своем состоять из членов парламента (ст. 68). Каждый из членов кабинета возглавляет одно из министерств, а законопроекты вносятся в парламент главным образом от имени правительства. Важным моментом стало положение ст. 66 конституции о том, что кабинет министров, являющийся центральным органом исполнительной власти, несет перед парламентом коллективную ответственность.

Целый ряд конституционно оформленных положений был призван закрепить центральную роль парламента в политической системе страны. Основополагающей в этом отношении стала 41-я статья конституции, определившая парламента как «высший орган государственной власти» и «единственный законодательный орган государства». Конституцией определялась двухпалатная модель парламентской системы, в целом нехарактерная для унитарных мононациональных государств с демократическими принципами государственного устройства. Для Японии смысл существования двухпалатной системы заключается в создании более сбалансированной конфигурации парламента за счет особого статуса палаты советников, которая более устойчива к колебаниям политической конъюнктуры, поскольку, в отличие от палаты представителей, не подвержена роспуску со стороны исполнительной власти. В обеих палатах парламента создавалась система комитетов и комиссий по различным аспектам государственной политики, которые становились главной ареной проведения парламентских дискуссий.

Особое место в ряду политических преобразований стало введение гарантий политических прав и свобод: свободы слова, собраний, объединений, в том числе права на создание профсоюзов, политических партий и общественных организаций (по старой конституции права подданных ограничивались требованием соответствия действующим законам, которые в реальности носили антидемократический характер). Важным шагом на пути к демократизации стало введение всеобщего избирательного права.

В отличие от избирательного закона 1925 г., новый Закон о выборах распространил избирательные права на женщин и снизил возрастной ценз активного избирательного права с 25 до 20 лет. Было провозглашено равенство граждан перед законом, запрещены все виды дискриминации по признакам расы, религии, пола и социального происхождения. Была поставлена цель гарантировать открытое выражение любых политических взглядов, не противоречащих закону, для предотвращения довоенной ситуации, при которой государственная власть была освобождена от критики.

Большое место в общем ряду послевоенных реформ занимали шаги по **демилитаризации политической, экономической и общественной жизни**. Императорская армия была расформирована, а в конституцию была введена уникальная для современного конституционного права ст. 9, согласно которой «японский народ на вечные времена отказывается от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства решения международных споров».

Нет единого мнения, по чьей инициативе была подготовлена данная статья: одни считают ее автором Макартура, другие — тогдашнего премьер-министра Японии К. Сидэхара. В дальнейшем именно эта статья наряду с преамбулой конституции, в которой провозглашалось стремление японского народа к миру, стало важнейшим завоеванием, символизирующим решительное отмежевание Японии от своего милитаристского прошлого и позволившим Японии завоевать международный авторитет, используя статус пацифистского государства.

Другой гарантией от возрождения милитаризма стало положение о том, что глава правительства и члены кабинета министров должны быть гражданскими служащими (ст. 66 конституции). Были ликвидированы политическая полиция *токко* и министерство внутренних дел, в сферу полномочий которого в довоенной Японии входила охрана общественного порядка и деятельность полиции, выборы всех уровней, включая губернаторов префектур, а также вопросы деятельности местных органов власти.

На смену централизованной системе государственной власти пришла двухступенчатая система, в рамках которой наряду с центральным правительством создавалась система местного самоуправления, имеющая независимое финансовое обеспечение. Все руководители местных органов власти всех уровней стали выборными. Была проведена судебная реформа: переписан гражданский кодекс на базе де-

мократических норм права, с целью повышения независимости судов ослаблены prerogatives министерства юстиции, касающиеся контроля судебной системы, и одновременно усилены полномочия Верховного суда. Огромное значение для японского общества с его сильными патриархально-конфуцианскими традициями имели меры по эмансипации женщин в политической, экономической, социальной, духовной и иных сферах. Впервые в истории они получили равные с мужчинами юридические права в браке, семье, образовании и на рабочем месте.

В конце 1945 г. оккупационные власти издали директиву о реформе **системы образования**. В ходе ее реализации был введен запрет на «моральное воспитание» и отменены иные антидемократические положения императорского рескрипта об образовании, существенно изменены учебные программы и переписаны учебники по истории, географии и иным дисциплинам, в которых пропагандировался дух исключительности японской нации. Из образовательных учреждений в связи с «националистическими взглядами» были уволены или вынуждены уйти по своей воле около 100 тыс. сотрудников. Была повышена самостоятельность школ от министерства образования, с целью ослабления традиционно элитарного характера высшего образования в стране было расширено число университетов и увеличено число мест в них. В соответствии с Основным законом об образовании, принятым в 1947 г., срок обязательного образования увеличен до девяти лет, причем в качестве модели была взята американская система среднего образования.

Подъем рабочего движения и демократизация общественной жизни вынудили власти к принятию в 1947 г. достаточно радикального в плане прав защиты трудящихся законодательства в трудовой сфере. Ряд мер был предпринят для становления в стране гражданского общества. Были полностью легализованы профсоюзы, в стране началось активное развитие профсоюзного движения. К концу 1946 г. в профсоюзах состояло около 5 млн человек, представлявших все виды профессий, включая, например, гейш.

В 1946–1948 гг. державами-победительницами в Токио был проведен **Международный военный трибунал для Дальнего Востока** (Токийский процесс), который принял постановление о преступном характере политики японского правительства в ходе Второй мировой войны. Деятели военного времени, занимавшие ключевые посты в правительстве, политических партиях и крупнейших экономических структурах Японии, были привлечены к уголовной ответственности и оказались за решеткой.

Наиболее суровые наказания были назначены 28 преступникам класса А, а семь человек, включая двух бывших премьер-министров (Х. Тодзё и К. Хирота), были приговорены к смертной казни и повешены. Многие японские историки критиковали Токийский процесс как политически мотивированный, указывая, что преступники были фактически осуждены еще до вынесения вердикта. К тому же вердикт не был единодушным: четверо судей заявили о своем особом мнении.

Между тем уже к концу 1950-х годов практически все лица, приговоренные Токийским трибуналом к тюремному заключению, были амнистированы. В конце 1970-х годов Тодзё Хидэки и 13 прочих военных преступников класса А были скрытно внесены в канонизированные списки японцев, погибших за родину на полях сражений, которые хранятся в синтоистском храме Ясукуни.

В ходе судебных процессов меньшего масштаба, прошедших в Иокогаме и ряде городов стран Азии, пострадавших от японской агрессии, были рассмотрены судебные дела преступников класса В и С («зверства», «жестокое обращение с военнопленными» и т.д.). К смертной казни была приговорена почти тысяча человек, а более 3 тыс. получили различные сроки, включая пожизненное заключение. В результате проведенного в СССР в 1949 г. Хабаровского процесса к различным срокам тюремного заключения были приговорены 12 военнослужащих японской армии, обвиненных в подготовке бактериологической войны.

Несмотря на большой масштаб репрессивной политики в отношении лиц, запятнавших себя сотрудничеством с милитаристским режимом (меры коснулись примерно 200 тыс. человек и включали в себя широкий диапазон наказаний — от уголовной ответственности до запрета занимать общественные должности), политические чистки не имели столь всеобъемлющего характера, как это было в послевоенной Германии, и не затронули костяк гражданской бюрократии довоенного времени. В этих условиях появился шанс для выдвижения нового поколения политической элиты из числа управленцев второго эшелона, занимавших важные, но не ключевые посты в правительстве довоенного времени. Среди них, например, можно назвать послевоенных премьер-министров Японии С. Есида (во время войны заместитель министра иностранных дел), Х. Икэда (начальник главного налогового управления), Н. Киси (министр торговли и промышленности), Э. Сато (начальник управления по надзору за железными дорогами).

Демократические реформы коснулись и экономической сферы. Решительный удар был нанесен по финансово-промышленным группировкам *дзайбацу*, составлявшим экономическую основу японско-

го милитаризма. Было принято антимонопольное законодательство и распущено более 300 крупнейших предприятий, игравших ключевую роль в экономике довоенного времени. Тем самым в стране создавались условия для развития свободной конкуренции и рыночных отношений. Однако в реальности меры проводились с большой задержкой, что позволило большинству из них остаться на плаву после введения в 1948 г. «обратного курса», фактически отменившего ранее принятые решения.

В 1946–1949 гг. в стране была проведена **земельная реформа**, призванная покончить с помещичьим землевладением. В ее рамках был установлен потолок максимального размера индивидуальных земельных владений, составлявший в среднем по стране менее 3 га (для Хоккайдо в среднем до 12 га). Все излишки земли, превышавшие указанное ограничение, должны были быть проданы. В результате реформы к 1950 г. около 90% сельскохозяйственной земли стало принадлежать тем, кто ее обрабатывал. Поскольку почти половина населения Японии в тот период была сельской, реформа, таким образом, имела огромное значение для создания экономической основы послевоенной японской демократии.

Структурные реформы в экономике имели большие политические последствия, заложив экономические основы для развития демократической системы страны. Результаты реформ были с одобрением восприняты народом Японии. Вместе с тем эти преобразования не носили радикального характера, а преемственность с довоенным периодом проявилась в том, что в Японии после войны сформировалась специфическая модель капиталистической экономики, имевшая ограниченно рыночный характер.

На первом этапе оккупационной политики особым расположением оккупационных властей, стремившихся найти политическую альтернативу дискредитировавшим себя довоенным партиям, пользовались именно левые партии, в наибольшей степени пострадавшие от довоенных репрессий. Полностью легализована была компартия страны, основанная в 1922 г. и вынужденная уйти в подполье в условиях жестких репрессий довоенного времени. КПЯ выдвинула обширную программу демократических преобразований, включая создание демократической республики, ликвидацию монархии, решительное наказание военных преступников и введение народного контроля над основными отраслями экономики. В ноябре 1945 г. была основана Социалистическая партия Японии, поставившая своей целью строительство социализма в стране, подъем благосостояния трудящихся.

Начали возрождать свою деятельность и партии консервативной ориентации, основу которых составили деятели буржуазных партий довоенного времени. В ноябре—декабре 1945 г. появилось сразу несколько партий. Сначала политиками из бывшей партии Сэйюкай была образована Либеральная партия, которую возглавил **Хатояма Итиро**. Затем появилась Прогрессивная партия, представитель которой Сидэхара Кидзюро в 1945—1946 гг. возглавлял правительство, подготовившее проект новой конституции страны. Наконец, в конце 1945 г. была основана Японская кооперативная партия, стоявшая на позициях сотрудничества между трудом и капиталом.

В декабре 1945 г. парламент принял разработанный правительством по рекомендации оккупационных властей закон о выборах, на основании которого 10 апреля 1946 г. были проведены первые в послевоенной Японии демократические выборы в нижнюю палату парламента. Большинство получила Либеральная партия (140 мест из 485), далее следовали Прогрессивная партия, Социалистическая партия, Японская кооперативная партия и КПЯ. Новое правительство по согласованию с американскими оккупационными властями возглавил **Ёсида Сигэру**, который сменил на посту главы Либеральной партии Хатояма Итиро, внесенного в список «нежелательных лиц». Свою роль, помимо прочего, играло то, что в годы войны Ёсида непродолжительное время отбывал тюремный срок за свои англофильские и либеральные взгляды.

В дальнейшем партийно-политическая система страны вплоть до 1955 г. переживала процесс неоднократного реформирования. К числу его новых акторов в 1947 г. прибавилась Демократическая партия, образованная путем слияния Прогрессивной партии и части Либеральной и Народно-кооперативной партии. В июне 1947 — феврале 1948 г. коалиционное правительство во главе с Катаяма Тэцу было сформировано Социалистической партией, получившей по итогам состоявшихся в апреле 1947 г. парламентских выборов относительное большинство голосов в нижней палате, затем вплоть до октября 1948 г. у власти находился кабинет Асида Хитоси, лидера Демократической партии.

На политический процесс оказали свое влияние коррупционные скандалы, в частности «дело Сёва дэнко», в ходе которого всплыли наружу факты незаконных политических пожертвований лидерам ведущих политических партий. После отставки кабинета Асида, глава которого оказался замешанным в этом скандале, правительство формирует Демократическо-либеральная партия (созданная в 1948 г. из Либеральной и части Демократической партии). Новый кабинет вновь возгла-

вил С. Ёсида. Видя в нем гаранта стабильности в стране и недопущения прихода к власти левых сил, негласную поддержку этому политику оказали американцы, приложившие руку к дискредитации его политических конкурентов. После выборов января 1949 г. кабинеты Ёсиды стали опираться на прочное парламентское большинство, что обеспечило их лидеру свободное определение политического курса страны.

1.3. «Обратный курс» и его последствия

На втором этапе оккупационной политики (1948–1951 гг.) приоритеты политики США в Японии существенно изменились. В условиях обострения противоречий между СССР и США и начала холодной войны Вашингтон стал рассматривать Японию в контексте политики сдерживания коммунизма. Свою роль играла и международно-политическая ситуация в Восточной Азии, в частности обозначившаяся к 1948 г. перспектива прихода к власти коммунистов в Китае, раскол Кореи на два государства, рост влияния коммунистической идеологии на фоне подъема национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии. В самой Японии левые силы имели в обществе достаточно большой авторитет, набирая на выборах миллионы голосов. Социалистическая партия была третьей в парламенте политической силой в стране, а ее лидер Т. Катаяма в 1947 г., пусть непродолжительное время, возглавлял кабинет министров.

На этом фоне в Вашингтоне было принято решение активно содействовать экономическому развитию Японии с целью предотвратить распространение коммунистической идеологии и создать в ее лице некую витрину капитализма на Дальнем Востоке. Кроме того, был взят курс на перевооружение Японии, за которым стояла идея ее превращения не только в политического, но и в военного союзника США. Новые акценты в политике оккупационных властей получили известность под названием «обратного курса».

Были внесены существенные коррективы в политическую составляющую оккупационного режима. США начали поддерживать умеренно консервативные силы, которые поощрялись в их борьбе с левым движением, и прежде всего коммунистами.

Энергичные меры по стабилизации экономического положения страны известны как «**линия Доджа**» по имени специально приглашенного в Японию в начале 1949 г. американского банкира Д. Доджа. «Линия Доджа» включала жесткие меры контроля над бюджетными расходами и денежной эмиссией, замораживание заработной платы и освобождение ранее регулируемых цен на потребительском

рынке. Особое значение имело введение фиксированного курса иены (360 иен за 1 долл. США), которое позволило экспортным отраслям сосредоточиться на снижении издержек и повышении своей международной конкурентоспособности. Жесткая привязка иены к доллару, просуществовавшая до середины 1980-х годов, стала одним из факторов высоких темпов роста японской экономики в 1950–1960-е годы, давая экспортно-ориентированным компаниям существенные преимущества на внешних рынках.

Одновременно проводилась налоговая реформа, направленная на отказ от архаичной и запутанной довоенной системы налогообложения и повышение ее эффективности и проводившаяся в соответствии с выводами направленной в Японию группы американских специалистов («миссия К. Шоупа»). В результате последовательного проведения в жизнь этих рекомендаций к середине 1950 г. правительству удалось существенно улучшить баланс государственного бюджета, снизить инфляцию, либерализовать цены и стабилизировать обменный курс национальной валюты.

Однако проведенные по рецептам американских консультантов реформы имели негативные социальные последствия, выразившиеся в росте безработицы, падении реального уровня доходов населения, усилении социальных контрастов. Только в 1949 г. свою работу потеряли примерно 160 тыс. работников государственных учреждений и 330 тыс. работников частных компаний. Сильно пострадали и фермеры, поскольку из-за ужесточения финансовой политики и падения реальных доходов населения произошло существенное сокращение внутреннего рынка сельхозпродукции.

С 1950 г. в Японии начался экономический бум, связанный с началом войны в Корее. Поскольку территория страны использовалась как тыловая база американских вооруженных сил, японские предприятия получили большой объем «специальных заказов», связанных как с товарными поставками, так и с оказанием большого объема услуг. Американские военные заказы, составив колоссальную для того периода сумму 2,3 млрд долл., имели колоссальный мультипликативный эффект, распространившийся на все отрасли экономики. В сочетании с хорошей конъюнктурой на мировых рынках это позволило не только ускорить процесс послевоенного восстановления, но и добиться наращивания экспортного потенциала страны.

В ходе Корейской войны Вашингтон окончательно оформил курс на превращение Японии в своего стратегического союзника. Была ускорена работа по завершению оккупационного правления и активизирова-

на подготовка к подписанию союзнического договора с Японией, который подвел бы юридическую базу под размещение американских военных баз на ее территории.

1.4. Сан-Францисская мирная конференция

С 4 по 8 сентября 1951 г. в Сан-Франциско состоялась конференция, посвященная заключению мирного договора с Японией. На конференцию, в которой приняли участие 48 стран, не были приглашены представители Китая и Тайваня, по разным причинам отсутствовали представители Индии и Бирмы.

8 сентября Сан-Францисский мирный договор был подписан представителями 49 государств. СССР прислал свою делегацию, но отказался ставить свою подпись под договором, во многом из солидарности с отсутствовавшим на конференции коммунистическим Китаем, являвшимся на тот момент его стратегическим союзником. Советский представитель заявил на пресс-конференции, что Москва рассматривает договор как сепаратный.

Договор содержал декларацию о прекращении состояния войны, аннулировал результаты японской агрессии на Тихом океане. Вопрос о репарациях решался в необременительном для Японии порядке. Япония признала независимость Кореи, отказалась от всех прав на Формозу (Тайвань), Пескадорские острова, а также от прав и претензий на Курильские острова и на ту часть Сахалина, суверенитет над которой она приобрела по Портсмутскому мирному договору. Вместе с тем в тексте договора не было упомянуто, в чью пользу Япония отказывается от этих территорий, что в условиях отказа СССР подписывать договор стало в дальнейшем использоваться официальным Токио в качестве одного из аргументов для обоснования его позиции в территориальном споре с Москвой.

Поскольку СССР и ряд крупнейших азиатских стран (КНР, Индия, Бирма, государства Корейского полуострова) договор не подписали, юридически состояние войны с Японией для них прекращено не было, а решение проблемы мирного урегулирования переносилось на уровень двусторонних отношений. В договоре была провозглашена готовность Японии к заключению двусторонних мирных договоров с другими странами в основном на таких же условиях, что и Сан-Францисский мирный договор, хотя это обязательство было ограничено трехлетним периодом.

Одновременно с **Сан-Францисским мирным договором** Япония подписала **Договор безопасности с США**. В преамбуле договора го-

ворилось, что Япония желает, чтобы США в течение определенного времени содержали на ее территории вооруженные силы для предотвращения вооруженного нападения. Возможность их использования трактовалась не только для «поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке», но и для подавления по просьбе японского правительства внутренних беспорядков в стране. Одна из статей договора запрещала Японии предоставлять без согласия США военные базы третьим странам.

В подписанном в январе 1952 г. «административном соглашении» оговаривались конкретные условия размещения американских войск, которые получили возможность создавать свои военные базы в любых районах Японии, использовать объекты гражданской инфраструктуры. Американским военнослужащим и их семьям предоставлялось право экстерриториальности (вскоре, однако, под давлением японской общественности над размещенными в Японии американскими военными, наряду с юрисдикцией США, признавалась и юрисдикция Японии).

Подписание Японией мирного договора возвращало ее в систему международных отношений в качестве полноправного субъекта. Оккупационный период закончился. В рамках «договора безопасности» с США Япония становилась одним из звеньев в системе договоров с ключевыми союзниками Вашингтона на Тихом океане, заключенных США в рамках доктрины «сдерживания коммунизма». Вместе с тем особенность договора с Японией заключалась в том, что та, в отличие от прочих союзников США (Южная Корея, Филиппины, Австралия и Новая Зеландия), не несла обязательств по защите американской территории, будучи связанной конституционными ограничениями на отправку войск за рубеж.

Период американской военной оккупации иногда называют «вторым открытием Японии». Это связано с тем, что с его началом закончился длительный период фактической самоизоляции Японии от внешнего мира, связанный с господством в стране в течение почти двух десятилетий милитаристского режима.

Попытка создать автаркическую систему привела к тому, что ее экономические, политические и культурные связи с Западом оказались прерванными. Американская военная оккупация, таким образом, стала для страны первым после долгого перерыва крупным контактом с иностранцами, представлявшими иную политическую и экономическую культуру. В страну приехало большое количество советников, рекомендации которых позволили провести коренные реформы в раз-

личных сферах и заложить основы послевоенного демократического развития. Таким образом, фактор «внешнего давления» (*гайацу*), как и в период мэйдзийских реформ, представлявших собой «первое открытие Японии», стал ключевым для успеха политической, экономической и духовной модернизации страны.

2. Период послевоенного восстановления (1951–1960)

Период 1950-х годов получил название «период послевоенного восстановления». Этот период занимает особое место в послевоенной японской истории, поскольку именно в 1950-е годы в стране произошло окончательное становление экономической, внешнеполитической и административной моделей, которые вплоть до окончания bipolarной эпохи обеспечили послевоенное развитие страны.

2.1. Экономические и политические события

Экономика в этот период развивалась очень активно. К **середине 1950-х годов было полностью завершено послевоенное восстановление**. Большое развитие получили как традиционные отрасли промышленности (судостроение, химическая промышленность и т.д.), так и новые отрасли, например производство телевизоров, холодильников и других видов бытовой электротехники. В стране была принята национальная концепция научно-технического развития. Постепенно возрождались финансово-промышленные группы, составлявшие старые *дзайбацу*, которые в дальнейшем стали костяком экономической структуры страны. Начинают формироваться вертикально интегрированные промышленно-финансовые группы *кэйрэцу*, ставшие в дальнейшем одним из системообразующих элементов корпоративной структуры японской экономики.

Политике экономического восстановления способствовали активные меры государства, направленные на стимулирование экономического роста. Принятая правительством программа займов и инвестиций позволила привлечь в экономику «длинные деньги» — огромные средства граждан, лежавшие в почтово-сберегательном банке, средства пенсионных фондов, а также оборотные средства, полученные от реализации помощи США. Активно использовались также меры налогово-финансового стимулирования, в частности меры по льготному налогообложению в приоритетных отраслях экономи-

ки, направленные на стимулирование технического перевооружения предприятий. Они включали, в частности, беспошлинный ввоз новейшего оборудования, ускоренную модернизацию технологически нового оборудования и т.д. Крупные бюджетные инвестиции были направлены в инфраструктуру. Благоприятная конъюнктура привела к началу 1955 г. «бума Дзимму» — экономического подъема, получившего свое название по имени мифического основателя японской императорской династии Японии. Во второй половине 1950-х годов Япония стала активно выходить на зарубежные рынки в качестве страны-экспортера готовой продукции.

После обретения независимости японские власти взяли курс на изоляцию левых сил и приняли ряд реакционных законов, в числе которых особенно выделялся принятый в 1952 г. Закон о предотвращении подрывной деятельности. Были приняты меры по централизации управления и укреплению полномочий центрального правительства: создано Управление полиции, существенно усилены полномочия министерства образования. Многие права автономии местных комитетов по образованию были упразднены, а соответствующие полномочия были вновь переданы министерству образования, которое стало контролировать процесс сертификации учебников и учебных программ. Активно проводилась реабилитация осужденных военных преступников, которых начали выпускать из тюрем. Лица, ставшие объектом послевоенных чисток, получили возможность без ограничений заниматься политической и административной деятельностью.

Правительством Японии был взят курс на возрождение военной мощи страны. Созданный в 1952 г. Резервный полицейский корпус был переименован в 1953 г. в Силы безопасности, а в 1954 г. — **Силы самообороны**, представлявшие собой прообраз полноценных вооруженных сил. В дальнейшем они превратились в одну из наиболее технически оснащенных, хотя и не очень многочисленных армий мира. Инициатором начала военного строительства выступили именно американцы, заинтересованные в Японии как военно-политическом союзнике, тогда как тогдашний премьер-министр С. Ёсида со своей стороны пытался ограничить его масштабы, апеллируя к конституционным ограничениям. Так, по первоначальному проекту, подготовленному США, численность Резервного полицейского корпуса должна была составлять 300 тыс. человек, однако С. Ёсида настоял на цифре 75 тыс. Вдвое меньшей, чем рассчитывал Вашингтон, была и численность Сил самообороны — около 152 тыс. человек в 1954 г.

На политической арене наблюдался процесс поляризации сил. На правом фланге политического спектра доминировала Либеральная партия, воссозданная в марте 1950 г., а с 1953 г. из нее выделилась Демократическая партия. Первую из них возглавлял Ёсида Сигэру, стоявший во главе нескольких кабинетов в 1948–1954 гг., вторую — Хатояма Итиро (премьер-министр Японии в 1955–1956 гг.). Это были политики совершенно разного плана. С. Ёсида представлял когорту экс-бюрократов «второго эшелона», пришедших в политику на волне политических чисток, в то время как И. Хатояма был профессиональным политиком, представителем целого политического клана — его отец был в свое время спикером нижней палаты парламента. Различался и политический стиль двух деятелей: если С. Ёсида был приверженцем непубличной политики и закулисных методов принятия решений, то И. Хатояма предпочитал апеллировать непосредственно к избирателям. И. Хатояма пользовался большой популярностью в обществе и имел высокий авторитет в политических кругах, даже среди оппозиции, которая в период премьерства И. Хатояма предпочитала критиковать правительство в целом, но никогда не переходила на личность его главы.

С именем С. Ёсиды связана концепция государственной политики, успешно опробованная в 1950-е годы и продолжавшая служить опорой внешней политики Японии на протяжении всего послевоенного периода. Суть **доктрины Ёсиды** заключалась в том, что Япония должна с максимальной выгодой использовать для решения задач экономического развития те внешнеполитические условия, в которых она оказалась после подписания Договора безопасности с Соединенными Штатами. Концепция базировалась на двух основополагающих принципах: приоритетном развитии национальной экономики и сознательном отказе от активного военного строительства. Речь шла о том, что в условиях военно-политического союза с США, который давал Японии определенные гарантии от внешнего нападения, Япония могла высвободить существенные ресурсы, которые в противном случае ей пришлось бы направить на нужды обороны и национальной безопасности, и пустить их на решение задач мирного развития.

Доктрина Ёсиды предполагала, что Япония не будет строить свою внешнюю политику при опоре на военный потенциал, как это делало большинство стран мира, а станет проводить за рубежом активную внешнеэкономическую стратегию, обеспечивая свой международный авторитет путем создания образа мирной и демократической страны. Реализации данной стратегии способствовали мирные положения

японской конституции, которые позволяли Японии отказываться от военного вклада в союз с Америкой.

В том, что Япония в рамках данной доктрины сделала ставку на США, заключался глубокий смысл. Это был сознательный выбор в пользу либеральной модели капиталистического развития, членства в западном сообществе, лидером которого являлись Соединенные Штаты. Однако положения Договора безопасности 1951 г., касавшиеся возможности использовать американские войска для подавления внутренних беспорядков в Японии, права США без консультаций с японским правительством осуществлять масштабные изменения в структуре размещенных в Японии войск и их вооружениях, вызывали большое недовольство общественности, которая справедливо рассматривала их как ущемляющие суверенитет Японии.

В противоположность С. Ёсида, И. Хатояма и его сторонники считали, что Япония придерживается чересчур «проамериканской» политики и что Японии необходимо проводить на международной арене более независимый курс и активнее отстаивать собственные национальные интересы, которые необязательно тождественны американским. И. Хатояма считал первоочередными задачами Японии восстановление отношений с СССР и КНР, пересмотр, особенно в части пацифистских ограничений, японской конституции, которую демократы считали навязанной США, возрождение военной мощи страны. И. Хатояма поддерживали Киси Нобускэ, Исибаси Тандзан, а также лидер небольшой партии Кайсинто Сигэмицу Мамору, который в период войны занимал пост министра иностранных дел.

На левом фланге действовали Социалистическая партия и Коммунистическая партия. В начале 1950-х годов Компартия Японии переживала острый кризис. В январе 1950 г. в печатном органе Коминформа была опубликована статья, в которой подвергались уничтожающей критике взгляды одного из руководителей КПЯ, Носака Сандзо, стоявшего на позициях «мирного перехода» к социализму. В статье коммунисты ориентировались на борьбу за достижение «независимости» Японии и скорейший вывод из нее американских войск.

Между тем в условиях начавшейся холодной войны отношение к коммунистам кардинально изменилось. Хотя КПЯ напрямую не была запрещена, в 1950 г. оккупационная администрация распорядилась отстранить ряд ее руководителей от политической деятельности, а с началом в июне 1950 г. корейской войны было запрещено

издание печатного органа КПЯ газеты «Акахата». В рамках кампании «чистки красных» коммунисты изгонялись с работы, причем не только из государственных органов, но и из частных компаний. Правительство представляло последним списки членов КПЯ, полученные в соответствии с антидемократическим указом о «контроле над организациями».

В результате публикации Коминформа в октябре 1951 г. в руководстве КПЯ произошел раскол. Верх взяли радикалы во главе с генеральным секретарем ЦК КПЯ Токуда Кюити, которые после консультаций в Пекине и Москве приняли так называемую Программу 1951 года. Хотя прямых призывов насильственному захвату власти в ней не содержалось, принятие программы способствовало тому, что КПЯ стала ориентировать в своих решениях членов партии на организацию военных баз в горах и введение иных атрибутов «военного курса», взятых из недавнего опыта китайских коммунистов. Никаких реальных шагов в этом направлении предпринято не было (в Японии, в отличие от Китая, для этого не было условий), однако принятые решения привели к резкой дискредитации коммунистов в глазах общественного мнения и падению уровня ее поддержки в массах. Изгнав из партии группу умеренных деятелей во главе с Миямото Кэндзи, Политбюро во главе с К. Токуда распустило ЦК и ушло в подполье, а сам К. Токуда со своими сторонниками эмигрировал в Китай. Лишь к 1955 г. положение в КПЯ стабилизируется с приходом более умеренной генерации руководителей во главе с К. Миямото. Однако шансов у коммунистов занять значимое положение в политической жизни Японии уже не было.

Гораздо лучше складывались дела у Социалистической партии Японии, несмотря на наличие в ее рядах серьезных межфракционных противоречий. Их пик пришелся на период подписания Договора безопасности с США, когда левое крыло социалистов выступило против договора, правое — в его поддержку. В результате образовалось две партии, имевшие одинаковое название, но вошедшие в историографию как Левая СПЯ и Правая СПЯ. Левую СПЯ возглавлял Судзуки Мосабуро, Правую СПЯ — Каваками Дзётаро. Партии опирались на различные профсоюзные объединения, составлявшие их базу поддержки.

К середине 1950 г. обеим социалистическим партиям удалось существенно укрепить свои позиции в парламенте. На состоявшихся в феврале 1955 г. выборах в нижнюю палату Левая СПЯ существенно увеличила свое представительство до 98 мест, Правая СПЯ — до

67 мест, тогда как Демократическая партия получила 185 мест, Либеральная — 112. Это позволяло социалистам в случае консолидации стать второй политической силой страны. Свою роль играла также необходимость эффективного противостояния правительству Хатояма, которое грозило начать политику ремилитаризации страны. Правой илевой СПЯ удалось преодолеть имеющиеся противоречия, и на прошедшем в октябре 1955 г. XII объединительном съезде СПЯ вновь обрела единство. Это подтолкнуло к решительным действиям ее политических оппонентов.

15 ноября 1955 г. Либеральная партия и Демократическая партия провели объединительный съезд, основав **Либерально-демократическую партию**. Объединение двух партий ознаменовало собой рождение новой модели партийно-политической системы, получившей название «**системы 1955 года**». Эта система оказалась исключительно жизнестойкой.

Суть «системы 1955 года» заключалась в том, что на политической арене Японии доминировала одна политическая партия консервативной ориентации — Либерально-демократическая партия (ЛДП), которая осуществляла свое монопольное правление на протяжении почти четырех десятилетий. Основным соперником ЛДП выступала Социалистическая партия Японии (СПЯ), которая так и не смогла составить ей реальную конкуренцию в борьбе за власть. Во второй половине 1950-х годов на эти две партии приходилось подавляющее число депутатских мест в парламенте — до 98%. При этом Япония оставалась полностью демократическим государством, в стране на всех уровнях регулярно проводились выборы, соблюдались политические права и свободы.

Отсутствие смены власти в стране отчасти компенсировалось специфической фракционной структурой ЛДП. В партии существовало несколько фракций, которые обеспечивали своих членов политическими фондами, оказывали поддержку в проведении избирательных кампаний, участвовали в распределении высших постов в партийной и правительственной иерархии. Избрание председателя ЛДП, который как глава партии парламентского большинства становился премьер-министром, происходило в непубличном формате, в рамках закулисных консультаций между лидерами фракций.

Имея неформальный статус и не будучи нигде зарегистрированными (фракции создавались под видом «обществ» или «исследовательских ассоциаций»), фракции тем не менее имели все признаки целостных политических организаций со своими руководящими орга-

нами, бюджетом и т.д. Японская избирательная система, в рамках которой по избирательному закону 1925 г. от одного округа в парламент избиралось по несколько депутатов, способствовала разворачиванию политической борьбы не между различными партиями, а внутри самой правящей партии между представителями различных ее фракций. Кандидаты от ЛДП конкурировали между собой, и это разводило их по разным группировкам внутри партии.

Фракции унаследовали особенности идеологической ориентации своих партий-прародительниц. Так, фракции «главного течения» ЛДП, которые вели свою родословную от Либеральной партии С. Ёсида, чаще выступали с более прагматических и гибких позиций по военно-стратегическим вопросам, в то время как фракции «побочного течения», которые произошли от Демократической партии И. Хатояма, были заметно более жесткими и близкими к «ястребиному крылу».

Регулярная смена лидеров фракций у власти в партии позволяла создать ощущение сменяемости власти, запуска нового политического курса. Особенностью послевоенного политического развития стала частая смена кабинетов, которая происходила в среднем раз в полтора года, и возглавлявших их премьер-министров — в среднем раз в два с половиной года.

Получая организационную и финансовую поддержку со стороны крупного капитала, ЛДП проводила государственную политику с учетом самых широких слоев японского общества, которые оказывали ей поддержку на выборах. В оборот вошел термин «партия-универмаг»: подобно тому как в универмаге можно найти товары на любой вкус, поддержку со стороны партии мог найти любой избиратель независимо от своей социальной или профессиональной принадлежности. В этом смысле ЛДП отличалась от СПЯ, которая строила свою политику, ориентируясь главным образом на интересы наемных работников крупных предприятий.

Ось идеологического противостояния между ЛДП и СПЯ по-разному проявляла себя во внешнеполитической и экономической плоскостях. ЛДП выступала за одностороннюю ориентацию внешней политики Японии на США, отмену 9-й статьи конституции и проведение активного военного строительства, а СПЯ — в поддержку стран социалистического блока, за сохранение конституции и политику невооруженного нейтралитета. Основными пунктами политических противоречий на выборах и в парламенте были такие вопросы, как Договор безопасности с США, изменение конституции, проблемы ядерного оружия и т.д.

Что касается внутривнутриполитических вопросов, то основная часть их не носила идеологического характера. ЛДП традиционно ставила во главу угла своей политики цели поддержания высоких темпов экономического роста, высокой конкурентоспособности японской экономики на мировых рынках и приоритетного развития экспортных отраслей экономики, тогда как СПЯ отдавала приоритет социальной политике государства. Она оказывала на ЛДП давление в пользу создания современной системы социальных гарантий, и прежде всего в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, защиты интересов наемных работников.

2.2. Внешняя политика

Со второй половины 1950-х годов Япония взяла курс на восстановление отношений с азиатскими странами, в которых сохранялась горькая память о японской колониальной оккупации. Нормализация отношений с азиатскими соседями сталкивалась с большими трудностями. С коммунистическим Китаем восстановление межгосударственных отношений было невозможно в силу принятой западным блоком политики непризнания Пекина. В 1952 г. Япония подписала мирный договор с Тайванем, признав гоминьдановское правительство законным представителем китайского народа.

Экономические связи с КНР развивались на неофициальном уровне в форме частных торговых контактов. Япония старалась поддерживать неформальный диалог, понимая, что рано или поздно межгосударственные отношения придется восстанавливать. В свою очередь, коммунистический Китай рассчитывал прорвать с помощью Японии свою международную изоляцию и воздерживался от сильной критики Японии. Тем не менее в двусторонних отношениях проявлялись различного рода инциденты — например, 2 мая 1958 г. на выставке почтовых марок в Нагасаки был сорван китайский национальный флаг, что вызвало резкие протесты со стороны Пекина.

Сложными были отношения Японии и с Южной Кореей, правительство которой в одностороннем порядке объявило свой суверенитет над обширной зоной водного промысла вдоль берегов страны, являвшейся районом традиционного промысла японских рыбаков («линия Ли Сынмана»). В результате двусторонние переговоры по заключению мирного договора были прерваны.

С немалыми трудностями развивались отношения Японии и с другими странами Азии, пострадавшими от японской агрессии в период Второй мировой войны. В 1957 г. премьер-министр Японии Н. Киси

совершил два турне по странам Юго-Восточной и Южной Азии, в ходе которых японским лидером были принесены извинения за военные преступления и предложено открыть новую эру экономического и политического сотрудничества. В ноябре 1957 г. состоялся визит в Японию авторитетного деятеля неприсоединения премьер-министра Индии Дж. Неру.

«Острым шипом» в отношениях Японии с азиатскими странами оставалась неурегулированная проблема репараций. С середины 1950-х годов Япония приступила к ее решению, объявив о начале «программ помощи» в виде поставок оборудования и потребительских товаров, предоставления «связанных кредитов»; к выполнению заказов должны быть привлечены японские корпорации. Попытки стран-реципиентов получить хотя бы часть репараций в виде наличных натолкнулись на решительный отказ Токио. При этом общая сумма репараций, составившая около 1,5 млрд долл., была существенно меньшей, чем требовали от Японии ее азиатские партнеры.

Первая программа помощи была реализована японским правительством в рамках заключенного в 1954 г. Японо-бирманского соглашения о мирном договоре, возмещении ущерба и экономическом сотрудничестве. После этого с азиатскими странами было заключено несколько договоров: с Филиппинами в мае 1956 г., с Индонезией — в ноябре 1957 г., с Южным Вьетнамом — в 1958 г.

Важная внешнеполитическая задача, стоявшая перед Японией в середине 1950-х годов, заключалась в восстановлении межгосударственных отношений с Советским Союзом. Она определялась необходимостью решения четырех основных проблем:

- 1) юридическое оформление окончания состояния войны и мирное урегулирование, включая решение проблемы территориального размежевания;
- 2) подписание с СССР рыболовной конвенции, которая открыла бы японским рыбакам доступ к морским районам традиционного промысла, обеспечивающего японцев важнейшими видами морепродуктов;
- 3) вступление Японии в ООН, которое СССР, пользуясь правом вето в Совете безопасности, до этого блокировал;
- 4) окончательная репатриация всех японских военнопленных, продолжавших оставаться в советских лагерях.

Наибольшую трудность составлял поиск взаимоприемлемого компромисса по вопросу территориального размежевания. Японская сторона заняла жесткую позицию по вопросу о принадлежности Японии

четырёх островов Южно-Курильской гряды, перешедших по итогам военной операции по освобождению Курил в состав СССР. Предварительные переговоры, продолжавшиеся в 1955 — начале 1956 г., зашли в тупик. При этом нахождению компромисса активно противодействовали американцы, заинтересованные в сохранении постоянного источника конфликта в отношениях между СССР и Японией. В августе 1956 г., т.е. в разгар переговоров, госсекретарь США Дж. Даллес обратился с посланием в адрес главы японского правительства, в котором заявил, что, если Япония согласится признать Южный Сахалин и Курильские острова частью СССР, Вашингтон навсегда откажется от передачи Японии суверенитета над Окинавой, где были размещены стратегические военные базы США (в историю этот инцидент вошел под названием «угроза Даллеса»).

Прорыва удалось достичь благодаря решительности премьер-министра И. Хатояма, который, несмотря на неблагоприятную для себя внутривнутриполитическую обстановку, приехал в Москву. 19 октября 1956 г. была подписана **Совместная советско-японская декларация**, которая прекращала состояние войны между СССР и Японией. Между странами устанавливались дипломатические отношения. В ст. 9 декларации говорилось о том, что СССР, идя навстречу пожеланиям Японии и принимая во внимание интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Шикотан, с тем, однако, что фактическая передача этих островов будет произведена после заключения мирного договора между СССР и Японией.

Совместная декларация 1956 г. была ратифицирована японским парламентом и Верховным Советом СССР. В отсутствие мирного договора в течение всего послевоенного периода она продолжала служить единственным документом, имеющим соответствующее международно-правовое оформление и потому составляющим юридическую базу двусторонних отношений Японии и СССР, а в постбиполярную эпоху — Японии и Российской Федерации, являющейся правопреемницей СССР.

К концу 1956 г. СССР в соответствии со своими обязательствами поддержал кандидатуру Японии в качестве нового члена ООН, что позволило ей не только войти в эту международную организацию, но и активно использовать ООН для восстановления своих позиций на мировой арене. Япония неизменно декларировала принцип сотрудничества с ООН в качестве основополагающего принципа ее внешней политики и наращивала свою активность в этой организации, став впоследствии вторым после США ее финансовым донором. Поддерживая

США в ООН по основным стратегическим и идеологическим вопросам в контексте холодной войны, Япония вместе с тем стремилась активно разыгрывать «азиатскую карту», позиционируя себя в качестве представителя и защитника интересов азиатских стран.

Восстановление отношений с СССР позволило Японии решить практические задачи в сфере двусторонних отношений. Была подписана рыболовная конвенция, быстро завершён процесс репатриации военнопленных. В декабре 1957 г. был подписан торговый договор, предоставивший обеим сторонам режим наибольшего благоприятствования.

Вскоре после восстановления дипломатических отношений с СССР глава ЛДП И. Хатояма, к тому времени тяжелобольной, уходит в отставку. Ему не удалось достичь крупных целей — восстановить отношения с Пекином и изменить конституцию. Пришедший ему на смену кабинет Исибаси Тандзан просуществовал всего лишь два месяца — его глава также был вынужден уйти из-за тяжелой болезни. В феврале 1957 г. правительство возглавил Киси Нобускэ, один из единомышленников Хатоямы и сторонник более независимой внешней политики Японии. Парадоксальным образом именно ему выпала судьба подписать новый Договор безопасности с США.

Еще в начале 1950-х годов Вашингтон сделал навстречу Японии ряд шагов, направленных на укрепление доверия с Токио. Так, под административный контроль Японии весной 1953 г. были возвращены острова Амамиосима. США согласились внести поправки в административное соглашение, согласно которым японская сторона получила ограниченное право привлекать к уголовной ответственности американских военнослужащих, находящихся на территории Японии. Однако на передачу под административный контроль Японии Окинавы, где было расположено основное число военных баз США в Японии, Вашингтон не соглашался, мотивируя это неспособностью Японии защитить себя в одиночку.

После длительных переговоров 19 января 1960 г. был подписан **Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности (Договор безопасности)**. Договор сохранил асимметричность обязательств: согласно ст. 5 обе стороны предпринимают действия по отражению вооружённого нападения только в случае нападения на территорию, находящуюся под административным контролем Японии. США сохранили за собой право на размещение в Японии своих войск, а Япония взяла на себя обязательства по финансовому обеспечению расположенных на территории страны американских военных баз. Система односторонних обязательств США по защите Японии (в том числе и с использо-

ванием их ядерного потенциала) в дальнейшем получила известность в виде доктрины «ядерного зонтика».

Вместе с тем договор приобрел более равноправный характер. Были устранены все дискриминационные для Японии положения: введен 10-летний срок действия (предыдущий договор был бессрочным), устранен пункт о возможности использования американских войск для наведения порядка внутри Японии, внесено положение, налагавшее на США обязательство проводить с Японией консультации в случае крупных изменений, касающихся дислоцированных в Японии войск и вооружений. В дальнейшем развитие договора шло в направлении усиления военной компоненты и принятия Японией военных обязательств в рамках взаимодействия с США.

После подписания договора 19 января 1960 г. общественное движение против его ратификации, проявившееся в виде многотысячных демонстраций на улицах крупнейших японских городов, достигло своего пика. Ратификацию договора в нижней палате парламента правящей партии удалось провести в мае 1960 г. с огромным трудом. Депутатами оппозиции были в полной мере использованы методы парламентской обструкции, включая физическое блокирование спикера нижней палаты с целью не допустить голосования. Чтобы удалить их из зала, спикеру даже пришлось вызывать парламентскую полицию. В итоге договор был одобрен голосами одной лишь правящей партии при полном бойкоте со стороны депутатов оппозиции и части депутатов самой ЛДП.

О масштабе общественного протеста свидетельствует тот факт, что в ночь на 22 июня 1960 г., когда готовилась ратификация Договора верхней палатой, вокруг парламента собралось 330 тыс. человек. Перед лицом еще больших общественных волнений японскому правительству даже пришлось отменить намеченное на лето 1960 г. приглашение в Японию президента США Д. Эйзенхауэра. После ратификации Договора парламентом кабинет Н. Киси, чтобы снизить градус протестной активности, в полном составе ушел в отставку. Последним крупным событием в ряду акций, связанных с подписанием Договора безопасности, стал случившийся в октябре 1960 г. инцидент с убийством одного из лидеров СПЯ, Асанума Инэджиро, который был заколот правым активистом в момент выступления перед многотысячной аудиторией.

Подписание Договора безопасности имело большие последствия и для дальнейшего развития японо-советских отношений. Сразу

после его заключения советское правительство обратилось в адрес правительства Японии с памятной запиской, в которой СССР заявлял о том, что выполнение им обязательств по 9-й статье декларации возможно только при условии вывода иностранных войск с территории Японии. В апреле 1960 г. СССР ужесточил свою позицию, заявив в памятной записке правительства о том, что никакой территориальной проблемы в отношениях между двумя странами не существует. Изменение позиции СССР шло вразрез с Декларацией 1956 г., поскольку вывод иностранных войск с японской территории в одностороннем порядке определялся в качестве условия выполнения договорно-правовых обязательств СССР по Декларации. В результате переговорный процесс в направлении мирного договора был заморожен, что привело к существенному охлаждению политических отношений в целом.

Завершение эпохи 1950-х годов имело для послевоенной истории Японии огромный смысл: страна прошла точку невозврата. Можно сказать, что до конца 1950-х годов перед страной сохранялась альтернатива между капиталистическим и некапиталистическим путями развития. Теперь же окончательный выбор был сделан в пользу западной модели капитализма и членства в военно-политической системе, возглавляемой США.

3. Период высоких темпов экономического роста (1960–1973)

Период 1960–1973 гг. называют «периодом высоких темпов экономического роста». Безусловно, экономическое развитие носило циклический характер — подъемы периодически сменялись спадами. **Он характеризовался ускоренным экономическим развитием, темпы которого превышали 10% в год.** В 1968 г. Япония заняла второе место в мире по объему ВВП после США.

3.1. Экономические и социальные процессы

Экономический бум основывался главным образом на оживлении внешнего спроса и наращивании экспорта, который охватывал самую широкую номенклатуру продукции, и прежде всего машины и оборудование, металлы, текстиль, химическую продукцию. Особый динамизм японская экономика получила в 1965 г., когда после некоторого спада в стране начался «бум Идзанаги». Техническое оснащение японских предприятий к началу 1970-х годов достигло передовых позиций в мире.

Большое значение имел также тот факт, что мировые цены на сырьевые товары, которые Япония из-за скудости собственных природных ресурсов была вынуждена импортировать, оставались относительно низкими и стабильными. Свою роль играл также дополнительный спрос, вызванный вьетнамской войной, — как и в период корейской войны, японские предприятия получили крупные заказы для нужд американской армии. Однако их стимулирующий эффект, безусловно, в целом не был столь заметным, как это было в начале 1950-х годов.

В результате агрессивного наращивания экспорта торговый баланс страны постепенно стал положительным, что вызывало недовольство в странах-партнерах, провоцируя их на принятие протекционистских мер. Внешние условия, благоприятствующие экономическому росту, резко изменились в результате «нефтяного шока» 1973 г. — резкого повышения мировых цен на нефть, происшедшего в результате обострения ближневосточного конфликта. Конец эпохи дешевой нефти означал для Японии завершение периода высоких и переход на стадию умеренных темпов экономического роста.

Гипертрофированную роль в системе государственного управления играла бюрократия. Подавляющая часть принимаемых парламентом законопроектов, как и в довоенный период, продолжала готовиться в недрах правительства, в результате чего высший законодательный орган стали именовать «машиной по штампованию» решений бюрократии. Министерства и ведомства, кроме того, составляли долгосрочные планы экономического развития, принимали директивы и иные регулирующие документы и направляли их для исполнения в корпоративный сектор. Особую роль в экономическом планировании выполняло министерство внешней торговли и промышленности, под руководством которого японская экономика, по сути, прошла несколько этапов структурной перестройки, **приобретая черты высокотехнологичной и наукоемкой**. Хотя в рамках рыночной экономики этот метод государственного регулирования, получивший название **административного руководства**, не имел достаточных юридических оснований, на этапе 1960—1980-х годов, когда Япония переживала период экономического роста, он доказал свою высокую эффективность.

Используя широкий инструментарий налогово-финансовых и административных регуляторов, правительство поддерживало корпоративный сектор дополнительными гарантиями от колебаний рынка, в том числе с помощью масштабных государственных заказов, целевой

финансовой помощи и иных форм бюджетных вливаний. Это позволяло избежать массовых банкротств и увольнений, что в сочетании с системой пожизненного найма явилось формой поддержания в стране социальной стабильности. Высокая степень государственного регулирования экономической и социальной сферы, широкие масштабы применения практики «административного руководства», отсутствие больших социальных контрастов, а также монополия одной партии на власть в рамках «системы 1955 года» даже дали основание некоторым политологам говорить о создании специфической японской модели социализма.

Большое распространение в стране получили **«железные треугольники»**, под которыми понимается специфическая форма сращивания политических кругов, корпоративного сектора и высшей бюрократии на базе взаимных интересов, определяемых близостью к процессу распределения бюджетных средств.

В рамках этой системы политики, чье положение зависит от сбора голосов избирателей, обращаются к бизнесу за финансовой поддержкой, в обмен на которую те оказывают давление на бюрократию с целью обеспечения спонсорских компаний государственными заказами, а «родные» избирательные округа — масштабными общественными работами.

В стране продолжались масштабные миграционные процессы, выразившиеся в оттоке населения из сельской местности в промышленную зону тихоокеанского побережья. Урбанизация привела к большим социальным сдвигам, в частности к распаду традиционных патриархальных семей и активному распространению семей нуклеарного типа. В городах социальная адаптация бывших сельских жителей в значительной степени облегчалась наличием специфической системы менеджмента в японских компаниях, в частности пожизненным наймом и оплатой по старшинству, а также внутрифирменными профсоюзами. Эта система позволяла работникам компенсировать утраченные ими при миграции в город горизонтальные социальные связи и обеспечивала им чувство социальной защищенности и их беспрекословную преданность компании.

В этот период окончательно сформировалась специфическая «многослойная» корпоративная система Японии, в рамках которой относительно немногочисленные крупные компании, находящиеся на ее верхних «этажах», сосуществуют с массой мелких и средних предпри-

ятий, выполняющих функцию субподрядчиков. Соответственно, гибкий и высокоадаптивный характер приобрела и система найма: наряду с постоянными работниками, пользующимися всеми преимуществами пожизненного найма, на предприятиях имелась и достаточно многочисленная группа непостоянных работников, которую можно было сократить или, наоборот, увеличить в соответствии с требованиями конъюнктуры.

Именно японские компании стали объектом государственной политики, направленной на минимизацию социальных издержек рыночной экономики. В этом заключалась отличительная черта социальной политики государства в Японии, главным в которой было не обеспечение минимума социальных стандартов, как это было в Западной Европе, а обеспечение занятости, даже путем искусственного поддержания на плаву с помощью бюджетных средств огромной массы неэффективных предприятий. Предполагалось, что корпоративные социальные гарантии, включая медицинское обслуживание и пенсионное обеспечение, должны компенсировать относительно низкий уровень гарантированных государством социальных стандартов.

Начало расти благосостояние рядовых граждан. В средней японской семье появлялись телевизоры, холодильники, стиральные машины, нередкими стали персональные автомобили. Люди стали меньше интересоваться вопросами идеологии, **их интересы переклЮчилиcь на сферу частной жизни, социальных гарантий, личного потребления.** Внутренний потребительский спрос впервые за послевоенный период приобрел характер существенного фактора экономического роста, хотя, безусловно, главным для японской экономики был внешний спрос. Следует отметить, что рост потребления внутри страны не означал установления в обществе отношений социальной гармонии и не приводил к укреплению ощущения социальной справедливости.

Фактором роста национального самосознания японцев стало проведение в 1964 г. летней Олимпиады в Токио, международной выставки Экспо-70 в Осаке и других крупных международных мероприятий. Подготовка к ним сопровождалась бурным строительством объектов городской инфраструктуры, скоростных автомобильных дорог, сверхскоростных железнодорожных магистралей «Синкансэн», тоннелей, портовых сооружений, гостиниц, стадионов и т.д. Токийская Олимпиада стала своего рода символом полноценного «вхождения» послевоенной Японии в мировое сообщество, ареной для демонстрации промышленных и технологических достижений японской экономи-

ки. Триумфом инженерной и архитектурной мысли стали спортивные сооружения в Токио, сконструированные гениальным японским архитектором Танге Кэндзо. Другим поводом для консолидации духа нации стало празднование 100-летия революции Мэйдзи, прошедшее в 1968 г. Усилиями официальной пропаганды пройденный страной вековой путь был представлен как «история успеха», ставшая возможной благодаря духовному подъему японского народа.

Оборотной стороной ускоренного экономического роста явились **дисбалансы в региональном развитии**. Наибольший контраст наблюдался между зоной тихоокеанского побережья, где были сконцентрированы промышленные предприятия, ориентированные на экспорт, и депрессивными районами на побережье Японского моря и в сельской местности, где уровень жизни заметно отставал от городского. В урбанизированной зоне большие проблемы в 1960-е годы стало представлять загрязнение окружающей среды промышленными предприятиями, повышенный уровень шума, недостаточное развитие социальной инфраструктуры.

Большой общественный резонанс получили ряд крупных инцидентов, связанных с загрязнением окружающей среды, в частности с отравлением ртутью в поселке Минамата, с загрязнением воздуха в городе Ёккайти и с заражением кадмием в префектуре Тояма. Особую известность приобрел инцидент с массовым отравлением жителей поселка Минамата на острове Кюсю, связанный со сбросом в прибрежные воды компанией «Тиссо» ртутьсодержащих сточных отходов, в результате которого значительная их часть утратила работоспособность («болезнь Минамата»), а многие семьи потеряли кормильцев. Жертвы этих инцидентов нередко возбуждали судебные иски против предприятий-виновников, проводили демонстрации и сидячие забастовки, что во многом развевало широко распространенное представление о «бесконфликтности» японцев и их склонности к внесудебным методам борьбы за свои права. Следует отметить, что указанные формы общественных движений имели неполитический характер и не стали объектом координации со стороны политических партий.

Характерным примером в этом отношении стало движение против строительства аэропорта Нарита к востоку от японской столицы, начавшееся в 1966 г. С активными протестами выступили фермеры, которых государство заставляло продавать землю. Протестанты продемонстрировали высокий уровень организации, используя в своей

борьбе как судебные, так и внесудебные методы, включая физическую обструкцию. В результате строительство аэропорта затянулось до 1978 г., а последняя сделка по продаже земли была зарегистрирована только в 1999 г.

3.2. Политическое развитие

Для политической ситуации периода высоких темпов экономического роста было характерно дальнейшее развитие системы однопартийного господства ЛДП, столкнувшееся с новыми вызовами. После отставки Н. Киси кабинет министров в июле 1960 г. возглавил глава одной из крупнейших фракций ЛДП Икэда Хаято — профессиональный финансист из Хиросимы, прошедший хорошую школу, возглавляя министерство финансов в кабинете Ёсида в период реализации плана Доджа. Именно с именем Икэда был связан рассчитанный на десятилетний период амбициозный **План удвоения национального дохода**, который был выполнен с опережением графика. Успешное выполнение плана Икэда в 1960-е годы стало результатом удачного хода с выдвижением общенациональной идеи, позволившего воодушевить население страны на выполнение четкой и понятной цели, заключавшейся в ликвидации разрыва с развитыми странами Запада и завоевании страной позиций одного из мировых экономических лидеров.

Из-за тяжелой болезни Х. Икэда в октябре 1964 г. уходит в отставку, и место главы ЛДП и кабинета министров занимает **Сато Эйсаку** — представитель группы деятелей военного времени, приходившийся Н. Киси родным братом. Умелый мастер закулисной политики и грамотный тактик, Э. Сато возглавлял кабинеты министров дольше, чем любой другой премьер-министр послевоенного времени — вплоть до 1972 г.

При Э. Сато система однопартийного правления ЛДП, основанная на достижении внутрипартийных компромиссов и закулисных межфракционных сделок, а также предотвращении попыток оппозиции сформировать единый блок, достигла своего расцвета. ЛДП продолжала сохранять стабильное большинство в обеих палатах парламента. В 1960-е годы фокус политической жизни в Японии сместился из плоскости идеологической борьбы в сферу местной электоральной политики, которая стала персонально ориентированной. Основу деятельности депутатов консервативной ориентации составили главным образом усилия по «поддержанию связи с избирателями» — по сути, представлявшие собой череду визитов на похороны, свадьбы, школьные выпускные церемонии и т.д.

Кандидатам от ЛДП приходилось бороться за депутатское место среди одних и тех же слоев избирателей, опираясь не на партийный бренд, а на собственный персональный имидж. Главной опорой ЛДП поэтому были так называемые твердые голоса — избиратели в основном из сельских округов, которые были связаны многочисленными узами личных взаимоотношений с организаторами избирательной кампании кандидата, консолидированными в «общества поддержки». Становлению такой системы способствовало и то обстоятельство, что между сельскими и городскими округами по мере ускорения процессов миграции в зону тихоокеанского побережья увеличивалась разница в цене голоса в пользу сельских округов, поскольку законы об изменении границ избирательных округов не поспевали за демографическими процессами в стране. Свою роль в поддержании «системы 1955 года» играла и система многомандатных «средних избирательных округов», в рамках которой ЛДП, выставляя в каждом округе по несколько кандидатур, представлявших различные внутрипартийные фракции, в полном объеме использовала преимущества, предоставляемые ей статусом правящей партии.

Общее направление внутривнутриполитических процессов в период высоких темпов экономического роста заключалось в постепенном отходе от конфронтационного противостояния основных политических сил по идеологическому признаку и **усилению центристских тенденций в политике**. Этому способствовали изменения в поведении электората, который предпочитал голосовать не за программно-идеологические платформы, а за конкретных депутатов, независимо от их партийной принадлежности. Политическая деятельность большинства консервативных депутатов парламента заключалась в лоббировании ими законопроектов, предусматривавших выделение масштабных бюджетных инвестиций в интересах конкретного избирательного округа, от которого он выдвигался.

В 1960-е годы на политической арене страны появились «партии третьего пути». В 1960 г. от Социалистической партии Японии (СПЯ) откололось ее правое крыло, выступившее против отрицательной позиции руководства партии к Договору безопасности с США. Его члены основали Партию демократического социализма (ПДС).

В 1964 г. на базе буддийской организации Сока гаккай — новой буддийской секты, основанной еще в 1930-е годы — образовалась партия Комэйто (букв. Партия чистой политики). В основе ее идеологии лежали постулаты буддийской секты Нитирэн. Соответственно, последователи Сока гаккай, численность которых вместе с членами семей

достигала 10 млн человек, составили электоральную основу Комэйто. Для Японии это был новый тип партии, принципиально отличавшейся от прочих политических партий, организованных на основе определенной политической идеологии.

Позиционируя себя в качестве политической альтернативы двум основным партиям, «партии третьего пути» постепенно упрочивали свои позиции в парламенте, забирая значительную часть голосов у своих главных политических конкурентов. Эти партии опирались на протестные голоса избирателей, представлявших в основном жителей крупных и средних городов, которые не получали достаточных дивидендов от высоких темпов экономического роста и потому чувствовали себя ущемленными.

С течением времени ЛДП постепенно теряла голоса избирателей, однако оппозиционный лагерь, оставаясь расколотым, так и не смог воспользоваться этой возможностью. Взаимная враждебность партий оппозиции, например СПЯ и ПДС или СПЯ и КПЯ, нередко превосходила даже уровень конфронтации с ЛДП. Раскол произошел даже в движении за запрещение ядерного оружия, в результате которого одна из организаций (Гэнсуйкё) стала ориентироваться на коммунистов, другая (Гэнсуйкин) — на социалистов.

Следствием этих противоречий явилась неспособность левых партий наладить эффективную координацию на выборах всех уровней. Между тем в тех редких случаях, когда левым партиям все же удавалось договориться, поддержанный ими кандидат иногда одерживал победу над кандидатом правящей партии. Особенно это было заметно в столичном регионе. Так, на выборах в токийское муниципальное собрание в июле 1965 г. ЛДП потеряла большинство, а на выборах губернатора Токио в апреле 1967 г. кандидат от ЛДП проиграл единому кандидату от СПЯ и КПЯ Минобэ Рёкити.

Левые партии переживали сложный период. В СПЯ наблюдались острые разногласия между более умеренной группой реформистов из числа сторонников «структурных реформ» во главе с Каваками Дзётаро и более радикально настроенным левым крылом Судзуки Мосабуро и Сасаки Кодзо. Проблему для социалистов представляла относительно рыхлая система местных организаций, слабость координационных механизмов в отношении других оппозиционных партий, а также активные попытки маоистов установить свое влияние в партии, проявившиеся, в частности, в декабре 1966 г. на XXVIII съезде СПЯ, где часть делегатов выступила с требованием выразить поддержку «культурной революции» в Китае. И хотя в заключительных документах съезда эти

требования не нашли своего отражения, ситуация в партии активно использовалась ее конкурентами для ее дискредитации в глазах избирателей. Тем не менее СПЯ, опираясь на поддержку мощного профцентра Японии Сохё, продолжала оставаться главной оппозиционной силой страны. В 1966 г. ею был принят программный документ «Путь Японии к социализму», в котором провозглашался курс на «невооруженный нейтралитет», предполагавший ликвидацию американских военных баз.

Японские коммунисты в первой половине 1960-х годов попали под сильное китайское влияние и порвали связи с КПСС, а после 1965 г. поссорились и с Пекином, навязывавшим им свою жесткую опеку, и заняли после этого подчеркнуто независимую позицию. На X съезде КПЯ в октябре 1966 г. в отчетном докладе подчеркивалось, что КПЯ стоит на «независимой и самостоятельной» позиции. И хотя в 1968 г. состоялось формальное примирение КПЯ с КПСС, отношения с Москвой продолжали оставаться напряженными. Свою роль сыграл ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г., который вызвал резкую критику со стороны КПЯ.

Проблема для оппозиции заключалась в том, что она не смогла вовремя перестроиться, продолжая делать ставку на идеологические лозунги, тогда как внимание избирателей, как уже отмечалось выше, переключилось на частные вопросы, связанные с их конкретными экономическими интересами. Кроме того, оппозиционные силы нередко конкурировали между собой за одного и того же избирателя, в основном из числа «новых городских слоев», тогда как **консерваторы пытались проводить политику, отражая интересы самых широких групп населения**. В целом можно сказать, что консервативному политическому руководству удавалось успешно проводить политику маргинализации оппозиционных политических сил (партий и профсоюзов).

Часть левых сил перешла на экстремистские методы борьбы, включая силовые стычки с полицией, захват государственных и общественных учреждений, проведение сидячих забастовок. Наиболее наглядно это проявилось в ходе движения протеста против вьетнамской войны, когда правительству, неспособному справиться с массовыми выступлениями, даже приходилось отменять официальные визиты американских государственных деятелей.

Левацкий уклон и экстремистские действия, принявшие форму **«студенческих бунтов»**, стали проявляться и в молодежном движении, где, помимо вьетнамского фактора, свое воздействие оказывали такие

характерные для молодежи большинства западных стран того периода моменты, как утрата идеалов в обществе, извечная «проблема отцов и детей», проблема среднего класса и т.п. Нередко эти бунты принимали форму открытых антисоциальных выступлений, сопровождавшихся стычками с полицией, захватом административных помещений, университетов и т.д., как это случилось, например, в декабре 1965 г. в Университете Васэда.

Однако экстремизм не имел широкой базы социальной поддержки. Это продемонстрировали, в частности, события ноября 1970 г., когда известный писатель Мисима Юкио попытался организовать путч с участием частей Сил самообороны под лозунгами установления довоенной политической модели. Столкнувшись с полным отсутствием отклика на свой призыв, Ю. Мисима совершил *сэппуку*.

3.3. Внешняя политика

Во внешней политике в 1960-е годы продолжал укрепляться военно-политический союз с Соединенными Штатами. Заработал предусмотренный Договором безопасности механизм двусторонних консультативных комитетов по вопросам безопасности с участием глав оборонных и дипломатических ведомств двух стран. Японская сторона информировалась о ситуации вокруг Карибского кризиса (1962 г.), о позиции США в связи с подписанием Договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия (1963 г.).

В 1964 г. началась вьетнамская война, от которой Япония, будучи ключевым союзником Соединенных Штатов, не могла остаться в стороне. Япония играла роль тыловой базы американских войск. Несмотря на массовые протесты оппозиции, выступившей против правительства единым фронтом (дело дошло даже до координации действий между КПЯ и СПЯ), правительство давало разрешение на заходы в японские порты американских авианосцев и атомных подводных лодок, неофициально закрывая глаза на то, что на борту многих из них находится ядерное оружие. Вынуждено было мириться правительство и с тем, что базы американских ВВС на территории Японии использовались как стартовые площадки для бомбардировок Северного Вьетнама.

В то же время, учитывая внутриполитическую ситуацию и наличие антивоенных ограничений в конституции, японские власти воздерживались от открытого выражения своей поддержки действий американцев, а уж тем более направления воинских контингентов в район боевых действий, как это делали другие союзники США, например

Южная Корея. В целом кабинет Э. Сато сохранял верность принципам доктрины Ёсида, придерживаясь политики минимизации расходов на военные нужды.

В 1967 г. премьер-министр Японии Э. Сато, учитывая «ядерную аллергию» в обществе (память об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки), сформулировал **«три неядерных принципа»** — «не иметь», «не производить» и «не ввозить» ядерное оружие. В дальнейшем эти принципы получили подтверждение в форме нескольких парламентских резолюций, однако формы закона так и не приобрели. Более того, Япония долгое время не определяла свою позицию по вопросу о присоединении к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), открытому к подписанию в 1967 г. Япония подписала ДНЯО лишь в 1976 г., после того как США подтвердили свое намерение защищать Японию своим ядерным потенциалом. Декларируя «три неядерных принципа», японское правительство пошло на тайную сделку с американцами, негласно разрешив заход кораблей ВМФ США с ядерным оружием на борту в японские порты. Документальные подтверждения этой сделки, обнародованные в конце 2000-х годов, свидетельствовали о том, что японские власти закрывали глаза на «ядерный транзит», не считая его ввозом ядерного оружия на территорию страны.

После ухода в 1968 г. Л. Джонсона с поста Президента США новая администрация Белого дома сформулировала курс на сворачивание военного конфликта во Вьетнаме, постепенное сокращение военного присутствия США в Азии, перекладывание на союзников многих обязанностей военного характера («гуамская доктрина Никсона»). Придавая Японии большое значение как ключевому военно-политическому союзнику, США приняли решение ускорить процесс передачи Окинавы под юрисдикцию Японии. После решения вопроса о выводе оттуда ядерного оружия в ноябре 1969 г. было подписано соглашение Э. Сато и Р. Никсона о передаче Японии Окинавы и распространении на острова всех положений Договора безопасности. Сама церемония передачи состоялась в мае 1972 г. Вместе с тем Окинава на все последующие десятилетия сохранила свое положение в качестве важнейшего форпоста американских войск в Восточной Азии.

Япония продолжала активную политику на азиатском направлении, отдавая приоритет тем странам, которые имели союзнические соглашения с США и входили в созданный с участием Японии Азиатско-тихоокеанский совет (АЗПАК). В ноябре 1961 г. премьер-министр Х. Икэда посетил Индию, Пакистан, Бирму и Таиланд,

в 1967 г. премьер-министр Э. Сато совершил поездку в Южную Корею, ряд стран Юго-Восточной Азии, а также Австралию и Новую Зеландию.

В июне 1965 г. после долгих переговоров в ходе визита премьер-министра Э. Сато в Сеул был подписан **Японо-южнокорейский договор об основах взаимоотношений**, согласно которому Токио и Сеул устанавливали между собой дипломатические отношения. Правительство Южной Кореи признавалось в качестве представителя всего корейского народа. При этом все спорные вопросы, включая наиболее острые проблемы исторического прошлого, в том числе вопросы о компенсациях корейцам, пострадавшим в период Второй мировой войны, были признаны урегулированными. Значимым было и то, что стороны сразу подписали договор, а не декларацию, несмотря на наличие нерешенной территориальной проблемы. Вопрос о компенсациях получил свое решение не в форме репараций, а в виде «экономической помощи» правительства Японии общим объемом 500 млн долл. США, которая была в дальнейшем неопределенной для ускоренного развития южнокорейской промышленности, в результате чего Республика Корея в дальнейшем превратилась в мощного экономического конкурента Японии. Одновременно было подписано соглашение по рыболовству, соглашение по правовому статусу корейцев, проживающих в Японии, соглашение по южнокорейским претензиям по итогам японского колониального правления в Корее.

В отношении Китая японское правительство проводило в жизнь курс «отделения политики от экономики». В политическом плане Япония продолжала политику непризнания КНР и развивала отношения с Тайванем, выступала против принятия материкового Китая в ООН. Дополнительным фактором отчуждения двух стран стали проведенные Пекином в октябре 1964 г. испытания ядерного оружия, которые были восприняты в Токио как форма политического давления на Запад в целом и Японию в частности.

Однако параллельно этому Япония развивала с Китаем торгово-экономические и культурные связи. Торговля развивалась по двум направлениям — с помощью японских торговых компаний, признанных Китаем «дружественными», в основном из числа «рекомендованных» СПЯ и КПЯ, а также в рамках «соглашения Ляо—Такасаки», которое было подписано в 1962 г. в ходе пребывания в Пекине делегации ЛДП. На основании указанного соглашения в 1964–1965 гг. в обеих странах были открыты торговые представительства и заключен ряд контрактов. Однако с началом «культурной революции» в Китае товарооборот стал

топтаться на месте. Во многом это было связано с проводившимся Пекином курсом на политизацию торговли с Японией, когда приоритет отдавался не самым эффективным «дружественным» фирмам, с помощью которых Китай рассчитывал укрепить каналы своего влияния в Японии.

В июле 1971 г. американское правительство неожиданно для Японии предприняло активные шаги в направлении признания КНР, включая визиты советника по национальной безопасности Президента США Генри Киссинджера в Китай в июле и октябре 1971 г. В феврале 1972 г. Президент США Р. Никсон совершил поездку в Китай, в ходе которой была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между США и КНР (это событие закрепились в историографии под названием «**шок Никсона**»). Тот факт, что в противоположность сложившейся ранее практике американское руководство не поставило своих японских партнеров в известность о готовящемся визите, нанесло большой удар по престижу Японии, которой пришлось спешно искать способы «сохранить лицо». Правительство ушло в отставку, а новому кабинету, который возглавил К. Танака, потребовалось предпринять немалые усилия, чтобы сгладить неприятные для правящего лагеря внутривнутриполитические последствия «шока Никсона». Положение усугублялось еще и мерами экономического давления в отношении Японии: американское правительство уведомило Токио об отказе от фиксированного курса иены по отношению к доллару, в результате чего произошла ревальвация иены на 17%, больно ударившая по интересам японских экспортеров. Кроме того, США ввели 10%-ную импортную пошлину на японскую электронику и автомобили.

Реакция Токио проявилась в виде концепции «**многосторонней дипломатии**», за которой стояло стремление Японии проводить более независимую от США внешнеполитическую линию, основанную прежде всего на собственных национальных интересах. Япония развила небывалую дипломатическую активность в различных частях света, особенно на Ближнем Востоке и в Африке. Были установлены дипломатические отношения с МНР, ГДР, СРВ.

В сентябре 1972 г. премьер-министр Японии К. Танака нанес визит в Пекин, в ходе которого японская и китайская стороны договорились немедленно и в полном объеме восстановить межгосударственные отношения (здесь Япония пошла дальше Америки, которая установила дипломатические отношения с Китаем только в 1979 г.).

Японская сторона заявила об утрате действия японо-тайваньского договора и о своем «полном понимании и уважении» позиции КНР, считающей Тайвань неотъемлемой частью территории Китая. В дальнейшем, когда китайская сторона настаивала на определении ясной позиции Японии по статусу Тайваня, японские представители отвечали, что Япония не может высказываться по данному поводу на том основании, что Тайвань являлся японской колонией, а Япония по Сан-Францисскому мирному договору навсегда от него отказалась. Вместе с тем японское правительство предприняло меры для сохранения достигнутого уровня экономических связей с Тайванем, которые переводились на неправительственный уровень.

В отношениях с Советским Союзом наблюдалось затишье в политической сфере и одновременно достаточно успешное развитие торгово-экономических связей. Большой импульс этим связям придал визит первого заместителя Председателя Совета министров СССР А. И. Микояна в Японию в августе 1961 г., который способствовал заключению ряда крупных торговых соглашений, заключавшихся сначала ежегодно, а затем на трехлетний срок. СССР закупал в Японии многие виды оборудования и продавал в основном сырьевые товары, включая коксующийся уголь, мазут, рудные ресурсы и т.д. Одним из значимых примеров интереса к советским технологиям стало приобретение в СССР технологии по непрерывной разливке стали. В 1967 г. между Москвой и Токио было установлено регулярное прямое авиасообщение.

В 1966 г. стороны обменялись визитами министров иностранных дел. В ходе визита А. А. Громыко в Токио в июле 1966 г. было подписано совместное коммюнике, в котором подтверждалась необходимость заключения мирного договора между двумя странами. Подписание консульской конвенции позволило сторонам на взаимной основе открыть в 1967 г. генеральные консульства соответственно в Саппоро и Находке. После нормализации японо-американских и японо-китайских отношений в начале 1970-х годов Москва, столкнувшись с угрозой формирования на Дальнем Востоке антисоветского блока, активизировала усилия для укрепления политических отношений с Японией. Пытаясь «перетянуть» Японию на свою сторону, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в ходе своего визита в Японию в январе 1972 г. неофициально предложил урегулировать проблему мирного договора на условиях декларации 1956 г., а именно — передачи Японии острова Шикотан и гряды Хабомаи. Однако японская сторона никак не реагировала на эти предложения, считая их «недостаточными».

В октябре 1973 г. К. Танака совершил поездку в Москву, где встретился с Л. И. Брежневым. В ходе этой первой после 1956 г. **советско-японской встречи на высшем уровне** прошло конструктивное обсуждение проектов совместной разработки природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, ряда других вопросов экономического и культурного сотрудничества. По вопросу о заключении мирного договора японская сторона попыталась навязать Москве свое видение сути территориальной проблемы, однако никаких результатов это не дало.

Единственное, чего удалось добиться, — это согласие СССР на включение в текст совместного заявления фразы о наличии «нерешенных вопросов, оставшихся со времен Второй мировой войны».

4. Период умеренных темпов экономического роста (1974–1990)

4.1. Экономическое и социальное развитие

После первого «нефтяного шока» 1973 г. японская экономика вступила в период умеренных темпов экономического роста. Экономическое благосостояние теперь приходилось строить в условиях существенно подорожавших энергоресурсов. Правительство страны взяло курс на активное внедрение энергосбережения в промышленности, сфере услуг, жилищно-бытовом секторе и на транспорте. Для снижения зависимости от внешних поставок нефти определенные шаги были предприняты в сторону изменения структуры первичного энергобаланса в пользу газа, ядерной энергетики, а также альтернативных источников энергии.

Во второй половине 1970-х годов правительство приняло **программу структурной перестройки экономики**. В ее рамках проводилось свертывание производства в энерго- и материалоемких отраслях, масштабное скрапирование (демонтаж оборудования) производственных мощностей в таких отраслях экономики, как судостроение, нефтехимия, алюминиевая промышленность, черная металлургия, производство химических удобрений и др.

Параллельно был продолжен курс на ускоренное развитие наукоемких видов производства, ускорение научно-технических разработок и их внедрение в производственную сферу. Для стимулирования производства электронного промышленного оборудования, сверхбольших интегральных схем, компьютеров, робототехники и иных высокотех-

нологических отраслей промышленности активно использовались меры налогово-финансового стимулирования, например налоговые льготы, льготное кредитование, государственные заказы и др.

Япония продолжила использовать запущенную еще в начале 1950-х годов стратегию скупки иностранных патентов и их внедрение в производство, позволявшую ей экономить огромные средства. С 1951 по 1981 г. Япония только с США заключила 40 тыс. контрактов о передаче технологий, которые обошлись ей в относительно скромную сумму 17 млрд долл. Между тем с начала 1980-х годов Япония перестала зависеть от импорта технологий и стала опираться на собственную научно-техническую базу. К концу 1980-х годов японские компании затрачивали на собственные разработки большие средства, чем американские.

Большие последствия для экономического развития имело Пласское соглашение (22 сентября 1985 г.), в результате которого курс иены к доллару стал стремительно расти и к 1988 г. составлял уже 128 иен за доллар. Это привело к удорожанию рабочей силы и снижению конкурентоспособности японской продукции. Во второй половине 1980-х годов на финансовых рынках Японии стала проявляться неблагоприятная тенденция к **усилению роли спекулятивного капитала**, который устремился в операции с недвижимостью, акциями и ценными бумагами. Спекулятивные операции становились более выгодной сферой приложения капитала, чем реальная экономика, в результате чего в эту сферу втягивался банковский сектор, инвестиционные компании и даже рядовые граждане страны. В Японии этот феномен получил название «**экономики мыльного пузыря**». Ее крах в 1990 г. вызвал глубокий экономический кризис, за которым последовала продолжительная рецессия.

Достаточно хорошая экономическая конъюнктура давала возможность повысить благосостояние и увеличить доходы населения. Было обеспечено существенное улучшение медицинского обслуживания, заметно повысилась средняя продолжительность жизни, что позволило Японии занять одно из первых мест в мире по этому показателю. Устойчивые темпы роста, всемирная узнаваемость японских брендов («Тойота», «Сони», «Панасоник» и т.д.), финансовая мощь страны, позволившая ей стать одним из главных доноров основных международных организаций, в первую очередь ООН, — все это давало пищу для роста в стране своего рода **экономического национализма** — чувства национальной гордости, основанного на экономических успехах страны. Свою лепту вносил и неподдельный интерес в мире к истокам

японского экономического чуда, выразившийся в появлении большого количества академических работ, посвященных уникальному японскому менеджменту, уникальной японской бюрократии, уникальному японскому менталитету и т.д. Самоощущение собственной уникальности кульминизировалось в «теории японца» (*нихондзинрон*). Японцы стали выпячивать — в некоторых случаях обоснованно, а в некоторых и надуманно — свою «особость», проявляющуюся в специфике менталитета, стиля жизни, традиций, культуры, языка, пищевой диеты и иных аспектов национального колорита, которые представлялись уникальными, хотя и отнюдь не имеющими превосходства над другими нациями.

Своего рода «елеем», лившимся на национальные чувства японцев, стала распространившаяся в 1980-е годы теория о том, что следующий век станет веком Японии («Пакс ниппоника»). Не претила, а скорее льстила японцам и алармистская теория о «Джапан инкорпорейтед» — Японии как стоголовом и бездушном чудовище, не имеющем общего центра управления, но методично и последовательно достигающем своих целей, наиболее убедительно изложенная в ставшей классической работе Э. Вогеля *«Japan as Number One»*, опубликованной в 1979 г.

Ужесточение конкуренции в корпоративном секторе приводило к негативным социальным последствиям. Япония заняла первое место среди развитых стран по показателю общей продолжительности рабочего времени. Обыденным явлением для многих компаний стали огромные сверхурочные, работа без выходных, длительные многомесячные командировки в другой город без семьи и т.д. Это вело к сильным физическим и психологическим нагрузкам наемных работников, которые в отдельных случаях даже приводили к смерти от переработки.

Ситуация в социальной сфере характеризовалась также повышением роли женщин в общественной жизни и усилением тенденции к эмансипации. В стране получило развитие феминистское движение, выступавшее за ликвидацию любых форм гендерной дискриминации, наблюдавшейся в течение всего послевоенного периода в политической и общественно-экономической сферах, несмотря на провозглашенный конституцией страны принцип равенства полов. Особую актуальность приобрела проблема неравенства карьерных возможностей для женщин на рабочем месте. На фоне возросшего международного внимания к гендерным проблемам, проявившегося в объявлении ООН Международного года женщины в 1975 г. и Десятилетия женщины в 1976–1985 гг., в Японии в 1985 г. принят Закон о равных возможно-

стях в сфере найма. Тем не менее проблема гендерного неравенства продолжала оставаться крайне острой.

Традиционное представление о социальном предназначении женщин в основном в рамках семьи не соответствовало возросшему стремлению женщин к достижению общественного признания в производственной и общественно-политической сферах, результатом которого стало увеличение среднего возраста вступления женщин в брак и рождения ими первого ребенка, а также сокращение числа детей в семье (нередкими стали семьи с одним ребенком). Это привело к тому, что страна перешла на новую модель воспроизводства населения, характерную для постиндустриальных стран. В 1974 г. коэффициент рождаемости в Японии стал ниже коэффициента 2,1, необходимого для простого воспроизводства, а в 1989 г. большой общественный резонанс получили данные о том, что коэффициент суммарной рождаемости составил в стране 1,57, что было самым низким уровнем за всю послевоенную историю. Широкая общественная дискуссия и вынесение данной проблемы в политическую плоскость привели к принятию в 1991 г. законодательства об оплачиваемых отпусках по родам и уходу за ребенком. Вместе с тем следует отметить, что целенаправленной государственной политики в сфере рождаемости в Японии не проводилось вплоть до середины 1990-х годов, когда серьезность ситуации в демографической сфере стала осознаваться политическим руководством страны.

Женщины стали активно участвовать, во многих случаях на ключевых ролях, в новых формах общественного движения, получившего развитие в стране в 1970—1980-е годы, — в неправительственных организациях, работавших в сфере экологии, защиты прав потребителей, защиты прав детей, помощи пожилым, а также культуры и образования. Усиление роли женщин в политической жизни страны проявилось и в том, что они стали более заметными среди политиков общенационального масштаба. Избрание в 1989 г. в палату советников, традиционно представлявшей собой сугубо мужское «царство», сразу 22 женщин было метко обозначено в прессе как «**эффект мадонны**». Симптоматичным стало избрание на пост председателя ЦИК Соцпартии Японии Дои Такако, которое принесло партии немало дополнительных голосов на выборах в палату советников 1989 г. Большинство политических партий скорректировали свою политику с учетом роста значения фактора женского электората. В 1989 г. на фоне массового негодования, связанного с «секс-скандалом» (внебрачной связью с гейшей), в отставку всего через два месяца после

своего избрания на пост председателя ЛДП и главы правительства пришлось уйти Уно Сосукэ.

С новой силой проявляли себя традиции *гакурэки сякай* — общества, в котором все социально значимые позиции монополизированы элитой выпускников элитарных университетов, к числу которых относятся, например, Токийский, Киотский университеты, университеты Хитоцубаси, Васэда, Кэйо и Тюо. В соответствии с принципами *гакурэки сякай* служебная и общественно-политическая карьера человека определяется в большей степени не его способностями и личными усилиями, а названием высшего учебного заведения, которое он окончил. Поскольку образование в престижном университете дает определенную гарантию поступления в крупную и преуспевающую компанию и дальнейшего жизненного успеха в жизни, все усилия в старших классах средней школы были направлены на преодоление экзаменационного барьера. Ученикам приходилось заниматься вызубриванием огромного количества информации, бесполезной в дальнейшей жизни. Среди матерей японских школьников появилась внушительная категория *кёйку мама* — женщин, помешанных на образовании своих чад, а точнее — на их «натаскивании» на экзаменационные требования крупнейших вузов. Это привело к появлению таких проблем, как рост ювенальной преступности, насилие в школах, проявляющееся в издевательствах над более слабыми сверстниками, а также высокий процент самоубийств среди учащихся. Проблему представляла чрезмерная ориентация японской системы образования на подготовку усредненной, конформистски настроенной личности, хорошо адаптированной к работе в команде, но неспособной проявить креативное начало в работе.

4.2. Особенности политических процессов

Во внутриполитической сфере с начала 1970-х годов получил особое развитие феномен «**перераспределенческой политики**». Его суть заключалась в том, что политическая власть находила свое основное предназначение в перераспределении части национального дохода для решения задачи выравнивания региональных диспропорций в развитии. Часть сверхприбылей, получаемых крупными экспортными предприятиями, усилиями политиков через налогово-финансовую сферу направлялась на проведение масштабных инфраструктурных проектов, и прежде всего в депрессивных районах страны, с целью «подтягивания» их до общенационального стандарта.

Активным проводником этой политики стал кабинет Танака Какуэй (1972–1974), который выступил с одной из наиболее амбициоз-

ных государственных программ в послевоенной истории, получившей название «План реконструкции Японского архипелага». План предусматривал массированное наращивание бюджетных инвестиций в инфраструктурное строительство, активные меры по решению экологических, жилищных, транспортных проблем. Планировалось строительство новых индустриальных зон, скоростных железных и шоссейных дорог, и прежде всего в депрессивных неурбанизированных районах страны.

Благодаря проведению этой политики Япония смогла обеспечить относительную равномерность развития всей территории страны, а не только «промышленного пояса» тихоокеанского побережья, где была сконцентрирована подавляющая часть экспортно-ориентированных предприятий. Во всей стране, даже в самых отдаленных и труднодоступных горных районах, были возведены современные объекты социальной, торгово-распределительной и транспортно-коммуникационной инфраструктуры, в результате чего правительству удавалось обеспечить в национальном масштабе относительно высокий уровень качества жизни. В социальном плане эта политика была основана на общенациональном консенсусе: работники экспортных предприятий, в большинстве своем выходцы из сельской местности (многие переехали в город в результате масштабных миграционных процессов 1950—1960-х годов), еще не утратили земляческие связи со своей малой родиной и потому были не против того, чтобы часть создаваемого ими добавочного продукта направлялась на ее обустройство. Кроме того, «перераспределенческая политика» имела и политическую подоплеку: в силу особенностей избирательной системы именно из сельских и малоразвитых районов страны избиралась значительная часть депутатского корпуса правящей партии.

Оборотной стороной «перераспределенческой политики» явился рост коррупции в политической сфере. Накачивая корпоративный сектор, работавший в сфере инфраструктурного строительства, бюджетными деньгами, политики получали от него солидные «откаты» в виде пожертвований на политические цели. В результате стоимость депутатского места в парламенте постоянно росла, процесс финансирования политической деятельности приобретал все более закрытый от общественного контроля, а порой и криминогенный характер. В Японии получили развитие **«железные треугольники»**, под которыми понимается специфическая форма сращивания политических кругов, корпоративного сектора и высшей бюрократии на базе взаимных интересов, определяемых близостью к процессу распределения бюджетных средств.

В годы правления кабинета Танака в правящей партии развернулась ожесточенная борьба за власть между внутрипартийными фракциями, получившая известность как *Какуфуку сэнсо* («война между Танака Какуэй и Фукуда Такэо»). После неудачного выступления ЛДП на выборах в палату советников летом 1974 г. в одном из журналов были опубликованы скандальные материалы, обвинявшие премьер-министра Танака в финансовых злоупотреблениях. Лидеры противостоящих сторонникам Танака фракций из «антиосновного течения» ЛДП Т. Мики и Т. Фукуда выступили с острой критикой главы кабинета, в результате чего К. Танака в декабре 1974 г. уходит в отставку. Через два года он был привлечен к уголовной ответственности в связи с новым скандалом, связанным с получением «откатов» за заказы американской авиастроительной компании «Локхид».

Чтобы ограничить пагубное влияние межфракционного соперничества на авторитет ЛДП в обществе, глава партии Т. Фукуда провел в марте 1977 г. внутрипартийную реформу, в рамках которой фракции были лишены прав юридических лиц и официальной регистрации при органах местного самоуправления, а к выборам председателя партии были допущены представители местных партийных организаций (ранее все решалось на общем собрании депутатов ЛДП в парламенте). Однако все попытки покончить с фракциями с помощью административных решений заканчивались неудачей. Фракционная система, являясь важнейшим атрибутом кадрово-организационного строительства ЛДП, неизменно возрождалась, принимая новые формы и названия.

Ситуация на арене партийно-политической борьбы на этапе умеренных темпов экономического роста развивалась достаточно динамично. В парламенте сложилось **состояние неустойчивого равновесия сил** между «консервативными» и «реформаторскими» силами (ЛДП и оппозицией). ЛДП продолжала удерживать большинство мест в обеих палатах парламента, хотя выборы демонстрировали взлеты и падения уровня поддержки консерваторов.

Относительно хорошая экономическая конъюнктура 1980-х годов позволила ЛДП дважды — в 1980 и 1986 гг. — использовать механизм «двойных выборов», когда роспуск парламента и внеочередные выборы в нижнюю палату приурочивались к очередным выборам в верхнюю. В обоих случаях правящая партия, пользуясь организационной и финансовой слабостью оппозиции, неспособной эффективно противостоять ЛДП сразу на двух фронтах (на выборах в палату представителей и в палату советников), одерживала уверенную победу, существенно увеличивая свое представительство.

Важной тенденцией, зародившейся на рубеже 1970-х и 1980-х годов и получившей активное развитие в последующие десятилетия, стало усиление роли политических органов ЛДП (Совета по политическим вопросам) в выработке и принятии государственных решений. Процесс осуществления партийными органами функций, которые ранее выполнялись бюрократией, означал более высокий уровень сращивания ЛДП с государственным аппаратом вследствие длительного монопольного пребывания у власти. Непрозрачность этой системы порождала злоупотребления и подвергалась острой критике.

В середине десятилетия в стране была проведена административно-финансовая реформа, связанная с обострением проблемы государственных финансов. Размер государственного долга достиг половины ВВП, большинство государственных предприятий были нерентабельными, а государственный аппарат — громоздким и плохо управляемым.

Инициатором и вдохновителем реформы стал премьер-министр **Накасонэ Ясухиро**, возглавлявший правительство в 1982—1987 гг., который поручил ее разработку специальному консультативному совету, сформированному без участия государственной бюрократии. Помимо реорганизации правительственной структуры, в ходе преобразований была осуществлена приватизация государственных железных дорог, телеграфно-телефонной корпорации, соляной и табачной монополии, создана общенациональная пенсионная система. В результате реформы, существенно сократившей долю государственного сектора в экономике, бюджет страны стал заметно менее зависимым от внешних займов.

В 1988—1992 гг. разгорелось сразу несколько скандалов с участием высших лиц государства, включая премьер-министров. Попытки самоочищения партии путем самороспуска фракций, считавшихся одной из причин распространения «денежной политики», инициирования законов об ужесточении контроля над политическими фондами, отставки с правительственных постов наиболее дискредитировавших себя партийных лидеров и других подобных мер больших результатов не дали. В результате в стране резко повысился уровень массового недовольства правящей партией, уровень поддержки которой к концу 1980-х годов существенно упал. В 1989 г. после очередного коррупционного скандала, в ходе которого вскрылись факты получения крупнейшими деятелями правящей партии, включая ее председателя Н. Такэсита, акций по заведомо заниженной стоимости в качестве «благодарности»

за услуги (дело «Рикруто»), ЛДП впервые уступила своим соперникам большинство в верхней палате парламента, пост спикера в которой заняла председатель СПЯ Т. Дои.

В 1970–1980-е годы активно развивались различные формы общественного движения. По-прежнему сильные позиции занимали профсоюзы, которые возглавляли и координировали борьбу трудящихся за свои экономические права («весенние» и «осенние наступления»). В 1989 г. на базе нескольких профцентров возникло мощное профобъединение Рэнго, которое включилось в политическую борьбу и получило несколько мест в парламенте. Помимо традиционно сильного для Японии антиядерного и антивоенного движения, в 1980-е годы наблюдался небывалый рост активности женских, экологических организаций, различного рода форм волонтерских групп и т.д.

4.3. Внешняя политика

В 1970–1980-е годы Япония продолжила **политику укрепления связей с западным сообществом**. В 1975 г. она вошла в состав участников ежегодных совещаний глав государств и правительств развитых стран Запада (формата, получившего название «Большой семерки»). Япония стала использовать возможности данных встреч для координации действий с западными странами и отстаивания своих позиций по наиболее проблемным для нее вопросам взаимоотношений, включая вопросы дефицита торговых балансов, валютно-финансового регулирования, преодоления последствий мирового энергетического кризиса и т.д.

В отношениях Японии с Соединенными Штатами усилилась взаимозависимость, связанная с формированием экономических интересов, касающихся обеих сторон. Положительное торговое сальдо Японии в торговле с Америкой достигло колоссального уровня. Торговые противоречия между двумя странами вылились в настоящие войны. В конце 1960 — начале 1970-х годов между двумя странами шла «текстильная война», связанная с ограничением импорта в США японских текстильных изделий (Президент США Р. Никсон стремился подобным образом обеспечить себе электоральную поддержку южных штатов), в 1970-е годы — «автомобильная». Новым для 1980-х годов явлением стало наращивание Японией капиталовложений в США, в том числе в объекты, имеющие для американцев стратегическое значение либо представляющие их национальное достояние. Это провоцировало рост алармистских настроений среди американцев, недовольных тем, что «японцы скупают Америку». Усилиями запад-

ных медиа Япония в глазах многих обывателей стала представляться в качестве «угрозы номер один».

В военно-политической области продолжалось усиление стратегического взаимодействия с Вашингтоном. В 1978 г. стороны приняли **«Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны»** — программный документ, который предусматривал активизацию совместного военного планирования, проведение совместных военных учений и иные формы сотрудничества двух стран на оперативно-тактическом уровне. Особенно активно японо-американское стратегическое взаимодействие стало развиваться с начала 1980-х годов. В оборот вошел тезис о «единстве судеб», впервые прозвучавший в ходе встречи на высшем уровне между премьер-министром Я. Накасонэ и Президентом США Р. Рейганом. Японский премьер даже заявил в одном из своих выступлений, что Япония является «непотопляемым авианосцем» Соединенных Штатов. Несмотря на законодательный запрет экспорта вооружений, Япония включилась в принятую Америкой «стратегическую оборонную инициативу». Наиболее заметным был вклад Японии в программу «звездных войн» в таких областях, как лазерное оружие, полупроводники, электронные системы управления и т.д.

Активно развивалась азиатская дипломатия Японии. В 1977 г. премьер-министр Японии Т. Фукуда, совершавший поездку по странам ЮВА, обозначил в своих выступлениях ряд принципиальных положений политики Японии по отношению к региону, которые получили известность как **«доктрина Фукуда»**. В частности, Т. Фукуда заявил, что Япония никогда больше не станет военной державой, сообщил о стремлении Японии к достижению чистосердечного взаимного доверия и понимания со странами АСЕАН, обещал оказывать финансовую помощь этим странам и содействовать развитию их сотрудничества со странами Индокитая — Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей. В конце 1970-х годов Токио стал активно пропагандировать также концепцию **«Тихоокеанского сообщества»** — организации многостороннего сотрудничества в АТР с участием не только азиатских стран, но и Австралии, Новой Зеландии, а также тихоокеанских стран Латинской Америки.

С КНР отношения после 1972 г. стали динамично развиваться в сфере торговли, воздушного сообщения, судоходства и рыболовства. В августе 1978 г. Япония подписала Договор о мире и дружбе с Китаем. Стороны договорились решать все спорные вопросы мирными средствами, строить отношения на базе принципов взаимного

уважения, суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования.

В ходе подготовки договора Китай, находившийся в состоянии идеологической и военно-политической конфронтации с Советским Союзом, добился от Японии согласия на включение в договор специальной «антигегемонистской статьи», гласившей, что стороны выступают против усилий любой страны или группы стран, направленных на установление гегемонии в Азии (эта статья имела антисоветскую направленность). По поводу территориального спора о принадлежности островов Сенкаку (Дяоюйдао) в Восточно-Китайском море, находящихся под административным контролем Японии, была достигнута компромиссная договоренность о том, чтобы отложить его решение, переложив «на суд следующих поколений» (этот подход получил известность как «формула Дэн Сяопина»).

После смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. новое китайское руководство провозгласило курс на проведение экономических реформ и развитие внешнеэкономических связей. Это создало условия для активизации японо-китайских отношений в экономической области, которые, помимо торговых связей, с начала 1980-х годов стали развиваться по линии инвестиционного сотрудничества. Японское правительство включило Китай в список стран—получателей льготных иенowych кредитов в рамках программ Официальной помощи развитию (ОПР).

Активно использовала Япония инструменты ОПР и в отношении прочих стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Японская ОПР способствовала формированию такой модели экономического развития, которая давала возможность обеспечивать политическую и социальную стабильность во всем регионе и позволяла Токио укрепить свой авторитет во многих азиатских странах. Благодаря ОПР Японии, кроме того, удавалось в значительной степени ослаблять в большинстве азиатских стран неприятную для себя историческую память о «стране-агрессоре» и сдерживать антияпонские настроения в массах, что, в свою очередь, было важным условием для успешной инвестиционной политики японского бизнеса.

В 1980-е годы Япония проводила активную политику экономического проникновения в страны Восточной Азии, и прежде всего в «новые индустриальные страны» первой волны — Гонконг, Тайвань, Сингапур и Южную Корею, которые переживали период бурного экономического подъема. Именно эти страны, взявшие японскую

экономическую модель в качестве образца для подражания, активно использовали японские капиталы и технологии для проведения модернизации. Была даже придумана теория «гусиного клина», в котором роль вожака стаи отводилась Японии, за которой должны следовать другие страны.

С Советским Союзом отношения развивались по формуле **«неразрывности политики и экономики»**. Тем не менее в результате достигнутых в ходе встречи на высшем уровне в 1973 г. договоренностей началась реализация ряда проектов в области освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, касающихся нефтегазовых месторождений на Сахалине, угольных месторождений в Якутии, лесных ресурсов Дальнего Востока. Был запущен сахалинский проект, ориентированный на богатые месторождения нефти и газа на острове. Стабильно развивались культурные и научные связи.

Вместе с тем политический диалог был заморожен вследствие нерешенности территориальной проблемы, а также обострения конфронтации между двумя противостоящими блоками. Негативное воздействие на общую атмосферу двусторонних отношений оказал ввод советских войск в Афганистан в 1979 г., рост советско-американской гонки вооружений, проблемы, связанные с размещением ракет средней дальности в Европе. Япония безоговорочно поддержала инициированные США в связи с вводом войск санкции против СССР, отказавшись от кредитования ряда перспективных проектов по освоению природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, и приняла участие в бойкоте московской Олимпиады 1980 г.

Особенно болезненно Япония реагировала на те события, которые, по ее оценке, непосредственно касались ее национальной безопасности: усиление советской военной группировки на Дальнем Востоке, размещение воинских частей на Южно-Курильских островах в конце 1970-х годов, а также ряд инцидентов в приграничных районах Японии. Большой резонанс в Японии имел угон советского военного самолета «МиГ-25» в Японию в 1976 г. («инцидент Беленко»), а также уничтожение советскими истребителями в 1983 г. южнокорейского пассажирского лайнера, совершившего полет над советскими стратегическими объектами на Дальнем Востоке, на борту которого находилось несколько японских пассажиров. В начале 1980-х годов книжные прилавки по всей стране наводнила литература под броскими названиями «Вторжение Советов на Хоккайдо», «За сколько дней капитулирует Япония?» и т.д. В официальной военной доктрине Силы самообороны прочно закрепился тезис о «советской военной угрозе».

В 1982 г. японское правительство объявило 7 февраля — годовщину подписания Симодского трактата 1855 г., установившего российско-японскую границу между островами Уруп и Итуруп, — Днем северных территорий. В стране была развернута массовая кампания по сбору подписей за «возвращение исконных японских территорий», а премьер-министр Японии ввел практику посещения северных территорий — осмотра островов Южно-Курильской гряды в бинокль с борта корабля или самолета. После прихода к власти Я. Накасонэ и объявления им политики «подведения послевоенных итогов» Токио интенсифицировал усилия по оказанию давления на СССР, рассматривая территориальную проблему как одну из «нерешенных проблем Второй мировой войны». В 1988 г. на встрече «Большой семерки» в Торонто Япония впервые попыталась привлечь на свою сторону в территориальном споре с СССР западных партнеров.

5. Постбиполярный период (1991 — настоящее время)

5.1. Экономическое развитие

Крах фондового рынка на Токийской фондовой бирже в 1990 г. ознаменовал собой начало нового этапа японской истории. Стремительное падение цен на недвижимость и ценные бумаги означало, что «мыльный пузырь» в экономике лопнул. Начался длительный период экономической стагнации.

Большие последствия для экономического развития имело Плазское соглашение 1985 г., принятое на совещании министров финансов ведущих капиталистических стран. В результате отхода от жесткой привязки иены к доллару произошло стремительное подорожание курса японской валюты к американской, и Япония стала утрачивать свои позиции на мировых рынках в качестве экспортера готовой продукции. К 2011 г. страна, известная профицитом своего внешнеторгового баланса, столкнулась с внешнеторговым дефицитом.

Страна вступила в стадию постиндустриального развития. Для этого периода характерны низкие темпы экономического роста, хроническая дефляция, размывание вертикально структурированной корпоративной системы и иных атрибутов ограниченно рыночной модели японской экономики, а также иные черты, свидетельствующие о серьезных изменениях модели экономического развития.

Ускорились структурные изменения экономики в сторону ее сервисизации, т.е. усиления роли отраслей третичного сектора. Кроме того, в силу подорожания стоимости рабочей силы и иных внутренних издержек начался активный вывод производств за рубеж, и прежде всего страны Азии (феномен **«выхолащивания промышленности»**). Если ранее основным реципиентом японских инвестиций были «новые индустриальные страны», то с 1990-х годов существенно усилилось значение Китая и стран АСЕАН в качестве «сборочного цеха» японских корпораций. Тенденцией 2010-х годов стало приоритетное развитие экспорта из Японии в страны Восточной Азии целых инфраструктурных проектов. Речь идет о продвижении за рубеж так называемых интегрированных систем, под которым понимается реализация в странах-партнерах комплексных проектов в области производственной и социальной инфраструктуры: экспорт промышленных технологий, готовых энергетических проектов, проектов в сфере экобизнеса и т.д. Подобный подход предполагает не просто поставки оборудования и проведение соответствующих строительных работ, но и разработку дизайна, проектирование, предоставление технологий и ноу-хау, инжиниринговые и образовательные услуги в одном пакете. Для сохранения позиций на внешних рынках особый упор делается на те сферы экспорта готовых систем, где Япония имеет несомненное превосходство — электроэнергетика, дороги, водоснабжение, информационные технологии, организация здравоохранения и т.д.

В результате указанных сдвигов доля страны в мировом ВВП в номинальном исчислении, составлявшая в 1992 г. 15,2%, упала в 2014 г. до 5,97% — это третий показатель после США и Китая. Еще в 2010 г. Япония уступила Китаю позицию второй по объему ВВП экономической державы мира, которую она неизменно занимала с 1969 г., что переместило ее в табели о рангах на второе место в Азии и третье в мире. При этом тенденция к снижению доли Японии в мировой экономике носит долгосрочный характер. По долгосрочным прогнозам ОЭСР, к 2060 г. доля Японии в мировом ВВП снизится с два раза, составив 3,2%. Заметно снизилась за два десятилетия и международная конкурентоспособность страны: если вплоть до начала 1990-х годов Япония занимала по этому показателю уверенное первое место, то к 2011 г. она опустилась до десятого.

В 2010-е годы большую остроту приобрела проблема несбалансированности государственных финансов. Совокупный государственный долг составил в 2013 фин.г. астрономическую сумму в 1 квдрл иен, превысив двукратный объем ВВП страны, что являлось наихудшим показателем среди развитых капиталистических стран. Государственные

долговые обязательства Японии находятся в основном в руках японских резидентов и сконцентрированы на рынке долгосрочных облигаций с относительно низкими ставками, в результате чего немедленной угрозы государственного дефолта не возникало. Однако совокупный объем государственного долга был таков, что выплаты по процентам составляли почти четвертую часть расходной части государственного бюджета.

В результате японская экономика приобрела качественно новые черты. Высокий технологический уровень промышленности и других сфер экономики, мощный научно-технический потенциал и огромная финансовая мощь позволяют Японии оставаться одним из лидеров мировой экономики. С точки зрения качества жизни (в том числе таких его составляющих, как уровень развития здравоохранения, состояние окружающей среды, комфортность транспортной инфраструктуры, обеспечение условий для достойной старости и т.д.) она стала образцом для других государств.

К числу сильных характеристик экономики Японии доклад Международного экономического форума относит уровень развития инфраструктуры, сложность и высокую диверсифицированность бизнеса, выпуск уникальной продукции и использование уникальных производственных процессов, контроль в отношении международных товарных потоков. Японскую экономику отличает также наличие высококласных научно-исследовательских учреждений и высокий уровень расходов на НИОКР, наличие квалифицированных инженерно-технических кадров, что позволяет высоко оценить уровень инновационной среды.

Вместе с тем инновационный потенциал страны постепенно снижается: если с 2007 по 2015 г. Япония неизменно входила в первую пятерку стран мира, то в 2016 г. она перешла на восьмое место. В ряде отраслей экономики, включая отрасли со средней и высокой степенью сложности технологических и производственных процессов, Япония утратила былые позиции в мировых рейтингах. В числе слабых мест японской экономики многие эксперты отмечали отсталость и архаичность системы производственного обучения персонала, негибкость системы найма, крайне низкую долю женщин в общей структуре найма и т.д.

Макроэкономическое положение Японии продолжает осложняться и в связи с обострением социальных проблем, связанных со снижением рождаемости и старением населения. Так, если в 1961 г. средний возраст японцев составлял 29 лет, то в 2011 г. — уже

44,9 года, тогда как к 2030 г. он, как ожидается, превысит 50-летнюю отметку. Со второй половины 1990-х годов в Японии стало складываться «малодетное общество» (*сёси сякай*), характеризующееся низким коэффициентом рождаемости и не обеспечивающее даже простого воспроизводства населения. В результате в начале 2010-х годов в стране начался процесс сокращения абсолютной численности населения. Одновременно ускорилось сокращение доли экономически активного населения в демографической структуре общества, стала обостряться проблема нехватки рабочих рук. Несмотря на это обстоятельство, Япония предпочитает воздерживаться от радикальной либерализации миграционного законодательства, не допуская наплыва в страну потока мигрантов из развивающихся стран, которые смогли бы заполнить вакансии, связанные с тяжелым и непрестижным трудом. В 2013 г. в Японии насчитывалось менее 2 млн иностранных граждан, или чуть более 1,5% населения страны (в США около 13%, и во Франции около 19%).

Преобладание старших возрастов в японском обществе стало приводить к существенному увеличению расходов на социальное страхование, доля которых неизменно росла. Например, середине 2010-х годов расходы на социальные нужды превышали 30% в общем объеме расходной части государственного бюджета. Соответственно, бремя социальных расходов ведет к увеличению налоговой нагрузки на население, что, в свою очередь, снижало потребительский спрос и лишало экономику внутренних источников роста, ослабляя ее международную конкурентоспособность.

К социальным проблемам с 1990-е годы прибавился так называемый феномен «потерянного поколения»: в связи с проводившейся японскими корпорациями с начала 1990-х годов политикой реструктуризации, предполагавшей отказ от системы «пожизненного найма», целое поколение молодежи, получив в 1990-е годы университетское образование, не могло устроиться на постоянную работу и по этой причине создать семью, завести детей и т.д. В результате диверсификации форм найма в его структуре гораздо большее место стали занимать непостоянные работники: так называемые фритеры (лица свободных профессий, работающие за штатом компании по индивидуальным контрактам), работники, командированные в компанию на ограниченный срок по договору с кадровым агентством, контрактные служащие, непостоянные работники с повременной оплатой труда и т.д. Общий процент так называемого непостоянного найма в общей структуре найма превысил в начале 2010 г. 35%.

5.2. Перемены в политической жизни

Коренные перемены произошли и в политической области. Прежде всего, **исчез идеологический водораздел**, по которому происходило противостояние между «консервативными» и «прогрессивными» политическими силами. Внешние и внутренние условия для Японии стали характеризовать новые угрозы, к числу которых можно отнести политический, военный и экономический подъем Китая, ужесточение конкуренции за сырьевые ресурсы на мировых рынках, новые вызовы, связанные со стихийными бедствиями и техногенными катастрофами.

Страна лишилась существенной части экспортных доходов, что, в свою очередь, сделало невозможным проведение масштабной перераспределенческой деятельности. На это наложился субъективный момент: разочарование избирателей в правящей партии, связанное с ростом политической коррупции, неспособностью ЛДП к самореформированию и выдвижению лидеров, способных повести за собой партийные массы, отсутствием процесса смены поколений в руководстве партии, неспособностью покончить со старой фракционной структурой и т.д. В стране вырос уровень абсентеизма (уклонения избирателей от участия в голосовании) на выборах. В этих условиях политические субъекты были поставлены перед необходимостью привлекать избирателей путем выдвижения политических программ, постановки общенациональных задач и т.д.

В результате ЛДП в 1993 г. впервые за всю историю своего существования проиграла на выборах, уступив власть коалиции из семи оппозиционных партий во главе с лидером Новой партии Японии Хосокава Мориhiro. И хотя менее чем через год ЛДП вернула себе бразды правления, она уже не смогла поддерживать монопольную власть и была вынуждена поддерживать ее, вступая в коалиции — сначала с СПЯ, а затем, вплоть до своего ухода в оппозицию в 2009 г., и с партией Ко-мэйто. Это знаменовало конец «системы 1955 года» и начало эпохи коалиционных правительств, продолжившейся и после возвращения ЛДП к власти в 2012 г.

В 1994 г. в период правления кабинета М. Хосокава в стране была проведена **политическая реформа**, направленная на усиление роли политических партий как субъектов политического процесса, повышение интереса к политической сфере со стороны общественности, сокращение политической коррупции. Важнейшим шагом стало введение смешанного принципа формирования верхней и нижней палат парламента. В нижней палате 300 депутатов стали избираться в «ма-

лых округах» по мажоритарному принципу из числа соперничающих между собой кандидатов, а 180 — по принципу пропорционального представительства, когда конкуренция на выборах происходит между политическими партиями, которые по итогам голосования заполняют полученные места своими представителями, внесенными в предварительные «партийные списки». Вводилась новая редакция Закона о регулировании политических фондов, призванного повысить прозрачность финансирования избирательных кампаний выборных должностных лиц. В частности, политические пожертвования разрешалось передавать только политическим партиям, но не отдельным кандидатам. Одновременно вводилась система государственных дотаций политическим партиям пропорционально их представительству в парламенте.

Пришедшее летом 1994 г. к власти в стране коалиционное правительство ЛДП, СПЯ и небольшой партии Сакигакэ возглавил председатель ЦИК СПЯ Мураяма Томиити. Для социалистов участие в правительстве в одном блоке с либерал-демократами означало кардинальную смену программно-идеологического облика. Решениями высших партийных органов СПЯ отказывалась от многих принципиальных идеологических установок, включая неприятие Договора безопасности, признание неконституционности сил самообороны и т.д. В конечном счете **союз с консерваторами повлек за собой катастрофические для СПЯ последствия**, поскольку значительная часть ее традиционного электората отвернулась от партии, сочтя этот шаг «предательством идеалов». И хотя в дальнейшем социалисты предприняли огромные усилия для создания обновленного имиджа партии, вплоть до смены названия (с января 1996 г. официально она стала называться Социал-демократическая партия, СДП), ей было суждено перейти в категорию маргинальных политических сил, не оказывающих существенного влияния на политическую ситуацию в стране.

В начале 1995 г. правительству Т. Мураяма выпали два серьезнейших испытания. 17 января 1995 г. в районе города Кобэ произошло мощное землетрясение, число жертв которого достигло более 3 тыс. человек. Правительство в целом справилось с ликвидацией его последствий, но было подвергнуто резкой критике за плохую координацию действий спасателей, неслаженность в работе правительственных органов, запоздалость решений и иные шаги, свидетельствующие об отсутствии в стране адекватной системы кризисного контроля. 20 марта 1995 г. в токийском метро активистами радикальной секты «Аум Синрикё» был предпринят террористический акт, выразившийся в распылении на станциях нервно-парали-

тического газа зарина. В результате теракта погибло десять и пострадало около 5 тыс. человек. Борьба с религиозным экстремизмом, связанным с деятельностью секты, которая имела отличную организацию и хорошее финансирование, дала ЛДП основания провести через парламент законопроект о религиозных юридических лицах, налагающий на их деятельность сильные ограничения.

15 августа 1995 г. в день сорокалетней годовщины со дня, когда Япония объявила о своей капитуляции, премьер-министр Т. Мураяма выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что Япония «своей колониальной политикой и актами агрессии нанесла огромный ущерб и страдания многим народам, особенно народам Азии». Столь сильные формулировки, пожалуй, ранее не встречались в официальных документах подобного уровня.

Во второй половине 1990-х годов происходил **процесс реструктуризации партийно-политической системы**. Все левые и центристские партии, за исключением КПЯ, пережили процесс неоднократных расколов, слияний и поглощений. В 1998 г. на базе нескольких существующих партий возникла **Демократическая партия Японии (ДПЯ)**, объединившая в своих рядах представителей разномастных политических течений — от социал-демократического до правонационалистического. После постепенного укрепления позиций ДПЯ многие заговорили о возможности становления в Японии двухпартийной системы.

В конце 1990-х — начале 2000-х годов кабинет Р. Хасимото инициировал **административно-финансовую реформу**. В ходе ее проведения было сокращено количество ведомств и численность кабинета министров, укреплен институт премьер-министра, которой был наделен более эффективными рычагами для проявления политического лидерства, создана канцелярия кабинета министров как орган координации деятельности правительства, опробованы новые экспертно-вспомогательные механизмы, призванные повысить независимость и объективность принимаемых политическим руководством решений. Была создана более гибкая и эффективная система государственного регулирования финансово-банковским сектором экономики.

С 2001 по 2006 г. несколько коалиционных кабинетов возглавлял лидер ЛДП **Коидзуми Дзюньитиро**. Он представлял собой нехарактерный для Японии тип политика-популиста, умеющего зажигать массы яркими лозунгами и принимать нетривиальные решения. Коидзуми оказался востребованным избирателями как политический деятель, бросивший вызов дискредитировавшей себя в глазах общества системе закулисной политики.

В период его правления в стране была сделана попытка **структурных реформ** в политической и социально-экономической областях. Эти реформы опирались на принципы радикального рыночного фундаментализма и преследовали цель максимального дерегулирования экономики и ликвидации институциональных ограничений предпринимательской свободы, сокращения роли правительства в экономических процессах, минимизирования социальных обязательств государства и реализации иных мер, характерных для неолиберальной экономической модели.

Правительство активно поддерживало политику реструктуризации в корпоративном секторе экономики, в ходе которой предприятия отказывались от найма работников на постоянной основе и активно сокращали персонал. В 2005 г. правительство Коидзуми начало приватизацию почтовой корпорации, а когда против выступили влиятельные деятели ЛДП, недовольные утратой политической опоры на местах (руководители почтовых отделений традиционно занимаются организацией избирательных кампаний), решительно распустил нижнюю палату парламента, фактически превратив относительно второстепенный вопрос о почтовой реформе в референдум о доверии к себе как политическому лидеру. В результате ЛДП одержала яркую победу, что в определенном смысле означало, что популизм начинает играть ключевую роль в публичной политике.

Вместе с тем структурные реформы Коидзуми сопровождались крупными **социальными издержками**: ростом безработицы, расслоением общества и усилением социальных контрастов, появлением ранее нехарактерной для Японии проблемы бедности. После ухода в отставку Дз. Коидзуми его курс был продолжен, однако в условиях усиления негативных социальных последствий реформ, а также слишком частой смены глав кабинетов и отсутствия у них личной харизмы ЛДП катастрофически теряла поддержку.

30 августа 2009 г. ЛДП потерпела сокрушительное поражение на выборах в палату представителей от ДПЯ, которая получила 308 мест из 480. Свою роль сыграло то, что ЛДП не смогла выдвинуть конкурентоспособных и конструктивных программ решения наиболее острых проблем, стоящих перед Японией в социально-экономической области, а также области безопасности. Тактика ЛДП была основана главным образом на критике ДПЯ и стремлении максимально использовать ее промахи, но не на выдвижении политических альтернатив.

Вместе с тем власть ДПЯ быстро принесла разочарование японским избирателям. Основная часть предвыборных обещаний в соци-

альной сфере так и оказалась невыполненной, а старая политика закулисного лоббирования частных интересов в парламенте возродилась в полном объеме. На прошедших в июле 2010 г. выборах ДПЯ утратила большинство в палате советников, в результате чего возникла ситуация «перекрученного парламента», когда верхняя и нижняя палаты контролируются противостоящими политическими силами. Все это существенно осложнило деятельность правительства, вынужденного проявлять большую осмотрительность в своих действиях.

Особенно в сложном положении оказался сформированный ДПЯ кабинет во главе с Кан Наото после «**тройной катастрофы 11 марта 2011 г.**» (**цунами, землетрясение и авария на АЭС «Фукусима-1»**), в ходе которой погибло и пропало без вести более 18 тыс. человек. Действия властей были подвергнуты суровой критике за ошибки, допущенные при организации работ по ее ликвидации. Помимо потребности в колоссальных ассигнованиях на восстановление инфраструктуры и проведение мер по недопущению радиационного заражения близлежащих территорий и морских акваторий, катастрофа поставила Японию перед необходимостью коренного пересмотра всей энергетической политики в направлении постепенного отказа от атомной энергетики, которая обеспечивала почти 30% производства электроэнергии. В этой связи существенно повысилось значение внешних поставок газа и иных углеводородных энергоресурсов, что легло тяжелым дополнительным бременем на государственные финансы.

В результате прошедших 16 декабря 2012 г. выборов в нижнюю палату парламента к власти вновь вернулась возглавляемая **Абэ Синдзо** ЛДП, которая со своим партнером по коалиции партией Комэйто получила в нижней палате квалифицированное большинство. Основное значение имели протестные голоса избирателей, изверившихся в популистских лозунгах ДПЯ. Определенную роль на фоне обострения территориальных споров с Китаем и Южной Кореей сыграл также рост националистических настроений в обществе. Успех либерал-демократов был повторен на выборах в палату советников 21 июля 2013 г., где правящая коалиция заручилась уверенным большинством. Новую победу либерал-демократы одержали на внеочередных парламентских выборах в декабре 2014 г., в ходе которых ЛДП и Комэйто получили в нижней палате 317 мест из 475. Квалифицированное большинство позволяет правительству уверенно продвигать через парламент все свои законодательные инициативы, игнорируя мнение

оппозиции. Однако возврат ЛДП к фактически монопольному правлению был основан отнюдь не на общенациональном консенсусе: на выборах 2014 г. за нее проголосовало лишь 25% японцев, имеющих право голоса.

По итогам выборов в палату советников летом 2016 г. ЛДП получила в верхней палате простое, а вместе с другими партиями, выступающими за изменение конституции, — квалифицированное большинство. В результате важнейшим вопросом политической повестки дня стало внесение поправок в Основной закон, касающихся отмены тех положений девятой статьи Основного закона, которые отрицают право страны на обладание собственными вооруженными силами, придания Силам самообороны статуса «оборонительных вооруженных сил», наделения императора функцией главы государства и т.д.

Кабинет С. Абэ провозгласил широкий спектр мер по стимулированию национальной экономики, которые в обобщенном виде стали именоваться **«абэномикой»** — по аналогии с «рейганомикой». В интерпретации правительства «абэномика» имеет три составляющие, или «три стрелы». *Во-первых*, это монетарная политика, продолжающая политику «количественного ослабления» (политику «дешевых денег»), в рамках которой в экономику постоянно обеспечивается дополнительный приток денежной массы. Предполагалось, что Япония сможет покончить с дефляцией, девальвировать иену и тем самым придать импульс развитию экспортных отраслей промышленности.

Во-вторых, это пакет мер налогово-финансового стимулирования японской экономики, включая сокращение корпоративных налогов и расширение прямых государственных инвестиций. С. Абэ предложил инвестировать в течение десяти лет около 200 трлн иен в виде государственных заказов на различные проекты инфраструктурного развития, рассчитывая, что эти деньги вытянут всю экономику. Речь шла не только о строительстве новых объектов инфраструктуры, но и о ремонте и восстановлении старых, изношенных объектов, включая мосты, тоннели, дороги, электростанции и т.д.

В-третьих, это политика «экономического роста», которая заключалась в точечном стимулировании перспективных отраслей экономики. Подразумевалось продолжение структурных реформ, включая активную политику дерегулирования, реализацию мер по стимулированию национальной промышленности, участие страны в зонах свободной торговли и т.д. Однако реализация структурной реформы сталкивалась с наибольшими трудностями, в первую очередь из-за ожесточенного сопротивления мощных и влиятельных корпо-

ративных структур, чьи интересы, связанные с их фактически монопольным положением в отдельных отраслях экономики, эта реформа затрагивала.

Партийно-политическую систему характеризовала двойственная ситуация. С одной стороны, в политической практике прочно закрепились модель коалиционного правления, предполагающая необходимость взаимных компромиссов между вошедшими в правящий блок партиями. Однако даже в условиях коалиционного правления суть системы власти сохранила множество рудиментов старой эпохи, характерной для «системы 1955 года». Во власти по-прежнему относительно слабо артикулирована политическая компонента, а ключевую роль в системе принятия стратегических решений продолжает играть бюрократия. Сохраняют свое значение во властной конфигурации и пресловутые «железные треугольники».

Среди проблем реорганизации политической системы, которые стоят перед Японией в середине второго десятилетия XXI в., следует особо выделить **вопрос о создании двухпартийной системы**. Однако процесс ее формирования осложняется тем обстоятельством, что между основными партиями, претендующими на роль системообразующих (ЛДП и ДПЯ), отсутствует идеологический водораздел по принципиальным вопросам государственного управления, наличие которого дало бы основания охарактеризовать одну из партий как «консервативную» или «либеральную». Программное сходство между ДПЯ и ЛДП наблюдается по большинству вопросов финансовой, налоговой и экономической политики. В этих условиях политически мотивированному избирателю трудно сделать сознательный выбор, основанный на идеологических, а не личностных предпочтениях, а партиям — сложнее сформировать когорту «твердых голосов», являющуюся важным атрибутом двухпартийной системы. Поэтому на повестку дня встает вопрос о дальнейшем переформатировании партийно-политического пространства и создании новых оппозиционных партий, дифференцирующих себя от партии власти по программно-идеологическому принципу. Выборы 2012–2016 гг. высветили застарелую проблему японского партийно-политического пространства — отсутствие в нем влиятельной левоцентристской партии, строящей свою программу на лозунгах национального благосостояния, пенсионной реформы и государственной поддержки социально уязвимых слоев общества. Политический мир по-прежнему находится в состоянии трансформации, а состояние неустойчивого баланса может продолжиться еще неопределенное время.

5.3. Внешняя политика Японии после холодной войны

В 1990–2010-е годы во внешней политике Японии более активно проявлялась линия на повышение политического веса страны в решении глобальных проблем, в связи с чем в ее внешнеполитическом инструментарии стала усиливаться военная компонента. В 1991 г. во время войны в Персидском заливе Япония избежала прямого вовлечения в боевые действия, ограничившись крупным финансовым вкладом в пользу антииракской коалиции. Однако «дипломатия чековой книжки» вызвала критику со стороны союзников, недовольных нежеланием Японии рисковать жизнями своих солдат. В 1992 г. вступил в силу **Закон о миротворческих операциях**, позволивший направлять за пределы Японии контингенты «сил самообороны» для участия в военных операциях ООН за рубежом. В результате Япония смогла участвовать в миротворческих миссиях в Камбодже, Мозамбике, Восточном Тиморе, Никарагуа, Сомали и ряде других стран. В конце 2000-х годов японские Силы самообороны открыли в Джибути первую за весь послевоенный период военную базу за пределами Японии. На основании специально принятых законов Япония приняла участие в 2000-х годах в операциях по тыловой поддержке операций антитеррористической коалиции в Ираке и Афганистане.

Одновременно Япония проявляла большую активность в выдвижении инициатив в деле решения глобальных проблем, например в области ядерного разоружения, потепления климата, развития социальной и экономической инфраструктуры в беднейших странах мира. Как неядерная держава, несущая моральные обязательства в качестве единственной в мире страны, пострадавшей от применения атомного оружия, Япония продолжала линию на укрепление режима ДНЯО и последовательно добивалась прогресса в области ядерного разоружения. Во второй половине 1990-х годов Япония, провозгласив цель обретения страной статуса «зеленой сверхдержавы», стала одним из организаторов движения за подписание Киотского протокола — международного соглашения, касающегося сокращения эмиссии парниковых газов. Япония играла важную роль в системе Официальной помощи развитию, благодаря которой она стремилась укрепить свои экономические и политические позиции в развивающихся странах, особенно в Восточной Азии. Однако с середины 2000-х годов в связи с переживаемыми страной финансово-экономическими трудностями Япония стала уступать свои позиции в ОЭСР другим странам Запада.

Краеугольным камнем внешней политики Японии в постбиполярный период продолжал оставаться японо-американский военно-стратегический союз. Токио исходил из того, что военные базы США в Восточной Азии служат стабилизирующим фактором для региональной системы международной безопасности, которая столкнулась с рядом новых угроз, связанных, в частности, с военным подъемом Китая, ракетно-ядерной программой КНДР, обострением давних территориальных споров между странами-соседями и т.д. Вместе с тем в связи с сокращением американского военного присутствия в АТР Япония стала брать на себя в рамках союза более значительный объем военных функций.

Новые тенденции в развитии союза были зафиксированы в **«Руководящих принципах японо-американского сотрудничества в области обороны» 1997 г.**, в основу которых положен ситуативный подход к проблеме обеспечения безопасности. В соответствии с этим принципом в сферу действия совместной ответственности сторон вошла не только территория самой Японии, но и прилегающий к ней обширный регион, включающий морские акватории Восточной Азии к северу от Филиппин и Тайваня, а также Корейский полуостров. С начала 2000-х годов Япония взяла курс на создание совместной с Соединенными Штатами системы **противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД)**, направленной, по официальным заявлениям Токио, на нейтрализацию угроз, связанных с северокорейской ядерной программой.

Одновременно модифицировалась и правовая база японо-американского военно-стратегического сотрудничества. В конце 2010 г. в Японии были опубликованы «Основные направления Программы национальной обороны», в которых декларировался переход от «базовой» к «динамичной» обороне с целью обеспечить более гибкий ответ на внешние военные угрозы. В 2012 г. кабинетом Абэ был взят курс на создание современного военного потенциала, позволяющего вести боевые действия не только на территории Японии, но и далеко за ее пределами, при опоре на достигнутую страной экономическую и технологическую мощь. Была запущена программа качественного перевооружения Сил самообороны, их оснащения их современными средствами разведки, наблюдения и раннего оповещения.

В 2015 г. была принята новая редакция «Руководящих принципов», зафиксировавшая трансформацию союза Японии и США в глобальный военно-политический альянс. В сентябре 2015 г. Япония приняла пакетный закон о национальной безопасности, на постоянной основе предоставивший политическому руководству Японии право направ-

лять вооруженные силы за пределы страны и вести боевые действия при опоре на новую трактовку принципа коллективной самообороны. Силы самообороны могут теперь прийти на помощь США в любом регионе мира даже в том случае, если Япония напрямую не подвергается вооруженной агрессии, но японское правительство оценивает возникшую угрозу как достаточно серьезную для самого существования страны. Одновременно были ослаблены запреты, касающиеся экспорта оружия и передачи за рубеж военных технологий.

В связи с тем что в соответствии с официальной трактовкой конституции Силы самообороны не могли налаживать оперативное взаимодействие со своим союзником США при выполнении совместных боевых задач, в 2000-е годы на повестку дня был вынесен вопрос о пересмотре пацифистских положений конституции и легитимации Сил самообороны в качестве полноценной армии. Рядом крупных консервативных политических деятелей страны был выдвинут тезис о превращении Японии в «нормальное государство», т.е. страну, не отягощенную законодательными и иными ограничениями на военное строительство.

Однако изменение конституции было затруднительным в связи с крайне сложной процедурой внесения конституционных поправок, предполагающей в соответствии со ст. 96 Основного закона их принятие квалифицированным большинством в обеих палатах парламента при последующем одобрении на общенародном референдуме. Кроме того, обращало на себя внимание отсутствие единства по конституционному вопросу в основных политических партиях страны. Например, в ЛДП сложились «националистическое», «пацифистское» и «меркантилистское» течения, каждое из которых имело собственное представление об угрозах и, соответственно, приоритетах в сфере безопасности. Так, «меркантилисты» всегда исходили из того, что главная угроза безопасности страны связана с изоляцией страны и упадком системы мировой торговли, «националисты» — с утратой суверенитета и полным подчинением Японии старшему партнеру по Договору безопасности, «пацифисты» — с опасностью вовлечения в вооруженный конфликт против своей воли. Еще более пестрая картина наблюдалась в ДПЯ, возникшей в результате объединения полярных по идеологическим воззрениям политических сил. Свою роль играл и раскол в общественном мнении.

Одной из острых проблем в японо-американских отношениях оставался вопрос об американской военной базе Футэмма на Окинаве. В 2006 г. была достигнута договоренность о переводе части ди-

слоцированной в Японии военной группировки США (8 тыс. морских пехотинцев) на остров Гуам и о передислокации военной базы США Футэмма в другой район острова. Эта база доставляла местному населению большие неудобства в связи с высоким уровнем шума от расположенного на ней военного аэродрома. Однако население района Окинавы, куда планировалось перевести базу, выступило резко против планов передислокации. Поиски альтернативного варианта с передислокацией базы за пределы Окинавы, предпринятые в 2009 г. правительством ДПЯ во главе с Ю. Хатояма, успехом не увенчались. Пришедшие ему на смену кабинеты ДПЯ и ЛДП подтвердили действительность соглашений 2006 г.

В региональной политике Токио особое место традиционно занимала Восточная Азия. В 1990-е годы Япония установила партнерские отношения с блоком АСЕАН, вошла во все региональные структуры экономической интеграции, включая форматы «АСЕАН плюс три» и Восточноазиатский саммит. Суть политики Токио заключалась в том, чтобы с помощью преференциальных торговых соглашений достичь цели углубления сотрудничества в валютно-финансовой области, устранения тарифных барьеров, создания либерального режима перемещения рабочей силы, улучшения инвестиционного климата, а также решения специфически острых для данного региона проблем, например проблемы интеллектуальной собственности. В процессе отбора партнеров по соглашениям на первый план выходили такие факторы, как перспективы для экспортных отраслей экономики, возможности для инвестирования, а также для обеспечения стратегическими ресурсами с целью повышения уровня собственной экономической безопасности.

Курс на приоритетное использование преимуществ Азии как центра мирового экономического роста приобрел для Японии исключительное значение и с точки зрения необходимости придания нового импульса развитию страны в связи с катастрофическими последствиями аварии на АЭС «Фукусима-1» 11 марта 2011 г.

Декларируя на словах приверженность идеалам свободной торговли, Токио предпочитал продолжать протекционистскую политику и воздерживаться от серьезных обязательств по устранению тарифов и нетарифных ограничений. Токио приступил к практике заключения преференциальных торговых соглашений с отдельными странами региона достаточно поздно по меркам региона — лишь в 2002 г. Япония заключила такие соглашения с Сингапуром (в силе с 2002 г.), Малайзией (в силе с 2006 г.), Таиландом (в силе с 2007 г.), Филиппинами (в силе

с 2008 г.), Индонезией (в силе с 2008 г.), Брунеем (в силе с 2008 г.), Вьетнамом (в силе с 2009 г.). Кроме того, Японией был заключен ряд двусторонних соглашений со странами, расположенными за пределами Восточной Азии.

С конца 2000-х годов на повестку дня вынесен вопрос об участии Японии в многосторонних интеграционных проектах — **Транстихоокеанском партнерстве** (ТТП) и Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Токио взял курс на параллельное участие во всех группировках, рассчитывая таким образом компенсировать недостатки каждого из подобных объединений.

Важным доводом в пользу присоединения к ТТП выступает расчет на то, что таможенная либерализация будет иметь мощный стимулирующий эффект для развития национальной экономики. К переговорному процессу в ТТП Япония присоединилась в июле 2013 г. После прихода в конце 2016 г. к власти в США администрации Д. Трампа, выступившего против данного соглашения, процесс ратификации ТТП был приостановлен. Однако Япония не оставляет попыток перезапустить этот процесс даже без участия Америки, взяв на себя роль лидера новой группировки.

Большую активность Токио проявлял в отношении сотрудничества стран региона в валютно-финансовой сфере. В свете уроков финансового кризиса 1997–1998 гг. при активном участии Японии в регионе были разработаны эффективные координационные механизмы в области финансового взаимодействия. В начале 2000-х годов в Восточной Азии была запущена система взаимного предоставления кредитов для валютных интервенций с целью поддержания курса национальной валюты (Чьянмайская инициатива), сформирован межнациональный рынок кредитных услуг для корпоративного сектора. Проводником японской политики в сфере валютно-финансовой интеграции в Восточной Азии выступал Азиатский банк развития (АБР), в котором Япония являлась крупнейшим донором.

В двусторонних отношениях с основными азиатскими партнерами у Японии продолжали сохраняться противоречия и проблемные точки. Причиной острого недовольства Китая, Южной Кореи и других стран Восточной Азии в 2000–2010-е годы стали **визиты премьер-министров Дз. Коидзуми и С. Абэ, а также иных японских официальных лиц в храм Ясукуни**. В этом храме, как считается, покоятся души японских военнослужащих, в том числе и те, кто был осужден за военные преступления на территории стран, подвергшихся в годы Второй мировой войны японской агрессии. Роль раздражителя играла

также «проблема учебников»: недовольство ряда стран, пострадавших от японской агрессии, вызвало издание при одобрении властей учебников истории средней школы, в которых отсутствует однозначная оценка агрессивной политики Японии в странах Азии в период Второй мировой войны.

Для японо-китайских отношений было характерно их волнообразное развитие, т.е. поочередная смена периодов условного потепления и похолодания в политической сфере при активном развитии экономических связей (формула «в экономике горячо, в политике холодно»). Например, в первой половине 2000-х годов преобладала тенденция к охлаждению политических отношений, с 2006 г. японское руководство отказалось от посещения храма Ясукуни и взяло курс на восстановление отношений с Пекином. Однако с осени 2010 г. в двусторонних отношениях наметился новый кризис, связанный с обострением территориального конфликта вокруг островов Сэнкаку (Дзяюйдао).

7 сентября 2010 г. корабли японской береговой охраны задержали китайский рыболовецкий траулер, который вел промысел в японских территориальных водах в районе островов Сэнкаку. Капитан траулера намеренно пошел на таран японского пограничного катера, в результате чего весь экипаж траулера был задержан и депортирован на родину, а капитан арестован. Не желая открывать «ящик Пандоры», японское политическое руководство вскоре дало команду отпустить китайского капитана без судебного разбирательства (это решение было представлено как решение местного органа прокуратуры Окинавы).

Особенно сильно ситуация стала накаляться после официального сообщения 10 сентября 2012 г. о приобретении японским правительством у частных владельцев трех из пяти спорных островов. Китай направил к островам свои военные корабли «для защиты суверенитета», а на улицах китайских городов начались массовые антияпонские погромы. В октябре 2013 г. правительство Китая объявило о создании «зоны воздушной обороны» над широкими акваториями Восточно-Китайского моря, включая район Сэнкаку. Пекин потребовал, чтобы в МИД страны заблаговременно представлялись полетные планы, а экипажи судов находились на связи в момент прохода над указанной зоной.

В результате эскалации данного конфликта в Японии произошло усиление алармистских настроений в отношении китайской угрозы для национальной безопасности страны, что, в свою очередь, укрепило позиции той части внешнеполитического истеблишмента, которая ориентируется

на усиление военно-стратегического сотрудничества с США. Тем не менее после укрепления в Китае власти Си Цзиньпина произошла некоторая стабилизация двусторонних отношений с Китаем, хотя политический диалог на высшем уровне так и не был нормализован.

Большие сложности для японской дипломатии представляла в 1990 — 2010-е годы ситуация на Корейском полуострове. С Южной Кореей отношения у Японии развивались в целом позитивно, хотя упомянутые проблемы Ясукуни и учебников омрачали политический климат. Несмотря на рост товарооборота, между двумя странами сохранялись торгово-экономические противоречия, не позволившие странам заключить соглашение о свободной торговле. С конца 1990-х годов наметилась тенденция к установлению взаимодействия двух стран в сфере национальной обороны. Однако со второй половины 2000-х годов политический диалог между двумя странами был фактически заморожен, во многом из-за проблемы Ясукуни, а также из-за отсутствия прогресса в деле решения проблемы «женщин для утешения»¹.

В результате обострения этих проблем двусторонних контактов на высшем уровне не проводилось в период с 2005 по 2009 г. и в период с 2012 по 2014 г. Практически заморожены были и наметившиеся в свете обострения проблем Корейского полуострова японо-южнокорейские связи в области безопасности. В конце 2015 г. сторонам удалось достичь компромисса по вопросу — Япония согласилась внести один миллиард иен (около 8,3 млн долларов) в фонд материальной помощи выжившим жертвам насилия. Тем не менее до конца это остроту проблемы не сняло: после того, как напротив японского генконсульства в Пусане в конце 2016 г. южнокорейскими НПО был установлен памятник ««женщинам для утешения», Япония отозвала из Сеула своего посла.

Еще более сложными были отношения с Пхеньяном. На фоне форсированной реализации КНДР с первой половины 1990-х годов ракетно-ядерной программы в Японии нарастало ощущение прямой военной угрозы, во многом связанное с фактором географической

¹ Так называется группа женщин, которая в годы войны подвергалась насильственной сексуальной эксплуатации со стороны японских военнослужащих на так называемых станциях комфорта (по сути, в домах терпимости для военнослужащих), организованных при поддержке японских военных властей. С начала 1990-х годов оставшиеся к этому времени в живых жертвы выступили с требованиями компенсаций от японского правительства.

близости (территория Японии находится в прямой досягаемости для северокорейских ядерных ракет). Существенное влияние на позицию Японии оказывала также **«проблема похищенных»**. Речь идет о нескольких десятках японских граждан, похищенных северокорейскими спецслужбами в 1970 — 1980-е годы. Некоторые из них, по мнению Японии, продолжают против своей воли удерживаться в КНДР.

В первой половине 2000-х годов Япония пыталась решать ее в ходе диалога на высшем уровне. Дважды (в 2002 и 2004 гг.) в Пхеньян наносил визит премьер-министр Японии Дз. Коидзуми, который в ходе встреч с Ким Чен Иром добился возвращения в Японию одной из семей похищенных, а также части останков умерших в КНДР японских граждан. Постепенно по отношению к Пхеньяну возобладали линия на «силовое дожимание» северокорейского режима путем сворачивания диалога и ужесточения экономических санкций. Особенно эти санкции, предусматривающие не только запрет на торговлю, но и ограничение на денежные переводы в КНДР, усилились после проведенных Пхеньяном в 2006, 2009, 2013 и 2016 гг. ядерных испытаний.

В 1990—2010-е годы активно развивался регулярный диалог на высшем уровне с Россией. Начало этому процессу положил **визит Президента СССР М. С. Горбачева в Японию в апреле 1991 г.** В совместном советско-японском заявлении от 16 апреля 1991 г. признавалось существование территориальной проблемы, подчеркивалась необходимость ее решения как необходимого условия для заключения мирного договора, вводился безвизовый режим посещения спорных территорий. При этом в декларации поименно назывались все четыре острова, ставшие объектом спора.

В ходе визита Президента РФ Б. Н. Ельцина в Японию в октябре 1993 г. была принята **Токийская декларация**, в которой подтверждалось намерение сторон добиваться скорейшего заключения мирного договора путем решения территориального вопроса на основе выработанных между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости. Во второй половине 1990-х годов японская сторона стала придерживаться позиции отделения территориального вопроса от иных аспектов двусторонних отношений с Россией. Потепление политического климата между двумя странами наметилось при премьер-министре Р. Хасимото, который провозгласил в 1997 г. доктрину **«евразийской дипломатии»**, акцентировавшую внимание на Россию и среднеазиатские республики. Между лидерами Японии и России установились личные доверительные отношения, прошла серия встреч, в том числе и в неформальной обстановке («встречи без галстуков»).

Во время визита японского премьер-министра в Россию в 1998 г. была подписана **Московская декларация**, в которой ставилась задача строительства отношений созидательного партнерства между Российской Федерацией и Японией.

В марте 2001 г. во время встречи Президента России В. В. Путина с премьер-министром Японии Ё. Мори была принята **Иркутская декларация**, в которой наряду с документами, подписанными между двумя странами в 1990-е годы, признавалось основополагающее юридическое значение для переговоров о мирном договоре советско-японской совместной декларации 1956 г. Однако с приходом в 2001 г. к власти кабинета Дз. Коидзуми Япония встала на жесткую позицию, в соответствии с которой Токио будет обсуждать судьбу островов Хабомаи и Шикотан только в едином пакете с островами Кунашир и Итуруп, при том что к вопросу о сроках и условиях их передачи Япония выражала свою готовность «подходить гибко».

В ходе состоявшегося 9–12 января 2003 г. официального визита премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Россию было подписано Совместное заявление о принятии «**Плана действий**». В этом документе намечены направления приложения дальнейших усилий в таких областях, как углубление политического диалога, переговоры по мирному договору, сотрудничество на международной арене, торгово-экономическое взаимодействие, развитие связей в правоохранительной и оборонной областях, углубление культурных и гуманитарных обменов.

Активно развивались торгово-экономические связи. Россия для Японии являлась важнейшим экономическим партнером, поставщиком энергетических ресурсов, цветных металлов, морепродуктов, леса, топлива для атомной промышленности, а также других сырьевых товаров, имеющих стратегическое значение. В 2007 г. японская автомобилестроительная компания «Тойота» построила под Санкт-Петербургом первый в России автосборочный завод, после чего к строительству собственных сборочных мощностей в России приступили все основные автопроизводители Японии. С 2009 г. Россия стала одним из ключевых поставщиков сжиженного газа в Японию.

Однако по вопросу о территориальном размежевании японская сторона продолжала проявлять жесткость и неуступчивость. В принятой летом 2009 г. японским парламентом резолюции говорилось о «незаконной оккупации» островов. Очередной эмоциональный всплеск наблюдался в связи с состоявшейся 1 ноября 2010 г. поездкой Президента России Д. А. Медведева на остров Кунашир, который был оха-

рактеризован японской стороной в качестве шага, «осложняющего» двусторонние отношения. Неоднократно, в том числе и на высшем уровне, Россия подтверждала свою готовность продолжать поиск взаимоприемлемого решения проблемы мирного договора, включая и ее пограничный аспект.

С 2013 г. в отношениях с Россией наметилось новое потепление. 29–30 апреля 2013 г. Москву посетил премьер-министр Японии Абэ Синдзо, который встретился с Президентом России В. В. Путиным. В ходе визита были подписаны важные соглашения, касающиеся сотрудничества в газовом секторе. Значительным результатом визита стало решение об учреждении фонда поощрения прямых частных японских инвестиций в российскую экономику. Кроме того, были достигнуты договоренности, нацеленные на активизацию сотрудничества России и Японии в сфере безопасности. Россия и Япония решили запустить принципиально новый для двусторонних отношений диалоговый формат «2+2» — министров иностранных дел и министров обороны.

После начала в марте 2014 г. кризиса на Украине Япония присоединилась к инициированной Западом санкционной политике против России. Вместе с тем Япония ввела санкции последней из всех стран «семерки», а по своему содержанию они были относительно мягкими. Российская и японская стороны неизменно подтверждали свою заинтересованность в поддержании нормального уровня политических отношений и продолжении диалога по вопросу о подписании мирного договора.

В мае 2016 г. в ходе неофициальной встречи лидеров двух стран в Сочи С. Абэ предложил проявить «новый подход, свободный от идей прошлого». И хотя содержание этой идеи конкретизировано не было, многие в России восприняли «новый подход» как готовность японской стороны пойти в отношениях с Москвой на реальное отделение политики от экономики, построить с ней тесные экономические и доверительные политические отношения, создавая тем самым атмосферу дружбы и добрососедства, а на более позднем этапе вернуться к обсуждению вопроса о пограничном размежевании. С. Абэ был выдвинут «План из восьми пунктов», направленный на всестороннее развитие экономических отношений двух стран.

15–16 декабря 2016 г. президент В. Путин совершил официальный визит в Японию. В ходе состоявшихся в городах Нагато (префектура Ямагути) и Токио встреч с японским премьер-министром С. Абэ сто-

роны подтвердили свою решимость заключить мирный договор. При этом был выбран путь в направлении этой цели: проведение на Курильских островах совместной экономической деятельности, которая позволит создать условия для решения проблемы заключения мирного договора.

Контрольные вопросы

1. Экономические и социальные последствия войны.
2. Политическая система и демократические реформы периода оккупации.
3. «Обратный курс» и его последствия.
4. Экономические и политические события периода послевоенного восстановления.
5. Внешняя политика 1950-х годов.
6. Экономические и социальные процессы в период высоких темпов экономического роста. Политическое развитие в 1960-е годы.
7. Внешняя политика Японии в период высоких темпов экономического роста.
8. Экономическое и социальное развитие в 1970–1980-е годы.
9. Особенности политических процессов в 1970–1980-е годы.
10. Внешняя политика в 1970–1980-е годы.
11. Экономическое развитие в постбиполярный период.
12. Перемены в политической жизни после холодной войны.
13. Внешняя политика Японии в 1990–2010-е годы.

Рекомендуемая литература

Волферен, Карел ван. Загадка японской силы / Пер. А. Г. Фесюн. М.: Изд. дом «Серебряные нити», 2016.

Панов А. Н. Революция Сёва. Модернизация Японии в послевоенный период (1945–1952 гг.). М., 2010.

Политическая система современной Японии: Учеб. пособие / Отв. ред. Д. В. Стрельцов. М., 2013.

Российско-японские отношения в формате параллельной истории: Коллективная монография / Ред. Д. В. Стрельцов, С. В. Гришачев и др. М.: МГИМО-Университет, 2015.

Стрельцов Д. В. Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. М.: Восточная литература, 2015.

Стрельцов Д. В. Политическая модернизация эпохи Хэйсэй. М., 2013.

Стрельцов Д. В. Система государственного управления в Японии в послевоенный период. М., 2002.

Стрельцов Д. В. Япония как «зеленая сверхдержава». М., 2012.

Чугров С. В. Япония в поисках новой идентичности. М., 2010.

Япония в поисках новой глобальной роли. М., 2014.

Япония: опыт модернизации. М., 2011.

Япония после Второй мировой войны

Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010.

Япония: экономика и общество в океане проблем. М., 2013.

Японский феномен. М., 1996.

Japan's International Relations / Ed. by Glenn D. Hook etc. 3rd ed. Routledge, 2011.

Johnson Chalmers: MITI and the Japanese Miracle: the Growth of Industrial Policy 1925–1975. Stanford Univ. Press, 1982.

Stockwin J. A. A. Governing Japan: divided politics in a resurgent economy. Blackwell Publishing, 2008.

Vogel Erza F. Japan as Number One. Lessons for America. Cambridge, 1979.

Van Wolferen, Karel G. The Enigma of Japanese Power. N.Y., 1989.

Хронология

- 40—13 тыс. лет назад — японский палеолит
- 13 тыс. лет назад — III в. до н.э. — период Дзёмон
- III в. до н.э. — III в. н.э. — период Яёй
- IV—VI вв. — период Кофун
- 592—710 — период Асука
- 701—702 — принят и введен в действие первый японский законодательный свод «Тайхо рицурё»
- 710 — город Нара становится первой постоянной столицей Японии. Начало периода Нара
- 712 — создание «Кодзики»
- 720 — создание «Нихон сёки»
- 729 — самоубийство принца Нагая
- 737 — смерть четырех сыновей Фудзивара Фухито
- 740 — мятеж Фудзивара Хироцугу
- 757 — заговор Татибана Нарамаро
- 764 — мятеж Фудзивара Накамаро
- 770 — смерть императрицы Сётоку (Кокэн). Монах Докё изгнан из столицы
- 784 — двор переезжает в г. Нагаока
- 794 — перенос столицы в Хэйанкё. Начало периода Хэйан
- 797 — создание хроники «Сёку нихонги»
- 805 — более 100 принцев и принцесс получили родовые имена и титулы, лишившись принадлежности к императорскому роду
- 810 — император Сага создает Куродо-докоро. Инцидент Кусуко
- 816 — создание полицейского ведомства Кэбииситё
- 842 — смута годов Дзёва. Возвышение северной ветви рода Фудзивара
- 858 — Сэйва, внук Фудзивара Ёсифуса, становится императором
- 866 — инцидент у ворот Отэммон. Фудзивара Ёсифуса назначен регентом сэссё
- 887 — Фудзивара Мотоцунэ становится канцлером *кампаку*. Инцидент ако
- 894 — отмена посольства в Тан
- 899 — Фудзивара Токихира назначен Левым министром, Сугавара Митидзанэ — Правым министром
- 903 — умер Сугавара Митидзанэ, сосланный на Кюсю в 901 г.
- 548

-
- 920 — прибыло последнее посольство государства Бохай
- 939 — начало мятежа Тайра Масакадо (убит в 940 г.). Глава пиратов Фудзивара Сумитомо берет в плен управителя Сэтцу (Сумитомо убит в 941 г.)
- 967 — Фудзивара Санэёри становится *кампаку*. Начало *сэккан сэйдзи*
- 969 — инцидент годов Анна
- 984 — создание *Ин-но тё* экс-императора Энью
- 995 — Фудзивара Митинага становится главой Сэкканкэ
- 1028 — начало мятежа Тайра Тадацунэ (подавлен в 1031 г.)
- 1051 — начало Ранней девятилетней войны (закончилась в 1063 г.)
- 1068 — интронизация Сандзё. Конец периода *сэккан сэйдзи*
- 1069 — создание ведомства Кироку сёэн кэнкэйдзё
- 1070 — стандартизация мер объема сыпучих тел при Сандзё
- 1073 — интронизация Сиракава. Предпосылки формирования инсэй
- 1083 — начало Поздней трехлетней войны (закончилась в 1087 г.)
- 1087 — отречение Сиракава. Начало периода инсэй
- 1091 — Минамото Ёсииэ запрещен доступ в столицу
- 1113 — раскрыт заговор по свержению императора Тоба
- 1129 — умирает экс-император Сиракава. Тоба становится хоньин
- 1135 — победа Тайра Тадамори над пиратами
- 1155 — императором становится Госиракава
- 1156 — смута годов Хогэн
- 1159 — смута годов Хэйдзи. Возвышение Тайра Киёмори. Ссылка Минамото Ёритомо в Идзу
- 1167 — Тайра Киёмори становится Главным министром
- 1179 — начало открытого противостояния Тайра Киёмори и экс-императора Госиракава
- 1180 — начало войны Тайра и Минамото
- 1181 — смерть Тайра Киёмори
- 1183 — войска Минамото занимают столицу. Тайра бежит на юго-запад Хонсю
- 1184 — Минамото Ёсичунэ берет штурмом крепость Тайра Итинотани
- 1185 — битва при Данноура. Конец войны Тайра и Минамото
- 1189 — самоубийство Минамото Ёсичунэ
- 1192 — экс-император Госиракава присваивает Минамото Ёритомо титул *сэйи тайсёгун*
- 1203 — сёгун Минамото-но Ёрииэ отстранен от власти родом Ходзё. Новым сёгуном становится его брат Минамото-но Санэтомо. Ходзё Токимаса становится *сиккэном*
- 1204 — убийство Минамото-но Ёрииэ

-
- 1205 — Ходзё Токимаса лишен власти своим сыном Ёситоки и дочерью Масако
- 1219 — сёгун Минамото-но Санэтомо убит своим племянником Кугё
- 1221 — экс-император Готоба выступает против дома Ходзё, но терпит поражение
- 1232 — введение законодательного свода «Госэйбай сикимоку»
- 1274 — первое монгольское вторжение
- 1281 — второе монгольское вторжение
- 1285 — Тайра Ёрицуна уничтожает Адати Ясумори и его сторонников («Смута морозного месяца»)
- 1297 — указ о добродетельном правлении годов Эйнин, предусматривавший возвращение вассалам сёгуна ранее проданных или утраченных из-за невыплаты долга земель
- 1318 — восшествие на престол императора Годайго
- 1333 — страна охвачена мятежами и восстаниями, падение дома Ходзё и Камакурского сёгуната
- 1335 — Асикага Такаудзи поднимает мятеж против императора Годайго
- 1336 — начало раскола императорского дома на Южный и Северный дворы: период Намбокутё 1336–1392 гг.
- 1338 — Северный двор дарует Асикага Такаудзи звание *сэйи тайсёгун*
- 1349 — Асикага Такаудзи делает наместником сёгуна в Камакура Асикага Мотоудзи
- 1350 — раскол в доме Асикага, брат сёгуна Асикага Тадаёси переходит на сторону Южного двора
- 1368 — *бакуфу* объявляет закон о *хандзэйрэй*, предусматривавший передачу половины земель всех вотчин-*сёэн* и владений провинциальных управ вассалам сёгуна
- 1392 — объединение Южного и Северного дворов
- 1394 — Асикага Ёсимицу передает должность сёгуна сыну и назначается на пост великого министра
- 1399 — подавление мятежа Оути Ёсихиро против сёгуна («Смута годов Оэй»)
- 1402 — Асикага Ёсимицу получает титул правителя Японии от китайского императора
- 1404 — начало «лицензионной» торговли Японии с Китаем
- 1428 — восстание *токусэй икки* после смерти сёгуна Асикага Ёсимоти в Киото и окрестных провинциях
- 1438–1439 — мятеж *Камакура кубо* Асикага Мотиудзи против *бакуфу*
- 1441 — убийство сёгуна Асикага Ёсинори, в Киото и близлежащих провинциях поднимается восстание *токусэй икки*, *бакуфу* вводит указ *токусэйрэй*

-
- 1454 — мятеж *Камакура кубо* Асикага Сигэудзи против сёгуната («смута годов Кётоку»)
- 1464 — сёгун определяет своим наследником младшего брата Асикага Ёсими
- 1467–1477 — смута годов Онин-Буммэй
- 1485 — Восстание в провинции Ямасиро (Ямасиро-но кун икки)
- 1487 — восстание Икко-икки в провинции Кага
- 1493 — свержение сёгуна Асикага Ёситада в результате переворота, инспирированного Хосокава Масамото
- 1508 — Асикага Ёситада при поддержке армии Оути Есиоки возвращается в Киото и провозглашается сёгуном
- 1526 — принятие свода законов «Имагава канамокуроку» даймё Имагава Удзитика
- 1532 — последователи школы Нитирэна сжигают храм Исияма Хонгандзи
- 1536 — монахи Энрякудзи в союзе с Роккаку Садаёри предают огню храмы школы Нитирэна в Киото
- 1539 — Миёси Нагаёси занимает Киото
- 1543 — португальцы, прибывшие на остров Танэгасима, доставляют в Японию огнестрельное оружие
- 1547 — Такэда Харунобу устанавливает кодекс «Косю хатто-но сидай»
- 1549 — португальский миссионер Франциск Ксавье прибывает в Кагосима
- 1550 — смерть сёгуна Асикага Ёсихару, Франциск Ксавье проповедует в столице княжества Оути — Ямагути
- 1551 — Суэ Харуката поднимает мятеж против своего господина Оути Ёситака и принуждает его покончить с собой
- 1555 — Мори Мотонари наносит поражение Суэ Харуката в битве при Ицукусима
- 1558 — Киносита Токитиро (Тоётоми Хидэёси) поступает на службу Ода Нобунага
- 1560 — Ода Нобунага побеждает армию дома Имагава в битве при Окэхадзама
- 1562 — Ода Нобунага и Мацудайра Мотоясу заключают союз
- 1565 — гибель сёгуна Асикага Ёситэру в результате мятежа вассалов
- 1568 — Ода Нобунага по призыву сёгуна Асикага Ёсиаки прибывает в Киото
- 1570 — Ода Нобунага и Токугава Иэясу наносят поражение в битве при Анэгава войскам кланов Асаи и Асакура
- 1571 — Ода Нобунага сжигает монастырь Энрякудзи
- 1572 — Такэда Сингэн в битве при Микатагахара одерживает верх над Токугава Иэясу
- 1573 — Ода Нобунага изгоняет из Киото сёгуна Асикага Ёсиаки
- 1575 — победа армии Ода Нобунага и Токугава Иэясу над войском Такэда Кацуёри в битве при Нагасино

-
- 1582 — войска Ода и Токугава захватывают княжество Такэда. Гибель Ода Нобунага в результате мятежа Акэти Мицухидэ, Хасиба Хидэёси побеждает Мицухидэ в битве при Ямадзаки
- 1583 — Хасиба Хидэёси одерживает победу над Сибата Кацуиэ в битве при Сидзугатакэ
- 1584 — Токугава Иэясу разбивает войско Хидэёси в битве при Нагакутэ
- 1585 — Тёсокабэ Мототика признает власть Хидэёси, Хидэёси решено носить фамилию Тоётоми
- 1586 — назначение Хидэёси великим министром
- 1587 — покорение Хидэёси княжества Симадзу. Тоётоми Хидэёси приказывает выслать христианских миссионеров из страны
- 1588 — Тоётоми Хидэёси конфискует владения иезуитов в Нагасаки, издает указы об «охоте за мечами» и о борьбе с пиратством
- 1590 — падение дома Гоходзё после военного похода Тоётоми Хидэёси. По приказу Хидэёси Токугава Иэясу покидает провинцию Мусаси и переезжает в район Канто, местом пребывания Иэясу становится замок Эдо
- 1591 — указ Хидэёси о закреплении сословных различий
- 1592 — начало войны с Кореей. Захват японцами Сеула
- 1594 — казнь христиан в Нагасаки по приказу Тоётоми Хидэёси
- 1595 — Тоётоми Хидэёси отстраняет канцлера Тоётоми Хидэцугу от власти, Хидэцугу совершает самоубийство
- 1597 — Хидэёси направляет вторую военную экспедицию в Корею
- 1598 — смерть Хидэёси. Японские войска покидают Корею
- 1600, 15 сентября — победа Токугава Иэясу в битве при Сэкигахара
- 1603 — начало правления сёгунов дома Токугава; перенос местопребывания *бакуфу* из Киото в Эдо
- 1603–1605 — правление Иэясу, первого сёгуна дома Токугава
- 1605–1623 — правление сёгуна Хидэтада (1579–1632)
- 1612–1613 — указы против европейских миссионеров
- 1614–1615 — Осакая кампания
- 1623–1651 — правление сёгуна Иэмицу (1604–1651)
- 1624 — запрещение испанцам приезжать в Японию
- 1630 — запрещение ввоза европейских книг в Японию
- 1633–1636 — указы, ограничивающие внешние связи Японии с европейцами
- 1634 — окончательное оформление системы заложничества (санкин котай); принятие «Дворянского кодекса» («Сёси хатто»)
- 1637–1638 — Симабарское восстание
- 1639 — запрещение португальцам приезжать в Японию
- 1641 — перевод голландской фактории с острова Хирадо на остров Дэдзима

-
- 1651–1680 — правление сёгуна Иэцуна (1641–1680)
 - 1680–1709 — правление сёгуна Цунаёси (1646–1709)
 - 1709–1712 — правление сёгуна Иэнобу (1704–1716)
 - 1713–1716 — правление сёгуна Иэцугу (1709–1716)
 - 1716–1745 — правление сёгуна Ёсимунэ (1684–1751)
 - 1716–1735 — проведение реформ годов Кёхо
 - 1720 — разрешение ввоза в Японию европейских книг по прикладным наукам
 - 1721 — первая перепись населения, потом стала проводиться каждые шесть лет
 - 1721 — установление системы монопольных торговых объединений (кабунакама)
 - 1722 — опубликованы указы, касавшиеся издательского дела
 - 1739 — первые русские суда у берегов острова Хонсю
 - 1742 — первый в эпоху Токугава кодекс законов из 100 статей
 - 1745–1760 — правление сёгуна Иэсигэ (1711–1761)
 - 1760–1786 — правление сёгуна Иэхару (1737–1786)
 - 1770–1771 — засуха по всей стране
 - 1772 — большой пожар в Эдо
 - 1773–1774, 1783 — стихийные бедствия, эпидемия, холодная погода привели к голоду и сокращению налоговых поступлений
 - 1787–1837 — правление сёгуна Иэнари (1773–1841)
 - 1787–1793 — регентство Мацудайра Саданобу и реформы годов Кансэй (1787–1793)
 - 1792–1793 — посольство А. Лаксмана; получение разрешения на заход русского судна в Нагасаки
 - 1793 — создание управления морской обороны во главе с Мацудайра Саданобу
 - 1791 — трактат Хаяси Сихэй «Кайкоку хэйдан» («Военные беседы о морских государствах»)
 - 1804–1805 — посольство Н. П. Резанова в Японию
 - 1837–1853 — правление сёгуна Иэёси (1793–1853)
 - 1837 — восстание во главе с Осио Хэйхатири в Осака
 - 1841–1843 — реформы годов Тэмпо. Мидзуно Тадакуни становится главой *родзю* и руководит проведением реформ
 - 1842 — указ *бакуфу* о смягчении карательных мер против иностранных судов
 - 1853–1858 — правление сёгуна Иэсада (1824–1858)
 - 1853 — первое появление американской эскадры Перри близ Эдо
 - 1853, август — прибытие в Нагасаки русского посольства во главе с вице-адмиралом Е. В. Путятиным
 - 1854, февраль — второе появление эскадры Перри в гавани Урага
 - 1854, 8 марта — высадка на берег 500 вооруженных американских моряков

-
- 1854, 31 марта — подписание в Канагава первого японо-американского договора
- 1854, октябрь — заключение англо-японского договора
- 1855, 7 февраля — подписание первого русско-японского договора, установившего межгосударственные отношения между Россией и Японией
- 1855 — открытие в Нагасаки при содействии Голландии военно-морской школы
- 1858–1866 — правление сёгуна Иэмоти (1846–1866)
- 1858 — заключение японо-американского договора о торговле
- 1859 — открытие Нагасаки, Канагава и Хакодатэ для внешней торговли
- 1866, 25 декабря — смерть императора Комэй
- 1866–1867 — правление последнего сёгуна дома Токугава
- 1867, 9 ноября — официальное заявление Ёсинобу о возвращении верховной власти императору
- 1867, 3 декабря — опубликование рескрипта «Осэй фукуко»
- 1868 — свержение сёгуната Токугава. «Высочайшая клятва в пяти статьях». Переименование Эдо в Токио. Принятие девиза правления Мэйдзи
- 1871 — упразднение княжеств. Введение иены
- 1872 — введение обязательного начального образования. Отмена запрета на куплю-продажу земли. Введение в эксплуатацию первой железной дороги Токио—Иокогама
- 1873 — военная реформа
- 1874 — создание «Движения за свободу и права народа» (*Дзию минкэн ундо*)
- 1875 — территориальное размежевание с Россией
- 1877 — восстание Сайго Такамоори. Основание Токийского университета
- 1879 — присоединение архипелага Рюкю
- 1880 — введение в школьную программу занятий по воспитанию личности (*сюсин*)
- 1883 — открытие правительственного дома приемов Рокумэйкан
- 1885 — создание кабинета министров. Статья Фукудзава Юкити «Бегство из Азии» (*«Дацуа рон»*)
- 1888 — создание Тайного совета (Сумицуин). Основание общества «Сэйкёся» и журнала «Нихондзин»
- 1889 — принятие конституции
- 1890 — манифест о воспитании
- 1894 — книга Сига Сигэтака «Японский ландшафт» (*«Нихон фукуэйрон»*)

-
1894–1895	— Японо-китайская война
1899	— выход в свет книги Нитобэ Инадзо «Бусидо. Душа Японии»
1904–1905	— Русско-японская война
1906	— формирование первого кабинета Сайондзи
1907	— первая общеполитическая конвенция с Россией
1910	— аннексия Кореи
1911	— казнь Котоку Сюсуй и его соратников
1912	— смерть императора Мэйдзи
1913	— первое Движение в защиту конституционного правления
1914	— вступление в Первую мировую войну
1915	— выдвижение «21 требования» Китаю
1918	— начало интервенции в Россию; «рисовые бунты»; формирование кабинета Хара Такаси
1919	— участие в Парижской мирной конференции; первая публикация «Генерального плана реконструкции Японии» Кита Икки
1921–1922	— участие в Вашингтонской мирной конференции
1924	— формирование кабинета Като Такааки
1925	— принятие Закона об охране общественного порядка и Закона о всеобщем избирательном праве для мужчин
1926	— смерть императора Тайсё; образование радиокompании <i>ННК</i>
1927	— финансовый кризис
1929	— начало Великой депрессии
1930	— участие в Лондонской конференции по морским вооружениям; дискуссия о «правах верховного командования»
1931	— начало оккупации Маньчжурии
1932, 15 мая	— военный мятеж в Токио
1935	— обострение дискуссии вокруг «теории органа» Минобэ Тацукити
1936,
26 февраля	— военный мятеж в Токио
1936	— Антикоминтерновский пакт
1937, 7 июля	— инцидент на мосту Марко Поло, начало крупномасштабной войны в Китае
1937	— публикация «Основных принципов <i>кокутай</i> »
1939, май —
сентябрь	— вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол
1940	— Тройственный пакт; роспуск политических партий, образование Ассоциации помощи трону; утверждение «новой экономической структуры»
1941	— пакт о нейтралитете с СССР

1941, 7 декабря	— начало войны на Тихом океане
1945, 2 сентября	— подписание Акта о безоговорочной капитуляции Японии
1945–1948	— масштабные демократические реформы
1946–1949	— земельная реформа
1946–1948	— Международный военный трибунал для Дальнего Востока
1947, 3 мая	— вступление в силу Конституции Японии
1948	— начало «обратного курса»
1949	— «линия Доджа»
1951, 4–8 сентября	— Сан-Францисская мирная конференция
1951	— подписание японо-американского Договора безопасности
1954	— создание Сил самообороны
1955, 15 ноября	— образование Либерально-демократической партии
1956, 19 октября	— подписание Совместной советско-японской декларации
1960, 19 января	— подписание японо-американского Договора о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности
1964	— Токийская Олимпиада. Создание партии Комэйто
1965, июнь	— подписание Японо-южнокорейского договора об основах взаимоотношений
1967	— провозглашение «трех неядерных принципов»
1972	— «шок Никсона». Начало «многосторонней дипломатии»
1972, сентябрь	— восстановление дипломатических отношений с КНР
1973	— первый «нефтяной шок»; завершение эпохи высоких темпов экономического роста
1973, октябрь	— визит премьер-министра К. Танака в Москву, проведение советско-японской встречи на высшем уровне
1977	— провозглашение «доктрины Фукуда»
1978, август	— подписание Договора о мире и дружбе с Китаем
1978	— принятие «Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в области обороны»
1980–1986	— административно-финансовая реформа Накасонэ
1985	— Плазское соглашение
1990	— крах фондового рынка на Токийской фондовой бирже («Большой взрыв»)
1991, апрель	— визит М. С. Горбачева в Японию
1993	— уход ЛДП в оппозицию, завершение эпохи «системы 1955 года»
1993, октябрь	— российско-японская Токийская декларация

-
1993—1994	— правление «семипартийной коалиции», проведение политической реформы
1995	— землетрясение в Кобэ; террористический акт в токийском метро, организованный сектой «Аум Синрикё»
1997 г.	— принятие новой редакции «Руководящих принципов япо-но-американского сотрудничества в области обороны»
1998	— создание Демократической партии Японии
1998—2001	— административно-финансовая реформа
2001, март	— российско-японская Иркутская декларация
2001—2006	— структурные реформы кабинета Коидзуми
2009	— поражение ЛДП на всеобщих выборах, приход к власти ДПЯ
2011,
11 марта	— авария на АЭС «Фукусима-1»
2012, декабрь	— возвращение ЛДП в коалиции с Комэйто к власти
2013	— начало курса «абэномики»
2016, декабрь	— официальный визит В. В. Путина в Японию
-

Хронологические таблицы

Таблица 1

Императоры Японии в периоды Асука и Нара

Император	Императрица	Годы правления	Годы жизни
Сусюн		587–592	553(?)–592
	Суйко	593–628	554–628
Дзёмэй		629–641	593–641
	Когёку	642–645	594–661
Котоку		645–654	596–654
	Саймэй (она же Когёку)	655–661	
Тэнти		668–671	626–671
Кобун		671–672	648–672
Тэмму		673–686	?–686
	Дзито	690–697	645–701
Момму		697–707	683–707
	Гэммэй	707–715	661–721
	Гэнсё	715–724	680–748
Сёму		724–749	701–756
	Кокэн (она же Сётоку)	749–758	718–770
Дзюннин		758–764	733–765
	Сётоку	764–770	
Конин		770–781	709–782
Камму		781–806	737–806

Таблица 2

Императоры Японии в период Хэйан

Император	Имя до интронизации	Годы жизни	Годы правления	Девизы правления	Отец	Мать	Причины смены правителя
Камму	Ямабэ	737–806	781–806	Тэнъо (81–782), Энряку (782–806)	Император Конин	Такано Ниигаса	смерть
Хэйдзэй	Агэ	774–824	806–809	Энряку (806), айдо (806–810)	Император Каммму	Фуцзивара Отомура	отречение
Сага	Камино	786–842	809–823	Дайдо (809–810), Конин (810–824)	Император Камму	Фуцзивара Отомура	отречение
Дзюнна	Отомо	786–840	823–833	Тэнгё (824–834)	Император Камму	Фуцзивара Табико	отречение
Ниммё	Масара	810–850	833–850	Тэнгё (833–834), Дзёва (834–848), Касё (848–851)	Император Сага (усыновлен дядей, императором Дзюнна)	Татибана Катико	смерть
Монтоку	Митиясу	826–858	850–858	Касё (850–851), Ниндзю (851–854), Сайко (854–857), Тэнъан (857–859)	Император Ниммё	Фуцзивара Нобуко	смерть
Сэйва	Корэхито	850–881	858–876	Тэнъан (858–859), Дзеган (859–877)	Император Монтоку	Фуцзивара Акиракэйко (Мэйси)	отречение
Едзэй	Садаакира	869–949	876–884	Дзёган (876–877), Гангё (также прочитывается как Гэнкэй, 877–885)	Император Сэйва	Фуцзивара Такаико	отстранение
Коко	Токиясу	830–887	884–887	Гангё (884–885), Нинна (885–889)	Император Ниммё	Фуцзивара Савако	смерть

Император	Имя до интронизации	Годы жизни	Годы правления	Девизы правления	Отец	Мать	Причины смены правителя
Уда	Сатами	867–931	887–897	Нинна (887–889), Кампё (889–898)	Император Коко	Принцесса Накако	отречение
Дайго	Ацухито	885–930	897–930	Кампё (897–898), Сётай (898–901), Энряку (901–923), Энтё (923–931)	Император Уда	Фуцзивара Инси	смерть
Судзаку	Югаакира	923–952	930–946	Энтё (930–931), Дзёхэй (931–938), Тэнкё (938–947)	Император Дайго	Фуцзивара Онси	отречение
Мураками	Нариакира	926–967	946–967	Тэнкё (946–947), Тэнряку (947–957), Тэнтоку (957–961), Ова (961–964), Кохо (964–968)	Император Дайго	Фуцзивара Онси	смерть
Рэйдзэй	Норихира	950–1011	967–969	Кохо (967–968), Анна (968–970)	Император Мураками	Фуцзивара Анси	отречение
Энью	Морихира	959–991	969–984	Анна (969–970), Тэнроку (970–973), Тэнъэн (973–976), Дзёгэн (976–978), Тэнгэн (978–983), Эйган (983–985)	Император Мураками	Фуцзивара Анси	отречение
Кадзан	Моросада	968–1008	984–986	Эйган (984–985), Канна (985–987)	Император Рэйдзэй	Фуцзивара Кайси	отречение

Император	Имя до интронизации	Годы жизни	Годы правления	Девизы правления	Отец	Мать	Причины смены правителя
Итидзё	Ясухито	980–1011	986–1011	Канна (986–987), Эйэн (987–989), Эйсо (989–990), Сёряку (990–995), Тётоку (995–999), Тёхо (999–1003), Канко (1004–1011)	Император Энью	Фуцзивара Сэнси	смерть
Сандзё	Иясада (Окисада)	976–1017	1011–1016	Канко (1011), Тёва (1012–1016)	Император Рэйдзэй	Фуцзивара Тёси	отречение
Гонтидзё	Ацухира	1008–1036	1016–1036	Тёва (1016), Каннин (1017–1020), Дзиан (1021–1023), Мандзю (1024–1027), Тёгэн (1028–1036)	Император Итидзё	Фуцзивара Сёси	смерть
Госудзаку	Ацунага	1009–1045	1036–1045	Тёгэн (1036), Тёряку (1037–1039), Тёкю (1040–1043), Кантоку (1044–1045)	Император Итидзё	Фуцзивара Сёси	отречение
Горэйдзэй	Тикахито	1025–1068	1045–1068	Кантоку (1045), Эйсё (1046–1052), Тэнги (1053–1058), Кохэй (1058–1064), Дзиряку (1065–1068)	Император Госудзаку	Фуцзивара Киси	смерть
Госандзё	Такахито	1034–1073	1068–1073	Дзиряку (1068), Энкю (1069–1073)	Император Госудзаку	Тэйси (также прочитывается как Садако, старшая супруга императора Госудзаку)	отречение

Император	Имя до интронизации	Годы жизни	Годы правления	Девизы правления	Отец	Мать	Причины смены правителя
Сиракава	Садахито	1053–1129	1073–1087	Энкю (1073), Дзёхо (1074–1076), Дзёряку (1077–1080), Эйхо (1081–1083), Отоку (1084–1087)	Император Госандзё	Фулзивара Мойси (Сигэко)	отречение
Хорикава	Тарухито	1079–1107	1087–1107	Отоку (1087), Кандзи (1087–1094), Кахо (1095–1096), Эйтё (1096–1097), Дзётоку (1097–1098), Кова (1099–1103), Тёдзи (1104–1105), Касё (1106–1107)	Император Сиракава	Фулзивара Кэнси	смерть
Тоба	Мунэхито	1103–1156	1107–1123	Касё (1107), Тэннин (1108–1109), Тэнгэй (1110–1112), Эйкю (1113–1117), Гэнгэй (1118–1119), Хоан (1120–1123)	Император Хорикава	Фулзивара Иси	отречение
Сутоку	Акихито	1119–1164	1123–1142	Хоан (1123), Тэндзи (1124–1125), Дайлзи (1126–1130), Тэнсё (1131), Тёсё (1132–1134), Хоэн (1135–1141), Эйдзи (1141–1142)	Император Тоба (по другой версии, Сиракава)	Фулзивара Сёси	отречение

Император	Имя до интронизации	Годы жизни	Годы правления	Девизы правления	Отец	Мать	Причины смены правителя
Коноэ	Нарихито	1139–1155	1142–1155	Эйдзи (1142), Кодзи (1142–1143), Тэнгё (1144), Кюан (1145–1150), Нимпё (1151–1153), Кюдзю (1154–1155)	Император Тоба	Фулзивара Нарико (Бифуку-монгын)	смерть
Госиракава	Масахито	1127–1192	1155–1158	Кюдзю (1155), Хогэн (1156–1158)	Император Тоба	Фулзивара Сёси	отречение
Нидзё	Морихито	1143–1165	1158–1165	Хогэн (1158), Хэйдзи (1159–1160), Эйряку (1160–1161), Охо (1161–1163), Тёкан (1163–1165), Эйман (1165–1166)	Император Госиракава	Минамото Иси	отречение
Рокудзё	Нобухито	1164–1176	1165–1168	Эйман (1165–1166), Ниннан (1166–1169)	Император Нидзё	Ики Мунэто-номусумэ	отречение
Такакура	Норихито	1161–1181	1168–1180	Ниннан (1168–1169), Као (1169–1171), Дзёан (1171–1175), Ангэн (1175–1177), Дзисё (1177–1181)	Император Госиракава	Тайра Сигэко	отречение
Антоку	Токихито	1178–1185	1180–1185	Дзисё (1180–1181), Ёва (1181–1182), Дзюэй (1182–1184)	Император Такакура	Тайра Токуко	изгнание, смерть
Гогоба	Такахира	1180–1239	1183–1198	Гэнряку (1184–1185), Бундзи (1185–1190), Кэнкю (1190–1199)	Император Такакура	Фулзивара Секуси	отречение

Таблица 3

Регенты сэссё и канцлеры кампаку в период Хэйан

Сэссё	Кампаку	Период	Император
Фудзивара Ёсифуса		866–872	Сэйва
Фудзивара Мотоцунэ		876–884	Ёдзэй
	Фудзивара Мотоцунэ	887–891	Уда
Фудзивара Тадахира		930–941	Судзаку
	Фудзивара Тадахира	941–949	Судзаку, Мураками
	Фудзивара Санэёри	967–969	Рэйдзэй
Фудзивара Санэёри		969–970	Энъю
Фудзивара Корэтада		970–972	Энъю
	Фудзивара Канэмита	974–977	Энъю
	Фудзивара Ёритада	977–986	Энъю, Ханадзоно
Фудзивара Канэиэ		986–990	Итидзё
	Фудзивара Канэиэ	990–990	Итидзё
	Фудзивара Мититака	990–990	Итидзё
Фудзивара Мититака		990–993	Итидзё
	Фудзивара Мититака	993–995	Итидзё
	Фудзивара Митиканэ	995–995	Итидзё
Фудзивара Митинага		1016–1017	Гоитидзё
Фудзивара Ёримити		1017–1020	Гоитидзё
	Фудзивара Ёримити	1020–1068	Гоитидзё, Госудзаку, Горэйдзэй
	Фудзивара Норимити	1068–1075	Горэйдзэй, Госандзё, Сиракава
	Фудзивара Мородзанэ	1075–1087	Сиракава

Сэссё	Кампаку	Период	Император
Фудзивара Мородзанэ		1087–1091	Хорикава
	Фудзивара Мородзанэ	1091–1094	Хорикава
	Фудзивара Моримити	1094–1099	Хорикава
	Фудзивара Тададзанэ	1106–1107	Хорикава
Фудзивара Тададзанэ		1107–1114	Тоба
	Фудзивара Тададзанэ	1114–1121	Тоба
	Фудзивара Тадамити	1121–1123	Тоба
Фудзивара Тадамити		1123–1129	Сутоку
	Фудзивара Тадамити	1129–1142	Сутоку
Фудзивара Тадамити		1142–1150	Коноэ
	Фудзивара Тадамити	1150–1158	Коноэ, Госиракава
	Коноэ Мотодзанэ	1158–1165	Нидзё
Коноэ Мотодзанэ		1165–1166	Рокудзё
Фудзивара Мотофуса		1166–1173	Рокудзё, Такакура
	Фудзивара Мотофуса	1173–1179	Такакура
	Коноэ Мотомити	1179–1180	Такакура
Коноэ Мотомити		1180–1184	Антоку, Готоба
Фудзивара Мороиэ		1184–1184	Готоба
Коноэ Мотомити		1184–1186	Готоба

Таблица 4

«Правление из молельни». Инсэй в период Хэйан

Действующий император	Хонгын	Инсэй	Годы правления
Сиракава	—	Госандзё	1073
Сиракава	—	—	1073—1087
Хорикава	Сиракава	—	1087—1107
Тоба	Сиракава		1107—1123
Сутоку	Сиракава	Тоба	1123—1129
Сутоку	Тоба	—	1129—1142
Коноэ	Тоба	Сутоку	1142—1155
Госиракава	Тоба	Сутоку	1155—1156
Госиракава	—	Сутоку	1156—1158
Нидзё	Госиракава	—	1158—1165
Рокудзё	Госиракава	—	1165—1168
Такакура	Госиракава	Рокудзё	1168—1176
Такакура	Госиракава	—	1176—1180
Антоку	Госиракава	Такакура	1180—1181
Антоку	Госиракава	—	1181—1185
Готоба	Госиракава	—	1183—1192
Готоба	—	—	1192—1198

Таблица 5

Сёгуну эпохи Камакура

Сёгун	Время пребывания в должности	Годы жизни
Минамото-но Ёритомо	1192—1199	1147—1199
Минамото-но Ёриизэ	1202—1203	1182—1204
Минамото-но Санэтомо	1203—1219	1192—1219
Фудзивара-но Ёрицунэ	1226—1244	1218—1256
Фудзивара-но Ёрицугу	1244—1252	1239—1256
Мунэтака синно	1252—1266	1242—1274
Корэясу синно	1266—1289	1264—1326
Хисаакира синно	1289—1308	1276—1328
Морикуни синно	1308—1333	1301—1333

Таблица 6

Сиккэны эпохи Камакура

Сиккэн	Время пребывания в должности	Годы жизни
Ходзё Токимаса	1203–1205	1138–1215
Ходзё Ёситоки	1205–1224	1163–1224
Ходзё Ясутоки	1224–1242	1183–1242
Ходзё Цунэтоки	1242–1246	1224–1246
Ходзё Токиёри	1246–1256	1227–1263
Ходзё Нагатоки	1256–1264	1230–1264
Ходзё Масамура	1264–1268	1205–1273
Ходзё Токимунэ	1268–1284	1251–1284
Ходзё Садатоки	1284–1301	1272–1311
Ходзё Моротоки	1301–1311	1275–1311
Ходзё Мунэнобу	1311–1312	1259–1312
Ходзё Хиротоки	1312–1315	1279–1315
Ходзё Мототоки	1315–1316	1286–1333
Ходзё Такатоки	1316–1326	1304–1333
Ходзё Садааки	1326	1278–1333
Ходзё Моритоки	1326–1333	1295–1333

Таблица 7

Императоры эпохи Камакура

Император	Время правления	Годы жизни
Готоба	1185–1198	1180–1239
Цутимикадо	1198–1210	1196–1231
Дзюнтоку	1210–1221	1197–1242
Тюкё	1221	1218–1234
Гохорикава	1221–1232	1212–1234
Сидзё	1232–1242	1231–1242
Госага	1242–1246	1220–1272
Гофукакуса	1246–1260	1243–1304
Камэяма	1260–1274	1249–1305
Гоуда	1274–1287	1267–1324
Фусими	1287–1298	1265–1317
Гофусими	1298–1301	1288–1336
Гонидзё	1301–1308	1285–1308
Ханадзоно	1308–1318	1297–1348
Годайго	1318–1339	1288–1339

Таблица 8

Сёгуны дома Асикага

Сёгун	Время пребывания в должности	Годы жизни
Асикага Такаудзи	1338–1358	1308–1358
Тадаёси	1358–1367	1330–1368
Ёсимицу	1368–1394	1358–1408
Ёсимоти	1394–1423	1386–1428
Ёсикадзу	1423–1425	1407–1425
Ёсинори	1429–1441	1394–1441
Ёсикацу	1442–1443	1433–1443
Ёсимаса	1449–1473	1435–1490
Ёсихиса	1473–1489	1465–1489
Ёситанэ	1490–1493	1465–1522
Ёсидзуми	1494–1508	1478–1511
Ёситанэ	1508–1521	
Ёсихару	1521–1546	1510–1550
Ёситэру	1546–1565	1535–1565
Ёсихидэ	1568	1538–1568
Ёсиаки	1568–1573/1588	1537–1597

Таблица 9

Канрэй в XIV–XV вв. (до начала смуты годов Онин-Буммэй)

Имя	Время пребывания в должности
Сиба Ёсимаса	1362–1366
Хосокава Ёриюки	1367–1379
Сиба Ёсимаса	1379–1391
Хосокава Ёримото	1391–1393
Сиба Ёсимаса	1393–1398
Хатакэяма Мотокуни	1398–1405
Сиба Ёсисигэ	1405–1409
Сиба Ёсимаса	1409
Сиба Ёсиацу	1409–1410
Хатакэяма Мицуиэ	1410–1412
Хосокава Мицумото	1412–1421
Хатакэяма Мицуиэ	1421–1429
Сиба Ёсиацу	1429–1432
Хосокава Мотиюки	1432–1442
Хатакэяма Мотикуни	1442–1445

Окончание табл. 9

Имя	Время пребывания в должности
Хосокава Кацумото	1445–1449
Хатакэяма Мотикуни	1449–145
Хосокава Кацумото	1452–1464
Хатакэяма Масанага	1464–1467
Сибя Ёсикадо	1467–1468

Таблица 10

Камакурские наместники (Камакура кубо) в XIV–XVI вв.

Имя	Время пребывания в должности
Камакура кубо	
Асикага Мотоудзи	1349–1367
Асикага Удзимицу	1367–1398
Асикага Мицуканэ	1398–1409
Асикага Мотиудзи	1409–1439
Асикага Сигэудзи	1449–1455
Хоригэо кубо	
Асикага Масатомо	1457–1491
Асикага Тятамару	1491–1493
Кога кубо	
Асикага Сигэудзи	1455–1497
Асикага Масаудзи	1497–1512
Асикага Такамото	1512–1535
Асикага Харуудзи	1535–1552
Асикага Ёсиудзи	1552–1583

Канто канрэй в XIV–XVI вв.

Канто канрэй	Происхождение, принадлежность к ветви дома Уэсуги (Инугакэ или Яmanoути)	Время пребывания в должности
Ко-но Морофую	Ко	1350–1351
Хатакэяма Куникиё	Хатакэяма	1353–1361
Ко-но Мороари	Ко	1362–1363
Уэсуги Нориаки	Уэсуги	1366–1368
Уэсуги Ёсинори	Происходил из ветви Яmanoути, усыновлен главой линии Такума Уэсуги	1368–1378
Уэсуги Томофуса	Инугакэ	1368–1370
Уэсуги Норихару	Яmanoути	1377–1379
Уэсуги Нориката	Яmanoути	1379–1392
Уэсуги Норитака	Происходил из ветви Яmanoути, унаследовал место главы линии Такума Уэсуги	1392–1394
Уэсуги Томомунэ	Инугакэ	1395–1405
Уэсуги Норисада	Яmanoути	1405–1411
Уэсуги Удзинори	Инугакэ	1411–1415
Уэсуги Норимото	Яmanoути	1415–1418
Уэсуги Норидзанэ	Яmanoути	1419–1439
Уэсуги Норитада	Яmanoути	1447–1454
Уэсуги Фусааки	Яmanoути	1455–1466
Уэсуги Акисада	Яmanoути	1466–1510
Уэсуги Акидзанэ	Яmanoути	1510–1515
Уэсуги Норифуса	Яmanoути	1515–1525
Уэсуги Норихиро	Сын Камакура кубо Асикага Такамото, усыновлен Уэсуги Норифуса	1525–1531
Уэсуги Норимаса	Яmanoути	1531–1561
Уэсуги Тэрутора (Кэнсин)	Отпрыск рода Нагао, усыновлен Уэсуги Норимаса	1561–1578

Императоры эпохи Муромати

Период Намбокутё (1336—1392)					
Императоры Южного двора			Императоры Северного двора		
Имя	Время правления	Годы жизни	Имя	Время правления	Годы жизни
Годайго	1318—1339	1288—1339	Комё	1336—1348	1322—1380
Гомураками	1339—1368	1328—1368	Суко	1348—1351	1334—1398
Тёкэй	1368—1383	1343—1394	Гокогон	1352—1371	1336—1374
Гокамэяма	1383—1392	1350—1424	Гоэнью	1371—1382	1339—1393
			Гокомацу	1383—1392	1377—1433
Императоры, правившие после 1392 г.					
Имя	Время правления		Годы жизни		
Гокомацу	1392—1412		1377—1433		
Сёко	1412—1428		1401—1428		
Гоханадзоно	1428—1464		1419—1471		
Гоцутимикадо	1464—1500		1442—1500		
Гокасивабара	1500—1526		1464—1526		
Гонара	1526—1557		1497—1557		
Огимати	1557—1586		1517—1593		

Таблица 13

Сёгуны дома Токугава

Имя сёгуна	Годы жизни	Годы правления	Место захоронения
Иэясу	1542–1616	1603–1605	Никко
Хидэтада	1579–1632	1605–1623	буддийский храм Дзодзёдзи
Иэмицу	1604–1651	1623–1651	Никко
Иэцуна	1641–1680	1651–1680	Канъэйдзи
Цунаёси	1646–1709	1680–1709	Канъэйдзи
Иэнобу	1704–1712	1709–1712	Канъэйдзи
Иэцугу	1709–1716	1713–1716	Дзодзёдзи
Ёсимунэ	1684–1751	1716–1745	Канъэйдзи
Иэсигэ	1711–1761	1745–1760	Дзодзёдзи
Иэхару	1737–1786	1760–1786	Канъэйдзи
Иэнари	1773–1841	1787–1837	Канъэйдзи
Иэёси	1793–1853	1837–1853	Дзодзёдзи
Иэсада	1824–1858	1853–1858	Канъэйдзи
Иэмоти	1846–1866	1858–1866	Дзодзёдзи
Ёсинобу	1837–1913	1866–1867	кладбище Янака в Уэно, Токио

Таблица 14

Императоры эпохи Токугава

Имя императора	Годы жизни	Годы правления
Гоёдзэй	1572–1617	1586–1611
Гомидзуно	1596–1680	1611–1629
Мэйсё	1624–1696	1629–1643
Гокомё	1633–1654	1643–1654
Госай	1637–1685	1655–1663
Рэйгэн	1654–1732	1663–1687
Хигасияма	1675–1709	1687–1709
Накамикадо	1702–1737	1709–1735
Сакурамати	1720–1750	1735–1747
Момодзоно	1741–1762	1747–1762
Госакурамати	1740–1813	1762–1771
Гомомодзоно	1758–1779	1771–1779
Кокаку	1771–1840	1780–1817
Нинко	1800–1846	1817–1846
Комэй	1831–1866	1846–1866

Таблица 15

Председатели Тайного совета

Имя	Время пребывания в должности
Ито Хиробуми	1888–1889
Ооки Такато	1889–1891
Ито Хиробуми	1891–1892
Ооки Такато	1889–1891
Ямагата Аритомо	1893–1894
Курода Киётака	1894–1900
Сайондзи Киммоти	1900–1903
Ито Хиробуми	1903–1905
Ямагата Аритомо	1905–1909
Ито Хиробуми	1909
Ямагата Аритомо	1909–1922
Киёура Кэйго	1922–1924
Хамао Арата	1924–1925
Ходзуми Нобусигэ	1925–1926
Куратоми Юдзабуро	1926–1934
Итики Китокуро	1934–1926
Хиранума Киитиро	1936–1939
Коноэ Фумимаро	1939–1940
Хара Ёсимити	1940–1944
Судзуки Кантаро	1944–1945
Хиранума Киитиро	1945
Судзуки Кантаро	1945–1946
Симидзу Тоору	1946–1947

Таблица 16

Гэнро

Имя	Год назначения гэнро	Место рождения (княжество эпохи Токугава)	Годы жизни
Ито Хиробуми	1889	Тёсю	1841–1909
Курода Киётака	1889	Сацума	1840–1900
Ямагата Аритомо	1891	Тёсю	1838–1922
Мацуката Масаёси	1898	Сацума	1835–1924
Иноуэ Каору	1904	Тёсю	1835–1915
Сайго Цугумити	формальной процедуры назначения не было	Сацума	1843–1902

Окончание табл. 16

Имя	Год назначения гэнро	Место рождения (княжество эпохи Токугава)	Годы жизни
Ояма Ивао	1912	Сацума	1842—1916
Кацура Таро	1912	Тёсю	1848—1913
Сайондзи Киммоти	1912	Киото	1849—1940

Таблица 17

**Премьер-министры Японии, начиная с периода Мэйдзи
до окончания Второй мировой войны**

Премьер-министр	Время пребывания в должности	Примечания
Ито Хиробуми	22.12.1885 — 30.04.1888	1-й кабинет
Курода Киётака	30.04.1888 — 25.10.1889	
Сандзё Санэтоми	25.10.1889 — 24.12.1889	временно возглавлял кабинет министров, занимая должность министра-хранителя печати
Ямагата Аритомо	24.12.1889 — 06.05.1891	1-й кабинет
Мацуката Масаёси	06.05.1891 — 08.08.1892	1-й кабинет
Ито Хиробуми	08.08.1892 — 31.08.1896	2-й кабинет
Курода Ёситака	31.08.1896 — 18.09.1896	временно совмещал пост главы Тайного совета с должностью премьер-министра
Мацуката Масаёси	18.09.1896 — 12.01.1898	2-й кабинет
Ито Хиробуми	12.01.1898 — 30.06.1898	3-й кабинет
Окума Сигэнобу	30.06.1898 — 08.11.1898	1-й кабинет
Ямагата Аритомо	08.11.1898 — 19.10.1900	2-й кабинет
Ито Хиробуми	19.10.1900 — 10.05.1901	4-й кабинет
Сайондзи Киммоти	10.05.1901 — 02.06.1901	временно совмещал пост главы Тайного совета с должностью премьер-министра
Кацура Таро	02.06.1901 — 07.01.1906	1-й кабинет
Сайондзи Киммоти	07.01.1906 — 14.07.1908	1-й кабинет
Кацура Таро	14.07.1908 — 30.08.1911	2-й кабинет
Сайондзи Киммоти	30.08.1911 — 21.12.1912	2-й кабинет

Премьер-министр	Время пребывания в должности	Примечания
Кацура Таро	21.12.1912 — 20.02.1913	3-й кабинет
Ямамото Гомбэй	20.02.1913 — 16.04.1914	1-й кабинет
Окума Сигэнобу	16.04.1914 — 09.10.1916	2-й кабинет
Тэраути Масатакэ	09.10.1916 — 29.09.1918	
Хара Такаси	29.09.1918 — 04.11.1921	
Утида Косай	04.11.1921 — 13.11.1921	временно совмещал пост министра иностранных дел с должностью премьер-министра
Такахаси Корэкиё	13.11.1921 — 12.06.1922	
Като Томосабуро	12.06.1922 — 24.08.1923	
Утида Косай	24.08.1923 — 02.09.1923	временно совмещал пост министра иностранных дел с должностью премьер-министра
Ямамото Гомбэй	02.09.1923 — 07.01.1924	2-й кабинет
Киёура Кэйго	07.01.1924 — 11.06.1924	
Като Такааки	11.06.1924 — 28.01.1926	
Вакацуки Рэйдзиро	28.01.1926 — 30.01.1926	временно совмещал пост министра внутренних дел с должностью премьер- министра
Вакацуки Рэйдзиро	30.01.1926 — 20.04.1927	1-й кабинет
Танака Гиити	20.04.1927 — 02.07.1929	
Хамагути Осати	02.07.1929 — 14.04.1931	
Вакацуки Рэйдзиро	14.04.1931 — 13.12.1931	2-й кабинет
Инукаи Цуёси	13.12.1931 — 16.05.1932	
Такахаси Корэкиё	16.05.1932 — 26.05.1932	временно совмещал пост министра финансов с должностью премьер- министра
Сайто Макото	26.05.1932 — 08.07.1934	
Окада Кэйсукэ	08.07.1934 — 09.03.1936	
Хирота Коки	09.03.1936 — 02.02.1937	
Хаяси Сэндзюро	02.02.1937 — 04.06.1937	
Коноэ Фумимаро	04.06.1937 — 01.05.1939	1-й кабинет

Премьер-министр	Время пребывания в должности	Примечания
Хиранума Киитиро	01.05.1939 — 30.08.1939	
Абэ Нобуюки	30.08.1939 — 16.01.1940	
Ёнаи Мицумаса	16.01.1940 — 22.07.1940	
Коноэ Фумимаро	22.07.1940 — 18.07.1941	2-й кабинет
	18.07.1941 — 18.10.1941	3-й кабинет
Тодзё Хидэки	18.10.1941 — 22.07.1944	
Коисо Куниаки	22.07.1944 — 07.04.1945	
Судзуки Кантаро	07.04.1945 — 17.08.1945	

Таблица 18

Премьер-министры Японии в период после Второй мировой войны

Премьер-министр	Время пребывания в должности	Примечания
Хигасикуни Нарухико	17.08.1945 — 09.10.1945	
Сидэхара Кидзюро	09.10.1945 — 22.05.1946	
Ёсида Сигэру	22.05.1946 — 24.05.1947	1-й кабинет
Катаяма Тэцу	24.05.1947 — 10.03.1948	
Асида Хитоси	10.03.1948 — 15.10.1948	
Ёсида Сигэру	15.10.1948 — 16.02.1949	2-й кабинет
	16.02.1949 — 30.10.1952	3-й кабинет
	30.10.1952 — 21.05.1953	4-й кабинет
	21.05.1953 — 10.12.1954	5-й кабинет
Хатояма Итиро	10.12.1954 — 19.03.1955	1-й кабинет
	19.03.1955 — 22.11.1955	2-й кабинет
	22.11.1955 — 23.12.1956	3-й кабинет
Исибаси Тандзан	23.12.1956 — 25.02.1957	
Киси Нобусукэ	25.02.1957 — 12.06.1958	1-й кабинет
	12.06.1958 — 19.07.1960	2-й кабинет
Икэда Хаято	19.07.1960 — 08.12.1960	1-й кабинет
	08.12.1960 — 09.12.1963	2-й кабинет
	09.12.1963 — 09.11.1964	3-й кабинет

Премьер-министр	Время пребывания в должности	Примечания
Сато Эйсаку	09.11.1964 — 17.02.1967	1-й кабинет
	17.02.1967 — 14.01.1970	2-й кабинет
	14.01.1970 — 07.07.1972	3-й кабинет
Танака Какуэй	07.07.1972 — 22.12.1972	1-й кабинет
	22.12.1972 — 09.12.1974	2-й кабинет
Мики Такэо	09.12.1974 — 24.12.1976	
Фукуда Такэо	24.12.1976 — 07.12.1978	
Охира Масаёси	07.12.1978 — 09.11.1979	1-й кабинет
	09.11.1979 — 12.06.1980	2-й кабинет
Ито Масаёси	12.06.1980 — 17.07.1980	временно совмещал пост генерального секретаря кабинета министров с должностью премьер- министра
Судзуки Дзэнко	17.07.1980 — 27.11.1982	
Накасонэ Ясухиро	27.11.1982 — 27.12.1983	1-й кабинет
	27.12.1983 — 22.07.1986	2-й кабинет
	22.07.1986 — 06.11.1987	3-й кабинет
Такэсита Нобору	06.11.1987 — 03.06.1989	
Уно Сосукэ	03.06.1989 — 10.08.1989	
Кайфу Тосики	10.08.1989 — 28.02.1990	1-й кабинет
	28.02.1990 — 05.11.1991	2-й кабинет
Миядзава Киити	05.11.1991 — 09.08.1993	
Хосокава Морихиро	09.08.1993 — 28.04.1994	
Хата Цутому	28.04.1994 — 30.06.1994	
Мураяма Томиити	30.06.1994 — 11.01.1996	
Хасимото Рютаро	11.01.1996 — 07.11.1996	1-й кабинет
	07.11.1996 — 30.07.1998	2-й кабинет
Обути Кэйдзо	30.07.1998 — 05.04.2000	
Мори Ёсиро	05.04.2000 — 04.07.2000	1-й кабинет
	04.07.2000 — 26.04.2001	2-й кабинет

Премьер-министр	Время пребывания в должности	Примечания
Коидзуми Дзюньитиро	26.04.2001 — 19.11.2003	1-й кабинет
	19.11.2003 — 21.09.2005	2-й кабинет
	21.09.2005 — 26.09.2006	3-й кабинет
Абэ Синдзо	26.09.2006 — 26.09.2007	1-й кабинет
Фукуда Ясуо	26.09.2007 — 24.09.2008	
Асо Таро	24.09.2008 — 16.09.2009	
Хатояма Юкио	16.09.2009 — 08.06.2010	
Кан Наото	08.06.2010 — 02.09.2011	
Нода Ёсихико	02.09.2011 — 26.12.2012	
Абэ Синдзо	26.12.2012 — 24.12.2014	2-й кабинет
	24.12.2014 — по настоящее время	3-й кабинет

Рекомендуемые ресурсы сети Интернет

Русскоязычные

www.japanstudies.ru — электронные ресурсы Ассоциации японоведов России, открытые для использования в научных целях, помимо интернет-журнала «Российское японоведение» доступны номера ряда ведущих японоведческих периодических изданий (раздел *eBooks*).

<http://japancenter.livejournal.com/> — сайт Центра исследований Японии, Институт Дальнего Востока РАН.

<http://www.vostlit.info/> — интернет-сайт, на котором размещены переведенные на русский язык средневековые исторические источники Востока и Запада, отдельный раздел посвящен источникам по истории и культуре Японии (с древнейших времен до начала XX в.).

e-library — российская электронная библиотека научных публикаций, интегрированная с Российским индексом научного цитирования (РИНЦ).

<http://www.orientalstudies.ru/> — сайт Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

<http://book.ivran.ru/> — библиотека Института востоковедения Российской академии наук (Москва).

Англоязычные

<http://www.jstor.org/> — *JSTOR* (сокращение от англ. *Journal STORage*) — цифровая база данных полнотекстовых научных журналов (на различных европейских языках), а также книг (гуманитарные науки, только на английском языке). Доступ к этой базе можно получить в Российской государственной библиотеке.

<http://www.eajs.org/> — веб-сайт Европейской ассоциации по изучению Японии (*European Association for Japanese Studies*).

<http://www.davidrumsey.com/japan/> — большая подборка японских карт из коллекции японских исторических карт Калифорнийского университета.

<http://rijs.fas.harvard.edu/> — Институт японских исследований им. Эдвина О. Райшауэра, Гарвардский университет (The Edwin O. Reischauer Institute of Japanese Studies at Harvard University).

<http://www.janm.org/> — Музей японской общины в США, Лос-Анджелес (Japanese American National Museum, L.A.).

Японоязычные

<http://ci.nii.ac.jp/> — *CiNii* (*Scholarly and Academic Information Navigator*) — крупнейшая база данных, содержащая информацию о японских книгах и периодических академических изданиях; часть статей научных журналов, в том числе по общественным наукам, открыта для бесплатного скачивания.

<http://www.ndl.go.jp/> — библиотека оцифрованных книг и периодических изданий, других видов источников, материалы доступны для свободного использования в научных целях.

<http://www.ndl.go.jp/modern/e/index.html> — раздел веб-сайта Библиотеки японского парламента, где можно найти важнейшие документы по политической истории Японии (вторая половина XIX—XX в.).

http://warp.da.ndl.go.jp/info/WARP_en.html — на этом веб-сайте, относящемся к Библиотеке японского парламента, начиная с 2002 г. архивируются все интернет-ресурсы официальных государственных органов власти Японии: правительства, парламента, судов и т.д.

<https://www.hi.u-tokyo.ac.jp/index-j.html> — сайт Историографического института Токийского университета; в свободном доступе находится большая коллекция документов по истории Японии, в частности опубликованных в многотомных собраниях исторических источников «Дай Нихон сирё» («Материалы по истории Великой Японии») и «Дай Нихон комондзё» («Древние документы Великой Японии»).

<http://www.archives.go.jp/> — сайт Национальных архивов Японии, на котором размещены ценнейшие исторические источники — документы, карты, свитки, рисунки, фотографии и др.

<http://www.jacar.go.jp/> — сайт Японского центра азиатских исторических исследований.

<http://www.mofa.go.jp/mofaj/annai/honsho/shiryo/archives/> — на сайте МИДа Японии расположен архив документов по японской внешней политике с периода Мэйдзи до периода Сёва.

<http://www.ndltd.org/resources/find-etds> ND LTD (The Networked Digital Library of Theses and Dissertations) — поисковая система диссертаций на иностранных языках.

<https://oatd.org/> OATD (Open Access Theses and Dissertations) — информационная база, содержащая 2,8 млн диссертаций более 1 тыс. исследовательских институтов и университетов.

<http://www.dart-europe.eu/basic-search.php> DART-Europe — 0,5 млн диссертаций 600 европейских университетов.

Дополнительная литература к курсу

Общие труды, учебные пособия, исторические хрестоматии

- Анарина Н. Г.* История японского театра. М.: Наталис, 2008.
- Арутюнов С. А., Шебенков В. Г.* Древнейший народ Японии. Судьбы племени айнов. М.: Восточная литература, 1992.
- Вещь в японской культуре / Под ред. Н. Г. Анариной и Е. М. Ермаковой. М.: Восточная литература, 2003.
- Виноградова Н. А.* Искусство Японии. М.: Изобразительное искусство, 1985.
- Внешняя политика Японии: история и современность: Учеб. пособие / Отв. ред. Э. В. Молодякова. М.: Восточная литература, 2008.
- Воробьев М. В., Соколова Г. А.* Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М.: ГРВЛ, 1976.
- Главева Д. Г.* Традиционная японская культура: Специфика мировосприятия. М.: Восточная литература, 2003.
- Дацышен В. Г.* Новая история Японии: Учеб. пособие. Красноярск, 2007.
- Еремин В. Н.* История правовой системы Японии. М.: РОССПЭН, 2010.
- Есипова М. В.* Традиционная японская музыка: Энциклопедия. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.
- Загорский А. В.* Япония и Китай: пути общественного развития в оценке японской историографии. М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
- Иенатович А. Н.* Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере «чайного действия»). М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
- История и культура Японии / Под ред. В. М. Алпатова. М.: ИВ РАН; «Крафт+», 2001.
- История российско-японских отношений: XVIII — начало XXI века / Под ред. С. В. Гришачева. М.: Аспект Пресс, 2015.
- История Японии. Т. 1–2 / Ред. А. Е. Жуков. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1998.
- История японской культуры: Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 2011.
- Мещеряков А. Н.* Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2008.
- Мещеряков А. Н.* Япония в объятиях пространства и времени. М.: Наталис, 2010.
- Мещеряков А. Н.* Японский тэнно и русский царь: формирование модели управления. М.: Гуманитарий, 2004.
- Накорчевский А. А.* Синто. М.: Азбука, 2003.

Накорчевский А. А. Японский буддизм: история людей и идей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2004.

Политическая система современной Японии: Учеб. пособие / Отв. ред. Д. В. Стрельцов. М.: Аспект Пресс, 2013.

Прасол А. Ф. Становление образования в Японии (VIII–XIX века). Владивосток: Дальнаука, 2001.

Прасол А. Ф. Япония: лики времени. М.: Наталис, 2008.

Пустовойт Е. В. История королевства Рюкю (с древнейших времен и до его ликвидации). Владивосток: Русский Остров, 2008.

Синто. Путь японских богов. Т. 1–2 / Под ред. Е. М. Ермаковой и др. СПб.: Гиперион, 2002.

Синто: память культуры и живая вера / Под ред. Э. В. Молодяковой. М.: Аиро-XXI, 2012.

Совастеев В. В. Геополитика Японии. С древнейших времен до наших дней: Учеб. пособие. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2009.

Совастеев В. В. Очерки истории Японии. От Токугава Иэясу до Хасимото Рютаро. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2008.

Совастеев В. В. Политическая культура Японии. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2004.

Соколов А. М. Айны: от истоков до современности. (Материалы к истории становления айнского этноса). СПб.: МАЭ РАН, 2014.

Социально-экономическая география Японии: Учеб. пособие / Под ред. И. С. Тихоцкой. М.: Аспект Пресс, 2016.

Спеваковский А. Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе). М.: ГРВЛ, 1988.

Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII — начало XXI века). М.: Институт русской цивилизации, 2010.

Экономика Японии: Учеб. пособие / Отв. ред. И. П. Лебедева, И. Л. Тимошина. М.: Восточная литература, 2008.

Япония и Россия. Национальная идентичность сквозь призму образов / Ред.-сост. Ю. Д. Михайлова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014.

Японская мозаика: Сборник статей памяти профессора В. Н. Горегляда / Сост. А. М. Кабанов, К. Г. Маранджян. СПб.: Гиперион, 2009.

Cullen L. M. A History of Japan, 1582–1941: internal and external worlds. Cambridge University Press, 2003.

Eisenstadt S. N. Japanese Civilization. A Comparative Review. Chicago and L.: University of Chicago Press, 1996.

Gordon Andrew. A Modern History of Japan. From Tokugawa Times to the Present. Oxford University Press, 2013.

Jansen Marius B. The Making of Modern Japan. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 2002.

Japan Phenomenon: Views from Europe. М., 2001.

Japan: A Documentary History: The Dawn of History to the Late Eighteenth Century. By David J. Lu. Routledge, 2005.

Japan: A Documentary History: The Late Tokugawa Period to the Present. By David J. Lu Routledge, 2014.

Sources of Japanese Tradition, From Earliest Times to 1600, Vol. 1. Wm. Theodore de Bary, Donald Keene, George Tanabe (eds.). N.Y.: Columbia University Press; 2nd edition, 2002.

Sources of Japanese Tradition. Vol. 2. 1600 to 2000 / William Theodore de Bary (ed.). N.Y.: Columbia University Press, 2013.

The Cambridge History of Japan. Vol. 1–6. John Whitney Hall general editor. Cambridge: Cambridge University Press, 1989–1999.

The Economic Emergence of Modern Japan / Kozo Yamamura (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

Tipton Elise K. Modern Japan: A Social and Political History. L. and N.Y.: Routledge, 2008.

Watanabe Hiroshi. A History of Japanese Political Thought, 1600–1901. Tokyo: I-House Press, 2012.

日本の歴史. 全26巻. 東京: 講談社, 2000–2003

Нихон-но рэкиси (История Японии). Т. 1–26. Токио: Коданся, 2000–2003.

全集日本の歴史. 全17巻. 東京: 小学館, 2007–2009.

Дзэнсю Нихон-но рэкиси (Полная история Японии). Т. 1–17. Токио: Сёгакукан, 2007–2009.

Период с древности до 1868 г.

Бабкова М.В. Наставник созерцания Догэн: жизнь и сочинения: Вместилище сути истинного закона // Новые исследования по японской культуре. Кн. 3. М.: Кругъ, 2016.

Бреславец Т. И. Очерки японской поэзии IX–XVII веков. М.: Восточная литература, 1994.

Буддизм в Японии / Отв. ред. Т. П. Григорьева. М.: Наука, 1993.

Буддийская философия в средневековой Японии / Отв. ред. Ю. Б. Козловский. М.: Янус-К, 1998.

Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2009.

Воробьев М. В. Японский кодекс «Тайхоре» и право раннего средневековья. М.: ГРВЛ, 1990.

Гарри И. Е. Дзэн-буддийское мирозерцание Эйхэй Догэна. М.: Восточная литература, 2003.

Горбылев А. М. Путь невидимых: подлинная история нин-дзюцу. Минск: Харвест, 1997.

Горегляд В. Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006.

Горегляд В. Н. Японская литература VIII–XVI вв.: Начало и развитие традиций. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997.

де Фиссер, Маринус Виллем. Бодхисаттва Ди-цзан (Дзидзо) в Китае и Японии / Пер. А. Г. Фесюн. М.: Изд. дом «Серебряные нити», 2016.

де Фиссер, Маринус Виллем. Древний буддизм и Японии / Пер. А. Г. Фесюн. М.: Изд. дом «Серебряные нити», 2016.

Дискуссионные проблемы японской истории / Под ред. А. Е. Жукова. М.: ГРВЛ, 1991.

Ермакова Л. М. Речи богов и песни людей. Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики. М.: Восточная литература, 1995.

Игнатович А. Н. Школа Нитирэн. М.: Стилсервис, 2002.

Из истории общественной мысли Японии XVII–XIX вв. / Отв. ред. В. Н. Горегляд. М.: Наука, 1990.

Кайбара Экиэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкэн. Мешок премудростей горожанину в помощь / Пер. с яп. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2017.

Камо-но Темэй: Записки без названия. Беседы с Сётэцу / Пер. М. В. Торопыгиной. СПб.: Гиперион, 2015.

Киддер Дж. Э. Япония до буддизма. Острова, заселенные богами. М.: Центрполиграф, 2003.

Кодзики. Записи о деяниях древности / Пер. Е. М. Пинус (свиток 1), Е. М. Ермаковой (свиток 2) и А. Н. Мещерякова (свиток 3). СПб.: Шар, 1993–1994.

Кожевников В. В. Очерки древней истории Японии. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1998.

Кожевников В. В. Очерки истории Японии VII–XI вв. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2000.

Кожевников В. В. Очерки истории Японии XII–XVI веков. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999.

Кожевников В. В. Средневековая Япония в лицах. Владивосток: Дальнаука, 2007.

Конрад Н. И. Очерк истории и культуры средневековой Японии. М.: Искусство, 1980.

Кужель Ю. Л. Японский театр Нингё Дзёрури. М.: Наталис, 2004.

Лантев С. В. Контакты древнего населения Японии с народами, проживавшими на территории Китая до VI в. н.э. М.: Изд-во МГУЛ, 2003.

Лантев С. В. Очерки по археологии и истории Японии. М.: Изд-во МГУЛ, 2007.

Лещенко Н. Ф. «Революция Мэйдзи» в работах японских историков-марксистов. М.: ГРВЛ, 1984.

Месть Акимити: средневековые японские рассказы / Пер. с яп. М. В. Торопыгиной. СПб.: Гиперион, 2007.

Михайлова Ю. Д. Мотоори Норианага: жизнь и творчество. М.: ГРВЛ, 1988.

Нихон рёики / Пер., комм. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995.

Нихон сёки. Анналы Японии / Пер., предисл. и комм. Л. М. Ермаковой (свитки 1–16) и А. Н. Мещерякова (свитки 17–30). СПб.: Гиперион, 1997.

Норито сэммё / Пер., исслед., комм. Л. М. Ермаковой. М.: Наука, 1991.

О:кагами. Великое зеркало / Пер., исслед., комм. Е. М. Дьяконовой. СПб.: Гиперион, 2000.

Повесть о братьях Сога. Сога моногатари. Литературные памятники древней Японии, X. / Пер. с яп., вступ. ст., комм. и исслед. В. А. Онищенко. СПб.: Гиперион, 2016.

Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари): В 2 ч. / Пер. с яп. Т. Л. Соколова-Делюсина. М.: Восточная литература, 1993.

Повесть о доме Тайра / Пер. И. Львовой. М.: Художественная литература, 1980.

Повесть о дупле (Уцухо-моногатари): В 2 ч. / Пер. с яп., прим. В. И. Сисаури. М.: Рипол Классик, 2004.

Прасол А. Ф. Объединение Японии. Ода Нобунага. М.: ВКН, 2015.

Прасол А. Ф. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. М.: Астрель, 2012.

Предания о дзэнском монахе Иккю по прозвищу «Безумное Облако» / Пер. с яп. В. А. Онищенко. СПб.: Гиперион, 2014.

Сайгё. «Горная хижина» Самое сокровенное. Сайгё — моногатари / Пер. с яп. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. СПб.: Гиперион, 2016.

Светлов Г. Е. Колыбель японской цивилизации. М.: Искусство, 1994.

Симонова-Гудзенко Е. К. Япония VII–IX веков. Формы описания пространства и их историческая интерпретация. М., 2005.

Сисаури В. И. Церемониальная музыка Китая и Японии. М.: СПбГУ, 2008.

Сисаури В. И. Японский роман X–XII вв. СПб.: Нестор-История, 2011.

Суровень Д. А. История древней Японии (сборник трудов). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011.

Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о цветке лотоса. Сутра о постижении деяний и дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость / Пер. и комм. А. Н. Игнатовича. М.: Ладомир, 1998.

Толстогузов А. А. Японская историческая наука: очерки истории. Проблемы изучения Средних веков и феодализма. М.: Восточная литература, 2005.

Толстогузов С. А. Сёгунат Токугава в годы Тэмпо. Антикризисная политика и реформы в Японии. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2013.

Тояма Сигэки. Мэйдзи исин. Крушение феодализма в Японии / Пер. с яп. М.: Изд-во Иностранная литература, 1959.

Трубникова Н. Н. «Различение учений» в японском буддизме IX в. Кукай (Кобо-Дайси) о различиях между тайным и явным учениями. М.: РОССПЭН, 2000.

Трубникова Н. Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли. М.: РОССПЭН, 2010.

Трубникова Н. Н., Бабкова М. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XIII–XIV вв. М.: РОССПЭН, 2014.

Федянина В. А. Покровитель словесности и воплощение бодхисаттвы: Сугавара Митидзанэ и ранняя история культа Тэндзин (IX–XII вв.). М.: Кругъ, 2014.

Филиппов А. В. «Стостатейные установления Токугава» 1616 г. и «Кодекс из ста статей» 1742 г.: право, общество и идеология Японии первой половины эпохи Токугава. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.

Щепкин В. В. Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII в. // Новые исследования по японской культуре. Кн. 4. М.: Кругъ, 2017.

Adolphson Mikael. The Gates of Power: Monks, Courtiers, and Warriors in Pre-modern Japan. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2000.

Berry Mary Elizabeth. Japan in Print: Information and Nation in the Early Modern Period. Berkeley: University of California Press, 2006.

Bodart Bailey Beatrice M. The Dog Shogun. The Personality and Policies of Tokugawa Tsunayoshi. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006.

Conlan Thomas. From Sovereign to Symbol: An Age of Ritual Determinism in Fourteenth-Century Japan. Oxford, UK: Oxford University Press, 2011.

Farris William Wayne. Japan to 1600: A Social and Economic History. Honolulu: University of Hawaii Press, 2009.

Henderson Dan Fenno. Village "Contracts" in Tokugawa Japan: Fifty Specimens with English Translations and Comments. Seattle: University of Washington Press, 1975.

Mass Jeffrey P. Yoritomo and the Founding of the First Bakufu: the origins of dual government in Japan. Stanford, California: Stanford University Press, 1999.

McKelway Matthew P. Capitalscapes, folding screens and political imagination in late Medieval Kyoto. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006.

Medieval Japan: Essays in Institutional History / John Whitney Hall and Jeffrey P. Mass (eds.). New Haven: Yale University Press, 1974.

Nenzi Laura. Excursions of Identity. Travel and the Intersection of Place, Gender and Status in Edo Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2008.

Ooms Herman. Tokugawa Village Practice. Class, Status, Power, Law. Berkeley, L.: University of California Press, 1996.

Ravina Mark. Land and Lordship in Early Modern Japan. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Rubinger Richard. Popular Literacy in Early Modern Japan. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007.

Sea Rovers, Silver and Samurai. Maritime East Asia in Global History 1550–1700 / Tonio Andrade and Xing Hang (eds.). Honolulu: University of Hawaii Press, 2016.

Stavros Matthew Gerald. Kyoto: an Urban History of Japan's Premodern Capital. Honolulu: University of Hawai'i press, 2014.

The Bakufu in Japanese History / Mass Jeffrey P., Hauser William B. (eds.). Stanford, California: Stanford University Press, 1985.

The Deshima Diaries. Marginalia 1700–1740 / Paul van der Velde, Rudolf Bachofner (eds.). Tokyo: The Japan-Netherlands Institute, 1992.

The East Asian War, 1592–1598: International Relations, Violence and Memory / Lewis James B. (ed.). L.: Routledge, 2015.

This Island of Japon: Joao Rodrigues' Account of 16th-Century Japan / Cooper Michael (trans. and ed.). Tokyo: Kodansha International, 1973.

Tokugawa Political Writings / Tetsuo Najita (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Totman Conrad. Early Modern Japan. University of California Press, 1995.

Traganou Jilly. The Tokaido Road. Travelling and Representation in Edo and Meiji Japan. N.Y. and L.: Routledge Curzon, 2004.

Vaporis Constantine Nomikos. Tour of Duty: Samurai, Military Service in Edo and the Culture of Early Modern Japan. Honolulu: University of Hawaii Press, 2008.

von Verschuer, Charlotte. Across the Perilous Sea: Japanese Trade with China and Korea from the Seventh to the Sixteenth Centuries. Ithaca, N.Y.: Cornell University East Asia Series, 2006.

War and State Building in Medieval Japan. John Ferejohn, Frances Rosenbluth (eds.). Stanford: Stanford University Press, 2010.

Wigmore John Henry. Law and Justice in Tokugawa Japan: Materials for the History of Japanese Law and Justice under the Tokugawa Shogunate 1603–1867. (19 Volumes). Tokyo: Kokusai Bunka Shinkokai, 1967–1986.

Период с 1868 г. до начала XXI в.

Бунин В. Н. Японо-американский союз безопасности: история и современность (к 50-летию со дня основания). М.: ИДВ РАН, 2000.

Верисоцкая Е. В. Вестернизация, национальная идея и реалии японской политики в эпоху Мэйдзи. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005.

ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. / Сост. Грант Адибеков, Харуки Вада и др. М.: РОССПЭН, 2001.

Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. Эпоха Мэйдзи. М.: Восточная литература, 1998.

Дауэр Джон У. В объятиях победителя / Пер. А. Г. Фесюн. М.: Изд. дом «Серебряные нити», 2017.

Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы / Сост. А. М. Фесюн. М.: Летний сад, 2000.

Дневники святого Николая Японского: В 5 т. СПб.: Гиперион, 2004.

Долин А. А. История новой японской поэзии в очерках и литературных портретах: В 4 т. СПб.: Гиперион, 2007.

Золотарев В. А., Соколов Ю. Ф. Трагедия на Дальнем Востоке. Русско-японская война 1904–1905 гг. Т. 1–2. М.: Animi Fortitudo, 2004.

Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг.: Сб. материалов к 100-летию со дня окончания войны / Авт.-сост. Е. М. Османов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005.

Инаба Чихару. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. М.: РОССПЭН, 2013.

Катасонова Е. Л. Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: Крафт+, 2003.

Катасонова Е. Л. Японцы в реальном и виртуальном мирах: Очерки современной японской массовой культуры. М.: Восточная литература, 2012.

Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. 1907–1929 гг.: Сб. документов. М., 2005.

Кистанов В. О. Япония в АТР. Анатомия экономических и политических отношений. М., 1995.

Ковалев С. И. Силы Самообороны Японии: Информационно-справочное издание. М.: Международные отношения, 2015.

Ковальчук М. К. Эволюция японского экспансионизма в Корее в 60–90-х гг. XIX в. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2005.

Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Японский национализм. Идеология и политика. М.: Международные отношения, 2012.

Куланов А. Е. В тени Восходящего солнца. М.: Вече, 2014.

Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М.: Наука, 1988.

Михайлова Ю. Д. Общественно-политическая мысль в Японии 60–80-х гг. XIX в. М.: Наука; ГРВЛ, 1991.

Молодяков В. Э. Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М.: Восточная литература, 1999.

Молодяков В. Э. Россия и Япония в поисках согласия (1905–1945). М.: АИРО-XXI, 2012.

Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б. Японское общество: книга перемен (полтора века эволюции). М.: ИВ РАН, 1996.

Москва—Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Кн. 1–2. М.: Наука, 2007.

Павлов Д., Петров С. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. / Документы сост. И. В. Деревянко. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1993.

Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян. Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. М.: Крафт+, 2004.

Портрет современного японского общества. М.: АИРО-XXI, 2006.

Прасол А. Ф. Японское образование в эпоху Мэйдзи. 1868–1912. Владивосток: Дальнаука, 2002.

Равина М. Последний самурай. М.: ЭКСМО, 2005.

Реформы современной Японии (1994–2006 гг.) / Ред. А. И. Сенаторов. М.: ИДВ РАН, 2008.

Россия и Япония: соседи в новом тысячелетии. М.: АИРО-XX, 2004.

Русско-японская война 1904–1905 годов: взгляд через столетие. М.: Три квадрата, 2004.

Саблина Э. Б. 150 лет православия в Японии: История Японской православной церкви и ее основатель святитель Николай. М.; СПб.: АИРО-XXI, 2006.

Савельев И. Р. Японцы за океаном. История японской эмиграции в Северную и Южную Америку. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997.

Сафонов В. П. Война на Тихом океане. М.: МППА «БИМПА», 2007.

Семин А. В. Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX — начало XXI века). М.: ИДВ РАН, 2008.

Сенаторов А. И. Политические партии Японии (1945–1992). М.: Восточная литература, 1995.

Сигэнори Т. Воспоминания японского дипломата. М.: Новина, 1996.

Славинский Б. Н. СССР и Япония — на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945. М.: ЗАО «Япония сегодня», 1999.

Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период. М.: МАКС Пресс, 2002.

Стрельцов Д. В. Современный японский парламент. М.: Наука, 1994.

Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования. М.: ИВ РАН, 2016.

Ханин З. Я. Парии в японском обществе: Очерк социальной истории XVII–XIX вв. М.: Наука, 1980.

Чегодарь Н. И. Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами. М.: Восточная литература, 2004.

Черевко К. Е., Кириченко А. А. Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М.: МППА БИМПА, 2006.

Япония без предвзятостей / Ред. В. Б. Рамзес. М.: Изд-во «Япония сегодня», 2003.

Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Отв. ред. Д. В. Стрельцов. М.: Восточная литература, 2009.

Япония и глобальные проблемы человечества / Отв. ред. В. Б. Рамзес. М.: Восточная литература, 1999.

Япония после смены власти / Отв. ред. Д. В. Стрельцов. М.: Восточная литература, 2011.

Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы / Отв. ред. А. И. Кравцевич. М.: Восточная литература, 1998.

Япония: консервативный поворот / Рук. проекта Э. В. Молодякова. М.: АИРО-XXI, 2015.

Япония: полвека обновления / Ред. В. Б. Рамзес. М.: Толк, 1995.

Японский калейдоскоп / Ред. В. Б. Рамзес. М.: Восточная литература, 2006.

A New Japan for the Twenty-First Century: An Inside Overview of Current Fundamental Changes and Problems / Rien T. Segers (ed.). Abingdon, Oxon: Routledge, 2008.

Benesch Oleg. Inventing the Way of the Samurai: Nationalism, Internationalism, and Bushido in Modern Japan. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Berton Peter. Russo-Japanese Relations, 1905–1917: From Enemies to Allies. N.Y.: Routledge, 2012.

Bix Herbert P. Hirohito and the Making of Modern Japan. N.Y.: Harper-Collins, 2000.

Dickinson Frederick R. The World War I and the Triumph of a New Japan, 1919–1930. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

Doak Kevin M. A History of Nationalism in Modern Japan: Placing the People. Leiden: Brill, 2007.

Duus Peter. Party Rivalry and Political Change in Taisho Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968.

Hata Ikuhiko. Hirohito. The Showa Emperor in War and Peace. Folkestone: Global Oriental, 2007.

Huffman James L. Modern Japan: A History in Documents. N.Y.: Oxford University Press, 2004.

Japan in Decline: Fact or Fiction? Purnendra Jain, Williams Brad (eds.). Folkestone: Global Oriental, 2011.

Kajima Morinosuke. The Emergence of Japan as a World Power, 1895–1925. Rutland; Tokyo: Charles A. Tuttle, 1968.

Meiji Japan Through Contemporary Sources. (3 Volumes). Tokyo: Centre for East Asian Cultural Studies, 1969–1972.

Nish Ian. The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires 1894–1907. 2nd ed. L.; Dover, N.H.: Athlone Press, 1985.

Okamoto Shumpei. The Japanese Oligarchy and the Russo-Japanese War. N.Y. & L.: Columbia University Press, 1970.

Schimmelpenninck van der Oye, David. Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan. Northern Illinois University Press, 2006.

Sims Richard. Japanese Political History Since the Meiji Renovation 1868–2000. L.: Hurst, 2001.

Stephan John. The Kuril Islands. Russo-Japanese Frontier in the Pacific. Oxford: Clarendon Press, 1974.

Stewart Lone. Army, Empire and Politics in Meiji Japan. The Three Careers of General Katsura Taro. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2000.

The Culture of Japanese Fascism / Tansman Alan (ed.). Durham and L.: Duke University Press, 2009.

The Japanese Colonial Empire, 1895–1945 / Myers R.H. and Peattie M.R. (eds.). Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1984.

The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero. Vol. I–II / Ed. by John W. Steinberg, Bruce W. Menning, David Schimmelpenninck van der Oye, David Wolff and Shinji Yokote. Leiden, 2005–2007.

Young Louise. Japan's Total Empire. Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1998.

Справочники и энциклопедии

Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1959 по 1973 г. М.: Наука, 1984.

Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1734 по 1917 г. М.: Наука, 1965.

Библиография Японии. Литература, изданная в Советском Союзе на русском языке с 1917 по 1958 г. М.: Наука, 1960.

Боги, святилища, обряды Японии: Энциклопедия синто / Ред. И. С. Смирнов. М.: РГГУ, 2010.

Япония от А до Я. Популярная иллюстрированная энциклопедия. М.: ЗАО «Япония сегодня», 2001.

Japan's Foreign Policy, 1868–1941 a Research Guide / Morley James William (ed.). N.Y.: Columbia University Press, 1974.

William M Tsutsui. A Companion to Japanese History. Wiley-Blackwell, 2007.

Периодические издания

Актуальные проблемы современной Японии (ежегодник, 1986 — настоящее время).

«Знакомьтесь — Япония» (ежеквартальный журнал, 1993–2009).

История и культура традиционной Японии. Вып. 1–10 / Сборники материалов ежегодной Международной конференции «История и культура Японии», проходящей в РГГУ (Москва).

Япония. Ежегодник (1972 — настоящее время).

Япония наших дней (ежеквартальный сборник, 2009–2015).

Японский опыт для российских реформ (ежеквартальный сборник, 1996–2007).

Япония: путь кисти и меча (журнал, 2002–2004).

«Японские исследования» (электронный ежеквартальный журнал, с 2016 г. — по настоящее время).

История отечественного японоведения

Алпатов В. М. Языковеды, востоковеды, историки М.: Языки славянских культур, 2012.

Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М.: ГРВЛ, 1978.

История отечественного японоведения в портретах / Ред.-сост. Н. Ф. Лещенко. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2016.

Марахонова С. И. Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения. СПб.: СИНЭЛ, 2016.

Николай Невский: жизнь и наследие: Сборник статей / Сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев и В. В. Щепкин. СПб.: Филолог. фак-т СПбГУ, 2013.

Полвека в японоведении: Сборник статей и очерков. МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, ОСИПЛ, выпускники японской группы 1968 г. / В. М. Алпатов и др. М.: МОНОГАТАРИ, 2013.

Пути развития востоковедения на Дальнем Востоке России: Сборник статей и библиография / Сост. А. С. Дыбовский. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2014.

Российские востоковеды. Страницы памяти / Под ред. Н. Ф. Лещенко. М.: Муравей, 1998.

С. Г. Елисеев и мировое японоведение: Материалы международной научной конференции. М.: Япония сегодня, 2000.

Слово об учителях. Московские востоковеды 30-х — 60-х годов. М.: ГРВЛ, 1988.

Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / Ред. Д. В. Стрельцов. М.: АИРО-XXI, 2015.

Сведения об авторах

Лешенко Нелли Федоровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН

Мещеряков Александр Николаевич — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Полхов Святослав Александрович — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН

Родин Степан Алексеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета

Стрельцов Дмитрий Викторович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения и профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН

Шулатов Ярослав Александрович — кандидат исторических наук, PhD, преподаватель университета Кобэ (Япония)

Учебное издание

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

Учебник

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 37,0.

Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru

Тел.: (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8(499)270-73-59